Министерство образования и науки Российской Федерации
Администрация Главы и Правительства Республики Бурятия
Министерство образования и науки Республики Бурятия
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления»
Факультет экологии, сервиса, технологии и дизайна

СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(к 100-летию революционных событий в России
и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции)

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Улан-Удэ
2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Администрация Главы и Правительства Республики Бурятия
Министерство образования и науки Республики Бурятия
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления»
Факультет экологии, сервиса, технологии и дизайна

СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(к 100-летию революционных событий в России
и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции)

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Улан-Удэ
Издательство ВСГУТУ
2017

УДК 94(571.5)”1917”

Печатается по решению редакционно-издательского совета Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

Научный редактор
Л.В. Курас, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия
Л.Б. Жабаева, д-р ист. наук, профессор (отв. ред.)
В.Л. Кургузов, д-р культурологии, профессор
В.И. Антонов, д-р филос. наук, профессор
М.А. Харитонов, канд. ист. наук

Рецензенты
Д.К. Чимитова, д-р ист. наук, профессор
Г.Д. Базарова, канд. ист. наук, доцент

СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. - 312 с.

ISBN 978-5-89230-942-4

В сборник вошли научные статьи преподавателей вузов, представителей академического сообщества, аспирантов Российской Федерации и зарубежья. Исследования освещают революцию 1917 г. и социально-экономическую и общественно-политическую жизнь Сибири в первой трети XX в., влияние событий Первой мировой войны на экономику и политическую жизнь Сибири, проблемы Гражданской войны и иностранной военной интервенции в восточных районах России, особенности национально-государственного строительства, развитие культуры и образования в первые послереволюционные годы, а также проблемы национального диалога и согласия в Республике Бурятия.

Сборник предназначен студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам и всем интересующимся историей Великой российской революции, историей Бурятии и Сибири.

ISBN 978-5-89230-942-4

© ВСГУТУ, 2017

Секция 1. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

В.Л. Кургузов, д-р культурологии, канд. ист. наук,
профессор, e-maill: vkurguzov@rambler.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94 (470+571)

1917 – 2017: РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Приближается юбилей выдающегося события XX в. в истории человечества – 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции, которая нанесла мировой системе капитализма, хотя и не смертельную, но серьезную рану, от которой по законам конвергенции он уже не оправится никогда. Современный капитализм, который существенно реформировался под воздействием Октябрьской революции, установления социализма в других странах уже никогда не вернет себе того «равновесия» и той «устойчивости», которым он обладал до Октября. 100-летний юбилей этого события – хорошая возможность напомнить о его всемирно-историческом значении.

Ключевые слова: *Октябрь, Россия, революция, народ, большевики, буржуазия, интервенция, история.*

V.L. Kurguzov, Dr. in Culturology, Ph.D. in History,

1917 - 2017: THE REVOLUTION'S HERITAGE AND THE PRESENT TIME

Here is forthcoming the anniversary of the outstanding event of the 20th century in the history of the mankind, the 100th jubilee of the Great October Socialist Revolution, which inflicted though not a fatal but a serious injury to the world capitalist system, from which, according to the laws of convergence, it will never recover. The contemporary capitalism, which has been substantially reformed under the impact of the October Revolution and the establishment of socialism in other countries, will never get back to that "balance" and "stability" that it had had before the October. The 100th anniversary of this event is a good opportunity to remind about its world-wide historic importance.

Key words: *October, Russia, revolution, people, Bolsheviks, the bourgeoisie, intervention, history.*

Время отсчитало ровно 100 лет со дня свершения Великой Октябрьской социалистической революции в России, величайшего события XX в., события, которое, не потеряло своего величия и в наши дни, в условиях постсоветского периода истории. Более того значение революции 1917 г. сегодня возрастает и притягивает к себе внимание не только политиков, ученых-историков, но и простых людей, которые в своих повседневных заботах не устают задавать себе вопросы: «Что дала нам, россиянам, Октябрьская революция?», «Что мы потеряли?» Не утратив своей исторической памяти о советском периоде истории, мы задемся вопросами: «Зачем? Почему?» и тем самым имеем возможность сравнить любые аспекты социальной жизни в современной России с ценностями советской действительности.

Что такое революция вообще? Коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому, проявление одной из важнейших закономерностей диалектического развития природы, общества и мышления. *Социальная* же *революция* – это переход от отжившей общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной переворот в общественном и политическом строе, в развитии производительных сил и производственных отношений.

Основным вопросом любой революции является *переход государственной власти в руки нового, революционного класса.* Все революции совершаются либо насильственным, немирным путем – в ходе вооруженного восстания эксплуатированных и угнетенных классов, Гражданской войны либо относительно мирными средствами. Революция – это высшая форма борьбы классов в достижении своих интересов.

Разобравшись с вопросом общего порядка, перейдем к частностям и уточним для себя «*Что такое революция 1917 года?»* И здесь, как, совершенно справедливо утверждает современный историк С. Кара-Мурза, «…каждый человек должен приложить некоторые усилия для того, чтобы вспомнить важную вещь, от которой отвлекают нас современные российские историки либерального толка: слом жизнеустройства царской России и ее государственности произошли не в *октябре*, а в *феврале*

1917 г. Царя свергли не столько большевики, сколько генералы и стоящие за ними масоны-западники. Так что, когда кинорежиссер и депутат Госдумы С. Говорухин плачется о «России, которую мы потеряли», но при этом проклинает большевиков, а не истинных разрушителей, то он или лицемер, или марионетка современных манипуляторов, но в любом случае, – утверждает Кара-Мурза, – человек, не знающий азов российской истории» [1, с. 212].

На первый взгляд, такой вывод историка не вызывает никаких возражений, ибо Февральская революция, действительно, революция западников, и главный ее смысл в расчистке поля для ***финансово-торгового капитала***. В таком же контексте, видимо, надо рассматривать и предшествующее убийство в киевском театре премьер-министра Столыпина, ибо после его земельных реформ Россия заполонила мировые рынки дешевым зерном, которое стало костью в горле, прежде всего, у американских и канадских фермеров. Вот почему, по определению С. Кара-Мурзы, Февральская революция – это «первая революция чубайсов и гайдаров», – хотя социалистические лозунги в ней выкрикивались обильно» [2].

Этот вывод подтверждает и сторонний наблюдатель, русский писатель М. Пришвин, живший во время этой революции на своем хуторе. 11 марта 1917 г. он записал в своем дневнике: «Евреи-банкиры радуются, плачут – смеяться они, как вообще евреи, не могут, но плачут – если бы они думали, что революция – это торжество социалистов, то чего бы им радоваться?» [3, с. 34].

Наверное, все это и привело Кара-Мурзу к надуманному, на наш взгляд, последующему выводу о том, что «… большевики вообще не принимали в Февральской революции никакого участия. Тем более, если учесть, что Ленин в это время был в Швейцарии и как реальный политик он вышел на арену в России лишь в апреле 1917 г. со своими знаменитыми апрельскими тезисами» [4, с. 212].

Такое утверждение лишено, на наш взгляд, реального смысла, ибо оно приводит к убеждению, что миллионы рабочих России, авангардом которых и являлась партия большевиков, которые во время крушения самодержавия сидели на лавочке и лузгали семечки. Стоит посмотреть только цифры стачечного рабочего движения России той поры, авангардом которого как раз и являлась партия большевиков, чтобы убедиться в том, что рабочий класс России был одним из самых последовательных классов, явно заинтересованным в свержении самодержавия и власти заводчиков и банкиров. А что касается крестьян, то именно в помещичьем землевладении, как оплоте самодержавия, они видели основную причину перманентной нужды и голода.

Вывод Кара-Мурзы нам представляется ошибочным в принципе. Рабочий класс России, руководимый партией большевиков под лозунгом: «Долой самодержавие! Вся власть Советам!» *принимал самое активное участие в февральской буржуазно-демократической революции*. Это, в частности, подтверждают и представители самой буржуазии. Если бы это было не так, то как бы рабочий класс России сумел «созреть» буквально за полгода и победоносно завершить Октябрьскую революцию? Ошибочность подобного взгляда современных российских историков на революцию февраля 1917 г. подтверждают и выводы буржуазной прессы тех лет.

Разве случайно то, что еще не просохли чернила на подписи Михаила Романова, удостоверяющей его отказ «воспринять верховную власть», переданную ему отрекшимся Николаем II, как буржуазная пресса развернула пропагандистскую кампанию, стремясь убедить массы в том, что *Февральская революция* была революцией *всех классов*, революцией «единодушной». «Все участвовали в этой революции, – писал, например, кадет князь Е. Трубецкой, – все ее делали: и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство…» [5, с. 3].

А что из этого следует? Прежде всего то, что монархической контрреволюции в России в тот период как бы не существовало вообще, а посему – ничто больше не угрожало завоеваниям Февраля. Сторонники царизма, как позднее уверял А. Керенский, представляли собой лишь «пыль», оставленную рухнувшим зданием царизма.

К сожалению, либеральные историки в современной России, на мой взгляд, вполне сознательно не замечают того, что газета большевиков «Правда» уже в первые революционные дни разоблачала эту буржуазно-либеральную ложь об окончательной гибели самодержавия. «Силы старой власти, – писала она, – падают, но они еще не добиты. Они только притаились и ждут удобного случая для того, чтобы поднять голову… Оглянитесь кругом, и вы увидите, что темная работа черных сил идет непрерывно…» [6].

Пропагандистская версия о послефевральском «исчезновении» монархистов с течением времени трансформировалась в историческую концепцию, получившую довольно широкое распростра-

нение не только в белоэмигрантской литературе. Лишь некоторые ее представители признавали проявления монархистско-реставрационных тенденций, но отнесли их главным образом к белогвардейщине эпохи Гражданской войны [7, с. 25, 44].

Поскольку белоэмигрантская историческая и мемуарная литература долгое время питали западную буржуазную историографию (а сегодня они обильно питают историков либерального толка современной России), то и в ней до сих пор превалирует тезис, согласно которому в антисоветском (даже белогвардейском) лагере практически никто не стремится к восстановлению монархии. А что из этого следует? А следует то, что в результате игнорирования фактора буржуазно-помещичьей ретроспективы**,** *победа Октября и Советской власти в Гражданской войне выглядит как торжество большевистского «тоталитаризма» над «либерализмом» и «демократизмом».*

Между тем известно, что один из важнейших итогов Великого Октября, как раз и состоит в том, что, проделав свою основную работу, он попутно (по выражению Ленина – «походом», «мимоходом») завершил общедемократические преобразования, защитил их от угрозы ликвидации буржуазно-помещичьей контрреволюцией и поднял на качественно новый уровень советской демократии.

Еще в 1918 г. один из первых советских историков М.Н. Покровский писал, что после Февраля 1917 г. «…царский режим был физически и психологически так близок от «нового» (речь идет о режиме Временного правительства. – *К.В.*), из-под красной рубашки свежевыкрашенной республики так еще явственно сквозила черно-бело-желтая царская грунтовка, что обратная перекраска была легче легкого. И если бы не Октябрь, Николай или Михаил прочно сидели бы уже теперь снова в Зимнем дворце…» [8, с. 41].

Удовлетворила ли Февральская революция всех граждан России? Конечно, нет! Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: к осени 1917 г. крестьянскими беспорядками, бунтами были охвачены 91 % уездов России. Для крестьян национализация земли стала единственным средством прекратить войну на меже при переделе земли. Даже из дневника того же М. Пришвина видно, что тотальная Гражданская война началась не в 1918 г., а именно летом 1917 г. К середине 1918 г. она лишь разгорелась из-за нежелания Временного правительства решить земельный вопрос [9].

На наш взгляд, С. Кара-Мурза приходит к ошибочным утверждениям и о том, что Февральская революция сразу же победила *полностью* и *окончательно.*

Такой ригористический вывод вовсе небезупречен, ибо по логике приводит нас к другому выводу о сомнительной целесообразности свершения Октябрьской социалистической революции. Кара-Мурза сетует на то, что «…наше родное телевидение сумело за короткий срок вышибить из сознания граждан страны то, что революция в России в феврале победила полностью, окончательно». При этом он ссылается на мнения таких авторитетов, как философ и публицист В.В. Розанов и видный масон, соратник Керенского В.Б. Станкевич. Первый утверждал, что царская Россия «слиняла в два дня». А Станкевич писал в своих мемуарах о том, что возникло после свержения самодержавия: «Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка и в городах, и в провинции. И полицейскую, и военную, и власть самоуправлений» [10].

При этом Кара-Мурза выдвигает ничем не подкрепленный вывод о том, что… «Ленину вообще не пришлось бороться с монархистами, их, как реальной силы, уже просто не существовало. Их смыла волна революции. Борьба при Ленине шла не между большевиками и «старой Россией», а между разными отрядами *революционеров*. Гражданская война была войной *«Февраля»* с *«Октябрем»***.** Против большевиков стояли тогда березовские и собчаки начала века вместе с кровавым мясником эсером Б. Савинковым. Тут, надо признать, нам основательно подгадила наша советская пропаганда, которая сделала из слова «революция» священный символ и представляла всех противников Ленина «контрреволюционерами» [11].

Если уж, по мнению этого историка, всех монархистов «смыла волна революции», то против кого же тогда целых четыре года шла кровопролитная Гражданская война на просторах России от Балтики до Тихого океана, от Белого до Черного морей? С тенью?

Под какими, не монархическими ли**,** знаменами шли против советской власти войска Деникина и Врангеля, Юденича и Колчака, многочисленные банды атаманов Семеновых, Колмыковых, Красновых, Шкуро, Дутовых и пр.? Увы, все не так просто! Монархистов в России и после свержения царизма было более чем достаточно. И современным историкам не стоит выдавать желаемое за действительное. Разве не симптоматично то, что толпы российских эмигрантов из совершенно разных буржуазных и мелкобуржуазных партий в эмиграции все, как правило, стали консолидироваться под монархическими знаменами, напрочь забыв о своих политических разногласиях. Чтобы убедиться в

этом, достаточно прочитать обильную литературу наших эмигрантов от Парижа во Франции и Харбина в Китае, все политические «посиделки» которых всегда заканчивались гимном «Боже, царя храни…»

Вместе с тем, можно полностью согласиться с выводом Кара-Мурзы о том, что «Большевики, как вскоре показала сама жизнь, выступили в некоторой роли реставраторов убитой Февралем Российской империи, хотя и под другой оболочкой» [12]. Кстати, этот вывод историка был в разные времена признан даже противниками большевиков, включая не только монархиста Шульгина, председателя Временного правительства, эсера Керенского, но даже царского генерала Деникина, которые усматривали в СССР признаки бывшей Российской империи.

Еще один штрих, который нельзя не заметить в освещении темы 100-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции.

Меня в данном случае не только удивляет, а поражает странная слепота отдельных историков постсоветской России, которые просто помешались на тезисе о пролитой невинной крови во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г.

Зачем, спрашивается, морочить людям головы о каких-то мифических сотнях и даже тысячах погибших во время штурма Зимнего дворца? (Вот какие кровожадные большевики – погубили тысячи людей!) Зачем, с какой целью дурачить граждан, о каком-то залпе крейсера «Авроры» по зданию Зимнего дворца, когда погибших солдат при этом штурме даже не сотни, а единицы. И, даже мальчишки знают, что если бы крейсер «Аврора», стоящий в сотнях метров от Зимнего дворца, выстрелом своих орудий главного калибра дал бы залп по Зимнему дворцу – от него бы не осталось камня на камне. Однако именно к таким выводам приходит ярый апологет ельцинского режима историк И.Г. Мельников в своей брошюре: «Петроград. Октябрь – 17-го» [13, с. 45].

Вместе с тем, как отмечает д-р ист. наук, гл. науч. сотрудник Института российской истории РАН В. Булдаков, в ходе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде погибло немногим более 300 человек. Помимо этих жертв в их числе оказались еще и десятки офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе, некоторых из которых просто забили до смерти. В Твери восставшими был убит губернатор…

Современные историки либерального толка, где надо и не надо проводят параллели Октябрьской революцией 1917 г. с действительно кровавой революцией во Франции. Там, как известно, гильотина работала без остановки. Мало того, либерал-демократы продолжают восхищать нас целями и лозунгами Великой Французской революции.

Между тем, в новейшее время грандиозное смешение Добра и Зла как раз и началось со времен Французской революции, ибо именно тогда возник патологический лозунг «Свобода. Равенство. Братство», соединивших, на мой взгляд, три совершенно несовместимых понятия. С этого времени цивилизованное человечество (тем более российские либерал-демократы всех мастей) заболели болезнью Алисы в Зазеркалье, перестав понимать, где правда, а где кривда.

На классическую традиционную категорию *свободы* навесили то, к чему она никогда не имела никакого отношения. Свобода с древнейших времен – это, прежде всего, свобода выбора, свобода в индивидуальности, в непохожести, в неповторимости, возможности пройти свой путь, но совершенно очевидно, что в условиях *равенства* этого не может быть. Когда все равны в желаниях и возможностях, правах и обязанностях, когда все стремятся занять вашу же экологическую нишу, когда все считают вас равным себе, и принуждают поступать так же, о какой свободе вообще может идти речь?

Следуя законам формальной логики, выходит, что Свобода – это, как раз Неравенство. Именно так и понимали свободу все традиционные общества. Это свобода быть царем или жрецом, воином или пахарем. В связи с этим мне трудно не согласиться с логикой московского философа В.Б. Авдеева, который утверждает, что: «…любая форма равенства искореняет свободу, равенство не терпит разных, ему нужны одинаковые, в этом его объединяющая суть, и только неравные свободны каждый по-своему … Свобода – это не только любить, но и свобода ненавидеть, эта свобода выбирать себе друзей и идеалы по своему усмотрению» [14, с. 76].

С братством все обстоит еще хуже. «О какой свободе, – задается вопросом В.Б. Авдеев, – может идти речь, когда всех дефективных гадких, извращенных и просто несимпатичных мне людей я должен считать братьями?» [15]. Этот вопрос вполне логичен. Ну, хотя бы потому, что братья всегда имеют разный возраст, кто-то из них младше или старше, и кто-то кому-то неминуемо должен подчиняться по старшинству. Здесь также нет, и не может быть никакого равенства. А если же это не родные братья, а двоюродные или троюродные, то они и вовсе не равны вам по крови.

Лозунг парижских коммунаров «Свобода. Равенство. Братство», хотя и выдвигался в ходе Февральской и Октябрьской революции 1917 г., но крайне редко, никогда не становясь ведущим. Ведущими лозунгами тех лет были: «Вся власть Советам!» и «Пролетарии всех стан соединяйтесь». И мне представляется, что они не потеряли своей актуальности и в наши дни, не смотря на свершившуюся научно-техническую революцию и мощное воздействие процессов глобализации практически на все социальные процессы жизнедеятельности человечества.

Говоря о лозунгах любой революции, не следует забывать, что они являются порождением теории. А социальные теории бывают не только верные, но и ошибочные и даже порочные.

Я не имею возможности говорить здесь о многочисленных искривлениях теории марксизма-ленинизма в практике социалистического строительства в нашей стране, хотя в 100-летний юбилей Октября это было бы вполне уместно. Сознательно или несознательно эти ошибки допускали все, даже сам Ленин.

Вспомним хотя бы его известные слова о том, что «…нам надо изменить все свои взгляды на социализм», который он произнес при вынужденном переходе к НЭП, когда прогноз на дальнейшее продвижение социалистических революций в Европе не подтвердился, и нам предстояло строить социализм в сплошном капиталистическом окружении.

Однако Ленин не боялся признавать своих ошибок. Немало ошибок истории строительства социализма допускал и Сталин, причем, «ошибок» грубых и даже кровавых. Эти ошибки вскрывал уже Хрущев на XX съезде КПСС в 1956 г. Хотя многих ошибок не избежал и он сам. Одна ликвидация отраслевых министерств и замена их совнархозами, создание по всей стране городских и сельских комитетов партии чего стоит.

Меньше всего, как мне представляется, совершил ошибок Л.И. Брежнев, но зато совершил такую роковую ошибку в партийном строительстве, которая многого стоит.

Выступая в 1966 г. на XXIII съезде КПСС, он посетовал на то, что коммунистическая партия – это партия прежде всего рабочего класса, но его прослойка в КПСС очень незначительна. К каким роковым последствиям это приведет потом, он, наверное, не думал. Сказано – сделано. И по всей стране ударническими темпами стали принимать в КПСС исключительно рабочих. Чтобы с искренним стремлением человека стать коммунистом, в то время нужно было пройти многолетнее ожидание.

В те годы автор статьи работал преподавателем истории КПСС в институте культуры. Прецедент был в том, что я не был коммунистом. И это несмотря на то, что мой отец был большевиком с 1922 г., а старший дядя, бывший балтийский матрос С.С. Кургузов, был членом ленинской партии с 1907 г. – года поражения Первой русской революции, когда за принадлежность к этой партии каралась «столыпинским галстуком», т.е. виселицей. Мой наставник, бывший министр просвещения Бурятии, ветеран Великой Отечественной войны, профессор С.С. Бадмациренов несколько раз ходил в райком КПСС, убеждая его секретарей в том, что на этой кафедре должен работать только член партии. Наконец, его просьба была удовлетворена, я вступил в ряды КПСС и более того, в 1972 г. был избран секретарем по идеологии этого же райкома партии.

Работая в этой должности, я вольно или невольно множил, как и все другие секретари райков КПСС страны, на практике реализовал вывод Брежнева о малой прослойке рабочего класса в составе КПСС. Этот неверный посыл объективно отталкивал от партии учителей и врачей, ученых и деятелей искусств – грамотных и именитых людей, которые могли бы существенно повысить авторитет партии в глазах миллионов. Однако их в партию «не пускали». Им приходилось ждать своей очереди годами. Сам же прием в партию проходил рутинно. Вступающим, как правило, задавали одни и те же вопросы: «Как выполняешь производственный план?», «Ведешь ли общественную работу?», «Не нарушаешь ли общественный порядок?» и т.д.

Никто не спрашивал главного, как вступающий освоил *марксистко-ленинскую теорию*? Предан ли он идеям коммунизма вообще?

Каков же итог этой ошибки? Он плачевен. Партия, хотя и значительно выросла *количественно,* но потеряла свой *качественный,* интеллектуальный потенциал и, как следствие, *потеряла авангардную* роль в обществе. Численность партии при Брежневе достигла астрономической цифры – 18 млн. человек! При этом основательно был забыт завет Ленина: о том, что «…партия сильна не количеством своих членов, а степенью влияния на массы».

Серьезный удар по партии нанес Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев, который, на мой взгляд, не знал даже азов ленинской теории, когда всю страну погрузил в водоворот не назначения, а *выборности* руководителей предприятий и организаций. Игра в «демократию» началась! После этой инициативы с постов были смещены тысячи опытных руководителей заводов, фабрик и учреждений.

Риторически звучит вопрос: «Разве в этих условиях рабочие во всех случаях отдавали предпочтение тем руководителям, которые боролись с нарушителями трудовой дисциплины, всякого рода «несунами», лодырями и пьяницами?». Далеко не всегда! Чаще всего руководителями становились, как раз те, кто, сквозь пальцы смотрели на эти нарушения. Так мы лишились квалифицированных кадров – руководителей заводов, фабрик, колхозов и совхозов. В стране сначала начался вселенский грабеж: «Тащи все, что сможешь унести!», а затем полный развал дисциплины, не только производственной, но и партийной, государственной и правовой.

Ну, а результат был плачевен. Когда к власти пришла контрреволюция во главе с ренегатом партии, маниакальным карьеристом Ельциным, который, будучи еще вторым секретарем Свердловского обкома КПСС, после выпитой бутылки водки, по свидетельству очевидцев, огорченно вздыхал и говорил: «Да, наверное мне никогда не быть первым секретарем обкома», ни один рабочий-коммунист не пришел на улицу с лозунгом: «Руки прочь от моего родного райкома КПСС». Во всяком случае, мне неизвестен ни один такой случай.

Вот как ошибки в теории бьют по социальной и политической практике. Поэтому, я убежден, что главная причина устранения КПСС от власти не в численности псевдо-коммунистов, карьеристов или контрреволюционеров (хотя и это сбрасывать со счета не стоит), а в *теоретической рыхлости* самой партии, забвении того, что по мысли Ленина любая теория – это *«не догма, а руководство к действию».* КПСС, по сути дела, добровольно без всякого сопротивления сложила с себя обязанности авангарда советского общества. История таких ошибок не прощает…

Если бы сегодня Ленин вышел из мавзолея и поговорил с нынешними коммунистами, он бы сильно удивился тому, насколько далеки они от провозглашенных в 1917 г. идей диктатуры пролетариата и мировой революции. Он был бы поражен тем, что современные коммунисты находят свое место и среди капиталистов (в том числе и олигархов), и среди «торгашей», и среди банкиров, и со свечкой в церкви.

Поэтому далеко неслучайно, что сегодня КПРФ крайне неохотно говорит о социальном составе партии и по существу перестала быть защитником каких-то конкретных социальных слоев. Во всяком случае, я не заметил ни одного руководителя КПРФ среди бастующих водителей большегрузов, среди фермеров, протестующих против захвата земель, среди работяг, требующих своевременной выплаты зарплаты.

Не заметна роль КПРФ и в профсоюзном движении, которое в свою очередь стало полным придатком государства, и российские профсоюзы сегодня очень далеки от защиты прав трудящихся. Международные контакты КПРФ (Китай, Куба, Никарагуа, Вьетнам и др.) сведены к минимуму. В сегодняшней России мало кто вспоминает о некогда важнейших для марксизма-ленинизма понятиях «пролетариат», «трудовое крестьянство», «трудовая интеллигенция». Получается так, что население России размежевывается сегодня не по *классовым* признакам, а по уровню *доходов, образования, сфере занятности*. А посему КПРФ, на мой взгляд, вопреки заклинаниям, перестала быть защитником каких-то конкретных социальных слоев.

Правда, чтобы сохранить политически прибыльное звание оппозиции, КПРФ, получая дотации от государства, время от времени мягко «поцарапывает» власть, и даже грозится вывести людей на улицы. На самом же деле лидеры КПРФ как огня бояться неконтролируемых шествий. В сущности, сегодня КПРФ является частью кремлевского набора политических инструментов, с помощью которых власть поддерживает социальную стабильность в обществе.

Утешительным осталось лишь то, что, на февральской пресс-конференции 2017 г., посвященной выходу в свет книги председателя КПРФ Г.А. Зюганова о революции 1917 г., было заявлено, что *Компартия объявляет себя преемницей не только Октябрьской революции 1917 г., но и всей российской государственности, вершиной которой является Советская власть.* А нынешнюю ситуацию в России коммунисты не без оснований называют тупиковой.

Библиография

1. Кара Мурза С. Советская цивилизация от начала до Великой победы. – М.: Алгоритм, 2002. – 328 с.
2. Указ соч.
3. Пришвин М.М. Дневник // Московский рабочий. – 1995–1999. – 248 с.
4. Кара-Мурза С. Указ соч.
5. Цит. по: Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
6. «Правда». – Петроград, 1917. – 14 марта.
7. См., например: Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. – Париж, 1926. – С. 42; Головин Н.Н. Российская контрреволюция 1917-1918 гг. – Ч. 1, кн. 1. – Таллин, 1937. – С. 25, 44.

8. История освобождения России. – М., 1918.
9. Пришвин М.М. Указ соч. – С. 59.
10. Кара-Мурза С. Указ. соч. – С. 213.
11. Там же.
12. Там же.
13. Мельников И.Г. Петроград: Октябрь 17-го: брошюра. – СПб., 1997.
14. Авдеев В.Б. Метафизическая антропология. – М., 2002.
15. Там же.

Bibliography

1. Kara Murza S. The Soviet Civilization from the Beginning up to the Great Victory. – M.: Algorithm, 2002. – 328 p.
2. Ibid.
3. Prishvin M.M. The Diary // Moscow worker. – 1995–1999. – 248 p.
4. Kara Murza S. Ibid.
5. Citing Ioffe G.Z. The Russian Monarchist Counter-Revolution Collapse. – M.: Science, 1977. – 320 p.
6.«The Truth». – Petrograd, 1917. – March, 14.
7. See, for example: Mielukov P.N. Russia is at the break. Vol. 2. – Paris, 1926. – P. 42, Golovin N.N. The Russian counter-revolution from 1917–1918. – P. 1, Book 1. – Tallin, 1937. – P. 25, 44.
8. Russia Liberation History. – M., 1918.
9. Prishvin M.M. Ibid. – P. 59.
10. Kara Murza S. Ibid. – P. 213.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Melnikov I.G. Petrograd: October of 1917: Brochure. – SPb., 1997.
14. Avdeev V.B. Metaphysical anthropology. – M., 2002.
15. Ibid.

В.А.Василенко, канд. ист. наук, доц.
Иркутский государственный университет
Ю.В. Кузьмин, д-р ист. наук, проф.
Байкальский государственный университет
В.В. Куфтарева, аспирант
Иркутский государственный университет
г. Иркутск

УДК 94:327(470/517)”19/…”

МОНГОЛИЯ И РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ХАРАКТЕР ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В НАЧАЛЕ XX в.

Представлены оценки русско-монгольских отношений начала XX в. российскими социал-демократами, дана критическая характеристика правительственной политики России и оценка деятельности русских торговцев, предпринимателей в Монголии.

Ключевые слова: *Монголия, русско-монгольские отношения, РСДРП(б), меньшевики, империализм, оценки социал-демократов, русские торговцы в Монголии.*

V.A. Vasilenko, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.
Yu.V. Kuzmin, Dr. Sc. History, Prof.
V.V. Kuftareva, P.G.

MONGOLIA AND RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS, THE NATURE OF THE RUSSIAN EMPIRE GOVERNMENT POLICY IN THE ASSESSMENTS OF RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATS IN THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

The article presents Russian social democrats estimations of Russian-Mongolian relations of the early XX century, gives critical characteristics of Russian government policy and an assessment of Russian merchants and entrepreneurs activities in Mongolia.

***Key words**: Mongolia, Russian-Mongolian relations, RSDLP (b), Mensheviks, imperialism, estimates of social democrats, Russian traders in Mongolia.*

Крайнюю позицию в «монгольском вопросе», ранее в российской общественной мысли определяемую как самую прогрессивную и «правильную» занимали представители социал-демократов и прежде всего большевиков.

Позиция российских социал-демократов основывалась на классовых позициях и интересах рабочего класса и вообще трудящихся, на критике колониальной и захватнической политики царского правительства в отсталых странах Востока, в том числе и в Монголии.

Особенно большого и глубокого интереса к Монголии и политике России в этой стране и регионе социал-демократы не проявляли. Отстутсвие в стране рабочего класса, незначительная роль Монголии в мировой экономике и политике, отсутствие в стране революционных выступлений, слабая информированность о событиях в кочевой стране привели к редким характеристикам и оценкам «монгольского вопроса». И только начало Синьхайской революции в Китае и начало национально-освободительного движения в Монголии усилили интерес к данной проблеме.

В.И. Ленин специально не занимался этим вопросом, однако в ряде своих работ: «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», «К вопросу о политике министерства народного просвещения (дополнения к вопросу о народном просвещении)», «Обновленный Китай» высказал ряд характеристик о колониальной политике царской России по отношению к Монголии.

Принципиальные позиции большевиков по проблемам внешней политики России на Дальнем Востоке, в Китае и Монголии были определены в решениях VI (Пражской) конференции РСДРП «О китайской революции»: «Конференция ввиду кампании правительственных и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих – в интересах российских капиталистов – отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей, клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма» [1].

Главной и важной задачей партии большевиков России являлась борьба против самодержавия, разоблачение всех его действий, направленных против своего народа и народов закабаленных царизмом. По этому вопросу В.И. Ленин писал: «Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняемо все более на задний план в Европе, самодержавие в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо «националистической» политики, направленной против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-Западный край) и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Монголия)» [2].

Изменения политики России на Дальнем Востоке, по мнению большевиков, наметились с Портсмутского мирного договора, а были продолжены в русско-японских соглашениях 1907, 1910 гг. по разделу сфер влияния между двумя захватчиками. В секретной части договора от 4 июля 1910 г. Россия отказывалась от каких-либо прав на Корею, получая взамен особые права на Монголию. В.И. Ленин назвал этот договор «обмен Кореи на Монголию» [3].

В проекте первого выступления в Государственной Думе депутата – рабочего от социал-демократической фракции (написанном В.И. Лениным для А.Е. Бадаева) отмечается, что народные деньги идут на «крепостническое государство», на содержание полиции, войска, на жалование сановникам, «на политику авантюр и грабежа вчера в Корее или на реке Ялу, сегодня в Монголии и в турецкой Армении» [4].

В.И. Ленин в ряде статей разоблачил стремления царизма, буржуазии к захвату, порабощению, грабежу и «нежному обниманию» Монголии и писал, что «о том будут ли обеспечены и как именно демократические учреждения в новых государствах Балкан или в Армении, или в Монголии, – об этом не пишут и не говорят. Это неинтересно. Прибыль международных акул зависит не от этого» [5]. Разоблачая эту империалистическую политику, В.И. Ленин писал: «Мы, великорусские рабочие должны требовать от своего правительства, чтобы оно убралось вон из Монголии, из Туркестана, из Персии...» [6].

С другой стороны, В.И. Ленин и большевики не отделялись от египетских, индийских и монгольских трудящихся, а наоборот, стремились к союзу с ними. Было заявлено, что большевики приложат все усилия, чтобы сблизиться и соединиться с угнетенными народами и помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда и демократии. Однако они ратовали за свободное и добровольное сближение, а не насильственное объединение.

Таким образом, В.И. Ленин не вникал глубоко в суть «монгольской проблемы», в причины заинтересованности России, экономической и стратегической, в Монголии. Он абсолютизировал одну сторону сложной проблемы и видел только захватнический характер внешней политики России. Классовые интересы были поставлены выше национальных, и в этом видится уязвимость позиции В.И. Ленина.

Оценку и характеристику «монгольскому вопросу» давал в своих статьях «Внешняя политика в 1911 г.», «Российское купечество и русско-китайский конфликт» М. Павлович (М.Л. Вельтман).

Павлович (Вельтман, Волонтер) Михаил Лазаревич (1871-1927) – профессиональный революционер, член РСДРП с 1898 г. После II съезда РСДРП примыкает к меньшевикам. Находясь в Париже, проявляет интерес к международной политике и Востоку. После революции был членом Всероссийской научной ассоциации востоковедения, являлся первым ректором Московского института востоковедения. М. Павлович является автором ряда работ: «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», «Борьба за Азию и Африку», «Мировая война 1914-1918 гг. и будущие войны», «Французский империализм», «Русско-японская война» и др.

Из его «Автобиографии» мы узнаем, что в Париже в 1911 г. он читает лекции по национальному вопросу в партийной школе в Болонье (где также преподавали Богданов и Луначарский). Интересуясь восточными странами, международной политикой и революционным движением в этих странах, М. Павлович посещал в Париже собрания младотурок, персидских конституционалистов, индусских эмигрантов, китайских офицеров. «У меня на квартире постоянно собирались индусские, персидские, китайские революционеры, с которыми мы обсуждали планы революционной работы. Я сопровождал персидских революционеров во время поездки по Европе, редактировал прокламации для персидских, китайских, индусских революционеров и сотрудничал в их журналах и газетах» [7].

Мы видим, что проблемы стран Востока серьезно занимали М. Павловича и он более основательно знал некоторые стороны расстановки сил международной политики.

Рассматривая внешнюю политику России за 1911 г., М. Павлович писал: «Еще не зарубцевались тяжкие раны, нанесенные русскому хозяйственному организму маньчжурской авантюрой, а уже русские дипломаты вовлекают страну в персидскую, монгольскую авантюры, поднимают вопрос о Дарданеллах, собираются обострить конфликт с Соединенными Штатами» [8].

Отмечая «современный завоевательный» характер внешней политики царизма, М. Павлович считал, что «истинная подкладка русско-китайского конфликта лежала не в фиктивных интересах нашего купечества, а совершенно в другой области, в стремлении нашей военной партии воспользоваться пустяковыми «экономическими» поводами для интриг и территориальных захватов в Монголии и Урянхайском крае» [9]. К такому выводу он приходит при изучении всех фаз русско-китайского конфликта. По нашему мнению, здесь явно прослеживается односторонность подхода, определенное преуменьшение экономических причин и торговых интересов России в Монголии. Это объясняется, как общим подходом автора к проблеме, так и слабой информированностью о размерах и роли русской торговли в Монголии.

«Великие экономические интересы», «необходимость защиты русской промышленности» являются, по мнению М. Павловича, лишь предлогом для русско-китайского ультиматума от 11 марта, а торговые интересы в конфликте играют «ничтожную роль», и определяет долю России в торговле с Китаем в 3,7% [10].

М. Павлович указывает, что подтверждение своим мыслям он брал из либеральной и «реакционной прессы», что разговоры о «независимой» Монголии, которая может существовать только при действенной помощи России, а также охрана русских границ от «нападения Китая» – все это лишний раз показывает истинные цели России относительно отделившейся от Китая Монголии. «Монголия должна в представлении наших империалистов превратиться в опорную базу для наступательных действий против соседней страны. Здесь, в Монголии, мы должны вернуть себе то, что потеряли с таким тяжелым ущербом для нашего престижа и нашей военной мощи в Маньчжурии» [11].

Критикуя точку зрения правительства России, М. Павлович не верит и либералам, которые считают, что «новорожденной монгольской независимости» надо дать возможность «создать силы самообороны от новых централистических покушений Китая. Охрана независимости и автономии Монголии должна остаться задачей русской дипломатии, – писала «Речь» 15 декабря 1911 г.» [12]. Он расценивает эту «заботу» о молодом монгольском государстве и роль русской дипломатии как защитницы независимости и автономии соседней азиатской области, как «чудеса», которые рассказывают «трезвые кадеты» [13].

Он не верит в искренность намерений правительства и кадетов, так как «защитник автономии и независимости» в это же время «языком пуль и штыков» в Персии разъясняет эти понятия.

В статье «Российское купечество и русско-китайский конфликт» М. Павлович развивает далее тему места и роли русско-китайской торговли», ее влияния на выработку внешнеполитической ориентации.

Он выражает сомнение, что необходимость защиты торговых интересов России в Монголии могло побудить правительство обратиться с ультиматумом к Китаю. «Очевидно, наши торгово-промышленные классы, наша фабрично-заводская буржуазия играют колоссальную роль во внешней политике России, раз во имя наших «торговых» интересов правительство не останавливается перед ультиматумом Китая, перед риском войны с 400-миллионной страной» [14].

М. Павлович приводит результаты и выводы московской торговой экспедиции в Монголию под руководством полковника В.Л. Попова, согласно которым Монголия как рынок для сбыта товаров «ничего нам дать не может, так как страна бедна, потребности населения крайне ограничены» [15]. Он считает, что это поняло и московское купечество и промышленники, когда был выдвинут «смехотворный план» Русско-монгольской торговой палаты, «наши толстосумы лишь лениво отмахивались от монгольских перспектив, как от назойливой мухи» [16].

Основывая свое мнение на отчетах русских торговых экспедиций, официальных статистических данных, М. Павлович показывает преобладание объема ввоза товаров над вывозом товаров и ничтожности монгольского рынка для России. «И трудно предвидеть, чтобы Монголия в ближайшем будущем могла сделаться серьезным рынком для русской промышленности» [17].

Поэтому вопрос о завоевании нового рынка не играет никакой роли в русско-китайском конфликте, а главным мотивом агрессивной политики по отношению к Китаю, по мнению М. Павловича, является, с одной стороны, «желание, стремление отвлечь умы от внутренних неурядиц, с другой – «желание поднять престиж русской армии и русской дипломатии, ослабленной военными неудачами» [18].

Он приводит сообщение газеты «Русское слово» о том, что в Петербурге существет сильная партия, желающая во что бы то ни стало войны с Китаем. Предполагается воспользоваться военным превосходством России по сравнению с Китаем и присоединить себе целую область, которая глубоко вдается в самый центр Сибири (Урянхайский край). М. Павлович считает, что никакая война, никакой разгром на полях битв «не в состоянии убить жизненной энергии, ослабить силу такого государства как Китай, наоборот, война может лишь дать могучий толчок окончательному возрождению Китая, медленно пробуждающегося от своего векового сна» [19].

Таким образом, мы видим, что М. Павлович против вмешательства России в монгольские дела, видит в этом агрессивные намерения страны и против оказания помощи Монголии в становлении национальной экономики и армии.

Оригинальное решение в разоблачении политики царизма и буржуазии по отношению к Монголии внес сосланный в Сибирь социал-демократ Сурин (Сурен Асеньян), написавший фельетон «Господа монголисты». «Выгравированный талантливым резцом Щедрина «ташкентец» не исчез... Раньше только – Ташкент! Таш – кент пленял его слух, развивая и без того волчий аппетит, теперь слаще всякой музыки звучит «Монголия! Мон – голия», – писал Сурин [20].

Автор публикации в форме коротких монологов от имени различных обобщенных типажей: отставного штабс-капитана, москвича-мануфактуриста, бийского купца, торговца-одессита показывает как они решают вопрос: «как полнее и лучше обработать свои делишки в новой, открывающейся для них авантюры» [21].

От лица «энергичного» человека, особого типа «монголиста» ведется речь о политике страны. «Мы… должны радоваться, что и общество и правительство стали на правильный путь восточной политики» [22]. Планы правительства определяются как «очень несложные, но верные», «стать прочной ногой внутри этой богатой страны и вывозить, вывозить, вывозить...» [23].

«Энергичных» людей и правительство объединяет легкий успех первых шагов в Монголии. Огромные прибыли не могут оставить их равнодушными. Богатства Монголии кажутся им несметными, «поверх земли и валяются, загребай голыми руками да на возы» [24]. Поэтому без особых усилий и стараний «скот, шерсть, сырье всякое в миллионах пудов потечет к нам за бесценок, а от нас товары разные поплывут к монголишкам, а то позалежали они, товары-то, в складах московских» [25].

Штабс-ротмистр, организатор Акционерной компании «Монгольский скот», которому удалось убедить правительство в необходимости составить компанию по ввозу в России монгольского скота,

считает, что «в Монголии скота столько, сколько у нас мух на навозной куче – миллиарды, да какой скот-то! Сплошной бифштекс» [26].

«Монголист» оказался живучее «Ташкентца». Он имеет определенное влияние на правительство. «Надо так: войска войсками, а энергичные люди само собой. Войска порядок должны охранять, смотреть, чтобы интересы благоприятсвуемой страны не страдали, а энергичные люди под стягом военной охраны, поработают во славу отечественной торговли и промышленности» [27].

Работа «во славу отечественной торговли и промышленности» выражалась в том, чтобы захватить стада монголов, обирать их, обманывать, продавая залежавшийся товар. Главную ставку «монголисты» делают на революцию в Китае. Пока внутренняя смута не позволяет ему отвлечь свои силы, необходимо захватить Монголию. «Монголисты» хотят, чтобы им «препятствий никаких не было да правительства попущения были». Сперва представитель правительства его высокопревосходительство заартачился: «Авантюра», – кричит. Но ротмистр стал доказывать, что вовсе не авантюра, а спасение, можно сказать, отечества.

И хотя китайцы «ловкий и продувной народ», однако «теперь мы их в кулак сожмем, это им не Ялу, не Корея, тут мы – господа положения. Чуть что – войска введем» [28]. Поэтому предполагается, что действия в Монголии должны быть более удачными, чем в Маньчжурии.

Девиз монголистов, собравшихся со всех уголков России: «Монголия! Вот что нас должно объединить... Это означает, что тут всем хватит работы, на долю всех придется изрядный лакомый кусок» [29].

Таким образом, Сурин саркастически и беспощадно разоблачает захватническую политику правительства и буржуазных кругов. Фельетон явился особой формой протеста представителя российских социал-демократов против грубого вмешательства правительства во внутренние дела.

Библиография

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 155.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 125-126.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 28. – С. 669.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 129.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. –Т. 23. – С. 122.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 30. – С. 119.
7. Павлович (Мих. Павлович) – Вельтман // Деятели СССР и Октябрьской революции (Автобиографии и биографии). Репр. воспроизвед. – М., 1989. – С. 106-107.
8. Павлович М. Внешняя политика в 1911 г. // Современник. – 1912. – № 1. – С. 251.
9. Там же. – С. 239.
10. Там же.
11. Там же. – С. 240.
12. Там же. – С. 249.
13. Там же. – С. 240.
14. Павлович М. Российское купечество и русско-китайский конфликт // Наша заря. – 1911. – № 4. – С. 6.
15. Там же.
16. Там же. – С. 8.
17. Там же. – С. 10.
18. Там же. – С. 11.
19. Там же. – С. 13.
20. Сурин. Господа «монголисты» // Сибирские вопросы. – 1912. – № 3-4. – С. 56.
21. Сибирские вопросы. – 1912. – № 13. – С. 88.
22. Сибирские вопросы. – 1912. – № 3-4. – С. 56.
23. Там же.
24. Там же. – С. 56-57.
25. Там же. – С. 57.
26. Там же. – С. 58.
27. Там же. – С. 57.
28. Там же. – С. 60.
29. Там же. – С. 89.

Bibliography

1. Lenin V.I. Omnibus edition. – Vol. 21. – P. 155.

2. Lenin V.I. Ibid. – Vol. 21. – P. 125-126.
3. Lenin V.I. Ibid. – Vol. 28. – P. 669.
4. Lenin V.I. Ibid. – Vol. 23. – P. 129.
5. Lenin V.I. Ibid. – Vol. 23. – P. 122.
6. Lenin V.I. Ibid. – Vol. 30. – P. 119.
7. Pavlovich (M. Pavlovich) – Veltman // Activists of the USSR and the October Revolution (autobiographies and biographies). Repr. Reproduced. – M., 1989. – P. 106-107.
8. Pavlovich M. Foreign Policy in 1911 // The Contemporary. – 1912. – N 1. – P. 251.
9. Ibid. – P. 239.
10. Ibid.
11. Ibid. – P. 240.
12. Ibid. – P. 249.
13. Ibid. – P. 240.
14. Pavlovich M. The Russian merchant class and the Russian-Chinese conflict // Our dawn, 1911. – N 4. – P. 6.
15. Ibid.
16. Ibid. – P. 8.
17. Ibid. – P. 10.
18. Ibid. – P. 11.
19. Ibid. – P. 13.
20. Surin. Gentlemen "Mongols Researchers"// Siberian issues. – 1912. – N 3-4. – P. 56.
21. Siberian issues. – 1912. – N 13. – P. 88.
22. Siberian issues. – 1912. – N 3-4. – P. 56.
23. Ibid.
24. Ibid. – P. 56-57.
25. Ibid. – P. 57.
26. Ibid. – P. 58.
27. Ibid. – P. 57.
28. Ibid. – P. 60.
29. Ibid. – P. 89.

Н. Хишигт, д-р (Ph.D), доц., e-mail: khishigt_58@yahoo.com
Институт истории и археологии Монгольской Академии наук, Монголия

УДК 94(470)”1917”:323.1(517)

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ МОНГОЛОВ

В докладе, на основе архивных документов, исторической и мемуарной литературы непосредственных участников событий, предпринята попытка рассмотреть вопрос о месте и роли Троицкосавска и Верхнеудинска в период поездки монгольских патриотов в Советскую Россию с июля 1920 по март 1921 г. При этом главное внимание будет уделено деятельности советских представителей и бурятских деятелей в организации помощи монгольским делегатам в их пути в Иркутск, Омск и Москву, в ходе которых решались непростые задачи в достижении ими поставленной цели.

Ключевые слова: *Советская Россия, ДВР, Монгольская делегация, бурятские деятели, Троицкосавск, Верхнеудинск, О.И. Максстенек*

N. Khishigt, Dr., Assoc. Prof.

THE IMPACT OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 ON THE NATIONAL LIBERATION MOVEMENT IN MONGOLIA

In the report, on the basis of archival documents, and historical memoirs of participants of events, it was made an attempt to consider the place and role of Troitskosavsk and Verkhneudinsk during the trip of Mongolian patriots to Soviet Russia from July 1920 to March 1921, the main attention is paid to Soviet representatives activities and the Buryat leaders in their help to Mongolian delegates on their way to Irkutsk, Omsk and Moscow, during which they solved difficult tasks to achieve their goals.

Key words: *Soviet Russia, the FER, the delegation of Mongolian, Buryat leaders, Troizkosavsk, Verkhneudinsk, O.I. Maxtenek.*

В истории монголо-российских отношений XX в. выделяется период от российских революций 1917 г. и Гражданской войны в Сибири и Забайкалье до победы Монгольской революции 1921 г., который был насыщен событиями, имевшими непосредственную связь между собой и определившими впоследствии суть и характер взаимоотношений сосе дних государств.

В этой истории, несмотря на ее всемерную исследованность, еще имеются вопросы, требующие более конкретного изучения.

Как известно, российские события 1917 г., в особенности Октябрьская революция, вести о которой из Сибири и Забайкалья распространились в соседную Монголию, многое изменила во взаимоотношениях Монголии и России. Свержение чтимого монголами могущественного Белого царя и последующее провозглашение нового Советского государства, политика которого еще не была известна монгольским правителям, привели к временному разрыву официальных отношений между странам, что продолжалось вплоть до победы Монгольской революции 1921 г.

Одновременно с этим складывалась новая ситуация, в которой Советская Россия проявляла интерес в восстановлении связей с соседней Монголией, что обусловилось задачей распространения революционных идей в Монголии, с целью ее превращения в плацдарм революции в Азии и акже экономическим фактором, вытекающим из нужд в годы Гражданской войны. Поэтому с 1918 г. Советское правительство неоднократно заявляло о своей готовности в установлении равноправных дружеских отношений с Монголией, назначало своего официального представителя в Монголии и организовало поездки в страну по различным линиям. Так, в августе 1918 г., с целью выяснения обстановки в стране и настроений монголов, от Азиатского бюро при Сибирской миссии НКИД в приграничный городок Алтанбулак были командированы большевик Я.Д. Янсон и бурятский деятель Э.Д. Ринчино. Последний в беседе с местным монгольским управлящим, говорил о помощи новой России в деле за независимость Монголии[1]. 3 августа 1919 г. последовало новое обращение Советского государства к Монголии, где «... Монголия признавалась свободной и независимой страной, имеющей право непосредственно сноситься со всеми другими государствами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда»[2]. Однако монгольские правители не дали ответа, чему способствовали интриги все еще находившегося в Монголии бывшего царского консула А.А. Орлова и распространяемые китайцами слухи о большевистской опасности.

Обстановка стала меняться с конца 1919 г., когда Пекинское правительство, воспользовавшись Гражданской войной и слабостью Советского государства упразднило автономию Внешней Монголии, основанную на Тройственном Соглашении 1915 г. Установление режима китайских оккупационных войск в Монголии грозило самосуществованию народа и утрате тех достижений, благодаря которым монгольское общество встало на путь социального обновления. В сложившейся ситуации правящие круги страны были разделены на несколько групп: одни были отвергнуты за соучастие в ликвидации автономии, другие, сложа руки, бездействовали, а третьи – националистически настроенные князья и ламы – постепенно выходя из подавленного состояния, с весны 1920 г. стали активно действовать в направление восстановления прежней автономной власти. Для этого в Пекин направилась депутация во главе с Джалханза Хутухту с просьбой смягчить политику китайских властей. Предпринимались попытки заручиться помощью Японии и Америки. Но последние в данный момент не проявили интереса к «монгольским делам». Тем не менее каждый, кто стремился к освобождению от китайских оккупационных войск, упорно искал пути выхода из создавшегося положения, и в этом отношении последовательными и действенными были кружковцы, представлявшие новые общественные силы страны. Благодаря своему знакомству с прогрессивно настроенной частью русской колонии, в особенносности с членами Ургинского Революционного комитета, они имели о событиях в России, что в известной степени толкало их к ориентации на Советскую Россию. В дальнейшем, по мере изменения общей ситуации вокруг Монголии и нарастания политического кризиса в стране все более вырисовывалось, что в данный момент монголы могли обратиться за помощью только Советской России.

С другой стороны, национальное движение монголов по времени совпала с деятельностью Коминтерна на Востоке. Доказательством тому может стать документ «Автономная Монголия и Революционная Россия», принятый Восточным отделом ИККИ в декабре 1919 г., где ставился

---

[1] Жабаева Л.Б. Об участии бурятских демократов в событиях монгольской революции 1921 года // “Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин үеийн түүхийн судалгаа”(Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл). – УБ.: Соёмбо принтинг, 2012. – Тал. 56.

[2] Монголия в покументах Коминтерна (1919-1934). Ч. I (1919-1929) / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – С. 12.

принципиальный вопрос восстановления автономии Монголии с двух точек зрения – русской и монгольской.

С русской точки зрения Автономия Монголии, в особенности при условии присоединения Барги и Внутренней Монголии, создала бы для России государственный буфер на 3500 верст, который в случае осложнения с Китаем не позволит последнему быстро перебрасывать войска к русской границе, ... сохранение ее предоставило бы и экономические выгоды. «Поэтому нам следует принять все меры к восстановлению автономии Монголии», – говорилось в документе.

С монгольской же точки зрения сказано, что колонизация Монголии китайцами угрожала бы сохранению народом своей индидуальности, а торговая деятельность китайских купцов обрекла бы монголов на полное разорение и систематическое истощение народного хозяйства и все эти обстоятельства учитывает все население, т.е. монгольское население. Далее говорится, что «...основываясь на вышеизложенном и руководствуясь идеей самоопределения народов и ограждения их национальных интересов, мы не должны отрицательно относиться к стремлениям монголов отстоять свою политическую свободу».[3] Еще излагалась мысль о том, что монголы в случае завоевания политической независимости могут объединяться со своими соплеменниками в единое Монгольское государство в форме демократической республики.

Таким образом, в цитированном документе была изложена суть Советской политики в отношении к Монголии, которая должна была осуществляться через представителя НКИД РСФСР. Основные направления деятельности советского представителя в Монголии заключались:

во-первых, в установлении престижа советской власти, восстановлении таварообмена с Россией и предпринятии в широком масштабе всестороннего изучения Монголии;

во-вторых, в упрочении взаимного доверия и налаживания нормальных дружественных отношений с местными властями, укреплении веры Монголии в Великую Россию и ее готовность поддержать национальные стремления путем искусной агитации как среди масс, так и во влиятельных княжеских кругах. Из сказанного следует, что советское руководство и Коминтерн, ставя перед собой стратегические цели распространения мировой революции в Азии, взяли на себя обязанность поддержать национальное движение монголов. Для достижения своих целей, они, испытывая объективные трудности в сношении с монголами, сделали ставку на родственных им бурят, чья роль после «ухода» России из Монголии неуклонно возрастала.[4] Действительно, представители бурятской интеллигенции в ту пору служили на благо Внешней Монголии, приложив большие усилия в деле гражданского образования и культурного возрождения страны. Большинство из них пользовалось уважением монголов, потому, несмотря на сдержанное и ревнивое отношение Халхаской элиты к пан-монгольским идеям, имелась достаточно устойчивая почва для участия бурят в монгольских событиях 1920-1921 гг.

Иными словами, «*... речь шла о людях, которые могли бы работать рука об руку, "как свои" трудиться в Монголии вместе с местными работниками.В этом плане особенно полезными и незаменимыми оказались бурятские работники»*.[5]

Первыми в дело монгольских патриотов, вставших на путь национального освобождения от китайских оккупационных войск, включались Ургинские буряты. Так, переводчик Российского Генерального консульства В.Я Кондаков активно общался с подпольной группой С. Данзана, а Балсанов и Вачиров входили в Консульскую группу Д. Бодо, что подтверждается монгольскими источниками. Так, в архивном документе, содержащем имена 52 человек, причастных к делу восстановления автономной власти, имеются 4 бурятские фамилии:

под номером 47 – переводчик Худжирбуланской военной школы,бурят Юмтаров;

под номером 48 – переводчик Министерства иностранных дел, бурят Балсанов;

под номером 49 – переводчик Банка, бурят Аюуш [Балыков];

под номером 52 – переводчик Консульства, бурят Хандаков [Кондаков].[6]

По исследованиям монгольского ученого С. Ичиннорова, люди в списке делятся на 4 группы, из которых В.Я. Кондаков и Б.С. Балсанов были отнесены к группе *доверенных партией лиц* (19 чел.), а

[3]РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, д. 1.л. 25-26.

[4] Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Огни, 2003. – С. 82.

[5] Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг). – М.: ИВ РАН, 1999. – С. 38.

[6] ЦНАМ (Центральный национальный архив Монголии). Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3.

другие двое были включены в число 10 чел. из второй группы, которые, *находясь вне партии, готовы были сотрудничать с нею*.[7]

По имеющимся материалам о Д. Юмтарове и Б .С.Балсанове можно судить, что буряты не были лишь только переводчиками, а наоборот им приходилось принять непосредственное участие в организации членами Ургинского Ревкома ряда встреч монгольских патриотов с советскими работниками, в частности с И.А. Сороковиковым[8], присутствовать на совещаниях монгольских партийцев[9] и выполнять по их просьбе различные задания. Особенно заметнее стало их присутствие, когда в июле–августе 1920 г. в Советскую Россию были отправлены посланцы Внешней Монголии, которые представляли политическую организацию – Монгольскую народную партию.

Стоит обратить на то, что монгольские делегаты вначале побывали в ДВР – городах Троицкосавск и Верхнеудинск, о чем в историографии сказано не так уж много.

Архивные документы, историческая и мемуарная литература говорят, что уполномоченный НКИД РСФСР* О.И. Макстенек, находившийся в Троицкосавске вследствие недопущения Пекинским правительством в Монголию, был первым официальным лицом, принимавшим монгольских делегатов. О его разносторонней деятельности, в частности о проделанной работе с монголами, можно узнать из доклада «*Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О.И. Макстенек за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.»,* заверенная копия которого хранится в Центральном архиве внешних сношений Монголии. В докладе говорилось, что организационная работа О.И. Макстенека началась со знакомства с отдельными членами Нарревпартии Монголии[10], а именно с Данзаном и Чойбалсаном, прибывшими к нему с письмом М.И. Кучеренко в середине 1920 г.[11]

Вышеотмеченное значительно дополняется материалами «Краткой истории возникновения национальной революции монгольского народа», одним из автором которой был Х. Чойбалсан. Так, написано, что Данзану и Чойбалсану было поручено «*... встретиться с консулом Макстенеком, получить указание о дальнейшем пути, по пребыванию на отправленное им место ставить его в известность о своих делах с дальнейшей передачей в Ургу».*[12]

Только в этой книге мы найдем описание того, что в Советском представительстве, куда Данзана и Чойбалсана привел незнакомый молодой бурят, их принял высокий, широкоплечий мужчина около 40 лет с коротко стриженными седыми волосами.

Представившись О.И. Макстенеком, он спрашивал гостей откуда и зачем прибыли к нему. Тогда Данзан и Чойбалсан показали письмо Гембаржевского и Кучеренко, после чего уполномоченный Советской России говорил, что он был осведомлен о делах монголов и узнав теперь о цели приехавших, должен отправить их в Верхнеудинск. При этом он посоветовал быть очень осторожными, так как в городе много китайских войск. В ожидании парохода из Верхнеудинска, Данзан и Чойбалсан пробыли еще несколько дней в Троицкосавске, и за это время ежедневно бывали у О.И. Макстенека и занимались приготовлением к дальнейшей поездке. В целом, из книги следует, что Макстенек вплотную занимался вопросами отправления Данзана и Чойбалсана, находясь в прямой связи с Б.З. Шумяцким, своевременно его информировал. Потому он отправил монголов без сопроводительного письма, дав лишь адрес, по которому они должны прийти в нужное место.[13]

Следующие делегаты – Д. Бодоо и Д. Чагдаржав прибыли в Троицкосавск в начале августа. При встрече с Уполнаркоминдела они вручили Обращение от представителей монгольского народа и Народно-революционной партии Внешней Монголии.

В русском переводе Обращения от 2 августа 1920 г., с указанием г. Троицкосавск, говорилось, что «*... в результате соглашения*[14] *в Советскую Россию отправляется правомочная делегация от всего*

---

[7] Ичинноров С.Түүхийн үнэний мөрөөр. I дэвтэр. (Монголын түүхийн эрт, дундад, шинэ үеийн зарим асуудал). – УБ.: "Урлах эрдэм" хэвлэлийн газар, 2000. – Тал. 113-114.

[8] Институт истории и археологии МАН. Центр документов и информации. Ф. 5, оп. 1,ед. хр. 161. л. 4-5.

[9] Институт истории и археологии МАН. Центр документов и информации. Ф. 2, оп. 90, ед. хр. 63, док. 4.

* На печати написан «Уполномоченный НКИД в Урге».

[10] В российских документах 1920-х гг. Монгольская Народная партия именовалась Нарревпартией.

[11] ЦАВСМ (Центральный архив внешних сношений Монголии). Ф. 2, оп. 2, ед. хр. 594, л. 48.

[12] Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх. (Хоёрдахь удаагийн хэвлэл). – УБ.: Улсын хэвлэлийн газар, 1979. – Тал. 58.

[13] Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх. – Тал. 63-65.

[14] Имеется в виду согласие политических группировок Монголии, достигнутое на совещании в конце июня 1920 г., где присутствовал и представитель Богдо гэгэна.

монгольского народа с целью установления прочной связи между революционным народом Российской Республики и Монголией, выяснения отношения Советской власти к Монголии и ведения переговоров с Центральной властью о возможности активной помощи Монголии в ее борьбе за освобождение». Далее выражалась надежда на Уполнаркоминдела на содействие в осуществлении их стремлений.[15]

За ними, 8 августа приехала третья группа в составе Д. Сухэ-батора, Д. Догсома и Д. Лосола. Она везла с собой главный документ – «*Письмо князей и лам Внешней Монголии»,* дословный перевод которого на русский язык был сделан секретарем уполнаркоминдел в Урге Ц. Балмасу, а перевод с текстом оригинала сверял Э.Д. Ринчино[16]. С этим документом монгольская делегация в Иркутске обратилась к Сибирской миссии ЦК РКП(б) и Советскому Правительству.

Таким образом, с 4 июля по 10 августа 1920 г. Троицкосавск был местом приема трех групп монгольских делегатов[17], где они встречались с Уполномоченным НКИД РСФСР и с его помощью направлялись в Верхнеудинск, бывший в то время столицей ДРВ.

И не смотря на отсутствие первоисточников – Протоколов или Заметок троицкосавских встреч и бесед, следует оценить роль О.И. Макстенека в монгольском вопросе, так как он занимался вопросами «*... снабжения всех проезжавших работников документами, обмен привозимых ими тех ценностей на китайские янчаны, подыскание конспиративных квартир...»*[18], которые он должен был делать с соблюдением величайшей осторожности в силу слежки китайцами как за деятельностью Уполнаркоминдела РСФСР, так и за членами НРП Монголии. Он постоянно держал в поле зрения монгольских предтавителей, проявлял заботу о них даже тогда, когда делегация поехала из ДРВ в Иркутск. Например, в телеграмме от 18 августа 1920 г. он спрашивал о месте нахождения монгольских товарищей для передачи им информации из Урги[19]. В целом, почти все, имеющие отношение к работе в Монголии, проходили через него, причем все они были снабжены литературой, оружием и соответствующими инструкциями.[20]

Надо сказать, что удача сопутствовала монголам, и в августе все группы объединились в Верхнеудинске. Сведения об их делах мы находим в книгах участников исторических событий: так, в цитированной нами ранее книге Х. Чойбалсана написано, что первых монгольских делегатов принял председатель Совмина ДВР, секретарь Дальневосточного бюро РКП(б) Б.З. Шумяцкий, который ознакомившись с целями приезда монголов, попросил подождать решения и посоветовал в случае надобности общаться с ним через сопровождающего их бурята.

Шли дни и недели. Хотя за это время партийцы в Урге получили от Данзана и Чойбалсана шифротелеграмму «об успешности дел»[21], в действительности же их положение было не лучшим. Больше месяца они провели в Верхнеудинске.

Причины столь долгого ожидания могут быть обьяснены слеудующим образом:

во-первых, Сиббюро ждало информации от С.С. Борисова и Ц.-И. Дашепылова, поехавших в Ургу для ознакомления с положением Народно-революционной партии (в дальнейшем НРП – *Н.Х*) на месте;

во-вторых, по советской линии стремились ознакомить представителей НРП Монголии с опытом и методами революционной работы;

в-третьих, Б.З. Шумяцкий, как глава буферного государства, не имел полномочий принять собственное решение и ждал указаний от соответствущих органов.

В условиях, когда от успехов первых посланцев зависел дальнейший путь монгольских делегатов, позиция руководителя ДВР очень встревожила Данзана и Чойбалсана, и они, следуя данному им при выезде из Урги указанию «*... привлечь из бурят-монголов в партию и найти людей для дела»,* обратились к Б.З. Шумяцкому с просьбой вызвать Ц. Жамцарано и Э-Д. Ринчино. Выбор был неслучайным, так как Данзан и Ринчино в 1915-1916 гг. вместе работали в экспедиции С.А. Козина и В.П. Витте, а

---

[15]Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911-1946) // Сб. документов. Ч. 1 / Сост.: И.И. Кудрявцев (отв. сост), Б.В. Базаров, В.Ц. Ганжуров, Е.Н. Дмитроченко, И.М. Нагаев, Н.С. Тархова, В.Н. Шепелев, Т. Оюунбазар (отв. сост), Ж. Гантулга, Д. Гомбосүрэн, Н. Хишигт. – М.; Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2008. – С. 106-107.

[16] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, д. 7.

[17] Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). – УБ.: "Бэмби сан" ХХК, 2011. – Тал. 152-157.

[18]ЦАВСМ. Ф. 2, оп. 2, ед. хр. 594, л. 48.

[19] РГАСПИ. ф.495, оп.154, д.30, л.10.

[20]ЦАВСМ. ф. 2, оп. 2, ед. хр. 594, л. 48.

[21] Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх. – Тал. 72.

Ц. Жамцарано был известен в кругу монгольских патриотов еще со времени службы в Монголии. По приезду Э-Д. Ринчино из Селенгинска и Ц.Жамцарано из Агинского дацана, где он проходил лечение, монгольские делегаты стали общаться с властями ДВР через Э-Д. Ринчино и отправили еще одну телеграмму в Ургу.

Другой участник событий, бурятский деятель Э-Д. Ринчино в статье «*К истории панмонгольского движения и роли в нем Э-Д.Ринчино»* писал о приезде в Верхнеудинск пионеров революционного движения Монголии Данзана, Чойбалсана, Бодо, Чагдоржапа, Лосола и Доксома[22], организации совещания с Б.З. Шумяцким, на которое был вызван известный бурято-монгольский деятель Жамцарано".[23] Заметим, что здесь нет имени Сухэ-Батора.

Хотя Э-Д. Ринчино отметил скептическое отношение Б.З. Шумяцкого и Ц. Жамцарано к информации из Урги и их сомнение в успехе задуманного монголами движения[24], российские ученые писали, что «...Б.З. Шумяцкий с самого начала высоко оценил значение приезда монгольских представителей как для самой Монголии, так и для перспектив российско-монгольских связей, ...в Верхнеудинске под его председательством проходили переговоры».[25]

Действительно, встреча с руководителем ДВР имела большое значение для монгольских делегатов, так как этим самым, с одной стороны, окончательно выяснилась позиция буферного государства, а с другой – стал очевиден переход монгольского вопроса в органы советской России. Дело начало двигаться. В дальнейшем опытный и видный деятель Б.З. Шумяцкий сыграл важную роль в установлении необходимых контактов, участвовал во всех последующих событиях, связанных с делом монгольской революции и российско-монгольских отношений в 1921 г.[26] Также его перу принадлежат более 20 трудов по Монголии, среди которых немало интересных суждений и фактов по узловым проблемам монгольской революции 1921 г.

Так, путь монгольских делегатов к Советской России лежал через города ДВР, где им исключительную помощь оказывали Уполнаркоминдел РСФСР О.И. Макстенек, глава ДРВ Б.З. Шумяцкий и бурятские деятели.

Монгольская делегация прибыла в Иркутск 16 августа, и на следующий день, в 6 ч. вечера в полном составе была принята заместителем уполномоченного по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке, заведующим секцией народов Востока Сиббюро РКП(б) Ф.И. Гапоном, который в своей речи, приветствуя делегатов, отметил, что «*... приезд делегатов по существу ожидался, ... он является делом не только желаемым, но и неизбежным для советского и монгольского народов, ибо с приездом будет устранена формальная заминка во взаимоотношениях России и Монголии».*[27] С ответной речью выступил С. Данзан, который, говоря о целях и задачах Народно-революционной партии, от лица всей делегации выразил полную надежду и уверенность в том, что обращение к Советской России за помощью не останется безрезультатным».[28]

С этого времени начались известные нам Иркутские встречи, поездки части монгольской делегации в Омск и Москву, в которых непосредственное участие приняли бурработники, которые в большинстве своем представляли национальную интеллигенцию и отличались хорошей подготовленностью, прекрасным знанием монгольского языка и тесными связями с Монголией. Неслучайно Монголо-тибетский отдел Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) в Иркутске почти полностью состоял из бурят.[29] Буряты были безотменными функционерами: одни работали переводчиками, другие сопровождали монгольских товарищей, третьи добывали необходимую информацию для Секции восточных народов. Примером к последнему могут стать просторные доклады Э.Д. Ринчино и Ц-И Дашепылова о положении в Монголии[30], на основе которых строились текущие задачи Секции.

---

[22] Здесь отсутствует имя Сухэ-Батора.

[23] Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – Улан-Удэ: ОАО. Курумканская типография РБ, 1998. –255 с. – С. 247-248.

[24] Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – С. 248.

[25] Жабаева Л.Б. Шумяцкий Б.З. и ДВС Коминтерна // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: материалы III Регион. науч.-практ. конф. 26-27 августа 2002 г. – Красноярск; Улан-Удэ, 2002. – С. 123-124.

[26] Даш Д. Борис Захарович Шумяцкий. – УБ.: Улсын хэвлэлийн газар, 1987. –Тал. 4-5.

[27]Монголия в документах Коминтерна (1919-1934). Ч. I (1919-1929) / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – С. 29.

[28] Монголия в документах Коминтерна (1919-1934). Ч. I (1919-1929). – С. 31.

[29] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 16, л. 1.

[30] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, д. 3, л. 22-24.

24 августа 1920 г., Монгольская семерка разделилась на 3 группы: С. Данзан, Д. Чагдаржав и Д. Лосол поехали в Омск в сопровождении Э.-Д. Ринчино и Сандог Жамбалона. В Омске Э-Д. Ринчино сумел привлечь внимание Сибревкома к монгольскому вопросу[31], что значительно облегчило путь к центральной власти Советской России. Из Иркутска Д. Бодоо и Догсом возвращались вместе с Ц. Жамцарано и Ц. Балмасу, которые Монголо-тибетским отделом Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) были командированы для работы в Урге и Маймачене. Благодаря помощи Уполноченного НКИД РСФСР в Троицкосавске, встречи с главой ДВР, переговоров с Сибирской миссией РКП(б) в Иркутске, Сибревкомом в Омске и с НКИД РСФСР в Москве, монгольская делегация сумела достичь своей цели – получить у Советской России материальную помощь и моральную поддержку в борьбе за национальное освобождение. И в этом деле, несомненно большой опорой монгольским делегатам за 4,5 месяца их пребывания на территории других государств, были бурятские деятели.

Теперь снова возвращаемся к Троицкосавку, где монгольские патриоты с декабря 1920 до март 1921 г., совместно с О.И. Макстенек, Ц. Жамцарано и Ц. Балмасу развернули практическую деятельность по подготовке к вооруженной борьбе.

Следует начать с того, что здесь, в доме уполномоченного представителя НКИД РСФСР проходили основные совещания МНП по развертыванию политической работы и организации народно-ополченческих войск. По этому поводу О.И. Макстенек писал, что «...было проведено четыре совещания с непосредственным участием Уполнаркоминдела, а последнее под его председательством, где обсуждался целый ряд важных вопросов, по которым были приняты решения, которые в дальнейшем проводились в жизнь сообразуясь с возможностью».[32] При всем этом, в вопросе о совместных действиях против китайских войск, Уполнаркоминдел всецело придерживался позиции соблюдения предосторожности во избежании неблагоприятных последствий международного характера.[33]

Большую работу в этот период в Троицкосавске и близлещих местах проводил Ц. Жамцарано в качестве разъездного агента. Поступил он на эту должность с 4 сентября. Ему, командированному в Ургу было дано поручение мобилизовать среди народных масс до 50 молодых людей и отправить в Иркутск для военной школы.[34] Но эту задачу не удалось выполнить, так как он не мог выехать в Монголию. Потому, находясь в Троицкосавске под псевдонимом Бегзеев, исполнял различные работы. О его деятельности можно судить по переписке О.И. Макстенека с Монтибетотделом. Так, например, секретной телеграммой под номером 159, поступившей вероятно до 13 октября 1920 г., Председатель секции востнародов Ф.И. Гапон и заведующий Монтибетотделом С.С. Борисов справляются у О.И. Макстенека о реализации Бодоо и Бегзеевым романовки[35], что говорит об осуществлении Ц. Жамцарано контроля над расходованием выданных монгольским делегатам денежных средств от Секции востнародов. В его обязанности входил сбор информации для Секции востнародов и работавших в Иркутске – Д. Сухэ-батора и Х. Чойбалсана. Ему помогали работники Кяхтинского телеграфа Ц. Дамбадорж и Сэрээтэр.[36]

Судя по документам, Жамцарано занимался переводом материалов с русского на монгольский язык, был причастен к распространению печатных изданий для МНП. Так, например, Секция востнародов просит срочно выслать в Монтибетотдел перевод речи В.И. Ленина на II Конгрессе Коминтерна[37] и спрашивает о хождении газет среди населения и о мнении его самого и Гочитского.[38] В конце ноября 1920 г., с приездом Д. Сухэ-батора и Х. Чойбалсана, Ц. Жамцарано и Ц. Балмасу организовали совещание, где обсудили не только текущие моменты, но и важный для будущей Монголии вопрос – о ее статусе. По этому поводу Ц. Жамцарано говорил о «Провинциальной автономии в состав Китайской республики».[39]

---

[31] Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. – С. 191.

[32] ЦАВСМ. Ф. 2, оп. 2, ед. хр. 594, л. 49-50.

[33] ЦАВСМ. Ф. 2, оп. 2, ед. хр. 594, л. 50-51.

[34] Монголын тухай БХК (б)Н-ын баримт бичигт (1920-1952). Б аримтын эмхтгэл. I боть. – УБ., 2002. – Тал. 20.

[35] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 30, л. 30-32, 133.

[36] МАХН-ын түүхэнд холбогдол бүхий зүйлүүд (Сийрүүлж, нэмсэн хоёр дахь хэвлэл). Хэвлэлд бэлтгэсэн Г. Дашням, Ц. Гантулга, На. Сүхбаатар. – УБ., 2004. – Тал. 66.

[37] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 30, л. 148.

[38] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 100, л. 164.

[39] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, д. 3, л. 20.

В начале декабря 1920 г., разъездной агент Ц. Жамцарано переезжает вместе с другими в Джиду[40] для непосредственной связи с Монголией и занимался подготовкой к I съезду МНП.

1-3 марта 1921 г. в Троицкосавске, в доме аптекаря Рудзита состоялось совещание МНП с представителями народно-ополченческих войск и близлежащих хошунов и караулов.

Был заслушен доклад С. Данзана об итогах поездки в Советскую Россию и политическом положении Монголии, приняты два важнейших документа: Программа партии и Введение к ней, в которых выдвигалась двуединая задача: завоевание независимости страны и передача государственной власти в руки большинства, т.е. народа. Определяя национально-освободительную направленность предстоящей борьбы, Программа подчеркивала, что «*... Монголия ни в коем случае не должна быть порабощенной и угнетенной чужеземными насильниками-империалистами страной. Поэтому партия, ставя своей целью объединение в дальнейшем всех монгольских племен в одно государственное целое, в настоящее время стремится к освобождению Монголии из-под реакционной власти китайцев и восстановлению уничтоженного государственного бытия автономной Внешней Монголии*».[41] В решениях съезда нашло свое яркое отражение единство наций, в основе которого лежала национальная идея. Нужно заметить, что программа была проникнута идеей добиться полной независимости не только Внешней но и всей этнографической Монголии, в чем большая заслуга Ц. Жамцарано.

В работе сьезда приняли участие Ц. Жамцарано, Ц.-И. Дашепылов, Балмасо, Сандог и Бадмажап.[42]

Особо следует сказать о деятельности братьев Ц.-И. Дашепылова и Ц. Балмасу, которые в трудных условиях вместе с монгольскими революционерами работали в приграничных районах, решая насущные практические задачи. Об этом свидетельствует переписка Секции востнародов, Монголо-Тибетского отдела с О.И. Макстенеком с 13 октября 1920 г. до начала 1921 г. Есть и монгольские материалы, подтвердающие его активное участие в подготовке монгольской революции.[43]

Другим видным деятелем был Э. Батухан (Н.Ф. Бутуханов). В марте 1921 г., он сопровождал Бодоо и Ээндэн зайсана по делу передачи письма Ургинского правительства пограничным комиссарам Советской России. Письмо известило о восстановлении Монгольской автономии. Настоящая поездка для Батухана явилась началом его работы во Временном Народном Правительстве: с 19 марта 1921 г. он был зачислен штатным работником в отдел Министерства внутренних дел ВНП и ведал делами внешних сношений.[44] Одновременно он исполнял обязанности секретаря, и, находясь на этом посту, Э. Батухан присутствовал на всех 24 заседаниях ВНП, состоявшихся с 19 марта по 28 июня 1921 г. Протоколы заседаний, написанные его рукою, ныне хранятся в Центре документов политических партий и общественных организаций Центрального Национального архива Монголии. Еще одной формой деятельности был сбор сведений военно-стратегического характера, в частности о белогвардейцах, их передвижении и вооружении.[45] Крупным событием в жизни Батухана на службе у Монгольского государства было участие его в Монголо-Российских переговорах 1921 г. в качестве переводчика.

В заключении хотелось бы отметить, что происходившие в России и Монголии события 1920-х гг. Были связаны между собой, в их развитии и расширении большую роль сыграли города ДВР, политические деятели и бурятские работники. Вместе с этим настоящее участие и помощь не могут оцениваться как «экспорт революции», а, наоборот, являются свидетельством общемонгольского движения.

Источники и литература

Архивные источники

1. Институт истории и археологии МАН. Центр документов и информации. Ф. 2, оп. 90, ед. хр. 63. Ф. 5, оп. 1, ед. хр. 161. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 117.

2. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, д. 1, 3, 11. Ф. 495, оп. 152, д. 7, 16, 30, 100.

3. ЦАВСМ (Центральный архив внешних сношений Монголии). Ф. 2, оп. 2, ед. хр. 594.

4. ЦНАМ (Центральный национальный архив Монголии). Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1.

[40]РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 100, л. 143.

[41] Монголын хувьсгалчдын түүхт зөвлөлгөөн. 1921 оны гуравдугаар сарын 1-3. (Үндсэн баримт бичиг). – УБ., 1996. – Тал. 141.

[42]Монголын хувьсгалчдын түүхт зөвлөлгөөн. – Тал. 64.

[43] Институт истории и археологии МАН. Центр документов и информации. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 117, л. 13-14.

[44]ЦНАМ. ЦДППОО. Ф. 4, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2.

[45]РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, д. 11, л. 47.

5. ЦНАМ. ЦДППОО (Центральный национальный архив Монголии, Центр документов политических партий и общественных организаций). Ф. 4, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2.

Сборники документов

1. Монголия в документах Коминтерна (1919-1934). Ч. I (1919-1929) / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012.

2. Монголын тухай БХК (б)Н-ын баримт бичигт (1920-1952). Баримтын эмхтгэл. I боть. – УБ., 2002.

3. Монголын хувьсгалчдын түүхт зөвлөлгөөн. 1921 оны гуравдугаар сарын 1-3. (Үндсэн баримт бичиг). – УБ., 1996.

4. Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911-1946) // Сб. документов. Ч. 1 / сост. И.И. Кудрявцев (отв. сост), Б.В. Базаров, В.Ц. Ганжуров, Е.Н. Дмитроченко, И.М. Нагаев, Н.С. Тархова, В.Н. Шепелев, Т. Оюунбазар (отв. сост), Ж. Гантулга, Д. Гомбосүрэн, Н. Хишигт. – Москва; Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2008. – С.106-107

Библиография

1. Даш Д. Борис Захарович Шумяцкий. – УБ.: Улсын хэвлэлийн газар, 1987.

2. Ичинноров С. Түүхийн үнэний мөрөөр. I дэвтэр. (Монголын түүхийн эрт, дундад, шинэ үеийн зарим асуудал). – УБ.: “Урлах эрдэм” хэвлэлийн газар, 2000.

3. Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ, 2001.

4. Жабаева Л.Б. Б.З. Шумяцкий и ДВС Коминтерна // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока / Материалы III Регион. науч.-практ. конф. 26-27 августа 2002 г. – Красноярск; Улан-Удэ, 2002.

5. Жабаева Л.Б. Об участии бурятских демократов в событиях монгольской революции 1921 года // Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин үеийн түүхийн судалгаа (Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл). – УБ.: Соёмбо принтинг, 2012.

6. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Огни», 2003.

7. МАХН-ын түүхэнд холбогдол бүхий зүйлүүд (Сийрүүлж, нэмсэн хоёр дахь хэвлэл). Хэвлэлд бэлтгэсэн Г. Дашням, Ц. Гантулга, На. Сүхбаатар. – УБ., 2004.

8. Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). – М.: ИВ РАН, 1999.

9. Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). – УБ.: “Бэмби сан” ХХК, 2011.

10. Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх. (Хоёрдахь удаагийн хэвлэл). – УБ.: Улсын хэвлэлийн газар, 1979.

11. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – Улан-Удэ: ОАО Курумканская типография РБ, 1998.

References

Archival documents

1.Institute of History and Archeology of MAS. Center of documents and information.
Col.2, Inv.90, st. un. 63,
Col.5, Inv.1, st. un. 161.
Col.3, Inv.1, st. un. 117

2. RNASPH (Russian National Archive of Social and Political History). Col.495, Inv.152, F. 1, 3, 11
Col.495, Inv.152, F. 7, 16, 30, 100,

3. CAFRM (Central Archive of Foreign Relations of Mongolia). Col.2, Inv.2, st. un.594

4. NCAM (National Central Archive of Mongolia) . Col.1, Inv.1, st. un.1,

5. NCAM. CPPPOD (National Central Archive of Mongolia, Center of Political Parties and Public Organizations Documents). Col.4, Inv. 1, st. un.1, l 2

Collections of documents

1. Mongolia in Documents of the Comintern (1919-1934). Part I (1919-1929). / ed. B. V. Bazarov /. Ulan-Ude: BSC SB RAS Press, 2012.

2. Mongolyn tuhi BHC (b)N-Eun Barent, bichigt. (1920-1952). Barentin emdthal.I both. UB.: 2002.

3. Mongolyn haushalten tht zvllh. 1921 ony gurudwar saryn 1-3. (Ndsan Barent bicig). UB.:1996.

4. Russian-Mongolian Military Cooperation (1911-1946). A Collection of Documents. Part1. (ed. I. I. Kudryavtsev, B. V. Bazarov, V. C. Ganguro, E. N. Dmitrichenko, I. M.Nagaev, N.S. Tarkhova, V. N. Shepelev, T. Oyunbaatar (Resp.comp.), J. Gantulga, D. Gombosuren, N. Hilight). Moscow-Ulan-Ude.: ESSACA Press, 2008. P. 106-107.

Bibliography

1. Dash D., Boris Zakharovich Shumyatsky. UB.: Olsen of javelin gazar, 1987

2. With.Ichinnorov.Thin Nani MRR.I dauter. (Mongolyn thin ERT, dundad, China Ein of sarim asuudal) . UB.: “URLs Erdem” javelin gazar, 2000

3. Zhabayeva L.B., Elbek Dorji Rinchino and the National-Democratic Movement of the Mongolian Peoples. Ulan-Ude: 2001

4. Zhabayeva L.B., B. Z. Shumiatsky and the RES of the Comintern //The history of the Jewish Communities of Siberia and the Far East (Proc. of the III Regional Scientific and Practical Conference. August 26-27, 2002). Krasnoyarsk-Ulan-Ude., 2002

5. Zhabayeva L.B., To the issue of the Buryat Democrats participation in the events of the Mongolian revolution of 1921-//mongolyn 1921 ons huvsgul BA orcin Ein thin, adalgisa ('olonne olsun Erdem Shinigami of hurlin of ethelyn emdthal). UB.: Soyombo printing, 2012.

6. Luzyanin S.G., Russia-Mongolia-China in the First Half of the Twentieth Century. Political Relations in the Years 1911-1946 (second Edition, revised and enlarged). M.: “Lights” Publ., 2003

7.MAHN-Eun then halberda BHI sild (Sirli, Namsan, Heuer Dahl, hallal). Hewland Balthasar Dashnyam G., C. Gantulga On.Sukhbaatar. UB.: 2004.

8. Roshchin S. K., Political History of Mongolia (1921-1940). M.: RAS Institute of Oriental Studies, 1999.

9. N. Hilight.Mongolyn huvsgul:1921 (mongolyn undesnii ardchilsan houshasen this nehen sudlow). UB.: “Bembi San” Kherson cotton combine, 2011.

10. X.Choibalsan,D. Losol, Demid. Mongolian Arden hasni houshasen Ankh CAS biguanides, touch th. (Hor-dahl udayin, hallal). UB.: Olsen of javelin gazar, 1979.

11. Elbek Dorji Rinchino about Mongolia. Ulan-Ude.: RB Kurumkan Printing House Ltd. Publ. ,1998.

С.Ч. Мантурова, д-р ист. наук, проф.
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 364:325.254.4(571.55)”1914-1917”

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ И ПОДДЕРЖКА БЕЖЕНЦЕВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных материалов рассматривается деятельность государственных органов и благотворительных организаций Забайкалья в деле оказания социальной помощи и поддержки беженцев в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: *беженцы, благотворительные общества, Забайкальская область, трудоустройство, продовольственные пайки.*

S.Ch. Manturova, Dr. Sc. Dr. Sc. History, Prof.

SOCIAL ASSISTANCE AND SUPPORT TO THE REFUGEES IN ZABAIKALIE DURING THE FIRST WORLD WAR

The author researches the activities of state bodies and charitable organizations of Zabaykalie region providing social assistance and support to refugees during the First World War on the basis of archival documents.

Key words*: refugees, charity, Zabaykalie region, employment, food rations.*

С проблемами массовой миграции населения Россия столкнулась сразу после начала Первой мировой войны. Вся тяжесть обслуживания нужд беженцев за первый год войны легла на Комитет ее императорского величества Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий (который впоследствии стал называться Татьянин комитет). Однако развивающиеся военные события создали сплошной поток беженцев, охвативший всю Россию. Для оказания им социальной помощи потребовалась мобилизация всех сил страны, совместные усилия государства и общества.

Важное значение для социальной защиты беженцев имел закон об обеспечении их нужд, принятый Государственной Думой 30 августа 1915 г. [1]. Основные положения этого важного законодательного документа определили социальный статус беженца и заложили правовые основы социальной работы с пострадавшими от военных действий, а также возложили заботы об обеспечении их нужд на МВД, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов и градоначальников, на земские учреждения, городские общественные управления и на местные комитеты.

Отныне, согласно данному закону, вся полнота власти по обеспечению нужд беженцев сосредоточивалась в руках государственных органов, а деятельность Комитета ее высочества, его отделений, других общественных и благотворительных организаций должна была дополнять их усилия, действуя при этом вполне самостоятельно.

В этой связи Комитет призывал свои отделения на местах установить возможно тесное взаимодействие со всеми общественными, благотворительными и национальными организациями, оказывающими помощь пострадавшим от военных действий – таким образом, объединив усилия, сделать их более эффективными и целенаправленными.

В Забайкальскую область беженцы впервые стали прибывать осенью 1915 г. Это были преимущественно уроженцы Минской, Виленской, Холмской, Ковенской, Гродненской и Волынской губерний, т.е. тех мест, которые подверглись нашествию неприятелей и были эвакуированы в срочном порядке. Беженский поток, как правило, начинаясь с западных губерний, двигался на восток, постепенно оседая в Центральной России, затем в Западной Сибири и, наконец, попадал в Восточную Сибирь. Забайкалье, таким образом, являлось одним из конечных пунктов беженского пути.

В сентябре и октябре 1915 г. в Забайкалье прибывали еще небольшие группы беженцев, но уже в ноябре в соседней Иркутской губернии беженский поток принял значительные размеры и, соответственно, их партии стали увеличиваться в области, нередко доходя до 300 чел. Поскольку информация о беженском движении была поставлена плохо, то прибытие больших партий явилось довольно неожиданным для Забайкалья, так как ждали их позже.

Тем не менее, в области подготовительная работа к приему беженцев велась. Существенным был вопрос о том, сколько и в каких населенных пунктах в Забайкалье можно разместить беженцев, создав при этом условия для их проживания. Разрешен он был чинами переселенческой организации и областным комитетом по обеспечению нужд беженцев путем анкетирования, проведенного в разных пунктах Забайкальской области. В результате было выяснено, что область имеет возможность принять до 15000 беженцев, в том числе 8000 чел. в городах вдоль линии Забайкальской железной дороги и 7000 чел. в различных местностях.

Однако в Забайкалье беженцев оказалось меньше того количества, на которое область рассчитывала. По имеющимся данным их численность чуть превышала 2 тыс. чел. [2].

22 августа 1915 г. на заседании комиссии временного комитета помощи беженцам обсуждался вопрос о наиболее желаемой форме организации попечения о нуждах пострадавших от войны в Забайкалье.

Комиссия по обмену мнениями, учитывая то, что в Чите уже действовали национальные общества: польское, латышское, литовское, еврейское, которые активно включились в работу по подготовке приема своих сородичей – беженцев, а также и другие общества, пришла к заключению о создании Забайкальского комитета помощи беженцам. Целью комитета должно было стать согласование деятельности по оказанию помощи беженцам организаций, уже существующих, а также для осуществления общих задач, непосильных для каждой из них в отдельности, но возможно более полезных и эффективных для общего дела. Кроме согласования и объединения деятельности различных организаций, областной комитет ставил следующие задачи: 1) изыскивать и распределять средства между существующими организациями; 2) организовать встречу и первоначальный прием беженцев; 3) устроить медицинский осмотр прибывших, санитарные мероприятия и лечение больных; 4) обеспечить питание, снабжение одеждой и бельем; 5) оказать юридическую помощь; 6) назначить заведующих распределительными пунктами.

В состав Забайкальского комитета вошли представители Читинского городского управления, всее существующие беженские национальные организации, местные общественные деятели и представители уездных комитетов во время своего пребывания в Чите, посещавшие его заседания. Председателем областного комитета стал военный губернатор Забайкалья генерал-лейтенант А.И. Кияшко, управляющий делами – чиновник особых поручений при Забайкальском переселенческом управлении Я.О. Байчер [3]. При комитете были организованы следующие комиссии: вокзальная, квартирная, вещевая, продовольственная, по сбору пожертвований, статистическая.

Уже на первых заседаниях комитета каждое общество отчитывалось о своей подготовительной работе к приему беженцев. Так, польское общество подготовило для приема беженцев-поляков временное помещение на 200 чел. на заводе Юдовича; литовское общество – 2 дома для 100 чел., питание для своих беженцев-литовцев за счет общества в течение недели; еврейское общество могло устроить до 200 беженцев-евреев сразу; представители братства св. Кирилла и Мефодия открыли столовую и

могли организовать детские ясли для детей беженцев; представители переселенческой организации сообщали, что при станции Чита-город существующая столовая готова развернуть выдачу горячих обедов для 800 чел. в день, а также справочное бюро, помимо регистрации беженцев, может осведомлять их об имеющихся благотворительных организациях и обществах, куда можно обратиться за помощью; латышское общество подготовило помещение для 100 чел.; начальник Амурской железной дороги сообщил, что дорога может принять на работу от 1 до 2 тыс. лиц разных специальностей с предоставлением помещений для жилья [4].

Вслед за Забайкальским областным комитетом по обеспечению нужд беженцев 6 сентября 1915 г. был образован Читинский городской комитет помощи беженцам во главе с М.Ф. Чапасом, его товарищами стали А.М. Ярмош и М.А. Ваксберг, секретарями – Ф.И. Чистяков и К.А. Дреслер, казначеем Э.Н. Шерих. При нем действовали комиссии: встречная – во главе с К.К. Новохацким, квартирная – А.Г. Дьяченко, попечительная – Е.Д. Соколова, статистическая – В.Н. Соколов и вещевая – А.А. Руфин, каждая из которых имела свой круг обязанностей по удовлетворению нужд беженцев [5].

Кроме указанных общественных учреждений в Забайкалье, как следует из донесения областного комитета, в Татьянин Комитет к концу 1915 г., действовали следующие организации по обеспечению нужд беженцев:

– Читинский уездный комитет, под председательством горного инженера Шилкинско-Аргунского округа Е.П. Костылева, управляющего делами – товарища прокурора Читинского окружного суда Н.А. Малаховского. Комитет удовлетворял нужды беженцев в Читинском уезде;

– Читинское отделение Петроградского польского общества помощи жертвам войны, председатель – инженер-технолог С.Я. Дудревич, секретарь-гидротехник отдела земельных улучшений В.Л. Саладыковский. Деятельность общества распространялась на социальную помощь только беженцам-полякам, оно содержало на свои средства общежитие, школу, приют и мастерские для детей;

– Забайкальское литовское благотворительное общество, председатель – член Читинского окружного суда М.Ф. Чапас, секретарь-казначей – Читинский нотариус А.А. Рацевич-Станевич. Общество оказывало благотворительную помощь исключительно беженцам-литовцам, содержало на свои средства общежитие;

– Читинское латышское общество вспомоществования беженцам, председатель, учитель Александровского начального училища г. Читы П.И. Маульвурс, секретарь, служащий Читинским отделением Сибирского торгового банка Ф.Х. Мергман. Общество оказывало помощь беженцам-латышам и содержало для них общежитие;

– Комитет Забайкальского общества для оказания помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий, председатель – И.М. Шлезингер, товарищи – Э.Н. Шарн, казначей – Г.А. Равве, секретарь – И.Я. Янкелевич. Общество оказывало разнообразную и эффективную помощь беженцам-евреям, прибывавшим в Забайкалье;

– Верхнеудинский городской комитет помощи беженцам, председатель – податный инспектор А.И. Егоров, казначей – Верхнеудинский 2-й гильдии купец В.В. Филиппов. Комитет имел общежитие и оказывал помощь главным образом русским беженцам;

– Верхнеудинский уездный комитет по обеспечению нужд беженцев, председатель – заведующий Верхнеудинской поземельно-устроительной партией В.В. Шляхтин, секретарь-работник этого же ведомства В.П. Гирченко. Комитет организовывал работу по оказанию помощи беженцам в уезде;

– Нерчинский городской комитет помощи беженцам, председатель-поверенный Нерчинской городской управы Л.В. Мусин-Пушкин, секретарь-помощник надзирателя 2-го округа по 1 участку Забайкальского акцизного управлении – В.В. Корякин;

– Нерчинский уездный комитет по обеспечению нужд беженцев, председатель – уездный врач М.И. Афонин, управляющий делами – нотариус С.А. Расцишевский;

– Рабочее бюро Забайкальского переселенческого района оказывало беженцам юридическую помощь, помогало в розыске родственников, помогало в устройстве на работу. Кроме этого, имело 4 питательных пункта и обслуживало беженцев наравне с переселенцами. При Мысовском пункте имелась маленькая больница на 4 кровати и постоянный питательный пункт, при Карымском врачебно-питательном пункте – больница на 20 кроватей, кроме них: Читинский и Куетгинский постоянные питательные пункты [6].

Впоследствии во многих селениях Забайкалья образовались участковые комитеты о нуждах беженцев.

К концу 1915 г. поток беженцев в России резко увеличился и составил, по данным Татьянина Комитета, 2706309 душ. Больше всего беженцев осело в г. Москве (140107 чел.), в г. Петрограде – (84074 чел.), Екатеринославской губернии и губерниях, прилегающих к фронту. Поток беженцев в Сибири составил 78531 чел., в том числе в Забайкалье 2632 чел. [7].

Возможно, по сравнению с другими губерниями это было небольшое количество, но для области, у которой хватало и своих социальных проблем, обеспечение беженцев ложилось тяжелым бременем на ее население, особенно беднейшую часть. Поднимались цены на квартиры, продукты питания, не было свободных мест для трудоустройства. Беженцы приезжали обычно истощенными, больными, нуждающимися в экстренной медицинской помощи, тем самым занимали места в имеющихся в крае больницах. Медицинский персонал, как отмечалось, немногочисленный по своему составу, вынужден был заниматься проблемами беженцев, а массовый обыватель вообще лишался медицинской помощи и внимания врачей. Нередко беженцы прибывали с заразными заболеваниями, что, в свою очередь, угрожало населению, особенно его беднейшей части.

Вместе с тем, население Забайкальской области относилось к беженцам с большим сочувствием и состраданием. Ведь большинство из них не успело продать свое имущество, бросало его на произвол или уничтожало по распоряжению властей, чтобы оно не попадало в руки врагу, зачастую прибывали на новое место жительство, имея с собой только то, что было на них, многие не имели документов, теряли в пути родных и близких. Пробыв в пути более 70 дней, беженцы были истощены и больны, нуждались в срочной помощи.

Более всего беженцев селилось в городах Забайкалья – до 65 % от общего числа и 35 % вне городов. Так, например, в г. Чите и его пригородах заселилось беженцев 1100 чел., в том числе русской национальности – 875, польской – 140, еврейской – 50, литовцев и латышей – 25. В г. Верхнеудинске поселилось 135 чел., в г.Нерчинске – около 20 и в Мысовке – около 50 чел. Таким образом, в городах области находилось 1300 беженцев [8].

Все прибывшие беженцы регистрировались по карточкам, специально разработанным для этих целей статистическим отделом переселенческого района. По ним они получали продовольственный паек на неделю вперед из расчета по 15 коп. в день (в дальнейшем на просьбу увеличить его до 20 коп. было отказано) [9].

Не менее важной проблемой являлось трудоустройство беженцев. До начала 1916 г. проблем с устройством на работу не было, но после, с увеличением беженского потока, без помощи рабочего бюро в г. Чите и других городах области, без помощи комитетов трудоустроиться стало значительно труднее. Трудоспособная часть беженского населения составляла приблизительно 50 % от общего количества живущих в городах области, т.е. около 600 чел., 25 % которой имело работу (среди тех, кто получил работу через бюро, возможно, показатель был выше с учетом самостоятельного устройства). Таким образом, в этот период 75 % трудоспособной части беженцев оставались без работы [10].

Статистические данные свидетельствуют, что 80 % беженцев были крестьянами. Понятно, что в городах они едва ли могли найти себе подходящую работу [11].

Совершенно своевременным было Руководящее положение, принятое МВД 2 марта 1916 г., по устройству беженцев, в котором указывалось о необходимости размещения осевших в городах беженцев в сельские местности, где они могли бы, соответственно своим навыкам, заняться привычным для них сельскохозяйственным трудом. Беженцев же, уклоняющихся от подобных работ, предписывалось наказывать лишением пайка и квартир [12]. Жесткость этой меры можно объяснить тем, что длительное пребывание в городах на всем готовом приучала многих из них к тунеядству и иждивенчеству, к тому же, что немаловажно, расселение беженцев в сельской местности и их трудоустройство уменьшало расходы местных комитетов на их содержание.

Забайкальский областной комитет совместно с Читинским городским комитетом активно включались в работу по расселению беженцев в сельские местности. Особенно острой проблема была в г.Чита, где сосредоточилось наибольшее их количество. В марте 1916 г. на заседание Читинского городского комитета был приглашен председатель Читинского уездного комитета Е.П. Костылев для обсуждения вопроса о применении труда беженцев в сельской местности. Из его выступления следовало, что в селении Кенонском участковый комитет помощи беженцам имел возможность расположить до 60 чел., и сельский сход выразил желание принять работоспособных 100 мужчин и 50 женщин и при них 150 чел. нетрудоспособных обоего пола. Селение Верхняя Чита – работоспособных до 75 мужчин и 25 женщин, при них до 100 чел. нетрудоспособных, селение Домнинское – работоспособных до 30 мужчин и до 20 женщин, неработоспособных до 50 чел. Оплата труда гарантировалась от 10 до 15 руб.

в месяц для мужчин и от 3 до 6 руб. для женщин при хозяйских харчах и жилье. Кроме того, огородничество могло бы дать до 80 коп. женщинам, а мужчинам – до 1 руб. 20 коп. в день на собственных харчах.

Александровский участковый комитет также выражал согласие принять 50 чел. работоспособных и столько же неработоспособных, а селения Елизаветинское, Новотроицкое были согласны принять только трудоспособных беженцев, гарантируя оплату от 40 до 60 коп. в день.

Карымский участковый комитет мог разместить в разных селениях своего района до 125 беженцев, половину из них работоспособных [13].

Между тем, МВД требовало ужесточить меры наказания для тех, кто отказывался выезжать в сельские местности для работ. В ответ на это Читинский городской комитет на своем очередном заседании 17 марта 1916 г. решил лишить выдачу пайка для всей семьи, так как лишение пайка одного ее члена проблемы не решало, остальные могли спокойно содержать его на свои пайки и по-прежнему оставаться в городе [14].

Забайкальский областной, Читинский городской комитеты, расселяя беженцев в сельские местности из городов, и, особенно из г.Читы, стремились на местах создавать условия для их проживания и работы.

К концу 1916 г. В Забайкальской области находилось 2115 беженцев, в том числе: пожилых людей – 174 чел., детей до 14 лет – 852, полных инвалидов – 57, тяжелобольных – 5, пользовались продовольственными пайками – 1363, квартирными – 1207.

Деятельность Забайкальского областного комитета и других комитетов на местах продолжалась вплоть до октября 1917 г., т.е. до революционных событий, в корне изменивших политическую ситуацию в стране. Так, например. Читинский комитет помощи беженцам 30 октября 1917 г. обращается с последним Воззванием к беженцам. Комитет сообщает, что в течение трех лет в его рядах активно трудились многие общественные деятели, которые старались оказывать беженцам посильную помощь и поддержку. Большую помощь беженцам оказывали правительственные ассигнования, которые постепенно уменьшались, а в последнее время ограничивались только выдачей пайка половине беженцев. С глубокой озабоченностью комитет отмечает, что в государстве царит разруха, отсутствует организованное правительство, наблюдаются перебои в финансировании из Петрограда, которое, по-видимому, вскоре и вовсе прекратится. Исходя из создавшегося положения, комитет в последний раз обращается к беженцам со следующими напутствиями:

1. Сумм, собранных комитетом в результате сбора пожертвований, крайне недостаточно для содержания беженцев в течение длительного времени, поэтому они должны рассчитывать только на себя, они обязаны жить дальше только своим трудом. Труд и только труд – вот помощь, на которую беженцы должны теперь рассчитывать!

2. Средств, поступивших из пожертвований местного населения пока хватит на содержание следующих категорий беженцев: полных инвалидов и калек, которые не состоят ни на чьем попечении и не имеют никаких доходов; малолетних или нетрудоспособных членов семей солдат, находящихся на войне; одиноким старикам и малолетним детям, не имеющим никаких родственников; вдовам с малолетними или нетрудоспособными детьми. При этом комитет выражал надежду, что сами беженцы будут выявлять наиболее нуждающихся из своей среды для оказания им общественной помощи [15].

Таким образом, в годы Первой мировой войны в Забайкалье, как и во всей Российской империи, сложились особые формы социального призрения беженцев. Война, объединив людей, вызвала небывалый всплеск патриотизма, желание помочь тем, кто наиболее остро ощущал на себе ее тяготы и последствия. Совершенно очевидно, что только государственная помощь не была в состоянии решить все социальные проблемы беженцев. Общественная инициатива, благотворительная помощь жителей Забайкалья, взаимопомощь и взаимоподдержка существенно дополняли усилия государства и помогли выдержать тяготы войны.

Библиография

1. Спутник беженца. Собрание практических сведений и советов для беженцев. – Петроград, 1916. – С. 1.
2. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 6, л.л. 88 об.-89.
3. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 7, л. 73.
4. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 1, л.л. 4-5.
5. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 7, л.л. 73-74.
6. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 7, л.л. 73-74.
7. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 7, л.л. 64-65.
8. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 6, л. 89 об.
9. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 6, л.90; оп. 2, д. 4, д. 42.

10. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 6, л. 79.
11. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 6, л. 91.
12. ГАЧО, ф. 57, оп. 2, д. 13, л. 3.
13. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 1, л.л. 82, 85.
14. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 1, л.л. 94.
15. ГАЧО, ф. 57, оп. 1, д. 1, л. 245.

Bibliography

1. Refugee Sputnik. The collection of practical information and advices for refugees. – Petrograd, 1916. – P. 1.
2. State Archive of Chita Oblast (SACO), Col. 57, Inv. 1, F. 6, L.l. 88 rev.-89.
3. SACO, Col. 57, Inv. 1, F. 7, L. 73.
4. SACO, Col. 57, Inv. 1, F. 1, ll. 4-5.
5. SACO, Col. 57, Inv. 1, F. 7, ll. 73-74.
6. SACO, Col. 57, Inv. 1, F. 7, ll. 73-74.
7. SACO, Col. 57, Inv. 1, F. 7, ll. 64-65.
8. GACHO, f. 57, op. 1, d. 6, l. 89 ob.
9. GACHO, f. 57, op. 1, d. 6, l.90; op. 2, d. 4, d. 42.
10. GACHO, f. 57, op. 1, d. 6, l. 79.
11. GACHO, f. 57, op. 1, d. 6, l. 91.
12. GACHO, f. 57, op. 2, d. 13, l. 3.
13. GACHO, f. 57, op. 1, d. 1, l.l. 82, 85.
14. GACHO, f. 57, op. 1, d. 1, l.l. 94.
15. GACHO, f. 57, op. 1, d. 1, l. 245.

Т.Е. Санжиева, д-р ист. наук, проф., e-mail: Sanj_te@mail.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 663.5 (091)

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ И МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ВИНОКУРЕНИЯ И ПИВОВАРЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена борьбе за трезвую Россию накануне и в годы Первой мировой войны. Движение было инициировано народными действиями и поддержано мероприятиями правительства в области винокурения и пивоварения в годы Первой мировой войны. Винокурение, развивавшееся с XVIII в., стало доходной отраслью в началеXX в. и вместе с пивоварением занимало лидирующие позиции в экономике Западного Забайкалья. Накануне и особенно в годы Первой мировой войны народное движение за трезвую Россию было поддержано правительством, которое запретило производство и продажу алкогольной продукции.

Ключевые слова: *Западное Забайкалье, винокурение, пивоварение, Первая мировая война.*

T.E. Sanzhieva, Dr. Sc. History, Prof.

THE PEOPLE'S MOVEMENT AND THE GOVERNMENTAL ACTIVITIES IN THE FIELD OF DISTILLATION AND BREWING DURING THE FIRST WORLD WAR

The article is devoted to the struggle for sober Russia on the eve and during the First World War. The movement was initiated by popular actions and supported by government activities in the field of distillation and brewing during the First World War. Viniculture, developed since the XVIII century became a profitable industry in the early XX century. And along with brewing took leading positions in the economy of Western Zabaikalie. On the eve and especially during the First World War, the popular movement for sober Russia was supported by the government, which banned the production and sale of alcoholic beverages.

Key words: *Western Zabaikalie, distillery, brewing, the First World War.*

В Западном Забайкалье перед Первой мировой войной в обрабатывающей промышленности преобладали предприятия, обрабатывающие продукцию сельского хозяйства: мукомольные, кожевенные, пивоваренные и винокуренные заводы. В целом промышленность Западного Забайкалья была развита очень слабо, на многих предприятиях господствовали ручной труд и отсталая техника. Большинство предприятий были мелкими, примитивными, они не могли переработать все животноводческое, растительное и минеральное сырье края.

В Западном Забайкалье было хорошо развито винокурение. Следует отметить, что более половины российского винокуренного спирта производилось в Забайкальской, Иркутской и Енисейской губерниях. Это было вызвано следующими причинами экономического характера: потребительским развитием сельского хозяйства этих регионов; основой переработки являлась рожь – главная зерновая культура в восточных районах; спирт выдерживал сибирские морозы. Наконец, распространение винокурения в Азиатской России объяснялось повышенным потребительским спросом, прежде всего золотыми приисками [6, с. 76-77]. Торговля алкогольной продукцией велась в трактирах (устаревшее название гостиницы или постоялого двора с харчевней или рестораном, обычно невысокого класса), , кабаках (питейное заведение по продаже и созданию условий для употребления алкогольных напитков), ренсковых (ренский) погребах (погреб с продажей виноградных вин), пивных лавках.

Винокуренная отрасль была сосредоточена в Верхнеудинском округе, поскольку здесь была наибольшая посевная площадь. В 1911 г. на первое место выходит мукомольное производство, большая часть продукции которой уходила на обеспечение армии (712 540 руб. годового производства), затем следует цементное (550 472 руб.), винокуренное (530 719 руб.), пивоваренное (454 724 руб.), лесопильное (337 775 руб.), кирпичное (265 900 руб.) [8, с. 143].

Первым предпринимателем в отрасли стал верхнеудинский, иркутский и киренский купец 1-й гильдии Потомственный Почетный гражданин И.Ф. Голдобин. В конце XIX в. он был одним из богатейших купцов не только Верхнеудинска, но и всего Забайкальского края. Родом он был из Приуралья, первоначально проживал в Иркутске, имел там винокуренный завод в с. Манзурке (в 1843 г. вышел Высочайший Указ о разрешении частным лицам устраивать в Сибири винокуренные заводы). В то время жители Восточной Сибири всех пьяниц звали «голдобинцами». Верхнеудинск И. Голдобина заинтересовал нахождением под городом Николаевского винокуренного завода, основанного в 1827 г. и расселением рядом с ним зажиточных семейских сел, которые снабжали завод отборным зерном [9]. Он прибыл в г. Верхнеудинск в 1880 г. и уже в 1894 г. построил здесь винокуренный завод, в 1899 г. – пивной завод, затем пивные заводы в Чите и Нерчинске, позже стеклоделательный завод в Верхнеудинске [4, с. 17-18]. В Верхнеудинске И.Ф. Голдобин содержал склад, 4 ренских погреба и около 10 кабаков [9].

Крупнейшим производителем в этой отрасли стал Потомственный Почетный гражданин А.К. Кобылкин (1854-1917) – верхнеудинский и акшинский купец 1-й гильдии, происходивший из бедной мещанской семьи г. Акши Забайкальской области. В отличие от большинства сибирских предпринимателей начал свой бизнес с промышленности – с винокурения – водочным мастером на заводе Голдобина. Крупнейшим предприятием А.К. Кобылкина был Николаевский винокуренный завод, находившийся в Куйтунской волости Верхнеудинского уезда, затем Никольский № 2 и Воскресенский № 3 винокуренные заводы. Кроме винокуренных заводов, А.К. Кобылкин владел пивоваренными заводами. В 1913 г. производительность его пиво-водочных предприятий составляла 275 тыс. ведер спирта и 150 тыс. ведер пива [5, с. 18]. Для того, чтобы сделать производство более эффективным А.К. Кобылкин работникам пивоваренного завода отвел 4 жилых дома и одну двухэтажную казарму, а также подсобные помещения. А.К. Кобылкин предпринял расширение территории для производственных нужд. В 1899 г. он обратился с заявлением об уступке земли для разных промышленных предприятий сроком на 39 лет, рядом с землей, арендованной им ранее на Батарейной площади в линию вверх по течению реки Уды, возле горы. Участок составлял в длину 60 саж. и в ширину 35 саж., всего 2100 кв. саженей. Вполне вероятно, что просимая им территорий была отдана ему городскими властями, и он сумел расширить производственные площади. Согласно окладной (налоговой) книги городской управы в 1900 г., владения А.К. Кобылкина состояли из: 2-этажного с антресолями корпуса, в котором размещался пивоваренный завод, 2-этажного здания, верх деревянный, низ каменный, заменяющий подвал с навесом, деревянного флигеля, бондарной, каменного здания водочного завода и подвала. Кроме того, А.К. Кобылкин занимался благоустройством территории: в 1902 г. он просил на Батарейной площади землю в 2400 кв. сажень для устройства павильона и беседок сроком на 38 лет [4, д. 3, л. 18].

В 1912 г. пивоваренный завод А.К. Кобылкина был наиболее крупным промышленным предприятием по числу занятых людей: штат составлял 98 чел., из них 80 мужчин и 18 женщин. На Никольском № 2 винокуренном заводе Кобылкина работали 88 чел., из них 3 мужчин и 85 женщин, на Воскресенском № 3 винокуренном заводе работали 65 чел., все мужчины. На пивоваренном заводе Коробенкова – 75 чел. (4 мужчин и 21 женщина), пивоваренном заводе И. Кравецкого – 5 чел. (3 мужчин и 2 женщины) [3, оп. 2, д. 530, л. 3].

Наряду с винокурением в Западном Забайкалье расширялось пивоварение. До начала 1890-х гг. пивоваренные заводы были по сути своей капиталистическими мануфактурами. На них использовался ручной труд. В начале XX в. наблюдался повсеместный рост производства пива. Это было связано с

русско-японской войной: увеличением числа потребителей пива за счет проезжавших на фронт солдат. А также в связи с военным положением цена на более крепкие напитки выросла. В этой ситуации стали открываться новые пивоваренные заводы. После заводов, производящих пиво, вторым по объему производства был паровой пивоваренный завод с суммой производства 40 тыс. руб., принадлежавший А.А. и К.Л. Коробейниковым [3, д. 2792а, л. 73]. Более мелкими были заводы И. Кравецкого и Е. Иохвидова.

В 1900 г. была введена новая система взимания акциза – по количеству солода. Для этого еще до дробления солод взвешивался на автоматических весах, приобретаемых за счет казны. Были установлены три нормы выхода экстрактов из солода: низшая составляла до 60%, средняя – 60-65%, высшая – 65-72%. Наименьший предел содержания экстракта в сусле составлял 9º по сахарометру при нормальной температуре. Высший предел содержания алкоголя – 6º в готовом виде. Для высших сортов пива, например портер и эль, предел был 6º алкоголя по Траллесу из сусла плотностью более 16º по сахарометру. Акциз с пуда солода по установленным нормам составлял: для низшей нормы – 1 руб. 30 коп., для средней – 1 руб. 40 коп., для высшей – 1 руб. 55 коп. [7, с. 115].

В начале XX в. производительность винокуренной отрасли стала падать по объективным причинам: в 1906 г. производительность составляла 1 045 352 руб., а в 1911 г. она сократилась почти на половину. При этом выкурка вина все равно занимала третье место после каменноугольного и цементного производства, уступая последнему лишь 20 тыс. руб. [6, с. 79].

Первая мировая война внесла свои коррективы в развитие обрабатывающей промышленности России и Западного Забайкалья. Для развития отраслей, обеспечивающих нужды фронта, при Совете съездов представителей промышленности и торговли в Петербурге было учреждено специальное Сибирское бюро под председательством члена Государственной Совета профессора Е.Л. Зубатова, а также организована так называемая «Сибирская железная экспедиция». Уже в первой аналитической записке она доложила, что при определенной поддержке государства в Сибири можно в короткий срок организовать производство и создать промышленные предприятия, необходимые для нужд фронта. Наиболее подготовленным для индустриального освоения признавался Кузнецкий район [2, с. 112-113]. Западное Забайкалье в эти программы не входило.

Отрасли промышленности, обеспечивавшие нужды войны, это главным образом заводы по производству оружия и пороха, машиностроительные и химические заводы увеличили объемы выпускаемой продукции в несколько раз. Отрасли, работавшие на обеспечение тыла, наоборот, хирели и даже закрывались. Закрылись мелкие промысловые предприятия и мастерские, кожевенно-обувные, мукомольные и др. То есть, война в то же время способствовала концентрации производства. Остальные отрасли реагировали следующим образом. Винокуренные заводы приостановили свою работу, распустили рабочих, а позднее стали перестраиваться на работу для армии, главным образом в области производства взрывчатых веществ.

Хорошо развитое винокуренное производство, невысокий уровень жизни и низкая грамотность привели к повышенному употреблению алкоголя населением страны. Поэтому накануне войны правительство провело ряд мероприятий за трезвую Россию. 30 января 1914 г. министру финансов был направлен Рескрипт Императора России, в котором на министра возлагалась обязанность закрыть места продажи крепких напитков для «утверждения в населении трезвости, как необходимого развития духовных сил народа и преуспения его производительности труда». По всей стране были закрыты почти все казенные винные лавки, т.е. продажа крепких напитков, производимая распоряжением и на средства казны, были ликвидирована. Однако частные торговые заведения: трактиры, ренсковые погреба, пивные лавки и т.д. продолжали действовать.

27 сентября 1914 г. Совет Министров принял Положение о прекращении продажи водки, пива и вина на время войны. В первый год войны закрылись все основные, крупные винокуренные и пивоваренные заводы страны, а остальные сильно сократили производство. Отчасти это было вызвано запретом правительства, частично это было обусловлено стремлением самого населения сократить продажу спиртных изделий.

8 декабря 1914 г. Военный губернатор Забайкальской области направил Верхнединскому городскому голове уведомление о Положении Совета Министров от 27 сентября 1914 г. о прекращении на время войны торговли водкой, пивом и винами. В ответ на эти меры правительства и решение Верхнеудинской городской думы владелец Верхнеудинского парового пивоваренного завода А.А. Коробейников написал докладную в Верхнудинскую городскую думу: «Мнение о запрещении продажи водки и водочных изделий не имеет разногласий, и ВЫСОЧАЙШИЕ СЛОВА о полном запрете торговли водкой были встречены всеми как светлый праздник, в вопросах о пиве общественное мнение расходится.

Начну с того, что такой авторитет как Медицинский Совет журнальным постановлением за № 259 признает, что пиво с содержанием алкоголя до 4% стоит признать напитком не только безвредным, но даже полезным по своим диетическим свойствам. …теперь водки нет и ее место заняли всякого рода суррогаты (лак, политура, одеколоны, денатурированный и древесный спирт и пр.), не только злоупотребление которыми, но и употребление их граничит с самоубийством» [3, д. 3072, л. 26].

Правительство, запретив продажу водки, для возмещения убытков владельцев винокуренных заводов, выдавали им компенсацию, равную затратам на постройку завода с машинами. Относительно производителей пива и вина таких льгот не было. Поэтому в январе 1915 г. владелец Верхнеудинского парового пивоваренного завода А.А. Коробейников написал докладную в Верхнеудинскую городскую думу. «Ввиду того, что утвердительное решение этого вопроса в отношении пива является смертельным ударом для пивоваренной промышленности… Если городская дума выскажется за запрет продажи пива навсегда, то я со своей стороны могу пойти навстречу городу и вместо стоимости постройки завода и полного оборудования с машинами, аппаратами и инвентарем стоимостью 150 000 рублей буду вполне удовлетворен, если город купит завод с полным оборудованием за 100 000 рублей» [3, д. 3072, л. 26]. Этот призыв поддержал А.К. Кобылкин, обратившийся в Верхнеудинскую городскую думу с обоснованием продажи пива. «Прежде чем обратиться с нижеизложенной просьбой к думе, укажу на то обстоятельство, что, насколько мне известно, в Чите и других сибирских городах в настоящее время разрешена продажа виноградных вин и пива и продажа этих напитков не прекращалась». А.К. Кобылкин обратился с просьбой в думу о разрешении продать запасы пива и виноградного вина [3, д. 3072, л. 28].

Таким образом, производители пива по всей стране развернули бурную деятельность по разрешению продажи пива. Совет съездов представителей торговли и промышленности обратился с Докладной запиской к председателю Совета Министров с ходатайством исключения пива из числа крепких напитков. «Пиво гигиенично, так как готовится из кипяченой воды. Статистика заболеваний эпидемическими желудочными болезнями доказывает, что во время эпидемий случаи заболевания среди рабочего люда, употребляющего пиво, низкая», – написано в Докладной записке [3, д. 3072, л. 28].

На частном совещании гласных Верхнеудинской городской думы под председательством Городского головы И.В. Титова 2 марта 1915 г. было разрешено А.К. Кобылкину продать запасы пива и виноградного вина в других городах [3, д. 3072, л. 34]. На заседании Верхнеудинской городской управы 13 марта 1915 г. определенного решения не последовало. 10 июня 1915 г. на заседании Верхнеудинской городской думы большинством голосов (12 против 6) прошло постановление: разрешить торговлю виноградного вина и пива в г. Верхнеудинске [3, д. 3072, л. 61].

Однако правительственные указы заставили изменить решение. 25 августа 1915 г. Верхнеудинская городская дума приняла постановление о прекращении торговли водкой, пивом и вином в г. Верхнеудинске на время войны [3, д. 3072, л. 26]. На заседании Думы гласный Глазунов предложил запретить продажу алкоголя навсегда [3, д. 3072, л. 17]. Такое же предложение было внесено во многих городах и селах Европейской России и Сибири.

В годы войны по всей стране развернулось народное движение за прекращение продажи алкогольной продукции. Инициатором этого движения в Западном Забайкалье стало общество потребителей «Экономия». 720 жителей г. Верхнеудинска (члены общества) написали следующее: «…почтительно и убедительно просим Верхнеудинскую городскую думу внести свое благое и доброе решение для своего родного города и избавить город и жителей от пьянствующих и пьянства составлением запретительного приговора о прекращении торговли в городе всеми спиртными напитками, как водкой, пивом, так и вином» [3, д. 3072, л. 1]. Члены правления и Ревизионная комиссия общества «Экономия» на заседании от 5 января 1915 г. постановило просить городскую думу прекратить продажу спиртных напитков в г. Верхнеудинске навсегда. В этом их поддержало Общество Взаимного Вспоможения приказчиков [3, д. 3072, л. 30, 33].

Несмотря на протесты владельцев заводов в годы войны происходит закрытие крупнейших винокуренных и пивоваренных производств. В 1915 г. в Забайкалье существовало два винокуренных завода, выпустивших 88 189 ведер спирта (в 1914 г. – 581 тыс. 071 ведро спирта). А из работавших в 1913 г. 13 пивоваренных заводов с производством на сумму 636 тыс. 774 руб. [3, д. 2874, л. 38], в 1915 г. осталось 11 заводов, которые произвели продукции на сумму 91 тыс. 447 руб. [3, д. 2874, л. 64]. Пивоваренный завод, принадлежащий А.К. Кобылкину, полностью прекратил производство в 1916 г.

Мелкие производители пива, к которым относился Верхнеудинский купец Е.Е. Иохвидов, продолжили выпуск пива. Так выглядело строение Е.Е. Иохвидова, занятое под пивоваренный завод в 1918 г.: дом деревянный, крытый железом, в нем контора, сапожная мастерская, караульное помещение;

кухня, пристроенная к дому; пристройка к кухне, баня, сушилка при солодовне; солодовня в каменном 3-этажном здании, крытым железом, квартира служителей; каменный подвал с солодовней [4, д. 11, л. 15]. Небольшое производство и слабая техническая оснащенность завода Е. Иохвидова позволяли иметь на нем другое производство, в частности, на пивоваренном заводе сапожную мастерскую. Крупные производители также совмещали производство: при пивоваренном заводе, принадлежащим купцу А.К. Кобылкину, работал завод искусственных минеральных вод.

В годы войны помещения заводов стали использоваться для размещения военнопленных. Верхнеудинский городской голова ходатайствовал о размещении 1000 военнопленных на пивоваренном заводе А.К. Кобылкина. Однако заводчик написал заявление о том, что на указанном предприятии скопилось большое число рабочих, мастеров, прибывших на новый стеклоделательный завод, и просил разместить военнопленных на его же Николаевском винокуренном заводе ввиду его остановки. «Такое большое скопление рабочих с их семьями совершенно не дает возможности разместить 1000 военнопленных и при том размещение их чрезмерно скученное и в полутеплом помещении может вызвать заболеваемость, как среди военнопленных, так и заводского населения, что может послужить поводом к закрытию квасного и обоих стеклоделательных, кстати сказать единственных в Забайкалье, заводов, а меня ввести в разорительный убыток» [3, д. 3070, л. 5]. Винокуренный завод находился в 27 верстах от г. Верхнеудинска в изолированной местности с постройками, способными вместить до двух тысяч человек. Эти обоснования не были приняты во внимание, и член Верхнеудинской городской управы С.А. Козулин в сентябре 1915 г. принял помещение пивоваренного завода для расквартирования в нем военнопленных [3, д. 3070, л. 8].

Таким образом, употребление алкоголя жителями страны вызывало беспокойство у правительства, и внутри самого населения возникли протестные движения за трезвую Россию уже до 1914 г. В годы войны это проявилось в решениях правительства запрещающих производство и продажу винокуренной и пивоваренной продукции. Однако это решение коснулось крупных производителей, мелкие продолжали работать.

Накануне войны, когда в европейской России шел процесс модернизации в Забайкальской области, как и по всей Сибири, расширение фабрично-заводской промышленности заканчивалось неудачей. Однако винокуренное и пивоваренное производства в Западном Забайкалье расширяло свои объемы, поскольку банки и предприниматели предпочитали вкладывать деньги в те производства, которые быстро приносили прибыль: золотопромышленность, винокурение и торговля. Поэтому винокурение и пивоварение могли и дальше расширять производство. В годы Первой мировой войны состояние обрабатывающей промышленности Западного Забайкалья, в большинстве случаев не связанной с получением сырья извне, оказалось более устойчивым. Будучи слаборазвитой, обрабатывающая промышленность ориентировалась главным образом на внутренний рынок и работала на местном сырье. Поэтому, когда начинается Первая мировая война и происходит разрыв, сложившийся в империи хозяйственных связей из-за транспортных проблем, другие отрасли обрабатывающей промышленности Забайкалья не получили сильный урон. Винокуренная и пивоваренная промышленность производила продукцию из местного сырья и полностью покрывала потребности населения в этом виде продукции. Однако в годы Первой мировой войны винокурение и пивоварение практически прекратило производство вследствие народного движения и решений правительства.

Библиография

1. Берсенев Л.Ф. Экономическое развитие Забайкалья в период между двумя революциями // Забайкальский краеведческий ежегодник. – Чита, 1972. – № 6. – 405 с.

2. Букин С.С., Тимошенко А.И. Концепция модернизации Сибири на рубеже XIX-XX вв. // Социальные трансформации в российской истории: доклады международной научной конференции. Екатеринбург, 2-4 июля 2004 г. – Екатеринбург; Москва: Академкнига, 2004. – С. 109-116.

3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10 – Верхнеудинская городская управа. Оп. 1.

4. ГАРБ. Ф. 484 – Верхнеудинская народная дума. Оп. 1.

5. Краткая энциклопедия истории купечества и коммерции Сибири. – В 4-х т. – Т. II, кн. 2. – Новосибирск: Наука, 1995. – 184 с.

6. Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое и культурное развитие). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 310 с.

7. Сметнева Н.В. Пивоваренная и медоваренная промышленность Прибайкалья в 60-х гг. XIX – начале XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Серия 4. История. Вып. 11. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. – 215 с.

8. Раднаев Б.Э. Развитие промышленности Забайкалья в период капитализма // Бурятия XVII – начало XX

в. Экономика и социально-культурное развитие. – Новосибирск: Наука СО АН СССР, 1989. – С. 141-146.
9. https://www.facebook.com/azhalsaraev/posts/

Bibliography

1. Bersenev L.F. Economic development of Zabaikalie in the period between the two revolutions // Zabaikal Regional History Yearbook. – Chita, 1972. – № 6. – 405 p.
2. Bukin S.S., Timoshenko A.I. The concept of modernization of Siberia at the turn of the XIX-XX centuries. // Social transformations in Russian history: Reports of the international scientific conference. Ekaterinburg. July 2-4, 2004. – Yekaterinburg; Moscow: Academy Book, 2004. – P. 109-116.
3. The State Archive of the Buryatia Republic (GABR). Col. 10. – Verkhneudinsk government. Inv. 1.
4. GABR. Col. 484 – Verkhneudinsk People's Duma. Inv. 1.
5. A Brief encyclopaedia of the merchants and commerce history in Siberia: In 4 vols. Vol. II, Book. 2. – Novosibirsk: Science, 1995. – 184 p.
6. Palikova T.V. The cities of Zabaikalie in the second half of the XIX-early XX century (Social, economic and cultural development). – Ulan-Ude: Buryat State Univ. Press, 2010. – 310 p.
7. Smetneva N.V. The brewing and honeymoon industry of the Baikal region in the 60s of the XIX – early XX centuries // the Buryat State University Bulletin. Series 4. History. Issue. 11. – Ulan-Ude: Buryat State Univ. Press, 2006. – 215 p.
8. Radnaev B.E. The development of the Zabaikal industry in the period of capitalism // Buryatia XVII – early XX century. Economics and socio-cultural development. – Novosibirsk: Science of the SB USSR AS, 1989. – P. 141-146.
9. https://www.facebook.com/azhalsaraev/posts/

О.А. Очирова, д-р социол. наук, проф., e-mail: sociologm@mail.ru
А.А. Петрова, канд. филос. наук, доц., e-mail: petrova.aryuuna@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 93/94/316.423.3

РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЗДАНИИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК ДЛЯ СОБЫТИЙ 1917 г. В РОССИИ

В работе представлены основные аспекты промышленной революции, создавшей предпосылки для революционной ситуации в Российской империи. Авторами в тезисной форме представлены социально-исторические условия, в которых происходили крупные взаимосвязанные экономические, технологические и социальные изменения в Великобритании. Революция 1917 г. является закономерным звеном в цепочке трансформаций, спровоцированных ходом промышленной революции. Авторы рассматривают это событие 100-летней давности как один из самых ярких и мощных импульсов, который определил вектор дальнейшего развития классового общества не только в России, но и во всем мире. Выводы закрепляются статистическими данными переписей населения советского периода.

Ключевые слова: *революция, промышленная революция, индустриальное общество, городское и сельское население.*

O.A. Ochirova, Dr. Sc. Sociology, Prof.
A.A. Petrova, Cand. Sc. Philosophy, Assoc. Prof.

THE ROLE OF THE INDUSTRIAL REVOLUTION IN CREATING THE SOCIO-HISTORICAL BACKGROUND FOR THE EVENTS OF 1917 IN RUSSIA

The paper presents the main aspects of the industrial revolution, created the preconditions for a revolutionary situation in the Russian Empire. The authors in thesis form present the socio-historical conditions in which there were major interrelated economic, technological and social changes in the UK. The revolution of 1917 is a natural link in the chain of transformations, provoked by the course of the industrial revolution. The authors consider this event of 100 years ago as one of the brightest and most powerful impulses, which determined the vector of further development of a class society, not only in Russia but throughout the world. Insights fixed statistical data of population censuses of the Soviet period.

Key words: *revolution, industrial revolution, industrial society, urban and rural population.*

В Европе XVIII столетия произошли процессы, которые предопределили развитие революционной ситуации в России первой трети XX столетия. Импорт индустриализации и модернизации потребовал коренного переустройства всех сфер жизнедеятельности государств и отказа от традиционного общества.

Промышленная экономика была принята в результате крупных взаимосвязанных экономических, технологических и социальных изменений в период 1760-1850 гг. в Великобритании на основе новой машинной технологии и фабричной системы. Это были те изменения, которые коренным образом изменили ход истории и потому названы промышленной революцией, а Великобритания с тех пор является первым индустриальным обществом.

Этот революционный прорыв был связан с процессом углубления и расширения системы разделения труда, с многократным повышением его производительности и последовавшим за этим возросшими возможностями контроля со стороны капиталистов, собственников средств производства, над процессом труда.

Действительно, промышленная революция состояла в том, что на месте мелкой домашней промышленности быстро возникала крупная машинная. В 1765 г. Харгривс изобрел свою spinning jenny (прядильную машину), Аркрайт в 1767 г. изобрел свою water-frame (ватермашину), которые дали хлопчатобумажной промышленности сильнейший толчок вперед. В 1769 г. Д. Уатт взял патент на изобретение своей паровой машины. Крэмптон в 1779 г. изобрел прядильную машину (mile), а в 1785 г. Аркрайт – ткацкую [3, с. 62].

Причины промышленной революции в Великобритании сложны и активно обсуждались экономистами, историками, социологами. Однако все согласны с тем, что с началом революции именно способность новых отраслей поставлять на местные рынки и за границу новые изделия, типа дешевых хлопчатобумажных тканей и домашнего фарфора, поддерживали стимул к дальнейшему экономическому росту и социальному изменению.

Промышленная революция оказалась длительной по времени, поскольку ее экспорт в неиндустриальные регионы мира продолжается до сих пор. Также следует отметить, что в самой Великобритании и у других ее государств-последователей в Европе, Азии, на американском континенте проходят новые периоды экономического и технологического развития (включая электроэнергетику, химическую промышленность, а также радио- и телекоммуникации). Но они, на наш взгляд, не могут сравниться с событиями конца XVIII в., в основу которых положен сам факт замены ручного труда машинным. Промышленная революция сыграла роль в общественном разделении труда такую же мощную и глобальную, культурную, как и «охота – собирательство», «животноводство – земледелие», изменившие последовательно и бесповоротно ход истории в сторону большей независимости от природы. Благодаря такому новому способу производства за человеком закрепилось прочное место преобразователя природы, увеличившего масштабы заимствования из природы, рост материальных благ для удовлетворения потребностей. Таким образом, промышленная революция – это и поворот во взаимоотношениях общества и природы, и новые аспекты борьбы за присвоение / распределение прибавочного продукта.

«Между 1776 г., когда появляется “Богатство народов”, и 1803 г., когда появляется “Трактат”, имела место промышленная революция. Это важный для истории идей факт. Когда немного раньше, в 1789 г., Сэй посетил Англию, он нашел там машинное производство в полном расцвете. В то же время во Франции крупная индустрия делала только еще свои первые шаги; при Империи она быстро расцветает, а с 1815 г. принимает чрезвычайные размеры. Шаптал в своем произведении “De l'industrie française” (“О французской промышленности”) насчитывает в 1819 г. 220 прядилен с 922200 веретен, вырабатывавших более 13 миллионов килограммов хлопчатобумажного сырца. Это только пятая часть английского производства, а через двадцать лет производство в текстильной промышленности учетверится. Другие производства следуют за ней тем же темпом. Все предчувствуют: будущее за крупной индустрией, по-видимому, бесконечное будущее богатства, труда и благополучия!» – напишут в своей работе Ш. Жид и Ш. Рист [3, с. 97].

Эти мощные тенденции, происходящие в экономике, не могли остаться незамеченными и социологами [6, с. 100]. Маркс уже в тех социально-исторических условиях указывал на то, что капитализм «повсеместно придал производству и потреблению космополитический характер. Он выбил из-под ног промышленности ее национальную почву. Все традиционные национальные отрасли либо подверглись разрушению, либо ежечасно приближаются к этому. На смену им приходит новая промышленность, создание которой для всякой цивилизованной нации стало вопросом жизни и смерти, и которая имеет дело не с местным сырьем, а с сырьем, доставленным из самых удаленных регионов; промышленность, продукты которой потребляются не только на ее родине, но в любом уголке земного шара» [9, с. 600].

С развитием промышленного капитализма образ жизни людей стал принципиально иным. Например, в современных обществах большая часть населения живет в городах, а не в сельской местности, и работает на заводах и в учреждениях, а не в сельском хозяйстве. Естественно, изменения, связанные с урбанизацией и формированием новой производственной среды, повлияли на большинство социальных институтов, а также испытали обратное влияние со стороны этих институтов [9, с. 600].

Однако в условиях переструктуризации общества, сопровождавшей промышленный капитализм, появляется новый класс – «рабочие», мощная социальная группа с точки зрения консолидации вокруг собственных классовых интересов. С одной стороны, рост промышленных мощностей еще более простимулировал частнособственническую выгоду в капиталистах и усилил эксплуатацию рабочих, а с другой, бесправное положение последних привело их к окончательному осознанию своей роли и места в создании прибавочного продукта.

Так, признавая все неоспоримые достоинства нового индустриального общества, а именно общее расширение потребления и социального благосостояния, тем не менее, в контексте социологического исследования, необходимо отметить, что на своих ранних стадиях промышленная революция привела к абсолютному понижению уровня жизни. Это заключалось, во-первых, в возросшей дисциплине – тирании нового контроля над процессом труда и его продолжительностью. Во-вторых, многие категории рабочих (например, ручные ткачи), были вытеснены механизацией, оказались подверженными высокому уровню безработицы в периоды серьезного спада. Жизнь рабочих оставалась практически каторжной довольно долгое время (на протяжении второй половины XVIII в., всего XIX в., начала XX в.), поэтому промышленная революция встречала справедливое сопротивление с их стороны.

В консолидации рабочего класса решающую роль сыграл К. Маркс, который раскрыл условия развития капитализма того времени и подвел под них мощную научную основу.

Все вышеописанные процессы явились теми предпосылками, которые подготовили революционную ситуацию в первой трети XX столетия в Российской империи. Формирование классового сознания у рабочих в стране помогло в победе коммунистической партии революционным путем.

Революция 1917 г. оказалась почти мировой по мощности, поскольку заставила индустриальные страны признать человеческий фактор в производстве и считаться с рабочими. «Нельзя сказать, что другие системы в других странах не принесли прогресса в социально-экономических областях, – отмечают А.О. Бороноев и П.И. Смирнов, – но в России этот прогресс принесла именно Октябрьская революция. Промышленный и технический прогресс шел во многих странах. Но многие серьезные советологи и социологи, отнюдь не являющиеся коммунистами, считают, что социальный прогресс на Западе происходил в основном благодаря тому, что правительства этих стран боялись, что их рабочие последуют примеру русского пролетариата» [1, с. 106].

Нет сомнений в том, что это была победа рабочих как класса, поскольку послереволюционное руководство всячески взращивало рабочее сознание, используя его в своих целях, признавая за ним политическую силу как класса на тот исторический период времени. Об этом свидетельствует анализ статистических данных советского периода.

Изображение на рисунке наглядно показывает возрастание городского и спад сельского населения РСФСР как устойчивые тенденции на протяжении всего советского периода.

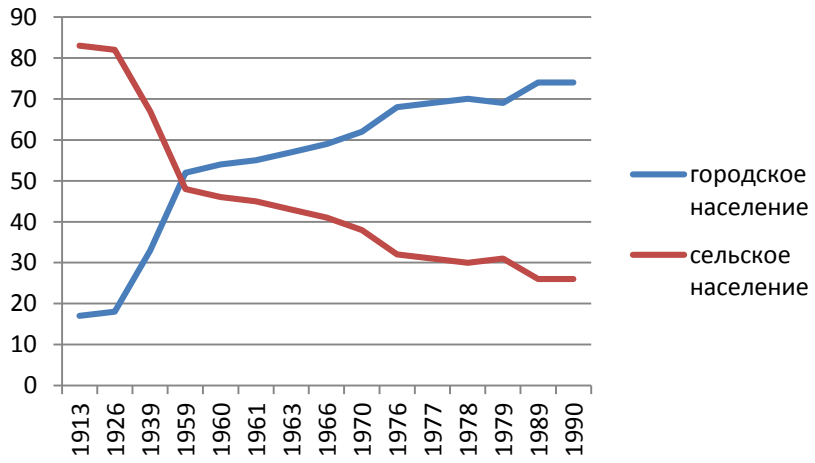

Рисунок – График изменений численности городского и сельского населения РСФСР в процентах ко всему населению по годам [8]

Как показал анализ статистических данных, всесоюзная индустриализация явилась главным стержнем, вокруг которого развивалась советская страна и вся ее инфраструктура. Это можно проследить по росту городского населения, поскольку индустриальная цивилизация отличается, прежде всего, интенсивным развитием промышленности и преобладанием городского населения [5, с. 216]. Отрыв населения от земли и превращение крестьян в рабочих гарантировал власти необходимое большинство с коммунистическими идеалами, носителем которых являлся рабочий класс как пролетариат.

Так, по данным переписей всех лет, происходит непрерывный рост городов и городского населения в СССР. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков, И.Н. Киселев сравнивают показатели 1926 и 1937 гг.: «Общая численность городского населения по переписи 1937 г. равна 51,9 млн. чел. против 26,3 млн. по переписи 1926 г. (197,1%). Таких темпов городского роста городского населения (удвоение за 10 лет) не знает и не знала ни одна страна в мире. Удельный вес городского населения вырос до 31,2% против 17,9% в 1926 г. Общее число городских населенных пунктов (городов, рабочих поселков и поселений городского типа) увеличилось за период с 1926 по 1937 г. с 1,925 до 3,208. Вместе с ростом числа городов происходило и их укрупнение. В 1926 г. насчитывалось 86 городов с населением свыше 50 тыс. каждый, в 1937 г. таких городов уже 159. В 1926 г. было 3 города с населением свыше 500 тыс. человек, теперь их 8» [4, с. 30].

Согласно переписи 1926 г. в Союзе ССР проживало всего 146989460 чел., из них городского населения 26309898 чел., а сельского – 120679562 чел. [2, с. 11]. Согласно переписи 1937 г. в Советском Союзе проживало всего 160121599 чел., из них городского населения 43729565 чел., а сельского – 116392034 чел. [7]. Как показывают данные, за 11 лет городское население увеличилось на 66%. Таким образом, революция 1917 г., свершившаяся в Российской империи, является закономерным звеном в цепочке трансформаций, спровоцированных ходом промышленной революции. Авторы рассматривают эти события 100-летней давности как один из самых ярких и мощных импульсов, который задал тон дальнейшему развитию классового общества не только в России, но и во всем мире.

Библиография

1. Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. – СПб.: Лениздат, 1992.
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. – М., 1927-1929. – 10 т. – В надзаг.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 3: Население СССР. 1927. [4], 63 с.
3. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. – М., Экономика, 1995. – С. 97.
4. Жиромская В.Б., Поляков Ю.А., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. – 1990. – № 8.
5. Митрошенков О.А. Культура и цивилизация (материалы лекции) // Личность. Культура. Общество. – М., 2000. – Т. 2, вып. 1.
6. Очирова О.А. Экологические факторы социально-экономического развития этноса (на примере региона озера Байкал) // Дис. … д-ра социол. наук. – СПб., 2002.
7. Рассчитано по мат. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги // Сб. документов и материалов. – М., РОССПЭН, 2007. – 320 с. – С.10 // Демоскоп: электронная версия бюллетеня Население и общество. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/biblio05.php
8. РСФСР в цифрах в 1989 г.: Краткий статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 23; РСФСР в 1962 году: Краткий статистический сборник. – М., 1963. – С.29; РСФСР в цифрах в 1978 г.: Краткий статистический сборник. – М.: Статистика, 1979.
9. Цит. по: Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Bibliography

1. Boronoyev A. O., Smirnov I. P. Russia and The Russians. The character of the people and the fate of the country. SPb.: Lenizdat. 1992.
2. All-Union Population Census of 17 December 1926: Brief Summariess / ed. CSB of the USSR. – M., 1927-1929. – 10: Center. Statist. Office of the Soviet Union. Census Dept. Vol. 3: the Population of the USSR. 1927. [4], 63 P.
3. Jew, S., S. Rist History of Economic Doctrines. M., Economics, 1995. P. 97.
4. Zhiromskaja V. B., Polyakov A. Yu., Kiselev I. N. Half a Century of Silence (the all-Union Census 1937) / Sociological Studies. 1990. No. 8.
5. Mitroshenkov O. A. Culture and the Civilization (materials of lecture)//Personality. Culture. Society. M., 2000. Vol. 2. Vol.1.
6. Ochirova A. O. Environmental factors of ethnic group socio-economic development (case study of the lake Baikal region] // Diss. Doct. Social. Scien. S.Pet. 2002.

7. All-Union Population Census of 1937: Results // Collection of Documents and Materials . M. ROSSPEN, 2007. 320 p. – p. 10 // Demoscope: the electronic version of the Bulletin Population and society. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/biblio05.php

8. The USSR in Figures in 1989, the Short Statistical Book. M.: Finance and Statistics. 1990. P. 23; the RSFSR in 1962. Short Statistical Book. M. 1963. P. 29; the RSFSR in Figures in 1978. the Short Statistical Book. M.: "Statistics". 1979.

9. Cit. : Giddens, E., Sociology. M. “editorial URSS” Publ.,1999.

Л.А. Зайцева, д-р ист. наук, проф., e-mail: klio1976@mail.ru
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ

УДК 947:63(571.54)

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ СОВХОЗОВ БУРЯТИИ

В статье дана краткая история первых трех совхозов Бурятии, созданных в 1927, 1930, 1934 годах. Приведен анализ хозяйственной деятельности, выявлены причины неудач, проанализированы успехи и достижения.

Ключевые слова: *Бурят-Монголия, совхоз, «Боргойский овцевод», Еравнинский мясо-молочный, «Эрдэм», политотдел, трактор, изба-читальня, школа, директор, чабан.*

L.A. Zaiceva, Dr. Sc. Dr. Sc. History, Prof.

FROM THE HISTORY OF THE FIRST SOVKHOZES OF BURYATIA

The article deals with history of the first three sovkhozes of Buryatia, organized in 1927, 1930, 1934. Analysis of economic activity and achievements, reasons of failures are provided in the article.

Key words*: Buryat-Mongolia, sovkhoz, “Borgoisky flockmaster”, “Eravninsly dual purpose cattle”, “Erdem”, political department, tractor, village reading room, school, head (director), sheepherder*.

Первое в Бурят-Монгольской АССР и в Забайкалье крупное сельскохозяйственное предприятие, созданное с целью распространения агрономических знаний, передовых приемов земледелия и ведения хозяйства, улучшения породности животных было организовано в 1927 г. – это совхоз «Боргойский овцевод».

Директором совхоза был Н.И. Шубин (1901-1957). О себе он говорил, что он «на 50% русский, на 50% бурят». Окончил 3 класса церковно-приходской школы, в дальнейшем учился на разных курсах. Первым зоотехником работал М. Гизатов.

Совхоз «Боргойский овцевод» поставил цель увеличить продуктивность овец путем скрещивания местных овцематок с баранами мериносовых пород типа Рамбулье. В совхозе было 3000 гол. грубошерстных овец. Овцевод В.В. Быков завез в хозяйство 200 баранов – производителей мазаевской тонкорунной породы овец [1, с. 33].

В 1937 г. В совхозе насчитывалось 13950 овец и коз, 602 головы крупного рогатого скота, 295 свиней, 260 лошадей, 18 верблюдов. В этом же году в совхозе освоили 2132 га посевной площади, под зерновые – 1983 га, под кормовые – 126 га. Совхоз превращался в многоотраслевое сельскохозяйственное предприятие [2, л. 5; л. 23].

Началось строительство производственных и жилых домов. Были обустроены места водопоев. Появились кошары-трехстенки, стайки для крупного рогатого скота. Распахали первый посевной клин под зерновые площадью в 50 га. Посеяли ячмень и овес. В 1930 г. Совхоз получил шесть колесных тракторов марки «Фордзон», двухлемешные тракторные плуги. И уже к 1935 г. совхоз стал рентабельным хозяйством. Построили школу, избу-читальню, клуб. Радиофицировали центральную усадьбу. Первыми трактористами совхоза из числа местных бурят стали С.Б. Цыреторов, Ц.-Е.М. Мункуев. С.Б. Цыреторов в 1940-х гг. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Наркомат совхозов СССР премировал совхоз за высокие трудовые достижения трактором, грузовым автомобилем и звуковой киноустановкой. Н.И. Шубин (директор) был награжден орденом Ленина, И.Т. Тумуров (чабан) – орденом Трудового Красного Знамени, Э.Т. Данжуров (чабан) – орденом «Знак Почета» [3, с. 34].

В годы Великой Отечественной войны рабочие совхоза «Боргойский овцевод» поддержали почин рабочих совхоза «Лесной» Омской области и обратились с призывом ко всем сельчанам: «…для полной победы над фашистскими войсками Красной армии нужны не только самолеты, танки, пушки, снаряды <…> надо дать армии и трудящимся больше хлеба, мяса, молока, овощей и сельскохозяйственного сырья для промышленности» [4, л. 155].

Поддержали почин совхоза «Лесной» и рабочие совхоза «Еравнинский» [5, л. 3]. Дата рождения Еравнинского совхоза – 1930 г. Подготовительная работа началась еще в 1927 г. Вербовка рабочих велась по разнарядкам райкома и аймисполкома из колхозов Еравны. В мае 1930 г. Был решен вопрос и о центральной усадьбе совхоза. Выбор сделан на южном берегу оз. Гунды, т.е. там, где было с. Петропаловка. Совхоз состоял из 7 ферм-отделений. Эгитуйская ферма находилась от центральной усадьбы в 100 км, еще одна ферма была на станции Могзон, третья ферма – на северном берегу оз. Большая Еравна в местности Яндала в 35 км от Гунды. В 1935 г. эти три фермы из-за отдаленности, хозяйственно-экономической разобщенности, невозможности оперативного управления были упразднены. Первым директором был А.И. Новицкий из с. Погромное. За совхозом закрепили 160 тыс. га земельных угодий, из них пахотные земли составляли 1500 га, поголовье крупного рогатого скота – 1761 гол., в том числе 32 быка-производителя, 396 гол. лошадей. Скот был собран из вошедших в совхоз индивидуальных дворов и частично изъят у еравнинских и баргузинских зажиточных крестьян. Количество постоянных рабочих в совхозе в 1933 г. Было 399 чел. [6, с. 99; л. 1, 2, 4, 42 об.; л. 14].

Крупный рогатый скот был мелкий, низкорослый, маловесный, ежесуточные удои – 3-4 л молока. С первых дней организации совхоза строились скотные базы, жилые дома на фермах Ширинга, Тулдун, Хорга, Жэрэхэй. Совхоз первым в Еравне получил три пропашных трактора марки «Фордзон» и машину-полуторку. Совхоз был определен как хозяйство мясо-молочного направления. Первые 20 голов коров симментальской породы были заведены в Гунду в 1931 г., их купили в Германии, заплатив золотом. С этого времени начинается работа по скрещиванию местного скота с новой породой. В 1932 г. В совхозе уже было 3409 гол., быков-производителей – 107, лошадей – 520 и стельных коров – 870. Из-за суровых климатических условий, отдаленности совхоз не имел возможности обеспечивать поголовье скота кормами и концентратами. За три года своего существования совхоз нес убытки, не выполнял годового плана по воспроизводству стада, имел задолженность по заработной плате [7, с. 124-128].

Большую организационную работу по укреплению совхоза проводили работники политотдела – Г.И. Братуха, В.М. Майоров, А.К. Мисюркеев

К 1936 г. поголовье крупного рогатого скота достигло 3885 гол., лошадей 421, в совхозе появились 13 верблюдов. С 1940 г. совхоз поставляет симментальский скот хозяйствам республики и других регионов. Первые передовики совхоза: гуртоправ Ш.Б. Бадмаев, доярка Д.И. Иванова, управляющий фермой «Тулдунский» А.В. Бадлуев на правительственном приеме 1936 г. в Москве делегации БМАССР были награждены орденами Трудового Красного Знамени, Знак Почета [8, с. 439-440; л. 38, л. 6, л. 24, л. 25].

Удельный вес совхозов в сельском хозяйстве республики в 1932 г. был невысок: посевные площади составляли 1,4%, или 5,4 тыс. га, поголовье скота – 4,5%, или 53,4 тыс. гол., в том числе лошадей 2,2%, или 4.9 тыс. гол., крупного рогатого скота – 1,6%, или 7,4 тыс. гол., овец – 10,7%, или 40 тыс. гол. [9, с. 100].

Совхоз «Еравнинский» был крупным хозяйством в республике. В годы Великой Отечественной войны тракторный парк совхоза «Еравнинский» вдвое превышал парк совхоза «Боргойский» по количеству и новый по качеству. В газете «Правда» от 16 октября 1942 г. было опубликовано постановление ВЦСПС и Наркомата совхозов о зачислении совхоза «Еравнинский» кандидатом на получение Красного Знамени ГКО и первой премии. «Бурят-Монгольская правда» от 14 октября 1942 г. Писала: «Еравнинский мясовхоз» выполнил план сдачи государству молока на 229%, мяса на 101%, хлеба на 100%. В поддержку Красной армии послано 30 пудов масла, 80 пудов мяса [10, с. 148-149]. В совхозе 4 клуба: 1 на центральной усадьбе, 3 на фермах; 3 Красных уголка, библиотека с 350 экз. книг, один радиоузел, 100 радиоточек, одна стационарная киноустановка [11, л. 6; л. 21, 23, 28].

Первые успехи в развитии сельского хозяйства были отмечены во время приема представителей трудящихся Бурятии (в составе 67 чел.) с руководителями партии и правительства в Москве в январе 1936 г. В составе делегации – колхозники (доярки, чабаны, заведующие животноводческими фермами, председатели колхозов, рабочие совхозов), работники культуры и искусства, партийно-советские работники. На встрече присутствовали И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С. Орджоникидзе, А.И. Микоян и др. На встрече выступил директор совхоза «Боргойский овцевод» Н.И. Шубин, он и чабаны совхоза И. Тумуров, Э. Данжуров были в числе первых 58 награжденных.

Совхозы как новая форма в организации сельскохозяйственного производства в силу низкой производительности и посредственных результатов их рабочих не смогли стать примером, образцом для единоличников. Сказанное, однако, не означает, что они замыкались в рамках собственных внутренних проблем и не оказывали никакого положительного влияние на крестьянство. Различного рода совхоз-

ные мастерские (ремонтные, столярные и т.п.) почти всегда обслуживали окрестных жителей, а племенные производители использовались для улучшения пород скота крестьян. Правда, масштаб этой работы из-за малочисленности и ограниченных возможностей совхозов был невелик.

Процесс становления совхозов проходил одновременно с коллективизацией и закончился только в 1935–1936 гг. Третий совхоз «Эрдэм» был создан в январе 1934 г. В Тугнуе, у оз. Саган-Нур в Мухоршибирском районе. Перед совхозом ставилась задача проводить опытную и научно-исследовательскую работу, совхоз был определен как семеноводческое хозяйство. Неразработанными были 7 тыс. га земли, поэтому производство сортовых посевов определялось весной 1935 г. Первым директором был назначен А.П. Агафонов. К 1935 г. В совхозе работали 175 постоянных и 25 сезонных рабочих, в хозяйстве имелось 13 тракторов СТЗ, 13 тракторных плугов, дисковая сеялка, 5 жаток, одна автомашина ГАЗ-2А, 24 конных плуга, 7 конных борон, 50 коров, овец – 6 гол. [12, л. 7,8; л. 3; л. 3; л. 28; л. 3].

Новый виток реорганизаций начинается в 1950-х гг. В постановлении Совета министров СССР и ЦК КПСС от 3 мая 1957 г. Отмечалось, что «… преобразование колхозов в совхозы может осуществляться только на строго добровольных началах, по желанию большинства колхозников [13, с. 727]. На практике об этом порой забывали. Если в 1950 г. в Бурятии было 396 колхозов, а совхозов всего 4, то к 1965 г. Количество колхозов сократилось до 73, а количество совхозов увеличилось до 40. В целом по республике с 1957 по 1976 г. Было преобразовано в совхозы 112 колхозов, имевших 28,9 тыс. наличных дворов колхозников [14, с. 154].

Такого рода укрупнения и реорганизации, как следовало ожидать, обернулись большими проблемами для села, требовались большие капитальные вложения для практически полного обновления основных производственных и непроизводственных фондов. Объективных условий для быстрых преобразований не было, главное же – к ним не были готовы и сами труженики села.

В 1967 г. 25 мая Указом Президиума Верховного Совета СССР совхоз «Боргойский» был награжден орденом Ленина за заслуги в сельскохозяйственном производстве. В 60 раз увеличился валовой настриг шерсти, в 20 раз возросло поголовье скота, в этом же году совхоз получил 700 тыс. руб. прибыли.

В дальнейшем племенное сельскохозяйственное предприятие ордена Ленина «Племзавод «Боргойский»» (этот статус совхоз получил в 1996 г.) добивался высоких результатов, не только наращивая производство и реализацию продукции, но и успешно ее перерабатывая. В хозяйстве действовали цеха с современным оборудованием по производству колбас, макаронных и хлебобулочных изделий, по переработке молока; своя мельница, своя сеть магазинов, столовых в Джидинском районе и г. Улан-Удэ [15, с. 3, 31, 32].

Совхозы «Еравнинский» и «Эрдэм» были реформированы в начале первого десятилетия XXI в. В целом же, в хозяйственной деятельности совхозов, несмотря на рост количественных показателей, наблюдалось много проблем. Совхозы были не в состоянии по своим материальным возможностям вести производство на всей земельной площади в равной мере интенсивно. Себестоимость продукции росла или оставалась на прежнем уровне, совхозы не сумели снизить себестоимость продукции.

Библиография

1. Зайцева Л.А. Душа, дорога и судьба (к 100-летию со дня рождения Алексея Николаевича и Прасковьи Иннокентьевны Зайцевых). – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2013. – 176 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия, ф.п. 66, оп. 1, д. 3, л. 5; ф.р. 475, оп. 7, д. 30, д. 23.
3. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2011. – 320 с.
4. Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 349, оп. 2, д. 19, л. 155.
5. ГАРБ, ф.п. 571, оп. 1, д. 32, л. 3.
6. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство…320 с.; ГАРБ, ф.п. 571, оп. 1, д. 3, л. 1, 2, , 42 об; д. 5а, л. 14; д. 6а, л. 14.
7. Край голубых озер. – Улан-Удэ: Изд-во Байкал, 1997.
8. Ветеринарная служба Республики Бурятия. Очерки истории. – Улан-Удэ: Изд-во Респ. типогр., 2010. – 456 с.; ГАРБ, ф.р. 1, оп. 1, д. 1520а, л. 38; ф.р. 691, оп. 1, д. 41, л. 6; ф.п. 5761, оп. 1, д. 1, л. 24, 25.
9. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии…320 с.
10. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии…320 с.
11. ГАРБ, ф.п.-66, оп. 1, д. 35, л. 6; ф.п. 571, оп. 1, д. 12а, л. 21, 23, 28.
12. ГАРБ, ф.р. 691, оп. 7, д. 3169, л. 7,8; ф.п. 376, оп. 1, д. 1, л. 3; оп. 1, д. 138, л. 3; оп. 1, д. 9, л. 28; оп. 1, д. 138, л. 3.
13. Директивы КПСС и советского правительства…т. 4.
14. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии…320 с.
15. Племенной завод «Боргойский». – Петропаловка, 2010.

Bibliography

1. Zaitseva L.A. The soul, way and destiny (to 100th anniversary of the birth of the Alexei Nikolaevich and Praskovia Innokentievna Zaitsevs). – Ulan-Ude: BSAA Press, 2013. – 176 p.
2. State Archive of the Buryatia Republic (SABR). Col.p. 66, Inv. 1, F. 3, P.5; Col.r. 475, Inv. 7, F. 30, P. 23
3. Zaitseva L.A. Agriculture in Buryatia in the XX century: development experience and problems. – Ulan-Ude: BSAA Press, 2011. – 320 p.
4. Russian State Archive of Social-Political History. Col. 349, Inv.2, F. 19, P.155
5. SABR Col. 571, Inv.1, F.32, P.3
6. Zaitseva L.A. Agriculture in Buryatia in the XX century: development experience and problems. – Ulan-Ude: BSAA Press, 2011. – 320 p.; SABR. Col.p. 571, Inv. 1, F. 3, P. 1,2,4,42, the other side of the page; Col. 5a, P. 14; Col.6a, P.14.
7. The district of blue lakes. – Ulan-Ude: Baikal Publ. House, 1997
8. Veterinarian service of the republic of Buryatia. Historical review. – Ulan-Ude: Republ. Publ. House, 2010. – 456 p.; SABR Col.r. 1, Inv.1, F. 1520a, P.38; Col.r.691, Inv.1, F.41, P.6; F.p. 571, Inv.1, f.1, P.24, 25.
9. Zaitseva L.A. Agriculture in Buryatia in the XX century: development experience and problems. – Ulan-Ude BSAA Press, 2011. – 320 p.
10. Ibid.
11. SABR Col.p. 66, Inv.1, F. 35, P.6; Col.p. 571, Inv.1, F.12a, P.21,23,28
12. SABR Col.r. 691, Inv.7, F.3169, P.7,8; Col.p. 376, Inv.1, F.1, P.3; Inv.1, F.138, P.3; Inv.1, F.9, P.28; Inv.1, F.138, P.3
13. The Soviet Union Communist Party and the Soviet Government Directives … V.4
14. Zaitseva L.A. Agriculture in Buryatia in the XX century: development experience and problems. – Ulan-Ude BSAA Press, 2011. – 320 p.
15. Breeding Plant "Borgoisky" . – Petropavlovka, 2010.

Ю.Ц. Тыхеева, д-р филос. наук, доц., e-mail: tyheeva@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 316.346.2-055.2:94(470+571)"1917"

ЖЕНЩИНЫ БУРЯТИИ В ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена роли Великой Октябрьской социалистической революции в судьбе женщин Бурятии. Женщины Бурятии как и другие жители бывшей Российской империи пережили громадное преобразующее влияние революции. Революция оказала глубокое влияние не только на политические, социальные, экономические отношения старого общества. Она преобразовала глубинные слои жизни простых людей. И наиболее ярко это отразилось в жизни женщин. Множество бурятских женщин приняли активное участие в строительстве новой жизни, нового быта, новых социально-политических отношений. В качестве примера в статье приводятся имена нескольких бурятских женщин, в судьбе которых отразилась эпоха.

Ключевые слова: *революция, работа среди женщин, женорготдел, женделегатка, конференции женделегаток, ликвидация неграмотности, обучение бытовым навыкам, партучеба, Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), женщины на руководящих постах, участие женщин во всех областях общественной жизни.*

Ju.Ts. Tyheeva, PhD, Assoc. Prof.

WOMEN OF BURYATIA IN THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION

The article is devoted to the role of the Great October socialist revolution in the destiny of women of the Republic of Buryatia. Women of Buryatia like other residents of the former Russian Empire survived the tremendous transformative impact of revolution. The revolution had a profound impact not only on political, social, economic relations of the old society. It transformed the deeper layers of the lives of ordinary people. And this is reflected most clearly in the lives of women. Many of the Buryat women took an active part in building a new life, new socio-political relations. As an example, the article lists some names of several Buryat women, whose fate reflected the era.

Key words: *revolution; work among women; womenorgotdel; womendelegat; Conference of womendelegat; the eradication of illiteracy; life skills training; partstudy; Communist University of Workers the East (CUWE); women in leadership positions; the participation of women in all spheres of public.*

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала глубокое влияние на все сферы жизни людей российского общества. Преобразованиям подверглись буквально все стороны от государственно-политических до повседневно-бытовых. Революция не является одномоментным деянием, она представляет собой длительный процесс. Новое общество предъявляет свои требования, и каждый человек должен следовать им.

Некоторые женщины Бурятии принимали участие еще в Гражданской войне и первых шагах становления Советской власти. Это М.М. Сахьянова, Ф.М. Осодоева, М.М. Тарантаева. Но, считаю, понастоящему революционная деятельность женщин проявилась в формировании повседневной жизни.

Множество бурятских женщин приняли активное участие в строительстве новой жизни, нового быта, новых социально-политических отношений. При органах новой власти были образованы специальные отделы по работе с женщинами. Проводились женские собрания, на которых обсуждались различные вопросы, начиная с политических и заканчивая своеобразными «мастер-классами», где женорганизаторы на практике обучали женщин новым бытовым навыкам: мытью посуды и полов, стирке белья, купанию детей.

Создавались новые формы обучения, такие как организация Дома бурятки, где курсанток обучали грамоте, разъясняли политику партии, прививали новые гигиенические правила поведения. С юмором активистки вспоминают как учили своих подопечных мытью в бане. «Многие уклонялись от стирки белья. Большим событием было и то, что наши курсантки впервые в жизни мылись в бане, одевали белье и платья. В бане с трудом их заставляли раздеваться, раздетые, они забивались в угол, стыдясь показаться нагими. И мне приходилось рассказывать, как моются в городе в общих банях, по одной вытаскивать и мыть их как маленьких детей» [1, с. 33].

Первый Дом бурятки был организован в Агинском аймаке под руководством А.Д. Далбаевой. Активное участие в работе принимали учительницы А.И. Нерадовская, Е.Н. Трубачеева, К. Сысолятина, М.И. Неродовская, коммунистка Храпкина, женделегатки П.М. Зубова, А.И. Мурзина, А.П. Никифорова, Попова и др. Большими энтузиастами в организации вечеров, спектаклей были Н.Ф. Грекович и П. Токарева-Зырянова.

Нужно отметить, что женщины-бурятки стали привлекаться к руководящей работе. Например, в 1929 г. председателем Тамчинского сомсовета была избрана бывшая батрачка, воспитанница комсомола Д.Г. Эрдынеева. Пост этот в ту пору был большой, а работа трудной и ответственной – коллективизация, борьба с кулачеством, строительство и организация школ, яслей, кооперативов. В 1931 г. Д.Г. Эрдынеева на V съезде Советов Бурятии была избрана членом правительства Бурят-Монгольской АССР и делегатом Всесоюзного съезда Советов, на котором была выдвинута в члены правительства СССР. Позже и в годы войны работала председателем колхоза в Усть-Ордынском национальном округе [1, с. 33].

В прошлом неграмотная улусная беднячка Г.А. Цыденова избиралась женделегаткой, затем председателем сельсовета, председателем колхоза, а также депутатом Верховного Совета СССР, Председателем Президиума Верховного Совета Бурятской АССР. Она получила высшее образование, окончила сельхозинститут, работала ветеринарным врачом в Бурятии. К моменту празднования десятой годовщины образования Бурятской АССР бурятки занимали высокие посты в правительственных учреждениях: наркомом здравоохранения работала У.А. Бабушкина, зампредседателя Госплана С.Я. Ербанова, замнаркома просвещения А.А. Вартанова [1, с. 88].

Несколько человек окончили Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Это вуз, нацеленный на подготовку кадров для работы за рубежом для победы мировой революции. Л.Н. Пронина после освобождения г. Верхнеудинска от белогвардейцев и интервентов с марта 1920 г. занималась организацией школ взрослых и ликбезов. Затем работала инструктором женотдела Верхнеудинского горкома РКП(б), показала себя инициативным работником. После окончания в конце 1921 г. краткосрочных курсов при Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова Л.Н. Пронина работала в Бурятии до 1930 г. в качестве женработника в горкоме партии, затем в Комиссии по улучшению быта женщин при БурЦИК, завженотделом обкома ВКП(б). Ф.М. Осодоева член компартии с 1920 г. тоже училась в КУТВ. В.М. Тарантаева, член КПСС с 1925 г., также окончила КУТВ, в 1922 г., работала завженотделом Аларского айкома. В 1923-1924 гг. – инструктор бурженотдела. С 1926 г. по 1929 г. по линии Коминтерна работала в Монголии [1, с. 91].

Революция закрепляется и дает свои плоды только тогда, когда к ней примкнут и будут работать самые угнетенные. Октябрьская социалистическая революция смогла победить только тогда, когда в ее свершениях активное участие приняли женщины.

Библиография

1. Женщины Советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1967.

Д.М. Маншеев, д-р ист. наук, доц., e-mail: dorzham@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94:633(571.54) «1850-1890-е гг.»

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ БУРЯТ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ В ПЕРИОД ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В статье исследуется развитие земледелия бурят Предбайкалья в период развития капиталистических отношений в России. Показана динамика изменения посевных площадей, связанная с ростом спроса. Проанализированы демографические процессы, происходившие в период либерализации экономики края. Выявлено соотношение посевов зерновых культур в разных временных рамках. В исследовании представлено развитие мельничного производства и огородничества

Ключевые слова: *Россия, Предбайкалье, буряты, земледелие, либерализация экономики*.

D.M. Mansheyev, Dr. Sc. History, Assoc. Prof.

THE AGRICULTURE OF THE BAIKAL REGION BURYATS DURING THE RUSSIAN ECONOMY LIBERALIZATION

The article studies the development of the agriculture of the Baikal region Buryats during the development of capitalist relations in Russia. The dynamics of crop area change is shown, connected with the growth of demand. Demographic processes occurred during the liberalization of the economy of the region are analyzed. The ratio of grain crops in different time frames is revealed. The study presents the development of mill production and truck farming.

Key words: *Russia, the Baikal region, the Buryats, agriculture, the liberalization of economics.*

Либерализация экономики России охватывает вторую половину XIX в. В результате промышленного переворота в России начинается развитие капитализма, который повлиял на развитие противоречивых процессов в сельском хозяйстве, затронув центр страны и ее окраины.

Во 2-й половине XIX в. буряты Предбайкалья продолжают развивать земледелие в своем хозяйстве, тем самым выполняя государственный заказ по производству зерна, поставляемое ими в города и казенные заводы. В этот период буряты сталкиваются с новым явлением, таким как капитализм, когда основной формой собственности становятся хозяйственные земли – пахотные и сенокосные. В результате развития товарного хозяйства в крае среди бурят выделяются зажиточные семьи, которые концентрируют у себя большие участки хозяйственных земель, отчуждая их у менее состоятельных родовичей. Капитализация хозяйства в руках незначительной прослойки богачей и обезземеливание части бурят приводит к возникновению наемного труда [1].

Между тем, способы ведения хозяйства и орудия земледельческого труда в крае в течение 2-й половины XIX в. не претерпели серьезных изменений и в целом продолжали оставаться примитивными. Главным и общераспространенным земледельческим орудием оставалась деревянная соха. В последней четверти XIX в. во многих районах Иркутской губернии кроме сохи для пахоты, главным образом для подъема «нови» и «разделки» залежей, употреблялась колесуха. В отличие от сохи колесуха укреплялась на тележной оси с колесами и имела более тяжелый сошник. Главным преимуществом колесухи являлись быстрота и относительная глубина вспашки [1, с. 23-24]. К концу XIX в. колесуха в незначительных количествах распространилась среди крестьян. Буряты же предпочитали соху, так как их неистощенные земли не требовали глубокой пахоты. К тому же буряты дорожили чистотой работы, которую не могла дать колесуха [2, с. 103-104]. В Забайкальской области, кроме сохи и колесухи, пользовались еще усовершенствованными орудиями местного производства – сабаном и плугом [1, с. 24].

Для рыхления полей после их вспашки и заделки семян во время посевов употреблялись бороны. В исследуемый период бороны с деревянными зубьями вытесняются боронами с железными зубьями, дающими возможность более глубоко заделывать семена и облегчающими борьбу с сорняками [1, с. 24].

Из усовершенствованных орудий в конце XIX в. стали распространяться плуги, веялки, молотилки и сеялки, привозимые или местного производства. Однако они не получили в крае широкого распространения из-за того, что население не было знакомо с их устройством и преимуществами над традиционными орудиями труда, а также из-за дороговизны их доставки [2, с. 111; 1, с. 25].

Рассмотрим развитие земледелия предбайкальских бурят в исследуемый период на примере Балаганского ведомства, так как процессы, происходившие в земледелии балаганских бурят, характерны и другим бурятским ведомствам Предбайкалья. Во 2-й половине XIX в. буряты Балаганского ведомства продолжают расширять свои посевные земли. К 1856 г. размеры посевов балаганских бурят увеличиваются до 9676 дес. Во 2-й половине 1850-х гг. в ведомстве происходит уменьшение урожайности зерновых, что обусловило уменьшение посевных площадей у бурят. К 1861 г. посевные земли в Балаганском ведомстве убавились до 9201 дес., а на душу населения – до 0,54 дес. [3, с. 244].

Во 2-й четверти XIX в. идет быстрый рост городов и промышленных зон Иркутской губернии. В результате растет потребность городского населения в продуктах земледелия. К тому же винокуренные заводы, возникавшие в крае, нуждались в большом количестве зерна. Рост спроса на зерно приводит и к повышению его предложения. В результате увеличиваются посевные площади бурят. Так, к 1870 г. в ведомстве балаганских бурят было засеяно зерном 13 462 дес., что на 4261 дес. больше, чем в 1861 г. На душу населения в 1870 г. пришлось 0,76 дес. посевов зерна. К 1887 г. размеры посевов достигают уже 14 129 дес., а на душу населения – 0,85 дес. Между тем сокращается численность населения Балаганского ведомства с 17 672 душ в 1870 г. до 16 600 душ в 1887 г. [3, с. 244].

Что же произошло? Почему посевы зерна в ведомстве росли, а население сокращалось? Очевидно, сокращению населения послужили ряд факторов. Переселенческая политика государства привела к стремительному росту русского населения в Предбайкалье, и заселению ими пустующих земель. В результате к концу XIX в. земли, пригодные для хозяйствования, были освоены. Освоенность хозяйственных земель в условиях аграрного общества не позволяла увеличивать численность населения. Углубление капитализации привело к концентрации земель в руках зажиточных хозяйств, в результате обезземеленные родовичи вынуждены были искать средства к существованию в других местах.

Остается не выясненным один вопрос, за счет чего буряты расширяли свои посевные площади? В конце XIX в. расширение посевов происходило в основном за счет разработки залежей и посевов на жниве, а в некоторых местах и за счет распашки сенокосных и пастбищных земель. Расчистки же леса под пашню были незначительными, так как требовали много труда и финансовых вложений [2, с. 40-50]. Подтверждением этого положения служит следующий факт: во 2-й половине XIX в. соотношение посевов озимых и яровых культур в ведомстве балаганских бурят меняется. В отличие от 1-й половины XIX в. в ведомстве увеличиваются посевы яровых культур. Так, к урожаю 1870 г. балаганскими бурятами было засеяно 2898 (21,53 %) дес. озимыми хлебами и 10 564 (78,47 %) дес. яровыми хлебами. В 1887 г. в ведомстве было засеяно 2856 (20,21 %) дес. озимыми культурами и 11 273 (79,79 %) дес. яровыми культурами [3, с. 244]. Следовательно, буряты расширяют посевы яровых культур за счет распашки земель, где зимой было мало снега или его вовсе выдувало. Такими землями были залежи яровых посевов, степные пастбища и сенокосы.

Яровая рожь сохранила свои лидирующие позиции в посевах балаганских бурят и во 2-й половине XIX в. Так, к урожаю 1869 г. в Балаганском ведомстве было засеяно 8366 ½ дес. яровой рожью, 2592 $^{3}/_{8}$ дес. озимой рожью, 1280 ¼ дес. овсом, 815 ¼ дес. пшеницей, 119 ½ ячменем и 71 дес. коноплей [4].

Во 2-й половине XIX в. урожайность зерновых культур в Балаганском ведомстве оставалась примерно на уровне 1-й половины XIX в. и редко превышала 3 сама. Между тем с 1870-х гг. резко увеличиваются урожаи на душу населения ведомства. Так, если урожая 1861 г. на душу населения ведомства пришлось 3,14 четвертей, то в 1879 г. это значение достигло 5,74 четверти при урожайности в 2,50 сама [3, с. 244]. Таким образом, балаганские буряты увеличивали объемы сборов зерновых культур прежде всего за счет расширения своих посевных площадей, т.е. за счет экстенсивного земледелия.

В исследуемый период по сравнению с 1-й половиной XIX в. объемы поставляемого балаганскими бурятами зерна в казну и частные руки выросли. В 1856 г. буряты Балаганского ведомства продали Александровскому винокуренному заводу 90 665 пудов хлеба на сумму 22 566 руб. 35 коп., а в частные руки в городах Иркутске и Нижнеудинске – 31 525 пудов на сумму 7963 руб. 50 коп., всего было продано 122 190 пудов хлеба на сумму 30 529 руб. 85 коп. [5]. К началу 1860-х гг. рынок сбыта зерна стал более емким, чем в предыдущие годы. Из годового отчета Балаганской степной думы за 1861 г.: «*Сбыт хлеба из урожая 1861 г. производился для казенных мест, котораго продано в заводы: Иркутский солеваренный – 6000 пудов и Александровский винокуренный – 95 872 пуда, а всего 101 872 пуда*» [6]. Из сравнения видно, что к 1861 г. Александровский завод стал потреблять на 5207 пудов

зерна больше, чем в 1856 г. К тому же появился еще один потребитель балаганского зерна – Иркутский солеваренный завод, который увеличивал спрос на зерно, производимое балаганскими бурятами.

К концу XIX в. печеный хлеб становится ежедневной пищей бурят Предбайкалья. Для выпечки хлеба буряты устраивают русские печи в своих зимних жилищах, а на летниках печи выкладываются прямо на улице [2, с. 122]. Между тем и к концу XIX в. мясная и молочная пища остается основой рациона питания бурят.

В ведомстве балаганских бурят продолжается строительство водяных мельниц и магазинов с хлебными запасами. К 1856 г. число мельниц в ведомстве выросло до 21 шт., а количество хлебных магазинов – до 25 шт. [5]. К 1886 г. число мельниц в ведомстве увеличилось до 37 шт., а количество хлебных магазинов – до 40 шт. К тому году в ведомстве появляется одна крупчаточная мельница по производству крупчаточной муки (высший сорт пшеничной муки, отличающейся значительной зернистостью) [7]. К концу XIX в. в Иркутской губернии существовало всего 7 крупчаточных мельниц. Самая большая крупчаточная мельница принадлежала буряту Пирожкову и находилась на р. Тарасе в Балаганском округе [2, с. 241].

Полуоседлые буряты Балаганского ведомства так и не приобщились к возделыванию огородных овощей. Единственным овощем, выращиваемым ими, оставался картофель. Оседлые же буряты высевали картофель, капусту, огурцы, брюкву, редьку, репу, морковь, свеклу, бобы, лук и чеснок.

В 1861 г. балаганскими бурятами (полуоседлыми и оседлыми) было засеяно 579 четвертей и убрано 2040 четвертей картофеля, на душу населения ведомства пришлось 0,12 четверти или 0,96 пуда картофеля [6]. Урожай картофеля в 1879 г. составил 2032 четверти, а на душу населения – 0,12 четверти, или 0,96 пуда [8]. Итак, из урожаев картофеля 1860-1870-х гг. на душу населения Балаганского ведомства в среднем приходилось по 0,12 четверти, что приблизительно равно урожайности картофеля в 1856 г.

В 1870 г. оседлые буряты ведомства сняли урожай: капусты в 476 четвертей, огурцов – 17, брюквы – 23, редьки – 67, репы – 98, моркови – 101, свеклы – 62, бобов – 14, лука – 154 и чесноку 4 четверти [9]. К концу 1870-х гг. посевы и урожаи огородных овощей у оседлых инородцев выросли в несколько раз. Так, в 1879 г. урожаи огородных овощей были следующими: капусты – 1157 четвертей, огурцов – 122, брюквы – 155, редьки – 175, и репы – 118, всего 1727 четвертей [8]. Собранный урожай овощей инородцы употребляли сами.

С 1860-х гг. в ведомствах Предбайкалья начинает высеваться русский табак. По официальным сведениям, в 1894 г. во всей Иркутской губернии под табаком было засеяно 186 дес. земли, с которых было собрано 31 135 пудов. Выращенный табак под именем «ангарки» продавался среди бурят Иркутской губернии, на Лене в Якутской области и в Забайкалье [2, с. 207, 208]. В 1869 г. в Балаганском ведомстве было засеяно 1001 гряда русского табака. Длина каждой гряды в среднем составляла 8 сажень 12 ¼ вершков с долями, а ширина – ½ сажени [4]. В 1879 г. балаганские буряты засеяли 361 гряду и сняли 150 пудов табака. При этом в процессе возделывания табака участвовали 71 чел. [8].

Итак, во 2-й половине XIX в. буряты продолжают наращивать усилия по развитию земледелия. Бурятское земледелие в Предбайкалье, как и в целом в Сибири, продолжает развиваться экстенсивным путем за счет расширения посевных площадей. Таким образом, буряты увеличивают сборы зерна на душу населения. Между тем климатические условия остаются основным фактором, влияющим на объемы посевов и урожая зерна у бурят, так как земледельческие технологии не претерпели изменений и к концу XIX в. К 1860-м гг. в бурятских ведомствах ощущается недостаток плодородных земель, пригодных под засев зерна, в том числе и озимых культур. Бурятам приходится распахивать залежи, пастбища, а в некоторых местах и сенокосные участки.

С начала 1860-х гг. с освобождением рынка зерна от опеки государства начинается капитализация зажиточных хозяйств, которые отчуждают земли у бедных бурят для увеличения своей прибыли за счет повышения объемов продаваемого зерна. Эта тенденция ярко проявляется в ведомствах Предбайкалья, где был высок уровень развития земледелия. Обедневшим слоям населения приходится наниматься на поденные и месячные полевые работы к своим богатым сородичам. Капитализация становится одной из причин оттока населения из ведомств Предбайкалья, так как обезземеленные буряты в поисках лучшей доли уезжают из своих ведомств в восточные районы Бурятии.

В структуре возделываемых бурятами культур яровые хлеба вытесняют озимые. Здесь сказывается оскудение плодородности озимых полей из-за их выпашки и ограниченность ресурсов расширения этих полей. Яровая рожь становится господствующей культурой в посевах всех групп бурят, вытесняя озимую рожь. Между тем в структуре посевов бурят определенное место занимают пшеница, овес, ячмень и греча. Отмечается тенденция к незначительному увеличению доли пшеницы в посевах, указывающая на некие качественные изменения в земледелии бурят. В бурятских ведомствах ширится

мельничное производство, иллюстрируя изменения спроса населения, который становится все более взыскательным к потребляемому товару. Из овощей подвижные буряты выращивают лишь картофель. Оседлые же буряты, принявшие русскую земледельческую культуру возделывали те же овощи, что и русские крестьяне.

Библиография

1. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 494 с.
2. Молодых И.А., Кулаков П.Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1896. – 242 с.
3. Маншеев Д.М. Хозяйство бурят в XIX в.: основные факторы и особенности развития. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. – 264 с.
4. НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 1166, л. 92.
5. НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 733, л. 56-56 об.
6. НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 899, л. 163 об.
7. НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 1857, л. 82.
8. НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 1545, л. 298 об.-299.
9. НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 1212, л. 358 об.-359.
10. НАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 1166, л. 118.

Bibliography

1. Asalkhanov I.A. The Socio-Economic Development of South-Eastern Siberia in the Second Half of the XIX Century. - Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1963. - 494 p.
2. Molodykh IA, Kulakov P.E. Illustrated Description of the Life of the Rural Population of the Irkutsk Province. - SPb .: Steam printing of P.A. Yablonsky, 1896. - 242 p.
3. Mansheev, D.M. The Economy of the Buryats in the XIX Century: the Main Factors and Features of Development / D.M. Mansheyev. - Ulan-Ude: ESSTU Press, 2011. - 264 p.
4. National Archive of Buryatia Republic NABR, Col. 3, Inv. 1, F. 1166, L. 92.
5. NABR, Col. 3, Inv. 1, F. 733, L. 56-56 rev.
6. NABR, Col. 3, Inv. 1, F. 899, L. 163 rev.
7. NABR, Col. 3, Inv. 1, F. 1857, L. 82.
8. NABR, Col. 3, Inv. 1, F. 1545, L. 298 rev.-299.
9. NABR, Col. 3, Inv. 1, F. 1212, L. 358 rev.-359.
10. NABR, Col. 3, Inv. 1, F. 1166, L. 118.

Н.А. Мартынова, бакалавр, магистрант, e-mail: martins_love94@mail.ru
С.Ч. Мантурова, д-р ист. наук, проф.
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 364.07(571.54)“1923-1940”

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ В БУРЯТИИ (1923-1940 гг.)

В данной статье на основании архивных материалов рассматривается становление и развитие системы социального обеспечения в Бурятии в период с 1923 по 1940 гг. Показана деятельность государственных социальных органов – Центральной Коллегии Социального обеспечения, Бурят-Монгольского комитета помощи больным, раненым красноармейцам и инвалидам войны, Комиссии по улучшению труда и быта женщин и др.

Ключевые слова: *Бурятия, социальное обеспечение, социальная политика, государственные органы социального обеспечения, Центральная коллегия социального обеспечения, инвалиды, женщины, дети.*

N.A. Martynova, Bachelor, Undergraduate
S.Ch. Manturova, Dr. Sc. History, Prof.

REGIONAL FEATURES OF SOCIAL SUPPORT MANAGEMENT IN BURYATIA REPUBLIC (1923-1940)

The article considers the formation and development of social security system in Buryatia in the period from 1923-1940, the research is based on archival documents. Activities of the state social authorities – Central Board of Social

welfare, the Buryat-Mongolian Committee for aid to the sick, wounded and disabled red army war, of the Commission for improvement of work and life of women etc. are analyzed.

***Key words**: Buryatia, social security, social policy, state welfare authorities, Central Board of social welfare, persons with disabilities, women, children.*

С окончанием Гражданской войны и введением новой экономической политики социальное обеспечение в Советской России вступило в новый период своего развития.

С вступлением в 1923 г. Бурятии в новый период своего развития, перед новыми органами местной власти встали два главных вопроса: как преодолеть экономическую разруху и голод, как строить автономию, рационально используя ее преимущества и как решать острейшие социальные проблемы общества.

Империалистическая война, последующая за ней революция и Гражданская война, способствовали появлению большой армии инвалидов, сирот и прочих нуждающихся, создали огромное поле работы для социального обеспечения, проводниками в котором стали вновь созданные государственные органы.

Одним из главных государственных органов, осуществляющих деятельность в области социального обеспечения, была образованная в 1923 г. В г. Верхнеудинске Центральная Коллегия социального обеспечения БМАССР (31 июля 1923 г. – 1927 г.), председателем которой стал Д.С. Ячник. В последующие годы Комиссия имела названия Уполномоченный отдела социального обеспечения БМАССР (1928-1931 гг.), во главе с председателем Комиссии Десятовым; а в 1932-1945 гг. – Народный комиссариат социального обеспечения БМАССР.

Центральная Коллегия социального обеспечения – республиканский орган исполнительной власти, обеспечивающий в пределах своей компетенции проведение единой государственной политики в области труда и социального обеспечения[1]. В ее деятельность входили следующие функции: – предоставление социальных гарантий, организация социального обеспечения населения; социальная поддержка семьи, женщин, детей; организация медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов; развитие материально-технической базы отрасли; финансовая и хозяйственная деятельность [1].

Не менее важную роль в деле социального обеспечения Республики играл Бурят-Монгольский комитет помощи больным, раненым красноармейцам и инвалидам войны (Бурцентркомпом), который был организован в конце 1923 г. В г. Верхнеудинске. Это учреждение было образовано для оказания помощи данным категориям населения в деле их лечения, материального обеспечения и удовлетворения их культурных и политических запросов и потребностей [2].

Органами Комитета являлись: в центре – Пленум и Президиум Комитета, на местах – Уполномоченные Комитета, состоящие при Аймачных и Хошунных Исполнительных комитетах, входящих в состав республики [3].

Фактически комитет вел плановую работу, восполняя деятельность органов Собеса, Здравоохранения, Военведомства и др. [3]. Так, например, количество состоящих на учете в комитете на 1 октября 1925 г., было следующим: инвалидов гражданской войны – 161 чел., инвалидов империалистической войны – 388 чел., членов семей погибших на войне – 481 чел., итого – 1030 чел. [3]. Назначенопособий: инвалидам войны и их семьям в количестве около 400 чел. на сумму 879 руб. 67 коп., инвалидному дому пособий на 24 руб. 50 коп.; демобилизованным красноармейцам (около 200 чел.) – 1311 руб. 55 коп. [3]. Израсходовано на курортное лечение (3 чел.) 492 руб. 69 коп., на протезирование (5 человек) – 119 руб. 05 коп. Кроме того, отпущено 450 руб. на оказание помощи демобилизованным и 300 руб. на заготовку обмундирования [3].

В рамках кампании, приуроченной к празднованию годовщины Красной армии (с 23 февраля по 1 марта 1928 г.), Комитетом был проведен «Недельник помощи больному красноармейцу и инвалиду войны». Задачи «Недельника»: популяризация идей Всероссийского комитета помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны (Всерокомпома) и агитация вступления в его ряды; отчеты по наличию и использованию средств на дело оказания помощи, улучшение быта инвалидов и их семей, больных красноармейцев [4].

В течение «Недельника» проводилась агитационная работа. Так, в городе разъяснялась необходимость помощи инвалиду, красноармейцу – в клубах заводов, на комсомольских и делегатских собраниях, в воинских частях, в школах. В газете «Бурят-Монгольская правда» была размещена статья о «деятельности Бурцентрокомпома и как помочь инвалиду в деревне». Практически деятельность осуществлялась путем проведения, совместно с Собесом, обследования инвалидов в городе и на периферии, а также инвалидных домов. Совместно с воинскими частями изучалось положение больного красноармейца в местных госпиталях и околодках [4].

Методами изыскания средств на помощь больным красноармейцам и инвалидам являлись: «кружечные сборы», организация силами клубов при заводах платных постановок, практиковалось проведение детских утренников с продажей игрушек и сбором добровольных пожертвований по подписному листу, организовывалась беспроигрышная лотерея, постановка киносеансов в пользу инвалидов и др. [4].

В результате, по городу при различных учреждениях и предприятиях организовано 11 ячеек «Друг инвалида» с числом членов около 500 чел. [4].

В целях развития и укрепления среди широких крестьянских масс общественности, направленной на организацию помощи малоимущим и красноармейским хозяйствам, а также прочим гражданам и хозяйствам, впавшим в нужду в селах, аймаках, волостях и районах учреждаются крестьянские общества взаимопомощи.

Начало организации крестьянского общества взаимопомощи в Бурреспублике было заложено в декабре 1923 г. Созданием Центральной Крестьянской секции при Наркомземе, вследствие переименованной в Центральный Крестьянский Комитет общественной взаимопомощи (ЦККОВ). Основная задача Кресткомов заключалась в том, что оказание взаимной помощи производилось на началах, прежде всего, самодеятельности населения. Кресткомы, являясь органом крестьянской общественности, были объединены целевыми социально-экономическими установками – оказание помощи беднейшему и маломощному крестьянству и политическим; создание опоры политического режима в деревне, подготовка почвы для социалистических преобразований в аграрном секторе экономики [5].

К основным видам помощи крестьянскому населению относилось создание фондов как денежных (за счет обязательных взносов всех крестьян какого-либо села, собираемых путем самообложения, добровольных пожертвований отдельных граждан; штрафов, налагаемых на граждан, уклоняющихся от взносов; обложений торговых и промышленных предприятий), так и натуральных (семенные фонды); оказание трудовой помощи маломощным крестьянским хозяйствам, семьям красноармейцев путем организации общественной запашки, уборки хлебов, сена; выдача беднейшим крестьянам на временное и безвозмездное пользование лошадей, хлеба; создание кооперативных организаций для поднятия маломощных хозяйств, за счет внесения членских паев из общественных средств, культурно-просветительная работа среди сельского населения и др. [6].

В целях оказания помощи и поддержки слепых, в 1935 г. Был создан Бурят-Монгольский отдел Всесоюзного общества слепых, подчинявшийся Центральному Правлению Всероссийского общества слепых (ВОС). Отделом осуществлялись социальное обеспечение и рациональное устройство слепых граждан, организация их культурно-бытового обслуживания [7]. Нуждами же глухих в Бурреспублике занималось Бурятское республиканское правление Всероссийского общества глухих, образованное 21 сентября 1926 г., на основании «Положения о Всероссийском объединении глухонемых», утвержденного СНК РСФСР от 14 июня 1926г. Оно подчинялось Центральному Правлению Всероссийского общества глухих [7]. В функции правления входили: социальное обеспечение, защита прав и интересов граждан с нарушением слуха, их социальная реабилитация и интеграция в обществе, содействие органам здравоохранения и народного образования в воспитании и обучении лиц с нарушением слуха [7].

Обществами организовывались собрания, трехдневники, декады, имеющие своей целью привлечь внимание широкой общественности к их работе, мобилизовать материальные средства общественности на развитие своей деятельности по обслуживанию культурных и материальных запросов и нужд своих членов.

Широкое распространение в БМАССР имела работа с женским населением. Руководящим органом по работе среди женщин-буряток на территории БМАССР являлась образованная 13 февраля 1925 г. Комиссия по улучшению быта и труда женщин (КУБТЖ), в г. Верхнеудинске, председатель комиссии БурЦИК М.И. Амагаев. Комиссия состояла из трех секций: охрана материнства и детства, борьба с безработицей, юридическая – по защите прав женщин. Функции комиссии: политическое воспитание, вовлечение в общественную деятельность, трудоустройство женщин, привитие культурно-бытовых навыков, оказание помощи одиноким матерям и детям, ликвидация неграмотности. С конца 1926 г. Создавались комиссии при исполкомах, организованы передвижные Красные юрты, дома бурятки, школа кройки и шитья [8].

Последствия империалистической и Гражданской войн, а также небывалый по своим размерам голод 1921 г. Способствовали появлению беспризорных детей. Руководящим органом по борьбе с детской беспризорностью в БМАССР являлась образованная 20 декабря 1923 г. Центральная детская Комиссия по улучшению жизни детей (ЦДК) при ЦИК БМАССР в г. Верхнеудинске, первым председателем комиссии стал Черноморченко [9].

ЦДК ставила своей целью общее руководство по борьбе с беспризорностью в БМАССР, а также оказание помощи детям и в первую очередь беспризорным. Комиссия объединила деятельность всех государственных учреждений и органов, ведущих работу по борьбе с детской беспризорностью, оказывала им в этом организационную и материальную помощь, привлекала к делу помощи советскую общественность, всемерно ей содействуя и согласовывая ее деятельность с государственными организациями и учреждениями. Органами, ведущими борьбу с детской беспризорностью и проводящими работу над улучшением быта детей, кроме ЦДК являлись Наркомат просвещения (Наркомпрос), Наркомат здравоохранения (Наркомздрав), Общество «Друзья детей», Комиссия по распоряжению фондом им. В.И. Ленина. На местах эта работа велась аймачными и районными детскими комиссиями и органами Наркомздрава и ячейками Общества «Друзья детей». В целях изыскания средств на дело борьбы с детской беспризорностью в республике были созданы лото, биллиардные, велась распродажа лотерейных билетов. Все эти мероприятия проводились в г. Верхнеудинске [9].

К началу создания комиссии в городах Верхнеудинске и Троицкосавске насчитывалось до 630 детей, которые нуждались в немедленной помощи. В связи с этим в республике открываются детские дома, общежития для беспризорников-мальчиков; выдача пособий беспризорным в плановом порядке; выдача случайных пособий; определение детей в школы и мастерские на правах учеников и стипендиатов; отправление детей в трудовые колонии; материальная поддержка полубеспризорников в виде выдачи пособий матерям; содержание детских яслей. Указом Верховного Совета БМАССР от 17 декабря 1938 г. ЦДК была ликвидирована [9].

Подводя итоги работы государственного управления социального обеспечения в БМАССР в рассматриваемый период можно сделать следующие выводы:

С момента выделения Бурят-Монгольской республики и создания самостоятельных государственных органов, осуществляющих социальную поддержку населения, дело социального обеспечения стало иметь плановый, структурированный характер, охватило всю нуждающуюся массу, как города, так и деревни. Несмотря на проводимые мероприятия, еще предстояла организация огромной работы среди нуждающегося населения. Социальное обеспечение нуждалось в достаточном отпуске финансовых средств, в грамотных специалистах с сознательным подходом к своему делу, содействии власти как в центре, так и на местах, активной поддержке трудящейся массы.

Библиография

1. Путеводитель по фондам Национального архива Республики Бурятия 1917-2007 гг. // Центральная коллегия социального обеспечения Бурят-Монгольской АССР, г. Верхнеудинск. – С. 282.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) Ф. Р-1687, оп. 1. Предисловие к оп. 1 Ф.Р-1687. – С. 1.
3. ГАРБ Ф.Р-1687, оп. 1, д. 8, с. 8-12, с. 26-26 об.
4. ГАРБ Ф.Р-1687, оп. 1, д. 46, с. 6-8, с.30-32.
5. ГАРБ Ф.Р-1688, оп. 1. Предисловие к описи 1. Ф.Р-1688, с. 1
6. ГАРБ Ф.Р-1688, оп. 1, д. 4, с. 14-16 об.
7. Путеводитель по фондам Национального архива Республики Бурятия 1917-2007 гг. // Бурятское республиканское правление Всероссийского общества глухих (ВОГ), Бурятское республиканское правление Всероссийского общества слепых (ВОС). – С. 290.
8. Путеводитель по фондам Национального архива Республики Бурятия 1917-2007 гг. // Комиссия по улучшению труда и быта женщин при ЦИК БМАССР (КУБТЖ), г. Верхнеудинск. – С. 45.
9. ГАРБ Ф.Р-281, оп. 1. Предисловие к Ф.Р-281, с. 1-2.

Bibliography

1. Guide to the funds of the National Archives of the Buryatia Republic in 1917-2007. // Central Board of Social Security of the Buryat-Mongolian ASSR, Verkhneudinsk p.282
2. State Archives of the Buryatia Republic (GABR) Col. R-1687, Inv.1 Preface to Inventory 1 F.R-1687, P.1
3. GABR Col.-1687, Inv.1, F.8 p.8-12, P.26-26 rev.
4. GABR Col. -1687, Inv.1, F.46 P. 6-8, P.30-32
5. GABR Col.R-1688, Inv.1 Preface to Inventory 1 Col.R-1688 P.1
6. GABR Col. 1688, Inv.1, F.4 P.14-16 rev.
7. Guide to the funds of the National Archives of the Buryatia Republic in 1917-2007. // Buryat Republican Board of the All-Russian Society of the Deaf (VOG), Buryatsky Republican Board of the All-Russian Society of the Blind (VOS) P.290

8. Guide to the funds of the National Archives of the Buryatia Republic in 1917-2007. // Commission for the Improvement of Labor and Life of Women at the Central Executive Committee of the BMASC (KUBTZH), Verkhneudinsk P.45

9. GABR Col. R-281, Inv.1 Preface to F.-281 P. 1-2

Э.Б. Цыжипов, канд. ист. наук, доц., e-mail: etihil@mail.ru

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94:338.2(571.54)"1926-1929"

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В СССР В КОНЦЕ 1920-х гг. (на примере Бурятии)

В статье рассмотрены экономические методы принуждения в СССР и Бурятии в конце 1920-х гг., что отвечало задачам ускоренного индустриального роста. На основе архивных материалов и опубликованных работ проанализированы изменение налоговой политики государства в конце 1920-х гг., методы проведения налоговой политики, отношение крестьянства к этим мерам. В это время государство возвратилось к практике применения чрезвычайных мер. Арсенал чрезвычайных мер был широк – от специального завышения норм сдачи хлеба крестьянами до применения к ним открытых репрессий в случае невыполнения норм.

Ключевые слова:*Бурятия, налогообложение, налоговая политика, кулаки, сельхозналог, чрезвычайные меры, М.М. Сахьянова, кулацкие хозяйства, Февральский пленум.*

E.B. Tsyzhipov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

ECONOMIC COERCIVE METHODS IN THE END OF 1920s (a case study of buryatia)

This article researches economic coercive methods in the USSR and the Buryatia Republic in the end of 1920s. These coercive methods were caused by the acceleration of industrial growth. The change in the tax policy of the state in the end of 1920s,the methods of conducting tax policy, the attitude of the peasantry to these measures are analyzed on the basis of archival documents and published works. At that time the state returned to the practice of application of emergency measures. Arsenal of extraordinary measures was varied – from increased standards of delivery of grain to the use of open repression to the peasants.

Key words: *the Republic of Buryatia, taxation, tax policy ,rich peasants, agricultural tax, extraordinary measures, M.M. Sakhyanova, agriculture of rich peasants, The February Congress.*

События октября 1917 г. повлекли за собой глобальные изменения государства и общества. Они изменили траекторию развития страны и ее многонационального народа, прошедшего неодинаковые стадии исторического развития, что не могло не оказывать существенного влияния на их дальнейшее развитие. «Более 90% населения занималось сельским хозяйством, в силу естественно-исторических и климатических условий преобладало животноводство. В 1923 г. 52% валовой сельскохозяйственной продукции приходилось на долю скотоводства, 45% – на земледелие и 3% – на подсобные промыслы» [3, с. 68]. Революционные преобразования и государственное переустройство повлекли за собой коренную ломку всего общественно-политического уклада, в том числе национального сознания бурят. Начались первые шаги по кооперированию деревенской и улусной бедноты в коллективные хозяйства.

После X съезда РКП(б) последовало уменьшение суммы налога и учета урожая, количества едоков, скота. При этом налог имел ярко выраженный классовый характер: бедняки получали льготы или вообще освобождались от его уплаты. С образованием БМАССР в 1923 г. Все государственные и местные налоги, уплачиваемые крестьянством, были объединены в единый сельскохозяйственный налог, имевший подоходно-поимущественный характер. С 1924 г. Аграрное производство стало стабильно расти и к 1928 г. По основным количественным показателям аграрного производства был достигнут дореволюционный уровень.

В конце 1920-х гг. политическая жизнь и направление общественного развития в стране радикально меняется, что было связано с идеей ускоренного индустриального роста. А поскольку индустриализация должна была проводиться исключительно за счет внутренних ресурсов, то она могла быть проведена только лишь за счет крайнего напряжения всех сил страны и прежде всего советской деревни.

В конце 1920-х гг. была изменена система налогообложения: «едоцкий» принцип обложения (определение налога по количеству облагаемой пашни на едока и урожайности) был заменен обложением по доходности, установлением прогрессивных надбавок на зажиточные хозяйства от 5 до 25% и

переходом к их индивидуальному обложению. Новый порядок обложения определялся постановлением ЦИК и СНК от 21 апреля 1928 г. «О едином сельскохозяйственном налоге». По новому порядку налогообложения, который значительно утяжелил налоговый пресс на кулачество, бедные слои получали облегчение, тогда как для состоятельных крестьян налоговый пресс был утяжелен. Хозяйства с доходом от 200 до 400 руб. (среднеобеспеченные) стали платить с рубля дохода 8,2% (в 1927/1928 гг. платили 8,1%), а у зажиточных крестьян налог возрос с 11,6 до 15,8%. В 1928/1929 гг. 1,6% хозяйств, индивидуально обложенных, заплатили 19% всего налога. При этом необходимо отметить, что «в 1929/30 г. Обложение верхних слоев деревни еще более возросло: 62,8 тыс. индивидуально обложенных (4,05% крестьянских хозяйств) заплатили 38,4% всего сельскохозяйственного налога. На 1 февраля 1930 г. 4,6% кулацких хозяйств уплатили уже 41% всей суммы сельскохозяйственного налога» [1, с. 147].

Признаки «кулацких» хозяйств определялись постановлением СНК СССР от 21 мая 1929 г.: систематическое применение наемного труда, владение заведениями по переработке сельскохозяйственной продукции, сдача внаем сложных машин или отдельных оборудованных помещений, занятия торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или получение других нетрудовых доходов (в том числе сюда относились и служители культа). Причем подчеркивалось, что достаточно одного из указанных признаков. Естественно, что при таком расширительном и неопределенном подходе зачисление в «кулаки» рядовых середняцких хозяйств стало обычным делом.

До начала кардинальной реконструкции народного хозяйства Бурятия представляла собой аграрный регион со своими исторически обусловленными особенностями.

В Бурятии «общая сумма налога на среднестатистическое крестьянское хозяйство в налоговую кампанию 1928/29 г. Оказалась на 40-50% выше суммы аналогичного налога 1927/28 г.», что, по оценкам Госплана БМАССР, «было нормальным повышением налоговой тяжести» [8, с. 39]. Налог был повышен практически для всех категорий крестьянства, хотя объявлялось, что эта мера распространяется только на его зажиточный слой, обладавший высокой фактической доходностью и располагавший значительной необлагаемой ее частью, чей учтенный нормативный доход составлял 400 и свыше рублей. В реальности основная тяжесть повышения налога в Бурятии легла на плечи хозяйств, относившихся, даже по официальной оценке, скорее к середняцкому типу, нежели к зажиточному. Ужесточение налогового бремени, увеличение сельхозналога и других повинностей отвечали прежде всего задачам сбора средств для форсированной индустриализации.

Необходимо отметить, что ужесточение налоговой политики в деревне шло по четырем основным направлениям: 1) включение в сельхозналог ранее не облагавшихся объектов (свиноводства, пчеловодства и т.д.); 2) более широкий охват крестьянских хозяйств (процентные надбавки к установленному их доходу, так называемый индивидуальный метод определения облагаемого дохода и налоговое самообложение); 3) изменение прогрессии налоговых ставок (переход от принципа исчисления налога по доходу на едока к исчислению налога по доходу на хозяйство в целом); 4) сокращение сроков уплаты сельхозналога, причем при полном отказе от всякого рода ее отсрочек.

Индивидуальный налог, как и налоговое самообложение, являвшееся по сути одной из разновидностей индивидуального налогообложения, формально распространялся только на зажиточные слои деревни, но однако же задевал почти все категории крестьянства. Искривления при применении индивидуального налогообложения имели место в республике как уже в конце 1928 г., когда «данная форма налогообложения напоминала скорее политику раскулачивания» [4, л. 33], так и в последующие годы. Первый секретарь обкома ВКП(б) БМАССР М.М. Сахьянова признавала, что в республике «в отношении проведения индивидуального обложения имеется ряд извращений», и, разбирая принципы подхода к индивидуальному обложению, она подвергла их справедливой критике, приводя примеры необоснованного применения этого обложения. Так, например, в Агинском аймаке оно шло по принципу «раз хозяйство зажиточное, крепкое, значит надо обложить…» [5, л. 16-17]. Нередко страдали и середняки.

Применение же самообложения можно проследить на основе секретного доклада-отчета инструктора обкома ВКП(б) Чимидуна, побывавшего в Закаменском аймаке с командировкой в мае 1928 г., где говорилось о том, что «весь процесс хода самообложения шел стихийно, без всякого плана, учета и наблюдения…, из-за чего некоторыми сомонами аймака были допущены грубейшие извращения, выразившиеся в обложении населения втрое больше, чем вся сумма сельхозналога…» [6, л. 103].

Что касается сокращения сроков уплаты единого сельхозналога при полном отказе от любых ее отсрочек, то оно также задело почти все категории крестьянства республики, которые были вынуждены производить уплату за счет фактически всего своего дохода. Невыполнение в срок налоговых заданий влекло за собой административно-судебное преследование со стороны государства, основ-

ными формами которого стали привлечения к суду, определявшему меру наказания по соответствующим статьям УК РСФСР. Этой мерой были крупный денежный штраф или уголовное заключение на различные сроки с конфискацией личного имущества неплательщика.

Усиление налогового пресса было разорительным для состоятельных крестьян, подрывало материальный стимул хозяйствования, а также негативно сказывалось на социально-политическом климате деревни: у многих крестьян пропадал интерес к развитию хозяйства (боязнь непосильных налогов и реквизиций), возникло недоверие к мероприятиям советской власти.

Более того, крестьяне стали проявлять недовольство ужесточением налоговой политики государства, что выразилось в утаивании объектов обложения, в отказе от уплаты налогов. «В период с 1928 по 1929 г. В Бурятии было описано имущество 2356 хозяйств, 163 человека были привлечены к суду и осуждены, 280 кулаков подверглись пятикратному обложению» [3, с. 73].

В условиях разразившегося в конце 1920-х гг. промышленного и продовольственного кризиса государство пошло на замораживание закупочных цен на сельхозпродукцию, в первую очередь на хлеб, что позволяло приобретать эту продукцию у деревни по очень низкой цене, являвшейся экономически невыгодной крестьянству. Последствия замораживания закупочных цен не замедлили себя ждать и выразились в резком снижении объемов государственных заготовок зерна. Так, выступая на объединенном пленуме обкома и ОКК ВКП(б) БМАССР (май 1928 г.), первый секретарь обкома М.М. Сахьянова сообщила, что «на 1 января 1927 г. По Бурят-Монголии было заготовлено хлеба лишь на 39,9% предусмотренного республиканского плана, а на 1 января 1928 г. Еще меньше – на 9,3% плана». По ее оценке, «такое положение поставило республику под угрозу срыва и провала всей кампании хлебозаготовок» [7, л. 259]. Получалось, что крестьянство Бурятии, так же как крестьянство в масштабах страны, фактически бойкотировало хлебозаготовки.

Февральский (1929 г.) пленум ЦК объявил о необходимости возвращения к практике чрезвычайных мер при хлебозаготовках, пик которых пришелся на осень того же года. ЦК ВКП(б) и СНК СССР объявили специальную всесоюзную партийную мобилизацию для оказания помощи органам местной власти в проведении хлебозаготовок, был создан специальный институт уполномоченных, которым предписывалось выполнение хлебозаготовок под личную ответственность. На деревню набросилась новая орда уполномоченных и заготовителей.

Кроме института уполномоченных были созданы так называемые чрезвычайные «тройки» по хлебозаготовкам, обладавшие самыми широкими полномочиями, включавшие глав сомсельсоветов или аймрайпартийных и советских органов, а также представителя наркомата торговли БМАССР.

Арсенал самих чрезвычайных мер был широк – от специального завышения норм сдачи хлеба крестьянами до применения открытых репрессий в случае их невыполнения. Каждый крестьянин обязывался сдавать государству строго определенное количество хлеба, причем вне зависимости от тех или иных обстоятельств и условий.

На основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 29 июня 1929 г. Стали применяться так называемые подворные планы, в которых прослеживалась четкая тенденция к максимальному увеличению количества сдаваемого хлеба. Это увеличение позволяло сделать возможным использование особых твердых заданий по хлебозаготовкам, которые формально применялись только к кулакам. Однако отсутствие четкого и точного социально-экономического и юридического определения понятия «кулак» приводило на практике к тому, что твердые задания спускались в основном на середняков и даже бедняков (так называемых подкулачников). Этому обстоятельству в немалой степени способствовало и то, что реальной разницы между подворными планами и твердыми заданиями не было. Власти на местах, стараясь увеличить объем хлебозаготовок, настолько завышали подворные планы, что они, по сути, превращались в твердые задания. Нередко такими подворно-планово-твердыми заданиями облагались вообще все крестьяне данного улуса или деревни.

По данным докладной записки секретаря Эхирит-Булагатского айкома партии Поликарпова Буробкому от 23 апреля 1929 г. «некоторые аймачные работники давали кулакам твердые задания в 350-400 пудов, а иногда и 900 пудов, даже зная, что вот у такого-то кулака хлеба нет или есть немного (пудов 50)». При этом обложенным прямо заявляли: «… у тебя есть скот, продашь и уплатишь». Поликарповым также признавалось, что подобные «большие перегибы задевали и середняков» [2, с. 35]. Крестьянин мог подвергнуться твердому заданию только лишь потому, что он кулак, без учета действительного наличия излишков хлеба.

Однако все это было лишь прелюдией к трагедии деревни. Государство все более активно начинало применять не только чрезвычайные меры, но перешло в последующем к открытым репрессиям в отношении советского крестьянства. Арсенал самих чрезвычайных мер был широк – от специального

завышения норм сдачи хлеба крестьянами до применения к ним открытых репрессий в случае их невыполнения. Каждый крестьянин обязывался сдавать государству строго определенное количество хлеба, причем вне зависимости от тех или иных обстоятельств и условий.

Библиография

1. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – сер. 1930-х гг.). – Новосибирск: Наука, 1987. – 332 с.
2. Доржиев Д.Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20-30 годы (хроника языком документа). – Улан-Удэ, 1993. – 82 с.
3. История Бурятии: В 3 т. – Т. 3. XX–XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.
4. НАРБ, ф. 1-п, оп. 1, д. 1360.
5. НАРБ, ф. 1-п, оп. 1, д. 1250.
6. НАРБ, ф. 1-п, оп. 1, д. 1430.
7. НАРБ, ф. 1-п, оп. 1, д. 1021.
8. Словохотов Н. Итоги сельхозналоговой кампании 1928/29 года // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 3-4. – С. 22-29.

Bibliography

1. Gushchin N.Y., Ilinykh V.A. Class struggle in a Siberian village (1920-e – mid. 1930). – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 332 p.
2. Dorzhiev D.L. Peasant uprisings and rebellions in Buryatia in the 20-30 years (chronicle of the document). – Ulan-Ude, 1993. – 82 p.
3. The History of Buryatia: in 3 v. – V. 3. XX-XXI vv. – Ulan-Ude: BSC SB RAS Press, 2011. – 464 s.
4. NARB, col. 1-p, inv. 1, f. 1360.
5. NARB, col. 1-p, inv. 1, f. 1250.
6. NARB, col. 1-p, inv. 1, f. 1430.
7. NARB, col f. 1-p, inv. 1, f. 1021.
8. Slovokhotov N. Results of the agricultural tax campaign of 1928-29 // Buryatia Life. – 1929. – №3-4. – pp. 22-29.

С.С. Балданов, канд. ист. наук, доц., e-mail: serbald@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК: 94(47)(571.54)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРЕСТРОЙКИ ОБЩЕСТВА ЗАБАЙКАЛЬЯ В НАЧАЛЕ XX в.

Особенности становления нового общества в Забайкалье в условиях отсутствия права на самоопределение, растущего национального самосознания и зарождения национального движения в начале XX в.

Ключевые слова: *общественно-политические процессы, коренные изменения в жизни Забайкалья, национальное самосознание, национальное движение.*

S.S. Baldanov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

PUBLIC-POLITICAL PROCESSES OF ZABAIKALIE SOCIETY RESTRUCTURING AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article covers peculiarities of the formation of a new society in Zabaikalie in the absence of the right to self-determination, the growing national identity and the birth of the national movement at the beginning of the 20th century.

Key words: *socio-political processes, fundamental changes in Zabaikalie's life, ethnic self-identity, ethnic movement.*

Забайкалье начала XX в. имело свои экономические, политические и социокультурные особенности. На процессы, происходящие в Забайкалье, влияли как географические, природно-климатические условия, так и менталитет населения, обусловленный традициями, религией, образом жизни. Отдаленность от центра и отсутствие прочных коммуникативных связей вело к замедлению процессов

развития региона и его отсталости, по сравнению с регионами центральной части Российской империи. Сельское хозяйство, которое преобладало в Забайкалье, велось отсталым, примитивным способом и отличалось низкой продуктивностью и производительностью труда. Промышленность была слабо развита – преобладали кустарные предприятия, пролетариат был малочислен.

Мощным импульсом к развитию Забайкалья послужило строительство Транссибирской железной дороги, связавшей сибирскую окраину с центральной частью России. Сибирь, в том числе и Забайкалье, считавшаяся сырьевым придатком, начинает восприниматься как военно-стратегический и торгово-промышленный плацдарм на востоке страны. К началу Первой мировой войны в Западном Забайкалье уже насчитывалось 210 промышленных предприятий, из них 67 казенных. Наиболее крупными были Верхнеудинское железнодорожное депо и железнодорожная станция, железнодорожные станции Танхой, Мысовая, Петровский Завод, Хилок. Частных предприятий насчитывалось 143, в том числе в обрабатывающей промышленности – 91, в горнодобывающей – 49, включая 42 золотых прииска [2, с. 8]. Но все частные предприятия по-прежнему были мелкими и полукустарными.

Строительство железной дороги повлекло за собой развитие капиталистических отношений в Забайкалье, расширило направления транспортных потоков, изменило традиционную структуру хозяйствования, что не могло не сказаться на судьбах забайкальских поселений, прежде всего городов. Усиливаются миграционные процессы. Одни города приходят в упадок, другие, находящиеся на пути магистрали, активно развиваются. Железная дорога позволила быстро развиваться городам, ставшим железнодорожными станциями (Чита, Верхнеудинск), и снизила их зависимость от старого транспортно-товарораспределительного узла – Иркутска, а также способствовала появлению новых (Мысовск) [6, с. 23].

Со строительством железной дороги и началом ее эксплуатации значительно увеличиваются ряды рабочего класса, а вместе с этим растет распространение различных политических идей и взглядов. На развитие рабочего движения в Забайкалье оказывала влияние деятельность социал-демократических организаций в Иркутске, Чите, Верхнеудинске, Слюдянке, Троицкосавске, Мысовой, Петровском Заводе. Передовые общественно-политические идеи охватили и национальные меньшинства. В начале XX в. в Забайкалье под воздействием разрушения патриархально-феодальной замкнутости и развивающихся капиталистических отношений, усиления классового противоречия, а также растущего национального самосознания и отсутствия права на самоопределение складывалось национальное движение. Стимулом к выражению массового недовольства бурят послужило осуществление царизмом в 1900-1901 гг. новых земельно-административных реформ, которые ухудшили положение широких слоев коренного населения [1, с. 211, 214].

События, имеющие общероссийское значение, такие как, русско-японская война, первая русская революция, Первая мировая война явились катализаторами для роста недовольства местного населения политикой царской власти, проводимой на окраинах. На народные массы обрушились новые тяготы, связанные с мобилизацией на военную службу, поставками продовольствия, фуража, реквизиция скота [7, с. 51]. В начале войны буряты-казаки были мобилизованы на фронт (не состоявшие в казачьем сословии воинской повинности не несли), часть населения была мобилизована на тыловые работы [7, с. 130]. Уход самой работоспособной части населения привел к дальнейшему упадку хозяйств. Активизировалась деятельность революционно настроенных сил. В результате были созданы благоприятные условия для революции 1917 г. и последующих перестроек в общественно-политическом строе.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война и иностранная военная интервенция, охватившие центральную часть России, затронули и окраины. В Забайкалье в период революций существовали предпосылки для демократизации общества и развития его на основе представительства. Так, к концу периода двоевластия в Забайкалье наметился не только кадетско-социалистический альянс, как в центре, но и объединение широких демократических слоев. В Верхнеудинске противоречия радикалов и консерваторов вылились в политическую дискуссию без разрыва связей и без размежеваний, как это было в центральной части России. А с началом корниловщины в конце августа 1917 г. был создан Комитет общественного спасения для противодействия контрреволюции, в который вошли представители социал-демократов, социалистов-революционеров, народных социалистов, гражданского комитета гарнизонов, комитетов железной дороги, почт и телеграфов [3, с. 83]. Развивается и национальное движение. Проходят общенациональные съезды бурят Забайкальской области и Иркутской губернии [3, с. 81]. Создан Бурнацком – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти бурят.

После подавления корниловского мятежа в Петрограде местный демократический альянс стал рушиться. Постепенно происходило укрепление позиций большевиков, Советы стали реализовать ранее поставленные РСДРП(б) цели: была национализирована промышленность, под контроль взяты прииски, создан комиссариат промышленности; для решения продовольственного вопроса была установлена хлебная монополия, твердые цены на хлеб, велась борьба со спекуляцией, организованы закуп зерна на Дальнем Востоке и снабжение крестьян семенами для весеннего сева [7, с. 256]. Забайкальский областной Совет признал Бурнацком публично-правовым учреждением советской власти. Однако Совет не имел последовательных воззрений по национальному вопросу, что сказалось на позиции Бурнацкома по отношению к советской власти.

На фоне укрепления советской власти происходила активизация контрреволюционных сил, основной опорой которых в Забайкалье становится атаман Г.М. Семёнов, поддерживаемый, имеющими свои политические интересы, Китаем, Англией, Францией, Японией. Разворачивается Гражданская война.

Особенностью Забайкалья в годы Гражданской войны стало образование и деятельность партизанских отрядов, в которых главную роль играли большевики. Ошибочная политика атамана Семёнова, присутствие японских и американских интервентов на территории Забайкалья вызвали неприятие населения. С продвижением Красной армии и партизан советская власть устанавливается на значительной части Сибири и Дальнего Востока. Встает вопрос о необходимости сохранения достигнутых успехов Красной армии и укрепления позиций советской власти на данной территории. В результате было принято решение об образовании буферного государства – Дальневосточной республики [2, с. 37]. Выполнив свое предназначение, с установлением советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке ДВР было реорганизовано и вошло в состав Советской России.

Процесс самоопределения бурятского народа, начавшийся в начале XX в. в форме национального движения, ярко проявился в годы революций и Гражданской войны в стремлении к самоопределению и национальному единству. Национальное движение не получило реальной поддержки со стороны атамана Семёнова [4, с. 35]. С установлением советской власти процесс объединения образовавшихся в составе РСФСР и ДВР национальных автономных областей возглавили бурятские коммунисты, руководствовавшиеся революционной теорией и классовыми целями, но сумевшие, тем не менее, выразить объективные стремления бурятского народа к самоопределению и национальному единству. Процесс самоопределения бурятского народа завершился образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР, что стало практической реализацией установленного декретами советского правительства права народа на самоопределение [5, с. 162].

Таким образом, строительство Транссибирской железной дороги послужило мощным импульсом к экономическим, общественно-политическим переменам в Забайкалье. Дорога связала сибирскую окраину с центральной частью России. Сибирь, считавшаяся сырьевым придатком, стала восприниматься как военно-стратегический и торгово-промышленный плацдарм на востоке страны. Строительство железной дороги повлекло за собой развитие капиталистических отношений в Забайкалье, расширило направления транспортных потоков, изменило традиционную структуру хозяйствования, что в свою очередь привело к распространению демократических идей и росту революционно-демократического, национального движения.

В годы революций и Гражданской войны в ходе общественно-политических процессов происходила ломка и перерождение как в политической, так экономической, социальной, духовной сферах жизни общества. Из существующих на тот момент альтернатив общественного развития наиболее жизненно устойчивой оказалась социалистическая модель развития, позволившая выдвинуться на первое место деятелям, социальным группам, представляющим интересы большинства, но не имеющим ранее доступа к власти и к управлению.

Библиография

1. Егунов Н.П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии. – Улан-Удэ, 1963.

2. История Бурятии: В 3 т. XX-XXI вв. – Улан-Удэ, 2011. – Т. 3.

3. Курас Л.В., Базаров Б.В. Бурятия в революции 1917-1918 гг. // Отчий край: краеведческий сборник. – Улан-Удэ, 1993.

4. Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). – Улан-Удэ, 1991.

5. Образование Бурятской АССР: сб. архивных документов. – Улан-Удэ, 1964.

6. Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). – Улан-Удэ, 2010.

7. Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Бурятии. – Улан-Удэ, 1964. – Ч. 1.

Bibliography

1. Egunov N.P. The colonial policy of tsarism and the first stage of the national movement in Buryatia. Ulan-Ude, 1963.
2. History of Buryatia: In the 3 rd century XX-XXI centuries. Ulan-Ude, 2011. V. 3.
3. Kuras L.V., Bazarov B.V. Buryatia in the revolution of 1917-1918 / / Fatherland. Local history collection. Ulan-Ude, 1993.
4. Unknown pages of the history of Buryatia (from the KGB archives). Ulan-Ude, 1991.
5. Foundation of the Buryat ASSR: a collection of archival documents. Ulan-Ude, 1964.
6. *PalikovaT.V.* The towns of Zabaikalie in the second half of the XIX - early XX century. (Social, economic, cultural development). Ulan-Ude, 2010.
7. *Khaptaev P.T.* The October Socialist Revolution and the Civil War in Buryatia. Ulan-Ude, 1964. Part 1.

Ю.А. Романов, канд. социол. наук, доц., e-mail: georgeorff@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 329.1/.6 (470+571)"1917"

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ И ИХ РОЛЬ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г.

Статья посвящена анализу спектра политических партий в России в период после Первой русской революции 1905–1907 гг. и Февральской революции 1917 г. вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В России политические партии возникли значительно позже, чем в Западной Европе и это связано с российской действительностью, имевшей свои особенности из-за специфики политического строя, структуры российского общества, многонациональности населения. Так, в начале XX в. политическая жизнь России вступила в совершенно новую фазу революционного обновления – это и Первая русская революция 1905–1907 гг., и Февральская революция 1917 г., и особенно Октябрьская революция 1917 г., определившие историю как существования, так и развития политических партий России в XX в.

Ключевые слова: *политические партии, политическая структура российского общества, общественный и политический строй России, отношение к власти, борьба за власть, поддержка населения, кризисы власти.*

Yu.A. Romanov, Cand. Sc. Sociology, Assoc. Prof., e-mail: georgeorff@mail.ru

POLITICAL PARTIES OF RUSSIA AND THEIR ROLE IN THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917

The article is devoted to the analysis of the spectrum of political parties in Russia in the period after the First Russian Revolution of 1905–1907 and the February Revolution of 1917 up to the October Revolution of 1917. In Russia, political parties emerged much later than in Western Europe and this is due to the Russian reality, which had its own peculiarities due to the specifics of the political system, the structure of Russian society, and the multinationality of the population. So at the beginning of the twentieth century, Russia's political life entered a completely new phase of revolutionary renewal – this was the first Russian revolution of 1901 - 1907, and the February Revolution of 1917, and especially the October Revolution of 1917, which determines the history of both the existence and development of political parties Russia in the XX century.

Key words: *political parties, political structure of the Russian society, public and political system of Russia, attitude to power, struggle for power, support of the population, power crises.*

В России политические партии возникли значительно позже, чем в Западной Европе. Отставание этого процесса объясняется различным уровнем зрелости общественных отношений. Так, российская действительность имела свои особенности, связанные со спецификой экономического строя, политической структурой российского общества, многонациональностью населения.

Особенностью образования политических партий в России можно назвать длительный нелегальный период их генерации. Они прошли большой путь нелегальной идейно-теоретической и организационной работы, взаимодействия, борьбы, поиска союзников и социальной опоры.

Отличительной чертой российских партий являлась их оппозиционность правящему режиму. За исключением нескольких проправительственных партий, образовавшихся с большим опозданием, основная масса партий России начала XX в. активно противостояла самодержавию.

Это было обусловлено тем, что в России не было традиций, характерных для стран с устоявшейся политической системой демократического типа. Сложившаяся система правовых институтов способствовала сохранению монархического, авторитарного режима, углубляла политический кризис в

стране. Провозглашение гражданских и политических прав и свобод личности не имело продолжения в реальной политике властей, несмотря на пропаганду либеральных и социалистических партий. Заметим, что первые партии в России появились лишь на рубеже 80-90-х гг. XIX в., т.е. на 50 лет позже, чем на Западе. В начале XX в. в России насчитывалось более 280 партий, из которых около 60-ти можно было условно отнести к общероссийским, остальные – к региональным или национальным.

Так, в начале XX в. политическая жизнь России вступила в совершенно новую фазу, одним из главных признаков которой была сравнительно широкая деятельность и широкая конкуренция различных партий и организаций. Необходимо также отметить тот факт, что партии на начальном этапе своего существования не имели прав действовать легально, и лишь после Первой российской революции 1905–1907 гг. (Высоча́йший Манифе́ст об усовершéнствовании госуда́рственного поря́дка от 17 октября 1905 г.), официально оформились и вышли на арену политической борьбы многие из политических партий. Несмотря на это, настоящей функционирующей системы политических партий с четким распределением социальных ролей и налаженным механизмом взаимодействия отдельных ее частей в России еще не сложилось. Но можно выделить пять основных типов:

1) консерваторов, выступавших за сохранение самодержавной системы;
2) консервативных либералов «октябристского» типа;
3) либеральных, или конституционных, демократов;
4) «неонародников»;
5) социал-демократов.

Основные политические партии в России в начале XX в.

Партия	Лидеры	Гос. устройство	Политические свободы	Национальная политика	Рабочий вопрос	Аграрный (крестьянский) вопрос
Конституционные демократы (кадеты)	П.Н. Милюков, братья Долгоруковы и др.	Парламентская монархия (как в Англии), выборы в парламент – прямые и равные	Введение гражданских (буржуазных) свобод (слова, печати, вероисповедания собраний и т.п.), равенство всех перед законом	Единство России, но широкая автономия Финляндии и Польши; право наций на культурное самоопределение (язык, образование, делопроизводство и т.п.)	8-часовой раб.день; сокращение сверхурочных работ, запрет на привлечение к ним женщин и детей, соц. страхование, свобода профсоюзов и право забастовок	Отмена выкупных платежей, наделение крестьян землей за счет гос. и монастырских земель, частич. отчуждение помещичьих земель, но за государственную компенсацию
«Союз 17 октября» (октябристы)	А.И. Гучков	Конституционная монархия с парламентом, широкое развитие местного самоуправления, сохранение титула «самодержец»	Введение гражданских (буржуазных) свобод	Единство и неразделенность России, автономия только для Финляндии, право наций на культурное самоопределение	Меры по соц. страхованию, но постепенные; меры по ограничению раб. времени для женщин и детей; свобода профсоюзов и право забастовок, но только законным путем	Наделение крестьян землей за счет гос. и монастырских земель, отчуждение помещичьих земель только за «справедливое вознаграждение», переселенческая политика и уничтожение чересполосицы

«Черносотенные» партии («Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др.) ультраконсервативного толка	А.И. Дубровин, В.М. Пуришкевич	Самодержавие должно остаться незыблемым	Недоверие к гражданским свободам, выступали за общинность	Единство и неразделенность России, русский народ – главный, остальные пользуются равными правами, кроме евреев; православие – господств. религия, но принцип веротерпимости	Возможное сокращение раб. дня и соц. страхование	Сторонники частной собственности, крестьянам продавать только пустующие земли и те, которые помещики сами захотят продать
Социал-революционеры (эсеры)	В.М. Чернов, Г.А. Гершуни и др.	Установление демократической республики с широким правом автономии областей, в идеале – федерация	Введение гражданских (буржуазных) свобод	Широкое право наций на политическое и культурное самоопределение	Раб. день – не больше 8 ч.; соц. стахование; установление min. зарплаты; запрет сверхурочных работ; ограничение женского и детского труда; активная деятельность профсоюзов	Отмена частной собственности на землю; социализация земли (передача ее общине без права купли-продажи) без всякого выкупа прежним владельцем; уравнительный принцип распред. земли между крестьянами
Социал-демократы (большевики и меньшевики)	В.И. Ленин (большевики); Г.В. Плеханов и Ю.О. Мартов (меньшевики)	Задача-минимум – установление демократической республики Задача-максимум – диктатура пролетариата	Введение гражданских (буржуазных) свобод	Широкое право наций на политическое и культурное самоопределение	8-часовой раб. день; соц. страхование; запрет сверхурочных работ; активная деятельность профсоюзов	1903 г. (большевики): отмена выкупных платежей и повинностей; конфискация государственных, монастырских и помещичьих земель и передача их крестьянам 1906 г. (меньшевики): конфискация всех частных земель, кроме мелких, и передача их крестьянским выборным органам самоуправления; отмена выкупных платежей и повинностей крестьян

В последующий период количество партий в стране вплоть до 1917 г. почти не изменилось.

Период между революциями 1905–1907 гг. и 1917 г. ознаменовался заметным спадом общего уровня партийной активности, хотя кризисные явления затронули различные политические партии России далеко не в одинаковой степени. Тем не менее, все они, за исключением откровенных черносотенцев, сохранили свое идейно-политическое ядро и социальную базу, и после свержения самодержавия начался новый этап их деятельности, основным содержанием которой стала борьба за влияние на массы и за политическую власть. При этом сошли со сцены «Союз русского народа» и партия октябристов, но зато появилось множество национальных партий, их общее число перевалило за полсотни. На короткое время в России появилось, наконец, нечто похожее на реальную многопартийную политическую систему западного образца.

Февральская революция 1917 г. стала продолжением революции 1905 г., ответом на то, что власть царя держала свой народ, по сути, в абсолютистской системе подчинения, на гнет и отстранение его от государственного управления. Военные неудачи в первой мировой войне сделали очевидным для всех слоев населения необходимость упразднения самодержавия. Февраль 1917 г. выдвинул требования всеохватывающей свободы и раскрепощения: политического, социального, национального, религиозного. «Долой самодержавие» – этот поистине всенародный призыв объединил все партии, все социальные слои, все национальности без различия веры, пола, расы. А совпадение во времени ряда задач, актуальных еще с 1905 г. и разрешаемых в других странах в разное время по результатам нескольких революций, значительно осложнил Февральскую революцию. Монархия рухнула, катастрофически стала распадаться авторитарная государственная система. Попытки Временного правительства всех созывов сохранить или хотя бы модернизировать старую государственную машину не дали позитивного результата, стремление ввести в стране сильную власть с помощью военной диктатуры лишь ускорило общий распад.

После Февральской революции политические силы страны разделились на три лагеря, каждый из которых отстаивал свой вариант развития России.

Первый лагерь – консервативный. Кадеты питали надежду на стабилизацию ситуации в стране, установив твердую власть. Вначале предполагали навести порядок, а потом проводить реформы. При этом Временное правительство готово было для осуществления своих целей идти на компромисс с Советами.

Второй лагерь – либерально-демократический. Меньшевики и эсеры надеялись стабилизировать ситуацию с помощью реформ, удерживая таким образом народ от выступлений и оказывая давление на Временное правительство России.

Третий лагерь – радикальный. Большевики связывали будущее России с углублением революции, активизировали революционную инициативу народа. Их стратегической целью являлись смена власти и реформы.

Рассмотрим мозаику основных политических сил, оказавших значительное влияние на политическую жизнь России в предреволюционный период, период кануна революций 1917 г.

1. *Конституционно-Демократическая Партия (кадетов).*

Конституционно-демократическая партия организационно оформилась в период высшего подъема революции 1905–1907 гг. Ее учредительный съезд состоялся 12-18 октября 1905 г. в Москве.[1] Основным ядром партии стали «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». Идейным руководителем партии был П.Н. Милюков. В партию кадетов входил цвет русской интеллигенции, часть либерально-настроенных помещиков, служащие, учителя. Социальный состав партии менялся в зависимости от текущей политической ситуации. После поражения революции 1905–1907 гг. в ее ряды влились часть рабочих, ремесленников и даже крестьян. Это и постоянные не устраняемые «неполадки» в отношениях ЦК партии и местных партийных органов, приводили к тому, что партия находилась в аморфном и неустойчивом состоянии на протяжении всей истории своего существования.

Кадеты являлись идеологами либерализма нового типа, считали капитализм наиболее оптимальным вариантом общественного прогресса. Они выступали за создание парламентарной конституционной монархии, примером которой являлась существовавшая политическая система в Великобритании. Демократические свободы личности, считали кадеты, – неотъемлемый элемент правового государства, к созданию которого они так стремились. Однако эти защитники прав человека не поддерживали права наций на самоопределение.

Решению социальных проблем также уделено большое внимание. В отношении устранения крестьянского малоземелья кадеты предлагали вести политику отчуждения помещичьей земли в пользу крестьян, но за выкуп.

В отношении рабочих кадеты придерживались и разрабатывали достаточно демократическую программу: 8-часовой рабочий день, право на создание профсоюзов, ограничение внерабочего использования сил трудящихся, право на проведение стачек и в некоторых случаях на объявление забастовки.

Вопросам просвещения был посвящен отдельный раздел кадетской программы, что неудивительно, учитывая состав партии. Они поддерживали курс на создание народного образования.

Таким образом, речь шла о создании правового демократического государства посредством либерального пути реформирования политической системы, т.е. путем поэтапных преобразований.

2. Партия социалистов-революционеров.

Эсеры – одна из самых влиятельных и самая массовая политическая партия на территории России в начале XX в. У истоков ее создания стояли «народовольцы» XIX в. Учредительный съезд состоялся на рубеже 1905–1906 гг.[2] За разработку теории эсеров взялся В.М. Чернов.

Эсеры считали возможным переход России к социализму некапиталистическим путем. Для них основным принципом деления общества на классы являлось не отношение к собственности, а источник дохода.

Позиции в крестьянском вопросе являлись исходными в эсеровской теории некапиталистической эволюции трудового крестьянства к социализму. Они верили в устойчивость крестьянских хозяйств и в их способность противостоять крупным хозяйствам.

Политическая демократия и социализация земли должны были обеспечить, по мнению эсеров, мирный, эволюционный переход к социализму. Они были за закрепление за гражданами всех демократических свобод и выдвигали требование федеративного устройства Российского государства. Они были твердо уверены, что свергнуть самодержавие можно только революционным путем, и как метод борьбы (что являлось отличным от социал-демократов) признавали индивидуальный террор.

Крестьянский вопрос решался путем социализации земли без выкупных платежей. Эсеры, подобно представителям реформистских течений западноевропейского социализма, приветствовали «обобществление еще в пределах буржуазного государства тех или иных отраслей народного хозяйства».

В области рабочего законодательства новым (в сравнении с кадетами) можно назвать предложение о создании фабричной инспекции, избираемой рабочими, а также обращение внимания на духовные и физические силы рабочего класса, ибо от них зависела способность пролетариев к борьбе за социализм.

Таким образом, можно говорить о большей «народности» партии эсеров, чем партии кадетов. Программа эсеров по некоторым вопросам была, безусловно, привлекательней для широких народных масс, настроенных крайне категорично в отношении к власти и существующему строю.

3. РСДРП (меньшевики).

Меньшевизм – течение внутри марксизма и российского рабочего движения – занимал видное место на левом фланге освободительного движения в России. Окончательное выделение меньшевиков в социал-демократическую партию произошло весной 1917 г.[3] Руководителем меньшевиков был Ю.О. Мартов. Главной опорой меньшевизма в пролетарском движении являлась рабочая аристократия.

В своей практической деятельности меньшевики, как и большевики, придерживались программы РСДРП, состоящей из двух частей: «программы-минимум» (период свержения самодержавия) и «программы-максимум» (социалистическая революция, диктатура пролетариата, уничтожение классов).

Для решения земельного вопроса была разработана программа «муниципализации», согласно которой конфискованные земли переходили бы во владение к органам местного управления, избранным на демократических началах. Здесь было рациональное зерно, потому что Россия уже давно нуждалась в прекращении жестокой централизации и вмешательства государства во все сферы общественной жизни. Но, несмотря на это, не был освящен главной интересующий крестьян в то время вопрос: когда и на каких условиях получат они помещичью землю? Поэтому план меньшевиков был достаточно уязвим.

В отличие от большевиков сторонники Мартова отводили пролетариату лишь относительную роль и заявляли, что после свержения самодержавия рабочие не должны иметь претензий на власть.

Таким образом, меньшевистская партия имела заметный, огромный успех среди населения, но все-таки некоторые нюансы (неопределенность в решении частных вопросов, размытость временных границ в отношении решения главных, насущных проблем и др.) давали шанс на сотрудничество с ней другим партиям с более привлекательной программой, например, партии РСДРП (б).

4. РСДРП (большевики).

Образование партии большевиков произошло в результате раскола социал-демократов на II съезде РСДРП.[4] Идейным руководителем большевиков был В.И. Ленин.

Политическая программа большевиков, как и меньшевиков, состояла из «программы-минимум» и «программы-максимум». Целями первой были ликвидация самодержавия, установление демократической республики, введение политических свобод, второй – осуществление социалистической революции, установление диктатуры пролетариата, социалистическое переустройство общества на основе общественной собственности на орудия труда и средства производства. Отличительной чертой политики большевиков было то, что рабочим отводилась не просто роль класса, способного поднять народ на революцию, а роль ведущего класса, должного стать после совершения революции у руля власти. Это привлекало широкий рабочий класс к вступлению в ряды большевиков. Большевики делали ставку на революционные, насильственные методы борьбы, быстрый переход к социализму, установление диктатуры пролетариата.

Программа партии предусматривала проведение следующих реформ по рабочему вопросу: установление 8-часового рабочего дня, запрещение сверхурочных работ, детского труда, создание профсоюзов, государственное страхование рабочих.

И в отношении крестьян большевики вели очень привлекательную, давно ожидаемую народными массами, политику по конфискации помещичьих земель без выкупных платежей и давали гарантию возврата ранее выплаченных сумм.

Подпольные организации единомышленников большевиков, таких как БУНД, СДКПиЛ и другие, были огромным подспорьем РСДРП(б) благодаря своей организованности, умению повести за собой массы, подтолкнуть их в нужном направлении.

Таким образом, РСДРП(б) поддерживало всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического строя.

Исходя из вышеизложенного, можно судить о том, какие альтернативы политических сил сложились для народа в тот период развития страны. Для этого необходимы условия, чтобы народ имел возможность, обобщив свои собственные взгляды, выбрать и в дальнейшем вступить в определенную партию. Примечательным стал факт массовости таких альтернатив (многопартийность). Здесь главными партиями стали: эсеры, меньшевики, кадеты и большевики. Каждая выражала свое видение дальнейшего развития России, основывала теоретически свои цели и задачи, вела борьбу в завоевании власти.

Обстановка в стране осенью 1917 г. способствовала успеху вооруженного восстания. Здесь необходимо учитывать политическую систему и расстановку политических сил, которые сложились после Февральской революции.

Так, паралич власти становился все более очевидным. С марта по октябрь 1917 г., власть пережила три кризиса. Первый произошел из-за заявления Милюкова о намерении вести войну до победного конца вместе с союзниками, он буквально взбудоражил народ, ожидавший прекращения жестокой, длительной, кровопролитной, подавляющей войны. И стал своего рода приговором партии кадетов, они с каждым днем теряли авторитет среди народа. Однако цели, ради которых кадеты считали необходимым продолжение войны, являлись чисто патриотичными, направленными на сближение России с западными демократическими странами с помощью держав-союзников по Антанте, на поднятие авторитета страны до уровня Великой державы.

Меньшевики, ведшие антивоенную пропаганду в начале своей деятельности, после февраля стали допускать возможность ведения войны. Они обусловливали это тем, что Россия вела оборонительную войну, и в победе Германии видели ухудшение экономического положения России, нарастания реакционно-настроенного сектора.

Первая мировая война 1914-1918 гг., внесла свой вклад и в процесс разложения партии эсеров. Одни призывали к выходу из войны, другие поддерживали оборонческую политику. Лидер партии придерживался мнения, что добиться мира без аннексий и контрибуций можно только объединенными усилиями трудящихся. Поэтому они ставили задачу объединения разрозненных войной социалистических сил. Оборонцы приводили свои доводы в поддержку войны. Это и то, что с победой Германии Россия станет ее колонией, а это приведет к застою в экономике, и то, что эта победа тяжелее всего скажется на трудящихся, ведь на них ляжет роль плательщика контрибуций. Такие разногласия, естественно, не вызывали в народной среде одобрения.

Правительство кадетов заявляет о том, что спасти Россию от анархии может только военная диктатура. Массы были возмущены участием кадетского руководства в контрреволюционном путче,

причем недовольны такой политикой «верхов» были не только рабочие, но и члены этой партии. Понимая всю сложность и обреченность своего состояния, кадеты ставят на первый план борьбу с большевиками и приходят к выводу о необходимости вести пропаганду не только среди мирного населения, но и среди солдат, чтобы уменьшить значение большевистской активной агитации. Но это решение было принято уже поздно, армия была практически полностью на стороне большевиков и настроена революционно.

Тем временем в партии эсеров продолжались поиски единого направления в политике (отношение к войне, аграрный вопрос и др.), и разногласия вели партию к кризису, который произошел в осенью 1917 г. Во многом разложению и дезорганизации партии способствовала слабость, безвольность и боязливость встать у руля власти лидера эсеров – В.М. Чернова.

Размытость и неопределенность политики, попытка отложить решение главных, насущных для общества проблем, сыграло трагическую роль для всех этих партий.

После мятежа генерала Л.Г. Корнилова (август – сентябрь 1917 г.), возросли разногласия и в рядах меньшевиков. Они были напуганы тем обстоятельством, что демократическая власть в России все еще хрупкая и шаткая. Дошло до того, что даже ЦК партии высказался против кадетов, которых хотели исключить из состава правительства, своих недавних союзников.

Было создано III-е коалиционное правительство, в составе которого, несмотря ни на что, оказались даже кадеты. Однако его политика была малоэффективной, неспособной сохранить доверие масс.

Таким образом, главные партии, составляющие оппозицию большевикам, проводя политику, направленную на выработку компромисса, не просто не получали поддержки населения, они еще, не желая, конечно, этого, настраивали массы против себя.

Кризисы власти показали, что из возможных альтернатив (укрепление демократии, проведение либерально-демократических реформ; установление военной диктатуры с дальнейшим возрождением монархии; установление диктатуры крайне революционных партий для осуществления радикальных преобразований) к осени наиболее реальной стала последняя.

И потому в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. в Петрограде победило вооруженное восстание, руководимое Военно-революционным комитетом Петроградского Совета и начатое по решению ЦК РСДРП(б) от 10 октября.[5] Революция стала следствием общего политико-государственного кризиса, обострявшегося буквально на протяжении всего периода функционирования и первого Временного правительства князя Г.Е. Львова (февраль – июнь 1917 г.), и второго, и третьего Временного правительства А.Ф. Керенского (июль – октябрь 1917 г.). Политические партии, которые могли составить серьезную оппозицию партии большевиков, сами были в кризисном состоянии. Они оказались не готовы к тому, что большевики окажутся их главными, самыми сильными соперниками в борьбе за власть.

XX в. – век кардинальных перемен и потрясений в России. На него выпало три революции. Первая произошла в 1905–1907 гг. Она стала началом зарождения в России первых ростков политической жизни, вторая – в феврале 1917 г., стала предысторией третьей революции. Февральская революция создала много предпосылок к возникновению Октябрьской революции. Изучить и понять Октябрьскую революцию без знаний о феврале 1917 г. и предреволюционном периоде (март – октябрь 1917 г.), не представляется возможным.

Необходимо также отметить важность случившейся в 1917 г. Октябрьской революции, внесшей огромный вклад в историю политических партий России. В этот период одни партии потеряли свой авторитет и власть, а получить их, взять под свой контроль получилось лишь у одной – у РСДРП(б). Это стало возможным благодаря отлично скоординированной партийной организации, умелой политике руководства партии и его решительности. Но нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что их политические противники, конечно, неосознанно, но помогали большевикам. Выражалось это в их боязни проводить реформы, нерешительности, размытости программных предложений, отсутствии привлекательных для народа лозунгов, что вызывало у народа отрицательную реакцию, заставляло искать чего-то лучшего, что они и находили в большевиках.

Кризис оппозиции в лице РСДРП(б) Временному правительству отчасти состоит в том, что в то время по большей части неграмотная крестьянская и пролетарская Россия не вполне восприняла и не до конца поняла их политические программные установки, как и не поняла утопичности конечной цели, к которой стремилась эта партия. Народу гораздо понятней и проще казался быстрый революционный путь осуществления давно назревавших задач изменения жизненного уклада. РСДРП(б), сумела воспользоваться таким настроением большинства народных масс, все, что нужно было сделать для

осуществления своих политических целей – лишь подтолкнуть их в нужном векторе развития и направить в нужном русле эти процессы.

Среди одной из основных причин победы Октябрьской революции исследователи называют следующее: руководство революцией со стороны рабочего класса, который являлся главной движущей силой социально-политического развития страны; союз рабочего класса с беднейшим крестьянством, который смог преодолеть сопротивление эксплуататорских классов; слабость буржуазии; руководство народными массами целеустремленной партиии большевиков.

Таким образом, Октябрьская революция 25-26 октября 1917 г. стала тем определяющим моментом в дальнейшей истории как существования, так и развития политических партий России в XX в.

Сноски

1. История политических партий России: учебник для студентов вузов / под ред. А.И. Зевелева. – М.: Высш. шк., 1994. – С. 111.
2. Ермашкевич Г.И. История общественных движений и политических партий: вопросы и ответы. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – С. 47.
3. История политических партий России: учебник для студентов вузов / под ред. А.И. Зевелева. – С. 216.
4. Там же. – С. 260.
5. Максимов Ю.И. Примерные билеты и ответы по истории для подготовки выпускников общеобразовательных учреждений. – М.: Дрофа, 2005. – С. 46.

Библиография

1. Думова Н.Г. История политических партий России: учебник для студентов, обучающихся по спец. «История». – М.: Высш. шк., 1994. – 447 с.
2. Ермашкевич Г.И. История общественных движений и политических партий: вопросы и ответы. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 224 с.
3. Журавлёв В.В. Политические партии в России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000.
4. Максимов Ю.И. Примерные билеты и ответы по истории для подготовки к устной итоговой аттестации выпускников образовательных учреждений. – М.: Дрофа, 2005. – 190 с.
5. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г. и др. История России с древнейших времен до наших дней: учебник. – 2-е изд., перер. и доп. – М.: ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2001. – 520 с.

Bibliography

1. Dumova N. G., Russia Political Parties History. – M.: High School Publ., 1994. – 447 p.
2. Yermashkevich G. I. The History of Social Movements and Political Parties: Questions and Answers. - Minsk: TetraSistems, 2008. - 224 p.
3. Zhuravlov V. V. Political parties in Russia: history and modernity, M.: ROSSPEN, 2000.
4. Maksimov Y. I. Approximate tickets and history responses for the preparation for the oral final certification of educational institutions graduates. – M.: Drofa, 2005. -190 p.
5. Orlov A. S., Georgiyev V. A., Georgiyeva N. G., Sivokhina T. V. History of Russia from ancient times to the present day, M.:PBOYUL L. V. Rozhnikov, 2001. – 520 p.

С.М. Соколов, канд. филос. наук, доц., e-mail: kapkataphaev@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94:141(470+571)”1917”

ЕВРАЗИЙСКАЯ ОЦЕНКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена анализу и оценке Октябрьской революции, коммунистической идеологии, социально-политического устройства советской России представителями влиятельного течения русской эмиграции – евразийства. Рассматривается неоднозначное отношение его интеллектуальных вождей к советской идеологии, социально-политической модели советского государства: наряду с ее критикой, признание положительными некоторых советских принципов.

***Ключевые слова**: евразийство, евразийцы, Россия, революция, коммунизм, большевизм, идеократия.*

S.M. Sokolov, Cand. Sc. Philosophy, Assoc. Prof.

EURASIAN EVALUATION OF THE OCTOBER REVOLUTION

The article is devoted to the analysis and evaluation of the October Revolution, the communist ideology, and the socio-political structure of Soviet Russia by representatives of the influential Russian emigration - Eurasianism. The ambiguous attitude of its intellectual leaders to Soviet ideology and the socio-political model of the Soviet state are researched: along with its criticism some Soviet principles are considered as positive.

Key words: *Eurasianism, Eurasians, Russia, Revolution, Communism, Bolshevism, Ideocracy.*

Русская эмиграция «первой волны» в постсоветское время начинает оцениваться без предвзятых идеологических клише. Вызывают интерес попытки большей части эмиграции объяснить, почему в России произошла катастрофа и дать ответ на вопрос: «что можем мы сделать для России и дать ей отсюда». Г.П. Федотов писал: «Русская эмиграция судьбой и страданием своим поставлена на головокружительную высоту. С той горы, к которой прибило наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы… В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона – в Европу и в Россию… Мы из себя, на своей коже испытали прелесть обеих хозяйственных систем. Кажется, будто мы и призваны быть беспристрастными свидетелями на суде истории» [1]. Такими «свидетелями», внесшими особый вклад в историю российской политической мысли, стали евразийцы.

Часть богатого наследия евразийства стала доступной в последние десятилетия прошлого века. Анализу этого наследия посвящена большая литература, в которой основное внимание уделяется концепции евразийской сущности российской цивилизации, объединившей философию, историю, культурологию, этнологию, географию, экономику, геополитику и другие области знания; антизападничеству евразийцев. Но пока еще не в полной мере освещен вопрос о евразийской оценке Октябрьской революции, отношению к советской России и путях ее развития. По точному замечанию А.Дугина, «евразийцы предсказывали мировоззренческие маршруты и их политические результаты с пророческим ясновидением» [2]. Один из ярких лидеров евразийства, кн. Н.С. Трубецкой писал: «Нас, эмигрантов не тяготит советская цензура, от нас не требуют, чтобы мы были обязательно марксистами. Мы можем думать, говорить и писать что хотим, и, если в какой-нибудь стране, где мы временно обитаем, та или другая наша мысль вызовет против нас репрессии, мы можем переменить место жительства» [3].

Евразийство сыграло важную роль в идейно-политической борьбе того времени, в преодолении краха национального самосознания большей части русской эмиграции. Трубецкой указывал, что евразийство имело успех «среди молодых поколений, которые прошли через белое движение в качестве военных его участников», что оно «охватывает широкие слои молодых поколений национально настроенной интеллигенции» [4]. После крушения белого движения, которое «в первоначальном смысле этого выражения родилось из патриотического порыва лучших представителей русской армии», евразийцы поняли, что его неудачи коренились главным образом в том, что «прежние его идеологи выступили в походе с негодным и недостаточным идейным багажом, что эта проявившаяся на опыте негодность идейного багажа была следствием прежнего, дореволюционного уклона развития русской мысли» и что необходимо его пересмотреть» [5].

Анализ Октябрьской революции и большевизма отличал евразийцев от остальных направлений эмиграции, доминирующих взглядов: реакционно-монархических и либерально-демократических. Монархисты, идеализируя Романовых, утверждая формулу «Православие. Самодержавие. Народность», считали революцию и «большевизм» результатом «заговора» европейских держав с «инородцами» и «евреями» в самой России, направленного на уничтожение последней христианской Империи. Либералы критиковали в большевизме не элементы западничества, а их недостаток, не внешние формы, но народное содержание. Один из первых исследователей евразийства, Л. Люкс, обращал внимание на то, что, в отличие от большинства эмигрантов, воспринимавших русскую катастрофу, только как катастрофу, «идеологи евразийства видели в трагедии революции и Гражданской войны глубокий исторический смысл. Им казалось, что неслыханные испытания, выпавшие на долю России, ставят ее решительно выше Западной Европы». Он подчеркивает, что привлекательность их доктрины состояла «в соединении завораживающей эмоциональности с научностью» [6].

В разрушительной силе Октябрьской революции евразийцы увидели прежде всего процесс преодоления насильственной европеизации России, начатой в петровскую эпоху и продолженной в имперский период ее развития. Они считали, что этой разрушительной силой революция расчистила

почву для нового государственного строительства. В коллективном манифесте «Евразийство (опыт систематического изложения) в разделе «Смысл русской революции» указывалось: «Закончившая императорский период революция отнюдь не дикий и бессмысленный бунт, который бы можно было сопоставить с мятежом боровшейся с ее огосударствлением вольницы Разина и Пугачева и который будто бы прервал мирное, идиллическими красками изображаемое развитие России. Еще менее русская революция является организованным группой злоумышленников, да еще прибывших в запломбированных вагонах, переворотом. Она – глубокий и существенный процесс, который дает последнее и последовательное выражение отрицательным тенденциям, исказившим великое дело Петра, но вместе с тем открывает дорогу и здоровой государственной стихии. Это вовсе не значит, что смысл революции правильно понят и действительные ее задачи верно формулированы ее официальными идеологами и так называемыми «вождями» ее, которые, не исключая и Ленина, сочетавшего гениальное государственное чутье с тупостью доктринера-фанатика, были не руководителями ее, а ее орудиями. Революция, прежде всего – саморазложение императорской России, гибель старой России [7].

Признавая факт закономерности революции, евразийцы видели в ней также восстание народного, евразийского начала против государственного, западнического начала, реакцию на западную культуру, которая не привела к желаемым результатам. Идеологи евразийства Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев подчеркивали, что революция не разрешила противоречия Европа – Евразия, вызвала новые проблемы. Одна часть русского общества увлеклась западными идеями социализма, народовластия, освободительной миссии пролетариата. Другая проблема заключается в наличии нового правящего слоя большевиков, которые формально призывают к борьбе с мировым капиталом, в реальности воссоздают империю. Вину за западнический (отрицательный) компонент в революции евразийцы возлагали не на мифический «иудо-масонский» заговор, а на петербургскую (западническую) модель государственности, так повлиявшую на российское общество, что «даже протест против «романо-германского ига» смог оформиться лишь в терминах, заимствованных из арсенала европейской мысли – конкретно из марксизма» [8].

Оценивая коммунистическую идеологию не только как прозападную и атеистическую, евразийцы определяли ее как абстрактную и поэтому опасную для социально-политической жизни России. По словам П.Н. Савицкого, она «представляет собой попытку предвидеть будущее, которое никому не известно и менее всего предвидится коммунистами» [9]. Евразийцы различали коммунизм и большевизм. Свою задачу они видели в том, чтобы вытеснить эту идеологию, заменив ее евразийской идеологией. Большевизм же они принимали как «ниспровергателя» западной культуры и всех ее форм, существовавших в России до революции. В связи с этим, представители критически относящейся к евразийству эмиграции называли евразийцев «православными большевиками». «Евразийство, – разъяснял Трубецкой, – сходится с большевизмом в отвержении не только тех или иных политических форм, но и всей той культуры, которая существовала в России непосредственно до революции и продолжает существовать в странах романо-германского запада, и в требовании коренной перестройки всей этой культуры. Евразийство сходится с большевизмом и в призыве к освобождению народов Азии и Африки, порабощенных колониальными державами». Трубецкой разъяснял, что это сходство формальное, самое главное, что «ту культуру, которая подлежит отмене, большевики именуют буржуазной, а евразийцы – романо-германской; и ту культуру, которая должна встать на ее место, большевики мыслят как пролетарскую, а евразийцы – как национальную (в отношении России – евразийскую)» [10].

В теории социализма евразийцы выделяли социально-экономический и этический аспекты. Первый, связанный с ценной научной критикой капиталистического способа производства, по их оценке, был в достаточной степени разработан Марксом и его последователями, т.е. представителями европейской культуры. В России он не имел большого значения, так как ее общественное и хозяйственное устройство отличалось от европейского, следовательно, поэтому, по их убеждению, построение социализма по европейскому образцу было сомнительным. По определению Трубецкого, социализм – «порождение романо-германской культуры, духовно совершенно чуждое евразийству» [11].

Трубецкой указывал, что евразийство, «отвергая атеистические, материалистические и социалистические доктрины большевизма, тем не менее, старается сквозь накинутую на Россию красную мантию коммунизма прощупать биение живого сердца России, проследить изменения живого организма России. Это-то учитывание фактов, это прислушивание к жизни подлинной России сквозь ее коммунистический покров, это признание органичности и, следовательно, неупразднимости некоторых изменений русского человека и русской жизни под большевизмом кажутся нашим врагам особенно ярким доказательством нашего «соглашательства» [12]. Приняв революцию как «знак» конца старой и

рождения новой России, евразийцы стали интересоваться происходящими в советской России изменениями.

Отношение евразийцев к большевикам и к тому, что происходит в новой России в определенной степени было связано с концепцией идеократического государства и «правящего слоя» (государственного аппарата), охватывающая общественные, идеологические, экономические и социальные уровни. Правовед Н.Н. Алексеев – главный теоретик этой концепции указывал: «Сила советского государства заключалась в том, что оно, вступив в борьбу с капитализмом, объявило себя «государством правды», однако «рано или поздно русский народ придет к полному осознанию того, что «правда» советского государства превратилась в «кривду» коммунистической системы» [13]. Государство должно быть идеократическим, идеократией.

По определению евразийцев, идеократия – это одновременно сильная и близко стоящая к населению власть, идеология, учитывающая особенности менталитета, культурных традиций евразийских народов. Актуальным для современной России остается утверждение евразийцев о том, что только государственная идея способна консолидировать общество и государство. По их оценке, «политический результат» революции выразился в том, что полнота власти в России оказалась в руках коммунистической партии, которая «тот кристаллизационный центр, вокруг которого создался новый правящий слой. Великолепно организованная и властная до тираничности, она была становым хребтом правительства и – шире – правящего слоя» [14]. При этом, «в советском государстве, – отмечал Алексеев, – она существует фактически, официально в советской конституции о ней ничего не говорится» [15]. Евразийцы увидели в этой партии «испорченный» идеей коммунизма прообраз идеократической партии нового типа, а в Советах, которые признавались за положительный результат революции, – орган власти, способный «канализировать» стихийные устремления масс в заданное будущим другим правящим слоем русло.

Одним из «пророческих ясновидений» евразийцев стало предупреждение Л.П. Карсавина о том, что государственности всегда угрожает разрыв между народом и его правящим слоем. «Эта опасность особенно велика, если сами формы государственности заимствуются извне (в Европе – из Англии, в России – из Европы), а не являются плодом органического развития или, по крайней мере, освоения». Результатом этого может стать ситуация, когда вся государственная власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, «на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты, а за кулисами вертят чуть ли не всем банкиры. Но благодаря существованию многолюдного парламента, учреждения неработоспособного, сконцентрированная в небольшой социальной группе государственная власть, по существу олигархическая, по имени демократическая, оказывается совершенно неорганизованной» [16].

Лидеры евразийства в целом положительно оценивали советскую модель межнационального государственного устройства. В программном документе евразийцев отмечалось: «С нашей точки зрения, революция привела к созданию наилучшим образом выражающей евразийскую идею форме – к форме федерации. Оно способствует развитию и расцвету отдельных национально-культурных областей, окончательно и решительно порывая с тенденциями безумного русификаторства» [17]. Трубецкой обращал внимание на то, что, если основным фактором, спаивавшим Российскую империю была принадлежность всей территории «единому хозяину – русскому народу, возглавляемому своим русским царем, то теперь этот фактор уничтожен», то в СССР, фактором, объединяющим социалистические республики, становится один и тот же идеал социального строя и опять «наличие официально признанного единого хозяина» – пролетариат всех советских народов, возглавляемых компартией. Между тем деление на пролетариат и буржуазию по отношению ко многим народам СССР искусственно. Евразийцы считали, что единым субстратом государственности может быть национальный – «особая многонародная нация», называемая евразийской. «Каждый гражданин евразийского государства, – утверждал Трубецкой, – должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу…, но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации» [18].

Оценивая произошедшее в России как грандиозный опыт введения коммунистического строя, по словам Алексеева, «опыт, не удавшийся и ведущий к тому, что он хотел уничтожить, к капитализму», современный им момент русской истории евразийцы считали переходным. «Рано или поздно, теми или другими путями, – писал Алексеев, – коммунистическая партия потеряет власть. Возобладавшие в 1917 г. идеи демократии, диктатуры и социальной справедливости как-то должны остаться и стать основами будущего периода русской истории. Но они должны быть исправлены и преображены» [19].

Библиография

1. Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избр. ст. по философии русской истории и культуры). – СПб: София, 1992. – Т. 2. – С. 3.
2. Дугин А.Г. Преодоление Запада. Предисловие к книге Н.С.Трубецкого «Наследие Чингисхана». – М.: АГРАФ, 1999. – С. 7.
3. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: АГРАФ, 1999. – С. 342.
4. Там же. – С. 390.
5. Там же. – С. 385.
6. Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. – 1993. – № 6.– С. 105.
7. Мир России – Евразия. Антология / сост.: Л.А. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 267-268.
8. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – С. 15.
9. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: АГРАФ, 1997. – С. 15.
10. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – С. 406.
11. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – С. 401.
12. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – С. 389.
13. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: АГРАФ, 2000. – С. 307.
14. Мир России – Евразия. – С. 270.
15. Мир России – Евразия. – С. 189.
16. Мир России – Евразия. – С. 130, 138.
17. Мир России – Евразия. – С. 274.
18. Мир России – Евразия. – С. 192, 194, 197.
19. Алексеев Н.Н. – С. 115.

Bibliography

1. Fedotov G.P. The Fate and Sins of Russia (Selected articles on the philosophy of Russian history and culture): In two volumes. Saint Petersburg: «Sofia», 1992, Vol.2. P.3.
2. Dugin A.G. Overcoming the West. Preface to the book Trubetzkoy N.S. The Legacy of Genghis Khan. M.:AGRAF, 1999, P.7.
3. Trubetzkoy N.S. The Legacy of Genghis Khan. M.:AGRAF, 1999, P.342.
4. Ibid. P.390.
5. Ibid. P.385.
6. Lux L. Eurasianism / / Problems of Philosophy. - 1993. - № 6.- P.105.
7. The world of Russia is Eurasia. Anthology / Comp.: L.A. Novikova, I.N. Sizemskaya. - Moscow: Higher School, 1995. P.267-268.
8. Trubetzkoy N.S. The Legacy of Genghis Khan, P.15.
9. Savitsky P.N. Continent of Eurasia. M.: AGRAF, 1997. P.115.
10. Trubetzkoy N.S. The Legacy of Genghis Khan, P.406.
11. Trubetzkoy N.S. The Legacy of Genghis Khan, P.401.
12. Trubetzkoy N.S. The Legacy of Genghis Khan, P.389.
13. Alekseev N.N. Russian people and state. M .: Agraf, 2000. P.307.
14. The world of Russia is Eurasia, P.270.
15. The world of Russia is Eurasia, P.189.
16. The world of Russia is Eurasia, P.p.130, 138.
17. The world of Russia is Eurasia, P.274.
18. The world of Russia is Eurasia, P.p.192, 194, 197.
19. Alekseev N.N., P.115.

Ю.Ц. Тыхеева, д-р филос. наук, доц., e-mail: tyheeva@mail.ru
Т. Ишеева, студент
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 351.856.2(470+571)

ОРДЕН «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Статья рассматривает историю советского ордена «Октябрьская революция», учрежденного в 1967 г. в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Это был второй по рангу орден Советского Союза, следующий за орденом Ленина. Орденом награждались города, предприятия, советские и иностранные граждане. Всего было награждено около 110 тыс. человек. В настоящее время этим орденом не награждаются.

Ключевые слова: *орден, история формирования ордена, орден как организация, сообщество единомышленников, орден как награда, условия награждения орденом, зависимость и независимость от социального статуса, заслуги перед отечеством, особенности советских орденов, военные и трудовые отличия, орден «Октябрьская революция».*

Ju.Ts. Tyheeva, PhD, Assoc. Prof.
T. Isheeva, Student

THE ORDER OF THE OCTOBER REVOLUTION

The article deals with the history of the Soviet order of the October revolution, established in 1967 in honor of the 50 year anniversary of the Great October revolution. It was the second in rank order of the Soviet Union, following the order of Lenin. The order was awarded to cities, businesses, Soviet and foreign citizens. Total was awarded approximately 110 thousand. Currently, the awarding of the order of the data is not possible.

Key words: *order; the history of the order; order as a community-minded; order as a reward;, conditions of awarding, dependence and independence from social status; merit; features of the Soviet orders; military and labor differences; order of the October revolution.*

ОРДЕН «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Слово «орден» происходит от *нем.* Orden или *лат.* Ordo – «ряд, порядок». Орден – это признание заслуг перед Отечеством. Каждый человек, защищающий честь своей Родины, мечтает о признании. Признание заслуг воина отмечалось награждением. Разновидностью награды являлось награждение особым знаком отличия. Постепенно исторически сложилась целая система наград, среди которых особое место заняло награждение орденом.

Современные ордена берут свое начало в средневековых духовно-рыцарских орденах, – особых сообществах, объединяемых преданностью общей идее, вдохновляемых общей целью, внутренним единством, сплоченностью вокруг авторитетного, всеми признаваемого лидера. Первые такие ордена появились, начиная с конца раннего Средневековья, в период первых крестовых походов. В Средневековье орденом не награждали – в него принимали или посвящали. Нередко орден имел ограничение на количество членов, что повышало его престиж. В эпоху крестовых походов они были напрямую связаны с католической церковью, а их члены даже давали монашеские обеты. В позднее Средневековье появились ордена, уже не представлявшие собой самостоятельной военной силы, но обозначавшие признания заслуг и приближенности к лидеру, к монарху.

К моменту начала эпохи Возрождения большинство европейских монархов либо уже внедрило в государственную систему рыцарский орден, либо организовало новые ордена для награждения верных подданных и особенно военных офицеров. Некоторые из высочайших современных наград Европы, например датский Орден Слона, были созданы в ту эпоху.

Со временем понятие ордена наполняется понятием награды. Она может иметь несколько степеней (три, реже – четыре), которые присваиваются поэтапно в зависимости от заслуг человека, или может иметь только одну степень.

В соответствии с этим различались и носимые знаки ордена. Знаки, которые мы сегодня называем орденами, первоначально были лишь символами принадлежности к ордену и служили отличием членов ордена по занимаемой ступени в иерархии. Знаком ордена зачастую становится вариация креста как символа христианской религии.

В 1802 г. Наполеон создал Орден Почетного легиона, им стали награждать вне зависимости от социального статуса лица, за храбрость в сражении или за 20 лет выдающейся службы. Этот орден до сих пор является высочайшей наградой Франции и служит моделью для многих современных орденов Запада, таких как Орден Леопольда (Бельгия, 1832) и Орден Британской империи (Соединенное королевство, 1917).

Ордена европейского образца характерны для стран с многовековой историей королевской власти и рыцарства (или аналогичных ему сословий), либо заимствовавшие подобные традиции. Этот тип ордена широко распространен в странах Западной и частично Восточной Европы (преимущественно не входивших в Восточный блок), странах Британского содружества, бывших и существующих азиатских королевствах.

Ордена нового образца характерны для стран, имеющих долгую демократическую историю, или стран, появившихся вследствие революций и войн за независимость. Этот тип орденов отличается демократичностью в награждении и избавлен от элитарности европейских орденов. Но, несмотря на различия, многие составляющие системы нового образца имеют те же истоки, что и в европейской системе. Широко распространены в странах СНГ и в США.

После Октябрьской революции существовавшая в царской России наградная система была изменена. Так, первым же орденом Советской России (орден Боевого Красного Знамени, учрежденный 16 сентября 1918 г.) можно было награждать многократно. При награждении несколькими степенями ордена, одновременно носят знаки всех степеней. Характерно для наград социалистического государства то, что были учреждены награды за труд. 28 декабря 1920 г. был учрежден орден Трудового Красного Знамени. (Здесь надо бы сделать небольшое разъяснение. Дело в том, что ордена Красного Знамени в связи с образованием СССР получили новый статут от 1 августа 1924 г. – Боевого, и от 7 сентября 1928г. – Трудового, сохраняя легитимность предыдущих награждений).

Первоначально советские ордена не имели ленты и колодки, а крепились на винте. В отдельных случаях как, например, орден Отечественной войны первых образцов, крепился на прямоугольной планке, обтянутой красной тканью. До 1939 г. вместе с орденом вручалась грамота о награждении, затем ее заменили орденской книжкой для удобства ношения и предъявления при получении льгот. Поначалу орденская книжка выдавалась на каждый орден, но позже их заменили книжками на несколько орденов. Во время Великой Отечественной войны одновременно резко увеличилось количество орденов СССР и число награждений, вследствие чего было введено ношение планок с муаровыми лентами вместо орденов. Указом от 19 июня 1943 г., был установлен порядок ношения орденов, имевших форму звезды, на штифтах на правой стороне груди, а орденов, имевших овальную или круглую форму – на левой стороне груди на пятиугольных колодках, обтянутых лентой ордена.

По аналогии с советскими орденами трансформировались и орденские системы других стран социалистического блока.

Одна из знаменательных наград Советского Союза – орден Октябрьской Революции. Он был учрежден в канун празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции осенью 1967 г. Орден представляет собой позолоченную пятиконечную звезду, покрытую красной эмалью, на фоне лучистого серебряного пятиугольника. Вверху пятиконечной эмалевой звезды автор проекта, художник В.П. Зайцев, разместил красное знамя, покрытое красной эмалью. На знамени имеется надпись в две строки: «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». В центральной части звезды на серебряном пятиугольнике изображен крейсер «Аврора». Пятиугольник оксидирован разными тонами. В нижней части ордена расположены накладные серп и молот.

Орден выполнен из серебра. А в состав сплава для молота и серпа входят золото, серебро, палладий и медь, а весь орден содержит 27,49 г серебра и 0,21 г золота. Весит он 31 г. Конечно, есть допуски отклонения от приведенных значений, но они минимальны. Расстояние между противоположными вершинами звезды составляет 43 мм, а от центра ордена до вершины любого луча – 22 мм. Реверс награды представляет собой гладкую вогнутую поверхность, на которой проштампована надпись «Монетный двор» и вручную выгравирован порядковый номер. Орден крепится к колодке, которая обтянута красной муаровой лентой (ее ширина – 24 мм). Вдоль ленты расположены пять тонких голубых полосок.

Среди удостоенных чести носить орден Октябрьской Революции – не только граждане СССР, но и предприятия различных сфер деятельности, воинские соединения, кроме того, награду получали отдельные регионы (республики, края, города и т.д.). Статут ордена не исключает возможности награждения им иностранных граждан.

В первую очередь были награждены города и предприятия, внесшие большой вклад в революционную деятельность и становление Советской власти, дело социалистической революции. Первыми получили орден как раз города в ноябре 1967 г. Орден № 1 принадлежит Ленинграду (Санкт-Петербургу) как колыбели Великой Октябрьской социалистической революции. А орден № 2 был вручен столице страны – Москве.

Одним из первых орден Октябрьской Революции получил коллектив газеты «Правда» (в связи с 60-летним юбилеем издания). Не менее интересным оказывается и тот факт, что 22 февраля 1968 г. орденом награжден знаменитый крейсер «Аврора». Его экипаж отмечен за заслуги и пропаганду революционных традиций. Церемония награждения была приурочена к 50-летию создания Советской Армии. Кстати, этим же Указом орден был присвоен целой группе военачальников: почти всем маршалам Советского Союза, адмиралу флота, главному маршалу авиации и главному маршалу артиллерии.

В 1971 г. целый ряд предприятий получил высокую награду: ленинградские завод «Красногвардеец» и производственное объединение «Электросила», киевский завод «Арсенал», московский инструментальный завод «Калибр», Дальневосточная железная дорога и т.д. Киностудия «Мосфильм» получила свою награду в 1974 г., в течение следующего десятилетия орденоносцами стали завод «Большевик» (Киев), Институт стали и сплавов (Москва), Академический театр драмы им. Пушкина (Санкт-

Петербург). Это только малый перечень предприятий и организаций, чья работа отмечена столь высокой наградой.

Иностранные граждане также могли удостоиться чести получить орден Октябрьской революции. В списке награжденных представители международного революционного движения.

Орденом Октябрьской Революции отмечали и выдающиеся заслуги в развитии науки и техники, и достижения во всех отраслях народного хозяйства. Деятели культуры также награждались орденом. Деятельность, направленная на укрепление взаимоотношений с другими государствами, также отмечалась. Отмечались отвага и мужество, проявленные в боях с недругами государства во время военных действий.

Орден Октябрьской Революции следовало носить на груди слева, рядом с орденом Ленина (после него). А это значит, что награда по-настоящему высокая. В неофициальном рейтинге орденов первое место занимал орден Ленина, а второе – Октябрьской Революции.

Наша республика в связи с 50-летием создания автономной социалистической республики в 1974 г. была награждена орденом Октябрьской Революции. Среди награжденных этим орденом граждан Советского Союза хотелось бы выделить простых тружеников – наших земляков. Например, доярка совхозе «Селенгинский» Селенгинского района Н.Л. Тадвашкина, Герой Социалистического Труда, работая дояркой, она ежегодно добивалась больших трудовых успехов. Так, если в 1963 г. от каждой закрепленной коровы она надаивала 1739 л молока, то в 1966 г. надоила свыше 4000 л, в 1967 г. – 4650, а в последующие годы – свыше 5000 л. За первый год десятой пятилетки от каждой закрепленной за ней коровы надоила по 5830 л. молока. За успехи, достигнутые в восьмой пятилетке, в 1971 г. ей присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награждена орденом «Знак Почета» и Октябрьской Революции.

Директором совхоза «Верхне-Талецкий», одного из передовых хозяйств Хоринского района, П.О. Никитин проработал более 20 лет. За это время были построены молочно-товарные фермы в селах Верхние Тальцы и Додо-голе на 200-400 гол. с механизацией всех трудоемких процессов – дойка, раздача корма, уборка навоза. Были обновлены почти все животноводческие помещения – кошары, телятники. Построен зерноток с необходимыми складскими помещениями, ремонтные мастерские, гаражи, типовой детский сад на 90 мест, типовая средняя школа на 500 учащихся; а также построены дома для рабочих совхоза и улучшены жилищные условия животноводов на гуртах и отарах. Для создания прочной кормовой базы в хозяйстве было освоено более 3000 га целинных земель. Создана специальная отрасль – цех по кормопроизводству, внедрен коллективный подряд, сооружались оросительные системы, проводилась работа по организации полива лугов. Как специалист он не останавливался на достигнутом, все время совершенствовал организацию труда. Петр Осипович – кавалер орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции. Он заслуженный агроном Бурятской АССР.

Этой награды был удостоен народный писатель Бурятии Н.Г. Балдано. За трудовые успехи отмечены орденом Д.Ц. Пурбуев, старший чабан колхоза им. Ленина Агинского округа, Д.Б. Очиров – директор совхоза «Мурочинский» Кяхтинского района. Также этим орденом отмечен первый президент Республики Бурятия Л.В. Потапов.

За все время вручения ордена было проведено 106 462 награждения. Последнее награждение состоялось 21 декабря 1991 г. Любой орден – это признание исключительных качеств человека, поэтому нужно гордиться своими соотечественниками, которые удостоились высочайших наград за свои лучшие качества и совершенные подвиги.

Б.В. Михеев, канд. ист. наук, e-mail: mihei843@mail.ru
Востоно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
Технологический колледж, г. Улан-Удэ

УДК 94:39(571.54)''1900-1917''

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматривается хозяйственная деятельность коренных жителей Забайкалья в начале XX в., влияние природно-климатических факторов на развитие скотоводства и земледелия.

Ключевые слова: *Забайкальская область, буряты, скотоводство, земледелие, огородничество, крестьянин.*

B.V. Mikheev, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

THE ECONOMIC ACTIVITIES OF THE INDIGENOUS POPULATION IN ZABAIKAL REGION IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The economic activities of Zabaikalie indigenous inhabitants at the beginning of the 20th century, its influence of natural and climatic factors on the development of cattle breeding and farming are reaserched in this article.

Key words: *Zabaikal region, Buryats, cattle-breeding, farming, kitchen garden, peasant.*

Территория Забайкальской области в силу природно-географических условий являлась местом с традиционно развитым кочевым скотоводством, особенно в районах с преобладанием бурятского населения. По количеству скота на душу населения Забайкальская область занимала ведущие позиции в Сибирском регионе.

Общее количество скота в Забайкальской области в начале XX в. было 2833184 гол. В среднем на каждую душу населения приходилось по четыре головы скота. Ведущее место в развитии скотоводства области занимали Акшинский, Читинский, Верхнеудинский, Селенгинский и Баргузинский уезды, где проживала основная масса скотоводов: казаков и бурят. В 1900 г. в Акшинском уезде было 283102 гол. скота, Читинском − 713291 гол., Верхнеудинском – 778593 гол., Селенгинском – 419682 гол., Баргузинском – 142018 гол., а в Троицкосавском − всего 100840 гол. скота [1].

Домашний скот, который находился у населения Забайкальской области, состоял в основном из местной породы лошадей, крупного рогатого скота, овец, относящихся к монгольскому типу, а так же коз, верблюдов и свиней. Скот местной породы, отличался низкорослостью, выносливостью, неказистым видом, но в то же время мог выдерживать сильные морозы, был неприхотлив к корму и не требовал за собой большого ухода.

В начале XX в. проводились мероприятия по улучшению местной породы лошадей. В основном породистые лошади предназначались для казачьего населения, так как казачество имело большое поголовье лошадей. Это связано было с условиями службы казаков и земельными просторами войсковой территории. Так, в июне 1901 г. в г. Читу Государственным конным заводом в Забайкальскую и Приморскую область для улучшения местной породы лошадей было отправлено 10 жеребцов, из них пять верховых полукровных английских, три рысистых и два рабочего сорта и две кобылы – одна рысистой породы и одна рабочего сорта. Государственным конным заводом было утверждено ежегодно безвозмездно высылать в казачьи поселения племенных жеребцов по следующему расчету: чтобы довести численность жеребцов в каждом войске по числу станиц в Забайкальском войске − 62, а для Амурских и Уссурийских войск по числу станичных округов в оба войска – 14 жеребцов, затем высылать еще некоторое число лошадей на случай их смерти [2].

Основной пищей зимой для скота служили сено и солома. Сенокос у забайкальского населения начинался между 8 и 12 июля. Сено складывалось в стога на покосах и огораживалось изгородью. Вывозилось зимой, когда устанавливался санный путь [3]. В 1903 г. было собрано сена в семи уездах области, кроме Баргузинского, 31258466 пудов [4].

Содержание скота в бурятских хозяйствах сводилось к следующему: весной весь скот перегонялся на летние пастбища, примерно с конца мая − начала июня. Подобные перекочевки производились всем улусом, причем брали с собой только самые необходимые вещи. Остальное же имущество оставалось в зимниках. Летники представляли собой деревянные или войлочные юрты, иногда даже жилые дома и различные хозяйственные постройки для содержания скота. Скот до окончания сенокосных работ находился на летних пастбищах, после чего он снова перегонялся на зимники, где до поздней осени кормился на уже выкошенных летом утугах и сенокосных лугах, а после окончания летней страды – и на полях.

Зимой почти весь скот, кроме табуна лошадей, переводился на полустойловое содержание. В некоторых районах скот круглый год оставался без подкормки. В этих случаях забайкальские буряты применяли метод «тебеневки» − зимняя пастьба скота по ветошам. Для освоения пастбища сначала пускали лошадей, которые легко разбивали твердый снежный покров и съедали верхушки травы. За ними пускали овец, хорошо достающих ветошь и крупный рогатый скот, который не мог разгребать снег копытами [5].

Во время засухи сено заготавливалось в небольшом количестве. Буряты с наступлением зимы (с первых чисел декабря по март) откочевывали в Монголию, где было больше корма. Пользование монгольскими пастбищами основывалось исключительно на частном соглашении между владельцами

скота и заинтересованными монголами. В связи с постройкой железной дороги, кочевка бурят проходила вблизи границы вдоль протекающих речек Дучи, Ульзы, Гану, Хаулу и Тербулу (притоки реки Аргунь) и другим пограничным местностям. «Такой порядок пользования земельными угодьями не вызывал никаких недоразумений с монголами, давая в то же время возможность пограничному населению поддерживать и развивать скотоводство до таких размеров, которые в значительной степени обеспечивали мясными продуктами Забайкальскую и Амурскую области, а также регулировали цены на мясо» [6].

Русские крестьяне, занимавшиеся в основном земледелием, после зимовки пасли скот на сенокосных лугах, а с наступлением лета переводили его на присельные выгоны. Осенью после уборки урожая − по жнивью. Зимой весь скот находился на стойловом содержании. Часть крестьян, в основном зажиточных, имела заимки, куда с наступлением лета и перегоняла весь скот.

Способы и методы ведения скотоводства у русских крестьян и казаков были несколько иными, чем у проживавших в скотоводческих зонах, где главной отраслью являлось скотоводство. У них некоторые виды скота паслись круглый год [7].

Сокращение пастбищных угодий и занятие земледелием способствовали постепенной утрате кочевого быта. В Хоринском ведомстве земледельческими районами являлись низовья рек Хилка, Уды, Кудуна и долина реки Тугнуя. В отчете Селенгинской думы сообщалось, что «хозяйство инородцев Селенгинского ведомства состоит преимущественно в скотоводстве, незначительно развито хлебопашество, звериный и рыбный промысел. Скотоводство в последнее время приходит в упадок из-за эпидемии чумы на рогатый скот, а многолетние неурожаи, длившиеся до 1889 г., отбивают всю охоту у населения заниматься земледелием. Хозяйство кударинских бурят развивалось в земледельческо-скотоводческом и промысловом (рыболовство) направлении. В 1901 г. по Кударинской степной думе было засеяно 1367 десятин 400 саженей земли [8].

Кроме бурят в Забайкальской области проживали эвенки. Эвенки жили родами. Род у эвенков представлял собой коллектив кровных родственников, имеющий общее происхождение по мужской линии. До выхода в 1822 г. Устава «Об управлении инородцев» эвенки управлялись своими «князцами», или шуленгами. В 1824 г. были образованы две инородческие управы (Баргузинская и Баунтовская) и три управления (Нижнеангарское и Верхнеангарское, Подлеморско-Шемагирское). Эвенки кочевали группами родственных семей по своим освоенным охотничьим угодьям и оленным пастбищам. По традиции участки наследовались. Весной и летом стойбища эвенков располагались обычно на берегу речки, а зимой − в малоснежных и богатых оленьим кормом местах. Длительность пребывания на одном месте зависела от количества оленей в семьях. Те, у кого было много оленей, оставались дольше на одном месте, а семьи, имеющие меньшее количество, значительное время находились в пути в поисках зверя для пропитания. Весь хозяйственный год у эвенков делился на определенные периоды, имеющие свои названия [9].

В начале XX в. у бурят начинает постепенно распространяться земледелие. Этому способствовало несколько причин. Прежде всего, само государство было заинтересовано в земледельческом освоении обширных сибирских земель. В отчете по Селенгинскому ведомству за 1900 г. сообщалось: «Инородцы занимаются хлебопашеством, скотоводством и рыбным промыслом по рекам Селенге, Чикою, Хилку, Темнику, Джиде, а также плотнической работой в городах Троицкосавске, Селенгинске и Верхнеудинске, извозом чая и прочих китайских товаров из города Урга» [10].

В 1904 г. казаки Верхнеудинского станичного правления первого военного отдела Забайкальского казачьего войска имели под посевом 280 четвертей ржи и ярицы, 10 четвертей яровой пшеницы и 12 четвертей овса, а казаками Янгожинской станицы в том же году было посеяно 440 четвертей ржи и ярицы, 78 четвертей яровой пшеницы и 91 четверть овса. Озимого хлеба буряты не сеяли [11].

Среди агинских бурят занимались земледелием только те, которые расселились при Агинском селении. Несмотря на все усилия, земледелие здесь так и не стало преобладающим видом деятельности. В 1904 г. число домохозяев по Агинской инородческой волости, занимающихся хлебопашеством, составляло 111, которые засевали ярицы 66 ¼ десятины ярицы, 10 ¼ десятины пшеницы, 15 ½ овса, гречихи 4 десятины, 11 2/3 десятины картофеля и 1 ¼ десятины ячменя, всего было засеяно 95 ¼ десятины хлебов [12]. Нежелание агинских бурят заниматься земледелием объясняется тем, что земля здесь не пригодна для хлебопашества, так как земли, занимаемые ведомством, большей частью солончаковые и каменистые, удаленные от лесов и вод, годные лишь для скотоводства [13].

В конце XIX – начале XX в. среди русского населения начинает развиваться огородничество, но оно было в зачаточном состоянии и существовало в селениях, расположенных около городов и крупных железнодорожных поселков, и не могло полностью удовлетворить требования местных рынков. В

1904 г. в Агинском инородческом волостном правлении огородничеством занималось 24 домохозяйства, выращивали в основном капусту, огурцы, морковь, репу и брюкву. Площадь, занимаемая всеми этими посевами, составляла не более 1/8 десятины и площадь капусты 15 грядок. Также было засеяно картофеля 250 пудов [14].

Таким образом, наряду с земледелием, скотоводство в начале XX в. являлось важной отраслью хозяйства жителей Забайкальской области, а в хозяйстве бурятского и некоторой части казачьего и крестьянского населения оно было единственным источником существования. Объяснялось это обширными пастбищами, способными прокормить большое количество скота, относительно малой заселенностью края и малоснежными зимами. Скотоводство у забайкальских бурят по-прежнему оставалось экстенсивным. Почти круглый год скот находился на подножном корму, подвергаясь случайностям непогоды, эпизоотии, нападениям хищных животных.

Библиография

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 19, оп. 1, д. 90, л. 3 об.; д. 143, л. 314, 315.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО) Ф. 29, оп. 1, д. 262, л. 2, 5.
3. Петерсон Н. Возможность и условия поземельного устройства забайкальских кочевых инородцев. − Спб., 1901. − С. 159-170.
4. ГАЗК Ф. 19, оп. 1, д. 90, л. 10.
5. Санданов Ю.Б. Сельское хозяйство Забайкальской области в конце XIX – начале XX в. − Улан - Удэ: Изд-во БГУ, 2008. − С. 47.
6. ГАЗК. Ф. 13, оп. 1, д. 54, л. 28, 8.
7. Санданов Ю.Б. Указ. соч. − С. 48.
8. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), ф. 5, оп. 1, д. 1190, л. 29.
9. Шубин А.С. Эвенки. − Улан - Удэ, − 2007. – С. 254.
10. Гарбуз И.В. Крестьянство Забайкалья второй половины XIX в. – Улан - Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2009. − С. 45; ГАРБ, ф. 2, оп. 2, д. 2, л. 9 об.
11. ГАРБ, ф. 116, оп. 1, д. 601, л. 24; ф. 27, оп. 1, д. 14, л. 5.
12. ГАРБ, ф.131, оп. 1, д. 28, л. 61об, 62.
13. Гарбуз И.В. Указ. соч. − С. 48.
14. ГАРБ, ф. 131, оп. 1, д. 28, л. 51, 60.

Bibliography

1. National Archive of the Zabaikal Region (SAZR). Col. 19, Inv. 1, F. 90, L. 3 r .; 143, L. 314, 315.
2. State Archives of the Irkutsk Region (SAIR). Col. 29, Inv. 1, F. 262, P. 2, 5.
3. Peterson N., Possibility and conditions of land-based arrangement of Zabaikal nomadic peoples. - St. Petersburg, 1901. - P. 159-170.
4. SAZR. Col. 19, Inv. 1, F. 90, L. 10.
5. Sandanov Y.B., Agriculture of the Zabaikal region in the late XIX - early XX century. - Ulan - Ude: BSU Press, 2008. - C. 47.
6. SAZR. Col. 13, Inv. 1, 54, L. 28, 8.
7. Sandanov Y.B. Ibid. - P. 48.
8. The State Archive of the Buryatia Republic (SABR), Col. 5, Inv. 1, F. 1190, P. 29.
9. Shubin A.S. Evenki. - Ulan-Ude, - 2007. - P. 254.
10. Garbuz I.V. The peasantry of Zabaikalie in the second half of the 19th century. - Ulan-Ude: V.R. Filippov BSAA Press, 2009. - P. 45; SABR, Col. 2, Inv. 2, F. 2, L. 9 vol.
11. SABR, Col. 116, Inv. 1, F. 601, L. 24; Col. 27, Inv. 1, F. 14, P. 5.
12. SABR, Col.131, Inv. 1, F. 28, P. 61 rev, 62.
13. Garbuz I.V. Ibid. - P. 48.
14. SABR, Col. 131, Inv. 1, F. 28, P. 51, 60.

Р.А. Евтехов, аспирант, e-mail: Romachka1818@rambler.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 94:351.74

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХНЕУДИНСКОЙ ПОЛИЦИИ В НАЧАЛЕ XX в. ПО СОХРАНЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ В ГОРОДЕ

В работе автор рассматривает средства готовности уездного полицейского управления Верхнеудинска, расположенного на далеких окраинах Российской империи, к росту преступности и протестов населения. Архивные материалы, использованные в исследовании, свидетельствуют о внедрении определенных технических

инноваций, используемых в охране государственных ценностей. В целом же штатный состав, особенно небольших городов Забайкалья был слабо подготовлен и обмундирован для должного уровня охраны безопасности, что в результате стало причиной полной беспомощности полицейских органов.

Ключевые слова: *Верхнеудинск; уездное полицейское управление; революционные события; протесты; безопасность; криминогенная обстановка; Забайкальская область.*

R.A. Evtekhov, PG

STABILITY CONSERVATION ACTIVITIES OF THE VERKHNEUDINSK POLICE IT THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

The author considers means of readiness of the district police department of Verkhneudinsk to growth of criminality and protests of the population. Archival materials used in the study indicate the introduction of certain technical innovations used in the protection of state values. In general, the staffing, especially in the small towns of Zabaikalie, was poorly trained and outfitted for the proper level of security, which resulted in the total helplessness of the police authorities.

Key words: *Verkhneudinsk; county police department; revolutionary events; protests; security; crime situation; Zabaikalie region.*

Полиция Российской империи являлась не только правоохранительным аппаратом, ей были делегированы функции обеспечения порядка, стабильности и сохранения существовавшего строя. Все это в XVIII в. было определено одним словом – «благочиние». Консервативная роль полиции подчеркивалась и законодательными актами. Так, в разделе II, гл. 6 «Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений» (изд. 1890) п. 109 гласит: «Она [полиция] пресѣкаетъ въ самомъ началѣ всякую новизну, законамъ противную».

Развитие капитализма в Российской империи закономерно привело к росту осознания своих прав, свобод и желанию участия в общественно-политической жизни. Однако полиция как учреждение надзора, даже после реформ 60-х г. XIX в. продолжала следовать старым феодальным принципам.

Основными формами организации полиции в империи были окружные и городские полицейские управления, подчинявшиеся через губернаторов департаменту полиции МВД [4, с. 48; 5, с. 22]. В условиях Забайкалья координацию деятельности полицейских управлений осуществлял военный губернатор, совмещавший в своих руках полномочия гражданского и военного управляющего в чрезвычайных условиях отдаления и наличия ссылки и каторги [7, с. 81]. Еще одной важной причиной для этого является трансграничность расположения региона [9, с. 3-5; 12, с. 86]. Соединения широких полномочий в единых руках было продиктовано необходимостью наделить управленческий аппарат большими полномочиями и конечно же сэкономить на дорогостоящем чиновничьем аппарате. Но в преддверии революционных событий 1917 г., криминогенная обстановка в Забайкалье значительно ухудшилась и уже слабо поддавалась контролю властей [6, с. 52].

Согласно циркуляру товарища министра внутренних дел Белецкого [2, л. 1-2] в империи участились случаи разбойных нападений, грабежей и усиливалась подрывная работа революционных организаций. От начальников губерний требовалось принять решительные меры по усилению бдительности местных полицейских и сыскных органов в работе по розыску, задержанию злоумышленников, охране ценностей и т.д. Формат подачи информации в рассматриваемом циркуляре очень эмоциональный, что свидетельствует о полном бессилии центральных властей контролировать происходящее.

В виде поощрения товарищ министра предлагал особо отличившихся полицейских представлять к денежным наградам, а виновников грабежей предавать военному суду. Основным предметом охраны должна была становиться перевозка казенных денежных сумм, на оплату военных расходов. Предлагалось обставлять доставку средств особой конспирацией, меняя маршруты и способы перевозки. В соответствии с циркуляром военный губернатор Забайкальской области предписал местным полицейским управлениям ряд мероприятий для сохранения перевозимых денежных сумм. Во-первых, предполагалось сообщаясь с государственными банками и казначействами, установить между ними и органами полиции и воинскими частями сигнализацию, а также усилить наемную стражу и воинские караулы. Во-вторых, нужно было усилить охрану ценностей в почтовых конторах и отделениях при перевозке почт и в-третьих, конспирировать перевозку казенных денег.

В ответ на требуемые меры посыпались жалобные рапорты уездных начальников под грифом «совершенно секретно». В частности, Верхнеудинский окружной начальник [2, л. 34-35] сообщил о принятых полицией города мерах. Казначейство в Верхнеудинске помещено в нижнем этаже здания полицейского управления, а кроме того соединено с ним кроме телефона «особым сигнализационным

прибором». По тревоге в казначейство тотчас являются все наличные чины полиции, кои проинструктированы на таковой случай. Казначейство охраняется собственными вооруженными чиновниками, а при кладовой казначейства учрежден ночной пост от войск местного гарнизона. В чрезвычайном случае по тревоге может быть вызвана гарнизонная караульная команда и расположенная в соседних зданиях пожарная команда. Последняя в случае грабежа вызывалась исключительно декоративно, так как не была вооружена. Что касается почтово-телеграфной доставки в Верхнеудинске, то вблизи ее состоит полицейский пост, по телефону может быть вызвана воинская команда. Доставка почт по городу осуществляется почтальонами, а для доставки на вокзал полиция обещала снаряжение особых нарядов. Наемной стражи для этих целей организовать было невозможно, так как у этих учреждений отсутствуют средства. Что касалось увеличения воинских караулов, то актуальная проблема нехватки чинов сохранялась и здесь. Начальник гарнизона не только не соглашался на увеличение постов, но и подал ходатайство об упразднении ночного поста при казначействе. Ситуация Верхнеудинска в этом смысле была еще относительно неплохой.

Положение охраны казны и почт в других Забайкальских городах как Селенгинск и Баргузин было еще хуже [2, л. 9-10 об]. Почтовые канторы и казначейства в них охранялись исключительно персоналом этих учреждений. В случаях препровождения больших сумм денег, охраной выступали сотские и десятские от общества не вооруженные огнестрельным оружием, как и почти вся полиции Забайкальской области. По этой причине полиция не могла обеспечивать конспирацию транспортировки ценностей, так как для сбора десятников объявлялось заранее крестьянскому обществу, расположенному по тракту, для сбора невооруженных десятников.

Таким образом, не смотря на наличие некоторых технических инноваций, повышающих скорость реагирования полиции и охранных отделений на случаи грабежа и разбоев, уровень безопасности был на достаточно низком уровне. Главными причинами этого был нарастающий уровень общественных волнений и протестных настроений. В этой связи значительно ухудшалась криминогенная обстановка и безопасность препровождения ценных государственных грузов. Все это усугублялось отсутствием обмундирования и оружия у нижних чинов полиции и недостаточностью численности личного состава.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых МК-8975.2016.6 «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII – начало XX в.)»

Библиография

1. ГАЗК. Ф. 13, оп. 2, д. 43.
2. ГАЗК. Ф. 13, оп. 2, д. 63.
3. ГАЗК. Ф. 13, оп. 9, Д. 64.
4. Евтехов Р.А. Этапы становления городской полицейской службы ВерхнеудинскаXVIII – начала XX в. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2016. – Т. 2. – С. 48-55.
5. Евтехов Р.А., Малыгина О.А. Городская полиция в системе государственных институтов управления Забайкальской областью в XVIII – начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016. – № 3 (34). – С. 22-31.
6. Евтехов Р.А., Паликова Т.В. Основные этапы формирования городской полиции г. Верхнеудинска Иркутской губернии в XVIII – первой трети XIX века // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2016. – Т. 1. – С. 42-52.
7. Малыгина О.А. Забайкальская ссылка и каторга в отчетах военных губернаторов (2-я половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2014. – Вып. 2. – С. 81-87.
8. Паликова Т.В. Верхнеудинск – «Маленький городок» // История в подробностях. – – 2011. № 9. – С. 64-71.
9. Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX–XX вв.: источники и историография. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. – 176 с.
10. Паликова Т.В. Русско-Восточное сотрудничество во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2014. – Вып. 2. – С. 4-11.
11. Паликова Т.В. Урбанизационные процессы в дореволюционном Забайкалье // Вестник ВСГТУ. – 2011. – № 3 (34). – С. 35-39.
12. Паликова Т.В. Юго-Западное Забайкалье XIX – начала XX в. в условиях трансграничья // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 7. – С. 86-90.

Bibliography

1. State Archive of the Zabaikalie Region (SAZR). Col. 13. Inv. 2. F. 43.
2. SAZR. Col. 13. Inv. 2. F. 63.
3. SAZR. Col. 13. Inv. 9. F. 64.
4. Evtekhov R. A. Stages of the formation of the city police service in Verkhneudinsk XVIII-early XX centuries. // Humanitarian researches in Inner Asia. 2016. V. 2. P. 48-55.
5. Evtekhov RA, Malygina OA Urban police in the system of Zabaikal region state institutions of management in the XVIII - early XX century // Perm University Herald. Series: History. 2016. No. 3 (34). P. 22-31.
6. Evtekhov RA, Palikova TV The main stages of the Verkhneudinsk urban police formation of Irkutsk province in the XVIII - first third of the XIX century // Humanitarian researches in Inner Asia. 2016. Vol. 1. P. 42-52.
7. Malygina OA Zabaikalie exile and penal servitude in military governors reports (second half of XIX - beginning of XX century) // Humanitarian researches of Inner Asia. 2014. Issue. 2. P. 81-87.
8. Palikova TV Verkhneudinsk - "Small Town" // History in details. 2011. № 9. Pp. 64-71.
9. Palikova TV. The towns of Zabaikal in the second half of the XIX - XX century. : Sources and historiography / TV Palikova. - Ulan-Ude: BSU Press, 2015. - 176 p.
10. Palikova TV. Russian-Eastern cooperation in the second half of the XIX - early XX century. // Humanitarian researches in Inner Asia. 2014. Issue. 2. P. 4-11.
11. Palikova, TV, "Urbanization processes in the pre-revolutionary Zabaikal," ESSUTM Bulletin. 2011. № 3 (34). Pp. 35-39.
12. Palikova, TV, South-Western Zabaikalie of the 19th and Early 20th Centuries. In the conditions of a trans-boundary border // The Buryat State University Bulletin. 2015. Vol. 7. P. 86-90.

И.Н. Семушев, студент, e-mail: ivansemushev@gmail.com
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК: 94 (571.54)

ПЕРИОД ДВОЕВЛАСТИЯ: ВЕРХНЕУДИНСК И РЕВОЛЮЦИЯ

Период двоевластия, сложившейся на территории нашего государства после Февральской революции, является весьма неоднозначным. С отходом от советской идеологии появляется возможность взглянуть на события тех лет с иной стороны. На территории Забайкалья к 1917 г. в общественно-политической и экономической сфере остались нерешенные вопросы.

В данной статье рассматривается взаимодействие между органами власти, сложившимися в Верхнеудинске в отмеченный период, проанализированы основные направления проводимой ими политики.

Ключевые слова: *Верхнеудинск, Февральская революция, 1917 г., Совет рабочих и солдатских депутатов, Комитет общественной организаций, двоевластие, национальное движение.*

I.N. Semushev, student

THE DUAL POWER: VERHNEUDINSK AND THE FEBRUARY REVOLUTION

The period of dual power that has developed on the territory of our state after the events of the February revolution is very ambiguous. With the departure from the Soviet ideology, we have the opportunity to look at the events of those years from the other side. On the territory of Buryatia, by 1917, there was a number of unresolved issues in the socio-political and economic sphere. This article examines the interaction between the authorities that formed in Verkhneudinsk in the period we noted, main directions of their policies are analyzed as well.

Key words: *Verkhneudinsk, the February revolution, 1917, the Soviet of Workers 'and Soldiers' Deputies, the Committee of General Security, dual power, national movement.*

Ряд объективных факторов, сложившихся к 1917 г., привел страну к революции. Революционно настроенные массы рабочих и солдат вышли на улицы Петрограда. 27 февраля произошла Февральская буржуазно-демократическая революция. Она именуется буржуазно-демократической, так как в результате революции, несмотря на то, что основными действующими лицами являлись солдаты и рабочие, к власти пришли именно представители буржуазных общественных организаций. По словам В. И. Ленина, это случилось вследствие «недостаточной сознательности народных масс».

В ходе февральских событий была полностью изменена система органов власти в Центре и на местах. 27 февраля 1917 г. либеральные депутаты Государственной думы, совместно с социал-демократами и трудовиками организовали Временный комитет Государственной думы во главе с М.В. Родзянко. Временный комитет играл важную роль лишь в первые дни после создания, просуществовав

до 6 октября 1917 г. В тот же день, 27 февраля, был образован Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Был избран Исполнительный комитет из 36 человек под председательством Н.С. Чхеидзе.

1 марта на заседании Временного комитета, в котором приняли участие и представители Петроградского Совета, был утвержден состав нового Временного правительства. Николай II отрекся в пользу своего брата Михаила, который в свою очередь передал решение вопроса о власти будущему Учредительному собранию.

Так, на территории государства в ходе революционных событий сложилась ситуация двоевластия. Петроградский Совет представлял революционно-демократическую власть, а Временное правительство – буржуазно-демократическую. Революционные события, смена органов власти происходили и на местах, в частности в Верхнеудинске. Что же представляла собой власть в Верхнеудинске на фоне революционных событий 1917 г.?

После революции из тюрем и ссылок возвращались политические заключенные, среди которых были большевики, меньшевики, анархисты, эсеры. Часть из них осталась на окраинах страны, для распространения идей революции и поддержания новой власти на местах. Так, в Верхнеудинск прибыли А.М. Буйко, В.С. Петров, В.А. Чащин. Еще до событий февраля 1917 г. в городе находились В.М. Серов, И.К. Юдин и П.Е. Миронов. О начале революции и свержении самодержавия город узнал достаточно поздно, так как по распоряжению Забайкальского генерал-губернатора и наказного атамана телеграфные сообщения были скрыты. О событиях в Центре на экстренном собрании партии сообщил вернувшийся из г. Иркутска Е.А. Петров [3, с. 11]. 6 марта 1917 г. в Верхнеудинске был образован Верхнеудинский Совет рабочих и солдатских депутатов. Председателем был избран В.М. Серов, а его заместителем – А.М. Буйко. В Совет входили 115 депутатов от 13 тыс. избирателей. Среди депутатов были представители рабочих железной дороги, Тарбагатайских каменноугольных копий и солдат Березовского, Городского и Парковского гарнизонов [5, с. 142]. Совет был создан на основе работы партийных организаций Западного Забайкалья – Верхнеудинского комитета РСДРП.

Одновременно с Советом в городе был образован и местный орган власти буржуазии – Комитет общественных организаций. Органы буржуазной власти на местах также могли именоваться Комитетами общественной безопасности, что является прямой отсылкой к Великой Французской буржуазной революции 1789-1794 гг. В создании Комитета общественных организаций принимали участие представители Верхнеудинской городской думы, общественных, профессиональных и рабочих организаций. Основой социальной базы на местах стали буржуазные интеллигенты, крупные чиновники, попы, ламы, нойоны, кулаки, буржуазия, офицерство и казачья верхушка. На первых порах комитеты имели поддержку у населения, так как брали на себя задачи недопущения восстановления монархического строя и поддержания порядка. Комитеты начали формироваться демократическим путем во многом благодаря проходимым на местах митингам, но на деле у власти оказалась лишь незначительная прослойка буржуазии. Большая часть исследователей считают комитеты общественной безопасности и комитеты общественной организации местными органами власти Временного правительства. Однако в своем труде «Внутренняя политика Временного правительства» В.И. Старцев утверждает, что комитеты были организованы без непосредственного контроля Временным правительством, он подчеркивает самостоятельность данных органов [4]. Основными функциями комитетов на местах являлись поддержание порядка, и охрана имущества и жизни граждан, что также соответствует функциям Комитета времен Французской революции конца XVIII в.

Учитывая, что в Президиуме Совета обеспечено большевистское руководство в лице Серова, Маслова, Кузнецова и других, было решено выдвинуть председателем Комитета общественных организаций Е. А. Петрова, а его заместителем – И.А. Пятидесятникова [3, с. 12].

Проблема взаимодействия двух органов власти, положение двоевластия, а также роль Комитета общественной организации непосредственно в Верхнеудинске изучены неполно.

Необходимо вспомнить и о дореволюционных органах власти, которые продолжали функционировать на территории Забайкальской области. Областью временно управлял Читинский городской голова Н.И. Савич, который исполнял роль комиссара. Должность комиссара на местах создавалась в качестве альтернативы бывшим губернаторам и исправникам. На должность выбирались люди из достаточно узкого круга – помещики, торговцы, гласные городских дум и т.д. По распоряжению Н.И. Савича управление Верхнеудинским уездом было возложено на городского голову. Верхнеудинская Городская дума также не была расформирована, и продолжила свою работу. Возможно, это было сделано для того, чтобы на местах не возникли и не распространились анархические тенденции. Временное правительство в дальнейшем не признало комитеты своими органами власти на местах, закрепив за

ними лишь функции помощников местной администрации. В качестве же своих представителей Временное правительство видело именно уездных и губернских комиссаров.

Взаимоотношения новых органов, а также и Городской думы, на территории Бурятии имели ряд особенностей. На первом заседании делегатов Совета обсуждался вопрос об отношении к Комитету. Так, по решению заседания было заявлено, что «Совет рабочих и солдатских депутатов как организация, представляющая чисто демократические слои населения, является контрольным аппаратом Комитета общественных организаций, следит за тем, чтобы ни одно мероприятие Комитета общественных организаций не шло в разрез с провозглашенными новым правительством лозунгами и интересами демократических слоев населения. Совет рабочих и солдатских депутатов не только следит за проведением в жизнь этих лозунгов, но, если понадобится, силою, находящейся в его распоряжении, принудит к этому» [2, с. 26]. Если говорить о других Советах на территории Бурятии, то они еще находились в стадии своего становления, и не могли иметь большое влияние на комитеты.

В целом, комитеты, как видно из последующих событий, во многом существовали благодаря поддержке их Советами, так как Советы представляли собой форму самоорганизации масс рабочих и крестьянства, т.е. большинства. С отходом Временного правительства от демократических преобразований, лишившись поддержки Советов, оно теряет свои позиции, неуклонно идет к упадку. Так, уже на «втором этапе революции» к власти приходит пролетариат. На данный же момент двоевластие – один из признаков противоречивости и стихийности произошедшей революции.

Со временем в Верхнеудинском Совете рабочих и солдатских депутатов происходило разветвление и расширение системы управления. При Совете были созданы земельный, земский, финансовый, продовольственный, судебный отделы, а также отделы народного образования, призрения, труда и медико-санитарная секция.

Следует отметить, что работа Верхнеудинского Совета также не была изначально структурированной и слаженной, так как внутри органа боролись два направления: меньшевистско-эсеровское и большевистское. Как и в целом по стране, эсеры и меньшевики преобладали в численном составе Советов над большевиками. Это наложило свой отпечаток и на проводимую ими политику, они не считали необходимым разрыв с буржуазией, а, наоборот, во многих преобразованиях опирались на Временное правительство. По той же причине Совет в вопросе войны стоял на позиции ее продолжения. Эсеры и меньшевики при благосклонном отношении руководителей верхнеудинской группы большевиков, расширили сферу деятельности Комитета [5, с. 148].

Для осуществления идеи В.И. Ленина по передаче всей полноты власти Советам, выдвинутой им в «Апрельских тезисах», и более эффективной работы большевиков, было необходимо проведение более решительных мер по разъединению эсеро-меньшевистского и большевистского направлений в Советах. В Верхнеудинском Совете этот вопрос являлся одним из ключевых для осуществления дальнейших революционных преобразований, так как на территории Забайкалья меньшевики и эсеры представляли собой очень влиятельную политическую силу, которая пользовалась поддержкой городской буржуазии, среднего и зажиточного крестьянства.

Со времени своего появления Совет совместно с Комитетом начал проводить в жизнь ряд мероприятий, затрагивающих организацию труда, земельный вопрос, вопросы крестьянской жизни и национальный вопрос. Созданная секция по охране труда занималась вопросами улучшения быта рабочих.

Земельный вопрос, хотя и с небольшими изменениями, в целом остался нерешенным. На съезде представителей городских и сельских комитетов общественных организаций местных уездов в мае 1917 г. Совет пытался утвердить программу по ликвидации полуфеодальных пережитков в земельных отношениях. Съезд принял резолюцию, по которой было решено ждать указаний от будущего Учредительного собрания.

В сложившихся после победы Февральской революции условиях, наблюдался резкий рост национального движения на окраинах страны, в том числе подобные процессы происходили и на территории Западного Забайкалья. Основными целями национальных движений на данном этапе исторического процесса были: ликвидация национального гнета, право на самоопределение и образование национальных государств. Одновременно на территории Забайкалья и в Петрограде были образованы две организации, претендующие на руководящую роль в национальном движении бурятского народа – Бурятско-Калмыцкий комитет и Бурятский национальный комитет. Совет солдатских и рабочих депутатов по национальному вопросу отстаивал право наций на самоопределение, данный орган заявлял, что население имеет право создавать органы власти по тому типу, который будет определен на общих съездах на местах. В конце апреля 1917 г. состоялся съезд представителей бурятского населения Иркутской области и Забайкалья, на котором была представлена на обсуждение программа М.Н. Богданова. По

этой программе буряты Иркутской губернии и Забайкальской области объединялись, а основными территориальными единицами становились сомоны, хошуны и аймаки. Данный вариант организации автономии бурятского населения не нашел поддержки во Временном правительстве, местные представители которого признавали за бурятами лишь право на культурно-национальную автономию. С целью окончательного разрешения вопроса о национальном самоуправлении бурятского населения 13 июля 1917 г., Э.-Д. Ринчино отправил в Петроград телеграмму, в которой обосновал структуру новой системы национального самоуправления. Предложенный тип самоуправления не нашел поддержки среди деятелей Временного правительства, что было вновь подтверждено на Восточно-Сибирском краевом съезде представителей Комитетов общественной безопасности (или же организации). В ложной обстановке 1917 г. Временное правительство не имело собственной концепции разрешения национального вопроса и государственного переустройства страны, и, как показало дальнейшее развитие событий, не было способно их решить [1, с. 83].

Таким образом, сложившаяся после событий Февраля 1917 г. ситуация отчетливо проявлялась и на национальных окраинах государства, в том числе и в Западном Забайкалье. Новые органы власти, созданные в Верхнеудинске, и представлявшие различные социальные слои, объединялись в решении многих вопросов. Комитеты играли важную роль в демократических преобразованиях на местах в первое время после свершения революции. Но с момента непризнания Временным правительством комитетов как собственных органов они ушли на второй план, и существуют во многом лишь благодаря поддержке местными Советами. За период между двумя революциями нельзя отметить каких-либо существенных мероприятий, направленных на поддержку одного из важнейших вопросов в области – национального. Не был решен и земельный вопрос, стоявший на повестке с начала века и вызванный незаконченностью реформ. Не идущее на решение взятых на себя обязательств правительство, с отходом от демократических преобразований теряет популярность в среде народных масс, что влечет за собой последующий кризис.

Библиография

1. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с.

2. Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии // Сб. документальных материалов / под ред. П.Т. Хаптаева. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. Изд-во, 1957. – 301 с.

3. Сентарецкий Т.М. Борьба за установление советской власти в Прибайкалье // Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников Гражданской войны в Бурят-Монголии. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1957. – 270 с.

4. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. – Л.: Наука, 1980. – 256 с.

5. Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 337 с.

Bibliography

1. Bazarov B. V., Zhabaeva L. B. Buryat national democrats and the social and political thought of the Mongolian people in the first third of the XX century. Ulan-Ude: The BSC SB RAS Publ., 2008. 377 p.

2. The struggle for the power of the Soviets in Buryat-Mongolia. Collection of documentary materials / Ed. P.T. Khaptaeva. - Ulan-Ude: Buryat-Mong. Publ., 1957. 301 p.

3. Sentaretsky T. M. Struggle for the Establishment of Soviet Power in the Baikal Region // Partisans of the Baikal region: memories of participants of the Civil War in Buryat-Mongolia. Ulan-Ude: Buryat-Mong. Publ ., 1957. 270 p.

4. Startsev V. I. Domestic policy of the Provisional Government. L .: Science Publ., 1980. 256 p.

5. Khaptaev P. T. The October Socialist Revolution and the Civil War in Buryatia. Ulan-Ude: Buryat Publ., 1964. 337 p.

В.Н. Очирова, аспирант, e-mail: ochvalentine@mail.ru
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова

УДК 947:316.55

ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В 1920-1930-х гг. В СИБИРИ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются работы отечественных исследователей, посвященные особенностям повседневной жизни жителей сельской местности Сибири в 1920-1930-е гг. Описаны различные официальные и неофициальные виды досуга.

***Ключевые слова**: повседневность, сельская местность, досуг, Сибирь, избы-читальни, санитарно-просветительная работа, 1920-1930-е гг.*

V.N. Ochirova, PG

SOME PECULIARITIES OF RURAL EVERYDAY LIFE IN 1920-1930s IN RUSSIAN RESEARCHERS WORKS

The article deals with works of Russian researchers devoted to some peculiarities of rural everyday life in 1920-1930 in Siberia. Some "official" and "non-official" kinds of leisure activity are provided here.

***Key words**: everyday life, rural area, leisure, Siberia, village reading rooms, sanitary educating work, 20-30-s of the XX century.*

История повседневности – направление историографии, которое активно разрабатывается в отечественной историографии с 1970-х гг. и «превращается в новый способ исследования и познания, открывающий возможность проникнуть в неисследованные области социальной истории» [1, с. 40]. Анализ повседневности дает возможность «за частным увидеть общее, за единичным – типическое, за буднями – переживания отдельных людей, их образ жизни, чаяния и стремления» [2, с. 100]. Так, изучение повседневности способствует визуализации реальной жизни людей вместо идеальных схем. Для создания представления об условиях и образе жизни локального общества или индивида используются письменные источники (статистические, делопроизводственные учетные документы, материалы периодической печати), документы личного происхождения (дневники, воспоминания, письма), а также все чаще используется метод устной истории, который позволяет получать уникальные свидетельства о повседневности, ментальности, поведении отдельно взятого человека [3].

Исследование повседневности – это переход от анализа абстрактных процессов и структур к анализу конкретной ситуации, который позволяет по-другому высветить политические, экономические, социальные, культурные процессы [4].

Аграрные преобразования, проходившие в 1920-1930 гг. XX в., существенно повлияли на социальные, культурные и экономические отношения в деревне. В работах Л.А. Зайцевой, Т.В. Будаевой рассматриваются последствия проведенной коллективизации, есть сюжеты об организации Красных юрт, о процессе оседания кочевого населения, которое повлекло за собой строительство школ, амбулаторий, изб-читален, о мероприятиях по борьбе с эпидемическими болезнями [5]. Но цель исследования сельской повседневности в работах не ставилась. Научные исследования по проблемам повседневности ведутся сравнительно недавно. Интерес к истории повседневности населения Сибири проявляется в работах отечественных исследователей, которые можно выделить в две группы: 1) посвященные трудовой повседневности; 2) посвященные быту. Работы Л.Т. Ивановой, В.В. Номогоевой, В.А. Шаламова содержат анализ и описание сферы, свободной от трудовой деятельности, т.е. семейную жизнь, повседневные домашние заботы, а также различные виды и формы досуга, которые появились в деревне в 1920-1930-е гг.

Так, например, В.А. Шаламов делит досуг на две группы: первая – официальные, поощряемые партией формы досуга; вторая – неофициальные (традиционные, связанные главным образом с религиозными праздниками и традициями, сложившимися в дореволюционный период). Краткий обзор «официально одобренных форм досуга» автор раскрыл в статье «Официальные формы организации повседневного досуга сельских жителей Ангаро-Енисейского региона», где рассмотрел такие виды времяпрепровождения как чтение книг и газет, участие в клубной работе, просмотр кинофильмов и спектаклей, слушание научно-популярных и антирелигиозных лекций [6].

Среди основных форм досуговой деятельности сельского населения особая роль определялась деятельности избы-читальни, которая ввиду финансовых вопросов совмещалась с народными домами или клубами. Избы-читальни существовали в крупных селах. Они создавались в основном благодаря усилиям активистов, членов партии и комсомольцев. Отмечалась низкая посещаемость этих заведений. Сложившаяся ситуация объясняется как высоким уровнем неграмотности сельского населения, так и нехваткой финансирования [7]. В годы «военного коммунизма» государство брало на себя все расходы касаемо приобретения и доставки литературы на места, но в конце 1921 г. библиотеки и избы-читальни были переведены с государственного обеспечения на местное. Этот факт отразился на возможности библиотек приобретать книги и периодику, и как результат, привел к сокращению количества данных учреждений. Начиная с 1927 г., тенденция начинает меняться в обратную сторону и уже в период с

1927 по 1933 г. по данным краевого отдела народного образования Восточной Сибири количество изб-читален в регионе выросло с 252 до 1040 [8, с. 233].

Работа изб-читален внесла существенный вклад в культурно-образовательную сферу сельского населения. Ее деятельность отражалась в организации различных кружков, где читались лекции, обсуждались доклады, проводились беседы на различные темы в области политики, агрономии, животноводства и др.

Еще одним способом времяпрепровождения села стали радио и кинематограф. Так, к 1 января 1940 г. по Иркутской области в селах было 6970 радиоточек [9, с. 234]. К концу 1930-х гг. киноаппараты имелись практически в каждом клубе. Кино пользовалось большой популярностью среди сельского населения, а также широко использовалось властями для агитации. Ненамного уступали по популярности кинематографу организованные собственными силами в народных домах и избах-читальнях различные постановки. Несмотря на слабую материальную базу, отсутствие профессионализма у актеров, незатейливые декорации, население с удовольствием посещало такого рода мероприятия [10]. Существовали другие формы досуга сельских жителей, среди которых можно отметить пение революционных и популярных песен, участие в демонстрациях, митингах и шествиях.

Кроме чтения газет, книг и журналов, особой популярностью пользовались различные интеллектуальные настольные игры, среди которых можно отметить шахматы, шашки и домино. Популяризация настольных игр разнообразила досуг, не требовала больших финансовых затрат, и, что важно, служила альтернативой азартным играм, таким как игры в карты и орлянку. Последнее крайне порицалось правительством как «наиболее затратные, ведущие к расстройству финансового положения игроков и нетрудовому накоплению капиталов» [11].

«Неофициальные формы» времяпрепровождения рассмотрены В.А. Шаламовым в его работе «Неофициальные (неформальные) формы повседневного досуга сельских жителей Ангаро-Енисейского региона в 1920-1930-е гг.». Автор описывает не только специфику неофициального досуга, которую связывает в основном с религиозными праздниками, но и различные мероприятия, организованные правительством с целью ограничения влияния этих форм досуга на население [12].

Особенности повседневной жизни населения, ведущего кочевой и полукочевой образы жизни, посвящены работы Л.Т. Ивановой, В.В. Номогоевой Номогоева отмечает организацию работы с населением в виде создания передвижных Красных юрт, задача которых заключалась в «воспитательной работе с отсталыми слоями кочевниц» [13, с. 29]. Для реализации поставленной задачи проводились мероприятия практической помощи (показ работы швейной машинки, сепаратора, выпечка хлеба в русской печи, стирка белья и медицинская консультация) и обучение женщин практическим навыкам личной и домашней санитарии и гигиены.

Необходимость санитарно-просветительной работы среди населения подчеркивается в работах В.В. Номогоевой, Л.Т. Ивановой, В.А. Шаламова. Санитарное просвещение стало наиболее актуальным после Гражданской войны, когда в Сибири возросла интенсивность различных эпидемий, таких как сыпной тиф, малярия, дизентерия, оспа [14]. Данный вид работы (санитарно-просветительский) был необходим в качестве проведения профилактических работ с сельским населением для оздоровления бытовой обстановки, гигиенического обучения и воспитания населения, а также пропаганды здорового образа жизни.

Следует отметить, что, несмотря на кризисное состояние страны, почти полное отсутствие специальных кадров, острую нехватку финансов, большевики смогли наладить культурно-просветительскую работу, которая объединяла страну изнутри, создав у населения ощущение заботы правительства о рядовых гражданах [15, с. 235].

В дореволюционной деревне такое количество форм досуга казалось невозможным. Советская власть вела социально ориентированную политику, в том числе культурную, с целью воспитания нового поколения людей. У населения появились новые возможности проявления себя в различных сферах. В одном скромном здании, без всяких излишеств организовывались различные культурные мероприятия. Благодаря организации различных курсов и лекций, санитарно-просветительной работе, работе кружков, радио и кинематографу, в «деревню стали проникать многие культурные начинания, модернизирующие село, делающие его более цивилизованным» [16, с. 234]. В рассматриваемый период традиционный образ жизни вкупе с нововведенными мероприятиями ассимилируется и приводит к перестройке и изменению образа жизни сельского населения.

Библиография

1. Арсентьев Н.М., Руськин А.Н. Интеграционные процессы среди европейских школ микроистории (теоретико-методологический аспект) // Интеграция образования. – 2010. – № 4. – С. 40-44.
2. Иванова Л.Т. История повседневности: один зимний день якутской женщины в 20-е гг. XX в. // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 6. – С. 99-101.
3. Мазур Л.Н. Повседневность советской деревни в зеркале художественного кинематографа: новые источники и подходы к изучению сельской истории [электронный ресурс]. – URL: http://www.newlocalhistory.com/content/mazur-ln-g-ekaterinburg-povsednevnost-sovetskoy-derevni-v-zerkale-hudozhestvennogo-0 (дата обращения 11.04.2017).
4. Шаламов В.А. Официальные формы организации повседневного досуга сельских жителей Ангаро-Енисейского региона // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4-1. – С. 232-236.
5. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2011. – 320 с.; Будаева Т.В. История земельных отношений в Бурят-Монголии в 20-30-е гг. XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Бурят. гос.ун-т. – Улан-Удэ, 2005. – 19 с.
6. Шаламов В.А. Официальные формы организации повседневного досуга сельских жителей Ангаро-Енисейского региона // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4-1. – С. 232-236.
7. Там же
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Шаламов В.А. Неофициальные (неформальные) формы повседневного досуга сельских жителей Ангаро-Енисейского региона в 1920-1930-е гг. // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 9 (56). – С. 288-293.
12. Там же.
13. Номогоева В.В. Повседневная жизнь бурятского населения (1920-1930-е гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 27-30.
14. Шаламов В.А. Санитарное просвещение Сибири в 1920-1930-е годы // Сибирский медицинский журнал. – 2013. – № 2. – С. 120-122.
15. Шаламов В.А. Официальные формы организации повседневного досуга сельских жителей Ангаро-Енисейского региона // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4-1. – С. 232-236.
16. Там же.

Bibliography

1. Arsentiev N.M., Ruskin A.N. Integration processes among European schools of microhistory (theoretical – methodological aspect). Integration of Education, 2010, no. 4, P. 40-44.
2. Ivanova L.T. Everyday life history: one winter day of a yakutian woman in 20s of XX century. Society: philosophy, history, culture, 2015, № 6, pp. 99-101.
3. Mazur L.N. Everyday life of Soviet village in the context of fiction cinematography: new sources and approaches of studying rural history [Electronic resource]. Available at: http://www.newlocalhistory.com/content/mazur-ln-g-ekaterinburg-povsednevnost-sovetskoy-derevni-v-zerkale-hudozhestvennogo-0 (accessed 11.04.2017)
4. Shalamov V.A. Organization of the official forms of leisure activity of rural population living in the Angarsk-Enisei region. Izvestiya of Altai State University, 2009, № 4-1,pp. 232-236.
5. Zaitseva L.A. Agriculture in Buryatia in the XX century: experience and problems of development. Ulan-Ude: BSAA Press, 2011, 320 p.; Budaeva T.V. The history of land relations in Buryat-Mongolia during 20-30s of the XX century: Diss. of PhD in History 07.00.02/ BSU, Ulan-Ude, 2005, 19 p.
6. Shalamov V.A. Ibid.
7. Shalamov V.A. Ibid.
8. Shalamov V.A. Ibid.
9. Shalamov V.A. Ibid.
10. Ibid.
11. Shalamov V.A. Nonofficial forms of leisure activity of rural population living in Angarsk-Enisei region in 1920-1930s, Vestnik IrGTU, 2011, № 9(56), pp. 288-293.
12. Ibid.
13. Nomogoeva V.V. Everyday life of the Buryats (1920-1930s), The Buryat State University Bulletin, 2014, № 7, pp. 27-30
14. Shalamov V.A. Sanitary education in Siberia during 1920-1930s , Siberian Medical Journal**,** 2013, № 2, C. 120-122
15. Shalamov V.A. Organization of the official forms of leisure activity of rural population living in Angarsk-Enisei region // Izvestiya of Altai State University. – 2009. – № 4-1. – P. 232-236.
16. Ibid.

И.Г. Карпова, аспирант, e-mail: irusikkig@gmail.com
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова

УДК 947:63 (571.54)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДОКОЛХОЗНОМ СОСТОЯНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БУРЯТИИ

В статье рассматриваются работы отечественных исследователей, посвященные изучению состояния сельского хозяйства Бурят-Монгольской АССР в доколхозный период.

Ключевые слова: *доколхозное хозяйство, Бурят-Монгольская АССР, крестьяне, земледелие, животноводство.*

I.G. Karpova, PG.

THE AGRICULTURE OF THE BURYATIA REPUBLIC IN THE PRE-FARM PERIOD IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article deals with the works of the Russian researches devoted to the soviet agriculture in the Buryat-Mongolian Republic during the twenties of the XX th century.

Key words: *pre-farm period, the Buryat-Mongolian ASSR, peasants, husbandry, cattle breeding.*

Россия всегда была аграрной страной, поэтому для понимания основных событий, происходивших в нашей стране, важно изучение ее аграрной истории. Особый интерес для исследователей представляет изучение состояния сельского хозяйства накануне коллективизации, так как 1920-е гг. – это время становления нового государства, когда руководством предпринимаются попытки восстановления страны. Цель данной работы рассмотреть отечественную историографию о состоянии сельского хозяйства в доколхозный период Бурят-Монгольской АССР.

В коллективных трудах «История Сибири», «История Бурятии» показано состояние сельского хозяйства в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг., роль экономических методов для восстановления сельского хозяйства, значение продналога, отношения между крестьянством и властью, земельные отношения, единоличные крестьянские хозяйства, классовая дифференциация, показан процесс восстановления хозяйства после Гражданской войны [1].

Более подробно сельское хозяйство первой четверти XX в. изучалось такими историками как А.М. Плеханова, Л.А. Зайцева, В.Ю. Алексеева и др.

В работе В.Ю. Алексеевой приведено подробное исследование сельского хозяйства в 1920-е гг. Основное внимание автор уделяет изучению единоличных хозяйств как основе социально-хозяйственной жизни, отмечая тяжелое состояние сельского хозяйства в Бурят-Монгольской АССР в доколхозный период и подтверждая это данными: сокращение посевных площадей (по сравнению с 1916 г. на 36,1%,) и сокращение скота (на 38, 1%) [2, с. 40]. Исследователь подчеркивает сложное положение с сельскохозяйственным оборудованием, так как было невозможным обеспечить все единоличные хозяйства необходимой техникой. Автор отмечает, что социальный уровень деревни остался неизменным – кулаки, батраки, бедняки, где большую часть составляли середняки (середняки – 70,7%, бедняки и батраки – 23,8%, кулаки – 5,5%) [3, с. 41].

Интересные данные о доколхозной деревне приведены в работе Л.А. Зайцевой. Автор рассматривает состояние сельского хозяйства БМАССР до 1925 г., до начала коллективизации. В первой половине 1920-х гг. восстановление сельского хозяйства проходило в тяжелых условиях. И земледелие, и животноводство находились в сложном положении. Среди причин такого тяжелого состояния Л.А. Зайцева называет устаревшие сельскохозяйственные орудия для обработки земли, отсутствие удобрений, а также скудность семенной базы. В животноводстве наблюдались примитивное содержание скота и недостаточная кормовая база [4, с. 65-66]. Автор приходит к выводу, что и земледелие, и животноводство в начале 1920-х гг. стало носить потребительский характер. Но после 1925 г. наблюдается повышение товарности дворов, улучшается состояние земледелия и животноводства. К тенденциям, способствовавшим поднятию сельского хозяйства во второй половине 1920-х гг. автор относит введение продналога (хотя основу его составляют социально-классовые приоритеты), использование машинной техники, в частности тракторов, для обработки земли, улучшение в животноводческом секторе. Этот период ознаменован появлением кооперативных форм сельскохозяйственного производства

и сбыта. Так, к концу 1920-х гг. сельское хозяйство было практически восстановлено, о чем свидетельствуют данные: в 1928 г. посевы составили 98,7%, и животноводство 136, 6% от размеров 1916-1917 гг., а поголовье скота достигло 304,1 тыс. гол. [5, с. 74].

Определенного внимания заслуживает работа коллектива авторов А.М. Плехановой, Д.К. Чимитовой, В.В. Номогоевой, которые рассматривают БМАССР в условиях НЭПа. Одним из разделов является освещение тенденций развития сельского хозяйства республики в доколхозный период во время введения НЭПа. Как и многие исследователи, авторы отмечают сложное положение сельского хозяйства в послевоенный период, тем более, что почти 90% населения региона было занято в сельском хозяйстве [6, с. 72]. Авторы обращают внимание на запутанные, а в некоторых местах обостренные, земельные отношения между русским и бурятским населением, столкновения между которыми иногда имели трагический исход. Республика нуждалась в проведении землеустроительных работ, но встал вопрос о финансировании и кадрах, в это время землеустроительный аппарат в республике только формировался. Так, в 1923-1924 гг. в Бурятии было только 8 техников-землеустроителей, хотя стоит заметить, что к 1928 г. их количество увеличилось до 60 [7, с. 75]. Что касается средств, выделяемых на проведение землеустроительных работ, то они были невелики, и основное развитие получило межселенное землеустройство (29,1% территории республики) [8, с. 77]. Авторы рассматривают вопросы аренды земли и найма рабочей силы. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. допускал трудовую аренду земли и особое распространение арендные отношения получили в земледельческих районах и в районах со смешанным типом хозяйствования, чего нельзя сказать о скотоводческих районах [9, с. 77]. Авторы приходят к выводу, что арендные отношения и найм рабочей силы оказали положительное действие на восстановление сельского хозяйства. Для подтверждения приведены следующие цифры: в 1923 г. валовый сбор зерна составлял 109 тыс. т, в 1926 г. увеличился на 52 тыс. т и в 1929 г. составил 212,8 тыс. т [10, с. 80]. Но увеличение количественных показателей без учета качественных изменений не может рассматриваться как достижение успеха НЭПа.

Таким образом, в сельском хозяйстве Бурят-Монголии 1920-х гг. наблюдался как упадок, так и период сравнительно успешного подъема. Несмотря на кризис в экономике, советское сельское хозяйство вышло на довоенные показатели количества посевных площадей и поголовья скота. Основой хозяйственной деятельности, которая носила потребительский характер, оставалось единоличное крестьянское хозяйство, но в это время появляются и первые колхозы, хотя их количество было сравнительно невелико. Однако введение НЭПа способствовало появлению большого числа хозяйств, которые производили продукцию как для собственного потребления, так и для реализации. Несмотря на подъем в сельском хозяйстве, имел место и ряд трудностей: обостренные межнациональные отношения при землеустроительных работах, нехватка профессиональных кадров для скорейшей реализации восстановительных процессов в сельском хозяйстве, а также развитие товарных отношений способствовали углублению социальной дифференциации общества.

Библиография

1. История Бурятии. – В 3-х т. – Т. 3 – XX–XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 464 с.: ил.
2. Алексеева В.Ю. Социально-экономическое развитие крестьянского хозяйства в 20-е годы XX века (на материалах Бурят-Монголии) [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета – ФГБОУ ВО ЧГУ. – 2012. – № 25 (279). – С. 39-41. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-krestyanskogo-hozyaystva-v-20-e-gody-xx-veka-na-materialah-buryat-mongolii]
3. Там же.
4. Зайцева Л.А. Доколхозное сельское хозяйство Бурят-Монголии // Забайкальская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. ст. / ФГОУ ВПО БГСХА им. В.Р. Филиппова. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2010. – С. 64-76 с.
5. Там же.
6. Плеханова А.М. Бурят-Монгольская АССР в условиях новой экономической политики / А.М. Плеханова, Д.К. Чимитова, В.В Номогоева. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. – 214с.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.

Bibliography

1. The History of Buryatia: In 3 vol. Vol.3 – XXth – XXIstcentures. – Ulan-Ude: BSC SB RAS Press, 2001. – 464 p.: il.

2. Alekseeva,V. U. Social and economic development of the peasant's households in the 1920s of the XXthcentury (as exemplified in Buryat-Mongolia) [Electronic source] // the ChSU Herald / V.U. Alekseeva. – FSBEI of HE ChSU. – 2012. - №25 (279). – P. 39-41. – Avaiable at: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-krestyanskogo-hozyaystva-v-20-e-gody-xx-veka-na-materialah-buryat-mongolii]
3. Ibid.
4. Zaitseva, L.A. Pre-farm agriculture of the Buryat-Mongolia / L.A. Zaitseva // Zabaikal village: history, current state, perspectives of development: collection of scientific articles. – Ulan-Ude: BSAA Press, 2010. – P. 64 – 76.
5. Ibid.
6. Plekhanova, A.M. The Buryat-Mongolian ASSR during the New Economic Policy / A.M. Plekhanova, D.K. Chimitova, V.V. Nomogoeva. – Ulan-Ude: BSU Press, 2004. – 214 p.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.

Даваажав Баяртогтох, аспирант, e-mail: togtox19@mail.ru
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ

УДК 947:63:339.5

СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И МНР В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье приведены данные о развитии сотрудничества между СССР и МНР с 1921 г. Главное внимание уделено сельскому хозяйству. Раскрываются формы сотрудничества в животноводстве, показана роль советских специалистов в создании новых отраслей сельского хозяйства в Монголии, таких как кормопроизводство, пчеловодство и др. Дан краткий историографический обзор проблемы.

Ключевые слова: *Монголия, Советский Союз, животноводство, свиноводство, кормопроизводство, советские специалисты, мелиорация, водоснабжение.*

Davaagav Bayartogtokh, PG.

COOPERATION BETWEEN THE USSR AND THE MPR IN THE SPHERE OF AGRICULTURE: HISTORICAL PERSPECTIVE

The article provides some data about the development of cooperation between the USSR and the MPR since 1921 in the field agriculture. The article highlights the forms of the cooperation in cattle breeding, the role of the soviet specialists in the development of the new branches in the Mongolian agriculture such as forage production, beekeeping, etc. The article provides the brief historiographical review of the issue.

Key words*: Mongolia, the Soviet Union, cattle breeding, pig husbandry, forage production, the soviet specialists, soil reclamation, water supply system.*

Многогранное сотрудничество в экономической, политической, научной и культурной сферах СССР – России и Монголии начался в 1921-1924 гг. Советские специалисты стояли у истоков формирующегося советско-монгольского сотрудничества. Изучение опыта сотрудничества СССР и МНР и историографического обобщения исследования советско-монгольских взаимоотношений в 1921 – начале 1990-х гг. в области образования, науки, экономики в настоящее время не потеряло свою актуальность.

Основные этапы становления и развития советско-монгольских отношений в 1920-1950-е гг. были рассмотрены в работах Д.Б. Улымжиева [1].

Важным вкладом в обобщение советско-монгольского сотрудничества стала коллективная монография «История советско-монгольских отношений» [2].

В исследованиях ученых-монголоведов Бурятии Ш.Б. Чимитдоржиева, Д.Б. Улымжиева и других, опубликованных в коллективном сборнике сотрудников БИОН БФ СО АН СССР, изданном к 50-летию МНР был собран большой объем актуальной информации [3].

В конце XX в. в связи со сменой научной методологии и процессом деидеологизации общества возникла необходимость пересмотра многих ключевых проблем в советско-монгольских отношениях. Вызывает интерес коллективный сборник «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в.» [4]. Его новизна в подходах к изучению истории российско-монгольских отношений в

XX в., в отказе от старой традиционной схемы развития советско-монгольских отношений как бесконфликтного сочетания государственных интересов России и Монголии.

В настоящее время накоплен обширный исторический материал. В то же время можно отметить, что вопросы отношений в области сельского хозяйства еще не полностью изучены.

В статье использованы партийно-документальные сборники и справочники, сборники выступлений и докладов отдельных руководителей [5], документы архивов Монголии, труды, авторами которых являются не профессиональные историки, а руководители, специалисты хозяйств, агрономы, зоотехники и др. [6].

Историографический анализ процессов советско-монгольского сотрудничества приводит к необходимости всестороннего изучения этапов его развития и особенностей, периодов спада и подъема, достижений и актуальных проблем.

До 1990 г. в Монголии шло строительство социализма советского образца, по рельсам так называемого «некапиталистического пути развития». На этом пути было много достижений в создании и развитии национальной промышленности, земледелия, транспорта, связи, образования, медицины, культуры, науки, в увеличении численности населения и укреплении здоровья нации. И как итог – на древней земле Монголии в результате модернизации традиционного кочевого общества возникло современное монгольское [7, с. 8, 12, 13, 16-17].

До победы народной революции 1921 г. в Монголии преобладало экстенсивно-кочевое хозяйство, только в некоторых местах занимались хлебопашеством и огородничеством. Вследствие примитивности ведения кочевого хозяйства (содержание животных круглый год на подножном корму, отсутствие помещений для защиты скота от холода и ветеринарных мер) сельское хозяйство несло большие убытки.

Зоотехнические исследования советских специалистов были начаты в 1923 г. Первая работа А.С. Холевинского содержит зоотехническое обследование монгольской лошади и дает представление о состоянии монгольского коневодства. В Монголии с 1925 по 1945 г. работали 32 зоотехника из СССР. В 1937 г. Советский Союз подарил 10 МЖС, были отправлены 124 инженерно-технических работника, в числе которых были 14 зоотехников. В первый год заготовили 41000 т сена. В 1937 г. зоотехник А.А. Мелешко, работавший в Министерстве животноводства и земледелия Монголии, подготовил работу о развитии зоотехнии в Монголии. Изучение животноводства республики специальными группами и экспедициями, организованными по просьбе правительства МНР, началось с 1930 г., когда зоотехническая группа почвенно-агрономического отряда Монгольской экспедиции АН СССР провела обследование лощадей, крупного рогатого скота, овец, коз и верблюдов на территории Хобдо аймака [8, с. 4]. В 1931 г. животноводческий отряд Монгольской комплексной экспедиции АН СССР обследовал лощадей, крупный рогатый скот, яков, овец и коз, разводимых на территории Дорнодского, Хэнтэйского, Сухэ-Баторского, Центрального, Средне-Гобийского, Булганского, Хувсгулского, Завханского, Увс и Баянулгийского аймаков. В 1930 г. в МНР были ввезены из СССР племенные животные: овцы тонкорунные и лощади верховых и упряжных пород, которые использовались в государственных племенных хозяйствах для репродукции племенных животных. С 1944 г. зоотехник В.А Семенов и техник Д. Шархуу приступили к изучению молочной продуктивности, роста и развития монгольского крупного рогатого скота на Бат-Сумбэрской молочной ферме Министерства животноводства. В 1944-1947 гг. Г.Р. Литовченко проводил стационарную исследовательскую работу по изучению монгольской грубошерстной овцы и скрещивания ее с мериносами в Орхонском государственном овцеводческом хозяйстве. Заслуженный зоотехник СССР Г.Р. Литовченко вместе с монгольскими коллегами создал новую породу овец «Орхон» и руководил экспедицией по изучению местной породы овец в западной Монголии [9, с. 13]. В 1945-1946 гг. И.Ф. Шульженко изучил результаты скрещивания монгольской лощади с верховой-донской и упряжной-русской рысистой породами на государственном конном заводе в Тал-Булак.

Интересы народного хозяйства МНР требовали создания кормовой базы, обеспечивающей дальнейшее развитие животноводства как ведущей отрасли народного хозяйства. Травосеяние как один из источников кормодобывания входил в общую систему мероприятий по созданию и развитию кормовой базы. В 1931 г. решением правительства МНР была создана сельскохозяйственная опытная станция возле Улан-Батора в местности Сонгино. Здесь под руководством С.И. Лебединского были развернуты работы по огородничеству, луговедению. В 1933 г. на этой станции были произведены посевы кормовых трав, вывезенных из СССР, и заготовлены семена местных дикорастущих кормовых трав. Под руководством В.Ф. Шубина в 1944-1945 гг. велись работы по выращиванию кормовых трав на левом берегу р. Орхон. В 1940-1945 гг. были развернуты опыты по земледелию и интродукции астений в Гобийской и Хангайской зонах. Именно на основе этой опытной станции был создан

Институт земледелия Монголии. Заготовки сена в МНР увеличились с 791 100 т в 1961 г. до 904 600 т в 1976 г.

С 1939 г. Кабинетом земледелия Комитета наук Монголии под руководством В.Ф. Шубина велись работы по изучению элементов агротехнического комплекса, обеспечивающего получение высоких и устойчивых урожаев основных полевых культур. Наряду с агротехникой важным разделом была интродукция ряда новых культур: создание озимого клина, испытание и подбор многолетних кормовых трав, освоение культуры табака, сахарной свеклы, махорки, льна, конопли, подсолнечника, горчицы, рыжика и др. В 1968 – 1972 гг. с помощью Советского Союза было построено и сдано в эксплуатацию 9 специальных кормовых хозяйств, 20 заводов и цехов по производству 130 000 т комбикормов.

При огромной финансовой и технической помощи Советского Союза с 1959 г. освоено более 1 млн. га целины. К 1981 г. площадь пашни составила 1,16 млн. га против 140 тыс. га в 1958 г. [10, с. 57]. В период освоения первых целинных и залежных земель в Монголию были командированы из СССР сотни специалистов и механизаторов для оказания помощи в организации вновь создаваемых госхозов. Только в годы шестой пятилетки (1976-1980) при содействии СССР было построено и сдано в эксплуатацию 9 целинных госхозов, 3 кормовых хозяйства, 14 животноводческих и овощеводческих хозяйств, свыше 20 комбикормовых заводов и цехов, более 20 предприятий и цехов по ремонту сельскохозяйственной техники, оросительной системы инженерного типа на 8 000 га [11, с. 225]. В 1976-1980 гг. в земледелие было вложено свыше 1 млрд. тугриков, по линии кредита в течение 1971-1978 гг. в МНР были поставлены свыше 5 000 тракторов и комбайнов, свыше 4 500 автомобилей. Из-за отсутствия достаточного количества монгольских инженерно-технических кадров и зачастую недостатка опыта работы у имеющихся кадров МНР приглашала каждый год советских специалистов. Советские специалисты, работавшие в Минсельхозе МНР осуществляли контроль за состоянием госхозов, разрабатывали стратегию развития отрасли земледелия, занимались повышением уровня подготовки кадров.

Начало развития пчеловодства Монголии было положено Бурятским сельхозинститутом (ныне Бурятская сельскохозяйственная академия им.В.Р.Филиппова) [12, с. 146].

В 1957 г. в Бурятию были отправлены несколько председателей совхозов для изучения передового опыта. В октябре 1957 г. Был организован годичный курс технолога. В 1959 г. Опытной станцией Шаамар Селенгинского аймака были получены 10 пчелиных семей из подсобного хозяйства сельхозинститута и 10 семей из плодовоягодного питомника г. Улан-Удэ, тем самым было положено начало создания абсолютно новой отрасли. В 1960 г. было получено 100 пчелиных семей из Иркутска, 100 – из Улан-Удэ, таким образом, новая отрасль получила свое развитие. В 2009 г. уже насчитывались 3000 семей пчел. Директор пчеловодческой станции Г. Очирбат в 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию в Ленинграде. Первый зоотехник пчел Д. Сэлэнгэ закончила Сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязова и адаптировала пчел карпатской породы.

В 1946 г. между правительствами СССР и МНР было заключено соглашение о сотрудничестве в области метеорологии, по которому правительство СССР обязалось создать в Монголии сеть гидрометеорологических станций и оказать помощь в создании национальных кадров. Начиная с 1949 г., Главное управление гидрометеослужбы СССР бесплатно передало в собственность МНР 13 станций со всем оборудованием и постройками [12, с. 225]. Для подготовки наблюдателей гидрометеостанций были организованы ежегодные 6-месячные курсы, которые могли посетить 15 человек. В целях повышения квалификации работников был проведен 15-дневний семинар начальников станций, на котором с помощью специалистов Гидрометеобюро ГУГМС СССР были проведены занятия по специальным дисциплинам и по организации работы на станции.

Одним из важных условий увеличения поголовья скота и повышения его продуктивности явилось обеспеченность водой. Сельскохозяйственная экспедиция Советского Союза в 1947-1951 гг. исследовала водоснабжение пастбищ, дала рекомендации по их улучшению. Труды Н.А. Маринова и карта распространения артезианской воды Мезо-Кайнозойской эры в масштабе 1: 200000, созданная Н.А. Мариновым и А.Т. Ивановым, имели большое значение. В 1959 г. П.А. Деревянко издал свой труд: «Сельскохозяйственное водоснабжение МНР» на основании учета всех водных точек, колодцев и водных бассейнов Монголии. Большое значение имеют труды, изданные в 1957 г. «Стратиграфия местности МНР» Н.А. Маринова, а также труды «Геологические структруры МНР», написанные В.Т. Васильевым, А.Х. Ивановым, Н.А. Мариновым в 1959 г. В 1958 г. Министерством сельского хозяйства МНР с участием советских специалистов впервые были проведены гидрологическо-разведывательные исследования на территории в 144,3 млн. га и 40 000 га полей с орошениям. На основании этого исследования был создан первый долгосрочный план сроком на 10-15 лет по

водоснабжению пастбищ, орошению земледелия МНР. Также эта экспедиция создала карту водоснабжения пастбищ масштабом 1:200000 для каждого аймака, сомона и хозяйства, и геоботаническую карту распространения пастбищных растений. Для каждого аймака было определено расположение водяных точек, состояние водоснабжения пастбищ, расположение подземных вод, возможности их использования, запасы пастбищных кормов и перспектива развития скотоводства. Кроме того, с целью развития орошаемого земледелия было исследовано 100 000 га площади западной, центральной и восточной местности. Комбинирование гидрологических, почвенных и мелиорационных исследований увеличило технико-экономические показатели кормовой базы. При этом работали специалисты И.А. Уколов, П.С. Миропниченки, Д.А. Николская, И.И. Гранитов, М.И. Запарий и др. [21]. С 1961 по 1965 г. из-за нехватки инженерно-технических работников в год приглашали от 52 до 240 рабочих из Советского Союза. С 1960 г. при помощи Советского Союза и советских специалистов были созданы 10 больших оросительных систем с мощностью орошения 8000 га площади. В 1966-1969 гг. было построено 728 буровых и 4522 шахтных колодца, обводнено 17 млн. га пастбищ.

Вклад советских специалистов в создание новых отраслей сельского хозяйства Монголии неоценим. При финансово-технической помощи Советского Союза сельское хозяйство МНР стало многоотраслевым, страна превратилась из скотоводческой в аграрно-промышленную.

Библиография

1. Улымжиев Д.Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. – Улан-Удэ: Бурятиздат, 1959. – 120 с.
2. История советско-монгольских отношений. – М., 1981. – 352 с.
3. Исследования и материалы по Монголии: сб. статей. – Улан-Удэ, 1974.
4. Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сб. ст. / сост. Н. Алтанцэцэг, Ц. Батбаяр, Е.В. Бойкова и др. – М.: ИВ РАН, 2001. – 276 с.
5. Советско-монгольские отношения. 1921-1966 гг. / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. – М.: Межд. отношения, 1966. – 485 с.
6. Шубин В.Ф. Земледелие МНР. – М: АН СССР, 1953. – 346 с; Беспалов Н.Д. Почвы МНР. – М: АН СССР, 1951. – 318 с.; Юннатов А.А. Растительные ресурсы растений Монгольской Народной Республики 1943: рукопись // Флора СССР. – XIX. – М.; Л., 1953. – 752 с; Дашдорж Д. Гахайн аж ахуй. – Улан-Батор: УХГ, 1980. – 135 с.; Чойжамц А. Агрохими. – Улан-Батор: ХААИС-н хэвлэх үйлдвэр, 2006. – 400 с.
7. Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. – 376 с.
8. Цэвээнжав Д. БНМАУ-н зоотехникийн алба, шинжлэх ухааны хөгжилт. – Улан-Батор: УХГ, 1983. – 231 с.
9. Центральный Архив МНРП. Ф. 4, оп. 25. ед. 183. 13 с.
10. Черноярова А.А. МНР. – Иркутск: Иркутс. гос.ун-т им.А.А. Жданова, 1985. – 116 с.
11. Институт Востоковедения АН СССР. МНР. – М: Наука, 1986. – 439 с.
12. Очирбат Г., Отгонбилэг Х. Монголын зугийн аж ахуй 50 жилд. – Улан-Батор: Женерал принтинг ХХК. – 181 с.
13. Центральный Архив Монгольской Народно-революционной партии (ЦА МНРП), ф. 4, оп. 23, ед. 175. 86 с.

Bibliography

1. Ulymzhiev D.B. Indissoluble brotherhood friendship of the Soviet and Mongolian peoples. – Ulan-Ude: Buryatizdat, 1959. – 120 p.
2. History of the Soviet and Mongolian relationships. – M., 1981. – 352p.
3. Research data and documents on Mongolia. Collection of articles. – Ulan-Ude, 1971
4. Russia and Mongolia: a new approach to the history of interrelationships in the XXth century. Collection of articles / Ed. N. Altantsetseg, Ts. Batbayar, E.V. Boikova and others. – M.: IOS RAS, 2001. – 276 p.
5. The Soviet and Mongolian relationships. 1921-1966 / Ed. M.I. Golman, G.I. Slesarchuk. – Int. Relations, 1979. – V.2. – P.2. 1966-1974. – 612 p.
6. Shubin V.F. Husbandry of the MPR. – M.: AS of USSR, 1953. – 346 p.; Bespalov N.D. Soils of MPR. - M.: AS of USSR, 1951. – 318 p.; Unnatov A.A. Plant resources of the Mongolian People's Republic 1943. – Manuscript. The Flora of the USSR. XIX. M.L. – 1953. – 752 p.; Dashdorzh D. Gakhain azh akhui. – Ulan-Bator: YHKG, 1980. – 135 p.; Choizhats A. Agrochemistry. - Ulan-Bator: HAAISS-n hevleh nildver, 2006. – 400 p.
7. Dugarov V.D. The Russian Historiography of the history of Mongolia. – Ulan-Ude: BSU Press, 2014. – 376 p.

8. Tseveenzhav D. BNMAU-nxootechnikiin alba, shinzhlekh ykhaany hogzhilt. – Ulan-Bator: YKHG, 1983. – 231 p.
9. Central archive of the MPRP. –Col. 4, Inv.25, F. 183, p.13
10. Chernoyarova A.A. The MPR. – Irkutsk: A.A. Zhdanov ISU Press, 1985. – 116p.
11. The Institute of the Oriental Sciences of the AS USSR. The MPR. – M.: Science, 1986. – 439p.
12. Ochirbat G., Otgonbileg H. Mongolyn zygiin axh akhui 50 zhild. – Ulan-Bator: general printing HHK. – 181 p.
13. Central Archive of the Mongolian Peoples revolutionary Party (CA MPRP). – Col. 4. Inv. 23, F. 175, P.86

К.А. Сандый, студент, e-mail: zlrobert03@yandex.ru
(науч. руководитель **Л.Р. Зангеева**)
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова,
г. Улан-Удэ

УДК 93/99 (571.54):35

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА В 1930-е гг. В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОМ ЗООВЕТЕРИНАРНОМ ИНСТИТУТЕ (на материалах Музея истории академии)

В статье рассматривается военная подготовка студентов в 1930–1940-е гг. в Бурят-Монгольском институте, подготовка ворошиловских стрелков по материалам музея истории академии.

Ключевые слова: *Бурят-Монгольский зооветеринарный институт, военная подготовка, физическая культура, ГТО, ворошиловский стрелок.*

K.A. Sandiy, Student

MILITARY TRAINING IN THE 1930s AT THE BURYAT-MONGOLIAN ZOO-VETERINARY INSTITUTE (on the academy historical museum materials)

The article examines the military training of students in the 1930s-1940s in the Buryat-Mongolian Institute, the training of Voroshilov sharpshooters based on the Academy historical museum materials.

Key words: *the Buryat-Mongolian veterinarian institute, military training, physical culture, TRP, Voroshilov sharpshooter.*

В 1930 г. в учебных заведениях большое внимание уделяется военной подготовке. В качестве основной задачи Главвуз определил, что за военную подготовку и физическую культуру в 1935/1936 учеб. году в вузах полную ответственность несут директора учебных заведений [1, с. 17]. Военная подготовка и спортивно-массовая работа началась почти с момента основания института.

Первым учителем физического воспитания в 1932 г. был Николай Евгеньевич Левский (род. 1904 г.), который закончил курсы рабфака, заочный институт и краевую советскую партийную школу, бывший участник отряда ЧОН, выступившего против Унгерна; одновременно с ним военруком работал Андрей Петрович Фалк (1881-1934) – дворянин, полковник царской армии, человек высокой культуры. После его смерти, на его место был назначен М.А. Ковалев, капитан в отставке. Физическое воспитание и военная подготовка проводились как отдельные курсы.

В январе 1937 г. была введена новая программа военной подготовки студентов. Количество часов было увеличено на второй год до 72, на 4 курсе – до 128 ч за счет времени, отведенного для оборонного дела по учебному плану вуза на 1936/1937 учеб. год и за счет практических занятий на 4 курсе по другим дисциплинам.

Занятия по военной подготовке вел М.А. Ковалев, капитан в отставке, преподавателем физкультуры был Леонид Николаевич Петров (1908-1943), который окончил республиканские 6-месячные курсы инструкторов по физической культуры. До приема в зооветинститут работал инструктором физкультуры в школе, ФЗУ, медтехникуме, в 1935 г. в комитете по делам физической культуры и спорта при СНК БМАССР и по совместительству – в зооветинституте, где с 1 февраля 1938 г. стал работать в качестве штатного преподавателя. Л.Н. Петров создал в институте физкультурное общество, спортивные секции [2].

Студенты института принимали активное участие в военно-спортивных соревнованиях, так, в республиканской сборной по стрельбе из 6 членов команды, трое были из зооветинститута, и на Всесоюзных соревнованиях в Москве команда была одной из лучших.

В институте работали секции по физической подготовке – атлетика, гимнастика, езда на велосипеде, волейбол, шахматы и шашки. Спортсмены института принимали активное участие на вечерах, в эстафетах, велокроссах, военизированных походах, в лыжных гонках, соревнованиях по гранатометанию, гимнастике, конькобежному спорту, занимая призовые места [3].

В 1939 г. институт построил тир. К 1940 г. у института был спортивный зал, 30 пар лыж, 20 пар ботинок – это вся материальная база для проведения занятий по физическому воспитанию и начальной военной подготовке. Но уже 5 студентов имели 3-й разряд по легкой атлетике, 10 человек – 4 разряд по спортивной гимнастике, 9 человек – 2 и 3-й разряды по лыжному спорту [4, с. 21].

В марте 1931 г. Всесоюзный совет физической культуры при ЦИК СССР принял предложение ленинского комсомола о введении в стране комплекса «Готов к труду и обороне» и утвердил его положение и нормы.

В начале была разработана первая ступень ГТО, состоявшая из 15 норм – плавание, бег, прыжки, лыжные гонки и др. Также в комплекс включалось шесть требований (знание основ физкультурного движения, самоконтроля, военного дела и др.). Одним из важных условий ГТО являлась хорошая работа на производстве, учеба.

Комплекс ГТО постоянно совершенствовался, охватывая все большие слои советского общества. В 1932 г. ввели вторую ступень ГТО, состоящую из 25 норм. Эта ступень предъявляла более высокие требования к всесторонней физической подготовленности молодежи.

В 1934 г. для школьников вводится ступень БГТО. Этим закончилось оформление единого Всесоюзного физкультурного комплекса. Он стал основой советской системы физического воспитания, самым массовым физкультурным мероприятием в стране.

Большой популярностью в конце 1930-х гг. пользовались военно-оборонные кружки: пулеметный, ворошиловских стрелков, ворошиловских всадников. Студенты и преподаватели сдавали нормы по противоздушной и противохимической обороне (ПВХО), по санитарной обороне (ГСО), на значок «Готов к труду и обороне» (ГТО). Среди оборонных значкистов было 18 коммунистов, 46 комсомольцев. Всего в институте в 1939 г. было ворошиловских стрелков I ступени – 89 чел. (77 студентов и 12 научных работников), ПВХО I ступени – 93 чел. (77 студентов и 16 научных работников), ГТО I ступени – 54 чел. (47 студентов и 7 научных работников), ГСО I ступени – 27 чел. (23 студента и 4 научных работников) [5, с. 61; 6].

Большая роль в организации учебно-воспитательного процесса принадлежала партийной, комсомольской и профсоюзной организациям. Они принимали активное участие в жизни всего института: в работе приемной комиссии, кафедр, в комиссиях по распределению стипендий, в выделении мест в общежитиях; выступали организаторами спортивных, культурно-политических мероприятий, давали политическую оценку студентам и преподавателям, от которой порой зависела не только судьба, но и вузовская жизнь тех, кого обсуждали. В институте существовали общественные организации: комсомольская состояла из 38 чел., профсоюзная, члены которой были почти все студенты; МОПР, ОСО, РОКК, санкомиссии. Из 164 студентов 87 были в различных кружках. Размер стипендии на основных курсах был от 113 до 177 руб., I курс – 113 руб., 2 – 128-132 руб., 3 – 32- 52 руб., 4 курс – 152-177 руб.), на подготовительных – 95 руб. 5 декабря 1936 г. была принята Конституция СССР, а уже 29 января 1937 г. студенты зооветинститута организовали лыжный переход по маршруту: Улан-Удэ – Баргузин. В целях пропаганды Конституция СССР, а также, как говорилось в приказе по БМЗВИ от 28 января 1937 г., для ознакомления трудящихся с процессом над вражескими центрами, ознакомления с работой зооветинститута.

В эти годы были очень популярными подобные спортивные мероприятия: велопробеги, пешие лыжные переходы, в которых принимали активное участие студенты, проверяя себя в экстремальных условиях.

В июле 1937 г. с подобными целями был проведен велопробег по маршруту: Улан-Удэ – Оронгой – Убукун – Загустай – Тамча – Н-Селенгинск – Кяхта – Кырен – Окино-Ключи – Мухоршибирь – Тарбагатай – Улан-Удэ. Команда велосипедистов в составе В. Богданова, П. Ильинкова, В. Шапошникова, В. Фомина (командир) успешно завершила 14-дневный велопробег 25 июля 1937 г. [7, с. 283].

Большая заслуга в деле становления Бурят-Монгольского зооветинститута принадлежит его четвертому и пятому директорам. В 1937-1941 гг. – тяжелое время. Коллективу института и Г.Н. Борисову,

А.И. Иванову приходилось решать многие проблемы, связанные не только с работой вуза, но и выполнением не свойственных для вуза поручений партийных и советских органов. Студенты и преподаватели помогали колхозам, совхозам, работали в учхозе, организовывали подписку на государственный заем и массовые митинги и собрания по обсуждению поступков «врагов народа», проводили мероприятия по оборонной и спортивной работе и т.д.

В конце I семестра 5 студентов совершили лыжный переход по маршруту: г. Улан-Удэ - ст. Мысовая, принимали участие в 5 соревнованиях по легкой атлетике, по футболу в г. Хабаровске.

За превышение плана подготовки значкистов ГТО I ступени преподаватель физкультуры Л.Н. Петров получил благодарность в приказе Главвуза от 16 января 1939 г. Было подготовлено: ворошиловских стрелков I ступени –43 чел.; ГТО (готов к труду и обороне) I ступени – 57, ГТО (готов к санитарной обороне) II ступени – 40, пулеметчиков – 22, ворошиловских всадников – 12, ПВХО – 66 чел. [8].

Студенты принимали активное участие в хозяйственном строительстве института, на 12 субботниках комсомольцы отработали 970 человеко-дней на строительстве деревянного учебного корпуса.

С началом войны изменилась жизнь всех советских людей. 2 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление о всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне, в соответствии с которым в вузе были созданы группы самозащиты на всех объектах. В послевоенный период возвращения нашей страны к мирному строительству, восстановление и дальнейшее развитие военной подготовки и спорта вызвали и частичные изменения в комплексе ГТО. Они произошли в 1946 и 1955 гг. В дальнейшем в связи с новыми задачами, с января 1959 г. был введен более усовершенствованный комплекс ГТО. В этом комплексе значительно уменьшено количество нормативов и введена новая система оценок результатов.

Библиография

1. Зайцева Л.А., Фомин В.А. От ворошиловского всадника к спортивному мастерству (история физической культуры и спорта в сельскохозяйственной академии. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2010. – С. 17.
2. Архив музея истории академии. Материалы о студентах БМЗВИ (1930-1940-е гг.).
3. Архив БГСХА. Личное дело Сверкунова И.А.
4. Зайцева Л.А., Фомин В.А. От ворошиловского всадника к спортивному мастерству (история физической культуры и спорта в сельскохозяйственной академии. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2010. – С. 21.
5. Санданов Б.Д. Физическая культура и спорт в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – С. 61.
6. О введении нового всесоюзного физкультурного комплекса «готов к труду и обороне СССР» (ГТО): постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 17.01.1972 № 61.
7. Зайцева Л.А. История гуманитарных кафедр // История факультетов и кафедр. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. – С. 283.
8. Музей истории академии. Информация о студентах БМЗВИ (1930-е гг.).

Bibliography

1. Zaitseva LA, VA, Fomin. From Voroshilov's rider to the sporting skill (the history of physical culture and sport at the agricultural academy / LA Zaitseva, VA Fomin .- Ulan-Ude: VF Filippov BSAA Press, 2010. - P. 17.
2. Archive of the Academy Historical Museum. Materials about the students of BMZVI (1930-1940s)
3. The Archive of BSAA. Sverkunova IA Personal Files.
4. Zaitseva LA, VA, Fomin. Ibid. - P. 21
5. Sandanov B.D. Physical culture and sport in Buryatia. - Ulan-Ude: Buryat.Book. Publ., 1968. - P.61
6. The Resolution of the CPSU Central Committee, USSR Council of Ministers of 17.01.1972 No. 61 About the introduction of a new all-union physical culture complex "ready for labor and the defense of the USSR" (GTO)
7. Zaitseva L.A. History of Humanitarian Departments // History of Faculties and Departments. - Ulan-Ude: BSAA Press, 2001. - P.283
8. Academy Historical Museum. Information about the students of BMZVI (1930s).

В.Л. Кургузов, д-р культурологии, канд. ист. наук, проф., e-maill: vkurguzov@rambler.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94 (470+571)

1917–2017: ЭХО РЕВОЛЮЦИОННЫХ БУРЬ И МИФЫ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

В статье в тезисной форме отражены события вековой давности, исторической вехой которых стала Великая Октябрьская социалистическая революция, показавшая пролетариату всего мира путь радикальных социальных преобразований в отдельно взятой стране в полном капиталистическом окружении. С критических позиций дана оценка разложения партии в последний период существования СССР, потери ею авангардной роли в советском обществе.

***Ключевые слова**. Октябрь, Россия, революция, народ, большевики, буржуазия, интервенция, история, современность.*

V.L. Kurguzov, Dr. in Culturology, Ph.D. in History, Prof.

1917 - 2017: THE ECHO OF THE REVOLUTIONARY STORMS AND SOME MYTHS OF MODERN IDEOLOGY

The article in the abstract form presents the reflections on the century old events, the historic milestone of which was the Great October Socialist Revolution, which showed the world proletariat the path to radical social transformations within a single country, surrounded entirely by capitalist states. The critical assessment of the Communist party's disintegration in the last period of the existence of the USSR and of the loss of its leading role in the Soviet society has been made.

***Key words:** October, Russia, revolution, people, Bolsheviks, the bourgeoisie, intervention, history, modernity.*

Научной и популярной литературы о первой в мире социалистической революции в России 1917 г. столько, что даже простой перечень названий книг и статей, изданных в России и за рубежом, занял бы сотни, если не тысячи томов. И чем больше времени удаляет нас от этого эпохального события, тем больше появляется аналитических трудов, ему посвященных.

Главная причина этого заключается, пожалуй, в том, что российская революция не только *новый шаг в мировой истории,* но и *утверждение* тех *ценностей,* к которым не могут быть равнодушны *до сих пор* люди практически всех континентов Земли.

Свой взгляд на события 1917 г. есть и у нас – современных россиян. Этот взгляд позволяет нам реалистично и вместе с тем критично отнестись к событиям вековой давности, наметить контуры решения проблем, возникающих перманентно в жизни нашего многонационального государства – России XXI в.

Определяющим вектором наших размышлений, на мой взгляд, станет ответ на вопрос: «К каким выводам следует нам прийти в канун юбилея 100-летия Великого Октября?»

1. Социалистическая революция в России свершилась не стихийно, не наугад и не вдруг. Ее неизбежность обосновал В.И. Ленин на базе всего богатства теории, фундамент которой заложили К. Маркс и Ф. Энгельс. Практическую победу революции подготовила ленинская партия, нержавейшим оружием которой был *большевизм*.

2. Большевизм представляет собой соединение пролетарского движения с научным социализмом. Он последовательно претворял в жизнь учение о классовой борьбе пролетариата, о социалистической революции, о диктатуре рабочего класса, о строительстве социализма в капиталистическом окружении.

3. Характерная черта большевизма – пролетарский интернационализм. Он неизменно следует принципам международной солидарности трудящихся и умело соединяет общие закономерности борьбы за социализм с национальными, региональными, историческими особенностями.

4. Призыв соединить достижения научно-технического прогресса с преимуществами социализма, как не странно, но в большей степени был реализован в капиталистических странах, буржуазия которых решила «не шутить» с пролетариатом, пошла на значительные уступки в предоставлении социальных благ трудящимся. Чтобы убедиться в этом, стоит взглянуть на социальные достижения практически всех развитых стран современного мира от США до Японии. А вот в нашей стране эти преимущества (парадоксально, но факт) как по объективным, а, чаще всего, субъективным причинам так и не стали достоянием народа.

Эти преимущества не были реализованы в полном объеме ни в сталинские, ни в хрущевские, ни даже в брежневские времена. О «горбачевщине» и говорить не приходится. А во время триумфа «ельцинизма» большая часть населения страны, как в годы Гражданской войны, стали «мешочниками».

Стоит ли напоминать о том, что формирование первых, фактически буржуазных, кооперативов еще в Советском Союзе, как правило, проходило на базе общенародной собственности. Появление первых коммерческих банков и предпринимательских структур, созданных под вывеской комсомола ускорило дрейф страны в сторону капитализма. Позорным шагом с дальним прицелом стали юридический отказ от *общенародной* собственности, объявление ее *государственной*. Разве не ясно, что для ее приватизации потребовалось бы согласие народа? А после «преобразования» собственности для ее распродажи стало достаточно постановление правительства, которое просто-напросто предало идеалы социализма и к тому времени уже было достаточно коррумпированным.

5. Горбачев и его окружение практически ничего не делали для поддержания жизненного уровня граждан. Наоборот, чтобы вызвать недовольство населения, оно способствовало созданию дефицита самого необходимого. Вспомним хотя бы знаменитую горбачевскую антиалкогольную кампанию.

В очередях за бутылкой «зелья» даже убивали людей, хотя как раз в винодельческих странах, где вино стоит дешевле пресной воды, в чем убедился автор статьи, побывав как член I IOV ЮНЕСКО, во многих европейских странах (Португалии, Италии, Греции, Болгарии, Турции и др.), жаждущих напиться так и не обнаружил. Зато у нас после антиалкогольной инициативы псевдо-коммуниста Горбачева не только стали еще больше пить водку, но и нюхать клей и запивать его всякой гадостью из хозяйственных магазинов. Ну, а затем к нам в страну пожаловала и наркомания, от которой мы не можем избавиться и до сих пор…

Для политической деформации социализма поворотным стал январский Пленум ЦК КПСС 1987 г. Автор тезисов в то время работал в Бурятском обкоме КПСС и присутствовал на многочисленных семинарах и конференциях, организуемых ЦК КПСС (Москва, Ленинград, Свердловск, Челябинск, Омск, Новосибирск и др.) и хорошо помнит, что генсек ЦК КПСС Горбачев открыл на них сезон охоты на партийные кадры. Вскоре от его партнеров, типа секретаря ЦК КПСС Яковлева, стали звучать троцкистские лозунги открыть «огонь по штабам». Сегодня мало кто знает о том, что в то время вопреки Уставу партии более 100 членов и кандидатов в члены ЦК КПСС – представителей рабочего класса, колхозного крестьянства и особенно интеллигенции, были выведены из его состава.

В их числе – недавние члены Политбюро, видные деятели Советского государства. Затем были сменены 97% секретарей и заведующих отделами ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС, почти все руководители центральных и республиканских газет и журналов.

6. Горбачевское руководство КПСС открыто продемонстрировало отказ от исконной социальной базы партии. Если на XXVII съезде КПСС рабочие составляли 34% делегатов, а крестьяне-колхозники – 17, 4%, то среди делегатов XXVIII партсъезда рабочих был только 11,6%, а колхозников – 5,4%. [1, с. 24].

Отказ от опоры на рабочий класс был вполне понятен. Именно рабочие отторгали курс на так называемый рынок, под которым перевертыши партии скрывали возвращение к капитализму. Почти 90% рабочих, выступавших на съезде с трибуны или от микрофонов, критиковали Горбачева, требовали признать работу ЦК неудовлетворительной. Наш земляк, электромонтер из Иркутска Г. Першин объяснил эту позицию так: «Решения XXVII съезда КПСС в большинстве своем остались невыполненными. Исходя из этого, считаю, что неудовлетворительная оценка будет реально отражать деятельность ЦК и Политбюро за отчетный период» [2, с. 24].

7. С целью облегчения реставрации капитализма создавались условия для бегства партии от рабочего класса. Оппортунисты-горбачевцы вбросили в общественное сознание даже идеи запрета деятельности парторганизаций на предприятиях и учреждениях.

В 1990 г., будучи участником совещания в ЦК КПСС секретарей и заведующих отделами крайкомов и обкомов партии в Москве, автор статьи может полностью подтвердить то, что накал негодования в адрес Горбачева, Яковлева и других секретарей ЦК КПСС достиг апогея. Самого Горбачева на этом совещании не было. Вел совещание его правая рука – секретарь по идеологии, бывший стажер Колумбийского университета США Яковлев. Остальные секретари ЦК были в полном составе.

Делегаты с мест откровенно говорили о том, что Горбачев фактически стал неподотчетен ЦК КПСС. И, чтобы обезопасить себя от возможности освобождения от обязанностей Генерального секретаря, он впервые в истории партии добился своего избрания на этот пост непосредственно на съезде.

Между тем, Генеральный секретарь ЦК КПССС Горбачев в теоретическом плане был недоучкой. Когда я задал вопрос в Президиум совещания: «Читал ли Горбачев работу Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме», то Яковлев вальяжно ответил: «Генеральный секретарь сам знает, что ему читать, а что не читать».

А ведь мой вопрос касался важной проблемы. В то время по инициативе псевдодемократа Горбачева перестали *назначать* хозяйственных руководителей и перешли к их *выборам.* Мол, масса сама решит, какой им нужен директор фабрики или завода.

Но вскоре на волнах псевдодемократии, получилось так, что умелые, преданные своему делу профессионалы оказались «за бортом». Массы решили просто: «Зачем нам требовательный начальник, который борется с расхитителями, пьяницами, нарушителями трудовой дисциплины?»

Таким образом, у нас в Бурятии, например, мы в те годы лишились многих опытных и авторитетных руководителей предприятий, совхозов и колхозов. «Стихия» сработала, как хотел Горбачев. Руководителями нередко становились те, кто на всяческие нарушения смотрел «сквозь пальцы». В последствие их хорошо «подкормил» Чубайс и вся клика Ельцина.

У нас в Бурятии перед этим натиском дрогнули даже такие «коммунисты», как Генеральный директор тонкосуконного комбината, бывший заведующий отделом Бурятского обкома КПСС, Герой социалистического труда, обласканная всеми почестями и наградами, небезызвестная К.П. Альцман, которая в последние годы получала «зарплату» по десятку ведомостей. А разве другие, невзирая на наличие партбилета, были лучше?

Между тем, в седьмой главе книги Ленина «Детская болезнь левизны…» четко и ясно сказано, что массы делятся на классы, классы возглавляют политические партии, а партии избирают своих вождей… *Партии,* а не собрания *пестрой массы,* которая охотно подчиняется в условиях охлократии авантюристам и демагогам…

8. О развале оборонительного союза стран Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи, вывода войск СССР из Восточной Европы и говорить не приходится. Сегодня вооруженные «до зубов» войска НАТО стоят буквально на пороге нашего дома – в Литве, Латвии, Эстонии.

9. Надо ли вспоминать о пролезших в партию предателях сейчас, в год 100-летнего юбилея Великого Октября? Да, это необходимо. *Во-первых*, чтобы не допустить подобного повторно. *Во-вторых*, чтобы помочь каждому понять то, что наши соотечественники застали в годы «перестройки», – это был уже не *подлинный*, а *деформированный* социализм. Перед глазами многих россиян, особенно молодежи, стоит сегодня не реальный, а искаженный образ советского социализма. На него легла тень всего того, что одни называют «катастройкой», другие «горбостройкой», а третьи – «ельцинским маразмом».

10. Современные российские либералы вопят о Гражданской войне, развязанной, якобы, большевиками. Однако факты – упрямая вещь.

11 марта 1918 г. «Известия ВЦИК» публикуют статью Ленина «Главная задача наших дней». Задача эта была поставлена так: «Добиться, во что бы то ни стало, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле могучей и обильной». Ну и где же здесь хоть одно слово о гражданской войне? Большевистский вождь ставит здесь исключительно созидательные задачи. Фактически же, Гражданская война, которую якобы развязали большевики, закончилась за несколько недель. Кровопролитной и продолжительной оказалась совсем другая война. Та, ради которой генерал от инфантерии Алексеев уехал в Новочеркасск на пятый день после победы Советской власти. Та, к которой приложили руку 14 буржуазных государств, мечтавших задушить Республику Советов.

В целом же Гражданская война унесла много жизней. Точная цифра потерь неизвестна, но чаще всего говорят о 12 млн. человек. За 1918-1922 гг. от всех причин погибло 939 755 бойцов Красной армии и командиров. Значительная их часть – от тифа. Данных о потерях белых нет, но они намного меньше. Значит, большинство граждан, ставших жертвами революции, погибло не от «красной» или «белой» пули, а от хаоса и слома жизнеустройства. Главными причинами гибели людей в русской революции было лишение их средств жизни и, как результат, голод, болезни, эпидемии, преступное насилие.

Какую жертву собрала смерть на поле хозяйственного хаоса в лихие 1990-е гг.? Каждый год давал нам около 1 млн. потерь. И ведь войны и репрессий не было. По самым скромным подсчетам за годы современных реформ в России, как полагает С. Кара-Мурза, «по неестественным причинам» отлетело уже не меньше душ, чем в Гражданскую войну. Значит, как справедливо заключает он, есть невидимый «палач» [3, с. 212].

11. В годы Гражданской войны и интервенции буржуазия и помещики направо и налево продавали национальные интересы. Нынешние многочисленные антисоветчики предпочитают об этом умалчивать. Что либералам, что носителям белогвардейского патриотизма невыгодна правда истории. Но такой правды не было и не будет у современного эксплуататорского меньшинства. Его лидеры не способны говорить с народом так, как говорил Ленин в грозные годы Гражданской войны и интервенции.

Обескураживает ложь и клевета современных российских либеральных историков на роль Ленина и возглавляемую им партию большевиков. Вот один из тысячи примеров.

В.И. Ленин писал в известной работе «Удержат ли большевики государственную власть»: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой разнорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством…» [4, с. 315]. Как видим, Ленин говорил прямо противоположное тому, что приписывала ему буквально вся демократическая пресса – при поддакивании почти всей интеллигенции.

Ну и как же назвать поведение множества респектабельных современных интеллектуалов, которые, по справедливому выводу С. Кара Мурзы, «…до сих пор продолжают вбивать в головы людей миф о «ленинской кухарке»? Им тычешь под нос книгу с точным текстом, а он моргает и через полчаса снова о Ленине и кухарке» [5, с. 237].

Если посмотреть на тлен и распад, начавшийся еще в годы горбачевской перестройки, и до конца не преодоленный и в наши дни, то станут понятны слова С. Есенина, который сказал о Ленине: «…тот, кто спас нас». Придет, неизбежно придет время, и мы еще не один раз вернемся к его спасительным советам.

Библиография

1. Зюганов Г.А. Национальный вопрос и задачи партии по укреплению дружбы народов: доклад на Пленуме ЦК КПРФ 19 декабря 2013 г. // Политическое просвещение. – 2013. – № 6.

2. Там же.

3. Кара-Мурза С. Советская цивилизация от начала до великой Победы. – М., 2001.

4. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? – ППС. – Т. 34.

5. Кара-Мурза С. Указ. соч.

Bibliography

1. Zuganov G.A. The Ethnic Issue and Tasks of the Party to Strengthen the Friendship of Peoples, 19.12.2013. – Political enlightenment Publ. - № 6. – 2013.

2. Ibid.

3. Kara-Murza S. The Soviet Civilization from the Beginning up to the Great Victory. – M., 2001.

4. Lenin V.I. Will the Bolsheviks Retain the State Power? - PPS. – Vol. 34

5. Kara-Murza S. Ibid.

Секция 2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Л.В. Курас, д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотрудник, e-mail: kuraslv@yandex.ru
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

УДК 94

1917 ГОД И СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ

В статье рассмотрены обстоятельства и особенности возникновения российской монархической, военной, фашистской и этнической эмиграции в Маньчжурии, сложившейся в результате Великой революции 1917 г. При этом упор делается на деятельность Японской военной миссии, которая полностью контролировала деятельность эмиграции и стремилась использовать ее потенциал против СССР.

Ключевые слова: *революция 1917 г., российская эмиграция, Маньчжоу-Го, БРЭМ, Японская военная миссия, Российский фашистский союз, монархические объединения, военные и этнические организации.*

L.V. Kuras, Dr. Sc. Hystory, Prof.

THE YEAR 1917 AND DESTINIES OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN MANCHURIA

The article examines circumstances and peculiarities of the shaping of the Russian monarchical, military, fascist and ethnic emigration in Manchuria as a result of the Great Revolution of 1917. The study emphasizes the activity of the Japanese military mission that completely controlled the activity of the emigration and strove to use its potential against the USSR.

Key words: *revolution of 1917, Russian emigration, Manchukuo, BREM, Japanese military mission, ataman Semenov, Russian Fascist Union, monarchical organizations, military and ethnic organizations.*

Эмиграция – это неотъемлемое свойство исторического пути России, берущее начало с Андрея Курбского. Конечно, всякая революция непременно порождает эмиграцию. Но нигде и никогда эмиграция не приобретала таких масштабов и не достигала такого трагизма как в России. После революции 1917 г. и Гражданской войны по разным оценкам Россию покинуло от 1,5 до 3 млн. человек. Особую страницу в этой истории составляет маньчжурская эмиграция.

К началу 1930-х гг. центральными органами эмиграции в Маньчжурии стали «Объединение российских эмигрантов» и «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (ГБРЭМ), которое возглавил соратник атамана Г.М. Семенова, генерал-майор от кавалерии В.А. Кислицин. При этом ГБРЭМ стал административным, а «Объединение» – совещательным органом. Над ними же стояла «Японская военная миссия» (ЯВМ), которая контролировала всю деятельность эмиграции. ГБРЭМ имело периферийные организации и отделения во всех крупных городах Маньчжурии и представляла огромный резервуар кадров разведчиков и диверсантов, засылаемых японцами на территорию СССР, а также была кадровым резервом на случай возникновения военных конфликтов с СССР. ГБРЭМ имел семь отделов: переселенческий, культурно-просветительный, учетно-статистический, финансовый, благотворительный, военный и молодежно-воспитательный. Интересно, что «культурно-просветительным» отделом, выполнявшим функции отдела агитации и пропаганды, руководил первый заместитель начальника ГБРЭМ и одновременно глава «Российского фашистского союза» К.В. Родзаевский.

Политические организации российской эмиграции

а) Российский фашистский союз (РФС)

Деятельность русских фашистов в Маньчжурии получила серьезное звучание в отечественной историографии [11; 14; 3]. РФС был образован в мае 1931 г. в Харбине. Сначала он назывался «Российская фашистская партия». Переименование партии в союз было обусловлено стремлением подчеркнуть универсальность организации, в которую могут объединяться лица, являющиеся членами других организаций. Программа РФС декларировала единение всех белоэмигрантских сил в единый фронт под лозунгами «Новая национальная революция», «Создание национального рабочего государства, которое будет служить основой русской нации», «Универсальное разрешение еврейской проблемы в со-

трудничестве с иностранными антикоминтерновскими силами и освобождение мира от угрозы еврейского финансового «интернационала» [11, с. 26]. Эмблема РФС – свастика в сочетании с двухглавым орлом; знамя – белое полотнище со свастикой в центре. Политическая программа РФС – непримиримая борьба с советской властью и осуществление национальной революции, уничтожение коммунизма и создание фашистской России путем совместной интервенции с любой капиталистической страной. Эти задачи были сформулированы В.К. Родзаевским в программных документах партии: «Монархия или республика», «Наше оружие», «Формы борьбы», «Фашистское мировоззрение», «Тактика В.Ф.П.», «Лицом к России», «Государство Российской нации» [14, с. 135]. Для достижения поставленной цели РФС использовал шпионаж, диверсии, агитацию и пропаганду, а его деятельность проходила под руководством ЯВМ.

РФС имел довольно стройную структуру: Верховный Совет, Центральная контрольная комиссия, Центральная ревизионная комиссия, Центральное управление с 10-ю отделами (организационный, политический, особый, военный, разведывательно-секретный, финансовый, экономический, воспитательный, церковный и отдел канцелярии), Идеологический совет и законодательная комиссия при «Верховном совете», Комиссия по изучению СССР, Учебный совет РФС, Издательство газет («Нация» – Харбин, «Наш путь» – Шанхай), Центральный совет фонда противокоммунистической борьбы. В Маньчжурии организация РФС имела секции и филиалы в 18 городах [2]. Существовал аппарат «особо уполномоченных» в Японии, США, Испании, Югославии, Болгарии [19]. О разветвленности организации свидетельствует проведение III съезда русских фашистов, состоявшийся 28 июля 1935 г. в Харбине, на котором были обсуждены и утверждены программа и устав партии, заслушан отчет и осуществлены выборы Центральных органов. 48 делегатов съезда представляли фашистов Токио, Иокогамы, Киу-Сиу, Шанхая, Тяньцзиня, Явы, Персии, Сирии, Египта, Болгарии, Югославии, Польши, Эстонии, Финляндии, Германии, Италии, Нью-Йорка и Сан-Франциско, Дайрена, Имяньпо, Аньда, Цицикара, Хайлара, Маньчжурии, Модягоу и Харбинских районных организаций [1]. Все решения съезда были согласованы с ЯВМ, а сама работа съезда проходила в присутствии офицеров Квантунской армии.

В начале августа 1935 г. в Харбине состоялось три рабочих совещания, на которых рассматривались вопросы об отправке на советскую территорию групп разведчиков – террористов, перед которыми были поставлены конкретные задачи: 1) заброс групп в район Кузбасса и Урала для осуществления вербовки; 2) восстановление старой агентурной связи, законсервированной после отступления армии адмирала Колчака; 3) сбор стратегических сведений в районе Кузбасса и Урала, а также обследование состояния аэродромов и авиационного парка в Приморье; 4) выявление возможности организации антисоветских беспорядков, вредительства, восстаний [13, с. 182].

После нападения фашистской Германии на Советский Союз положение русских фашистов в Маньчжурии осложнилось. Это было обусловлено осторожностью Японии, в связи с подписанием 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Япония ужесточила контроль за деятельностью РФС, а 1 июля 1943 г. ЯВМ запретила РФС, который был преобразован в Союз национальной трудовой России [18, с. 93].

б) Монархические объединения

«Монархическое объединение» [5, с. 32-36] было создано 26 июня 1938 г. в Харбине ЯВМ при посредничестве Б.Н. Шепунова для объединения всех белогвардейских организаций под лозунгом «За веру, царя и отечество» для борьбы с коммунизмом. На условиях федерации в «Объединение» вошли следующие организации:

1. Монархическая группа – ядро «Объединения»; поставляло руководящие кадры монархическому движению.

2. Дальневосточный союз военных (ДВСВ) – объединение военных эмигрантов в Маньчжурии для сохранения кадров царской армии для борьбы с Советской властью [4].

3. Союз казаков Восточной Азии, для подготовки выступления против СССР в качестве авангарда Квантунской армии [24; 25; 26].

4. Национальная организация русских разведчиков (НОРР) [22] под покровительством великой княгини Ксении Александровны, для подготовки кадров для разведывательно-диверсионной работы против СССР.

5. «Союз мушкетеров князя Никиты Александровича» [10] для объединения эмигрантской молодежи для борьбы с коммунизмом.

6. «Литературно-художественный кружок «имени августейшего К.Р.» (Константин Романов) [20] был призван вести культурное воспитание молодежи.

В «Объединении» имелся руководящий штаб из 22 человек, представлявших ГБРЭМ, Союз русских военных инвалидов, агентов ЯВМ, Торговую палату Харбина и др. Будущее Отечества они представляли в виде буферного государства на Советском Дальнем Востоке, созданное при помощи японской интервенции.

в) Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП)

НТСНП главной задачей видел организацию молодежи для борьбы с СССР посредством террора и диверсий. Его Центр находился на Балканах, а филиалы – во многих капиталистических странах, в том числе и в Маньчжурии. Он сотрудничал с ЯВМ и РФС.

Военные организации российской эмиграции

а) Дальневосточный союз военных (ДВСВ)

«Союз военных Восточной Азии» (ДВСВ) [5, с. 38-40] – это филиал «Русского общевоинского союза» (РОВС) [6] монархического толка с ориентацией на военную интервенцию против СССР с помощью Японии. ДВСВ состоял из трех военных округов – Харбинского, Мукденского, Северо-Китайского и из пяти отделов, которые делились на районы. У Союза имелись военно-учебные заведения в Харбине, ст. Сунгари 2 и юнкерская школа на ст. Ханьдаохэнцзы, курсы для переподготовки старшего комсостава. Военная подготовка велась и в школах военной молодежи при районных организациях, по окончании которых молодежь направлялась на службу в железнодорожную и лесную полицию или охранные отряды. При Харбинском округе имелись Морской отдел и Кружок военной молодежи. Под контролем ДВСВ находилось 11 военных обществ: молодых офицеров и юнкеров, морских офицеров в Харбине, Читинского военного училища, воспитанников Иркутского военного училища, воспитанников Алексеевского военного училища, воспитанников Оренбургского военного училища, воспитанников Первого Сибирского им. Александра I кадетского корпуса, общество взаимопомощи Александровцев, общество Заамурцев, Харбинский отдел федерации союзов русских военных инвалидов, кружок Порт-Артурцев.

б) Союз казаков Восточной Азии

«Союз казаков Восточной Азии» [5, с. 40-42] был создан в 1938 г. ЯВМ в Харбине для объединения всех казаков, оказавшихся на территории Маньчжурии для их использования в качестве профессиональных кадров для шпионско-диверсионной деятельности на территории СССР в мирное время и как авангард для агрессии Японии в военное время. Поэтому японцы начали группировать разбросанных по всей Маньчжурии казаков в станицы в непосредственной близости к границе СССР. Среди них: Иркутская, им. атамана генерал-майора П.П. Оглоблина; Молодая, им. наследника цесаревича Алексея Николаевича, станица; Молодая, им. атамана Семенова, казачья станица; Оренбургская им. атамана Дутова, казачья станица; Сибирская, Ермака Тимофеевича, казачья станица; Усурийская казачья станица им. атамана И.П. Калмыкова [5, с. 107-108]. Поселенцам выдавалась ссуда на обзаведение, оружие, представлялись различные льготы. Тем самым казачество расселилось в районе Трехречья, г. Маньчжурия, на реке Чол – на западе и в районе Муданьцзян, Ханьдаохэцзы и ст. Пограничная – на востоке. Казачьи станицы должны были представлять войсковые подразделения по типу прежних казачьих станиц, готовые к развертыванию в сотни – поселки, в полки – станицы, в дивизию – казачьи отделы, а союз казаков в штаб корпуса [5, с. 41]. Это подкреплялось денежными субсидиями ЯВМ. Она же покрывала все расходы, связанные с расселением казачества, организацией поселков, содержанием «Отдельного корпуса казаков» и изданием газеты «Захинганский голос». Общепризнанным «вождем» эмигрантского казачества в Маньчжурии считался атаман Г.М. Семенов.

Организации молодежи

БРЭМ большое внимание уделяло движению молодежи [9]. Была создана специальная комиссия для работы с молодежью под председательством профессора И.И. Никифорова, близкого по своим воззрениям к РФС. Идеологический спектр молодежных объединений был в основном представлен монархическими и фашистскими идеями. Среди них: «Союз мушкетеров», «Союз крестоносцев», «Национальная организация русских разведчиков» и кружки в составе казачьих организаций. Однако с началом Великой Отечественной войны в молодежной среде российской эмиграции произошли серьезные изменения. По свидетельству газеты «Захинганский Голос» «значительная ее часть считала Германию врагом русского народа, а, следовательно, врагом эмиграции» [там же, с. 44]. Однако основная проблема выражалась в аполитичности молодежи, у которой, по свидетельству старшего поколения российской эмиграции «культурный уровень в массе очень низок, интересы узки, умственные запросы ограничены» и вообще им свойственно «чрезмерное увлечение танцульками, гулянками, а подчас и наркотиками» [там же]. Тем не менее, молодежные организации «Союз националистической молодежи», «Клуб молодежи при редакции газеты «Нация», «Авангард», «Союз авангардисток», «Казачья

смена», «Отряды потешных», «Объединение окончивших учебные заведения М.А. Оксаковской», «Союз окончивших учебные заведения Главного бюро эмигрантов», в рамках которого существовали литературно-историческая, востоковедная, артистическая, музыкальная, вокальная, художественная и спортивная секции, «Союз окончивших реальное училище», «Кружок им. Ломоносова», «Союз русских девушек», «Союз фашистких крошек» оказались в зоне внимания ЯВМ [5, с. 117-120]. Но стремление лидеров российской эмиграции сплотить молодежь вокруг политических лозунгов оказалось утопией и уже в 1943 г. Япония ликвидировала остатки эмигрантских молодежных объединений [9].

а) Христианский союз молодых людей (ХСМЛ)

ХСМЛ [25] – крупная межконфессиональная организация, центр которой располагался в США. Но ее Харбинское отделение отличалось от таких же отделений в США и странах Западной Европы по причине сотрудничества ХСМЛ с Русской православной зарубежной церковью. После Гражданской войны в России численность молодых эмигрантов в Харбине возросла и ХСМЛ с РПЦ создавали практические школы, открывали вечерние курсы по изучению английского языка, курсы машинописи, школы шоферов-механиков, дабы помочь молодежи выжить на чужбине. В рамках союза были созданы детский сад, курсы дошкольного воспитания, гимназия, колледж, институт, библиотека, сеть научных обществ. Это способствовало сохранению национальных православных традиций.

Национальные организации российской эмиграции

Особый интерес в среде российских эмигрантов в Маньчжурии представляли национальные меньшинства, эмигрировавшие в разное время из царской России и СССР. Они организовывались в общины по национальному признаку, закреплялись ЯВМ при ГБРЭМ и рассматривались как сегмент белой эмиграции [5, с. 50-55]. Армянская, грузинская, еврейская, тюрко-татарская и украинская колонии составляли «Совет национальностей» при ГБРЭМ; греческая, латышская и литовская не входили в этот совет, хотя и имели свои представительства в лице соответствующих консульств, хотя ранее имели российское подданство и потому ЯВМ не делала для них каких-либо отличий.

С целью осуществления «национальной» политики в Маньчжоу-Го, отвечавшей милитаристским планам Японии, в государстве было создано «Общество Согласие», что согласуется с выдвинутой японцами паназиатской концепций «Согласия народов», предполагавшей самоопределение азиатских народов по образцу советской модели. В «Обществе» были также представлены монголы, маньчжуры, корейцы, японцы, мусульмане, русские эмигранты, а также китайское большинство.

а) «Армянское общество»

Армянское общество существовало в Харбине с 1917 г. Число армян во всей Маньчжурии достигало 350 человек, из числа которых 150 человек проживало в Харбине. Общество имело собственный молитвенный дом [5, с. 50].

б) «Грузинское национальное общество»

Грузинское общество сложилось в Маньчжурии в 1905 г. во главе с князем Цулукидзе. Их численность составляла 300 человек. Общество имело «национальный совет» из 16 человек. При нем имелась воскресная школа грузинского языка [там же].

в) Еврейская колония

Наиболее многочисленной этнической группой в Маньчжурии была еврейская колония. При этом на Дальнем Востоке имелось 10 еврейских общин, объединенных «Национальным советом». Его исполком находился в Харбине. 5 общин находилось в Маньчжурии: Харбин, Хайлар, Цицикар, Мукден и Дайрен. «Совет» являлся филиалом Всемирной сионистской организации и объединяла 10 тыс. человек. Он имел на Дальнем Востоке свой печатный орган - «Еврейская жизнь», выходивший на русском и английском языках. Еврейская эмиграция насчитывала 14 организаций различного толка [12]. Самая крупная из них – «Харбинская еврейская духовная община» (ХЕДО), имевшая уже в 1909 г. хоральную синагогу, еврейскую национальную школу имени Л.Ш. Скидельского. Она давала как «религиозно-еврейские так и общеобразовательные знания».

Наибольшее количество еврейских организаций носили сионистский характер. Среди них: «Сионистское общество», имевшее представительство «Еврейского национального фонда»; организация «Сионистов-ревизионистов»; молодежная еврейская организация «Маккаби», Всемирная женская сионистская организация «Вицо», сионисты-ортодоксы «Мизрах». Особо выделялась «Брит-Трумпельдор» (Бейтар) – еврейская боевая организация. Ее штаб располагался в Риге, имел отделения в странах Европы и Америки и ставил целью создание независимого еврейского государства в Палестине.

В Маньчжурии существовали и благотворительные еврейские организации: «Дебо» – дамское благотворительное общество, оказывало помощь еврейской молодежи в деле получения образования,

содержало сирот и выдавало денежные пособия для нетрудоспособных членов колонии. Общество содержало бесплатную столовую, которая ежедневно отпускала до 200 обедов, общежитие для престарелых евреев. В 1941 г. был открыт «приют для хроников» и погребальное братство [5]. Кроме того, существовали общество беспроцентных ссуд, организация, оказывавшая помощь нуждающимся путем выдачи мелких суд 5-10 гоби, «Европейский народный банк».

Разнообразие еврейской жизни было обусловлено вовсе не толерантностью режима. Дело в том, что в 1934 г. Япония рассматривала «план Фугу» по привлечению в Маньчжоу-Го от 18 до 600 тысяч евреев [28]. «План» возник в 1934 г., когда СССР образовал на территории бывшей Внешней Маньчжурии Еврейскую автономную область. В Японии практически отсутствовало еврейское население и «план Фугу» появился под влиянием наивных представлений о евреях, как о людях с большими финансовыми возможностями, способных превратить Маньчжоу-Го в «доходную колонию». Вероятно, японцы предполагали, что евреи ЕАО и Маньчжурии стремились бы к объединению и это можно было использовать в вероятной войне с СССР. Они рассчитывали, что реализация плана убедит американских евреев вкладывать свой капитал в Японию, а также будет способствовать подъему экономики в оккупированных Японией частях Китая. В 1938 г. план «Фугу» был утвержден на Конференции пяти министров, но после атаки на Перл-Харбор на плане Фугу был поставлен крест. Тем не менее, евреи переселялись в Китай еще во время Гражданской войны в России. Всего в Маньчжоу-Го проживало около 17 тысяч евреев и еще до 20 тысяч евреев проживало в Шанхае.

г) Тюрко-татарская колония

С образованием Маньчжоу-Го перед Японией встала задача выработки национальной политики в отношении каждой отдельной этнической группы, что выразилось в доктрине «расовой гармонии» как прообразе неоколониализма, рождавшегося в практике японского империализма на территории Маньчжоу-Го [8]. Весной 1938 г. Министерство иностранных дел Японии создало межминистерский комитет по проблемам мусульман и евреев, чтобы «установить основы политики по отношению к проблемам мусульман и евреев в свете международной ситуации».

В 1938 г. состоялся I Всемирный конгресс мусульман, а через год правительство Маньчжоу-Го принимает закон о религии, который уравнивал в правах мусульман, синтоистов, буддистов и христиан. Это привело к формированию японской государственной «исламской политики» и политики объединения этнических меньшинств в поддержку деятельности Маньчжурии против СССР [5, с. 53].

д) Украинская национальная колония

Украинская национальная колония была одной из самых многочисленных в Маньчжурии и насчитывала 11 тысяч человек [16]. С образования Маньчжоу-Го был открыт «Украинский национальный дом», правление которого – «Комитет общественных уполномоченных» – под руководством ЯВМ осуществляло политику антикоммунизма. В 1934 г. в Харбине была создана Украинская военизированная организация «Сич».

Интерес ЯВМ был обусловлен тем, что украинцы в Советском Приморье составляли треть населения – 313 тыс. человек. Япония планировала создание буферного Гетманского Дальневосточного Украинского государства в Приморье, используя движение украинцев в Европе «за самостийность». Они полагали, что военнослужащие украинцы Особой Дальневосточной армии, переживающие трагедию голодомора, поддержат проект, который получил название «Зеленый клин» как территория компактно заселенная украинцами, находящимися на удалении от собственно украинских земель. Территория «Зеленого клина» – это современные Забайкалье, Амурская область, Хабаровский край, Приморье, Сахалинская область [7]. Клинов, кроме «Зеленого» насчитывалось еще три: «Желтый клин» – Нижнее Поволжье; «Малиновый клин» – Кубань [27]; «Северный клин» (бывший Степной край) – Северный Казахстан, юг Омской области, Барабинская степь Новосибирской области и Кулундинская степь (часть Новосибирской области и часть Алтайского края). Украинская колония в Маньчжурии была условно разбита на несколько групп: младороссы, центральная, независимая и красная. Младороссы рассматривали Украину как часть России и самостоятельность Украины не признавали. ЯВМ понимала, что лозунг борьбы за независимость Украины для этой категории использовать нельзя, но в антисоветском движении младороссы были готовы принять активное участие. Центральная группа сочувствовала национальному движению за независимость и в случае успеха готова была принять участие в движении. К коммунизму относились негативно и японцы надеялись получить из их числа сторонников в борьбе с советской властью. Независимая группа представляла молодежный состав, отличалась импульсивностью, испытывала неприязнь к русским и принимала активное участие в движении и представляла наибольшую ценность для Японии. К красной группировке относились украинцы из числа коммунистов и имевших советское подданство. Но ЯВМ была убеждена, что у красных все равно

была тяга к независимости. Поэтому ЯВМ обсуждала идею о создании «красного независимого» движения [15].

Среди украинских организаций антисоветской направленности можно выделить следующие: Гетманцы (сторонники гетмана Скоропадского) – ориентированы на восстановление гетманской Украины; «Украинская народная республика» (УНР) со штаб-квартирой в Польше – ориентированна на восстановление республики; «Организация украинских националистов» (ОУН) – организация нелегальная и малочисленная, сотрудничала в германским абвером.

е) Другие национальные организации

На территории Маньчжурии существовало еще несколько национальных организаций, которые не входили в Совет национальностей при ГБРЭМ: греческое общество, Харбинское латышское общество, Общество литовских граждан, Югославское общество. Эти объединения не вели активной политической работы, хотя и были настроены антисоветски и выполняли задания японской разведки.

Литературные и научные организации российской эмиграции

Деятельность «литературно-художественных», «литературно-музыкальных» и научных организаций российской эмиграции в Маньчжурии находилась под постоянным наблюдением и контролем «культурно-просветительного» отдела ГБРЭМ [5, с. 56-58].

а) Литературно-художественный кружок им. Н.А. Байкова

Кружок имени Н.А. Байкова работал при «Русском клубе» и являлся проводником идей РФС. Председатель правления кружка – начальник воспитательного отдела Центрального управления РФС Н.Н. Петлин. Следует отметить, что выбор имени писателя Н.А. Байкова был не случаен. Его творчество было популярно среди эмигрантов и даже японцев. В своих произведениях Н.А. Байков описывал свои таежные скитания и мир животных. Белоэмигранты называли его не иначе как «русский Киплинг».

б) Литературно-художественный кружок молодежи им. генерала Краснова

Во главе кружка им. генерала Краснова стоял член РФС Г.С. Олекминский; почетным председателем кружка был председатель НБРЭМ Кислицын.

в) Литературно-художественный им. августейшего поэта К.Р. (Константина Романова)

Кружок создан при отделе «Монархического объединения» для «культурного» воспитания монархистов.

г) Кружок при Коммерческом собрании

Кружок был известен «женскими средами» среди эмиграции г. Харбин. Что касается научной деятельности белоэмиграции, то она не имела значительных успехов. НИИ «Далу» в Харбине, вокруг которого группируется часть эмигрантских ученых, – это учреждение, организованное ЯВМ, было в зачаточном состоянии и по масштабу, и по научным разработкам. Он вел «технико-экономические работы по ботанике, энтомологии, ихтиологии», но в научной периодике результаты этой работы представлены не были.

Имелись и российские высшие учебные заведения, созданные в эмиграции. Среди них: Северо-Маньчжурский университет, Медицинский институт, Харбинский политехнический институт Святого Владимира, Синьцзинский государственный институт, Харбинский государственный институт, Железнодорожный институт и Институт ориентальных и коммерческих наук. Должности ректоров в этих вузах занимали японцы.

Выводы

Отличительной особенностью российской эмиграции была ее «двухслойность». Первый слой – это эмиграция, которая создавалась еще до 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД и была представлена железнодорожниками и их семьями, гражданским населением, занятым торговлей, образованием, здравоохранением. В 1917 г. к ним присоединились городские обыватели, мелкие торговцы, учителя, врачи, инженеры и техники, крестьяне приграничных районов, профессорско-преподавательский состав, журналисты и литераторы, члены различных «временных» правительств.

Второй слой был представлен изгнанными из России событиями гражданской войны. В их числе политические и общественные деятели, военные руководители белого движения, члены военных формирований Г.М. Семенова, Р.Ф. Унгерна, И.М. Калмыкова, В.О. Каппеля. Причем, военнослужащих насчитывалось 50-60 тысяч, что превышало военную эмиграцию в Чехословакии, Франции, Турции и др. Существенной особенностью российской эмиграции в Маньчжурии было наличие фашистской партии, имевшей отделения и филиалы во всех городах Маньчжоу-Го и многих странах за рубежом.

Продажа советским правительством в 1935 г. своих прав на КВЖД правительству Маньчжоу-Го вызвало массовый отъезд советских подданных на Родину. И со второй половины 1930-х годов в Маньчжурии понятие «русский» стало тождественно понятию «эмигрант», куда включались не только русские, но и все бывшие поданные Российской империи. Так, этническая эмиграция была представлена 28 национальностями, объединявшимися по этническому признаку. Следует отметить, что ЯВМ и правительство Маньчжоу-Го проводили разумную национальную политику, пресекая любые проявления национальной нетерпимости. Это способствовало появлению у российской эмиграции чувства общей Родины. В отношении эмигрантов ставились конкретные задачи: 1) обеспечить в лице русской эмиграции надежного союзника; 2) использовать русские вооруженные формирования на случай прямого столкновения с СССР; 3) вовлечь русскую эмиграцию в идеологическую войну с мировым коммунизмом.

Таким образом, события 1917 г. создали особую колонию эмигрантов из России, которую Япония стремилась использовать для реализации своих политических амбиций.

Библиография

1.Архив УФСБ России по Республике Бурятия. Ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 92.

2. Архив ФСБ Российской Федерации. Особый фонд. Н-18765, т. 1, л. 22-23.

3. Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 2.

4. Балмасов С.С. Белоэмиграция на военной службе в Китае. – М.: Центрополиграф, 2002. – 576 с.

5. Белоэмиграция в Маньчжурии. – В 3 т. Т. 1. – Чита: Управление НКВД по Читинской области, 1942.

6. Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский Общевоинский союз, Россия и Русское зарубежье в XX-XXI вв. – Архангельск: Изд-во Солти, 2006. – 522 с.

7. Ефименко А. Сибирская Украина: несостоявшийся альянс Дальневосточные «самостийники» и колчаковская разведка // Родина. – 2006. – № 7.

8. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932-1945. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1990. – 262с.

9. Каргапольцев Д.С. Молодежные объединения российской эмиграции в Северной Маньчжурии в 1929-1945 гг: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2011.

10. Каргапольцев Д.С. Союз мушкетеров в Маньчжурии (1921-1938 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2009. – Т. 8, вып.4. – С. 97-103.

11. Курас Л.В. Всероссийская фашистская партия (Харбин: 30-е годы) // Вопросы социально-политической истории (XVII-XX века). – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999.

12. Курас Л.В. Еврейская эмиграция из Сибири в Харбин в первой половине XX века // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX-XX веках: сб. ст. Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 5. – Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2004. – С. 156-163.

13. Курас Л.В. Кузбасс в планах милитаристской Японии в 1930-е годы // 55 лет Кемеровской области: материалы науч.-практ. конф. 27 января 1998 г. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998.

14. Курас Л.В. Русские фашисты в Маньчжурии в 20-40-е годы XX века // Сэнкай Ки Сибэриа, Монгоруно сэйдзи. Сякай сисутэма-но кайхэй: 1917-1941 (Сибирь в межвоенный период, монгольская политика. Системная перестройка общества: 1917-1941 гг.). – Тохоку дайгаку. Тохоку Адзиа кэню сэнта (Университет Тохоку. Тохоку азиатский исследовательский центр) – март 2006. – С. 129-147.

15. Курас Л.В. Харбинская белая эмиграция в освещении спецслужб СССР // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1997.

16. Курас Л.В. Украинская этническая группировка в 1930-е годы в освещении советской разведки // Российские спецслужбы: история и современность: материалы исторических чтений на Лубянке 1997. – М.: ФСБ РФ, 1997.

17. Мелихов Г.В. Христианский союз молодых людей в Харбине // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 6. – С. 118-122.

18. Онегина С. Письмо В.К. Родзаевского И.В. Сталину. Вступительная статья // Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 92-100.

19. Онегина С.В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопросы истории. – 1997. – № 6. – С. 150-159.

20. Печерица В.Д. Духовная культура российской эмиграции в Китае. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998. – 276 с.

21. Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. В.Ю. Жуков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – 264 с.

22. Терзов А.С. История и идеология русских эмигрантских молодежных организаций на примере Национальной организации русских разведчиков (НОРР) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2009. – № 15. – С. 151-155.

23. Фоменко В.М. Социокультурная политика Японии в Маньчжоу-Го (1932-1945 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иркутск, 2015. – 28 с.

24. Худобородов А.Л. Казачья эмиграция в Маньчжурии в период японской оккупации (1932-1945 годы) / Вестник Челябинского университета. Серия 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – 2002. – № 1. – С. 186-196.

25. Худобородов А.Л. Российской казачество в эмиграции (1920-1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М.: Изд-во МГУ, 1997.

26. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая: 1920-1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иркутск, 2006. – 24 с.

27. Білий Д.Д. Малиновый клин (Нариси з істоиіі украінського населения Кубани). – Киев: Украина, 1994. – 124 с.

28. Marvin Tokayer, Mary Swartz. The Fugu Plan: the Untold Story of the Japanese and the Jews during World. War II. – Jerusalem; New-York: Gefen Publishing House, 2004. – 296 p.

Bibliography

1. Archive of the Federal Security Service of Russia for the Buryatia Republic. Col. 2. Inv. 1. F. 4. L. 92.

2. Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation. A special fund. H-18765. V.1. L. 22-23.

3. Ablova N.E. Russian Fascist Party in Manchuria // Belarusian Journal of International Law and International Relations. - 2000. № 2.

4. Balmasov S.S. White emigration in military service in China. - Moscow: Centropoligraph, 2002. – 576 p.

5. White emigration in Manchuria. In three volumes. V.1. - Chita: Administration of the NKVD for the Chita region, 1942.

6. Goldin V.I. Soldiers in a foreign land. Russian All-Union Union, Russia and the Russian Abroad in the XX-XXI centuries. - Arkhangelsk: Solti Publ., 2006. – 522 p.

7. Efimenko A. The Sibirskaya Ukraine: the Far Eastern "samostyiniki" failed alliance and the Kolchak's intelligence // Rodina. 2006. № 7.

8. Zakharova G.F. The policy of Japan in Manchuria. 1932-1945. - M .: "Science" Publ., 1990. - 262p.

9. Kargapoltsev DS Youth associations of Russian emigration in Northern Manchuria in 1929-1945. Diss. PhD of Hist. Sciences - Ekaterinburg, 2011.

10. Kargapoltsev DS Union of Musketeers in Manchuria (1921-1938) // Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology. 2009. T. 8. Issue 4. Pp. 97-103.

11. Kuras L.V. All-Russia Fascist Party (Harbin: 30-ies) / / Issues of socio-political history (XVII-XX century). - Novosibirsk: NSU Press, 1999.

12. Kuras L.V. Jewish emigration from Siberia to Harbin in the first half of the twentieth century // Some problems of the history of the Jews of Siberia in the XIX-XX centuries. Digest of articles. Jews in Siberia and the Far East. 5 ed. - Krasnoyarsk: "Claretianum" Publ., 2004. pp. 156-163.

13. Kuras L.V. Kuzbass in the plans of militaristic Japan in the 1930s // 55 years of the Kemerovo Region. Proc. of the scientific-practical conference. January 27, 1998. - Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998.

14. Kuras L.V. Russian fascists in Manchuria in the 20-40-ies of the twentieth century // Senkai Kee Siberia, Mongoru no seiji. Syakay sisutama-no kaihei: 1917-1941 (Siberia in the interwar period, Mongolian politics: systemic restructuring of a society: 1917-1941). - Tohoku daihaku. Tohoku Adzia Ken Senu (Tohoku University, Tohoku Asian Research Center) - March 2006. - P. 129-147.

15. Kuras L.V. Harbin white emigration in the coverage of the special services of the USSR // From the history of the special services of Buryatia. - Ulan-Ude: ESSACA Press, 1997.

16. Kuras L.V. Ukrainian ethnic group in the 1930s in the coverage of the Soviet intelligence // Russian special services: history and modernity. Proc. of historical readings at the Lubyanka 1997. - Moscow: FSS RF, 1997.

17. Melikhov G.V. Christian Union of Young People in Harbin // Far Eastern Affairs. 1996. № 6. - P. 118-122.

18. Onegina S. Letter to V.K. Rodzaevsky I.V. to Stalin. Introductory article // Russian history. 1992. № 3.- P. 92-100.

19. Onegina S.V. The Russian Fascist Union in Manchuria and its Foreign Relations // Issues of History. 1997. № 6. - P. 150-159.

20. Pecheritsa V.D. Spiritual culture of the Russian emigration in China. - Vladivostok: FENU, 1998. - 276 with.

21. Russian emigration and fascism: articles and memoirs / ed. V.Yu. Zhukov. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2011. - 264 p.

22. Terzov A.S. History and ideology of Russian emigre youth organizations on the example of the National Organization of Russian Intelligence (NORI) // Izvestiya Penza State Pedagogical University V.G. Belinsky. 2009. № 15. - P. 151-155.

23. Fomenko V.M. Japan's socio-cultural policy in Manchukuo (1932-1945). Diss. Ph.D. of Hist.Scien. - Irkutsk, 2015. - 28 p.
24. AL Khudoborodov. Cossack emigration in Manchuria during the Japanese occupation (1932-1945) // CSU Bulletin. Series 10. Oriental Studies. Eurasianism. Geopolitics. 2002. № 1. - P. 186-196.
25. AL Khudoborodov. Russian Cossacks in emigration (1920-1945): Social, military-political and cultural problems. Diss. Ph.D. of Hist.Scien. - Moscow: MSU, 1997.
26. Chapygin I.V. Cossack emigration in the Russian diaspora of Northeast China: 1920-1945. Diss. Ph.D. of Hist.Scien. Irkutsk, 2006. - 24 p.
27. Biliy D.D. Malinovyy klin (Narisi z istoiii ukrains'kogo naseleniya Kubani). Kiev: Ukraina, 1994. - 124s.
28. Marvin Tokayer, Mary Swartz. The Fugu Plan: the Untold Story of the Japanese and the Jews during World War II. - Jerusalem-New-York: Gefen Publishing House. 2004. - 296 p.

В.А. Гельман, д-р. ист. наук, проф., e-mail: wigdan@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94:341.233(571.54/55) «191-1920»

ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Статья рассматривает актуальную историческую проблему – роль и влияние японской интервенции на ход и особенности Гражданской войны в Забайкалье. Показана борьба с иностранной интервенцией при поддержке атамана Семёнова, а так же основные этапы борьбы за господство в Забайкалье, экономические и политические последствия Гражданской войны и иностранной интервенции.

Ключевые слова: *иностранная интервенция, Забайкалье, партизанское движение, японские империалисты, Г.М. Семёнов, советская власть.*

V.A. Gelman, Dr. Sc. Hystory, Prof.

THE JAPANESE INTERVENTION IN ZABAIKALIE

Article considers an urgent historical problem – a Japanese intervention role and its influence on the Zabaikalie Civil war course and features. Fight against foreign intervention at support of the ataman Semenov, main stages of fight for domination in Zabaikalie, economic and political consequences of the Civil war and foreign intervention are also researched.

Key words: *foreign intervention, Zabaikalie, guerrilla movement, Japanese imperialists, G.M. Semenov, Soviet power.*

Крупнейшая трагедия России XX в. – это Гражданская война и иностранная интервенция. Она всегда привлекала и привлекает ученых, политиков, писателей и просто простых людей, интересующихся историей своего края и страны в целом. Интервенция сама по себе является сложной темой изучения, так как эта вмешательство иностранных государств. При изучении подобных вопросов исследователю следует быть объективным и максимально беспристрастным, вне зависимости от своих интересов и политических взглядов.

Диктатура пролетариата обернулась диктатурой партии большевиков. Успехи советской власти встретили сопротивление со стороны контрреволюции еще осенью 1917 г. Политическое единовластие большевиков, политика военного коммунизма (неспособность управлять национализированной промышленностью, продразверстка и т.д.) вплотную приблизили Советскую Россию к Гражданской войне.

К ней стремились оба лагеря: «красный» хотел упрочить свое положение и окончательно добить оппонентов, «белый» вернуть утраченные позиции. В сложившихся условиях, когда ни одна из сторон не имела твердой поддержки большей части народа, достигнуть своей цели и те и другие могли только вооруженным путем.

Основной опорой контрреволюции в Забайкалье становится Особый маньчжурский отряд есаула Г.М. Семёнова, деятельность которого поддерживала Япония. В начале апреля 1918 г. атаман Семенов начал новое наступление на Забайкалье, приурочив его к высадке японского десанта во Владивостоке. При этом ему оказывали прямую помощь китайские власти, оружием – Англия и Франция, деньгами – Япония. Возникла угроза для Забайкалья и Транссибирской железнодорожной магистрали. Решением Центросибири был образован Забайкальский фронт под командованием С.Г. Лазо. Центросибирь

направила все усилия на ликвидацию военной опасности в Забайкалье. Забайкальская железная дорога перешла на военное положение. Вся полнота власти была передана военно-революционному штабу, в состав которого вошли большевики Д. Шилов, Н. Матвеев и левый эсер И. Бутин. Фактически Советы всей Сибири отправили на Забайкальский фронт вооруженные формирования.

В это же время напряженное положение создалось в районе Троицкосавска. Отряд есаула Надзорова, сформированный в Монголии, перешел границу и при поддержке забайкальского казачества занял пограничную станицу Большая Кудара с целью выхода в тыл Забайкальскому фронту и создания угрозы для власти Советов в Восточной Сибири.

В Верхнеудинске был создан штаб тыла Прибайкальского фронта во главе с руководителем Красной гвардии города П.А. Бризоном; в Троицкосавске сформирован военно-революционный штаб. По распоряжению Центросибири на помощь прибыли рабочие отряды из Красноярска и Черемхово под командованием Д.М. Третьякова и В.М. Рагозина. Эти отряды, куда влились красногвардейцы под командованием П. Горяинова и Ц. Ранжурова, атаковали противника и под ст. Большая Кудара, разбили его, отбросив за границу. Вскоре были подавлены мятежи в пограничных станицах, и Советы стали доминировать по всему Забайкалью.

В начале марта 1918 г. состоялся 2-й съезд представителей трудового населения Прибайкалья, на котором обсуждался вопрос об организации советской власти. Была упразднена должность районного комиссара, введенная Временным правительством, и создан Исполком верхнеудинских советских организаций. Съезд одобрил законы о национализации земли, об организации Красной гвардии и Красной армии, о реорганизации судебных учреждений. Отряды Красной гвардии были созданы в Троицкосавске, Баргузине, Мысовске, Петровском Заводе, на ст. Хилок, Тарбагатайских копях.

28 августа 1918 г. на ст. Урульга в Забайкалье состоялась конференция партийных, советских организаций и воинских частей. Учитывая малочисленность советских войск и приближение противника с запада, конференция вынесла решение временно прекратить сопротивление организованным фронтом. Деятели советской власти и руководители партийных организаций перешли на нелегальное положение. Часть войск, в т.ч. и отряд интернационалистов, ушли в тайгу и развернули партизанскую борьбу.

В начале осени 1918 г. советская власть в Сибири и на Дальнем Востоке пала. В Забайкалье вся полнота власти перешла к атаману Семенову, который первоначально нашел поддержку у населения области. Он отменил все советские декреты, связанные с конфискацией и национализацией, вернул дацанам земли, отнятые Советами, ввел буддизм в качестве обязательного предмета в бурятских школах, оказал поддержку Бурнацкому в объединении с эмигрантским бурятским национальным отделом Правительства Забайкальской области. Однако своей дальнейшей политической, экономической и карательной деятельностью он способствовал появлению оппозиции собственному режиму.

Еще в октябре 1918 г. Г.М. Семёнов провел административную реформу в Забайкальской области, разделив ее на 6 районов. В состав первого вошли Акшинский, Нерчинский и Нерчинско-Заводской уезды; второго – Верхнеудинекий, Троицкосавский, Селенгинский и Баргузинский уезды. Эти районы были созданы для неказачьего населения. Остальные районы соответствовали четырем отделам Забайкальского казачьего войска.

Командующий чешскими войсками полковник Гайда издал приказ по Забайкальской железной дороге о немедленном упразднении всех профессиональных союзов и рабочих комитетов. Управляющим Забайкалья от правительства А.В. Колчака был назначен кадет С. Таскин. Начались репрессии в отношении руководителей Центросибири и местных совдепов. В Забайкалье функционировало 11 стационарных застенков. В сентябре 1918 г. в Чите погиб председатель Верхнеудинского Совета В.М. Серов, в Троицкосавске были расстреляны руководители Совета К.А. Масков, В. Жданов, А. Назимов и первый бурятский революционер Ц.Ц. Ранжуров.

20-24 ноября 1918 г. состоялся съезд бурят Забайкалья, на котором Бурятский национальный комитет (Бурнацком) был преобразован в Народную думу бурят Восточной Сибири (Бурнардума), председателем которой был избран Д. Сампилон. Структура Бурнардумы осталась прежней.

Идейным вдохновителем и покровителем атамана Семенова выступала Япония. Она поддерживала деньгами, оружием. Большая дипломатическая поддержка. Японские интервенты чувствовали себя, уже как хозяева Забайкалья.

На 1919 г. под японским влиянием находились территории Владивостока, участок Транссиба от Верхнеудинска до Хабаровска. В Забайкалье находились две дивизии численностью около 28 тыс. чел. под командованием полковника Отари. Также японцами был сформированы вооруженные отряды из

«резидентов» – этнических японцев. Численность отряда в Забайкалье доходила до 300 чел. под командованием японских офицеров [1].

Из китайцев в Забайкалье была создана «бригада Ханя». Китай всецело был подчинен Японии, вот и тут все командующие посты занимали японцы.

Согласившись принять участие в интервенции в Россию, Япония стремилась в первую очередь к захвату Сибири, интенсивно скупала большие земельные участки, копи, дома, промышленные предприятия. В целях беспрепятственного захвата Востока России, она поддерживала любые сепаратистские движения. В 1919 г. разведчики Колчака докладывали ему, что «борьба с большевизмом является удачным предлогом для пребывания японских войск на чужой территории, а поддержка атаманов позволяет Японии эксплуатировать сырьевые ресурсы». Япония хотела ввести паназиатскую пропаганду «Азия для азиатов» и стремилась к расчленению России для создания в будущем «азиатского союза под японским флагом» [1].

Но интервенция не принесла пользы ни Японии, ни тем более России. Население Дальнего Востока России очень холодно встретило новых хозяев. Японии приходилось тратить огромные средства на поддержание своих сил в Сибири и Забайкалье.

Но особенно интервенция сказалась на самой России. Господство иностранных интервентов, семеновцев нанесло народному хозяйству и населению края, в частности Забайкалью, огромный ущерб. В тяжелом положении оказались железнодорожный транспорт, кустарно-промышленные предприятия и сельское хозяйство.

В копях Забайкальской области резко стала падать добыча каменного угля. Харанорские копи не разрабатывались, часть шахт Тарбагатайского бассейна была затоплена водой. Рабочие-шахтеры, особенно китайцы, в связи с падением курса семеновских денег, плохим продовольственным снабжением и дороговизной, массами бросали работу. Забайкальская железная дорога оказалась под угрозой остаться без топлива, и каменный уголь начали ввозить из Маньчжурии. В марте 1919 г. управление Сибирской и Китайско-Восточной железными дорогами было передано в руки японцев.

Промышленные и кустарные предприятия либо закрывались, либо влачили жалкое существование. В с. Кабанске, например, из-за отсутствия сырья были закрыты мыловаренное предприятие И. Матуса, свечное и маслобойное предприятия Файберга [2]. Значительно сократилась выделка кож на Чикойском кожевенном заводе.

Росло количество безработных. Иркутской биржей труда за время с 18 по 26 декабря 1918 г. было зарегистрировано 244, а в июне 1919 г. 772 безработных (564 мужчины и 208 женщин) [3].

Реальная заработная плата рабочих стремительно падала. С мая 1918 г. по январь 1919 г. зарплата в среднем поднялась на 169 %, а цены на продукты – на 764 % (хлеб на 529 %., молоко на 700 %, картофель на 911 %) [4]. За шесть недель февраля и марта 1919 г. цены на хлеб поднялись на 150 %. В городах было трудно достать хлеб, мясо и другие продукты. Изредка кооперативные организации снабжали своих членов продуктами питания, и то по ограниченной норме. В Верхнеудинске общество потребителей «Экономия» отпускало по заборным книжкам крупчатку, сахар, масло и чай. Однако кооперация не имела ни возможностей, ни средств для того, чтобы ликвидировать тяжелое продовольственное положение в крае. Как трудно жилось в городах, можно судить по описанию положения в г. Кяхте (Троицкосавске). «Город, – сообщалось в корреспонденции, – стал не город... Прежний шумный базар превратился в пустыню. Магазины закрыты, заколочены. А мелкие лавочки стоят без окон и дверей... Съестные припасы достаются с трудом... Велой муки в продаже нет. Выдавали по карточкам с сентября месяца по 8 ф. на человека, да и то не всем». Крестьяне, ввиду обесценения семеновских денег и отсутствия товаров первой необходимости, значительно сократили подвоз сельскохозяйственных продуктов на городские рынки, а если и привозили, то старались обменять их на вещи. Голод и разруха особенно сказались на жизненном уровне рабочих и деревенской бедноты.

Советское правительство знало о злодеяниях японцев, и на места, где еще существовала их власть, направляло запросы. В настоящее время Правительству требуются сведения о материальных убытках, причиненных населению Верхнеудинского уезда японскими войсками. Материал об этом хотя и имеется в бывшей Уездной Земской управе, но последний таковой был передан Американскому представителю полковнику Маро не оставив при делах Управы никаких данных. Вследствие всего Уездное Управление, озабочиваясь собиранием этих материалов предлагает волнарревкому в двухнедельный срок доставить сему правлению сведения:

1. Какое количество уведено или уничтожено японскими войсками лошадей, рогатого и др. скота и на какую сумму.

2. Сколько сожжено или разрушено домов, построек, церквей, амбаров, кузниц и других строений, каких именно: каменных, деревянных, новых, старых и на какую сумму, при чем должен быть указан размер всех этих строений.

3. Сколько уничтожено движимого и недвижимого имущества, сельскохозяйственного инвентаря, хлеба, ценностей, посуды и предметов одеяния и на какую сумму.

4. Сколько разорено крестьянских семейств, убито людей, мужчин, женщин и детей и сколько осталось сирот.

Оценка имущества должна быть произведена по ценам довоенного времени, причем было бы желательно, чтобы все сведения об убытках были подтверждены документальными данными.

Из всех концов Забайкалья на запрашиваемые запросы отвечали телеграммами. При Уездном управлении был собран точный материал обо всех насилиях и понесенных убытках от прохода Японских войск по уезду, но в феврале 1920 г. весь материал был передан Американскому представителю полковнику Мооро, поэтому в настоящее время точных данных дать нельзя, но по приблизительному подсчету выяснилось следующее:

Сожжено домов в селах уезда с имуществом, находящимся в домах 279, амбаров с хлебом и имуществом, находящимся в них 62, церковь с инвентарем одна, кузница с инструментом 6 штук. Погорели все надворные постройки, прилегающие к подожженным домам и амбарам, местами сгорел скот и сельскохозяйственный инвертарь. Забирались лошади, угонялся скот, сжигался в кладях хлеб, зерно умышленно рассыпалось, а кроме всего, что сожжено, забиралось в деревнях все, что хотелось, как то: самовары, посуда, теплая обувь, шубы, дохи, подушки, одеяла, все серебряные и золотые вещи и. т.д. [5].

В поселке Шишкино 13 чел. полуживых было сожжено в кузнице. Сказать о том, что все это стоит, в настоящее время очень трудно, не имея точного списка всего изъятого и величины каждого дома, а точно также и количества зерна в сгоревших амбарах, но по приблизительному подсчету по ценам довоенного времени в округленной цифре каждый дом с мелким инвертарем внутри и надворными постройками стоил звонкой монеты в то время 3500 руб, а 279 домов по 3500 руб. составляет 976500 руб. Амбаров с хлебом и имуществом, находящимся в нем, 62 по 2000 руб. Всего 124000 руб. Церковь со всем имуществом 80000 руб. Кузнецы с инструментом 6 штук по 1500 руб. – 9000 руб. Всего сожженного имущества выразилось в сумме 1189500 руб., а разграбленного, о котором говорилось выше, у тех крестьян, у которых оставлялись не сожжены дома и другие постройки, имущество забрано приблизительно на 1000000 руб., что в общей далеко не точной сумме составляет 2189500 руб. [6].

Главным участником антияпонского движения были партизаны. В ноябре 1919 г. Прибайкальский подпольный комитет партии большевиков принял решение о подготовке вооруженного восстания. Предусматривалось нанесение удара по трем направлениям: на Верхнеудинск, на Петровский Завод и Хилок, на Бичуру и Троицкосавск. Вооруженное восстание в Прибайкалье началось в ночь с 18 на 19 декабря 1919 г. Общее руководство восстанием осуществлял Главный военно-революционный штаб Прибайкалья в составе И. Ковалева, Е. Лебедева, Д. Смолина, С. Широких-Полянского, Федорова.

В результате всенародной борьбы к концу января 1920 г. большая часть Забайкалья была освобождена от интервентов и белогвардейцев. Лишь административный и политический центр Забайкалья – г. Верхнеудинск – продолжал находиться в руках противника. По решению Главного военно-революционного штаба с 25 по 30 января 1920 г. в с. Бичура проходил съезд представителей всего Прибайкалья, который принял резолюцию об установлении здесь советской власти.

В городе было сосредоточено около 12 тыс. иностранных войск, из них японцев было 7-8 тыс., американцев – около 3 тыс., кроме того, через город проходили чехословацкие эшелоны [7] .

После Бичурского съезда в исключительно короткий срок была проведена реорганизация партизанских отрядов. Из отдельных отрядов были созданы полки по типу регулярной Красной армии. В войсках внедрялась воинская дисциплина и чувство ответственности за выполнение возлагаемых на них задач. Теперь интервентам и семеновцам приходилось иметь дело не с отдельными разрозненными отрядами, притом плохо вооруженными, как это было в начале восстания, а с хорошо организованной армией.

Резко улучшилось также положение на отдельных фронтах. 10 января 1920 г. восстание в Усть-Селенгинском районе привело к победе восставших и изгнанию японцев. В конце февраля 1920 г. в Троицкосавске власть перешла в руки Революционного комитета. На Удо-Илькинском фронте партизаны захватили линию железной дороги и заняли станции Заиграево и Ильку, где были взяты большие

продовольственные запасы, предназначенные для отправки семеновским войскам. На Петровско-Заводском фронте партизаны организовали удачное наступление и захватили много оружия и продовольствия.

Таким образом, главным фронтом для партизан становился Верхнеудинский. Поэтому под городом сосредоточились самые боеспособные и хорошо вооруженные части партизан. Перед ними встала задача начать освобождение Верхнеудинска.

Интервенты и семеновцы в это время уже отказались от посылки карательных отрядов в районы восстания, им было не до этого. Железное кольцо партизанских отрядов вокруг города с каждым днем сжималось все сильнее. Захват партизанами станций Заиграево и Ильинки, налет на Петровский завод убедили белых в том, что партизаны легко могут прервать линию железной дороги и тем самым изолировать их от Читы, с которой пока еще имелась связь, при помощи бронепоездов. Они отказались от посылки карательных отрядов еще и потому, что потеряли веру в своих солдат. Случаи перехода семеновских солдат целыми подразделениями и частями на сторону партизан убеждали их в том, что и остальные солдаты могут при удобных моментах перейти на их сторону. Поэтому семеновское командование решило пока отсиживаться. Им важно было сохранить оставшиеся части для обороны Верхнеудинска.

Ночью с 18 на 19 февраля 1920 г. партизаны Северного фронта совершили налет на железнодорожный парк (в 5 км от города), где находился артиллерийский дивизион. Гарнизон, насчитывавший 250 человек, работниками Прибайкальского подпольного комитета большевиков был уже подготовлен к переходу на сторону восставших и выведен последними за линию фронта. Уходя, солдаты захватили все оружие, боеприпасы и много военного имущества. Затем этот гарнизон во главе с поручиком А. Носковым полностью влился в партизанские части. Одновременно участились случаи перебежки семеновских солдат, как в одиночку, так и целыми группами на сторону восставших, что сильно ослабило семеновский гарнизон в городе.

При таких обстоятельствах интервенты вынуждены были пойти на переговоры с руководителями партизан. Они обращаются к командованию партизанских отрядов с просьбой прислать в город своего представителя для мирных переговоров. При встрече с представителями партизан японское командование предложило восстановить отношения между городом и деревней с тем, чтобы деревня по-прежнему доставляла в город продукты и фураж. Представители партизан ответили, что положение в городе изменится только тогда, когда интервенты выведут все свои войска из города и прекратят вмешательство во внутренние дела России. Они заявили также, что город должен быть занят партизанами, и только тогда в городе восстановится нормальная жизнь. На этом закончились предварительные переговоры.

Для продолжения их японское командование просило командование партизан через два дня прислать делегацию в более расширенном составе и с официальными полномочиями. Центральным Исполнительным комитетом Прибайкалья была назначена официальная делегация в следующем составе: 3 представителя от Кударинского исполкома, 2 – от Главного штаба и один – от Иркутского ревкома. Эта делегация вела переговоры с генералом Огато. Командование войсками интервентов вынуждено было согласиться на занятие города партизанами и на освобождение из городской тюрьмы политических заключенных. В заключение они заявили, что для них желательно было бы видеть в Прибайкалье «власть земскую с представителями кооперации и правых социалистических партий» и что «власти большевистской они не допустят» [7].

На это партизанская делегация решительно заявила, что дальнейшее пребывание в городе войск интервентов может привести к нежелательным последствиям, что командование партизан не хочет ненужного пролития крови на нашей территории. Не только партизаны, но и все население края требуют немедленного освобождения города. С запада на помощь партизанам Забайкалья шла победоносная регулярная Красная армия. Представители восставшего народа, вполне уверенные в своих силах, твердо и решительно настаивают на выполнении этих условий.

19 февраля генерал Сахаров во главе большого отряда повел наступление на близлежащие к городу деревни Вахмистрово, Мухино и Бабкино. Партизанские части сумели организовать оборону этих деревень и вынудили противника отступить, отказаться от плана прорыва блокады города. Так, например, когда на деревню Мухино наступала семеновская конница в количестве 350 сабель, одна рота партизан мужественно отражала натиск неприятеля. В этом бою партизаны потеряли только убитыми 14 бойцов, в том числе заместителя командира роты Я.Д. Антонова. Но они не дрогнули и продолжали геройски отстаивать рубеж. Противник вынужден был отступить.

В дальнейшем неоднократные их попытки прорвать оборону и в других местах также кончились неудачей. Это убедило семеновцев и командование интервентов в том, что им не прорвать линию

фронта, занятую партизанами, а главное, что по пятам белых идут регулярные части Красной армии. При создавшейся обстановке им ничего другого не оставалось, как пробивать себе путь на восток, к Чите.

С 21-го на 22-е февраля вышла из города и стала продвигаться по линии железной дороги на восток главная часть семеновцев. Она двигалась под защитой кеменовских бронепоездов. Вторая колонна пошла по старому Читинскому тракту в направлении на Кульское и Унэгэтэй. Третья колонна направилась через хребты в направлении деревень Старая Брянь и Харауз. На всем пути следования (до Петровского Завода и дальше) партизаны преследовали отступающего противника. Поэтому ему приходилось брать каждую деревню и населенный пункт с боем. Партизанские отряды устраивали засады и неожиданные нападения на отдельные части противника. Они не давали ему возможности проникнуть в глубь района. Всякая попытка белых прорвать фронт в сторону от основной колонны встречала решительное сопротивление.

У Петровского Завода партизаны сдерживали напор противника, пытавшегося пробиться на юг, в сторону деревни Харауз. Партизанские части Восточного фронта (командующий – Т.Д. Панов) в течение 8 дней сдерживали напор превосходящих сил противника, пытавшегося через Харауз пробиться на юг и уйти на Территорию Монголии. При этом партизаны проявляли исключительный героизм. Взводу под командой Родзевича было приказано на стыке трех дорог — Харауз, Олонь-Шибирь и Петровский завод – вести наблюдение за противником и о замеченном докладывать в штаб. Взвод в количестве 10 чел. (трое оставались с лошадьми в лесу) попал в окружение. Партизаны, пока были у них патроны, мужественно отражали все атаки противника, на месте боя было уложено убитыми около 50 чел. белых. Белоказаки смогли разбить защищающихся партизан только тогда, когда у них кончились патроны. Притом командир взвода, чтобы не сдаться противнику, последнюю пулю пустил себе в лоб.

К концу февраля 1920 года партизанские части начали стягиваться под г. Верхнеудинск. Главный военно-революционный штаб Прибайкалья переехал в с. Колобки. Партизанские полки – Тарбагатайский, Гашейский, Прибайкальский и другие, недавно сформированные из отдельных партизанских отрядов, расположились под городом в селах Саянтуй, Мухино, Поселье, Сотниково. Забайкальская группа Восточно-Сибирской армии подошла из Кудары и заняла станции Селенга и Татаурово. 29 февраля 1920 г. командующий Забайкальской группой войск сделал категорическое заявление интервентам о занятии города восставшими, и если при этом будет оказано сопротивление, то оно будет подавлено.

Командование интервентов вынуждено было послать своего представителя для продолжения переговоров, однако оно заявило, что не допустит боя внутри города. Интервентам от имени восставшего народа было сказано еще более решительно, что сегодня же ночью части красных переходят в наступление с целью немедленного освобождения города от семеновцев, которые творят бесчинства над мирным населением и вывозят ценности. Только после этого интервенты попросили командование партизан не занимать город до 4-х часов дня 1-го марта, ибо к этому времени он будет очищен от семеновцев.

По плану главного командования Забайкальской группы войск и партизан общее наступление должно было начаться в 4 часа дня 1 марта 1920 г. Сигналом для перехода в наступление должен был быть пушечный выстрел со стороны Забайкальской группы войск при подходе к ст. Дивизионной. Но в назначенное время наступление не состоялось, так как группа войск Калашникова не успела подойти к Дивизионной и потому наступление в этот день было отменено. Общее наступление было перенесено с 1 на 2 марта. Ровно в 4 часа утра 2 марта 1920 г. был дан сигнал к наступлению.

По всему фронту от ст. Дивизионной до Никольского поселка, с северо-запада, запада, юга и юго-запада, началась ружейная и пулеметная стрельба. Партизаны без больших боев заняли железнодорожный парк. Противник бежал в Заудинскую станицу; здесь были сосредоточены белые войсковые части: полк им. атамана Семёнова, особая бригада, отдельный отряд Россиянова и местный батальон, при большом числе пулеметов и двух орудиях. Противник оказывал отчаянное сопротивление. Наступающим приходилось брать каждую улицу, переулок и дом. Только после продолжительного боя противник был выбит из Зауды и семеновцы в беспорядке бросились в город. «На плечах» семеновцев партизанские части ворвались в город.

В городе, в районах городской бани и тюрьмы, также происходили упорные бои. К 10 часам утра Верхеудинск был уже полностью очищен от семеновцев и японцев. Более 400 чел. было взято в плен. Если бы не вмешательство войск интервентов, семеновцы в городе были бы уничтожены. Они же, нарушив условия «нейтралитета», преграждали партизанам путь, открывая пулеметный и ружейный огонь. Под прикрытием их огня к ним бежали семеновцы, спешно погружались в поезда и эвакуировались на восток.

Переговоры между представителями правительства ДВР и японского командования для решения вопроса о перемирии начались 24 мая 1920 г. на ст. Гонгота. Делегацию ДВР возглавлял член правительства ДВР Ф.Н. Петров, японскую – полковник Куросава. Сразу обнаружилась разница в подходах к перемирию. Делегация ДВР настаивала на заключении перемирия сразу на всех фронтах Дальнего Востока, а японские представители имели полномочия на перемирие только на Читинском направлении. Ввиду того, что японское командование отказалось расширить полномочия своей делегации, переговоры в Гонготе зашли в тупик и несколько дней спустя были прерваны.

Теряя поддержку японцев и стремясь упрочить свое положение, белые в июне вновь предприняли наступление против партизан. Вначале белым удалось потеснить партизан, но вскоре они сами были вынуждены начать отход. К концу июня партизанские части вернули все утраченные позиции. Это было последнее наступление белых в Забайкалье. Дальнейшее нахождение японских частей в районе Читы грозило им полным окружением и, возможно, уничтожением. В этих условиях японское командование воздержалось от возобновления переговоров с правительством ДВР в Гонготе, но начало переговоры о прекращении военных действий с командованием партизан Восточно-Забайкальского фронта. Итогом этих переговоров стало подписание 27 июня на разъезде Алеур соглашения о прекращении военных действий и установлении нейтральной зоны между передовыми линиями партизанских частей и японских войск шириной от 10 до 30 верст. При этом японцы гарантировали выполнение соглашения и белыми войсками.

Наконец, 3 июля японское правительство опубликовало декларацию о своем решении вывести войска с территории Забайкалья. 10 июля возобновились и переговоры в Гонготе. На этот раз японскую делегацию возглавлял генерал Такаянаги. Результатом переговоров стало подписание 17 июля соглашения о прекращении военных действий в районе Читы и установлении нейтральной зоны (эти условия распространялись и на белые войска). Помимо этого был подписан протокол по политическим вопросам, в котором указывалось, что, по мнению обеих сторон «лучшим способом для установления мира и порядка на Дальнем Востоке является образование буферного государства с единым правительством без вмешательства в дела этого государства вооруженной силы со стороны других государств». Японское командование обязалось не препятствовать созыву конференции делегатов всех областных правительств региона.

В конце июля началась эвакуация японских войск. Атаман Семенов, сознававший, что без помощи японских штыков ему не продержаться, пытался приостановить эвакуацию, обращаясь к японскому командованию, правительству и императору. На очередную телеграмму Семенова пришел ответ: «Японское Императорское правительство не считает вас достаточно сильным для того, чтобы вы великую цель <...> провести могли. Ваше влияние на русский народ с каждым днем слабеет, и ненависть, которая народом против вас чувствуется, нашу политику не поддерживает» [8].

Решение об эвакуации японских войск было вызвано многими причинами, среди которых главными были укрепление позиций Советской России и успехи партизанского движения. Сами японцы видели, что авторитет Семёнова стремительно падает и на него нельзя делать ставку. Сказывались и противоречия между недавними союзниками. Прекращения интервенции требовали американцы, которые не желали усиления позиций Японии в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Ситуация в самой Японии также была тревожной. По стране прокатились так называемые «рисовые бунты», росло недовольство населения. В экспедиционных войсках активизировалась антивоенная пропаганда японских социалистов и коммунистов. В результате в рядах экспедиционного корпуса участились случаи неповиновения солдат офицерам, происходили солдатские бунты.

В августе 1920 г. японское правительство направило в штаб экспедиционного корпуса в Сибири приказ, в котором говорилось: «Общее положение в Европе, победы советских армий на польском фронте, возрастающая опасность со стороны советского правительства, ощущаемая антипатия со стороны Соединенных Штатов и Китая <...> вынуждают нас отказаться на некоторое время от оккупационных планов в Сибири...» [8]. В октябре 1920 г. японский экспедиционный корпус покинул Забайкалье.

Главными участниками антияпонского движения были местные жители, т.е. партизаны. Они видели все зверства и беззаконие, которое причиняли интервенты. Они брались за оружие. Советская власть на местах еще была слаба, и регулярная армия находилась еще далеко от мест событий. Но упорная борьба партизан, все ближе и ближе приближала тот момент, когда две эти силы, общими усилиями смогли изгнать интервентов прочь из Сибири и Забайкалья.

Библиография

1. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. – Томск, 2007. – 88 с.
2. ГАРБ, ф. 325. д. 252, л. 15-17.
3. ГАРБ, Ф. 335, д. 191, л. 110.
4. Газ. Прибайкальская жизнь. – 1919 г., 31 янв. – № 125.
5. ГАРБ. Ф 449, оп. 1, д. 59, л. 12.
6. ГАРБ. Ф. 449, оп 1, д. 59, л. 9.
7. Кузнецов (Воронов) И.А. За Советы против белых и интервентов // Записки НИИК. – 1940. – Вып. 2. – 9 с.
8. Имаи Сэйдзиро. Рококука кумэйдзи цудзе. (Истинное положение революции в России). –Токио, 1918. – С. 82-83.

Bibliography

1. Handorin V. G. Admiral Kolchak: Truth and Myths / V. G. Handorin. Tomsk, 2007.-288 p.
2. State Archive of Buryatia Republic (SABR), Col. 325. F 252, L. 15-17.
3. SABR, Col.335, F 191, L. 110.
4. Prebaikal life, January 31, 1919, No. 125.
5. SABR. Col 449. Inv. 1. F. 59. L. 12.
6. SABR. Col. 449. Inv. 1. F. 59. L. 9.
7. Smiths (Ravens) of I.A. For the Soviets, against Whites and Interventionists/A.I. Kuznetsov, - Notes of NIIK, the issue 2, 1940, 9 p.
8. Seydziro's Ima. Rokokuka of a kumeydza to a tsudza True Position of the Revolution in Russia / Seydziro Imai. Tokyo, 1918. P. 82-83.

Э.В. Батунаев, канд. ист. наук, науч. сотрудник, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

УДК 947 (571.5Ц)

Г.М. СЕМЁНОВ В РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В статье рассматривается деятельность одного из лидеров белого движения в Забайкалье атамана Г.М. Семёнова, сформировавшего национальные воинские формирования и возглавившего борьбу с большевиками в период революции и Гражданской войны, а также его геополитических амбиций по созданию панмонгольского государства.

Ключевые слова: *Гражданская война, революция, атаман Г.М. Семёнов, национальные воинские формирования, Забайкалье.*

E.V. Batunaev, Cand. Sc. History

The article deals with the activity of the ataman G.M. Semenov who was one of the leaders of the White movement in the Zabaikalie, he formed national military formations and headed the struggle against the bolsheviks during the revolution and the Civil War. His geopolitical ambitions to create a Pan-Mongolian state are also researched.

Key words: *Civil war, revolution, Ataman G.M. Semyonov, national military formations, Zabaikalie.*

G.M. SEMENOV IN THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR IN ZABAIKALIE

Особое внимание в истории Гражданской войны заслуживает деятельность Главнокомандующего Вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа, походного атамана Дальневосточных казачьих войск и войскового атамана Забайкальского казачьего войска генерал-лейтенанта Г.М. Семёнова. Судьба Г.М. Семёнова, как и многих участников белого движения, всегда вызывала и вызывает несомненный интерес среди широкого круга людей. В настоящее время историки по-разному оценивают деятельность Г.М. Семёнова. Одни считают его предателем, сотрудничавшим с Японией, другие, человеком, верой и правдой служившим родине. Г.М. Семёнов оказался в самой гуще революционных событий, став лидером белого движения и возглавив борьбу с большевиками в

Забайкалье и на Дальнем Востоке. Он сделал головокружительную военную карьеру за два с половиной года, пройдя путь от есаула до генерал-лейтенанта. Судьба его складывалась, как и у многих людей казачьего сословия, сначала учеба в военном училище, потом служба Отечеству.

После окончания военного училища Г.М. Семёнов проходил службу в военно-топографической команде во Внешней Монголии, где производил маршрутные съемки. Во время службы близко познакомился с Богдо-гэгэном и наиболее видными представителями монгольского общества. В Урге Г.М. Семёнов принял определенное участие в подготовке и осуществлении государственного переворота, в результате которого в 1911 г. была провозглашена независимость Внешней Монголии от империи Цин. Позже он был отозван из Внешней Монголии по настоянию министерства иностранных дел по причине нарушения нейтралитета со стороны России. Участвовал в Первой мировой войне в составе 1-го Нерчинского полка, где проявлял чудеса храбрости. В первые же месяцы войны был награжден сначала орденом Святого Георгия Победоносца IV степени за спасение полкового знамени, захваченного немцами, а затем наградным Георгиевским оружием за то, что во главе казачьего разъезда первым ворвался в занятый немцами город Млава. Орден Святого Георгия был самой желанной наградой для всех офицеров русской армии. Обладание высшей наградой империи давало кавалерам ордена безусловный авторитет и уважение как в офицерской среде, так и среди солдат [2, с. 208]. Барон П.Н. Врангель, в то время командир Нерчинского казачьего полка, в своих воспоминаниях дал Г.М. Семёнову следующую характеристику: «Семёнов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет, ко времени принятия мною полка состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни. Бойкий, толковый, с характерной казацкой смёткой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семёнову не хватало ни образования (он кончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора, и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план гражданской войны» [1, с. 8].

Наверное, по-иному сложилась бы судьба Г.М. Семёнова, если бы не произошли революционные события 1917 г. и Гражданская война в России, кардинально перевернувшая его судьбу. Он со всей своей энергией, присущей широкой казацкой душе, окунулся в революционные события. Революцию воспринял крайне отрицательно, считая большевиков виновниками того хаоса, в который была ввергнута некогда великая страна. В своих воспоминаниях он пишет: «Видя полный развал, охвативший армию, я вместе с бароном Р.Ф. Унгерн-Штернбергом решил испробовать добровольческие формирования из инородцев с тем, чтобы попытаться оказать давление на русских солдат если не моральным примером несения службы в боевой линии, то действуя на психику наличием боеспособных, не поддавшихся разложению частей, которые всегда могли быть употреблены как мера воздействия на части, отказывающиеся нести боевую службу в окопах [4, с. 22].

Барон Р.Ф. Унгерн был фронтовым другом и сподвижником Г.М. Семенова. Интересную характеристику Р.Ф. Унгерну в своих воспоминаниях дает П.Н. Врангель: «Среднего роста, блондин, с длинными опущенными по углам рта рыжеватыми усами, худой изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной. Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только совершенно не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины и против воинского воспитания. Это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романа Майна-Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатака, производит впечатление, совершенно от них отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешне офицерский облик» [1. с. 10]. Следует отметить, что он, осенью 1920 г. преследуемый частями Красной армии, был вынужден уйти в Монголию, где сыграл решающую роль в восстановлении теократической монархии Богдо-гэгэна. Некоторые историки считают причиной ухода Р.Ф. Унгерна в Монголию возникшие разногласия с Г.М. Семёновым. Сам же Г.М. Семёнов объясняет уход барона Р.Ф. Унгерна в Монголию как часть выработанного плана по организации совместного похода против большевиков. С целью формирования отряда он отправляется в Петроград, где получает разрешение Временного правительства на создание добровольческих формирований на территории Забайкалья. Тем не менее именно они стали руководителями белого движения и оставили свой след в истории Гражданской войны.

Став лидером белого движения, Г.М. Семёнов беспощадно борется с большевиками. Он разворачивает широкую агитацию среди населения, чтобы привлечь как можно больше людей в свой отряд. Условием принятия в полк был отказ от революционных завоеваний: комитетов, отмены дисциплины

и чинопочитания. Создание Особого Маньчжурского отряда стало главным итогом деятельности Г.М. Семёнова в Забайкалье в период с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. Большое значение для вооруженной борьбы имела база отряда на ст. Маньчжурия, позволившая аккумулировать людские и материальные средства активных антибольшевистских сил региона. Наличие организованного белогвардейского центра на русско-китайской границе, в полосе отчуждения КВЖД, явилось основной особенностью Забайкалья в канун Гражданской войны. Становлению Семенова во главе белых в Забайкалье способствовали его незаурядные организаторские способности, волевые качества и харизматичность боевого казачьего офицера. Бескомпромиссная позиция Семенова по отношению к большевизму и фанатичность его идеи вооруженной борьбы притягивала к нему не только молодежь из кадетов, но и старых опытных офицеров [3, с. 68].

К маю 1918 г. на Даурский (или Семеновский) фронт против ОМО было стянуто около 13 тыс. штыков и сабель со всей Сибири и Дальнего Востока [5, с. 16]. Сдерживание в Забайкалье такой большой массы большевистских войск в значительной степени способствовало успешному наступлению с запада восставших чехословаков и частей Средне-Сибирского корпуса и падению советской власти на первом этапе Гражданской войны.

В то же время одной из геополитических целей Г.М. Семенова стало создание панмонгольского государства. В связи с этим в 1919 г. в г. Чите состоялся объединенный съезд из представителей Внутренней Монголии, Барги, Бурятии. Следует отметить, что Япония в то время проявляла особый интерес к идее создания так называемой «Великой Монголии». Она стремилась организовать крупный антисоветский плацдарм в виде буферного союзного государства, располагавшегося на территории Монголии и Забайкалья. Таким образом, вся армия нового государства должна была комплектоваться в соответствии с количеством всего населения каждой части страны. Атаман Г.М. Семенов обещал снабдить армию Временного правительства необходимым вооружением и построить казармы на 20 000 чел. на границах Внешней и Внутренней Монголии и Барги. В то же время съезд провозгласил создание Великого Монгольского государства со столицей в г. Хайларе (Внутренняя Монголия). Г.М. Семёнов выдал также из японских кредитов на нужды правительства 1 млн руб., оружие и другую материальную помощь. Было решено отправить делегацию во главе с Ц. Жамцарано на проходившую в это время Парижскую мирную конференцию и обратиться к американскому президенту В. Вильсону с просьбой о поддержке. С другой стороны, помощь со стороны Г.М. Семёнова новому монгольскому государству не была безвозмездной, он добивался получение выгодных концессий на добычу природных ресурсов во Внешней Монголии.

Но все же план создания «Великой Монголии» без участия Внешней Монголии стал бессмысленным. Подрывало движение также то, что внутри самих участников панмонгольского движения и среди членов Временного правительства не было единства. Отношения Г.М. Семенова и руководителя белого движения и Верховного правителя в России А.В. Колчака не отличались особой близостью. Основной причиной тому, были серьезные разногласия относительно позиции, занимаемой им по отношению к Японии. А.В. Колчак считал, что Япония преследует свои геополитические цели, используя Г.М. Семенова в качестве временного союзника. В дальнейшем А.В. Колчак оказался прав, судя из дальнейших агрессивных действий Японии и созданию марионеточного государства Маньчжоу-Го.

Одной из главных причин поражения атамана Г.М. Семёнова, как и всех представителей белого движения, стало отсутствие единства в действиях, а также четких планов дальнейшего развития России. Деятели Белого движения не могли предложить какую-либо реальную альтернативу развития страны, кроме как идеи «единой и неделимой России». Тогда как большевики использовали достаточно понятные для народа лозунги, «землю крестьянам, фабрики заводам», которые в конечном итоге сыграли решающую роль в их победе. Главное, что люди устали от той бессмысленной и братоубийственной Гражданской войны, унесшей жизни сотни тысяч людей. Гражданская война стала одной из трагических и страшных страниц в истории России, которая в будущем для всех нас станет несомненно большим уроком.

В августе 1945 г., после разгрома советскими войсками Японии, Семёнов был арестован в Маньчжурии. Г.М. Семенову и другим семерым его сподвижникам было предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде, шпионаже против СССР, диверсиях, терроризме. Все подсудимые признали свою вину. Военная коллегия признала подсудимых виновными: по приговору атаман Г.М. Семёнов на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. был приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества как «враг советского народа и активный пособник японских агрессоров». В апреле 1994 г. в отношении Г.М. Семёнова, Военная коллегия Верховного Суда России пересматривала уголовное дело. По статье 58-10 ч. 2 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР дело в отношении всех подсудимых было прекращено за отсутствием состава

преступления, в остальной части приговор оставлен в силе, а подсудимые признаны не подлежащими реабилитации.

Библиография

1. Врангель П. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 1: Воспоминания. Мемуары. – Минск.: Харвест, 2003. – 480 с.
2. Романов А.М. Георгиевские награды сотника Г.М. Семёнова // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4.– С. 207-211.
3. Романов А.М. Особый маньчжурский отряд атамана Семёнова. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 308 с.
4. Семёнов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904-1921. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 304 с.
5. Шерешевский Б.М. Разгром семеновщины. – Новосибирск, 1966.

Bibliography

1. Vrangel' P. Notes. November 1916. – November 1920. V. 1: Reminiscence. Memories. Mn.: Harvest, 2003. – 480 p.
2. Romanov A.M. St. George's Awards of the Centurion G.M. Semenov // Altai State University News. - №4. – 2010. – P. 207-211.
3. Romanov A.M. The Special Ataman Semyonov's Manchu detachment. – Irkutsk: Ottisk, 2013. - 308 p.
4. Semenov G.M. About Me. Memories, thoughts and conclusions. 1904-1921. – M.: ZAO Centrpoligraf, 2007. – 304 p.
5. Shereshevskij B.M. Semenov's Movement Defeat. – Novosibirsk, 1966.

С.М. Соколов, канд. филос. наук, доц., e-mail: kapkataphaev@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94:325.25(470+571)"1920/1939"

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

В статье рассматриваются основные положения общественно-политической мысли разных направлений русской эмиграции первой волны, связанные с будущим переустройством России. Обращается внимание на отношение к Октябрьской революции, советской власти, марксизму-ленинизму крупных представителей русского зарубежья.

Ключевые слова: *русское зарубежье, эмиграция, евразийство, Октябрьская революция, марксизм.*

S.M. Sokolov, Cand. Sc. Philosophy, Assoc. Prof.

SOCIAL AND POLITICAL THOUGHTS OF THE WHITE ÉMIGRÉ

The article examines the main subjects of social and political thoughts of different directions of first wave Russian emigration associated with the future reorganization of Russia. Attention is drawn to the attitude of the major representatives of the Russian èmigrè toward the October Revolution, the Soviet government, Marxism-Leninism.

Key words*: Russian diaspora, emigration, Eurasianism, October Revolution, Marxism.*

Эмиграция первой волны, не видевшая своего места в Советской России и покинувшая ее или высланная из нее, осевшая преимущественно в европейских странах, представляла собой особый феномен «зарубежного общества», существовала вне Родины как самостоятельная этнически-политическая общность, сохранившая язык, культуру, обычаи. По общему мнению исследователей, основной водораздел между различными движениями эмиграции первой волны пролегал по вопросу будущего социально-политического устройства России. Один из известных эмигрантов, крупный представитель исторической науки, имя которого в наше время долгое время замалчивалось, И.Л. Солоневич, давая характеристику основным группам эмиграции первой волны, писал: «Первые хотят реванша. Вырвать потерянную в Октябре власть. Образовать по западным образцам парламент, даже выбрать президента. Вторые думали не о власти, они думали о России, хотя и для них борьба с большевизмом оставалась задачей номер один… Политические партии эмиграции делятся, собственно говоря, на две группы: социалисты и монархисты» [1].

Реакционный лагерь монархистов идеализировал Романовых, считал, что большевизм – это западное явление, результат масонского заговора европейских держав с евреями в самой России. Монархическое направление было представлено теми, кто считал необходимым уже в эмиграции провозглашение будущей России монархическим государством, и теми, кто считал невозможным восстановление разрушенного двумя революциями «статус-кво». Обосновывалась идея особой «русской конституции», формально не ограничивающая власти монарха законами, вместе с тем дающая возможности для народа участвовать в выработке решений, принимаемых самодержавной властью. По убеждению Солоневича, «народно-монархическое движение есть единственное в эмиграции политическое движение, которое базируется на исключительно русской почве, не имеет никаких мировых претензий и отрицает всякие мировые рецепты» [2].

Сторонники этого движения считали, что во всех бедах России виноваты представители старых правящих классов и либеральной интеллигенции, которые с середины XIX в. начали расшатывать государственный слой, нравственно разлагать народ. Так, Солоневич писал: «Русская общественная мысль шатается из стороны в сторону так, как не шатается никакая иная общественная мысль в мире: от утопических идей второго крепостного права до столь же утопических пережитков первого. Коммунистическая революция в России является логическим результатом оторванности интеллигенции от народа, неумения интеллигенции найти с ним общий язык и общие интересы, нежелание интеллигенции рассматривать самое себя, как слой, подчиненный основным линиям развития русской истории, а не как кооператив изобретателей, наперебой предлагающих русскому народу украденные у нерусской философии патенты полного переустройства и перевоспитания тысячелетней государственности» [3].

Популярным общественно-политическом течением, возникшем с введением в советской России НЭП, стало сменовеховство. Его идеологи (Н.В. Устрялов и др.) надеялись на перерождение советской власти, возврат к капитализму. В журнале «Смена вех» (Париж, 1921-1922) они призывали интеллигенцию к объединению с новой буржуазией и сотрудничеству с новой властью, считали, что целостность России превыше идеологий и партий, и поскольку большевики охраняют эту целостность, то им приходится с ними сотрудничать. В исследованиях последнего времени подчеркивается, что «сменовеховцы» первыми среди интеллигенции вообще, и эмиграции, в частности, приняли и осмыслили исторический выбор народа. Главная заслуга лидеров и сторонников «сменовеховства» заключается в том, что «они искренне стремились «преодолеть разрыв, и, прежде всего культурный, который образовался между Русским Зарубежьем и Советской Россией, соединить воедино те «две России», которые в силу исторических условий оказались, разделены революцией» [4].

Влиятельным деятелем эмиграции был лидер кадетской партии П.Н. Милюков, примкнувший в 1918 г. к белому движению, поддержавший немцев, оккупировавших Украину, в надежде убедить их занять Москву и Петербург и помочь образованию «всероссийской национальной власти». В эмиграции Милюков, учитывая опыт борьбы политических партий дореволюционной России и анализируя причины Октябрьской революции, поражения Белого движения, обращал внимание на то, что партии не учитывали интересы крестьянства, составлявшего большинство и ориентировавшегося на традиционные, общинные ценности. Это, по оценке Милюкова, создавало благоприятную почву для восприятия им не либеральных, а социалистических идей.

По мнению одного из исследователей русского зарубежья Г.К. Малыхина, основное различие между теоретическими подходами отдельных течений русского либерализма к разработке моделей будущего России заключалось в разном понимании роли и функций государства в постбольшевистской России [5]. Милюков будущее либеральной демократии связывал с ее социальной ориентированностью, необходимостью вмешательства государства в решение экономических задач. Он стал одним из лидеров сформированного в 1924 г. Республиканско-демократического объединения (РДО) партий левых кадетов с правоэсеровской организацией «Крестьянская Россия» и ряда общественных организаций. Представители РДО были уверены, что объективное развитие нэповских процессов приведет к народному выступлению и гибели большевистской диктатуры.

В социально-экономической области РДО предполагал восстановление свободы экономической деятельности, признание свободы хозяйственной инициативы и частной собственности (индивидуальной и коллективной). Милюков считал, что задача РДО – разработка «платформы очередных действий, которые должны лечь в основу деятельности тех, кто займет место Сталина» [6]. Называя сталинский режим тоталитарным, он отмечал, что как всякая личная диктатура режим «не допускает демократических методов», «исключает понятие народного суверенитета, равно как и существование какой-либо другой политической партии, кроме правящей, свободные выборы и независимое национальное представительство», «отрицает личную свободу и свободу мысли, независимую прессу, свободу собраний и пр.» [7].

Оценивая положения принятой в 1936 г. Конституции СССР, призванных иллюстрировать факты построения социализма, Милюков указывал на их противоречия с действительностью, на рост социальных антагонизмов, дифференциацию населения, на «привилегированное меньшинство, могущее жить в комфорте, и погруженное в нищенство большинство», и в особенности на то, что «возникает (возник) уже новый привилегированный класс, не говоря уже о системе полицейской опеки!». Он выражал надежду на то, что лучшие из поколения советских людей «в глубине своих сердец могут растить семена свободы или, по меньшей мере, моральной независимости – и когда-нибудь эти семена дадут плоды» [8]. При этом он предвидел, что в будущем Россию могут ждать экономические реформы и глубокие политические преобразования.

В начале двадцатых годов произошло событие, отразившееся на духовной культуре России – высылка в пожизненную эмиграцию около 220 крупных представителей творческой и научной интеллигенции, среди которых основную часть составляли философы. Социальная философия с иным мировоззрением, ставшая в России в начале XX в. заметной политической силой, воспринималась Советской властью реальным оппонентом. В известной статье «О значении воинствующего материализма» (март 1922 г.) Ленин писал, что «из крутой ломки, которую переживает естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица», представителей которых нужно выслать «в страны буржуазной «демократии» [9].

Недовольство у власти вызывали буржуазные журналы «Экономист» и комитет «Помгол». Так, Лениным была раскритикована статья П. Сорокина «О влиянии войны» в этом журнале (№ 1, 1922 г.), в которой были опубликованы результаты социологических исследований Сорокина. По оценке Ленина, «автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии» [10]. О журнале «Экономист» Ленин писал: «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все – законнейшие кандидаты на высылку за границу. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» [11].

Как отмечают исследователи, еще одним поводом для высылки философов стал сборник четырех авторов (Н. Бердяев, Я. Букшпан, Ф. Степун, С. Франк) «Освальд Шпенглер и Закат Европы», вышедший в Москве в начале 1922 г. Ленин не мог согласиться с концепцией немецкого философа о наступающем упадке европейской цивилизации, так как октябрьский переворот должен был стать началом европеизации России, а для стран Европы в ближайшем будущем – их советизацией. Если наступит «закат Европы», то какой смысл в революции, в модернизации и советизации? Разделявших взгляды Шпенглера и пропагандирующих их, нужно объявить врагами народа.

В марте 1922 г. в записке управляющему делами Совнаркома Н. Горбунову Ленин называет сборник «литературным прикрытием белогвардейской организации» и предлагает передать эту книгу для оценки заместителю Дзержинского И. Уншлихту. В мае 1922 г. в Уголовный кодекс вносится положение о «высылке за границу». В июне 1922 г. В.И. Ленин в письме ЦК ВКП(б) пишет: «Очистим Россию надолго. Вон из России. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов выслать их». 28 сентября 1922 г. был отправлен, первый знаменитый «Философский пароход», 15 ноября 1922 г. – второй пароход. Пассажирами «Философского парохода» стали Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Зеньковский, И. Ильин, Л. Карсавин, Н. Лосский, Н. Рерих, П. Сорокин, С. Франк и др.

По словам В.В. Зеньковского, творчество высланных Советской властью мыслителей, затихшее было в России, расцвело в эмиграции. Их труды переводились на основные европейские языки, публиковались в Париже, Берлине, Софии, Белграде, Нью-Йорке и в других городах. Часть этого наследия, в частности работы Бердяева, Булгакова, Федотова стали доступны российскому читателю лишь с 1980-х гг. В них был поставлен ряд философско-исторических, социально-политических, культурологических и других проблем, прежде всего связанных с прошлым, настоящим и будущем России. Приобрели широкую известность не только в эмигрантских кругах, но и получили признание у европейских философов, переведенные на европейские языки работы, обосновавшегося в Париже Бердяева. В 1947 г. Кембриджский университет присвоил ему звание доктора Honoris causa. Это было очень высокой оценкой: из русских докторами Honoris causa были И.С. Тургенев и П.И. Чайковский.

Бердяев воспринял Октябрьскую революцию как национальную трагедию, подверг критике политические силы, приведшие к революции: либералов, демократов, социалистов. В книге «Истоки и смысл русского коммунизма», переведенной на английский язык, он дает свое объяснение западному читателю сути произошедшего в России и пишет: «Русский коммунизм, если взглянуть на него глубже

в свете русской исторической судьбы, есть деформация русской идеи, русского универсализма и мессианизма русского искания царства правды, русской идеи» [12]. Коммунисты, по его словам, вместо славянофильской идеи о мессианстве приняли тезис об особой роли избранного класса – пролетариата, вместо идеи «Москва – третий Рим» – Третий интернационал, вместо религиозного универсализма – единственно верное марксистское учение.

В анализе идеологии «русского коммунизма» Бердяев уделял особое внимание его вождю. По его словам, у Ленина черты интеллигента-раскольника и сектанта парадоксальным образом уживались с чертами князей и царей, собиравших и строивших русское государство. Ленин как бы соединил в себе две политические традиции, находившиеся в XIX в. в непримиримой борьбе. Благодаря этому он, утверждает Бердяев, смог стать не только вождем революции, но и создателем нового советского государства. Для юного Ленина стало большим разочарованием в людях то, что после казни его брата окружающее общество отвернулось от семьи Ульяновых, поэтому у него выработалось цинически-равнодушное отношение к людям. Критически относясь к Ленину, Бердяев вместе с тем отмечает, что вождь революции хотел так организовать жизнь, чтобы не было угнетения человека человеком. Бердяев, признавая роль Ленина в деле спасения России от хаоса и анархии, грозивших ей полным распадом, не раз сравнивал его с Петром Великим [13].

Выступая как критик марксизма, Бердяев не отрицал его научной ценности. Как социологическая теория, считал Бердяев, марксизм помогает понять общественные отношения, объяснить социально-экономические процессы, но он не в состоянии дать человечеству действительный идеал исторического развития и обосновать его. Бердяев отмечал, что если действительно экономика детерминирует весь социальный процесс, то в экономически отсталой России нужно еще ждать развития капиталистической индустрии и можно рассчитывать, лишь на буржуазную, а не пролетарскую революцию. Но русская революция пошла путем, показывающим, что не все детерминировано экономикой. В результате появилась философия марксизма-ленинизма [14].

Интересная характеристика марксизма через оценку личности самого основоположника этого учения принадлежит Булгакову. Он обращает внимание на тот факт, что, будучи этническим евреем, Маркс с цинизмом отнесся к собственной нации, определив родовую сущность еврейского народа через барышничество, мелкое торгашество и ростовщичество: «Еврейский вопрос для Маркса, – писал Булгаков, – есть вопрос о процентщике-жиде, разрешающийся сам собой с упразднением процента» [15]. Он указывает, что Маркс, несмотря на свой явный атеизм, создал теорию, равную по значению религиозному учению. Содержание этой теории и в особенности то воздействие, которое она имела на общественное сознание, ставят Маркса в один ряд с великими проповедниками. Избранный народ, носитель мессианской идеи… заменяется «пролетариатом», с его особой пролетарской душой и особой революционной миссией [16].

Яркой личностью в русском зарубежье был Г.П. Федотов, религиозный философ, историк-публицист. Для Федотова-историка завершение русской революции Сталиным есть проявление общей закономерности всякой «великой» революции, а «эволюция революции» в сторону политической демократии «была бы настоящим чудом». После Ленина «большевиков уже нет» указывал он, не «они» правят Россией, а он». Уже не «коммунисты», а какие-то новые люди, возглавляемые «им», пришли к власти. Для Федотова «сталинократия» – это контрреволюция, ликвидация коммунизма [17]. Федотов принадлежал к той части эмиграции, которая предвидела, что после Сталина в Советской России возможна новая диктатура.

Он писал: «Благо России – как мы его понимаем – в том, чтобы грядущая диктатура имела демократическое содержание… поставила бы своей целью привести народ к демократии». Созвучны нашему времени его предостережения: «лучше не устраивать выборов, чем подтасовывать их, лучше не иметь парламента, чем иметь подкупленный парламент. Демократический характер диктатуры в том, что ее цель (как римской легальной диктатуры) – сделать себя ненужной… передать власть народу… если не найдется рук, способных ее принять... власть достанется новому диктатору, жадному до нее… который не отдаст ее никому добровольно, тогда изживание диктатуры потребует новой революции» [18]. Оценивая деятельность эмиграции, Федотов выделяет религиозную философию и евразийство. Но, если религиозная философия, по его словам, – «прямое продолжение дореволюционной традиции», то евразийство – «явление действительно новое... нужно признать значительность новых проблем, поставленных им» [19].

К евразийству относилась группа ярких мыслителей первой волны эмиграции, причем в основном это были молодые люди. Лидерами движения были географ, экономист и геополитик П.Н. Савиц-

кий, философ Л.П. Карсавин, философ, филолог и культуролог Н.С. Трубецкой, историк Г.В. Вернадский (сын знаменитого ученого В.И. Вернадского), правовед Н.Н. Алексеев, музыковед и искусствовед П.П. Сувчинский. Заметную роль в евразийстве играли религиозные философы Г.В. Флоровский, В.Н. Ильин, критики и литературоведы А.В. Кожевников (Кожев), Д.П. Святополк-Мирской, востоковед В.П. Никитин, писатель В.Н. Иванов, экономист Я.Д. Садовский. Возникли центры распространения евразийства, первоначально в Софии, Париже, Праге, а затем и в других городах Европы. В Берлине, Белграде, Брюсселе работали издательства евразийской литературы, печатались периодические издания: «Евразийский сборник», «Евразийская хроника», «Евразийские тетради», «Евразийский временник», газета «Евразия». Действовали кружки, периодические семинары: в Праге (1925 г), в Париже (1925 г., 1926 г.). В 1926 г. в Брюсселе и Софии существовал евразийский курс для русских студентов.

Уже на первый сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921) откликнулись авторитетные представители русского зарубежья (Струве, Бердяев, Милюков, Гиппиус и др.). Символическое название «Исход к Востоку» имело не только традиционный для христианской культуры смысл, но и означало не отрываться от восточных корней российской истории и культуры. Н.С. Трубецкой в работе «Мы и другие» писал: «Евразийцам предъявляют вопросы: кто вы – правые, левые или средние? Монархисты или республиканцы? демократы или аристократы? социалисты или сторонники буржуазного строя?» Говоря о том, что евразийцы не относят себя к этим направлениям, Трубецкой разъяснял: «Евразийство отвергает не то или иное политическое убеждение старых направленцев, а тот культурно-исторический контекст, с которым это убеждение сопряжено», контекст европейской культуры или европеизированной послепетровской России [20].

Одной из главных задач евразийцев стала, по их указанию, задача вытеснения чужеродной идеологии коммунизма и духовного преодоления революции, разработка идеологии вне традиционного европоцентризма, вне схемы «правый-левый». Признавая революцию как свершившийся факт, они считали губительной политику Советской власти, сходной с политикой Петровских времен: массовое «коммунистическое воспитание» народа, насаждение атеизма, преобладание в армии и на флоте латышей. Политика должна быть направлена на создание тесной связи частного быта с государственностью и религией (традиционными евразийскими конфессиями), воспитание «общеевразийского национализма» (патриотизма). Россию евразийцы рассматривали как особую евразийскую цивилизацию со своей самобытной культурой, с особым местом в мировой истории и особыми путями развития.

В целом, несмотря на то, что русское зарубежье делилось на разные идейные лагеря, большинство эмигрантов сходилось в одном: судьбы России для них были важнее личной карьеры, пыталось дать ответ на вопрос: «что можем мы сделать для России и дать ей отсюда».

Библиография

1. Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Феникс, 1991. – С.501.

2. Там же. – С. 13.

3. Там же. – С. 13.

4. Горячая С.В. Сменовеховцы 20-30-х годов: оценка большевистского опыта реформирования России: дис. … канд. ист. наук. – Ростов-н/Д., 2004. – С. 196.

5. Малыхин К.Г. Русское зарубежье 20-30-х годов. Оценка большевистской модернизации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ростов-н/Д., 2000. – С. 40.

6. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг. Док-ты и материалы. – М., 1999. – С. 552.

7. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. XX в. – М., 2009. – С. 410.

8. Политическая история русской эмиграции... – С. 579.

9. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Философские дискуссии 20-х годов. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – С. 34.

10. Там же. – С. 36.

11. Там же. – С. 15.

12. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука,1990. – С.126.

13. Там же. – С. 194-195.

14. Там же. – С. 121.

15. Булгаков С.Н. Два града. – М., 1911. – С. 94.

16. Булгаков С.Н. Апокалиптика, социология, философия истории, социализм // Русская мысль. – 1910. – № 6. – М., 1911. – С. 20.

17. Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избр. ст. по философии русской истории и культуры). – В 2-х т. – СПб.: «София», 1992. – Т. 2. – С. 86.

18. Там же. – Т. 1. – С. 260.

19. Там же. – Т. 2. – С. 194.
20. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: АГРАФ, 1999. – С. 216, 398.

Bibliography

1. Solonevich I.L. People's Monarchy. M.: Phoenix, 1991. P. 501.
2. Ibid. P.13.
3. Ibid. P.13.
4. Goryachaya S.V., Smenovekhovetses of the Twenties and Thirties: Evaluation of the Bolshevik Experience of Reforming Russia. Diss. PhD of Hist. Sciences. Rostov-on-Don, 2004. P. 196.
5. Malykhin K.G. Russian Diaspora of the 1920s and 1930s. Evaluation of the Bolshevik Modernization: Diss. Doct. of Hist.Sciences. Rostov-on-Don, 2000. P. 40
6. Political History of Russian Emigration. 1920-1940. Documents. M., 1999. P. 552.
7. Vandalkovskaya M.G. Historical Thought of Russian Emigration. 1920-1930 of the 20th century. M., 2009. P. 410.
8. Political History of Russian Emigration... P. 579.
9. Lenin V.I. The Significance of Militant Materialism // Philosophical discussions of the 1920s. M.: Political Literature Publ., 1990, P.34.
10. Ibid. P.36.
11. Ibid. P.15.
12. Berdyaev N.A. The Origin of Russian Communism. M.: Science,1990. P. 126.
13. Ibid. pp.194-195.
14. Ibid. P.121.
15. Bulgakov S.N. Two cities. M., 1911. P. 94.
16. Bulgakov S.N. Apocalyptica, Sociology, Philosophy of History, Socialism // Russian thought. 1910. № 6. M., 1911. P.20.
17. Fedotov G.P. The Fate and Sins of Russia (Selected articles on the philosophy of Russian history and culture): In two volumes. Saint Petersburg: «Sofia», 1992, Vol.2. P.86.
18. Ibid. Vol.1. P.260.
19. Ibid. Vol.2. P.194.
20. Trubetzkoy N. The Legacy of Genghis Khan. M.:AGRAF, 1999, P.216, 398.

Б.Д. Цыбенов, канд. ист. наук, доц., e-mail: bazar75@mail.ru
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

УДК 94 (518)

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДАУРСКОГО НАРОДА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Статья посвящена истории дауров Цицикара и Барги в 1913-1925 гг. В частности, в ней рассматриваются следующие вопросы: вооруженное восстание цицикарских дауров в 1914-1915 гг., ликвидация автономии Барги в 1920 г., деятельность даурского общественно-политического деятеля Мэрсэ, его поездка в Верхнеудинск в 1918 г.

Ключевые слова: *дауры, Цицикар, Барга, восстание, автономия, Мэрсэ, Верхнеудинск.*

B.D. Tsibenov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

DAUR PEOPLE HISTORY ISSUES IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the history of Daur people in Tsitsikar and Barga in 1913-1925. The authors examines such issues as participation of Daurs in the uprising of 1914-1915, the elimination of autonomy of Barga in 1920, the activities of Merce, his trip to Verkhneudinsk in 1918.

Key words: *the Daurs, Qiqihar city, Barga, rebellion, autonomy, Merse, Verkhneudinsk.*

В первой четверти XX в. даурская знать и интеллигенция играли важную роль в общественно-политической жизни таких регионов Северо-Восточного Китая, как Барга и Цицикар. Многие дауры занимали высшие должности в региональных управлениях, среди них было много людей, получивших образование за пределами Китая. В период вооруженного восстания 1912 г., известного в научной ли-

тературе как «баргутское», даурские чиновники Барги приняли непосредственное участие. Они возглавляли делегацию, отправившуюся для переговоров с российскими управляющими КВВД. После провозглашения независимости Барги (в настоящее время регион известен как Хулун-Буир, он укрупнен и включает, помимо трех баргутских хошунов, орочонский, эвенкийский, даурский хошуны, уезды Чжаланьтунь, Якэши, Гэньхэ и др. – *авт.*), назначенный главой нового правительства, даур Шэньфу отправил халхасскому Богдо-гэгэну телеграмму с просьбой принять население Барги в свое подданство и присоединить их земли к Халхе. В Ургу была отправлена делегация, в которую, очевидно, входили и даурские чиновники. В эти годы часть революционно настроенной даурской интеллигенции и чиновничества перебрались в Монголию. Например, большую роль в национально-освободительном движении монголов сыграл даурский чиновник Цэндэ, известный в Монголии как Цэнд-гун. Если в эти годы некоторые дауры из чиновничьей среды прониклись идеей присоединения к Внешней Монголии и пребывали в Урге, то даурская молодежь, напротив, в основном получала образование в образовательных учреждениях Северо-Восточного Китая, в Пекине. Среди них были даурские юноши Мэрсэ и Фуминтай, впоследствии их имена также стали символом национально-освободительной борьбы монгольских групп Барги [13, с. 205-206].

В статье кратко освещены некоторые малоизвестные в отечественной исторической науке вопросы истории даурского народа первой четверти XX в. Основными источниками явились «Краткая история даурского народа», монографии и статьи К. Этвуда, Б.В. Базарова, Л.Б. Жабаевой, Л.В. Кураса, Э.В. Батунаева и других исследователей. Наше изучение мы начали с освещения вооруженного восстания цицикарских дауров под руководством Шоулана и Дайфу. Оно произошло в период правления Китайской Республики [15, с. 157] и явилось результатом углубления процесса дифференциации даурского общества на богатых и бедных, обострения классовых противоречий. В начале XX в. в районе Цицикара, как и в других местностях Северо-Востока Китая, резко обострились социальные противоречия и возникли предпосылки для начала борьбы беднейших слоев населения. Что касается этнотерриториальной группы цицикарских дауров, то они населяют местности под Цицикаром. Они известны также как «котон даур» или городские дауры. Именно они заложили основание города в 1683 г. Первоначально город имел даурское название «Боокуй», впоследствии был переименован в Цицикар [12, с. 76-77]. В период правления Китайской Республики резко увеличилось население Цицикара за счет притока населения из других регионов Китая. В даурских селениях появились торговцы и ростовщики, в основном китайцы по происхождению. Они открывали магазины и торговые лавки в даурских селениях. Зачастую они вели фальшивые счетные книги и журналы, тем самым загоняя отдельных даурских крестьян в долговую кабалу. Китайские торговцы тайно взаимодействовали с даурскими чиновниками в деле преследования должников. В результате судебных тяжб они завладевали домами неплательщиков, скотом, средствами передвижения, земледельческими участками. Большинство ростовщиков и торговцев давали населению займы под высокие проценты. Поскольку в случае невыплаты на проценты начислялись пени, должники поневоле были вынуждены расплачиваться земельными наделами, урожаем, домами, имуществом. Наглядным примером быстрого обогащения за счет закабаления даурских должников явилась деятельность некоего Лувана. В начальный период республиканского правления этот китайский торговец открыл магазин в местности, где компактно проживали дауры. Используя различные законные и незаконные методы, он за 10 лет стал крупным землевладельцем. В частности, он имел в собственности земледельческий участок в более чем 100 му, около 200 му сенокосных угодий и пастбищ, 100 голов скота и лошадей, более 300 голов овец и коз. Ежегодно он использовал труд более чем 30 наемных работников. Исходя из этого, можно отметить, что во внутренних районах, населенных даурами, таких как Цицикар и Хулан, в начале XX в. стали бурно развиваться земледелие и торгово-экономические отношения. Данное обстоятельство способствовало ускоренному разделению даурского общества на богатых и бедных. Хозяйство собственников земли в этот период еще более укрепилось, усилилось применение наемного труда и эксплуатация бедных слоев населения. Большинство даурских крестьян получали небольшие урожаи или не имели урожаев, вследствие отсутствия земельных наделов [15, с. 158]. Если в даурских районах шел процесс дифференциации общества и увеличение количества безземельных крестьян, то в этнической Бурятии – Прибайкалье и Забайкалье – разворачивалось национально-аграрное движение бурятского народа. В 1905-1906 гг. проводились общебурятские съезды, на которых решались вопросы введения местного самоуправления, ограждения земельных угодий от их изъятия в колонизационный фонд и др. [9, с. 63-64].

Крестьянское восстание под руководством Шоулана и Дайфу началось в 1914 г. Оно явилось результатом усиления эксплуатации крестьянской бедноты богатыми землевладельцами в районе Цицикара. Можно предположить, что восстание могло начаться под влиянием национально-освободительного движения во Внутренней Монголии. Например, известно, что в 1912 г. победой завершилось

вооруженное восстание в Хулун-Буире. Летом 1912 г. поднял восстание владетельный князь Удай, происходивший из хошуна Чжасакту Джеримского сейма Внутренней Монголии [5, с. 69]. В 1913-1914 гг. в разных частях Внутренней Монголии развернулись военные действия между китайскими и монгольскими войсками [7, с. 193; 196-200]. Надо полагать, что до цицикарских дауров доходили вести об этой борьбе как с юга, т.е. земель Внутренней Монголии, так и с севера, территории Хулун-Буира. Что касается руководителей даурского восстания, то оба являлись выходцами из селения Ханбэйди, происходили из рода мэрдэн. Они приходились друг другу двоюродными братьями. Шоулан родился в 1879 г. в бедной крестьянской семье. С 1897 по 1913 г. он работал батраком у крупных китайских и даурских землевладельцев. Дайфу был младше по возрасту, родился в 1887 г. С 1904 по 1912 гг. работал в качестве батрака, нанятого на круглый год. К руководящему ядру повстанцев также относились крестьяне-бедняки Мэн Санпин, Мэн Чжунбу, Шан Цанлян [15, с. 161].

Предыстория вооруженного восстания, согласно данным «Краткой истории даурского народа», была следующей: в 1913 г. Шоулан был пойман на краже лошади и ему назначили наказание в виде двух лет заключения в тюрьме. В 1914 г. по этому делу был арестован Дайфу, получивший также 2 года лишения свободы. Спустя некоторое время под давлением крупных землевладельцев, проходивших по делу в качестве потерпевших, сроки наказания для Шоулана и Дайфу были увеличены до семи лет. Осенью 1914 г. Шоулана и Дайфу вместе с группой заключенных отправили в северное предместье Цицикара для рубки камыша. В один из дней Шоулан и Дайфу, неожиданно напав на охранника, отобрали у него оружие и отпустили всех заключенных. Тайно прибыв в родное селение Ханбэйди, привлекли на свою сторону дауров-батраков Мэн Санпина, Мэн Чжунбу и Шан Цанляна. Таким образом, обретя единомышленников, Шоулан и Дайфу составили первоначальный план. Вначале они совершили нападения на поместья крупных землевладельцев, имевших оружие. Так, повстанцы завладели оружием, патронами и верховыми лошадьми. Зерно из амбаров раздали бедным крестьянам. Провозгласив лозунг «бороться с милитаристами, убивать богачей и чиновников, поддерживать бедняков», Шоулан и Дайфу открыто встали на путь вооруженной борьбы. С каждым днем увеличивалось количество повстанцев и лошадей. Спустя короткое время их численность возросла до 20 чел. В 1915 г. отряд во главе с Шоуланом и Дайфу объединился с другим отрядом повстанцев, и их численность увеличилась до 50-60 чел. Сделав своей базой Лунцзян-сянь, объединенный отряд в своих вылазках доходил до Ялу-сяня (современный город Чжаланьтунь АРВМ). В одном из сражений 1915 г. повстанцы уничтожили 22 солдата. Атаковав военный гарнизон Тайлай-сяня, повстанцы захватили в плен более ста мобилизованных солдат и командиров. В целом повстанческий отряд Шоулана и Дайфу нанес серьезный урон китайской администрации Лунцзян-сяня и Тайлай-сяня. По приказу китайских милитаристов провинции Хэйлунцзян, дислоцированные в указанных районах войска непрерывно преследовали повстанцев. Отряд Шоулана и Дайфу вступал в перестрелки и стычки в долине р. Нонни, терпел поражения и был вынужден отойти, поскольку численность милитаристских войск в несколько раз превышала повстанцев. Впоследствии их отряд был рассеян, и повстанцы были вынуждены скрываться в различных труднодоступных местностях. В 1920-х гг. Шоулан и Дайфу были пойманы войсками китайских милитаристов в северной части Нэньцзян-сяня. В юго-западном предместье Нэньцзян-сяня они были казнены. Причины поражения восстания цицикарских дауров под руководством Шоулана и Дайфу заключались в том, что повстанцы и их руководители не имели конкретной политической цели, четкого направления и стратегии борьбы, долгосрочных планов. Сражаясь за бедствующий народ, они так и не смогли увеличить численность своего отряда. В период наивысшей активности количество повстанцев не достигало и 100 чел. [15, с. 162-163]. После объединения двух очагов восстания среди руководителей появились разногласия, поэтому спустя некоторое время восставшие разъединились. Таким образом, разрозненные повстанческие группы были относительно легко побеждены войсками китайских милитаристов провинции Хэйлунцзян. Тем не менее, вооруженное сопротивление цицикарских дауров нанесло ощутимый удар по позициям регионального чиновничества и крупных землевладельцев, закабаливших бедные слои населения в даурских районах. Восстание также показало, что даурский народ, несмотря на свою малочисленность, способен храбро сражаться с превосходящими силами китайских милитаристов. В целом, вооруженная борьба, которую возглавили Шоулан и Дайфу, показала стремление цицикарских дауров избавиться от гнета китайских милитаристов и господствующей верхушки в лице чиновников, землевладельцев и ростовщиков. События, связанные с восстанием Шоулана и Дайфу, нашли широкое отражение в так называемых *учуунах* – песнях-восхвалениях цицикарских дауров. После подавления восстания Шоулана и Дайфу борьба против милитаристских группировок, движимых идеей установления китайского господства, переместилась в район Бутхи. В 1916 г. по решению центрального правительства военным губернатором Мукдена и генерал-инспекто-

ром трех провинций северо-востока Китая стал Чжан Цзолинь. В свою очередь, он назначил Эу Цзюньшена военным губернатором провинции Хэйлунцзян. В район Бутхи были перемещены войсковые части, и была создана так называемая «сфера самозащиты». Ее образование сопровождалось принудительным захватом территорий, принадлежащих даурским селениям, включая леса, горы и пастбища. Тем самым китайские военные создали угрозу для развития лесного и скотоводческого хозяйств. Этот период ознаменовался также массовым переселением китайских крестьян (этнических китайцев – *авт*.) в даурские районы. Переселенцы-китайцы принесли с собой новые виды земледельческих орудий и многовековой опыт в этой области, что сказалось на развитии даурского земледелия. С другой стороны, китайские переселенцы в больших количествах занимались распашкой целинных земель, тем самым они заняли пастбища общего пользования на территории даурских селений. Поскольку китайские крестьяне занимались исключительно обработкой земли, данное обстоятельство вступило в противоречие с традиционным даурским хозяйством, сочетавшим земледелие и скотоводство, также имевшим и многие другие традиционные отрасли хозяйства. Поэтому со временем некоторые даурские хозяйства были вытеснены в другие районы. Например, более 30 даурских семей, проживавших по р. Нэмэр и на левом берегу р. Нонни, были вынуждены оставить свои жилища и пашни и переселиться в район Западной Бутхи [15, с. 164-165]. Вместе с переселением большого количества китайских крестьян в даурских районах стали орудовать шайки разбойников. Они учиняли грабежи, и в ряде даурских селений мирная жизнь населения омрачена постоянными нападениями. После утраты силы цинского закона о восьмизнаменной административной системе китайские чиновники (военные управляющие, исполняющие обязанности глав сяня, местные нойоны) начали притеснять представителей национальных меньшинств. Например известно, что китайские власти запрещали даурам разговаривать на своем языке. Властями провинции Хэйлунцзян был введен новый налог, о чем сообщалось в документе под названием «Правило уплаты налога каждой семьей». Тем самым власти заставили даурские семьи выплачивать налог. Вскоре «Правило уплаты налога каждой семьей» было изменено на «Правило уплаты налога населением». Этот налог стал тяжелым бременем для даурского населения. Таким образом, можно констатировать ухудшение жизни дауров Цицикара и Бутхи в период правления китайских милитаристов.

В отличие от цицикарских и бутхасских дауров, даурское население Хайлара (Барга, Хулун-Буир в разных источниках – *авт.*) было включено в национально-освободительное движение монгольских народов. Даурские чиновники вместе с баргутами приняли участие в вооруженном восстании 1912 г., в результате которого регион фактически обрел независимость. Несмотря на признание за Баргой статуса автономии по итогам Кяхтинской конференции 1915 г., как писал бурятский деятель Ц.-Е. Цыдыпов, до 1920 г. она фактически была независимой страной. Например, доходы от Чжалайнорских каменноугольных копей, золотых приисков, лесных концессий шли в казну Барги. В то же время декларативно регион входил в состав Китая [2, с. 14]. Большую роль в сохранении фактической независимости Барги сыграли даурские чиновники. Одним из них был Линшен, старший сын амбаня Барги – Гуйфу. Он начал принимать участие в политических событиях в регионе в 1913-1914 гг. Очевидно о нем как о «Цзанги Линшине» или «Фушане», человеке умном, ловком, хитром и деятельном писал Ц.-Е. Цыдыпов [2, с. 13]. Во многом благодаря его деятельности управление Баргой вновь перешло в руки дауров после изгнания в 1917 г. остатков отряда Бабужава. В этот период Линшен усилил прокитайскую ориентацию чиновничества, за что ему был пожалован титул *гун*. Его ближайшие сподвижники стали князьями 4-й степени. Линшен был назначен также членом парламента Китая от региона. Имеются сведения, полученные от дауров-информаторов, о его пророссийской ориентации. Так, в 1918 г., когда Мэрсэ и Фумынтай создавали так называемую «партию молодежи Хулунбуира», Линшен оказал им тайную поддержку, содействовал отправке молодежи для обучения революционным идеям в СССР и МНР. Известно также, что он имел связи с советским руководством КВЖД.

Другим активным даурским деятелем той эпохи был Мэрсэ, происходивший из рода говол, уроженец селения Мэхээрт. Он родился в 1894 г. в именитой даурской семье [16, с. 97]. Мэрсэ получил среднее образование в Цицикаре, обучался в Пекине в специальной школе русского языка, относящейся к ведомству Министерства иностранных дел Китая. В силу обстоятельств личного характера он не смог продолжить обучение в Пекине и летом 1917 г. вернулся в Хайлар. Одним из насущных вопросов, требующих незамедлительного решения, по мнению Мэрсэ, был вопрос об открытии новой школы. Прежняя школа была закрыта китайскими властями из-за объявления независимости Барги. Зимой 1917 г. Мэрсэ и еще один представитель даурской интеллигенции – Фумынтай собрали более 30 чел. молодежи из числа тех, кто получил образование за пределами региона. Целью собрания было обсуждение вопросов образования и реформы местной политики. Они создали Хулун-Буирскую студенческую Ассоциацию (на кит. яз. «Hulunbeier xuesheng hui»). Впоследствии эта организация стала

ядром революционного движения в регионе. Весной 1918 г. Мэрсэ и Фумингтай основали в Хайларе начальную школу. В создании школы во многом помог отец Мэрсэ – Мингу, вложивший большую часть финансовых средств. Поначалу Мэрсэ использовал китайские учебники и проводил обучение в собственном доме в Хайларе. Вскоре они вместе с Фумингтаем арендовали комнаты в здании администрации фудутуна Барги, а весной 1919 г. школа получила официальное признание от администрации фудутуна как государственная школа монгольских знамен (Mengqi guanli xuexiao). В ней имелись два отделения: начального и среднего образования. Мэрсэ стал директором школы, а Фумингтай – его заместителем. С этого времени школа располагалась в западной части здания фудутуна. Несмотря на поддержку отца Мингу и Хулун-Буирской студенческой Ассоциации, финансирование школы было трудной задачей. Позже Мэрсэ образно писал, что у него болел рот от разговоров с богатыми русскими купцами, у которых он был вынужден просить помощи. Речь шла о сборе пожертвований для обеспечения школы ученической одеждой и книгами. Остается неизвестным, были ли пожертвованы средства русскими купцами? Поскольку Мэрсэ не сообщает о них, можно полагать, что ему не удалось убедить вероятных спонсоров или же полученные средства были совсем незначительными. Однако плохое финансирование не явилось причиной закрытия школы. Удар школе был нанесен с другой, неожиданной стороны. Летом 1919 г. Хайлар охватила эпидемия чумы, и учащимся пришлось разъехаться по домам. Самому Мэрсэ также пришлось покинуть Хайлар и уехать на родину в Мэхээрт, чтобы ухаживать за больным отцом и младшим братом. Осенью 1919 г., когда эпидемия пошла на спад, Мэрсэ отказался от своей вновь созданной школы и начал разработку другого проекта [14, 132-133]. Еще в годы учебы в Цицикаре и Пекине он, несомненно, интересовался событиями, происходившими на родине, в Барге, во Внешней Монголии и России. Барга всегда была регионом с сильным националистическим движением [16, с. 97]. Находясь в Пекине, он познакомился с будущими членами Народно-революционной партии Внутренней Монголии – Бай Юньти и Алтан-Очиром. Надо полагать, что помимо бесед на тему школьного и университетского образования, они вели разговоры о национально-освободительном движении монголов, фактической независимости Внешней Монголии и Барги, восстаниях во Внутренней Монголии. В этот период Мэрсэ, очевидно, осмысливал полученную от друзей, родственников и прессы информацию о революционных событиях и все более утверждался во мнении о необходимости продолжения начатых перемен. Период основания Мэрсэ школы в Хайларе совпал по времени с Октябрьской революцией и началом Гражданской войны в России. Для властей Барги свержение императорской династии в России означало потерю гаранта автономии региона и начало смутного времени. Что касается Мэрсэ и других молодых представителей местной интеллигенции, то, по всей видимости, они уже были готовы к претворению в жизнь региона более радикальных изменений. Однако влияние Октябрьской революции на них было лишь косвенным, поскольку нет фактов деятельности большевиков среди рабочих Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Большое влияние на даурскую интеллигенцию оказало национально-автономистское движение бурят, во главе которого встала бурятская национально-демократическая интеллигенция. Поначалу стихийный протест народных масс был превращен лидерами бурят в организованную борьбу за автономию. В апреле, июле и октябре 1917 г. состоялись три общебурятских съезда, на которых рассматривались вопросы национального самоуправления, культуры, религии, ламаистского духовенства. На третьем съезде был принят проект бурятской автономии и создан Центральный Бурятский национальный комитет (Бурнацком) и его Иркутский отдел [10, с. 392; 394]. Взаимоотношения Бурнацкома и советской власти можно охарактеризовать как неопределенные, хотя в целом рабочие и крестьяне Бурятии встретили с одобрением победу Октябрьской революции 1917 г. и установление советской власти [8, с. 90]. В результате острой политической дискуссии с большевиками бурятским лидерам удалось добиться права на претворение в жизнь планов по созданию автономии. Можно полагать, что за попытками решения национального вопроса в этнической Бурятии в 1917 г. внимательно следила передовая интеллигенция Барги, включая Мэрсэ и Фумингтая. К активным контактам с бурятами они перешли в 1918 г., после падения советской власти в Сибири и начала гражданской войны. В это время в Забайкалье активную работу по созданию панмонгольского государства развернул атаман Г.М. Семёнов. Он был одержим идеей объединения монгольских племен, в своей деятельности опирался на японских военных и бурятских лидеров [9, с. 160]. Можно предположить, что летом 1918 г., а точнее 13 июня 1918 г. передовые даурские деятели Мэрсэ, Фумингтай, Линшен были на чрезвычайном съезде бурят-эмигрантов, прошедшем в местности Дашимак Хулун-Буира. На нем присутствовал 221 делегат, был сформирован «бурятский национальный отдел» при гражданском управлении Временного Правительства Забайкальской области [1, с. 54]. Очевидно, в этот период состоялось знакомство как с руководителями бурятской эмиграции в Баргу, так и другими бурятскими лидерами. Согласно данным зарубежных исследователей, в 1918 г. Мэрсэ принял

участие в монгольской ассамблее, прошедшей в г. Верхнеудинск [16, с. 97]. Под «монгольской ассамблеей» очевидно, следует понимать съезд бурят-монголов Забайкальской области и Иркутской губернии, прошедший в Верхнеудинске 20-24 ноября 1918 г. Известно, что участники съезда приветствовали телеграммой атамана Семенова как стойкого борца с большевизмом и выразили надежду, что он защитит интересы бурятского народа [1, с. 55]. Бурнардума (бывший Бурнацком, переименован в ноябре 1918 г. – *авт*.) в условиях Гражданской войны стремилась любыми способами сохранить свои завоеванные в сложной политической борьбе национальные органы самоуправления, искала возможные пути заключения соглашения с атаманом Семеновым [3, с. 140]. В рамках будущего единого нейтрального государства бурятские национал-демократы рассчитывали занять лидирующие позиции [4, с. 58]. Мэрсэ прибыл в Верхнеудинск на съезд бурят-монголов не один, а вместе с дауром по имени Сулфанга. Они были приглашены на этот съезд. Мэрсэ представлял Хулун-Буирскую студенческую Ассоциацию и позже утверждал, что темами съезда бурят-монголов были только образование и индустриализация как способы реформирования политической системы. Однако основной целью съезда было обсуждение перспектив и, в частности, объединения монгольского народа. На этом съезде Мэрсэ заявил о возможности создания единой Монголии в составе Бурятии, Барги, Внешней и Внутренней Монголии, на основании принципа самоопределения, обозначенного в четырнадцати пунктах Вильсона. Один из бурятских лидеров, Э-Д. Ринчино категорически не согласился с мнением Мэрсэ, и вместо этого предложил создание «Федеративной Республики Монголия на демократических принципах» (без одобрения со стороны международного сообщества). Делегаты разделились во мнениях, и утвердили целью создание единого монгольского государства, основанного на демократических принципах [14, с. 135-136]. Таким образом, Мэрсэ принимал активное участие в съезде бурят-монголов, и выдвинул идею объединения монгольских народов от Байкала до Великой Китайской стены. О незаурядном уме и деловых качествах Мэрсэ свидетельствует попытка практического применения четырнадцати пунктов, разработанных американским президентом В. Вильсоном и ставших основой Версальского мира. Надо полагать, что мнение, высказанное Мэрсэ, обсуждалось бурятской интеллигенцией и после завершения съезда. В феврале 1919 г. на очередном съезде, прошедшем в г. Чита и ст. Даурия было официально объявлено о создании панмонгольского государства. Штаб-квартира Временного правительства находилась на ст. Даурия. [9, с. 164]. Таким образом, на конференции представителей трех из четырех будущих аймаков – субъектов Федерации – в Чите 25 февраля 1919 г. было провозглашено объединение Бурятской, Хулунбуирской, Внутренней и Внешней Монголии в одну федерацию. Столицей нового государства должен был стать Хайлар [11, с. 22]. Неизвестно, были ли среди делегатов Барги даурские деятели. Известно лишь, что Хулун-Буирское автономное правительство было глубоко озабочено возможным превращением Хайлара в столицу панмонгольского государства. С другой стороны, вхождение отрядов Сэбжингэ и Фушенга в создававшуюся регулярную армию панмонгольского государства также добавляло поводов для беспокойства. Поэтому фудутун Барги, даур Шэньфу официально не поддержал панмонгольское движение, но желал быть в курсе всех событий. Было решено, что Баргу будут представлять пять человек, имеющих хорошие контакты и высокие должности. В их число вошли: Линшен (даур); Эрхимбату, начальник сомона восточного крыла Новой Барги (баргут); Мэрсэ (даур); Фуминтай (даур); Сулфанга (даур). Тем временем, новое правительство панмонгольского государства последовало первоначальному предложению Мэрсэ, сделанному в Верхнеудинске и в апреле 1919 г. направило делегатов на Парижскую мирную конференцию с проектом панмонгольского государства. Однако в Токио делегаты не были допущены на корабль [14, с. 136-137]. Послы союзных держав отказали делегации в визе на въезд во Францию, а Япония не рискнула открыто поддержать устремления панмонголистов. Как известно, Даурское правительство «Великой Монголии» просуществовало семь месяцев (февраль-сентябрь 1919 г.). Однако сам факт попытки объединения был использован китайскими властями для ликвидации монгольской автономии и ввода войск на ее территорию в конце 1919 г. [10, с. 405-407]. Очевидно, что в этот период правительство Барги, в основном состоящее из чиновников-дауров, пришло к пониманию невозможности осуществления проекта атамана Г.М. Семёнова и решило заключить соглашение с китайскими властями. В январе 1920 г. автономное правительство Барги избрало делегатов. В состав делегации вошли четыре чиновника: Ченду (управляющий восточным крылом), Бахбадай (управляющий западным крылом), Рун Ан (оролан-захирагчи солонского левого крыла), Линшен (оролан-захирагчи солонского правого крыла) [15, с. 156]. Делегация подала прошение военному инспектору трех восточных провинций Чжан Цзолину и военному начальнику провинции Хэйлунцзян Сун Лючену. В прошении говорилось: «Сообщаем телеграммой центру, что монгольские хошуны Хулуна просят, чтобы письменные материалы об особой территории утратили силу». Правительство Китайской Республики, немедленно отреагировало на него, и 28 января 1920 г. издало указ об утрате силы Баргой статуса «особой территории». Из провинции Хэйлунцзян в

Баргу было переведено большое количество войск. Спустя некоторое время власти Хэйлунцзяна получили известие о революционном движении, созданном партией молодежи Хулун-Буира, и издали указ о поимке и казни Мэрсэ и Фумингтая. Они тем временем успели отправить в СССР и Внешнюю Монголию более 50 молодых людей. В их числе были как члены партии молодежи Хулун-Буира, так и рядовая молодежь. После издания указа о его поимке Мэрсэ тайно направился в Пекин [15, с. 170]. Далее нами зафиксированы лишь отрывочные сведения о его деятельности. Известно, что в 1922 г. Мэрсэ был приглашен во Внешнюю Монголию для работы по созданию Народно-революционной партии Внутренней Монголии [16, с. 97]. В начале 1923 г. Мэрсэ встретился с чиновником министерства иностранных дел Китая Ван Цзентином и высказал ему свои мысли по решению вопроса о национальных меньшинствах Китая. Чиновник пригласил Мэрсэ на работу в качестве секретаря и переводчика русского языка. Затем Мэрсэ был приглашен также в качестве советника управления внешних сношений между Китайской Республикой и СССР и в качестве временно исполняющего обязанности директора особой монгольско-тибетской школы. Затем Мэрсэ, получив разрешение из министерства иностранных дел Китая и посольства СССР, выехал в Советский Союз. В конце 1923 г. Мэрсэ вернулся в Хайлар и, собрав сподвижников в средней школе монгольских хошунов Барги, ознакомил их с государственным строем СССР и Монголии, хозяйством, культурой, образованием, а также с развитием и преобразованиями в этих областях. Он также призвал присутствующих принять активное участие в движении национального освобождения Внутренней Монголии. В 1924 г. Мэрсэ принял участие в качестве делегата от Барги в прошедшем в Нанкине всекитайском собрании по улучшению качества педагогической работы. На этом собрании он высказал свое мнение о путях развития педагогической работы среди национальных меньшинств. После окончания собрания он отправился в Гуанчжоу, где встретился с Сун Цзуншаном. В 1925 г. Коммунистическая партия Китая (КПК) утвердила документ под названием «Проект резолюции по монгольскому вопросу». В нем говорилось: «Наша партия считает, что национально-освободительное движение монголов необходимо согласовать с освободительным движением всего Китая, …будет соответствовать, если создать революционную партию народа Внутренней Монголии». С этого времени стала проводиться работа по созданию Народно-революционной партии Внутренней Монголии [15, с. 171-172]. В 1925 г. в Калгане состоялся съезд Коммунистической партии Внутренней Монголии (КПВМ), итогом которого стало объединение с Гоминьданом и создание Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) [10, с. 33]. В нем приняли участие Мэрсэ, Фумингтай, Ин Хэнян и другие представители из числа революционно настроенной интеллигенции даурского народа. Их всего было более 10 чел. На этом съезде было принято постановление о неприятии идеологии захватнического милитаризма, ликвидации феодального образования власти Ван Хун, создании демократического автономного управления Внутренней Монголии, утверждении программы национально-демократической революции [15, с. 172]. Как отмечал С.Д. Дылыков, «первый съезд Народно-революционной партии Внутренней Монголии выдвинул перед партией и аратами следующие задачи: а) добиваться административно-территориальной автономии Внутренней Монголии; б) ликвидировать феодальный строй; в) тесно увязать национально-освободительное движение Внутренней Монголии с национально-революционным движением Китая [6, с. 34]. На этом съезде Мэрсэ был избран в качестве постоянного члена ЦК Народно-революционной партии Внутренней Монголии, а также секретарем партии [16, с. 97]. Таким образом, передовая интеллигенция даурского народа вступила в более тесное взаимодействие с коммунистами и националистами Внутренней Монголии.

Изучение истории даурского народа в первой четверти XX в. показывает, что они активно включились в национально-освободительное движение монгольских народов. Под руководством даурских чиновников Барга с 1912 по 1920 гг., обладая широкой автономией, успешно лавировала в резко меняющейся региональной обстановке. Вооруженное восстание цицикарских дауров 1914-1915 гг. под руководством Шоулана и Дайфу, по всей видимости, развивалось изолированно от национально-освободительного движения монгольских народов. В силу ряда веских причин оно было обречено на поражение. В то же время передовая интеллигенция из числа хайларских дауров принимает деятельное участие не только в делах Барги, но и Внешней Монголии, Бурятии. Даурский деятель Мэрсэ участвовал в общебурятском съезде в 1918 г. в Верхнеудинске, где высказал мнение о создании единой Монголии в составе Бурятии, Барги, Внешней и Внутренней Монголии. В целом, начиная с 1918 г., даурская интеллигенция и чиновничество устанавливают контакты с бурятскими национал-демократами и прибывшими в Баргу эмигрантами. Взаимодействие со временем укреплялось, с помощью бурятских деятелей революционно настроенная даурская и баргутская молодежь начинает выезжать на учебу в Советский Союз.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ - Министерства образования и науки Монголии (МОНМ) в рамках научно-исследовательских проектов № 15-21-03006 «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX-XXI вв.»

Библиография

1. Бабаков В.В. Политика Бурнацкома в Забайкалье в 1918 г. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 7. – С. 52-56.
2. Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. – 67 с.
3. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с.
4. Балдано С.В. Бурятская национальная интеллигенция: обретение и утрата социально-политического лидерства в начале XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 7. – С. 56-59.
5. Батунаев Э.В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911-1921 гг.) – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2015. – 160 с.
6. Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 133 с.
7. Кузьмин С.Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: дис. … д-ра ист. наук. – М., 2016. – 584 с.
8. Курас Л.В. Бурятия в период Октября 1917 г. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 2. – С. 81-93.
9. Курас Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 252 с.
10. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ / отв. ред. Б.В. Базаров, науч. ред. Л.В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 624 с.
11. Саблин И.В. Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе: геоинформационный анализ периода 1917-1923 гг. // Tartaria Magna. – 2013. – № 1. – С. 12-69.
12. Цыбенов Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 252 с.
13. Цыбенов, Б.Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911-1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – С. 201-210.
14. Atwood C. P. Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911-1931 [Младомонголы и каратели во Внутренней Монголии в период междувластия, 1911-1931] – Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. – 1168 p. (на англ. яз.)
15. Dayur ündüsüten-ü tobči teüke [Краткая история даурского народа] / naiyrayulan bičikü duyuyilang naiyrayulaba; Men Di Dun, Üljeyitü, Bayar [коллектив авторов; Мэн Жидун, Улзейту, Баяр]. – Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1989. -300 с. (на старомонг. письм.)
16. Li Narangoa, Cribb R.B. Imperial Japan and national identities in Asia, 1895-1945. Nordic Institute of Asian studies monograph series, Routlredge, 2003. (на англ. яз.)

Bibliography

1. Babakov V.V. Politics of the Bournatskom in Zabaikalie in 1918// The Buryat State University Bulletin. 2013. № 7. P. 52-56.
2. Bazarov B.V. Unknown from the History of Panmongolism. Ulan-Ude: BSC SB RAS Press, 2002. – 67 p.
3. Bazarov B.V., Zhabaeva L.B. Buryat National Democrats and Socio-political Thought of the Mongolian Peoples in the First Third of the 20th Century. Ulan-Ude: BSC SB RAS Press, 2008. – 377 p.
4. Baldano S.V. Buryat National Intelligentsia: the Acquisition and Loss of Socio-Political Leadership in the Early XX // The Buryat State University Bulletin. 2011. № 7. – P. 56-59.
5. Batunaev E.V. The Struggle for the Independence of the Mongolian State (1911-1921) – Ulan-Ude: BSC SB RAS Press, 2015. – 160 p.
6. Dylykov S.D. Democratic Movement of the Mongolian People in China. – Moscow.: USSR AS Press, 1953. – 133 p.
7. Kuzmin S.L. Buddhism and the Statehood of Mongolia in the Early Twentieth Century: the Transformation of Relations of Religion and State in the Process of Independence: Diss. Doct. Hist. Scien. – M., 2016. – 584 p.
8. Kuras L.V. Buryatia in the period of October 1917 // Bulletin of the BSC SB RAS. 2011. № 2. – P. 81-93.
9. Kuras L.V. Transnational History of the Mongolian World in Conditions of a Revolutionary Upsurge: the First Quarter of the 20th Century. – Irkutsk: Ottisk, 2016. – 252 p.
10. Mongolian Peoples: Historical Experience of the Transformation of Nomadic Communities / ed. B.V. Bazarov, scient. ed. L.V. Kuras. Irkutsk: Ottisk, 2016. 624 p.
11. Sablin I.V. Transcultural Spaces and Boundary Design in the Baikal Region: Goinformation Analysis of the Period 1917-1923. // Tartaria Magna. 2013. № 1. – P. 12-69.

12. Tsybenov B.D. History and Culture of Daurs in China. Historical and Ethnographic Essays – Ulan-Ude: ESSUTM Press, 2012. – 252 p.
13. Tsybenov, B.D. To the Study of the History of the Hulun Buir Daurs (1911-1917) // Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2017. – Irkutsk: BSU Press, 2017. – P. 201-210.
14. Atwood C. P. Young Mongols and Vigilants in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911-1931. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. – 1168 p.
15. Dayur ündüsüten-ü tobči teüke / naiyrayulan bičikü duyuyilang naiyrayulaba; Men Di Dun, Üljeyitü, Bayar – Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1989. -300 p.
16. Li Narangoa, Cribb R.B. Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945. Nordic Institute of Asian studies monograph series, Routlredge, 2003.

А.Е. Карначёв, канд. ист. наук, доц., e-mail: karnachyov@yandex.ru
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ

УДК947:725.945(571.54)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПАМЯТНИКАХ ГОРОДА УЛАН-УДЭ

В статье рассмотрены события Гражданской войны в Забайкалье, увековеченные в памятниках г. Улан-Удэ. На ул. Куйбышева в городском парке культуры и отдыха находится братская могила красногвардейцев, погибших в бою с белочехами и белогвардейцами при защите Верхнеудинска. На станции Дивизионной в сквере установлен памятник красногвардейцам – интернационалистам, павшим в боях при защите Вернеудинска от белочехов и белогвардейцев. На улице Смолина расположен памятник на братской могиле 18 красногвардейцев и партизан, павших в бою за освобождение Верхнеудинска от белогвардейцев и интервентов 2 марта 1920 г.
Ключевые слова: *Гражданская война, красногвардейцы, памятник, Верхнеудинск, белогвардейцы, партизан.*

A.Ye. Karnachyov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

CIVIL WAR IN THE MONUMENTS OF ULAN-UDE

The article deals with the Civil war events in Zabaykalie reflected in the monuments of Ulan-Ude. There is the mass grave of the Red Guard soldiers on the Kuybysheva Street in the city park who fallen in the battle for Verkhneudinsk with the White Czechs and the White Guard soldiers. In the park on the Divizionnaya railway station we can see the monument to the Red Guard soldiers - Internationalists dead in the battle for Verkhneudinsk with the White Czechs and the White Guard soldiers. On the Smolina street one can meet the monument on the mass grave of the 18 Red Guard soldiers and partisans, fallen in the battle for Verkhneudinsk with the White Czechs andinvaders on the 2nd of March in 1920.
Key words: the Civil war, Red Guard soldiers, monument, Verkhneudinsk, White Guard soldiers, partisans.

Как и во всей истории страны, памятники, в том числе и революционные, отражают основные этапы и вехи развития нашего государства и республики, храня память о давно ушедших событиях и о людях, оставивших заметный след в истории. Мемориалы и памятники дополняют и формируют культурный и архитектурный облик городов и сел Бурятии.

К мемориальным объектам историко-революционных памятников г. Улан-Удэ и Бурятии непосредственное отношение имеют памятники Октябрьской революции и Гражданской войны. К ним относятся 85 братских и одиночных захоронений партизан, советских и партийных работников, командиров партизанских отрядов и соединений, бойцов и командиров Красной гвардии; 40 домов (служивших явочными квартирами или штабами партизанских формирований); 9 зданий первых советских организаций и учреждений; 37 знаков-памятников; 2 памятных места ожесточенных сражений. [2, с. 5].

На ул. Куйбышева в городском парке культуры и отдыха находится братская могила красногвардейцев, погибших в бою с белочехами и белогвардейцами при защите Верхнеудинска 18-20 августа 1918 г. Многие красногвардейцы верхнеудинских отрядов пали в боях на фронтах 1918 г. Но еще больше их погибло от рук белогвардейцев и интервентов после временного падения Советской власти. Виселицы и массовые расстрелы, кровавые застенки и эшелоны смерти – все это использовано интервентами и белогвардейцами в целях уничтожения борцов за Советскую власть [3, с. 88].

20 августа 1918 г. белогвардейцы и белочехи заняли Верхнеудинск и устроили массовые казни пленных красногвардейцев. Жители города тайно похоронили убитых (по устным сведениям, от 20 до 75 чел.) на кладбище у Троицкой церкви (ныне городской парк культуры и отдыха).

В 1948 г. на братской могиле был поставлен гранитный обелиск [1, с. 50]. В 1969 г. по проекту архитектора А.И. Тимина был сооружен новый памятник. Он представляет собой скульптурную группу их двух красноармейцев: коленопреклоненного и прямостоящего, держащих лавровый венок из металла. Скульптурная группа установлена на кирпичном постаменте. На мемориальной доске текст: «Здесь похоронены герои-красноармейцы, павшие в боях за Верхнеудинск в августе 1918 года» [2, с. 28].

На ст. Дивизионной в сквере установлен памятник красногвардейцам – интернационалистам, павшим в боях при защите Верхнеудинска от белочехов и белогвардейцев 18-20 августа 1918 г. Последнее крупное сражение частей Прибайкальского фронта с превосходящими силами белогвардейцев и белочехов у ст. Посольская показало, что остановить врага не удается. Однако отступающие части красногвардейцев продолжали оборонительные бои. 18-20 августа 1918 г. у селенгинского железнодорожного моста произошло крупное сражение, которое продолжалось на высотах между ст. Дивизионная и нынешним пос. Стеклозавод. Из 450 красногвардейцев в живых осталось всего 14 чел., в венгерском отряде из 140 чел. – 20 бойцов. 20 августа враг подошел к Верхнеудинску и занял его. Всех пленных расстреливали на берегу Селенги, тела убитых уносило течение. Общее число пленных так и не установлено. В 1951 г. в пос. Вагжанова и на ст. Дивизионной был заложен камень с мемориальной доской: «Здесь будет сооружен памятник героям-интернационалистам, павшим в боях за освобождение гор. Верхнеудинск в августе 1918 года». Памятник, по авторскому проекту Г.В. Нерода, был открыт в июне 1959 г., представляя собой групповую композицию из гипса: старик партизан с лавровым венком, девушка с букетом цветов и воин. На мраморной мемориальной доске текст: «Вечная память героям-интернационалистам: китайцам, венграм, чехам, немцам, австрийцам и др., павшим в бою за Советскую власть под Верхнеудинском (Улан-Удэ) 18-20 августа 1918 года».

Напротив главного корпуса Бурятского государственного университета на ул. Смолина расположен памятник на братской могиле 18 красногвардейцев и партизан, павших в бою за освобождение Верхнеудинска от белогвардейцев и интервентов 2 марта 1920 г. В феврале 1920 г. территория Западного Забайкалья, за исключением Верхнеудинска, была полностью очищена от интервентов и семеновских отрядов. Для освобождения города партизанское командование Прибайкалья обратилось за помощью в Иркутск, оттуда была направлена только что сформированная Забайкальская группа советских войск. В середине февраля штаб группы выступил из Иркутска. Вместе со штабом в Забайкалье двинулась 1-я кавалерийская дивизия в составе 845 бойцов [4, с. 16].

29 февраля ее авангард занял ст. Дивизионная, а партизанская кавалерия – ближайшие к Верхнеудинску деревни Сотниково, Уточкино и Поселье. К вечеру того же дня соединенные силы партизан и красноармейцев окружили город со всех сторон и повели ожесточенные бои. Японцы, стремясь затянуть время, направили в штаб забайкальской дивизии представителя с просьбой об отсрочке штурма, обещав своими силами очистить Верхнеудиск от семеновцев. Но поскольку они не выполнили своего обещания, то в ночь на 2 марта красногвардейцы начали занимать город. Сильные бои развернулись в Заудинском предместье, где укрепилась крупная группа белогвардейцев. Отважные действия красных бойцов обратили семеновцев в бегство. Были захвачены оружие, продовольствие, фураж. Одновременно партизаны заняли железнодорожный парк, захватив там 400 пленных и 200 подвод со снаряжением. Преследуя противника, советские войска и партизанские отряды вошли в центральную часть города. 2 марта 1920 г. трехтысячная колонна партизанских частей торжественным маршем прошла по Верхнеудинску.

Похороны погибших партизан прошли с большими почестями. За эскортом перевозимых на санях тел шла многолюдная траурная процессия горожан и партизанских отрядов. У братской могилы состоялся митинг. При захоронении тел был произведен ружейный салют. Тогда же партизаны установили скромный деревянный обелиск. В 1953 г. он был заменен ныне существующим по проекту Л.К. Минерта, К.Н. Донцова и А.И. Тимина. Он представляет собой скульптурную группу из металла (партизан со знаменем в руке, и второй, коленопреклоненный, партизан с лавровым венком), установленную на двухступенчатом постаменте из бутового камня. На задней стороне площадки, за скульптурной группой – бетонная стена со срезанной (наклонной) правой частью. В левой части стены чугунная мемориальная доска с текстом: «Вечная память красногвардейцам и партизанам, павшим в боях за освобождение Верхнеудинска от японо-американских интервентов и семеновских банд 2 марта 1920 г.» Могильный холм отмечен длинной цветочной клумбой между двумя асфальтовыми дорожками, идущими от улицы Смолина к лестницам памятника.

Здесь похоронено 18 бойцов из состава забайкальской советской дивизии, так как партизаны своих погибших товарищей развозили по деревням и погребали на местных кладбищах. Известна одна

фамилия из похороненных в братской могиле: это командир Иркутского кавалерийского полка Крахмалев, ранее принимавший участие в боях под Унэгэтэем и в освобождении Верхнеудинска от белогвардейцев и интервентов [2, с. 29].

Таким образом, события Гражданской войны в России нашла свое отражение в памятниках и мемориалах г. Улан-Удэ. Как бы не менялась политическая ситуация в нашей стране, как бы не подвергалась ревизии российская история, памятники и мемориалы должны оставаться и бережно охраняться. Так как в них воплощены целые эпохи, события и судьбы нашей страны.

Библиография

1. Бурятия: люди, события, памятные места (путеводитель). – Улан-Удэ, 2009.
2. Историко-революционные памятники Бурятии. – Улан-Удэ, 1987.
3. Кожин В.Е. Подвиг красногвардейцев Забайкалья. – Улан-Удэ, 1982.
4. Хаптаев П.Т. Борьба за Советскую власть в Бурятии // Бурятия славит Октябрь. – Улан-Удэ, 1967.

Bibliography

1. Buryatia: People, Events, Remarkable Places (Tour Guide). – Ulan-Ude, 2009.
2. Historical and Revolutionary Monuments of Buryatia. - Ulan-Ude, 1987.
3. Kozhin V.Y. The Heroic act of the Red Guards in Zabaikalie. - Ulan-Ude, 1982.
4. Khaptayev P.T. The Battle for the Soviet Power in Buryatia // Buryatia Glorifies October. - Ulan-Ude, 1967.

В.Ю. Минаева, аспирант, e-mail: vera-minaeva.1990@mail.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 341.322 (571.54/55) ”1917-1922”

ДЕЙСТВИЯ ЯПОНСКИХ ВОЙСК НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (по материалам периодической печати)

В статье рассматриваются результаты переосмысления истории гражданской войны и иностранной интервенции, многие факты и события которой требуют особого внимания и уточнения. Это относится к проблеме участия войск Японии в иностранной военной интервенции в Забайкалье, представленной в документах периодической печати. Особое внимание уделено советским и зарубежным газетным публикациям, хранящимся в фондах Государственных архивов г. Улан-Удэ и г. Читы, которые дополняют хронологический ряд событий периода Гражданской войны и отражают в большей степени отношения местного населения к японской армии в Забайкалье.

***Ключевые слова**: Забайкалье, Гражданская война, иностранная военная интервенция, вооруженные формирования, японское присутствие, периодическая печать.*

V.Yu. Minaeva, P.G.

THE ACTIONS OF JAPANESE TROOPS IN ZABAIKALIE DURING THE CIVIL WAR (based on mass media materials)

The article examines the results of the civil war and foreign intervention history rethinking. Many facts and events require special attention and clarification. This refers to the problem of the Japanese troops participation in foreign military intervention in Zabaikalie, presented in the periodical printing documents. Special attention is paid to Soviet and foreign newspaper publications stored in the collections of the State Archives of Ulan-Ude and Chita, which complement the chronological series of the civil war period events and reflect more of the local population attitude towards the Japanese army in Zabaikalie.

***Key words:** Transbaikalia, civil war, foreign military intervention, armed formations, Japanese presence, periodical press.*

Период Гражданской войны и иностранной военной интервенции является одним из наиболее сложных и интересных периодов в истории России. Вместе с тем эта тема далеко не исчерпана и продолжает оставаться актуальной как в политическом, так и в научном плане. Изучение проблемы Гражданской войны и иностранной интервенции в Забайкалье в 1918–1920 гг. сопровождается в последние десятилетия устойчивым интересом, при этом все большее предпочтение отдается региональному аспекту этих событий. Так, в статье Ю. Осноса, написанной на основе американской периодической печати, приводятся новые сведения о фактах зверств и насилий интервентов [14, с. 15].

Интерес представляет диссертационное исследование В.И. Тымчика «Гражданская война и иностранная интервенция на Востоке России (1918-1920 гг.): проблема информативности источников». Автор ставит одну из сложных задач в исторической науке – анализ информативности документов, используемых при изучении истории Гражданской войны. Следует заметить, что в работе автор анализирует и периодическую печать [15, с. 38].

В диссертации Н.А. Глущенко предпринята попытка освещения американскими СМИ (газета Нью-Йорк Таймс) событий иностранной интервенции в России. Особо следует выделить раздел, посвященный оценке союзнической интервенции, где подробно рассматривается специфика идеологической направленности освещаемых в американской прессе вопросов. Особой заслугой автора можно признать детальную разработку вопроса об отражении в газете «The New York Times» эволюции отношений США с антибольшевистскими силами на территории Сибири и Дальнего Востока [5, с. 5].

Таким образом, анализ периодической печати периода Гражданской войны и иностранной интервенции позволяет сделать вывод, что проблема изучена фрагментарно. В исторической литературе отсутствуют работы, в которых бы анализировалась японская интервенция в Забайкалье.

Политические лидеры Японии ставили себе задачу, воспользовавшись сложившейся внешней и внутренней ситуацией в России, под любыми предлогами включить в свою сферу влияния, а при более благоприятных условиях и осуществить захват российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Японская газета «Фузан Ниппо» писала: «Сибирь изобилует природными богатствами. Американцы и европейцы… стремятся к разработке ее богатств. Япония имеет такие же права на разработку ее богатств» [12, с. 20].

Предлогом вторжения на территорию России Японии и других держав стали необходимость помощи чехословакам, стремившимся выехать на родину через российский Дальний Восток, а также размышления по поводу вооружения большевиками немецких и австрийских военнопленных для борьбы с противниками советской власти. Одним из первых в порт Владивостока еще в ноябре 1917 г. вошел американский крейсер «Бруклин». 12 января 1918 г. на рейде появился японский броненосец «Ивасами», 17 января – крейсер «Асахи» [12, с. 25].

Газета «Власть труда» о событиях во Владивостоке в 1918 г. писала: «По сообщениям из Владивостока положение на востоке изменилось. Японцы не расширяют пределы своих действий дальше простого патрулирования в японских кварталах. Попыткам проникнуть за городскую черту препятствует милиция» [1, с. 3].

Действия японской армии освещены в периодической печати. Газета «Дальне-Восточная Республика» сообщала, что «действия японских войск сильно нервируют население. Часто имеют место следующие случаи: на днях солдат ударил прикладом одну даму, и когда она обратилась к рядом стоящему офицеру, он сказал, что это молодой солдат. Применяется и мордобойство. Так, например, перед отходом, когда нагружался пароход, японский солдат ударил одного матроса только потому, что тот по незнанию не пропустил корейцев. И вообще, по каждому поводу корейцы идут к японцам, а те чинят расправу. Управа против этого бессильна. Жители постановили закрыть управу до принятия мер областной земской Управой для ослабления создавшегося напряженного настроения благодаря действиям японских войск» [6, с. 6].

События на железной дороге периода Гражданской войны запечатлены в газете «Дальне-Восточная Республика» (№ 78 от 11 августа 1920 г.), где следует, что: «…железнодорожники, перебежавшие к нам из семеновского стана, рассказывают, что по 29 июля японцами вывезено из Читы 1100 вагонов груза. С 29 числа эвакуируются японские мирные граждане. Эвакуация идет усиленным темпом, погрузка идет даже ночью. С 29 июля по 2 августа японцы отправляют по 2-3 эшелона в день. Для более спешной эвакуации не хватает вагонов» [7, с. 4].

Большое внимание уделялось агитационно-пропагандистской работе среди населения и красноармейцев. Местные газеты «Центросибирь», «Вестник Советов Прибайкалья», «Прибайкальский рабочий» призывали рабочих и крестьян подниматься на борьбу с внутренними и внешними врагами. «Рабочие, крестьяне, казачество и буряты, – писал "Забайкальский рабочий", – поднимайтесь, спешите,

формируйте части. Фронтовики, к оружию! Отечество, новое свободное Отечество, зовет вас исполнить ваш долг перед ним и перед собой. Покажите, что из-за каждого камня, дерева, пади, горы наступающий непрошенный иноземец и свои предатели встретят непреодолимую народную силу» [11, с. 2].

В работе А.В. Константиновой и Н.Н. Константиновой приводится выдержка из газеты «Забайкальский рабочий», в которой описывается золотодобыча: «Скучно и однообразно течет жизнь на промыслах. Рабочих мало, каких-либо развлечений и увеселений нет. Рабочие, как русские, так и китайцы, моют золото и сдают его скупщикам. В контору же отдают небольшое количество – приблизительно 20 %. Ввиду слабого надзора, как со стороны служащих, – администрации, так и организаций, где представители только желают угодить заблудившихся рабочих, золото уходит спекулянтам, которые на нем наживаются» [13, с. 32].

Сведения об ущербе от действий японской армии сохранились в материалах местной периодической печати. Большой ущерб от японской интервенции получила промышленность Забайкалья. «Семеновцами из Читы вывезены два кожевенных завода – Акулова и Чернова, механическая фабрика обуви – Мекиладзе» [8, с. 4].

Интервенты, особенно американские и японские, расхищали народное добро. За годы интервенции было вывезено большое количество различных товаров, пушнины, минерального сырья, железнодорожного имущества [7, с. 1]. При своем бегстве в монгольские степи семеновцы взрывали здания станций, хижины мирных жителей, разрушали мосты и телеграфные провода. Ночами кругом видны были зарева пожарищ [9, с. 2].

Интересны сведения из периодической печати об эвакуации японских войск из Забайкалья, «…уходящие из Читы семеновцы увозят с собой абсолютно все. Вывезены уже государственные ценности, архивы, различного рода машины, склады, типографии и даже обстановка, приступили к эвакуации государственной конюшни, тюрьмы, милиции и всех гражданских правительственных учреждений. Среди населения паника, ввиду возможности погрома уходящих частей. Вывезли бы, кажется, даже читинский песок, если бы была возможность [4, с. 3]».

Газета «Вперед» пишет: «Из оперативной сводки Штаба Амурско-Забайкальского фронта от 12 августа 1920 г. следует, что семеновцы и каппелевцы эвакуируются под прикрытием японцев. Вслед за белыми уходят и японцы» [2, с. 5].

Газета «Дальне-Восточная Республика» писала, что, 27 июля Семеновым был подписан приказ № 109 о том, что все бронепоезда к 15 августа должны быть готовы к оставлению Читы. Семеновцами из Читы вывезены два кожевенных завода Акулова и Чернова, механическая фабрика обуви Мекиладзе [7, с. 1]. Таким образом, Забайкалье понесло значительный материальный вред от японцев.

Газета «Вперед» об эвакуации войск пишет, что эвакуация окраин и «читинской пробки» японскими войсками закончилась. Из мест эвакуации сначала уходят японские резиденты с частями, затем семеновцы, а потом уже в хвосте опять японцы. Выведенные из пределов Забайкальской области войска группируются по линии железной дороги станции Маньчжурия. При эвакуации порядок поддерживается исключительно японцами. Бесчинства семеновцев ими ликвидируются. Всякая попытка нарушить или спровоцировать условия перемещения в корне пресекаются. Войска теперь отправляются прямо в Приморье, где для них приготовлены квартиры. Часть войск задерживается на линии КВЖД, которую японцы не собираются очищать по соображениям политического и экономического характера. Войска, которые были разбросаны в Северной Маньчжурии, стянуты или к Хабаровску, или к Цицикару [3. с. 6.]

Анализ представленных документов, позволяет сделать вывод, что местное население понесло значительные убытки от пребывания японских войск на территории Забайкалья. Для подсчета убытков и их возмещения в 1921 г. было создано Общество содействия жертвам интервенции, которое занималось сбором статистических сведений о материальном ущербе населения Забайкалья.

Анализ современных исследований, работа с новыми архивными документами, которые представлены в виде периодической печати, позволили констатировать, что японская интервенция в Забай-

калье носила грабительский характер. Периодическая печать свидетельствует о том, что вместе с эвакуацией японских войск из Забайкалья, происходил вывоз заводов, пушнины, предметов быта. Японская интервенция в Забайкалье проникала во все сферы жизни: политику, экономику и другие сферы, и эти действия, на наш взгляд, контролировались правительствами США, Англии, Франции.

Библиография

1. Власть труда. – 1918. – № 69, 17 апр. – С. 10.
2. Вперед. – 1920, 12 авг. // ГАЗК П-4307. Оп. 2, д. 842, л. 40.
3. Вперед. –1920, 18 авг. // ГАЗК П-4307. Оп. 2, д. 842, л. 41.
4. ГАЗК. ФП-4307. Оп. 2, д. 843, л. 23.
5. Глущенко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 г.): по материалам газеты «The New York Times»: автореф. дис.. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Томск, 2014. – 22 с.
6. Дальне-Восточная Республика. – 1920. – № 75, 7 авг.
7. Дальне-Восточная Республика. – 1920. – № 78, 11 авг. // ГАЗК П-4307. Оп. 2, д. 842, л. 39.
8. Там же. – Л. 39.
9. Там же. – Л. 39.
10. Дальне-Восточная Республика. – 1920. – № 151, 12 нояб. // ГАЗК. П-4307. Оп. 2, д. 843, л. 1.
11. Забайкальский рабочий. – 1918. – № 132, 10 июл. – С. 6.
12. История Бурятии. Т. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 32-48.
13. Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (1917-1922 гг.). – Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. – С. 32.
14. Оснос Ю. Семенов – ставленник японской интервенции // Борьба классов. – 1937. – № 7.
15. Тымчик В.И. Гражданская война и иностранная интервенция на Востоке России (1918–1920 гг.): Проблема информативности источников: автореф. … дис. д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.И. Тымчик. – М., 1996.

Bibliography

1. The Power of Labor. 1918. No. 69. 17 April. P. 10.
2. Forward. 1920. 12 Aug. // SAZR P-4307. Inv. 2. F. 842. L. 40.
3. Forward. 1920. Aug. 18 // SAZR P-4307. Inv. 2. F. 842. L. 41.
4. SAZR. Col. P-4307. Inv. 2. F. 843. L. 23.
5. Glushchenko N.A., Civil War and Intervention in Siberia and the Far East in the Assessments of the American Periodical Press (late 1917 - April 1920): based on the materials of the newspaper The New York Times: Diss. PhD Hist.Sciences 07.00.02. Tomsk, 2014. 22 p.
6. The Far Eastern Republic. 1920. № 75. August 7.
7. Far Eastern Republic No. 78 of August 11, 1920. // SAZR P-4307. Inv. 2. F. 842. L. 39.
8. Ibid., L. 39.
9. Ibid. L. 39.
10. The Far Eastern Republic. 1920. № 151. 12 November. // SAZR. P-4307. Inv. 2. F. 843. L. 1.
11. The Transbaikalian worker. No. 132. 1918. 10 July. C. 6.
12. History of Buryatia, Vol. 3. - Ulan-Ude, BSC SB RAS Press. - 2011, pp. 32 - 48.
13. Konstantinov AV, Konstantinova N.N., History of Zabaikalie (1917-1922) Chita: ZSU Press, 2016. P. 32.
14. Osnos Y. Semenov – a protege of Japanese Intervention / / Fighting Classes. 1937. № 7.
15. Tymchik V.I., The Civil War and Foreign Intervention in the East of Russia (1918-1920): The Problem of Information Sources: Diss. Doct. Hist. Sciences: 07.00.02 / V. I. Tymchik. - Moscow, 1996

Ю.А. Кубрикова, преподаватель, e-mail: u3012@yandex.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 93/94

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ В ХОДЕ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье обобщенно представлены действия, в которых выразилось противодействие в информационной сфере между силами, проводившими интервенцию, и большевистскими силами.

Ключевые слова: *информационная война, интервенция, большевики, США, Япония*..

Yu.A. Kubrikova, Senior

TO THE QUESTION OF INFORMATION WAR HELD DURING THE TIME OF THE FOREIGN INTERVENTION IN SIBERIA AND THE FAR EAST DURING THE CIVIL WAR

The article presents summarised actions that have comprised counteraction in the information sphere between the forces conducting the intervention, and the Bolshevik forces

Key words: information war, intervention, the Bolsheviks, USA, Japan..

В сложной политической обстановке особое значение приобретает информационно-коммуникационная среда, использование которой становится одним из тактических инструментов проводимой политики. Процесс использования информации для воздействия на население, власти и военные силы противоборствующих сторон известен как информационная война. Данный инструмент активно использовался сторонами, участвовавшими в интервенции на территории Дальнего Востока и Сибири в годы Гражданской войны, а также со стороны различных российских сил.

Согласно авторскому определению исследователя Е.О. Полушина информационная война – это целенаправленные действия в информационном пространстве между двумя и более субъектами, выражающиеся в применение специальных средств и методов, которые направлены на достижение превосходства над противником в информационном пространстве [1]. В ходе иностранной интервенции в Сибири осуществлялось информационное противостояние между сторонами, проводившими интервенцию, с одной стороны, и большевистскими силами – с другой, которое было успешно выиграно последними. Большевики направили организованные усилия на обеспечение информационного превосходства над противником, что и было достигнуто и способствовало победе и закреплению большевистской власти в регионе.

Рассмотрим, с помощью каких действий велась информационная война в указанный период.

Особенностью проведения интервенции была завуалированность ее целей. Страны – союзники России (Антанта), а также США, Италия, были заинтересованы в устранении большевизма. При этом политика правительств данных стран была направлена на содействие силам, стремившимся свергнуть большевистский режим. Одним из видов такого содействия была военная интервенция.Однако союзники и США опасались, что открытая интервенция встретит жесткое сопротивление, ведущее к объединению сил России против иностранного вторжения, вызовет осуждение международного сообщества, и таким образом усилит власть большевиков.Таким образом, правительствами была выбрана стратегия введения большевиков, а также международного сообщества, в заблуждение относительно целей интервенции. Информационное взаимодействие с Россией строилось таким образом, чтобы «убедить русских в «бескорыстии союзников» [2].

Для этой цели сторонами интервенции была разработана и применялась «легенда», по которой их войска помогают народу Сибири и Дальнего Востока защититься от германской угрозы. Была развернута кампания по распространению информации о том, что военные силы союзников необходимы в Сибири и на Дальнем Востоке, как и в других частях России, чтобы помочь гражданам России справиться с германской угрозой [2].

Для этого последовательно распространялись слухи о том, что в Сибири находится большое число германских военнопленных, которые были и хорошо вооружены для начала операции против России прямо в ее тылу, в Сибири. Большевики также представлялись немецкими агентами. Так, на

основании заявлений консулов США и Франции в Иркутске «военное министерство США объявило 30 марта 1918 г., что 20 тыс. германских пленных захватили Иркутск».

В ответ на это сообщение официальными органами РСФСР было предложено посещение Сибири иных официальных представителей иностранных государств. Поездку с целью проверки состояния в Сибири совершили сотрудник английского посольства капитан У. Хикс и представитель американской миссии Красного Креста капитан У. Уэбстер, которые выявили ложность слухов о восстаниях военнопленных. Такую же информацию представил в Токио бывший посол Японии в России Утиде и иные лица. Их доклады, однако, были проигнорированы, и легенда о защите России от Германии продолжала использоваться [2].

Кроме этого, был использован непосредственный повод для введения войск – помощь в эвакуации чехословацкого корпуса.

3 августа 1918 г. была обнародована декларация Правительства США, в которой говорилось о возможности военных действий войск интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке для защиты чехословацких войск от нападения австро-немецких пленных и содействия русским гражданам в деле самоуправления и самозащиты. В ней же говорилось о том, что США против военной интервенции, которая могла бы принести вред России [3].

Данная пропаганда была рассчитана не только на российскую, но и на международную общественность для оправдания интервенции, а также предназначалась для поднятия боевого духа интервенционных войск.

Довольно активно применялись заверения, не соответствовавшие действительным намерениям, призванные успокоить большевиков и привлечь население на свою сторону. Это были заявления официальных представителей стран-интервентов о том, что они не намерены вмешиваться во внутренние дела Российского государства, заявления о сочувствии революции, обращения к населению оккупированных городов о намерении защитить его от опасностей.

В ноте Чичерина Правительству Японии от 24 апреля 1918 г. утверждалось, что японское посольство в Петрограде и консул Японии в Москве Уэда неоднократно «давали заверения в том, что японское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела России» [4].

В действительности внутри японских правящих и военных сил существовали противоречия, которые, однако, уже были преодолены на момент обращения. Так, в книге «Путь небесного меча: Японская армия в 1920-х гг.» («The Wayof Heavenly Sword: The Japanese Armyin the 1920-s») утверждается, что военный лидер Ямагата, являвшийся в те дни фактическим лидером страны, вместе с премьер-министром Тераучи противостояли идее участия в интервенции. Наиболее активным противником был Хара, возглавлявший одну из партий и ставший через несколько месяцев после введения войск премьер-министром. Основными его доводами были финансовая экономия и острота внутренних вопросов. Хара, однако, провозглашал необходимость сотрудничества с США во внешней политике, и в итоге согласился с позицией США относительно интервенции. Такие влиятельные военные генералы, как Уэхара и Танака активно продвигали поддержку «населения азиатской части России в его стремлении защитить свою отчизну от германо-австрийского влияния» (из доклада Танака весной 1918 г.). Под германо-австрийским влиянием понимались большевистские силы. Ямагата и Тераучи уступили внутреннему и внешнему давлению, согласившись с необходимостью интервенции [5].

Такой способ действий в информационной сфере, как слухи, широко использовался и японскими силами, которые задумывали независимое вторжение на Дальний Восток, начиная еще с 1917 г. Им было важно выявить отношение США к независимым действиям Японии, которые старались не допустить усиления влияния Японии в восточных регионах. «Своеобразным зондажем мнения союзников и российской общественности явились действия Японии по распространению слухов в печати о том, что в декабре 1917 г. японские войска уже высадились во Владивостоке, на что со стороны Вашингтона сразу же последовала отрицательная реакция» [6].

Несмотря на подаваемые в официальных декларациях и сообщениях армии смысловые сообщения о «бескорыстии» при введении войск на территорию России, намерения союзников и стран-интервентов были очевидны для российских сил: свержение большевиков, раздел территории страны. Это было ясно как для большевистских, так и для контрреволюционных сил, которые принимали ответные меры в информационной среде.

Заинтересованное в полной автономии контрреволюционное Временное автономное правительство Сибири поспешило оказать информационное сопротивление готовившейся интервенции уже в марте. 26 марта 1918 г. в печати Временного правительства автономной Сибири вышло «Воззвание к населению Сибири по поводу высадки десанта иностранных войск» Г. Потанина, на тот момент остававшегося одним из «наиболее авторитетных лидеров в Сибири» [6], который недавно ушел в отставку

с поста председателя Временного Сибирского областного совета. Воззвание предупреждало об угрозе общественным интересам со стороны иностранной интервенции с Востока, призывало выступить с протестом против того, чтобы судьбами Сибири распоряжались иностранные силы, отстоять право Сибири на автономию [8]. Воззвание печаталось в газетах и распространялось в листовках [7].

Подобным же образом отреагировали пропагандистские силы большевиков. После «пробной» высадки десанта Японии во Владивостоке 5 апреля 1918 г. было выпущено «Воззвание Центро-Сибири по поводу высадки десанта иностранных войск ко всей рабочей и крестьянской Сибири». В воззвании раскрывались несоответствия между заявлениями адмирала Като о сочувствии революции и поведением японского правительства (аресты социалистов, укрытие контрреволюционных сил в Японии, деятельность японских агентов в Монголии). Обличались истинные мотивы высадки десанта – содействие свержению большевистской власти.

Большевики придавали исключительное значение агитации и пропаганде, которые были необходимым условием для удержания власти в их руках, и большевистская пропаганда была несравнимо эффективнее пропаганды белогвардейцев и иностранных интервентов. Информационная атака была предпринята и против военных сил интервенции.

Везде, где находились интервенты, была развернута пропаганда социалистических идей среди солдат противника. Был выдвинут лозунг «Руки прочь от Советской России!», который и призывали поддержать солдат иностранных войск.

Пропаганда не была абстрактной. В ней предлагались практические шаги для иностранных солдат, которые они могли предпринять для окончания своего пребывания в России:

«– по примеру трудящихся России повернуть оружие против своих классовых врагов – капиталистов;

– отказываться воевать и требовать от своего командования немедленного возвращения домой;

– сдаваться в плен Красной армии» [9].

Пропаганда была эффективной и находила отклик у солдат экспедиционных войск [9].

Таким образом, в ходе иностранной интервенции в годы Гражданской войны информационная война велась путем информационного воздействия на гражданское население, властные круги и военные силы. Каналы распространения информации: правительственные декларации, официальные заявления, распространение информации в печатных периодических изданиях и листовках, личные встречи, обращения к гражданскому населению, обращения к солдатам. К конкретным методам, использованным сторонами интервенции, относились распространение слухов, введение в заблуждение.

Большевики использовали две группы мер информационного противодействия:

– нейтрализация вражеских посланий;

– наступательная пропаганда.

Для реализации первой цели использовались эмоциональные и содержательные воззвания к населению, активная разъяснительная работа, предотвращающая возможность влияния посланий противника на умы населения.

Во вторую группу входили эмоциональные обращения к иностранным солдатам с практическими указаниями, для чего использовались специальные сотрудники большевистской армии, ответственные за агитацию и пропаганду, иностранные языки, громкоговорители, плакаты и т.д. [9].

Преимуществами информационной работы большевиков были непосредственный контакт с массами населения и солдатами, массовый охват населения пропагандой, личностные, эмоциональные и практичные обращения. Играли большую роль такие психологические факторы, как контакт на равных, стратегия раскрытия, а не сокрытия информации. Большевики в полной мере использовали возможности ведения информационной войны. Это стало важным фактором победы в условиях наступательной информационной стратегии сил интервенции.

Библиография

1. Полушин Е.О. К вопросу о понятии и сущности информационной войны // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2009. – № 2.

2. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск: Наука, 1983.

3. Иноземцев Н.Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960.

4. Нота заместителя народного Комиссара по иностранным делам т. Чичерина правительству Японии // Газ. Известия ВЦИК. – 1918, 26.04. – № 84.

5. L.A. Humphrey “The Way of Heavenly Sword: The Japanese Army in the 1920-s” // Stanford Univ. Press. – 1995.
6. Мухачев Б.И. Подготовка и начало интервенции на дальнем востоке (октябрь 1917 – октябрь 1918) (архивная) [Электронный ресурс]. – URL: https://vladivostok.com/archive/10/03/intervencia1.asp
7. Шиловский М.В. Полнейшая самоотверженная преданность науке: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. – Новосибирск: ИД "Сова", 2004.
8. Газ. «Вестник Временного Правительства Автономной Сибири». – 1918, 6.07. – № 2.
9. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). – Изд-во: Минск, 1999.

Bibliography

1. Polushin E.O. To the question of the information warfare concept and essence // MGOU Herald. Series “History and Political Sciences” - №2
2. SvetachevM.I. The imperialist intervention in Siberia and the Far East. - Novosibirsk: Nauka, 1983.
3. Inozemcev N.N. US foreign policy in the era of imperialism. – M.: State Publishing House of Political Literature, 1960
4. The note of the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs, Comrade Chicherin, to the Government of Japan. Izvestiya VCIK, № 84, 26.04.1918
5. L.A. Humphrey “The Way of Heavenly Sword: The Japanese Army in the 1920-s”. Stanford Univ. Press, 1995
6. Mukhachev B.I. Preparation and initiation of intervention in the Far East (October 1917-October 1918) /Archive/ Available at: https://vladivostok.com/archive/10/03/intervencia1.asp
7. Shilovskij M.V. " Complete Devotion to the Science": G. N. Potanin. Biographical sketch. Novosibirsk, Sova Publ., 2004.
8. the Provisional Government of Autonomous Siberia Bulletin, №2, 6.07.1918
9. Krysko V.G. Secrets of Psychological Warfare (goals, tasks, methods, forms, experience). – Minsk Publ., 1999

И.Н. Семушев, студент, e-mail: ivansemushev@gmail.com
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК: 94 (571.54)

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ

Несмотря на то, что с момента Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны прошло много времени, наше представление о произошедших событиях не является полным. С распадом СССР начинает изучаться другая сторона этой войны – сторона контрреволюции. В советское время проблема Белого движения была изучена крайне слабо, начиная же с 1930-х гг., публикации на данную тему прекратились вовсе. В статье рассматривается ход боевых действий Гражданской войны на территории Западного Забайкалья, в период с Октябрьского переворота до отступления войск Семенова к Чите в марте 1920 г., с позиции Белой армии и проанализированы основные факторы, повлиявшие на дальнейшее поражение белогвардейцев.

Ключевые слова: *Гражданская война в Бурятии, Семенов, Забайкалье, Белое движение Унгерн, Верхнеудинск, казачество, интервенция*

I.N. Semushev, Student

THE WHITE MOVEMENT IN THE WESTERN ZABAIKALIE. THE REASONS OF THE DEFEAT

A lot of time has passed since the Great Russian Revolution and the Civil War, but our view of the events that have occurred is not complete. With the collapse of the USSR, the other side of this war, the side of the counter-revolution, begins to be studied. In the Soviet period, the problem of the White Movement was studied very poorly, starting from the 30s of the XX century, publications on this topic ceased altogether. This article examines the course of combat operations of the Civil War on the territory of Western Zabaikalie from the position of the White Army and analyzed the main factors that influenced the further defeat of the White Movement.

Key words*: the Civil war in Buryatia, Semyonov, Zabaikalie, the White movement, Ungern, Verkhneudinsk, Cossacks, intervention.*

С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г., в результате Октябрьского переворота, в нашем государстве наблюдается глубокий общественный раскол, начинается Гражданская война. Белое движение стало единственным организованным военно-политическим объединением, способным противостоять большевикам в борьбе за власть. На территории Восточной Сибири, и в Западном Забайкалье в частности, в годы Гражданской войны развернулся ряд важных мероприятий, имевших значение, как на местном, так и на общегосударственном уровне.

Стоит отметить, что главной задачей белогвардейцев было не восстановление прежних порядков в лице монархии, как это принято считать, а сохранение прежней России, установление законной власти в государстве. Законность власти должно обеспечить будущее Учредительное собрание. Те элементы, которые, пользуясь сложившейся ситуацией, радикальными методами, пытаются взять власть в свои руки, являются главными противниками Белого движения. Белое движение противоборствует не только Советской России и большевикам, но и силам, направленным на разрушение привычного устройства государства, силам, проводившим неэффективную и негативную по отношению к стране политику.

Деятельность Белого движения на территории Забайкалья в первую очередь связана с именами Г.М. Семёнова и барона Унгерна фон Штернберга. Первый, после событий февраля 1917 г., получил согласие А.Ф. Керенского и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на формирование частей из бурят и монголов в Забайкальской области – конный Бурят-Монгольский казачий отряд. Создание воинского формирования из инородцев Семёнов хотел использовать для мотивирования и побуждения фронта к действию: «Видя полный развал, охвативший армию, я вместе с бароном Р.Ф. Унгерн-Штернбергом решил испробовать добровольческие формирования из инородцев, с тем чтобы попытаться оказать давление на русских солдат если не моральным примером несения службы в боевой линии, то действуя на психику наличием боеспособных, не поддавшихся разложению частей…» [8].

Барон Унгерн перед началом октябрьских событий проходил службу в Забайкалье, где занимался формированием воинских частей из местного населения. Он стал одним из приближенных и главных помощников Г. М. Семёнова.

Рассмотрим основные боевые действия между партизанскими отрядами, частями Красной армии и контрреволюционными силами, представленными белой армией на территории Западного Забайкалья с момента захвата власти большевиками в октябре 1917 г. до отхода семеновских формирований в Восточное Забайкалье в марте 1920 г.

На момент Октябрьского переворота Семенов находился в Верхнеудинске, где занимался набором отряда. 10 ноября штаб округа потребовал объяснений по поводу принятия в формирующийся отряд не только инородцев, но и добровольцев русской национальности. Это стало причиной столкновения с новой властью – 12 ноября полк Семенова, поддержанный запасной сотней от станции Березовка, вступил в бой с революционными отрядами [8]. После приезда в Читу Семенов вынужден отправиться в Харбин. Здесь он формирует «Особый маньчжурский отряд» (ОМО). В начале января 1918 г. в отряде Семенова было 74 офицера, 3 чиновника, 300 баргутов, 80 монголов, 120 казаков – русских и бурят [3, с. 46]. В январе-феврале 1918 г. он начинает движение из Маньчжурии на Читу, занимая станции Даурия, Оловянная и Борзя.

Стоит отметить, что на данном этапе формирование Белого движения еще не было окончено, оно продолжалось до осени 1918 г., когда на Дальнем Востоке и в Сибири пала Советская власть. Разрозненные по всей территории России белые воинские части, не имевшие единого командования в сложившихся условиях, были вынуждены действовать самостоятельно. Взятие инициативы в свои руки имело огромное значение для судьбы контрреволюционных сил. При все более широком распространении власти большевиков в военной среде повсеместно падала дисциплина и нарастала анархия.

В это же время для противодействия Семенову был сформирован отряд во главе с С.Г. Лазо, назначенным командующим войсками Забайкальского фронта. Эта армия объединяла красногвардейские отряды Читы, Верхнеудинска, Петровского завода, станции Хилок, и революционные полки Забайкальского казачьего войска [10]. С конца февраля превосходящие силы отряда Лазо в небольших стычках наносят поражения маньчжурскому отряду. 1 марта Семенов вынужден оставить ст. Даурия и отступить к ст. Шарасун, после чего он возвращается в Маньчжурию.

По возвращении Г.М. Семенова в Маньчжурию состав Особого отряда подвергается изменениям: сформированы новые полки, включен японский отряд, отряд сербов, два полка, состоявших из китайцев [8]. В начале апреля ОМО вновь наступает на Забайкалье. План вторжения базировался на быстром распространении власти на территории Забайкалья для дальнейшей мобилизации местного населения в контрреволюционные войска. Второе наступление на Забайкалье также не было удачным

для белых. Поддержанное восставшим Забайкальским казачеством, ОМО подошел к Чите, но был отброшен красногвардейцами. В целом, до конца июля семеновцы вели сражения с местными красногвардейскими отрядами, крестьянами и рабочими Забайкалья, а также прибывшими отрядами из Западной Сибири и Дальнего Востока. Семенов вновь отступил за границу. С этого времени остатки войск Семенова действуют с территории Маньчжурии, совершая систематические набеги на Забайкалье.

Неудачи войск Семенова в первые месяцы Гражданской войны можно объяснить несколькими причинами:

1) большая часть местного населения поддерживала позиции большевиков, средние и низшие слои населения не желали возвращения к буржуазным порядкам, поэтому массы рабочих и крестьян выступали в войне на стороне революции (если не напрямую, то косвенными методами);

2) Советы повсеместно брали власть в свои руки на всей территории Забайкалья, проводя агитацию и формируя воинские отряды. Прежние органы власти распускались – земские управы, городские думы или же Комитеты общественной безопасности (организации);

3) часть казачества, настроенная контрреволюционно, еще не вернулась с фронтов Первой мировой войны, поэтому силы Г.М. Семёнова изначально были неполными. Стоит отметить, что формирование Бурят-Монгольского отряда из инородцев на момент Октябрьского переворота не было завершено.

Летом, для создания угрозы Забайкальскому фронту с тыла, в Монголии был сформирован отряд во главе с есаулом Надзоровым, одним из командующих Семеновскими войсками. Он перешел границу близ Троицкосавска и занял станицу Большая Кудара. Отряд Надзорова был разбит войсками, прибывшими из Красноярска и Черемхово. В боях участвовали Ц.Ц. Ранжуров и П.А. Горяинов, которые являлись одними из организаторов Красной гвардии в Троицкосавске [1, с. 31].

В последующий месяц войска атамана Г.М. Семёнова возьмут под свой контроль территорию Западного и Восточного Забайкалья: 16 августа советская власть падет в Троицкосавске, 20 августа – в Верхнеудинске, а 26 августа – в Чите. На временное падение власти Советов на данной территории повлияли два внешних фактора:

1) поддержка белой армии интервентами. В апреле японские войска начали оккупацию дальнего Востока;

2) к Семёнову присоединяются части Чехословацкого корпуса. В конце мая произошел белочешский мятеж. В начале лета оперативная группа корпуса под командованием капитана Р. Гайда совместно с частями 1-го Средне-Сибирского корпуса Временного Сибирского правительства под командованием подполковника А.Н. Пепеляева повели наступление в направлении Иркутск – Верхнеудинск – Чита [11]. Западнее Читы войска Пепеляева соединились с казаками Семенова.

22 августа в Верхнеудинске была восстановлена деятельность уездной земской управы. На Верхнеудинском съезде в конце ноября Бурнацком был переименован в «Народную думу» бурят Восточной Сибири. Контрреволюционные круги восстановили в Забайкалье права и привилегии буржуазного класса, владельцам постепенно возвращались национализированные Советами предприятия и земельные наделы. Было введено военное положение. Белое движение являлось противником сторонников радикальных изменений – большевиков, и объединила их врагов – сторонников партии эсеров, народных социалистов и монархистов, которые и восстанавливали буржуазные порядки на местах. В частности в Забайкалье «белые» опирались на нойонов, зажиточных крестьян или кулаков, ламаистское духовенство, атаманов. В советской литературе обходится тот факт, что довольно крупная часть местного населения из крестьян и казачества также выступала на стороне Белого движения. Так, атаман Семёнов для борьбы с Красной армией и революционным движением в области объявил мобилизацию молодежи [9, с. 39]. С этого времени революционные действия на территории Забайкалья приобретают новую форму, создаются партизанские отряды.

Одним из значимых эпизодов противостояния с революционными силами являются столкновения белогвардейцев с партизанами в пределах Тункинского аймака. Здесь оперировали отряды Н. Каландаришвили и В. Рогозина, которые столкнулись с белыми под Усть-Кяхтой и Атамано-Николаевской станицей (современный Харацай) в конце августа, а позже перешли в Монголию. Отсюда Каландаришвили отправился к Туранской заставе Тункинского аймака, где его ждал небольшой отряд туранских и шимкинских казаков.

С осени 1918 г. зарождавшееся партизанское движение охватывало лишь несколько участков Западного Забайкалья, тогда как со следующего года противники семеновцев активизируются повсеместно. Для подавления революционных очагов белыми снаряжались карательные отряды из казаче-

ства, мобилизованных местных жителей. Также участие приняли и японские солдаты. Основу контрреволюции составили три группы войск: Верхнеудинская; Троицкосавская; Петровск-Забайкальская (Петровский Завод).

После 1918 г. на территории Забайкалья широко разворачивается революционное партизанское движение. В ноябре – декабре 1919 г. захвачены села Новый Заган, Мухоршибирь, Бичура. Главный революционный штаб Прибайкалья 22 декабря издал приказ, объявивший Верхнеудинский, Троицкосавский уезды, Хоринский и Селенгинский аймаки на военном положении. Территория, охваченная восстанием, объявлялась частью РСФСР [5, с. 43]. Белогвардейцы и интервенты в районы, охваченные восстанием, снаряжали новые крупные карательные отряды. Так, 31 декабря из Верхнеудинска в направлении села Тарбагатай вышла Дикая дивизия в составе 400 штыков, 100 сабель при двух пулеметах и двух орудиях под руководством генерала П. Левицкого. Ранее П.П. Левицкий состоял на должности начальника сводной Монголо-Бурятской дивизии, выделенной из частей Азиатского конного корпуса, а позже стал командиром Дикой дивизии барона Унгерна [2]. Дикая дивизия состояла в основном из монголов-чахар – остатков армии Даурского правительства. Другой отряд в 120 штыков 30-го Нерчинского полка направлялся к Селенгинску. 1 января Дикая дивизия заняла села Кардон и Колобки. Партизаны во главе с Лещенко организовали оборону на Омулёвой сопке, близ Тарбагатая. Бой продолжался пять часов, после чего Левицкий отступил. 11 января Дикая дивизия, получив в подкрепление отряд есаула Измайлова, вышла из Верхнеудинска [7]. После боя в селе Ганзурино дивизия отступила на Гусиное озеро.

Оба отряда контрреволюционных сил были подавлены. К началу 1920 г. основные силы партизан Западного Забайкалья распределились по участкам, расположенным против городов и мест, занятых интервентами и белогвардейцами.

4 января из Петровского Завода на Харауз, где стоял заградительный отряд партизан Мухоршибирской и Хонхолойской волостей, вышли два батальона японцев и семеновцев с 8 пулеметами и макленочной батареей. Полки, воспользовавшись численным превосходством, продвинулись вглубь района, заняли Харауз, Никольск, Хонхолой и нанесли поражение партизанам под Харашибирью. Победы второй группы подрывали позиции партизан, и создавали угрозу для их северного фронта.

Третья группа белогвардейцев из Троицкосавска повела наступление на деревни Старые Ключи и Окино-Ключи, чтобы занять Бичуру и соединиться со второй группой. План объединения был сорван партизанами во главе с А.П. Алферовым и Е.А. Петровым, бросившими конный отряд в 200 сабель в обход белых [5, с. 83].

Японский отряд, узнав о поражении третьей группы, занял Новую Зардану, откуда позже отступил к Петровскому заводу. Так, в первой половине января 1920 г. все три карательных отряда, направленных на подавлений крестьянских восстаний в Западном Забайкалье были нейтрализованы. Опора контрреволюции потерпела поражение. Большая часть Западного Забайкалья была занята партизанами, а семеновцы и интервенты сосредоточивались лишь в Верхнеудинске, Троицкосавске и вдоль узкой полосы железной дороги [9, с. 152].

В это время войска А. В. Колчака были разбиты западнее Иркутска, остатки Белой армии двумя группами попытались прорваться на восток. Каппелевцы планировали задержаться в Западном Забайкалье, перегруппировать силы и создать укрепления за ст. Мысовой, т.е. отрезать Восток от Запада. В сложившейся ситуации Колчак решает передать всю полноту власти генерал-лейтенанту Деникину, но только по приезде в Верхнеудинск [6, с. 559-561]. В целях же сохранения власти Белого движения на Восточной Окраине власть передавалась атаману Семёнову, которому было поручено образовать органы Государственного управления в пределах распространения его власти. Данный акт не может считаться отречением Колчака от власти, так как Деникин назначался лишь его преемником. Это было сделано для сохранения целостности контрреволюционных сил, для недопущения анархии и междоусобиц в случае ухода Колчака.

Каппелевцы во главе с генералами Войцеховским и Сахаровым продвигались по Старо-Московскому тракту к Верхнеудинску, по пути вступая в сражения с партизанами (под Кабанском, на ст. Тимлюй, близ деревни Елань). Численность каппелевской дивизии по источникам разнится. В обращении командующего крестьянской армией Лебедева к отрядам армии от 15 февраля 1920 г. численность каппелевцев обозначена в 3000 человек, продвигающимися небольшими отрядами в 100-150 человек [5, с. 163]. Добравшись до города с большими потерями, каппелевцы присоединились к отрядам семеновцев с целью прорыва блокады Верхнеудинска. Генерал Сахаров 19 февраля во главе каппелевской дивизии атаковал деревни Вахмистрово, Мухино и Бабкино. После серии неудачных попыток Сахаров покидает Верхнеудинск и продолжает движение на восток.

Вторая группа каппелевцев во главе с генералом Сукиным переправилась по льду на восточный берег Байкала в начале марта 1920 г. 4 марта каппелевцы заняли Усть-Баргузин, и направились на Баргузин. Отсюда они двинулись в Кокуй, затем в Суво, Бодон, и далее по Ине, Туракче, вышли в современный Еравнинский район. 29 марта, в 37 км от Читы отряд Сукина столкнулся с отрядом П. Морозова, который преследовал каппелевцев из Баргузина. Понеся значительные потери, белогвардейцы прорвались к Чите.

Сложная ситуация складывалась на Юго-Западном фронте. Здесь белогвардейцев поддерживали китайские войска, оккупировавшие Монголию. В январе 1920 г. объединенными силами были заняты Троицкосавск, Киран, Усть-Кяхта и окрестности. До марта 1920 г. к городу стягивались партизанские отряды. В марте-апреле китайские интервенты были выдворены с территории Бурятии.

После того как Верхнеудинск покинули каппелевцы, в городе осталось до 3000 семеновцев и около 2000 японцев. Сводка же штаба Восточно-Сибирской Советской армии за 25 февраля 1920 г. сообщает, что в Верхнеудинске не более 1500 семеновцев, а японцев «совсем мало» [5, с. 380]. Стоит отметить также, что каппелевцы покинули город не в полном составе, по сообщению П. Торгашина, добровольно перешедшего из Верхнеудинска служащего телеграфной конторы, в городе оставалось до 200 колчаковцев [5, с 382]. К вечеру 29 февраля партизанские отряды совместно с Забайкальскими группами советских войск окружили город со всех сторон. 2 марта Верхнеудинск был занят красногвардейцами. Каппелевцы и семеновцы после боя, продолжавшегося с 4 до 6:30 утра, отступили в Читу по Московскому тракту. В городе партизанские части были переформированы в 1-ю Верхнеудинскую дивизию, которая выступила для преследования белогвардейцев на Читу [4, с. 142].

Таким образом, отступление остатков войск Семенова и каппелевцев из Верхнеудинска и с падением китайской власти в Троицкосавске власть белых на территории Западного Забайкалья терпит поражение. Отмечаются лишь незначительные отдельные очаги сопротивления. Еще с поражением трех карательных отрядов, направленных из Верхнеудинска, Троицкосавска и Петровского Завода, Белое движение фактически лишилось своей опоры в Западном Забайкалье, так как данные отряды составляли основу войск контрреволюции. Территория Забайкалья стала последним оплотом власти белых в Сибири. Переход остатков войск Колчака на правый берег оз. Байкал и присоединение к противостоянию большевикам лишь на короткое время отсрочили падение власти Семёнова.

Можно выделить основные причины поражения Белого движения на территории Западного Забайкалья:

1. С падением власти Колчака на западе и со стабилизацией ситуации на других фронтах Гражданской войны, войска Красной армии получили возможность сконцентрировать свои силы и на востоке государства. Разрозненность белогвардейцев и отсутствие единого четкого командования имели особое значение в исходе кампании.

2. Стоит вспомнить, что летом 1918 г. власть Советов была ликвидирована с большой помощью иностранных войск и чехословаков. С ростом сил Красной армии и поражением белогвардейцев на западных фронтах Гражданской войны интервенты сдают свои позиции и вступают в переговоры с Советами. Так, например, в конце февраля 1920 г., при сдаче Верхнеудинска, японцы, находившиеся в городе, согласились поддержать красногвардейцев на условиях свободного прохода собственных войск. Иностранные солдаты и остатки войск каппелевцев, покинувшие Верхнеудинск, составляли значительную часть от всех белогвардейцев на данной территории. Оставшись без их поддержки, Г.М. Семёнов лишился опоры в Западном Забайкалье.

3. Еще одной из причин поражения белых можно считать проводимую ими национальную политику на местах – все попытки сепаратизма отсекались, национальные автономии отдельных территорий не признавались. Оставаясь на данной позиции, Белое движение изначально лишило себя поддержки огромных народных масс.

4. После падения власти Советов летом 1918 г. и взятия власти белыми в свои руки, массы населения не желали возвращения к старым буржуазным порядкам, к порядкам Российской империи.

Так, отступив в Восточное Забайкалье, в марте 1920 г., Белое движение лишается своей опоры на территории Бурятии. Крупные боевые действия в данной области развернутся лишь в следующем 1921 г., что будет связано с набегами Азиатской конной дивизии под командованием Унгерна фон Штернберга.

Библиография

1. Борцы за власть Советов в Бурятии. Краткие биографии участников Октябрьской революции и Гражданской войны / под ред. Д.Ц. Цыремпилона. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. –312 с.

2. Волков Е.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. – М., 2003.

3. Карпенко З.Г. Гражданская война в Дальневосточном крае (1918-1922 гг.). – Хабаровск: Дальпартиздат, 1934. –166 с.

4. Панов И.Д. Как был освобожден Верхнеудинск // Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников Гражданской войны в Бурят-Монголии. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1957. – 270 с.

5. Партизанское движение в Бурятии: сб. документов / сост. Б.Д. Цибиков, Г.М. Семина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. – 455 с.

6. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920: сб. документов / под ред. А.Н. Яковлева. – М.: Изд-во МФД, 2003. – 672 с.

7. Пицык Н. Гнев народный // Бурят-Монгольская правда. – 1940, 2 март. – № 50. – С. 3.

8. Семенов Г.М. Атаман Сеёенов о себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904-1921. – М.: Центрполиграф, 2007. – 304 с.

9. Хаптаев П.Т. Бурятия в годы Гражданской войны. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 262 с.

10. Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 337 с.

11. Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 640 с.

Bibliography

1. The Fighters for the Power of the Soviets in Buryatia. Brief Biographies of Participants in the October Revolution and the Civil War / Ed. D. Ts. Tsirepilona. - Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1967. 312 p.

2. Volkov E.V. White Generals of the Eastern Front of the Civil War. - M., 2003.

3. Karpenko Z. G. Civil War on the Far Eastern Territory (1918-1922). - Khabarovsk: DalPartizdat, 1934. 166 p.

4. Panov I. D. How Verkhneudinsk Was Liberated // Partisans of the Baikal Region: Memories of Participants of the Civil War in Buryat-Mongolia. - Ulan-Ude: Buryat-Mong. Book Publ., 1957, 270 p.

5. Partisan Movement in Buryatia. Collection of Documents / Compilers B.D. Tsibikov, G.M. Semin. - Ulan-Ude: Buryat. Publ., 1965. - 455 p.

6. The Trial over Kolchak's Ministers. May 1920. Collection of Documents / Ed. A. N. Yakovleva. - Moscow: MFD, 2003, 672 p.

7. Pitsik N. Anger of the People / N. Pitsik //Buryat-Mongolian Truth. March 2, 1940 No. 50 P. 3.

8. Semenov G. M. Ataman Semyonov about himself. Memories, Thoughts and Conclusions. 1904-1921. - M.: Tsentrpoligraf, 2007, 304 p.

9. Khaptaev P. T. Buryatia in the Civil War. - Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1967. - 262 p.

10. Khaptaev PT The October Socialist Revolution and the Civil War in Buryatia. - Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1964. - 337 p.

11. Shambarov V. Y. Belogvardeyshchina. - M.: EKSMO-Press, 2002, 640 p.

Секция 3. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Л.Б. Жабаева, д-р ист. наук, проф., e-mail: vsgtuhistory@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94:353.2(571.54)"1917"

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ БУРЯТСКОЙ АВТОНОМИИ (1917 г.)

В статье проанализирован новый этап национального движения бурят, начавшийся после Февральской революции 1917 г., который возглавила немногочисленная, но авторитетная бурятская интеллигенция. Показано, что падение монархии вселило в бурятский этнос надежду на возможность коренного изменения их судьбы новым Временным правительством. В этот период формируются политические взгляды бурятской интеллигенции, направленные на национальное возрождение бурят, формирование национальной автономии. Проходят совещания, общенациональные съезды, организуется общенациональный центр – Бурятский национальный комитет (Бурнацком), который принимает конкретные попытки конструирования бурятской автономии.

Ключевые слова: *революция, демократизация, бурятские национальные деятели, общенациональные съезды, национальная автономия, Бурнацком.*

L.B. Zhabaeva, Dr. Sc. History, Prof.

THE HISTORY OF THE OF THE BURYAT AUTONOMY ESTABLISHMENT (1917)

The article analyzes a new stage of the Buryats national movement began after the February revolution of 1917, which was headed by a small but authoritative Buryat intelligentsia. It is shown that the fall of the monarchy gave the Buryat ethnos hope for a radical change in their destinies by a new democratic Provisional government. During this period, political views of the Buryat intelligentsia were formed, aimed at the national revival of the Buryats, the formation of a national autonomy. Meetings, national conventions were organized by the national center of the Buryat national Committee (Burnaska) that took specific attempts to construct the Buryat autonomy.

Key words: *revolution, democratization, Buryat national activists, national conventions, national autonomy, Burnatcom.*

1917 год ознаменовался в России подъемом национальных движений, которые развивались с разной степенью интенсивности, в зависимости от исторических предпосылок, социальных и политических антагонизмов, влияния военных событий. Свершившаяся революция, свержение царизма, переход государственной власти в руки буржуазии, начавшаяся демократизация политической жизни были шагом вперед в развитии России. Все это подняло на новую ступень национальное движение в стране. Февральская революция открыла новый этап в национальном движении бурят, который возглавляла бурятская интеллигенция. Э-Д. Ринчино в своей работе «Великая революция и инородческая проблема в России» (издана в 1918 г.) пишет, что буряты возлагали большие надежды на революцию, которую они «восторженно и с великой надеждой и верой приветствовали» [1].

К 1917 г. бурятская интеллигенция, представляя самый многочисленный аборигенный этнос Сибири, выделялась численностью и образованностью. Следует сказать, что это была блестящая плеяда молодых людей с государственным мышлением, широтой кругозора, с кипучей и творческой энергией. Среди них были передовые личности, европейски образованные люди, ученые, получившие признание в России и за рубежом: Г.Ц. Цыбиков, Ц.Ж. Жамцарано, Б.Б. Барадин; общественные деятели М.Н. Богданов, Б.-Д. Очиров, Э-Д. Ринчино; деятели просвещения М.Н. Хангалов, Н.И. Амагаев; здравоохранения – Б.-С. Ямпилов, А.Т. Трубачеев, С.Б. Цыбыктаров, Л. Жабэ; представители литературы и искусства Д.А. Абашеев, И.Г. Салтыков, С.П. Балдаев и др. Свержение самодержавия, подъем национального движения в стране вызвали у представителей национальной интеллигенции надежду на изменение, улучшение судьбы бурятского народа Временным правительством. Поэтому и те, кто работал за пределами Бурятии (Б. Барадин – в Петербурге, Ц. Жамцарано – в Монголии, Г. Цыбиков – во Владивостоке и др.), несмотря на высокие занимаемые посты, обустроенность жизни, хорошие оклады, по зову сердца и земляков, руководствуясь интересами своего народа, прибыли в родные края и активно включились в общественно-политическую и культурную деятельность, направленную на националь-

ное возрождение. Они становятся самыми активными общественными деятелями, признанными лидерами национального движения в Забайкалье, руководителями первого бурятского органа самоуправления – Бурятского национального комитета. Именно в политической деятельности, направленной на благо своего народа, они нашли себя. Это стало самым главным и самым насущным в их жизни.

В этот период во многих местах Бурятии организуются выступления, собрания и совещания в поддержку революции, с требованиями организации самоуправления, решения аграрного вопроса, вопросов просвещения и т.д. Как отмечает Э-Д. Ринчино, бурятская интеллигенция восприняла Февральскую революцию с большим энтузиазмом и полагала, что революция «скажет новое, неслыханное доселе слово в области национальных отношений» [2]. В это время активно формируются политические идеи, направленные на национальное возрождение, образование национальной автономии. Действенными и результативными были решения бурятских общенациональных съездов, активными участниками которых были бурятские демократы.

Уже 6 марта 1917 г. бурятские национальные деятели во главе с М. Богдановым [3], ярким представителем дореволюционной бурятской интеллигенции, ученым, публицистом, одним из лидеров бурятского национального движения, и Э-Д. Ринчино, активным выразителем интересов бурятского народа, автором статей и брошюр о бурятском возрождении, созвали в г. Чите первое частное совещание. Надо сказать, что в это время Э-Д. Ринчино и М. Богданов жили в Чите, где с конца 1916 г. работали в Забайкальском союзе кооперативов. Молодые эсеры, официально вступившие в партию социалистов-революционеров в апреле 1917 г., активно сотрудничают с читинскими эсеровскими организациями максималистского толка, одну из которых возглавляет известный лидер партии эсеров М. Спиридонова, отбывавшая здесь ссылку.

Рассматривая вопрос об отношении бурят к текущим событиям политической жизни России, участники совещания высказались за организацию поддержки нового, Временного правительства России бурятским населением, пропаганду идеи созыва Учредительного собрания, подготовки народа к выборной кампании. С целью осуществления защиты и представительства национальных интересов бурят совещание учредило особый орган – Временный организационный комитет по созыву общебурятского национального съезда, в состав которого были избраны Ш.Б. Бадмаев, Ш.Б. Базаров, М.Н. Богданов, Н.Н. Намдаков, Э-Д. Ринчино и С.С. Сампилов [4]. Председателем комитета был избран М.Н. Богданов, а секретарем стал Э-Д. Ринчино. Комитету было предоставлено право ввести в свой состав известных представителей бурятской интеллигенции, приглашение которых комитет счел бы целесообразным. Э-Д. Ринчино было поручено пригласить Ц.Ж. Жамцарано [5], известного ученого-монголоведа, который с 1911 г. работал в Монголии советником Российского консульства и одновременно исполнял обязанности советника по вопросам образования в монгольском правительстве Богдогэгэна (Жамцарано принял приглашение и приехал в Бурятию летом 1917 г.).

Комитету была поручена организация первого в истории бурятского народа общенационального съезда, к созыву которого комитет должен был подготовить население. Для осуществления этого плана перед комитетом была поставлена задача организации частных совещаний бурят в Иркутской губернии и в Забайкалье, созыв на местах экстренных сугланов (собраний) с целью организации населения, разъяснения происходящих в стране событий, избрание представителей бурятского народа в правительственные и общественные организации. Также было признано целесообразным организовать в пределах Иркутской губернии особый комитет по созыву съезда. Было решено послать копию протокола частного совещания иркутским бурятам с приглашением организовать свой комитет по созыву съезда и вступить с ними в постоянные сношения [6]. Организационному комитету было поручено представлять интересы бурят во всех общественных организациях. Представителем в Забайкальский комитет общественных организаций – орган Временного правительства – был избран М.Н. Богданов.

Национальное движение бурят Иркутской же губернии возглавила небольшая группа бурятской интеллигенции, среди которых были В.Л. Егоров, А.А. Убугунов, И.С. Дурхисанов, А.Р. Коняев, Г. Салтыков, И.И. Тунуханов. Они действовали в тесном контакте с забайкальскими деятелями.

Бурятская национальная интеллигенция стремилась также к объединению всех сил нации. На втором частном совещании бурят-монгольских общественных деятелей Забайкальской области (10 марта 1917 г., г. Чита. Председатель – М.Н. Богданов, секретарь – Э-Д. Ринчино) было решено пригласить в состав организационного национального комитета таких авторитетных и высокообразованных представителей бурятского народа, как А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Г. Цыбиков и Н. Преловский [7], которые дружно откликнулись и прибыли в родные края решать проблемы возрождения родного народа. На этом совещании решили добиваться национальной автономии для бурят с

учреждением сейма с законодательными функциями по вопросам гражданских взаимоотношений, земельным, народного образования, здравоохранения и религии. Автономия должна распространяться на забайкальских и иркутских бурят [8].

12 марта 1917 г. на третьем совещании бурятских общественных деятелей (председательствовал М.Н. Богданов) участвовало около 60 человек. По вопросу о национальной автономии было принято дополнительное положение о том, что автономия должна быть распространена на всех бурят, не исключая казаков и тунгусов, говорящих на монголо-бурятском языке, если они, тунгусы, пожелают присоединиться к требованиям национальной автономии. Собравшиеся представители прекрасно понимали место и роль религии в жизни народа, поэтому, стремясь объединить все социальные группы бурят, совещание приняло постановление, где указывалось: «Ввиду важности переживаемых событий и момента для судеб монголо-бурятского народа и необходимости тесного объединенного выступления всех элементов нации, просить бывшего хамбо-ламу Ч.-Д. Иролтуева [9]. и бандидо-хамбо-ламу, как духовного главу народа, войти почетными членами во Временный организационный национальный комитет и дать свое благословение на плодотворную деятельность комитета на благо народа». Следует сказать, что ведущие и активные представители буддийской церкви широко участвовали в национальном движении.

В это время в Петрограде 9 марта 1917 г., т. е. почти одновременно, был организован Бурятско-Калмыцкий комитет, председателем которого избран бурят Н.А. Ханхасаев – уполномоченный бурятского общества по сбору пожертвований на нужды войны и заведующий бурятским лазаретом в Петрограде. Он был известен своими консервативными взглядами на проблемы развития национального движения; его заместителем стал калмык – помощник присяжного поверенного Н.О. Очиров, а секретарем – лектор Петербургского университета Б.Б. Барадин. В состав комитета входили: цанит-хамбо лхарамба А. Доржиев, лхарамба Баваев, ширетуй буддийского храма в Петрограде Ж.Г. Санжиев, уполномоченный бурят Оронгойской волости Б. Цыренжапов, управляющий буддийским храмом Намсараев, помощник делопроизводителя Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел Е. Чонов, курсистка С. Хангалова, инородец Забайкальской области С.Д. Жамбалун, студент сельскохозяйственных курсов Г. Чонов [10].

Необходимо отметить, что в декларации Бурятско-Калмыцкого временного организационного комитета отмечалось: он является «центральным учреждением по всем делам этих народов» [11]. Комитет в качестве программы выдвигал следующие задачи:

1) всемерно содействовать местным организациям в выяснении нужд населения и принятии мер для удовлетворения этих нужд;

2) разрабатывать на основании предположений местных организаций те положения хозяйственно-правового устройства бурят и калмыков, которые должны быть затем переданы для проведения представителями Сибири в Учредительное собрание;

3) представлять перед Временным правительством для проведения тех срочных мер, которые, не требуя коренных преобразований хозяйственно-правовой жизни края, должны быть осуществлены ныне же, до созыва Учредительного собрания [12].

В принятом 9 марта 1917 г. постановлении комитет провозгласил: во-первых, создать на местах общественные организации бурят и калмыков взамен старой системы управления, уничтожить институты попечительной власти, крестьянских начальников, уездную полицию; во-вторых, осуществлять новый порядок на началах национально-культурного самоопределения; в-третьих, учредить народную милицию вместо полиции; в-четвертых, ознакомить калмыков и бурят с новым строем России, подготовка к созыву Учредительного собрания. Для выполнения поставленных задач комитет планировал избрать комиссаров [13].

Таким образом, в условиях победы Февральской революции и последующей за ней демократизации политической жизни наблюдается резкая активизация национального движения бурятского народа, происходит консолидация сил нации. В Забайкалье и Петрограде одновременно были созданы две общественно-политические организации, претендующие на руководящую роль в национальном движении бурятского народа. Предпочтение народа было отдано формирующейся политической силе в лице Забайкальского комитета; определенную роль сыграл и фактор географической близости, также именно здесь сосредоточились наиболее образованные и известные представители бурятского народа и, самое главное, Забайкальский комитет боролся за основополагающие интересы народа – создание национальной автономии. Так, Бурятскому национальному комитету была адресована телеграмма группы бурятских деятелей из Монголии: «Чита Областной союз кооперативов Даши Сампилону наци-

ональному бурятскому комитету. Находите ли нужным принять во внимание наше мнение при решении национальных вопросов Цыбиктаров Батуханов Данчинов Бардамов Абашеев Вампилов Трубачеева» [14].

Следует отметить, что Бурятско-Калмыцкий комитет выступал перед представителями Временного правительства от имени забайкальских и иркутских бурят, а также астраханских и ставропольских калмыков, не имея на то полномочий от народа. Он декларировал представительство интересов и нужд бурятского и калмыцкого народов, добивался «автономии», а на деле предпринимал шаги к осуществлению чаяний «стародумцев» [15].

На заседании Бурнацкома от 29 мая 1917 г., проходившем под председательством Э.-Д. Ринчино (присутствовали М.Н. Богданов, Ц. Жамцарано, Ш.Л. Базаров, Д. Банзаракшин, Ж. Самбуев, Ж. Шойванов, Д.Н. Цыбэкдоржиев и Г. Ринчинэй), был обсужден вопрос «об отношении к Бурятско-Калмыцкому комитету в г. Петрограде». Заслушав и обсудив этот вопрос, приняли следующее постановление: «Ввиду того, что председателю комитета т. Ханхасаеву не было дано никакого полномочия в образовании к-л (какого-либо – *Л.Ж.*) комитета от бурятов Забайкальской области и что цели и задачи, выставленные означенным комитетом, не удовлетворяют политически-правовым требованиям бурятского народа в переживаемое время строительства народностей, не признавать этот комитет, не входить ни в какие с ним сношения, о чем опубликовать как в местной, так и в столичной прессе» [16].

Идея созыва общебурятского съезда была воспринята бурятским населением Забайкальской области и Иркутской губернии с энтузиазмом. В самых отдаленных уголках края проходили собрания и совещания, поддерживающие созыв съезда. В самосознании бурят формируются идеи о необходимости национальной автономии. Так, в марте 1917 г. состоялся съезд представителей 11 хоринских родов. Собравшиеся 119 делегатов приняли постановление, где предлагали обратиться к правительству от лица всех бурят «о немедленном восстановлении особым актом национальной автономии бурят, с учреждением постоянно функционирующего выборного общенационального бурятского собрания, как органа, возглавляющего отдельные самоуправляющиеся думы или аймаки». Съезд решил упразднить прежние булучные и волостные учреждения и организовать соответственно сомонные и хошунные комитеты, для объединения и контроля этих комитетов предполагалось образовать аймачный комитет (аймагун чогулган) в составе 5 человек с правами уездного комитета [17].

Также в решениях съезда отмечалась необходимость образования органов национального суда, руководствующихся нормами обычного права бурят. По земельному вопросу съезд констатировал, что «аграрная политика старого правительства, построенная на принципах зоологического национализма… привела земельные отношения в Забайкалье в крайне запутанное положение, искусственно создала малоземелье, вызвавшее эмиграцию в Монголию, нанесла тяжелый удар бурятскому хозяйству и обострила до чрезвычайности взаимоотношения бурят, русских и переселенцев». Делегатам от бурят на забайкальский съезд давались наказы отстаивать принципы национального самоопределения на широких демократических началах, отстаивать исконные права бурят на их земли.

По вопросу о просвещении съезд, указав на то, что «старое правительство стремилось к уничтожению монголо-бурятского языка и почти изгнало его из школ и тем самым нанесло бурятской национальной культуре огромный вред», постановил приступить немедленно к национализации школы. Было решено прекратить платеж ясака – подати, взимаемой прежде в кабинет царя, но продолжить сбор ясака для образования общенационального фонда на культурно-просветительные цели [18].

Так, в «Наказе» бурят Агинского аймака, составленном в середине апреля 1917 г. своим делегатам на общенациональный съезд, выдвигались требования «установления федеративно-демократической республики на автономных началах», обеспечивающей «основными законами государства права меньшинств на широкое самоопределение». В области местного самоуправления в «Наказе» были выдвинуты требования предоставления бурятской национальной автономии в отношении внутреннего законодательства, суда, администрации и т. д., а также право пропорционального участия в государственном и местном бюджетах.

Надеждами на национальное возрождение был проникнут первый съезд представителей бурятского населения Забайкалья и Иркутской губернии, состоявшийся 23–25 апреля 1917 г. в г. Чите. Председателем первого общенационального съезда делегатами единогласно был избран Э-Д. Ринчино, секретарем – Ц. Жамцарано [19].

Начался стремительный рост политического авторитета и веса молодого национального лидера Э-Д. Ринчино. Если на первом частном совещании бурят-монгольских общественных деятелей в марте 1917 г. он выступал в скромной роли секретаря, то на первом общенациональном съезде (апрель 1917 г.) он уже председательствует. Были замечены и оценены его образованность, незаурядные организаторские способности, политическая воля. Практически именно с этого общенационального съезда

началась организация бурятской национальной автономии. Именно здесь были предприняты попытки начать «конструирование бурятской автономии», и для достижения этой общенациональной цели различные политические группировки пошли на компромисс между собой, корректируя свои программы [20]. На этом съезде М.Н. Богданов представил на обсуждение делегатов «Проект бурятской национальной автономии». В этом проекте отмечалось: «В области национальной автономии буряты Иркутской губернии и Забайкальской области объединяются в одно целое. Основной территориальной единицей этой автономии является обособленная земельная единица (сомон), которая, объединяясь с соседними, организуется в хошун, а хошуны, объединяясь, образуют аймак. Верховным органом бурятской национальной автономии, объединяющим все части бурятского народа в одно целое, является Бурятская национальная дума «Бурят-Олосун Чогулган» [21].

Отличительной особенностью первого общенационального съезда было то, что во главу угла был поставлен вопрос о форме и характере национальной автономии бурят. По данному проекту развернулись дебаты, выступления, и в результате проект национальной автономии был принят съездом с поправками и дополнениями, сущность которых заключалась в следующем: в области гражданских правоотношений и уголовных деяний Бурятская национальная дума (Бурят-Олосун Чогулган), основываясь на обычаях бурят и национальном правосознании, издает законы в пределах тех дел гражданско-уголовного характера, которые были прежде подсудны инородческому суду по уставу 1822 г.; применение телесного наказания воспрещается навсегда; во всех национальных судебных установлениях решения выносятся на основании приговора присяжных заседателей [22]. Также съезд постановил: принятый им проект национальной автономии считать применимым и целесообразным впредь до выделения особой национальной бурятской территории, причем съезд признал необходимым настаивать на этом в Учредительном собрании [23]. Вопрос о национальном гербе было решено предоставить решению национального Учредительного собрания [24].

Таким образом, именно на этом съезде были предприняты конкретные попытки начать конструирование бурятской автономии. Съезд утвердил «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии», по которому бурятская национальная автономия облекалась в буржуазную форму местного управления. Высшим органом, ведающим культурно-национальной жизнью монголо-бурят и тунгусов, должен был стать общенациональный съезд, а между съездами – Центральный национальный комитет (сокращенное название – Бурнацком) [25]. Высшие национальные органы осуществляли свои задачи через аймачные, хошунные и сомонные собрания и комитеты.

Решением первого общенационального съезда сформировалась следующая схема административного управления бурят: сомонные (сельские), хошунные (волостные), аймачные (уездные) комитеты, ведающие культурно-национальными делами и подчиненные Бурнацкому. Съезд единогласно принял отдельную резолюцию о национальном гербе и автономии территориальной и экстерриториальной: «Настоящий проект положения о национальной автономии считать применимым и целесообразным впредь до выделения особой бурятской территории, на чем необходимо настаивать в Учредительном собрании Российского государства» [26]. Таким образом, в практической области бурятские демократы, единомышленники на первом общенациональном съезде, выходят на выдвижение и обоснование проекта бурятской национальной автономии по «схеме сомон – хошун – аймак – Бурнацком». Следует отметить, что такая форма организации бурятской автономии не нашла поддержки со стороны Временного правительства, местные представители которого признавали за бурятами право лишь на культурно-национальную автономию. В сложной обстановке 1917 г. Временное правительство не имело собственной концепции разрешения национального вопроса и государственного переустройства страны, и, как показало дальнейшее развитие событий, не было способно их решить. Временное правительство, занятое ведением войны, установлением в стране порядка и покоя и снабжением населения, недооценило остроты национальных проблем. Тактика сдерживания и проволочек, приводила к непрерывно нарастающей радикализации социальных и национальных движений на периферии.

Оглядываясь на пройденный путь, можно с уверенностью констатировать, что основной вектор развития этноса – требование автономии – был изначально определен «отцами-основателями» правильно. Наш долг – сохранить для потомков память о тех, кто сделал первые самые трудные шаги на пути к бурятской автономии, кому приходилось работать в сложных условиях, кто раньше других понял значимость и необходимость обретения национальной автономии и сумел организовать выполнение этой весьма непростой задачи.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-21-03006 «а(м)».

Библиография

1. Элбек-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. – Улан-Удэ, 1994. – С. 35.
2. Там же. – С. 36.
3. Михаил Николаевич Богданов (1878–1920) – выдающийся представитель дореволюционной бурятской интеллигенции, ученый, общественный деятель, публицист, один из лидеров бурятского национального движения. Родился в улусе Укыр, Иркутской губернии, в зажиточной семье. Учился в Иркутском училище, Казанском учительском институте, Томском, Петербургском, Берлинском, Цюрихском университетах. После Февральской революции до гибели – председатель Временного организационного комитета, председатель Забайкальского областного комитета общественной безопасности, председатель Бурятского национального комитета, депутат Всероссийского учредительного собрания. Кроме общественной деятельности М.Н. Богданов активно занимался научными исследованиями, издав около 50 научных трудов. Основоположник исторического бурятоведения (см.: Козьмин Н. Михаил Николаевич Богданов (Из личных воспоминаний) // Жизнь Бурятии. – 1925. – № 3–4. – С. 18–26; М. Н. Богданов: жизнь и деятельность: Материалы «круглого стола», посвященного 120-летию со дня рождения М. Н. Богданова. – Улан-Удэ, 1999 и др.).
4. Гирченко В.П. Этапы революционного движения в Бурятии 1917–1918 гг. (Хроника). – Верхнеудинск, 1927. – С. 2.
5. Государственный архив Республики Бурятия (далее: ГАРБ), ф. 483, оп. 1, д. 66, л. 1.
6. ГАРБ, ф. 483, оп. 1, д. 66, л. 2.
7. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: Документы и материалы / сост. и науч. ред. Б.Б. Батуев. – Улан-Удэ, 1994. – С. 8.
8. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 г. – С. 7–8.
9. Чойнзон-Доржо Иролтуев (1843–1918) – бандидо хамбо-лама, виднейший представитель буддийского духовенства и тибетско-монгольской медицины. Обучался в Монголии, Тибете. Известный богослов, лекарь, ширетуй Ацагатского дацана.
10. ГАРБ, ф. 483, оп. 1, д. 48, л. 9.
11. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. – С. 9.
12. Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. – Улан-Удэ, 1964. – С. 155.
13. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. – С. 9.
14. ГАРБ, ф. 483, оп. 1, д. 48, л. 31.
15. Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Бурятии. – С. 155.
16. ГАРБ, ф. 483, оп. 1, д. 67, л. 12–13 об.
17. Гирченко В. П. Указ. соч. – С. 5.
18. Там же. – С. 5.
19. ГАРБ, ф. 483, оп. 1, д. 48, т. I, л. 99.
20. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М., 1994. – С. 38.
21. См.: Хаптаев П.Т. Указ. соч. – С. 156.
22. ГАРБ, ф. 483, оп. 1, д. 73, л. 1.
23. Там же. – Л. 1.
24. ГАРБ, ф. 483, оп. 1. д. 76, л. 1.
25. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. – С. 15.
26. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М., 1994. – С. 39.

Bibliography

1. Elbek Dorji Rinchino. Documents. Articles. Letters. - Ulan-Ude, 1994. – P. 35.
2. Ibid. – P. 36.
3. Mikhail Nikolaevich Bogdanov (1878-1920), an outstanding representative of pre-revolutionary Buryat intellectuals, scientist, public figure, publicist, one of the leaders of the Buryat national movement. Born in ulus Ukir, Irkutsk province, in a wealthy family. He studied at the Irkutsk school, the Kazan pedagogical Institute, Tomsk, St. Petersburg, Berlin, and Zurich universities. After the February revolution to the death of the Chairman of the Interim organizing Committee, the Chairman of Zabaikalie regional public security Committee, the Chairman of the Buryat national Committee, Deputy of the national constituent Assembly. In addition to social activities M. N. Bogdanov was actively engaged in scientific research, having published about 50 scientific papers. The founder of the historical Buryat study researches (Cm.: Kozmin, N. Mikhail Nikolaevich Bogdanov (From personal memories) //The Life of Buryatia. – 1925. – № 3-4. – P. 18-26; M. N. Bogdanov: the life and work of: Proc. of the "round table" dedicated to the 120th anniversary of the birth of M. N. Bogdanov. – Ulan-Ude, 1999, etc.).

4. Girchenko, V. P. Stages of the revolutionary movement in the Buryatia Republic 1917–1918 (Chronicle). – Verkhneudinsk, 1927. – P. 2.
5. State Archive of the Buryatia Republic (hereinafter : SABR), Col. 483, Inv. 1, F. 66, L. 1.
6. SABR, Col. 483, Inv. 1, F. 66, L. 2.
7. National movement in Buryatia in 1917-1919: Documents / Ed. B. B. Batuev. – Ulan-Ude, 1994. – P. 8.
8. Ibid. P. 7-8.
9. Joynson-Dorzho Oraltaev (1843-1918) – Bandido-Hambo-Lama, the most prominent representative of the Buddhist clergy and the Tibetan-Mongolian medicine. He studied in Mongolia, and Tibet. Well-known theologian, physician, Atsagatsky datsan shiretyi.
10. SABR, Col. 483, Inv. 1, F. 48, L. 9.
11. National movement in Buryatia in 1917-1919. – P. 9.
12. Khaptaev P. T. The October socialist revolution and the Civil war in Buryatia. – Ulan-Ude, 1964. – P. 155.
13. National movement in Buryatia in 1917-1919. – P. 9.
14. SABR, Col. 483, Inv. 1, F. 48, L. 31.
15. Khapaev P. T. Ibid.
16. SABR, Col. 483, Inv. 1, F. 67, L. 12-13.
17. Girchenko, V. P. Ibid. – P..5.
18. Ibid. – P. 5.
19. SABR, Col. 483, Inv. 1, F. 48, L. 99.
20. Elaev, A. A. Buryatia: a path to autonomy and statehood. – M., 1994. – P. 38.
21. See: Khapaev P. T. Ibid. – P. 156.
22. SABR, Col. 483, Inv. 1, F. 73, L. 1.
23. Ibid. – L. 1.
24. SABR, Col. 483, Inv. 1. F. 76, L. 1.
25. National movement in Buryatia in 1917-1919 – page 15.
26. Elaev, A. A. Buryatia: a path to autonomy and statehood. - M., 1994. – P.39.

П.А. Розанов, канд. ист. наук, доц., e-mail: rozanov1946@mail.ru
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации. Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Нижний Новгород

УДК 93

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена истории национальных отношений в Российской империи и Советской республики. Описана система управления нерусскими народами Сибири. Названы основные принципы национальной политики советской власти. Описан процесс становления Бурятской автономной республики.

Ключевые слова: *Российская империя, Советская республика, национальная политика, становление Бурятской республики.*

P.A. Rozanov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

THE RUSSIAN EMPIRE AND THE SOVIET STATE: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS OF THE ETHNIC POLICY

The article is devoted to the history of ethnic relations in the Russian Empire and the Soviet Republic. It describes the control system of the non-Russian peoples of Siberia. The author identifies the key principles of the ethnic policy of the Soviet government. The article describes the Buryat Autonomous Republic formation process.

Key words: *Russian Empire, Soviet Republic, ethnic policy, the formation of the Buryat Republic.*

Российская империя была многонациональным государством, русские составляли менее половины населения, в ней проживало 150 наций и народностей. Большинство нерусских народов вошло в ее состав добровольно. Для многих это было спасением от уничтожения (армяне, грузины). Даже для народов, включенных в состав империи в результате войн, это было благом (народы Северного Кавказа, Средней Азии). В этих регионах было отменено рабство, прекратились внутренние междоусобицы, отменены наиболее одиозные нормы шариата, началось промышленное развитие.

Нужно отметить, что в России не проводилось целенаправленной и систематической политики насильственной ассимиляции нерусских народов и тем более истребления коренных народов, что случалось на Западе. В России сохранились даже очень малочисленные народы. Русский народ не был

угнетателем и не был народом-тюремщиком, его материальное положение зачастую было намного хуже, чем положение некоторых других народов, подданных императора.

Когда В.И. Ленин и большевики говорили о Российской империи, как о «тюрьме народов» они имели в виду политическое бесправие населения, всех проживавших в ней народов, отсутствие демократических прав и свобод.

Система государственного управления Российской империи не строилась по единому шаблону. Оно было разнообразным и учитывало особенности регионов. Широкую автономию имело Великое княжество Финляндское, определенные права имели Бухара и Хива. Свои особенности имело управление Закавказьем.

В XIX в. в Российской империи стала складываться система управления коренными народами Сибири. Начало ей положил М.М. Сперанский в 1822 г. Законодательство, разработанное М.М. Сперанским, подразделяло нерусские народы Сибири на три категории: бродячих, кочевых и оседлых. Для бродячих народов (охотников и оленеводов Крайнего Севера) сохранялась, сложившаяся ранее, система взаимоотношений царской администрации с местной родоплеменной верхушкой. Для оседлых народов вводилась волостная система управления, как у русских крестьян.

Наибольшее внимание уделялось кочевым народам – бурятам, якутам, хакасам, остякам, вогулам, эвенкам. Учреждалась трехзвенная система управления: степная дума, инородная управа и родовое управление. Низовое управление – родовое управление учреждалось на каждом стойбище, улусе или роде, имевшем не менее 15 семей. Возглавляли управление староста и помощник из числа родовой знати. Должности передавались по наследству. Управа объединяла несколько улусов или стойбищ. Для бурятов, хакасов, южных якутов учреждалась степная дума из числа местной знати.

Кочевые и полукочевые народы жили по своим национальным обычаям, действие российского гражданского законодательства на них не распространялось.

Несмотря на определенную гибкость в местном управлении политика царского правительства не учитывала национального многообразия страны. Российская империя оставалась унитарным государством. Не существовало равноправия религиозных конфессий и языков, повсеместно вводился русский язык и главенство православия.

Царское правительство не считало украинцев и белорусов самостоятельными нациями. В официальных документах русские именовались «великороссами», а украинцы – «малороссами». Украинский и белорусский языки считались диалектами «великорусского языка».

Царские указы запрещали издание на украинском и белорусском языках книг, газет, постановки пьес. Запрещался родной язык и в школе. Такая политика оскорбляла украинскую и белорусскую интеллигенцию, способствовала отчуждению и взаимным обидам между братскими народами, приводила к формированию и росту украинского и белорусского национализма.

Особым ограничениям подвергались евреи, точнее подданные иудейского вероисповедания. Для них существовала особая черта оседлости, т.е. та часть территории империи, на которой им разрешалось постоянное проживание. Вне черты оседлости правом на жительство пользовались купцы 1-й гильдии, лица с высшим образованием, квалифицированные ремесленники. Существовала для евреев-иудеев процентная норма при поступлении в средние и высшие учебные заведения (в черте оседлости – 10 %, вне черты – 5 %, в столицах – 3%). Существовал также запрет на приобретение земли в частную собственность. Подданных иудейского вероисповедания не принимали на государственную службу, им не присваивали дворянских званий.

Следует отметить, что правовые ограничения касались не столько национальности, сколько вероисповедания. Подданные Российской империи в официальных анкетах указывали не национальность, а вероисповедание. Так, правовое положение русских староверов в некоторых отношениях было даже хуже, чем евреев иудейского вероисповедания. Со стороны властей они до революции 1905 г. подвергались дискриминации и притеснениям.

После Февральской революции начался территориальный распад бывшей Российской империи. В марте 1917 г. Временное правительство признало независимость Польши, о независимости стали заявлять Финляндия, Украина, Закавказье.

Советскому правительству пришлось в условиях распада единого государства искать новые формы государственного объединения многочисленных наций и народностей.

Основы национальной политики Советского государства были изложены в Декларации прав народов России, принятой в ноябре 1917 г. В ней закрепились: равенство и суверенность народов;

право наций на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств; отмена всех и всяческих национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп (культурно-национальная автономия).

Национальная политика советского правительства отличалась гораздо большей гибкостьюая чем политика царского правительства и, тем более, белогвардейцев. В Первой Советской Конституции признавались равные права граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности.

В Конституции были закреплены основные принципы Советской Федерации. Ст. 11 Конституции закрепила важное положение: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы… Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику».

В ст. 2 говорилось, что РСФСР «учреждается на основе свободного союза свободных наций».

Декретом о суде № 2 устанавливалось, что судоговорение ведется на языке большинства местного населения.

В годы Гражданской войны белогвардейцы воевали под лозунгом «За единую и неделимую Россию», что означало проведение политики великорусского шовинизма. Колчак и Деникин были совершенно глухи к национальным чувствам и чаяниям нерусских народов.

Исторически сложилось так, что именно большевики-интернационалисты объединили в едином государстве территории бывшей Российской империи. Удалось им это благодаря гибкой, учитывающей национальные интересы нерусских народов, политике. Политика равенства и дружбы народов обеспечила Советской власти широкую поддержку.

Политика великорусского шовинизма, проводившаяся Колчаком, потерпела крах.

В годы Гражданской войны стал складываться добровольный и равный союз народов, который завершился созданием СССР. Образование СССР означало воссоздание тысячелетнего Российского государства, дающего безопасность и возможность развития многочисленным народам.

Процесс становления национальной государственности у бурят в годы Гражданской войны и в Советское время был длительным и сложным.

В 1917 г. была образована первая национальная автономия бурят – Государство Бурят-Монголия. Советская власть на территории Бурятии была установлена в феврале 1918 г., но уже летом 1918 г. она была свергнута. В Забайкалье при поддержке японских войск установилась военная диктатура атамана Семенова.

В 1919-1920 гг. на территории Бурятии действовало несколько национальных и «белых» правительств. Весной 1920 г. западная Бурятия вошла с состав РСФСР, восточная – в Дальневосточную республику (ДВР). В 1921 г. в составе ДВР была создана Бурят-Монгольская автономная область. В январе 1922 г. была образована Монголо-Бурятская автономная область в составе РСФСР. После вывода иностранных интервентов с Дальнего Востока обе автономные области объединились и 30 мая 1923 г. была образована Бурят-Монгольская ССР со столицей в городе Верхнеудинске (в 1934 г. переименован в г. Улан-Удэ).

Большевики не ограничились формально-юридическим провозглашением равенства народов, а развили и углубили понимание равенства до фактического социально-экономического и культурного равенства при сохранении национальной самобытности.

После принятия Конституции СССР главным в национальной политике была ликвидация исторически сложившегося неравенства народов в хозяйственной, социальной и культурной сферах. В союзных и автономных республиках велось ускоренное промышленное строительство, создавались университеты и научные центры, строились школы и больницы, готовились кадры национальной интеллигенции. Много делалось для подготовки национальных управленческих кадров. Родной язык коренных национальностей широко применялся в аппарате управления. Стремились к тому, чтобы выборные органы власти состояли из людей местных, знающих язык, быт, традиции и обычаи коренных народов.

Советское правительство проводило большую работу по ликвидации безграмотности населения. Одновременно с ликвидацией неграмотности началась разработка письменности для народов, которые ее не имели. Для них были созданы алфавиты на основе или кириллицы, или латиницы. Десятки миллионов людей разных национальностей взяли в руки книги на родном языке с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шекспира, Гете и других классиков русской и мировой литературы.

Ускоренно формировались кадры национальной интеллигенции, инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих.

При проведении культурных преобразований, хотя и не без сложностей и противоречий, началось становление бурятского литературного языка и развитие национальной культуры. В 1931-1938 гг.

бурят-монгольский язык был переведен на латиницу, а в 1939 г. была введена кириллица. В республике ликвидировалась неграмотность, развивалась система образования и здравоохранения, формировались кадры национальной интеллигенции и рабочего класса.

Библиография

1. Басалай А. Развитие наций и их взаимоотношений в СССР. – М., 1998.
2. Гросул В.Я. Образование СССР (1917-1924 гг.). – М., 2012.
3. История национально-государственного строительства в СССР 1917-1978. – 3-е. изд. – М., 1979. – Т. 1.
4. Многонациональное советское государство. – М., 1972.
5. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. – М., 1997.
6. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? – М., 1992.
7. Образование Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1972.
8. Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999.

Bibliography

1. Basaliy A. The Development of Nations and their Relations in the USSR. M., 1998.
2. Grosul V. J. The Formation of the USSR (1917-1924гг). M., 2012.
3. The History of Nation-building in the USSR, 1917-1978. Ed.3. vol.1.M.1979.
4. The Multinational Soviet State. M., 1972.
5. National Outskirts of the Russian Empire. The Formation and Development of the Control System. M., 1997.
6. Failed Anniversary. Why not the Soviet Union Celebrated its 70th Anniversary? M., 1992.
7. The Formation of the Union of the Soviet Socialist Republics. M., 1972.
8. Russia in the XX Century. Ethnic Relations Problems. M., 1999.

Б.Ц. Жалсанова, д-р ист. наук, e-mail: butit62@mail.ru
ГАУК РБ «Государственный архив Республики Бурятия», г. Улан-Удэ

УДК 94:352(571.54)”1917”

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ, СОЗДАННЫХ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (на примере деятельности Селенгинского аймачного и Оронгойского хошунного комитетов общественной безопасности по материалам Государственного архива Республики Бурятия)

В статье рассматриваются вопросы организации органов местного самоуправления в России, созданных после Февральской революции 1917 г., на примере деятельности Селенгинского аймачного и Оронгойского хошунного комитетов общественной безопасности Забайкальской области. Комитеты общественной безопасности должны были стать ступенью к введению земства.

Ключевые слова: *местное самоуправление, Февральская революция 1917 г., комитеты общественной безопасности, сомон, хошун, аймак, земство.*

B.Ts. Zhalsanova, Dr. Sc. History

SOME HISTORICAL ISSUES OF THE LOCAL BURYAT SELF-GOVERNMENT, ESTABLISHED AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION IN 1917 (on the example of the Selenginsk Aimak and Orongoisk Khoshun Public Security Committees activities, based on the documents of the State Archives of the Buryatia Republic)

The article examines local government organizations in Russia, created after the February Revolution in 1917, using the example of the Selenginsk aimak and Orongoisk khoshun committees of the public security of the Zabaikal region. Committees of the public security was to become a step to the zemstvo.

Key words*: local self-government, February revolution of 1917, committees of public security, somon, khoshun, aimak, zemstvo.*

До 1917 г. в Российском государстве существовала система органов местного самоуправления (земская, городская, крестьянская, инородческая), которые решали самые разные местные дела: занимались своим имуществом, капиталами, денежными сборами, благотворительными заведениями, обеспечением народного продовольствия, попечением о развитии местной торговли и промышленности. Органы местного самоуправления участвовали в попечении о народном образовании, здравоохранении, содействовали предупреждению падежей скота, охране хлебных посевов, а также в содержании арестантских учреждений и квартир для чинов полиции, этапной повинности, попечении о тюрьмах.

После Февральской революции 1917 г. пришедшее к власти Временное правительство, придавая огромное значение роли местного самоуправления в управлении государством, решило провести очередную земскую реформу. Первым делом Временное правительство вместо старых органов власти стало создавать систему комитетов общественной безопасности на областном, волостном и сельском уровнях. Перед ними ставились задачи: ликвидация местного аппарата прежней царской власти, укрепление новой власти, поддержание общественного порядка и подготовка к созданию земской системы местного самоуправления.

В Забайкальской области сразу после свержения царизма начинают создаваться областной, волостные, сельские комитеты общественной безопасности, которые должны были стать ступенью к организации новой земской системы местного самоуправления.

Задачей данной статьи является исследование деятельности органов местного самоуправления Временного правительства на примере Селенгинского аймачного [1] и Оронгойского хошунного[2] комитетов общественной безопасности.

После Февральской революции 1917 г. в Селенгинском аймаке были учреждены аймачный и хошунные комитеты общественной безопасности, в том числе и Оронгойский хошунный комитет общественной безопасности, которые занимались всеми вопросами местного ведения до введения земства.

17 июня 1917 г. Временным правительством был издан закон о введении в Сибири земского управления, согласно которому земские органы местного самоуправления должны были ведать местными делами, заботиться о местных нуждах. Земства разделялись на волостные, уездные и губернские. Каждое волостное земство в своей волости должно было заботиться о народном образовании, устраивать больницы, библиотеки, открывать склады сельскохозяйственных орудий, изыскивать средства к повышению плодородия почвы, к улучшению пород скота, об искусственном орошении полей и сенокосов, о защите от пожаров, об исправности дорог и т.д.

Для решения всех этих дел в каждом селении волости должны были пройти выборы земских гласных, которые съезжались несколько раз в год на волостное земское собрание, где и обсуждали вопросы нужд населения волости. Из своей среды собрание избирало волостную земскую управу из трех лиц, и поручали ей исполнить свои решения, после этого гласные разъезжались по домам. Земские собрания созывались по мере необходимости с целью контроля за исполнениями своих решений, и являлись настоящими хозяевами в земстве. Согласно закону основным источником финансирования служили суммы, получаемые от обложения населения, т.е. налогообложение.

В Селенгинском аймаке началась подготовительная работа к введению земства сразу же после получения текста закона. Уже 16 июля 1917 г. при Гусиноозерском дацане было созвано общее открытое собрание уполномоченных граждан бурят от хошунов, булуков, бывших казачьих станиц, поселков Селенгинского аймака.

На вечернем заседании собрания был избран президиум в составе председателя общего собрания доктора С.Б. Цыбиктарова, товарищей председателя – Д.Б. Бадмажапова и Р.Б. Бимбаева, секретарей Д.Б. Бальчинова, Э.Г. Галданова, Р.Г. Мункуева, Б.Ц. Хайнуева, Б.Т. Тудундоржиева, Ц.Ц. Ранжурова и Б.С. Ишидоржиева, а также была избрана мандатная комиссия в составе Д.Н. Абидуева, Б.Ц. Цыренжапова, Р.Б. Бадмаева и Ц.Б. Базарова.

На собрании обсуждался вопрос о введении земства и проведении съезда бурятских казаков, об упразднении бурятского казачества и их присоединении к бурятам Селенгинского аймака. Собранием было принято решение о введении земства и присоединении селенгинских бурят-казаков к обществу селенгинских бурят [3].

17 июля 1917 г. на утреннем заседании собрания было решено открыть школы в хошунах Селенгинского аймака:

Название местностей	Приблизительное число		Число школ, подлежащих открытию
	дворов	душ	
Оронгойский хошун			
Сомоны			
Нижнее-Оронгойский	200	400	2 школы
Гильбиринский	200		1
Верхне-Оронгойский	100		1
Харганатский	200		1
Тохойский	90		1
Сутойский	100		1
Загустаевский	400		2
Ацайский	260		1
Тамчинский	350		1
Енхорский	200		1
Чикойский хошун			
сомоны			
Ноехонский	250		1
Чикойский – Тагалцар	240		1
Хилокский			
Субуктуйский	560		1
Табангутский			
Большой Луг	200		1
Харлун и Улентуй	350		1
Хилгантуй	380		1
Мурочинский			
Кударинский	500		2
Алцагатский	100		1
Оцонский			
Аногостай	50		1
Дунгуй	150		1
Жергалантуй и Дунже	200		1
Шергольджин	100		1
Арокиреть	300		1
Селенгинский хошун			
Сартольский хошун			

Собрание также обсудило постановление предыдущего аймачного собрания от 27-29 апреля 1917 г. об ассигновании 15000 руб. на содержание стипендиатов при низших и средних учебных заведениях и фельдшерских и акушерских школах и решило: 1) немедленно приступить к самообложению на мужские души; 2) срочно наметить кандидатов в стипендиаты; 3) ходатайствовать перед бурятским училищным советом о дополнительном выделении средств на школьное дело; 4) пожелать Бурятскому училищному совету о скорейшем открытии национальной семинарии в Верхнеудинске.

Собрание, рассмотрев вопрос «о прекращении среди бурятского населения пьянства, всякого рода азартных игр и скачки лошадей (тотализатор)», постановило принять «меры против развития среди населения азартных игр» [4].

Местом нахождения аймачного комитета было решено определить местность Тамча, вблизи Гусиноозерского дацана. В этот же день был определен штат аймачного комитета и проведены выборы должностных лиц и канцелярских служащих. Согласно утвержденному штату были определены следующие должности с соответствующей зарплатой:

№	Должность	Жалование (в руб.)	Избраны
1	Председатель аймачного комитета, тайша	2400	С.Б. Цыбыктаров
2	Член комитета, дид-тайша, он же заргочи	1800	Б.Ц. Цыренжапов
3	Член комитета, дид-тайша, начальник милиции	1800	Б.Б. Айсуев
4	Член комитета, тушемэл, помощник начальника милиции	1500	Б.Ц. Хайнуев

5	Член комитета, тушемэл, заведующий хозяйственной и административной частью	1200	Б.Т. Тудупдоржиев
6	Член комитета, тушемэл для особых поручений	1200	Ц.Ц. Ранжуров
7	Секретарь комитета, он же секретарь милиции	1200	Д.Б. Бальчинов
8	Делопроизводитель по хозяйственной и счетной части	1080	
9	Делопроизводитель по земельной и судебной части	1080	
10	Делопроизводитель по части милиции	1080	
11	Делопроизводитель по продовольствию и народному образованию	1080	
12	Делопроизводитель по военной части	1080	
13	Журналист-архивариус	900	

Были образованы: 1) аймачный земельный комитет в составе Д.Н. Абидуева, Д.Б. Бальчинова, Ц.Ц. Ранжурова, Ц.Б. Базарова; 2) аймачный продовольственный комитет в составе Б. Цыренова, С. Сундупова, Б. Цыденова, Т. Дылыкова и Д. Шадапова [5].

19 июля 1917 г. собрание закончило свою работу, решив несколько важных вопросов: определить квартиру для аймачного тайши в Гусиноозерске, для этого просить Пандидо Хамбо ламу Д.-Д. Итигэлова разрешить аймаку временно пользоваться его новым домом; приобрести пишущие машинки и «папирографы», до этого пользоваться пишущей машинкой и «умножительным» аппаратом канцелярии Пандидо Хамбо ламы; для нужд милиции реквизировать порох весом в 8 пуд 23 фунта, изъятый от бывшего Сартольско-Армакского волостного старшины Сосорова и т.д. [6].

В состав Оронгойского хошуна вошли: Иволгинский, Нижни-Оронгойский, Гильбиринский, Верхне-Оронгойский, Харганатский, Алтанский, **Жаргалантуйский,** Тохойский, Сутойский, Загустай-Бургастайский, Ацайский, Тамчинский и Енхорскийхошуны, селенгинские станицы Загустайская, Тамчинская, Енхорская, Баран-Лугская, Караульно-Лугская [7].

В сентябре 1917 г. решением Оронгойского хошунного комитета общественной безопасности был учрежден хошунный училищный совет, председателем которого был избран Г. Мадаганов, секретарем Д. Цыбыкдоржиев [8]. Совет занимался вопросами развития народного просвещения в хошуне, подбором учеников, учительских кадров. Так, 20 октября 1917 г. состоялось заседание Совета родителей учащихся и членов училищного совета в Оронгойском 2-классном училище. Согласно постановления Совета учителем в открывающееся одноклассное училище в Гильбиринском сомоне был назначен С. Ганжуров, на должность младшего учителя Оронгойского училища был рекомендован Д. Бадмажапов. Членами родительского совета были избраны: председателем – Д. Бадмажапов, членами – Л. Санжижапов, А. Дашипылов, Н. Бадмаев, Б. Цоктоев. Они должны были заниматься приемом «съестных припасов от родителей, т.е. мяса и муки». Кухаркой была назначена М. Суслова, гражданка Средне-Убукунского селения, которая за плату 25 руб. в месяц должна была еще заниматься стиркой белья. Обязанности эконома по распределению пищи учеников были возложены на учителя монгольского языка Л. Санжижапова. Интересный факт: наказание учеников были возложены на учителей. Была определена норма отпуска мяса на 36 учеников по 25 ф. в день [9].

Училищный совет занимался определением числа стипендиатов училища. 15 января 1918 г. на его заседании рассматривались прошения: вдовы-гражданки Тохой-Загустайского сомона Б. Амуровой о принятии ее сына Нимы Бадмажапова в число стипендиатов, гражданина Загустайского сомона С. Цыденова о зачислении его сына Бабасана в число стипендиатов [10].

Важным направлением деятельности хошунного комитета общественной безопасности являлось обеспечение спокойствия и безопасности населения. С этой целью была создана Селенгинская аймачная милиция Забайкальской области (размещалась при Гусиноозерском дацане) и уже 12 августа 1917 г. ставится вопрос о формировании сомонных цзангинов (начальник милиции) и цагда (милиционер), при этом на 25 дворов предусматривался 1 цагда. Они должны были носить «обязательно и во всякое время» установленный отличительный знак на левом рукаве [11].

Например, 25 сентября 1917 г. в Селенгинский аймачный комитет поступил циркуляр из г. Читы от Бурятского национального комитета, в котором отмечается, что «в бурятских улусах развивается картежная игра, пьянство и кража скота и что рабочие буряты, раньше занимавшиеся плотничеством и другими работами в соседних селениях и поселках, в настоящее время бросают черный труд и начи-

нают заниматься контрабандой спирта. Такие явления должны быть признаны, безусловно, недопустимыми, необходимо было путем надлежащей организации милиции всемерно бороться против падения нравов и роста преступности и пьянства в бурятских улусах» [12].

В октябре 1917 г. был сформирован список сомонных цзангинов и цагд по Оронгойскому хошуну (выборочно): по Караульно-Лугскому сомону – зангин Ц. Жамсаранов, цагды Б. Ванданов, О. Будаев, Н. Аюшиев; Сутойскому сомону – зангин Б. Очиров, цагды Б. Будаев, Д. Эрдыниев, Б. Мункуев, Б. Доржиев, Ц. Эрдыниев, Нижне-Оронгойскому сомону [13] – Б. Дылгэров, Н. Банзаракцаев, Ц. Жансанов, Б. Кышиктуев, Д. Доржиев, С. Сондуев, по Верхне-Оронгойскому сомону – Р. Юмжапов, Д. […] Цыбыкжапов, Б. Юндунов, Б. Дашиев, Б. Васильев, О. Дашиев.

В сентябре 1917 г. началась работа по выборам в Учредительное собрание. 2 октября 1917 г. уже был составлен по итогам выборов общий список хошунных гласных Оронгойского хошуна [14].

№ округа	№ по порядку	Имена и фамилии	Число полученных голосов
1		**Гильбиринский**	
	1	Гарма Мадаганов	514
	2	Дашинима Цыбикдоржиев	445
	3	Середара Ганжуров	423
	4	Гомбоцырен Раднаев	125
2		**Тохойский**	
	5	Бударадна Цыденов	146
	6	Балчин Банзаракцаев	151
3		**Сутойский**	
	7	Буда Цоктоев	216
	8	Бадмажаб Жамбалов	136
4		**Верхне-Оронгойский**	
	9	Гарма Васильев	224
	10	Нима Цыбыкжапов	209
5		**Харганатский**	
	11	Жамсаран Чойжамсуев	283
	12	Бадма Цыбенов	275
	13	Ленхобо Дашипылов	259
6		**Загустайский**	
	14	Ирдыни Галданов	299
	15	Самбу Раднаев	379
	16	Радна Очиров	420
	17	Жимба Чойбсонов	37
7		**Бургастайский**	
	18	Митаб Цырендоржиев	269
	19	Чагдуржап Чагдуров	271
8		**Караульно-Лугский**	
	20	Дымбрыл Доржиев	83
9		**Енхорский**	
	21	Ванчик Аюшиев	141
	22	Нима Данзанов	140
10		**Хойто-Тамчинский**	
	23	Дондок Шадапов	450
	24	Дондок Бальчинов	471
	25	Цыдендамба Базаров	308
	26	Гомбожаб Жамсаранов	271
11		**Оридо-Тамчинский**	
	27	Бадмацырен Цоктоев	230
	28	Надмитцырен Доржиев	162
	29	Дамба Нохошкеев	152
12		**Адунский**	
	30	Жигмыт Цыденжапов	267
	31	Даши Намсараев	275
13		**Нижне-Оронгойский**	
	32	Цырен Бадмаев	556

	33	Буда Кишиктуев	452
	34	Бадма Санжиев	444
	35	Ирдыни Гомбоев	389
14		**Иволгинский**	
	36	Дашинамжил Цыбыкжапов	731
	37	Мунко Дабаев	678
	38	Будажаб Будаев	569
	39	Дашипыл Галданов	484
	40	Буда Ирдыниев	119
	41	Дарма Лумбунов	105
	42	Вандан Цыбенов	96
15		**Жаргалантуйский**	
	43	Чагдур Бадмаев	276
	44	Цырендоржи Будаев	120

15 ноября 1917 г. на заседании Селенгинского аймачного комитета общественной безопасности было решено разделить аймак на 5 округов:

1) Селенгинский – 6930 избирателей (бывшая Селенгинская инородческая волость и Боргойская станица);

2) Оронгойский – 8074 избирателя (бывшая Оронгойская инородческая волость, Янгажинская и часть Селенгинской станицы);

3) Сартольско-Гигэтуйский – 5470 избирателей (бывшая Гигэтуйская станица и часть бывшей Сартольско-Армакской инородческой волости);

4) Закаменский – 6916 избирателей (бывшая Закаменская инородческая и часть Сартольско-Армакской волости);

5) Чикойский – 6932 избирателя (бывшая Чикойская инородческая волость, Харьясская и часть Селенгинской станицы).

Октябрьская революция 1917 г., которая привела к власти Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не помешала процессу развития земства в Забайкальской области. В декабре 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, были сформированы земские органы: Селенгинская аймачная (уездная) земская управа и хошунные (волостные) земские управы, в том числе и Оронгойская. В архивных документах сохранилось название Оронгойской хошунной земской управы – ЯМОН, герб – свастика. Земские органы власти в Селенгинском аймаке существовали, судя по документам, вплоть до июля 1918 г.

Таким образом, после Февральской революции 1917 г. в Забайкальской области были созданы комитеты общественной безопасности, которые заменили старые органы местного самоуправления. Комитеты занимались всеми вопросами местного значения: развитием народного образования, здравоохранения, безопасности, налоговой системы и т.д. Комитеты общественной безопасности провели огромную работу по выборам в Учредительное собрание, по созданию земских органов, однако после победы Октябрьской революции вся власть перешла к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в конечном счете, земство сошло с политической арены.

Сноски

1. Аймак – административно-территориальная единица бурят, созданная после революции 1917 г. (в современном значении – округ).

2. Хошун – административно-территориальная единица бурят, созданная после революции 1917 г. (в современном значении – район).

3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 443, оп. 1, д. 1, л. 9-9 об.

4. ГАРБ. Ф. 443, оп. 1, д. 1, л. 10-10 об.

5. ГАРБ. Ф. 443, оп. 1, д. 1, л. 13.

6. ГАРБ. Ф. 443, оп. 1, д. 1, л. 14.

7. ГАРБ. Ф. 443, оп. 1, д. 1, л. 15.

8. ГАРБ. ФР. 330, оп. 1, д. 13, л. 5.

9. ГАРБ. ФР. 330, оп. 1, д. 13, л. 23-24 об.

10. ГАРБ. ФР. 330, оп. 1, д. 13, л. 27.

11 ГАРБ. ФР. 330, оп. 1, д. 2, л. 1.

12. ГАРБ. ФР. 330, оп. 1, д. 2, л. 69.

13. Сомон – административно-территориальная единица бурят, созданная после революции 1917 г. (в современном значении – сельское поселение).

14. ГАРБ. Ф. 443, оп. 1, д. 4, л. 57-58.

Footnotes

1. Aimag – administrative unit drilled, created after the 1917 revolution (in the modern meaning – district).
2. Khoshun – administrative unit drilled, created after the 1917 revolution (in the modern meaning – district).
3. State archive of the Buryat Republic (GARB). F. 443, op. 1, d. 1, l 9-9.
4. GARB. F. 443, op. 1, d. 1, l 10-10.
5. GARB. F. 443, op. 1, d 1, l 13.
6. GARB. F. 443, op. 1, d 1, l 14.
7. GARB. F. 443, op. 1, d. 1, L. 15.
8. GARB. FR. 330, op. 1, d. 13, l. 5.
9. GARB. FR. 330, op. 1, d. 13, pp. 23-24.
10. GARB. FR. 330, op. 1, D. 13, L. 27.
11 GHARB. FR. 330, op. 1, d. 2, sheet 1.
12. GARB. FR. 330, op. 1, d. 2, l 69.
13. Somon – administrative unit drilled, created after the 1917 revolution (in the modern sense – rural settlement).
14. GARB. F. 443, op. 1, D. 4, L. 57-58.

М.М. Боронова, д-р ист. наук, проф., e-mail: mboronova@yandex.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 94 (571.54)

РЕВОЛЮЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И «БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС»

В статье освещается история борьбы бурятского народа за национальную автономию в составе Российского государства. Показана руководящая роль национальной интеллигенции, сформулировавшей идеологию, основные цели и задачи национального движения бурят в условиях самодержавной России. Отмечено, что важнейшим обстоятельством решения «бурят-монгольского» вопроса стала победа большевистской революции в России.

Ключевые слова: *автономия, идентичность, консолидация, культура, идеология, интеллигенция, этнос*.

M.M. Boronova, Dr. Sc. History, Prof.

THE REVOLUTION, INTELLIGENTSIA AND "THE BURYAT-MONGOL QUESTION"

The article is devoted to the history of the Buryat people struggle for the national autonomy within the Russian state. It shows the leadership of the national intellectuals, who formulated the ideology, the main objectives and tasks of the national movement in Buryatia in terms of autocratic Russia. Author notes that the victory of the Bolshevik revolution in Russia was a crucial aspect of the "Buryat-Mongolian" problem solution.

Key words: *autonomy, identity, consolidation, culture, ideology, intellectuals, ethnic*.

В истории Бурятии начала XX в. особую значимость имел вопрос о предоставлении национальной автономии в составе Российского государства. От решения этого ключевого вопроса во многом зависела судьба бурятского этноса. Сегодня, спустя столетие со времени Февральской и Октябрьской революций, в условиях коренных трансформаций общественного строя, когда высказываются разные мнения по вопросу национально-государственного устройства России, хочется вновь вернуться к этой теме.

Обретение национальной автономии в первой четверти XX в. стало поистине ключевым и судьбоносным моментом в истории бурятского народа. Оно ознаменовало собою длительный период борьбы за национальное самоопределение и стало решающим фактором сохранения этнической идентичности в условиях многонационального российского государства. Идеологию национального движения разработала национальная интеллигенция. Именно она в начале XX в. сформулировала основные цели и задачи национального движения и последовательно добивалась их претворения в жизнь.

В период революций 1917 г. и Гражданской войны в России национальное движение бурят получило новый импульс к развитию. Эти годы стали периодом наибольшей политической активности

национальной интеллигенции, которая стремилась использовать новую социально-политическую ситуацию в стране для решения «бурят-монгольского вопроса».

В сложных, быстроменяющихся условиях выдвигались и рассматривались разные сценарии национально-государственного самоопределения бурят. Одним из таких вариантов становится идея объединения монгольских народов в единое государство, оформившаяся к 1919 г. Реализация выдвинутой идеи предусматривала восстановление исторического ареала проживания монгольских народов путем создания самостоятельного, суверенного государства, свободного от влияния Китая и России.

Сторонниками этой идеи выступали Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Э.-Д. Ринчино, полагавшие, что это отвечает интересам данных народов, разбросанным по разные стороны государственных границ. Однако попытка создания такого государства на основе идеи панмонголизма не увенчалась успехом. «Великое монгольского государство», не получив признания мировых держав и не успев фактически сложиться, вскоре прекратило свое существование [1, с. 38-39].

Трудный процесс борьбы за историческое самоопределение бурятского народа в итоге был решен в рамках новых общественно-политических институтов. Первым шагом в этом направлении стало образование двух бурят-монгольских областей в составе Дальневосточной республики (ДВР) 12 февраля 1921 г. и РСФСР – в конце октября того же года [2, с. 146; 157].

Решающий вклад в образование Бурят-Монгольской автономной области ДВР сыграла «старая», так называемая «буржуазная» интеллигенция. Ценою огромных усилий, путем дипломатии и лавирования ей удалось убедить большевистское руководство в необходимости предоставления национальной автономии бурят-монгольскому народу.

В докладной записке В.И. Ленину, подготовленной Э.-Д. Ринчино в марте 1920 г., указывалось, что предоставление автономии для бурят-монгольского народа соответствует интересам внешней политики Советской России и будет способствовать развитию мировой революции в странах Азии. В частности, отмечая внешнюю экспансию Японии, стремившуюся объединить под знаменем паназиатской идеи народы Азии в борьбе с революционной Россией, Э.-Д. Ринчино пишет: «…забытые инородческие массы Сибири не остаются глухими к паназиатской пропаганде Японии». Однако «…заботы (большевиков – *прим. автора*) об улучшении положения инородцев …в силу общности языка, письменности и единства культуры инородческих народностей Сибири с народами Азии, будут немедленно просачиваться за границу, и вызывать соответствующие результаты…»[3, с. 55].

Написанное ярко и убедительно, это послание было внимательно прочитано Лениным, о чем свидетельствуют многочисленные пометки на полях. Для лидера большевиков оно стало важнейшим источником информации о положении дел в Забайкалье, и, безусловно, повлияло на его позицию в решении бурятского вопроса. Тогда же, как отмечает А.А. Елаев, с подачи Э.-Д. Ринчино термин «бурят-монголы» стал официально использоваться во всех документах и на практике. Введение этого термина в политический лексикон имело важное консолидирующее значение для монгольских народов, подчеркивая общность их происхождения, культуры, религии, традиций и языка.

Однако с победой большевиков в Гражданской войне и окончательным установлением Советской власти роль и влияние «старой» интеллигенции постепенно уменьшаются. Для новой власти эта интеллигенция, несмотря на ее политическую лояльность, все же была идейно чуждым элементом. Слишком независимая, образованная и критически мыслящая она не могла быть верным союзником и проводником идей большевистского руководства в массы. Дореволюционная бурятская интеллигенция была социальным «продуктом» старой эпохи, поэтому ее судьба в новых, изменившихся политических условиях была предрешена.

На смену ей приходит новое поколение молодых национальных лидеров, стоявших уже на идейных позициях марксизма и полностью разделявших линию коммунистической партии. Яркими представителями этого поколения были М.Н. Ербанов, В.И. Трубачеев, М.И. Амагаев, М.М. Сахъянова. Несмотря на идейно-классовые различия они, тем не менее, довели дело своих предшественников до логического конца. В результате их совместных усилий 30 мая 1923 г. была образована Бурят-Монгольская автономная социалистическая республика. Так завершилась многолетняя самоотверженная борьба бурятской интеллигенции за национальную автономию бурят-монгольского народа в составе Российского государства.

Бурятскую интеллигенцию дореволюционного периода советские историки обычно называли «старой», «буржуазной интеллигенцией», противопоставляя ее новому поколению бурят-интеллигентов, сформировавшемуся уже в условиях советского строя. Наиболее яркими представителями так называемой «старой» плеяды интеллигентов были ученые Ц. Жамцарано, Б. Барадин, М. Богданов,

религиозные и общественные деятели А. Доржиев, Б.-Д. Очиров, Э-Д. Ринчино. Каждый из них прошел сложный жизненный путь, отдавая все силы служению своему народу.

Бурятская интеллигенция начала XX в. находилась в гуще общественной жизни и ощущала себя влиятельной политической силой. Идейные взгляды большинства ее представителей сформировались в условиях подъема национального движения бурят, вызванного ужесточением колонизаторской и русификаторской политики царизма на рубеже XIX-XX вв.

Библиография

1. Курас Л.В., Бабаков В.В. Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX века) // Вестник Бурятского университета. Серия история. Вып.1. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1997. – С. 38-39.
2. История Бурятской АССР. Т. II. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. – 638 с.
3. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М.: Изд-во Антал, 1994. – 175 с.

Bibliography

1. See: Kuras, L. V., Babakov Vladimir Panmongolism as a Sociocultural Factor (the First Quarter of the XX century). // Buryat State University Bulletin. Series History. Vol.1. Ulan-Ude: Buryat State University Press, 1997. P. 38-39;
2. See: The History of the Buryat ASSR. V. II . Ulan-Ude: Buryat Book Press, 1959. 638 P.
3. Cited by: Elaev, A. A. Buryatia: the Path to the Autonomy and Statehood. M.: Antal, 1994. 175 p

О.А. Очирова, д-р социол. наук, проф., e-mail: sociologm@mail.ru
А.А. Петрова, канд. филос. наук, доц., e-mail: petrova.aryuuna@mail.ru
О.Б. Бадмацыренова, аспирант, e-mail: badmatsyrenova.olga@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 93/94/316.423.3

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО БОЛЬШИНСТВА В ИСТОРИИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ

В статье рассмотрены особенности национально-кадровой политики первой трети XX в. в Советской России. Авторами для анализа проблемы выдвигаются такие критерии ее эффективности, как национальный состав, владение вторым языком российских народов, политика «коренизации» в деле усиленной подготовки национальных кадров и причины ее провала, проблемы освоения второго языка национальным большинством. Делается вывод о решающей и противоречивой роли национального большинства в современной России.

Ключевые слова: *национально-кадровая политика, «коренизация», языки народов России, большинство.*

A.O. Ochirova, Dr. Sc. Sociology, Prof.
A.A. Petrova, Cand. Sc. Philosophy, Assoc. Prof.
O.B. Badmatsyrenova, P.G.

THE ROLE OF THE NATIONAL MAJORITY IN THE HISTORY OF THE SOVIET BURYATIA PERSONNEL POLICY

The article researches the peculiarities of the Soviet Russia national personnel policy in the first third of the twentieth century. In their analysis the authors pay special attention to such criteria of its effectiveness as a national structure, the possession of a second language of the ethnic groups of Russia, the policy of "indigenization" in the enhanced training of national personnel and the reasons for its failure, the problems of mastering a second language of the national majority. The conclusion reveals the contradictory role of the national majority in Russia.

Key words: *national personnel policy, "indigenization", Russia ethnic groups languages, the majority.*

Понятия «этнос» и «народ» в российской научной практике синонимичны, а под «национальными меньшинствами», или «нацменьшинствами», понимаются те этнические группы, которых, соответственно названию, по количеству меньше, чем представителей русской национальности. Учитывая тот факт, что всех нерусских народов в составе этноструктуры России 19 %, то к нацменьшинствам

относится большая часть проживающих на территории страны нерусских этносов. К русским отнесли себя в 2010 г. 81 % российского населения. Данное обстоятельство сегодня, на наш взгляд, закономерно возвращает российское государство к вопросу о правах этноменьшинств в ракурсе национально-кадровой политики. Наиболее остро этот вопрос волнует национальные республики Российской Федерации.

О необходимости разработки грамотной национально-кадровой политики в Бурятии еще в 1996 г. в своих публикациях написал В.И. Антонов: «Что значит управлять национальными процессами? Как должно осуществляться управление сферой национальных отношений? Давайте будем до конца откровенны, оно реально возможно, прежде всего, через такой важнейший канал, как национально-кадровая политика. Если хотим быть объективными, то необходимо признать, что полноценная национально-кадровая политика по существу представляет собой ключевой вопрос в государственной национальной политике РБ как субъекта Федерации. Потому здесь закономерно напрашивается специальный раздел с мощным аналитическим материалом о состоянии национально-кадровой политики в РБ.» [1, с. 3]

Состояние национально-кадровой политики в Бурятии необходимо анализировать, начиная с 1921 г. Но в целях повышения достоверности результатов проводимого анализа авторы в рамках данной статьи рассматривают советский период, начиная с 1937 г., когда определились границы современной Бурятии.

Множество факторов повлияло на формирование социальной структуры и национального состава России за годы советской власти. На первом месте стоят мощные миграционные потоки с европейской части России в азиатскую. Начиная с XVII в., сначала в царской, а потом и в советской России вплоть до прекращения ее существования в 1991 г., государством целенаправленно формировались мощные миграционные потоки по территории России по направлению с запада на восток преимущественно из русского населения. Тем самым незыблемость территории великой России обеспечивалась количественным преобладанием титульной нации. Статистические данные позволяют наглядно представить опережающий рост численности русского населения на территории современной Бурятии по отношению к росту численности бурятского с 1937 по 1989 г. (по данным всесоюзных переписей населения) (рис. 1) [6].

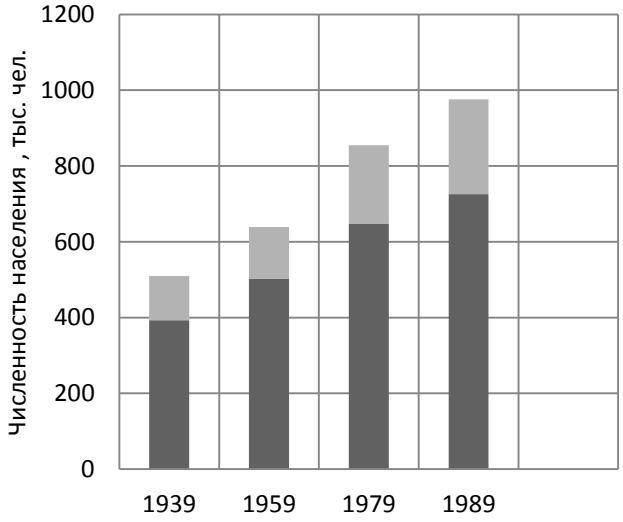

Рисунок 1 – Изменения национального состава Бурятии за годы советской власти с 1939 по 1989 г., тыс.чел.

Количественные изменения в национальной структуре в пользу русской миграции, начавшиеся в первой трети прошлого века, носили довольно резкий и тоталитарный характер. В результате история Бурятии представляет собой историю адаптации коренного населения к языку и общественному устройству прибывающего населения, а не наоборот.

Такая ситуация сложилась и в кадровой политике, проводимой в то время во всех без исключения национальных республиках советской России. Так, национальные меньшинства в советской России оказались в объективе необходимой для страны политики коренизации. Среди них стала проводиться

четкая линия на подготовку высококвалифицированных национальных кадров. Одной из причин, по которой в советской России занялись этим вопросом, являлось состояние длительной внешнеполитической и экономической изоляции, в которой находилась страна. Данная ситуация стала основой для усиленной подготовки собственных кадров, политики коренизации и стимулирования национальных меньшинств к получению образования и профессии.

В ряду причин проведения национально-кадровой политики нужно учесть и нацеленность идеологии власти на мировую революцию. Так, по мнению Е.В. Панина, Советская страна рассматривалась «как база для ее осуществления… В целях его решения большое значение придавалось организации и развитию национального образования и подготовке новых идеологически выдержанных советских кадров из представителей национальных меньшинств». Более того, «в этой связи руководство партии и правительства взяло курс на помощь другим странам в деле подготовки революционных кадров» [4, с. 16-17].

Факты тотального навязывания иной культуры, с одной стороны, и сопротивления этому процессу, с другой, подтверждается историческим опытом подготовки национальных педагогических кадров в Волго-Вятском регионе в 1920-1930-е гг., описанным в одноименной статье Е.И. Горбушиной. Автор обращает внимание на то, что отрицательное влияние на вовлеченность национальных меньшинств в образовательные процессы оказывала ломка традиционных устоев и быта. Е.И. Горбушиной приводятся примеры из архивных материалов, согласно которым по предписанию Вятского губоно в удмуртской школе необходимо было изжить ворожбу на голубях, ночные игрища молодых, раннее вовлечение детей в тяжелую работу (ГАКО. Ф. Р-1137, оп. 1, д. 361, л. 60), в марийской школе – жертвоприношения, металлические украшения в ушах и на груди, переутомления глаз во время вышивок (ГАКО. Ф. Р-1137, оп. 1, д. 361, л. 230-231). Такие запреты часто встречали сопротивление представителей этих народов. Например, организаторы педагогических курсов в г. Яранске сталкивались с сородичами мари, которые препятствовали открытию курсов (ГАКО. Ф. Р-1137, оп. 1, д. 361, л. 8). В 1919 г. в Вятском педагогическом институте открылся факультет национальных меньшинств, готовивший руководителей марийскими и удмуртскими школами. Тем не менее, по данным ученого, учителей высшей квалификации не хватало. Как пишет автор: «По состоянию на 1930 г. в педагогических вузах Нижегородского края высшее образование получали лишь 0,3% марийцев, 0,8% удмуртов и 0,1% татар» [2, с. 137].

Следующая причина проведения столь широкой национальной политики в 1920–1930-е гг. связывается с практикой строительства национальных автономий в составе РСФСР, в том числе с одним из самых ярких явлений этой практики – «коренизацией». Коренизация заключалась в строительстве «управленческого аппарата национальных республик из людей местных, знающих язык, быт и нравы, обычаи соответствующих народов». Об этом пишет А.Н. Чекушкин в статье «Формирование национальных кадров в финно-угорских автономиях в 1920-30-е гг. (на примере марийского, мордовского и удмуртского народов)». Одним из основных пунктов повестки дня XII съезда РКП(б) было принятие постановления, где было отмечено следующее: «В целях приспособления советского аппарата к быту коренного населения и привлечения его к активному советскому строительству в частности национальные республики, области и районы переходят к делопроизводству на своем языке, причем в первую очередь переходят на него наиболее отсталые народы, для которых русский язык является абсолютно недоступным» [7, с. 20].

Обратим внимание на тот факт, что «отсталость» народов определялась, в том числе, по уровню знания и освоения русского языка. Но на самом деле коренизация выявила и другую, «изнаночную», сторону положения носителей русского языка. Люди, занимающиеся переквалификацией национальных кадров, а в основном они являлись русскими по национальности, так же должны были освоить язык местного народа. Идея была в том, чтобы стимулировать данный процесс, быть ближе к коренному населению и повести его за собой. Однако этот аспект коренизации оказался провальным. Изучить язык другого народа оказалось делом непростым. Учитывая этот негативный опыт, связанный с различного рода трудностями в освоении другого языка русскими переселенцами, в том числе управленцами, дальнейшая политика страны вынуждена была отказаться от данного аспекта коренизации и превратилась в массовую русификацию.

Результаты планомерного «обращения» нацменьшинств в русских по языку подтверждает перепись 1989 г., в ходе которой наблюдались такие критерии, как «Численность лиц данной национальности, тыс. чел.», «Из них считают родным язык этой же национальности, процентов», «Из общей численности лиц данной национальности свободно владеют вторым языком народов СССР, процентов» (поделено на владение языками «русским» и «другими») [5, с. 23]. Результаты можно проследить на рисунке 2.

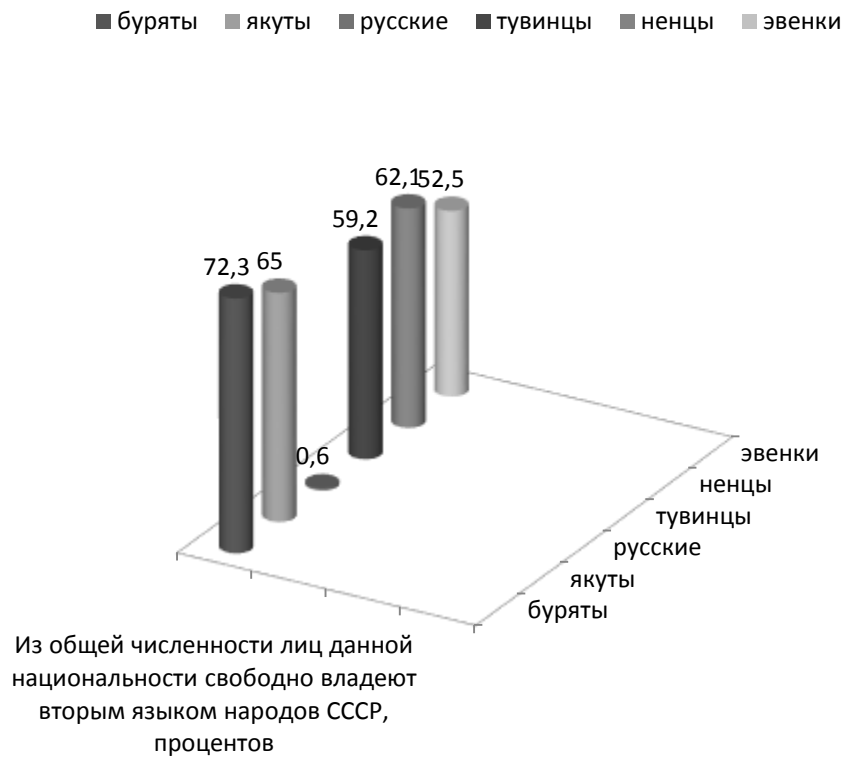

Рисунок 2 – Владение вторым языком народов СССР на примере русских и нац. меньшинств советской Азии в 1989 г., %

К сожалению, на современном этапе продолжается процесс «выдавливания» местных языков за пределы образовательного пространства, поскольку прибывшее в национальные республики в основном с европейских частей России большинство по различным причинам испытывает трудности в освоении нерусского языка и отторгает эту возможность. В результате в условиях общеобразовательной системы обучения многие регионы в буквальном смысле теряют не только языковую среду, но и всю современную платформу поддержки национального языка. На территории Бурятии целыми классами родители отказываются от преподавания бурятского языка их детям в школах, в силу чего развитие всей системы этого предмета ставится под сомнение, начиная от актуальности финансирования и заканчивая престижем подготовки учителей. Мнения родителей, в свою очередь, являются отражением государственной политики в сфере языковых приоритетов.

Современному человеку, с одной стороны, сложно осознать то, как чувствовали себя целые народы, от которых потребовалась не просто смена стандартов работы, не просто переквалификация. Овладение новым профессиональным пространством происходило на фоне коренных изменений в укладе жизни национальных меньшинств и серьезной трансформации их традиционного вида хозяйственной деятельности. Налицо были гуманитарная и этнокультурная катастрофы, когда интересы одной отдельно взятой личности и даже этноса игнорировались в угоду государственных интересов, основу которых составляли русские представления о будущем. Немаловажным фактором явилось то обстоятельство, что по существу такие кадры необходимы были для построения общества, запрограммированного «догнать и перегнать» мировой капитализм.

Все это уже история. Сегодня мы живем в российском обществе, в котором казалось бы постепенно стираются «с лица кадровой политики» национальные характеристики. Однако они продолжают жить в латентной форме. Количество населения играет одну из решающих ролей в истории человечества, также, как и его качественные характеристики – культура, ментальность, идентичность – которые, то проявляют себя, то скрываются в недрах современной бюрократической системы в зависимости от происходящих исторических процессов и явлений.

Роль «большинства» играли в разные времена разные народы. Социальный опыт показал, что легче и комфортнее быть членом доминирующей группы и это – самая мощная адаптационная стратегия индивида или группы людей в развитии социальных отношений. Результатом революции 1917 г. стали ее несомненные положительные стороны для большинства. Они заключаются в выравнивании

уровня и образа жизни населения страны, в максимально возможном стирании различий между культурами разных этносов, в повышении коммуникативных возможностей между ними посредством единого языка, в данном случае русского, и в выравнивании стартовых возможностей людей по сравнению с предыдущим веком.

Библиография

1. Антонов В.И. Как достичь уровня концепции (из выступления на парламентских слушаниях в Народном Хурале РБ) // Правда Бурятии. – 1996, 20 дек. – С. 3.

2. Горбушина Е.И. Исторический опыт подготовки национальных педагогических кадров в Волго-Вятском регионе (1920-1930-е гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – Т.3, № 3. – С.135-138.

3. Очирова О.А., Петрова А.А., Бадмацыренова О.Б. Социально-исторические предпосылки подготовки национальных кадров в советский период (на материалах современных научных исследований) // Общественные науки: Сб. науч. тр. – 2015. – С. 290-295.

4. Панин Е.В. Создание и функционирование советских высших учебных заведений для национальных меньшинств. 1920-1930-е гг: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. / Панин Евгений Валерьевич. – М., 2012. – 22 с.; Панин Е.В. Материально-бытовые условия жизни студенчества интернациональных и национальных коммунистических университетов Советской России (1920-1930-е гг.) // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. – 2012. – № 3.

5. РСФСР в цифрах в 1989 г.: краткий стат. сб. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 23.

6. РСФСР в цифрах в 1989 г.: краткий стат. сб. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 23; РСФСР в 1962 г.: краткий стат. сб. – М., 1963. – С. 29; РСФСР в цифрах в 1978 г.: краткий стат. сб. – М.: Статистика, 1979.

7. Чекушкин А.Н. Формирование национальных кадров в финно-угорских автономиях в 1920-1930-е гг. (на примере марийского, мордовского и удмуртского народов) // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. – 2011. – № 1. – С. 20-25.

Bibliography

1. Antonov V. I. How to Attain a Concept Level (from the Speech at the RB People’s Hural Parliamentary Hearings) // True Buryatia. – 1996, 20 Dec. – P. 3.

2. Gorbushina, E. I. The Historical Experience of the National Pedagogical Staff Trainings in the Volga-Vyatka Region (1920-1930) / Gorbushina, E. I., Herald of Vyatka State University of Humanities. 2012. Vol. 3. No. 3. - P. 135-138.

3. Ochirov O. A., Petrov A. A., Badmatsyrenova O. B. Social and Historical Background of National Stuff Training in the Soviet Period (on the Materials of Contemporary Scientific Researches) / O. A. Ochirova, etc. / / In the Collection: Social Sciences. The Collection of Scientific works. 2015. P. 290-295.

4. Panin, E. V. The Establishment and Functioning of the Soviet Higher Educational Institutions for Ethnic Minorities . 1920-1930s. Diss.dokt. hist.sciences: 07.00.02. / Panin Evgeniy Valer'evich. - M., 2012. - 22 S.; Panin, E. V. Physical living conditions and the students lives of the international and national Communist universities in Soviet Russia (1920s-1930s) / Panin V. E. - the Theory and practice of social development [Electronic resource]. 2012. No. 3.

5. The USSR in Figures in 1989, the Short Statistical Book. M.: Finance and statistics. 1990. P. 23.

6. The USSR in Figures in 1989, the Short Statistical Book. M.: Finance and statistics. 1990. P. 23; of the RSFSR in 1962. Short statistical book. M. 1963. P. 29; of the RSFSR in Figures in 1978 the Short statistical book. M.: "Statistics". 1979.

7. Chekushkin, A. N. Ethnic Stuff Organization in Finno-Ugric Autonomies in 1920-30 (on the case of Maris, Mordovians and Udmurts) / Chekushkin, A. N. - Humanitarian: the Actual Problems of Science and Education. 2011. No. 1. - S. 20-25.

И.Б. Батуева, д-р ист. наук, проф., e-mail: i.batueva@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ

УДК 94(571.54)+342.26

БОРЬБА БУРЯТ-СЕЛЕНГИНЦЕВ ЗА СОЗДАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ АВТОНОМИЙ ДВР И РСФСР (1919-1922 гг.)

Статья посвящена процессу создания национально-государственных административных автономий бурят в составе ДВР и РСФСР в 1919-1922 гг.

Ключевые слова: *автономия, буряты, казаки, политическая борьба, Гражданская война, партизаны, восстание, власть, ДВР.*

I.B. Batueva, Dr. Sc. History, Prof.

THE STRUGGLE OF THE BURYAT-SELENGIN PEOPLE FOR THE CREATION OF ADMINISTRATIVE AUTONOMIES OF THE FAR EASTERN REPUBLIC AND THE RSFSR (1919-1922).

The article talks about the process of creating national-state administrative autonomies of the Buryats in the FER and RSFSR in 1919-1922.

Key words: *autonomy, Buryats, Cossacks, political struggle, the civil war, partisans, insurrection, power, the Far Eastern Republic.*

Во второй половине 1919 г. ход боевых действий на Фронтах Гражданской войны начал заметно меняться в пользу Красной армии. Осенью того же года продолжались усиленные боевые действия советских частей на Восточном фронте против Колчака. 14 ноября ими была освобождена «столица» колчаковского режима г. Омск, за ним начали освобождаться другие сибирские города.

В ноябре 1919 г. Прибайкальский подпольный комитет партии большевиков, созданный в Верхнеудинске еще в ноябре 1918 г., принял решение подготовить и провести в Прибайкалье (Западное Забайкалье) вооруженное восстание против режима Семенова, поддерживаемого японскими и американскими войсками. В Верхнеудинске размещалась японская дивизия (9 тыс. штыков), два американских батальона, семеновский полк, Дикая дивизия генерала Левицкого, в Троицкосавске дивизион им. генерала Крымова (400 штыков и 200 сабель), сводный казачий дивизион в 150 сабель, одна батарея и два бронепоезда [1, с. 3].

Вооруженное восстание в Прибайкалье началось в ночь с 18 на 19 декабря 1919 г. выступлением партизан в районе Мухоршибири. К ним присоединились тарбагатайские крестьяне. Восставшие шли в двух основных направлениях – на Верхнеудинск и на Ново-Селенгинск.

29 декабря 1919 г. был освобожден партизанами Ново-Селенгинск. При этом они захватили в качестве трофеев 500 лошадей,120 конных подвод, 60 винтовок с патронами, сотни пудов муки и прочее имущество [2, с. 198]. Отсюда отряд направился по левому берегу Селенги в сторону Верхнеудинска, к нему присоединились беднейшие крестьяне селенгинских сел.

К Советской власти присоединились и селенгинские буряты. Так, 30 декабря 1919 г. буряты Ноехонского военно-революционного штаба решили признать Советскую власть, образовали Ноехонский Совет, военно-революционный штаб и особый продовольственный комитет. Он установил связь с соседними военно-революционными штабами, собрал имеющееся оружие в количестве 30 стволов для защиты Советской власти. Документ подписали 48 чел. [4, с. 59-60].

5 января 1920 г. состоялся съезд бурят Селенгинского аймака и принял решение присоединиться к общенародному революционному движению. В аймак входило, как отмечалось на съезде представителей восставшего трудового народа Верхнеудинского и Селенгинского уездов 9 января, 50 тыс. бурят.

Военно-политическое положение на территории Селенгинского аймака в январе 1920 г. складывалось очень сложное. В обращении Селенгинского районного военно-революционного штаба ко всем сельским штабам говорилось, что разбитый советскими войсками враг старается прорваться к границе в направлении к Троицкосавску, через Селенгинск и Гусиное Озеро, что по пути бегства «банда грабит и жжет селения и улусы». Штаб обращался ко всем сельским штабам с просьбой об оказании ему помощи людьми и оружием.

Главный военно-революционный штаб Прибайкалья выпустил 16 января 1920 г. специальное обращение к бурятскому населению. В нем говорилось:

«Товарищи и братья буряты! Перед мощным движением революционных трудящихся разлетаются, как пыль, последние осколки самозванного правительства прохвостов Колчака и Семенова.

Но в последние дни успевают враги народные уничтожить все, что могут. Жгут деревни и грабят население.

В Янгажинском дацане отряд «Дикой дивизии» раздел некоторых лам почти догола...»

Обращение призывало бурят встать в ряды борцов «за волю и счастье трудового народа» [4, с. 94].

Этот призыв находил отклик и среди селенгинских бурят. Хотя и не было среди них массового активного непосредственного участия в партизанском движении, они оказывали довольно ощутимую помощь партизанским отрядам продовольствием, оружием, лошадьми, деньгами.

Так, на общем собрании бурят Ноехонского общества 22 января 1920 года говорилось, что там в военно-революционный комитет входит 100 дворов, что они поставляют соседнему Харитоновскому

военно-революционному штабу продукты и фураж (мясо, хлеб, сено и пр.), что они мобилизовали 10 верховых лошадей с седлами, ежедневно поставляют до 10 одноконных подвод с ямщиками [4, с. 112].

Буряты Оронгойского, Селенгинского и Чикойского хошунов с начала восстания по май 1920 г. в помощь партизанам пожертвовали 595 лошадей, 1131 голову крупного рогатого скота, 12555 пудов хлеба, 6786 пудов овса, 4022 пуда мяса и 41291 пуд сена. Они для их нужд выставили 48059 подвод, передали партизанам 22 винтовки, 222 берданки, 280 дробовиков, 35 шашек, 776 дох и шуб, 656 пар валенок и унтов [5, с.170].

1 марта 1920 г. наступающие у запада части Красной армии вместе с партизанскими отрядами, в результате упорных боев освободили город Верхнеудинск от белогвардейских и семеновских войск. Через два дня был освобожден Троицкосавск.

17 марта совещание представителей селенгинских, хоринских и баргузинских бурят с участием представителя Иркутского отдела национального комитета создало временный общебурятский национальный комитет. В состав комитета вошли Д. Ринчино (председатель), П. Данбинов (товарищ председателя), Ц. Алсаханов и Б. Цыренжапов (представитель Селенги). Временный национальный комитет ставил задачей организацию на местах революционных комитетов и созыв съезда бурят.

28 марта в Верхнеудинске открылся съезд представителей трудового народа, получивший название Первого Учредительного съезда Забайкалья. В его работе принимали участие представители армии, партизанских отрядов, партийных организаций, рабочих и крестьян, всего 380 чел. Бурятское население Забайкалья, имеющее по нормам представительства 104 места, было представлено лишь 23 делегатами, в том числе членами только что созданного временного общебурятского национального комитета. Поэтому они заявили, что не могут выражать «воли своего трудового народа» и будут участвовать в работе съезда, не беря на себя обязательства в решениях съезда.

По вопросу об организации власти съезд одобрил и приветствовал установившуюся в стране Советскую власть и ее высшие органы. В то же время, «принимая во внимание сложность международных отношений на Дальнем Востоке», съезд постановил: «1. Признать целесообразным и необходимым образование самостоятельной автономной власти в пределах Забайкалья и Дальнего Востока, объединяющей области: Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин и полосу отчуждения Восточно-Китайской железной дороги. 2. Установить в этой области власть демократическую, представляющую все слои населения с привлечением всех социалистических партий эс-деков и эс-еров и коммунистов-большевиков и общественные учреждения, в лице областного земства... 4. Впредь до воссоединения с Дальним Востоком организовать Народно-революционную власть Забайкалья...» [5, с. 204].

Эта власть создавалась из 25 членов, в том числе 2 бурят.

По вопросу об организации власти среди бурятского населения на съезде не было принято решения. Большинство делегатов от русского населения выступили за ликвидацию «аймачных управлений, то есть организаций уездного масштаба», считая, что они будут использованы бурятской буржуазией.

В своем выступлении на съезде представитель селенгинских бурят Б. Цыренжапов отмечал, в частности, что «бурятское население с самого начала повстанческого движения несло материальную поддержку революции, снабжая партизанские отряды исключительно бурятскими лошадьми, неся подводную повинность в большом размере» [5, с. 208].

Учредительный съезд трудящихся и партизан Прибайкалья в Верхнеудинске провозгласил 6 апреля 1920 г. создание Дальневосточной республики (ДВР). Руководство политикой ДВР осуществлялось через Дальбюро ЦК РКП(б), непосредственно подчиненное ЦК РКП(б). 14 мая 1920 г. Советская Россия официально признала правительство ДВР как правительство всего Дальневосточного края. Так, в сложных условиях международного положения того периода образовалось буферное государство на востоке России.

Граница ДВР с РСФСР проходила по р. Селенге. Селенгинские буряты оказались на территории двух государств. По левой стороне р. Селенги – на территории РСФСР, а по правой – на территории ДВР.

17 января 1921 г. правительство ДВР решило: «Признать аймачные (уездные) управления, хошунные и сомонные (волостные и сельские) комитеты местными органами бурят-монгольского самоуправления, включив в единую систему административных органов республики» [6, с. 268].

По конституции ДВР, принятой 27 апреля 1921 г. ее учредительным собранием, территория, населенная бурятами, выделялась в Бурят-Монгольскую автономную область. В ее составе Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский аймаки с населением 108,8 тыс. чел. Селенгинские буряты входили в состав Чикойского аймака, в котором насчитывалось 17262 чел.

9 января 1922 г. постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в составе РСФСР создавалась Бурят-Монгольская автономная область из 5 аймаков: Тункинский, Эхирит-Булагатский, Боханский, Аларский и Селенгинский с населением 185,2 тыс. чел., в том числе 129 тыс. бурят (70%).

Граница Селенгинского аймака проходила по южной границе страны с Монголией, по реке Селенге до города Верхнеудинска на востоке и по хребтам Хамар-Дабан на севере и на западе. В состав аймака входили хошуны: Оронгойский, Селенгинский, Гигетуйский, Закаменский, волости и станицы: Янгажинская, Селенгинская, Боргойская, Сартало-Армакская, Цакирская, Атамано-Николаевская, Торейская, Желтуринская, Саган-Усунская, Иволгинская с селениями Арсентьево, Ганзурино, Зуевское, Кабалянское, Кокоринское, Колобковское, Нижне-Убукунское, Средне-Убукунское и г. Селенгинск [6, с. 163].

В 1921 г. серьезную угрозу для Забайкалья представляли действия барона Унгерна, одного из главарей белогвардейцев в Сибири, в 1917-1919 гг. подручного атамана Семенова, в 1920-1921 гг. завоевавшего с помощью японских империалистов Монголию.

Унгерн и его подручные организовали массовые репрессии против революционно настроенных работников. В числе их был и первый председатель Селенгинского аймачного комитета С-М.Б. Цыбиктаров, которого в феврале 1921 г. по приказу Унгерна схватили дома и зверски убили.

В конце мая 1921 г. крупные вооруженные силы Унгерна и генерала Резухина организовали наступление в направлении Троицкосавска и в районе р. Желтура. Отряды Унгерна были ликвидированы объединенными силами войск Красной армии, ДВР и Народно-революцнонных отрядов Монгольского Временного революционного правительства.

В июне Унгерн предпринял повторные наступления на Троицкосавск через Шарагол, Усть-Киран. 12 июня он в 4-5 км от города был разгромлен и вынужден был отойти. Также вынужден был уйти из района Боцийского поселка генерал Резухин. Их план объединения и захвата Троицкосавска был сорван.

В конце июля 1921 г. Унгерн предпринял новое наступление на Бурятию. За четыре дня боев он занял Цежей (ныне Михайловка), поселок Атамано-Николаевский (ныне Харанай), Торен, Желтуру, Нарин, Нижний и Новый Ичеты. Отсюда 28 июля он направился двумя колоннами в сторону Селендумы и Мысовска. Не встречая по пути следования серьезного сопротивления из-за отсутствия вооруженных сил, унгерновцы захватили Боргой, Удунгу, Ново-Дмитриевку. В районе Гусиноозерского дацана им противостоял один батальон стрелкового полка. Батальон был окружен противником, после ожесточенных боев прорвал окружение и отступил к Селенге, переправился на ее правый берег.

1 августа Унгерн захватил Ново-Селенгинск, затем направился по левой стороне Селенги в сторону Верхнеудинска. Город был объявлен на военном положении. Не дойдя до города на 70 - 80 километров, 3 августа Унгерн повернул обратно и по северной стороне Гусиного Озера направился к Гусиноозерскому дацану.

5 августа части Красной армии настигли их отряды в районе Ново-Дмитриевки и улусов Торы и Налик. Потерпев в ожесточенных боях поражение, Унгерн 13 августа покинул территорию Бурятии. 17 августа был убит генерал Резухин, 22 августа красноармейцы из отряда Щетинкина захватили в плен Унгерна, который затем судом Чрезвычайного военного трибунала в Ново-Николаевске (ныне Новосибирск) был приговорен к расстрелу [3, с. 171-176]. Поход Унгерна был последней крупной военной акцией белогвардейцев в Забайкалье.

С окончанием Гражданской войны на Дальнем Востоке отпала необходимость в существовании буферного государства – Дальневосточной Республики. 14 ноября 1922 г. народное собрание ДВР приняло постановление об упразднении республики и вхождении в состав РСФСР. 16 ноября постановлением ВЦПК РСФСР ДВР объявлялась нераздельной составной частью РСФСР.

Появилась реальная возможность объединения двух бурятских автономных областей в одну единую республику. Постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 30 мая 1923 г. путем объединения двух автономных областей была организована Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика.

В республике было организовано 9 аймаков: Тункинский, Эхирит-Булагатский, Боханский, Аларский, Верхнеудинский, Хоринский, Троицкосавский, Баргузинский, Агинский в составе 95 хошунов с населением 435454 чел., в том числе 243391 бурят.

Селенгинские буряты в основном вошли в состав Троицкосавского аймака, объединенного из бывших Чикойского и Селенгинского аймаков (17 хошунов) [6, с. 449, 455].

С образованием Бурят-Монгольской АССР начался новый период в развитии бурятского народа, в том числе селенгинских бурят.

Библиография

1. Бажеев Д.Г. Коммунистическая партия – организатор и вдохновитель партизанского движения Бурятии. – Улан-Удэ, 1960.
2. Батуев Б.Б. Борьба за власть Советов в Бурятии. – Улан-Удэ, 1977.
3. История Бурятской АССР. Т. II. – Улан-Удэ, 1959.
4. Партизанское движение в Бурятии: сб. документов. – Улан-Удэ, 1965.
5. Хаптаев П.Т. Бурятия в годы Гражданской войны. – Улан-Удэ, 1967.
6. Шулунов Н.Д. Становление Советской национальной государственности в Бурятии (1919-1923 годы). – Улан-Удэ, 1972.

Bibliography

1. Bazheev D.G. The Communist Party is the Organizer and Inspirer of the Partisan Movement of Buryatia. Ulan-Ude, 1960.
2. Batuev B.B. The Struggle for Power of the Soviets in Buryatia.Ulan-Ude, 1977.
3. History of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic, Vol. II. Ulan-Ude, 1959.
4. Partisan Movement in Buryatia. Collection of documents. Ulan-Ude, 1965.
5. Khaptaev P.T. Buryatia in the Civil War. Ulan-Ude, 1967.
6. Shulunov N.D. Formation of the Soviet National Statehood in Buryatia (1919-1923). Ulan-Ude, 1972.

Е.Т. Протасов, канд. ист. наук, и.о. доц., e-mail: protasov-evg@mail.ru
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ

УДК 342.52

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БУРЯТИИ В 1920 – 1930 гг.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются основные этапы национально-государственного строительства в автономной республике в непростых условиях переходного периода при поддержке центральных органов власти. Принципы функционирования властных структур, кадровая политика и характер специфических особенностей решаемых вопросов и проблем создали определенный опыт, который может способствовать успешной работе современных органов государственной власти.

Ключевые слова: *Конституция, государственные органы власти и управления, региональные лидеры, партийные организации, социально-экономическое развитие.*

E.T. Protasov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

NATION-STATE BILDING IN BURYATIA, 1920 – 1930: TO THE PROBLEM

The article analyzes main stages of national-state building in an autonomous republic in the difficult conditions of transitional period at a support of the central government. Principles of functioning of power structures, personnel policy and character of specific features of the solved questions and problems, created certain experience which could be useful for successful activities of present governmental structures.

Key words: *Constitution, government organizations, districts and authorities, regional leaders, party organizations, socio-economic development.*

С победой Октябрьской революции 1917 г. в России утвердился государственный строй, основой которого стали Советы. Автор идеи Советов В.И. Ленин видел их преимущество как органов государственной власти в возможности соединять в себе парламентаризм с непосредственной демократией (соединять в лице выборных представителей народа законодательные и исполнительные функции, т.е. функции исполнения законов) [1, с. 27]. Система Советов создавалась как альтернатива «буржуазному парламентаризму», как попытка создания органов народовластия по внешней форме и ряду других признаков, напоминающих парламентскую форму правления, но только на иной классовой основе. Однако отождествлять систему Советов СССР с системой парламентаризма и говорить о сколько-нибудь самостоятельном значении представительных органов в советский период можно лишь с определенной степенью условности. Советский парламентаризм в форме Советов являлся во многом фасадно-бутафорным и ограниченным в условиях политического доминирования правящей партии с конца 1920-х гг.

Образование БМАССР и создание системы органов государственной власти в республике происходили в сложных общественно-политических и экономических условиях тяжелейшего экономического, социального и политического кризиса, связанного с окончанием Первой мировой и Гражданской войн. В Иркутской губернии и Забайкальской области, являвшихся национальными окраинами страны, кризис усугублялся общей экономической и культурной отсталостью региона. Бурятское общество начала 1920-х гг. характеризовалось наличием различных экономических укладов и общественных отношений.

Согласно Конституции РСФСР, принятой в 1918 г., высшим органом государственной власти РСФСР являлся съезд Советов. Положение о государственном устройстве Бурят-Монгольской АССР являлось законодательным актом, временно заменяющим Конституцию республики, регулирующим наряду с Конституциями СССР и РСФСР деятельность органов власти и управления на территории республики [2, с. 39].

В соответствии со ст. 56 Конституции РСФСР [3, с. 27] и Положением о государственном устройстве Бурят-Монгольской АССР высшим органом представительной государственной власти на территории Бурятии был признан съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов БМАССР. В указанной статье было закреплено положение о том, что в границах своего ведения съезд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) есть высшая (в пределах данной территории) власть.

В гл. 12 Конституции РСФСР «О предметах ведения органов Советской власти на местах» были определены пределы компетенции и вопросы ведения местных Советов, к числу которых были отнесены Советы автономных республик и областей:

а) проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти;

б) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;

в) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение;

г) объединение всей советской деятельности в пределах данной территории.

Съездам Советов и их исполнительным комитетам принадлежало право контроля над деятельностью местных Советов, а также право отмены решений местных Советов с извещением об этом в важнейших случаях центральных органов РСФСР. Но в Основном Законе не были определены четкие границы компетенции органов представительной государственной власти автономных республик и лишь указывались общие направления деятельности местных Советов.

Следует также отметить, что в конституционных нормах не было четкого определения понятия «автономная республика». В ст. 11 было закреплено лишь то, что «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды Советов и их исполнительные органы. Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику» [3, с. 9].

По существу Основной Закон лишь обозначил правовой статус национальных образований как субъектов Федерации. Что же касается конкретного содержания правового статуса автономных образований и их представительных органов, то он лишь указывал, что съезды Советов являются высшей (в пределах данной территории) властью. При этом не было конкретизировано само понятие «высшая власть» применительно к данному уровню съездов Советов и их исполнительных комитетов, как это было определено в гл. VI, VII Конституции РСФСР в отношении статуса Всероссийского съезда Советов и ВЦИК. Там, наряду с установлением нормы о том, что съезд Советов, а в период между съездами и ВЦИК, являются высшей властью, было закреплено положение о том, что они являются высшими законодательными, распорядительными и контролирующими органами [3, с. 11].

Исполнительно-распорядительными органами съездов Советов являлись исполнительные комитеты. Свое законодательное оформление исполкомы получили в ст. 56 Конституции РСФСР, в которой отмечалось, что в границах своего ведения съезд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) есть высшая (в пределах данной территории) власть; в период между съездами такой властью является исполнительный комитет.

Высшим органом представительной и законодательной власти БМАССР стал съезд Советов республики, высшим законодательным и распорядительным органом в период между съездами –

ЦИК БМАССР, высшим исполнительным органом – Совет Народных Комиссаров, отраслевыми органами управления – народные комиссариаты, местными органами власти – аймачные, хошунные и сомонные Советы [4, л. 69-70].

На историческом I съезде Советов БМАССР, состоявшемся 4-9 декабря 1923 г. в г. Верхнеудинске образовал Центральный Исполнительный Комитет. Председателем Президиума ЦИК республики был избран известный общественный и государственный деятель М.И. Амагаев, заместителем – И.А. Ильин. На первой сессии ЦИК было также сформировано Правительство республики из 11 человек – Совнарком, его возглавил видный политический и общественный деятель М.Н. Ербанов, заместителем – М.Д. Берман [5, л. 267].

В организационный для республики период с 1923 по 1925 г. была сформирована система органов государственной власти. С его завершением в марте 1925 г. II съезд Советов определил задачи укрепления системы Советов и совершенствования работы местных (аймачных, хошунных) органов [6, с. 17] в соответствии с лозунгами ЦК РКП(б) и ВЦИК «Лицом к деревне» и «Оживление Советов». Реализация нового политического курса дала свои позитивные результаты в подъеме производительности сельскохозяйственного труда, но в то же время эти меры привели к усилению социального расслоения в деревне.

Работа ЦИК по повышению эффективности низовых Советов осуществлялась параллельно с установлением рационального административно-территориального деления республики. Районирование, начатое в 1925 г., продолжалось в течение трех лет. В результате, в 1927 г. был осуществлен переход с 4-степенной системы управления (сомсельсовет – хошун – уезд – ЦИК) на 3-степенную (сомсельсовет – аймак – ЦИК). Вместо имеющихся 9 аймаков-уездов и 55 хошунов-волостей были образованы 16 районов, которые становились узловым центром хозяйственного и культурного развития территорий.

Анализ архивных и документальных источников дал основание сделать вывод о низком уровне организационной работы в местных органах власти. Основной причиной неэффективной работы низовых советских органов республики являлась острая нехватка не только квалифицированных управленческих кадров, но и просто грамотных людей. Общая грамотность населения республики составляла всего 21,7 % [7, с. 76].

Итоги развития народного хозяйства республики после II съезда Советов свидетельствуют о положительной динамике развития и продолжении подъема производительных сил БМАССР в этот период. Благодаря переходу к новой экономической политике, демократизации общественной и экономической жизни, несмотря на изъяны и несовершенство законодательства, удалось в сжатые сроки, с 1923 по 1929 г. создать систему законодательных и исполнительных органов власти республики и достичь ощутимых успехов в национально-государственном строительстве, народно-хозяйственном развитии.

На следующем этапе необходимо отметить вопросы укрепления советской государственности в конце 1920-х и эволюции государственных органов власти БМАССР в 1930-е годы. В этот период политика Центральным Комитетом ВКП(б) (далее – ЦК ВКП(б) претерпевает серьезные изменения. Новая экономическая политика начинает постепенно свертываться. Наряду с этим укрепляется положение партии и ее аппарата почти во всех сферах жизни общества и государства.

Реорганизация и совершенствование внутриорганизационной работы ЦИК и Совнаркома БМАССР проходило в условиях усиления партии как руководящей и направляющей силы общества. Центр реальной политической власти все больше перемещался из советских органов в партийные, точнее, в их аппарат. В связи с этим эффективность предпринимавшихся Президиумом ЦИК, исполнительными органами мер по улучшению своей деятельности была объективно ограничена. Начиная с 1930-х гг. властный потенциал названных государственных органов, местных Советов постепенно и неуклонно сокращается. 1929 г., вошедший в историю страны как год «великого перелома», рассматривается как важный рубеж в развитии органов власти автономии. С конца 1920-х и в 1930-е гг. развитие региональных властных структур шло по пути все большей их бюрократизации и минимизации как государственных институтов и как органов народного представительства.

Еще в 1925 г. в связи с предстоящими задачами оживления работы Советов, был образован Организационный отдел БурЦИК в составе двух подотделов: организационно-инструкторского и учетно-распределительного. Для улучшения существующего положения БурЦИКом проводились совещания по советскому строительству. Так, 17 июля 1926 г. на совещании при БурЦИКе были заслушаны доклады о советском строительстве в условиях Бурятии, мероприятиях по оживлению деятельности Советов, обсуждены некоторые отчеты о работе низовых Советов. В принятом решении обра-

щалось внимание на необходимость укрепления законности, еще более широкого вовлечения в работу Советов беспартийных крестьян, представителей сельской интеллигенции, улучшения постановки организационно-массовой работы. Анализ объема полномочий у местных Советов для выполнения задач в области реконструкции народного хозяйства показал, что сомсельсоветы кроме того, что не имеют достаточных полномочий, не располагают и самостоятельным бюджетом.

Возможности Советов на местах были ограничены финансовыми средствами и слабой их материальной базой. В условиях бюджетного дефицита в республике финансирование низовых Советов в аймаках, хошунах осуществлялось по минимуму, что приводило к хроническому недостатку средств на местах. Советы не имели возможности заниматься вопросами землепользования, ремонта дорог, школ. Всеми этими делами занимались хошисполкомы, но и они также были ограничены в средствах. При этом в практической деятельности при разрешении вопросов использования земли (наделов, переделов) их часто подменяли сельские сходы, сугланы и земельные общества.

25 марта 1927 г. III съезд Советов БМАССР одобрил проект Конституции БМАССР, представленный на утверждение Всероссийскому ЦИК, однако дальнейшая судьба этого проекта осталась неизвестной.

В республике несколько раз проводилось районирование. В 1927 г. БМАССР состояла из 16 аймаков и 374 сомонных (сельских) Советов, в том числе 140 чисто бурятских, 159 русских, 16 эвенкийских, 1 украинского и 68 смешанных, а в 1936 г. – из 21 аймака и 252 сомонных (сельских) и одного поселкового Совета.

Бурят-Монгольская АССР в 1923-1925 гг. находилась в составе Дальневосточного края. Со второй половины 1920-х гг. с учетом усиления централизации управления в РСФСР стали создаваться новые административно-территориальные образования – края, в которые включались автономии. Решениями Президиума ВЦИК в 1925 г. был образован Сибирский край, а в 1930 г. – Восточно-Сибирский край, в который вошла БМАССР. Краевые партийно-советские органы оказывали помощь республике в развитии экономики и культуры, подготовке кадров. Но вхождение республики в состав края ограничило ее самостоятельность и понизило государственно-правовой статус. Это негативно отразилось на полномочиях ее органов государственной власти.

С 1937 г. БМАССР непосредственно подчинялась Российской Федерации, хотя и раньше имела право напрямую связываться с ВЦИК и СНК РСФСР. Они не раз заслушивали отчеты ЦИК и СНК БМАССР, принимали решения по вопросам государственного строительства, переустройства и развития народного хозяйства и культуры республики. По решениям Советского правительства Народные комиссариаты приняли постановления о строительстве Улан-Удэнского мясоконсервного, мельничного и Джидинского вольфрамо-молибденового комбинатов, стекольного, паровозовагоноремонтного, авиационного, судоремонтного заводов и других предприятий, о строительстве многочисленных машинно-тракторных станций и совхозов, об организации средних специальных и высших учебных заведений. Это был мощный импульс развитию экономического потенциала региона и формированию кадров промышленности и социальной сферы.

Значительны заслуги столицы страны в оказании помощи в социалистическом строительстве национальных республик СССР, в том числе Бурятии. Накануне своего десятилетия республика уже имела некоторые успехи в отраслях народного хозяйства, развитии культуры и образования, но многого еще не хватало. В 1932 г. от имени руководства Бурят-Монгольской АССР М.Н. Ербанов обратился в Моссовет и в Московский городской комитет ВКП(б) с просьбой взять шефство над Республикой Бурятия. 21 сентября 1932 г. на заседании президиума Моссовета с докладом о состоянии экономики и культуры республики выступил председатель ЦИК Б.Д. Дабаин. Президиум Моссовета принял решение организовать шефство над Бурятией. 22 сентября 1932 г. в газете «Вечерняя Москва» было напечатано сообщение: «Моссовет – шеф Бурят-Монголии. Вчера президиум Моссовета принял шефство над Бурят-Монгольской АССР, республике нужна помощь. Пролетариат Бурят-Монголии ждет ее от Москвы, которая должна помочь республике» [8]. Президиум Моссовета организовал комиссию, которая вместе с членами ЦИК Бурятии разработала практические мероприятия. Это встретило горячий и оптимистичный отклик у трудящихся республики.

Со стороны тружеников столицы шефство вызвало большой патриотический подъем. В адрес Московского Совета и Бурятского представительства при ВЦИК начали поступать письма от организаций и специалистов, желающих участвовать в шефстве и поехать на работу в республику. Газета «Известия» от 23 сентября 1932 г. сообщала: «В Бурят-Монголию будут посланы крупные советские работники Москвы, специалисты для ведущих отраслей народного и городского хозяйства, культурно-бытового строительства и т.д. ...» [9]. 11 февраля 1933 г. в Бурятию приехала шефская бригада

во главе с членом Президиума Моссовета А.П. Козловым для изучения хозяйства и оказания практической помощи республике. Состоялось торжественное заседание ЦИК БМАССР Верхнеудинского горсовета с участием представителей партийных и общественных организаций, трудовых коллективов, посвященное оформлению шефства Московского Совета над БМАССР. Московские коллеги посетили многие предприятия и ознакомились с их работой. Побывали в колхозах, совхозах и на машинно-тракторных станциях, в школах, домах культуры. Результаты месячной работы были обсуждены на заседании Президиума ЦИК, где А.П. Козлов, профессор М.Л. Броннер и другие члены делегации выступили с кратким критическим анализом и соответствующими предложениями, рекомендациями по улучшению деятельности ведущих промышленных и сельскохозяйственных предприятий, учебных заведений, учреждений культуры. По итогам заседания было принято развернутое решение, в котором была дана высокая оценка работе делегации и предложено местным органам власти и управления устранить отмеченные недостатки и принять меры по улучшению работы. В последующие годы московские учреждения, известные производственные коллективы непосредственно оказывали братскую помощь республике в строительстве промышленных предприятий, обеспечении их строительными материалами и оборудованием, кадрами квалифицированных инженеров и рабочих. На строительство культурно-бытовых учреждений республики из бюджета Москвы был выделен один миллион рублей, оказана помощь Верхнеудинскому горсовету в реконструкции городского хозяйства. Из столицы были направлены три пассажирских автобуса, усовершенствованные пожарные автомобили, государственная типография получила ротационную машину.

Научная и творческая интеллигенция активно содействовала развитию учебных заведений, заведений культуры и профессионального искусства в республике. Ряд амбулаторий и диспансеров получили от Московского отдела здравоохранения медицинское оборудование, инструменты, медикаменты. Летом 1933 г. командированная из Москвы медицинская экспедиция доставила оборудование для амбулатории колхоза им. Сталина Селенгинского аймака и провела сплошное медицинское обследование населения нескольких населенных пунктов. Такая же работа проделана и в ряде других аймаков республики. Наряду с этим для аспирантов, научных работников республики, прибывающих в Москву, Моссовет выделил восьмиквартирный дом [10]. В предвоенный период Бурятии была оказана немалая помощь.

Съезды Советов республики, ЦИК и его Президиум, Совнарком, а также низовые Советы играли ключевую роль в решении задач государственного и культурного строительства, социально-экономического развития. Они проводили созидательную работу, создавая правовые и экономические основы социалистического строительства. Декреты, постановления, распоряжения, решения, положения как правовые акты, касались всех сторон жизни республики. Только за период с 1923 по 1937 г. было принято более 300 постановлений ЦИК БМАССР, свыше 1240 постановлений его Президиума, из которых 689 – совместно с Совнаркомом. По вопросам государственного устройства и хозяйственного развития республики было рассмотрено и принято 76 обязательных постановлений [11, с. 18]. Причем в 1930-е гг. все чаще принимались совместные постановления обкома партии и Совнаркома республики из-за концентрации политической власти в руках партийных органов, утверждения административно-командной системы в стране.

27 января 1936 г. делегация республики, состоящая в основном из депутатов различных уровней, представителей промышленности и сельского хозяйства, была принята в Кремле руководителями Советского государства. Это было волнующее историческое событие. После взаимных выступлений Председатель ЦИК СССР, руководитель законодательного органа страны М.И. Калинин вручил ордена и медали членам нашей делегации, которых также тепло приветствовали и поздравляли В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.А. Андреев [12, с. 29]. А знаменитая фотография улыбающейся шестилетней Гели Маркизовой (дочери второго секретаря Бурят-Монгольского обкома партии А.И. Маркизова) на руках у И.В. Сталина обошла весь мир и долгое время была символом счастливого детства в нашей стране.

Во второй половине 1930-х гг. произошли кардинальные изменения в системе законодательных органов СССР и БМАССР. Практика государственного и хозяйственного строительства в СССР в период с 1918 по 1935 г. обнажила явные недостатки первоначально принятой модели Советов как органов диктатуры пролетариата. С изменением социально-экономических условий и утверждением в СССР однопартийной системы, остро встал вопрос реорганизации системы Советов. В 1935 г. ЦК ВКП(б) был внесен на рассмотрение Всесоюзного съезда Советов и в 1936 г. принят проект новой Конституции СССР.

В 1937 г. VII Чрезвычайный съезд Советов БМАССР принял Конституцию республики [13, с. 38]. С принятием Конституции СССР и Конституции автономной республики характер органов госу-

дарственной власти изменился кардинальным образом. Полномочия и предметы ведения законодательных и исполнительных органов были разграничены. С учетом новых конституционных норм система Советов подверглась серьезной трансформации. Принципиальные изменения были внесены в структуру и порядок формирования законодательных органов страны и республик. Двухступенчатая конструкция была заменена единым Верховным Советом – «высшим органом государственной власти». Он устанавливал государственные и местные налоги, сборы и неналоговые доходы, утверждал государственные планы экономического и социального развития, осуществлял контроль за исполнением законов, порядком пользования природными ресурсами, охраной государственного порядка и прав граждан. В исключительную компетенцию парламента входило формирование органов государственной власти республики и назначение их должностных лиц. Президиум Верховного Совета наделялся правом издавать указы, содержащие важнейшие нормативные предписания, в том числе вносящие изменения в законодательство.

Невозможно обойти вниманием еще одно событие того времени – небывалый по дальности пеше-лыжный переход пяти девушек из Бурятии по маршруту Улан-Удэ – Москва. Несмотря на все сомнения представителей спорткомитета страны, отважные лыжницы Л. Константинова, М. Хахалова, В. Любимская, С. Тыхеева, Н. Сункуева, преодолев все трудности в условиях очень морозной зимы и частых метелей, прошли за четыре месяца расстояние 6045 км и триумфально финишировали 6 марта 1937 г. на столичном стадионе «Динамо» при активной поддержке более 30 тыс. человек. Помимо этого, совершенно понятно, почему так горячо аплодировали нашим героиням участники торжественного заседания в Большом театре Союза ССР, посвященном Международному женскому празднику.

Вместе с тем, 26 сентября 1937 г. были приняты постановления союзных органов власти о разделении территории БМАССР и передаче шести бурятских аймаков Иркутской и Читинской областям. Они были приняты без учета мнения народов и органов власти автономной республики. К сожалению, этим дело не ограничилось. В 1937-1938 гг. на народы республики обрушились массовые репрессии, в результате которых был уничтожен почти весь руководящий состав советских и партийных органов. Несмотря на это автономная республика существовала и развивалась.

В 1938 г. состоялись всенародные выборы в Верховный Совет БМАССР первого созыва. Организационная сессия Верховного Совета БМАССР первого созыва проходила 6-8 июля 1938 г. На ней были избраны Председатель, заместитель Председателя Верховного Совета, Президиум Верховного Совета, образовано Правительство Бурятии [14, с. 5].

Первым Председателем Верховного Совета БМАССР был избран депутат от Гаргинского избирательного округа Баргузинского аймака Г.С. Будаев. Первым Председателем Президиума Верховного Совета был избран депутат от Ново-Селенгинского избирательного округа Селенгинского аймака Г.Ц. Бельгаев. Секретарем Президиума Верховного Совета – депутат от Удинского избирательного округа Хоринского аймака В.М. Биртанов. Председателем Совета Народных Комиссаров (с 1946 г. – Совета Министров) был утвержден С.М. Иванов, являвшийся депутатом от Сосново-Озерского округа Еравнинского аймака [14, с. 6].

Деятельность Верховного Совета республики первого созыва пришлась на суровые годы Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что парламент избирался в соответствии с Конституцией республики сроком на четыре года, его полномочия фактически продлились до марта 1947 г.

За период деятельности Верховного Совета с июля 1938 г. по июль 1994 г. в высшем органе государственной власти сменилось 12 Председателей Верховного Совета, 9 Председателей Президиума Верховного Совета и 12 Секретарей Президиума Верховного Совета. Председателями Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР, Бурятской АССР в разное время являлись известные политические и общественные деятели республики Б.Л. Лобсонов, М.М. Могнонов, Н.Г. Балдано, композитор Б.Б. Ямпилов, ректор ВСТИ Д.Ш. Фролов, ученый М.В. Мохосоев, поэт Н.Г. Дамдинов. В годы Великой Отечественной войны Председателем Президиума Верховного Совета работала Г.А. Цыденова. Длительное время в этой должности трудились Д.Ц. Цыремпилон, А.У. Хахалов, Б.С. Семенов [14, с. 7].

Основными функциями Верховного Совета Бурятии являлись законодательная, контролирующая, распорядительная и представительная. Парламент республики устанавливал государственные и местные налоги, сборы и неналоговые доходы, утверждал государственные планы экономического и социального развития, осуществлял контроль за исполнением законов, порядком пользования природными ресурсами, охраной государственного порядка и прав граждан. В исключительную компетенцию парламента входило формирование органов государственной власти республики и назначение их должностных лиц. Все более эффективной становилась работа исполнительных органов. Это проявлялось в годы войны и в период послевоенного строительства несмотря на все трудности.

Таким образом, образование Бурят-Монгольской АССР, создание системы органов государственной власти и управления в автономной республике происходили в сложных условиях тяжелого экономического кризиса, правового вакуума, культурной и образовательной отсталости населения. Представительные и исполнительные органы, местные Советы играли важнейшую роль в решении задач государственного и культурного строительства, социально-экономического развития. В условиях доминирования партийных организаций они проводили созидательную работу, создавая правовые и экономические основы социалистического строительства. Принимаемые правовые акты касались всех сторон жизни республики. Многое из опыта государственного и экономического строительства, деятельности представительных и исполнительных органов власти в рассматриваемый и последующий периоды легло в основу принятой Верховным Советом республики двенадцатого созыва Конституции Республики Бурятия 1994 г., в соответствии с которой, а также в условиях глубоких социально-экономических преобразований действуют реформированные органы государственной власти республики в составе Российской Федерации.

Библиография

1. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. в 55 т. – 5-е изд. – Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – 526 с.

2. Палхаева Е.Н. Трансформация государственности бурят в России в XX – начале XXI в. – Улан-Удэ: Изд-во. Бурят. гос. ун-та, 2012. – 151 с.

3. Конституция РСФСР 1918 года. – Чита, 1922.

4. ГАРБ. Ф. 2, оп. 1, д. 43, л. 69-70.

5. ГАРБ. Ф. 2, оп. 1, д. 111, л. 267.

6. Бюллетень Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Бурят-Монгольской АССР. – Верхнеудинск, 1925. – № 25.

7. Басаев Г.Д., Ербанова С.Я. М.Н. Ербанов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. – 239 с.

8. Вечерняя Москва. – 1932. – 22 сент.

9. Известия. – 1932. – 23 сент.

10. Правда Бурятии. – 1978. – 3 мар.

11. Протасов Е.Т. История становления и развития представительных (законодательных) органов Бурятии (1923-1937): автореф. дис … канд. ист. наук. –Улан-Удэ, 2004. – 160 с.

12. Прием делегации трудящихся Бурят-Монгольской АССР руководителями партии и правительства в Кремле. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 128 с.

13. Съезды Советов автономных советских социалистических республик, входящих в РСФСР: сб. документов 1923-1937 гг. – Т. IV, ч. II. – М.: Политиздат, 1963. – 298 с.

14. Биографические данные руководителей Верховного Совета, Президиума Верховного Совета и Правительства Бурятии (1923 – 1996): сб. / сост. А.Х. Насыров. – Улан-Удэ, 1996. – 140с.

Bibliography

1. Lenin VI Can the Bolsheviks Retain State Power? / Lenin. Omnibus edition in 55 vol. 5th ed. V. 34. M : Politizdat, 1969. 526 p.

2. Palkhaeva EN Buryat Statehood Transformation in Russia in the XX – beginning of XXI centuries. Ulan-Ude : BSU Press. 2012. 151 p.

3. The Constitution of the RSFSR of 1918. Chita, 1922.

4. State Archive of the Buryatia Republic (SABR) . Col. 2. Inv. 1. F. 43. L. 69–70.

5. SABR. Col. 2. Inv. 1. F. 111. L. 267.

6. Bulletin of the Central Executive Committee and the Council of People's Commission of the Buryat-Mongol ASSR. Verkhneudinsk, 1925. № 25.

7. Basayev GD, Erbanova SY MN Erbanov. Ulan-Ude : Bur. Book Publ., 1989. 239 p.

8. Evening Moscow. – 1932 – 22 September. 9.

9. News. – 1932 – 23 September. 10.

10. True Buryatia. – 1978 – 3 March. 11.

11. Protasov ET History of Formation and Development of Representative (the legislateve) branches of the Power of Buryatia (1923 – 1937) : Diss.PhD. Hist. Sciences. Ulan-Ude, 2004. 160 p.

12. Buryat-Mongolian ASSR workers delegation Reception by the party and government leaders in the Kremlin. – M. : Partizdat CC CPSU (b), 1936. 128 p.

13. Congresses of Soviets of the autonomous Soviet socialist republics of the RSFSR. Collection of documents, 1923 – 1937. T. IV. Part II. MM: Politizdat, 1963. 298 p.

14. The curricula vitae of the Supreme Council, the Presidium of the Upper Council Chamber and the Government of Buryatia Leaders (1923 – 1996): Digest / Comp. A. Kh Nasyrov. Ulan-Ude, 1996. 140 p.

С.С. Балданов, канд. ист. наук, доц., e-mail: serbald@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК: 94(47)(571.54)

БОРЬБА ЗА МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В БУРЯТИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье анализируются особенности национально-государственного строительства, осуществляемого Бурнацкомом (Бурнардумой) в Забайкалье в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции, после временного падения Советской власти в 1918 г.

Ключевые слова: *местное самоуправление, национально-государственное строительство, Бурнацком, Бурнардума, Забайкалье, Гражданская война, интервенция.*

S.S. Baldanov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

THE FIGHT FOR LOCAL SELF-GOVERNMENT IN BURYATIA IN THE BEGINNING XX CENTURY

This article analyzes the features of national-state building, performed by Burnatskom (Bumarduma) in Zabaikalie in the conditions of the Civil war and foreign military intervention, following the temporary fall of the Soviet power in 1918.

Key words: *local government, national-state building, Burnatskom, Bumarduma, Zabaikalie, the Civil war, intervention.*

Февральская революция способствовала национальному движению в Бурятии, которое возглавляла бурятская интеллигенция. Это были ученые, получившие признание в России и за рубежом: Г.Ц. Цыбиков, Ц.Ж. Жамцарано, Б.Б. Барадин; общественные деятели М.Н. Богданов, Б.-Д. Очиров, Э.-Д. Ринчино; просветители М.Н. Хангалов, Н.И. Амагаев; врачи Б.С. Ямпилов, А.Т. Трубачеев, С.Б. Цыбиктаров, Л. Жабэ; представители литературы и искусства Д.А. Абашеев, И.Г. Салтыков, С.П. Балдаев. Национальное движение бурят Иркутской губернии возглавили В.Л. Егоров, А.А. Убугунов, И.С. Дурхисанов, А.Р. Коняев, И.Г. Салтыков, которые действовали в тесном контакте с забайкальскими демократами [4, с. 38]. В этот период зарождается идея созыва общебурятского съезда, на котором была выработана система местного самоуправления у бурят. Также в решениях съезда отмечалась необходимость образования органов национального суда, руководствующихся нормами обычного права бурят, решения аграрного вопроса. Между съездами повседневной работой руководил Центральный Национальный Комитет (сокращенное название – Бурнацком). Тем самым Бурнацком стал общебурятским органом и охватил своими действиями забайкальских и иркутских бурят. При Бурнацкоме были образованы учебный, земельный, судебный, статистический и административный отделы. Через комитет и отделы была развернута активная работа. Деятельность комитета в этот период была плодотворной, интенсивной; от его имени шли резолюции, телеграммы, распоряжения, предложения, воззвания, запросы, постановления, приказы.

До конца 1917 г. состоялось еще три съезда, решения которых были направлены на сохранение в неприкосновенности земельных владений бурят, борьбу за установление административной автономии путем объединения бурятского населения в аймаки, развитие национальной культуры, социальные преобразования в интересах трудовых масс. При этом отдавалось предпочтение национально-демократическому буржуазному пути в развитии революции.

После победы Октябрьской революции Бурнацком, его Иркутский отдел, не признав революцию, продолжали оставаться на позициях свергнутого Временного буржуазного правительства. Его лидеры, будучи приверженцами демократических идеалов, отнеслись к Октябрьской революции негативно, расценив ее как захват власти одной партией, и выступили за создание коалиционного правительства. Конкретными шагами в этом направлении стала поддержка Бурнацкомом инициативы сибирских областников по автономии Сибири и участие в декабре 1917 г. в создании «Народного Совета» – коалиционного органа областной власти Забайкалья. Это было обусловлено тем, что областники разработали проекты «О министерстве туземных дел», «Положение о Сибирском туземном фонде» и «Положение

о территориях, переходящих в ведение организуемого Сибирского министерства туземных дел» [2, с. 152]. Такая политика сибирских областников в национальном вопросе весьма импонировала бурятским национальным деятелям. Именно этим и был обусловлен наказ представителям бурятского народа, избираемым в Учредительное собрание, о предоставлении бурятскому народу права на национальную автономию, которое, по мнению лидеров Бурнацкома, должно было законодательно закрепить новое демократическое устройство.

В конце 1917 г. – начале 1918 г. начинается обострение отношений представителей советской власти и жителей бурятских аймаков, что проявилось в антиаймачном движении в Баргузинском аймаке [1, с. 49]. В основе этого движения лежали обострившиеся земельные отношения между русским и бурятским населением. Фактически же речь шла о протесте Бурнацкома против вмешательства Советов во внутреннюю жизнь бурят, отстаивания идеи земства для бурят, идеи бурятской автономии.

Неизбежным в деятельности Бурнацкома являлось то, что в связи с повсеместным переходом власти в руки большевистских Советов, необходимо было твердо определить свое отношение к новой власти. В этой связи интерес представляет сюжет, посвященный частному совещанию бурятских общественных деятелей, проведенный Бурнацкомом 17 марта 1918 г. на котором присутствовали руководящие деятели национального движения Ц. Жамцарано, М. Богданов, Э-Д. Ринчино, Н. Преловский. Стремясь объединить бурятскую интеллигенцию, совещание создало «Союз бурятской интеллигенции», разработав проект организационного устава союза и проект земельной реформы и реформы налоговой системы. Свое отношение к советской власти Бурнацком проявил в специально принятом обращении «Ко всем бурят-монголам», в котором он признавал советскую власть при условии сохранения органов земского управления, созыва нового Учредительного собрания, а также установления контакта с союзными державами. При этом он подчеркивал, что власть советская не есть власть всенародная [3, с. 138].

В результате, в Чите на III съезде представителей крестьян, рабочих, казаков и бурят Забайкальской области, проходившего с 24 марта по 5 апреля 1918 г., впервые в истории бурятского народа было признано его право на самоопределение [5, с. 72].

Таким образом, бурятские демократы своей гибкой и умелой тактической борьбой сумели сохранить автономию и найти свое место в системе советских органов власти.

Оппозицией Бурнацкому были первые бурятские большевики М. Сахьянова, Г. Данчинов, Ф. Осодоева, С. Николаев, М. Ербанов, Е. Зонхоев, В. Трубачеев, к которым примыкали левые эсеры Н. Махочкеев, Д. Убугунов, И. Рампилун, М. Забанов [2, с. 154]. Группа пропагандировала идеи советской власти среди бурят, стремилась создать в бурятских улусах Советы и вовлечь их в общую структуру органов советской власти, активно выступала против политики Бурнацкома.

Весной 1918 г. Бурнацкомом были разработаны пять новых законов, которые стали называться «новеллами». Законы были направлены на обеспечение порядка и прав на территории проживания бурят, на укрепление органов национального самоопределения. В «новелле» № 1 Бурнацком объявил территорию бурят автономной единицей и принял на себя всю тяжесть распределительно-административной власти. В «новелле» № 2 ставился вопрос о «пересмотре» положения о сибирском земстве для приспособления его к культурно-национальным и бытовым особенностям бурят и к «проведению широких социальных преобразований в интересах быта трудовых масс». «Новелла» № 3 была посвящена суду и судопроизводству и регламентировала его устройство в национальных административных единицах. Основные положения новеллы состояли в том, что национальный суд организовывался на основе выборности, на принципах гласности и равенства всех перед законом. Аймачные суды были судом второй степени, где рассматривались дела, перешедшие в порядке апелляционного обжалования, они состояли из председателей аймачных судов данного аймака. «Новеллами» № 4-5 упорядочивалось функционирование административных и школьных учреждений [4, с. 39].

Как реальные политики лидеры Бурнацкома учитывали факт существования советской власти, но оставались сторонниками национальной автономии в форме аймачных и хошунных земств, национального самоуправления. Поэтому деятельность большевиков по созданию Советов среди бурятского населения бурнацкомовцы объявили нарушением автономии и решений III Забайкальского съезда.

В апреле 1918 г. Бурнацкомом было опубликовано воззвание «Ко всем бурят-монголам Восточной Сибири», где отражалась его политическая платформа. Основной задачей провозглашалась борьба за примирение и объединение всех политических сил России. Борьба за «объединительные идеи» была направлена против социалистической революции и Советов, так как бурятские лидеры по-прежнему стояли на позиции автономии в форме аймачных и хошунных земств, органов самоуправления, созыва нового Учредительного собрания.

На состоявшемся в июне 1918 г. съезде Советов Западного Забайкалья, где делегаты требовали ликвидации бурятских аймаков, а самоопределение бурят предлагали ограничить только вопросами культуры [2, с. 168]. Бурнацком добился решения съезда о предоставлении особых прав Учредительному съезду бурятских совдепов (сугланов) и особой согласительной комиссии из одинакового числа представителей съезда и областного исполкома в этом вопросе. Выработанный согласительной комиссией проект автономии должен был быть представлен на утверждение центральной власти России от имени областного исполнительного комитета и центрального органа бурят [3, с. 140]. Подготовительную работу по подготовке проекта автономии Бурятии и установления ее границ прервала Гражданская война.

В условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции, с падением советской власти в Забайкалье, при поддержке японских войск власть захватил атаман Г.М. Семёнов. 20 августа чехословаки и белогвардейцы заняли г. Верхнеудинск, 25 августа – г. Читу [5, с. 116].

Новая власть старалась привлечь на свою сторону коренное бурятское население и в этих условиях бурятские демократы отказываются от своей прежней политики поддержки советской власти, переходят к политике формального признания власти Колчака и Семёнова. Их тактика состояла в стремлении использовать любые средства и любую власть для достижения главной цели – создания бурятской автономии и сохранениянациональных органов самоуправления. Этому способствовал всебурятский съезд, состоявшийся 20-24 ноября 1918 г., переименовавший Бурнацком в «Народную Думу» [1, с. 92]. Практический курс и деятельность национальных лидеров получили высокую оценку общебурятского съезда.

С начала 1919 г. предпринимаются попытки объединить монгольские народы в единое государственное образование. Лидеры Бурнардумы Ц. Жамцарано и Э-Д. Ринчино, выступали с лозунгом неучастия в Гражданской войне путем нейтралитета, а также с идеей панмонголизма – экономического, культурного и политического объединения монгольских народов. Осуществлению идеи создания общемонгольского государства были посвящены две конференции. В начале февраля 1919 г. на ст. Даурия Забайкальской железной дороги состоялось предварительное совещание по подготовке съезда панмонголистов, на котором были выработаны главные направления работы. 25 февраля 1919 г. в Чите состоялась конференция представителей различных монгольских племен, на которую прибыли 16 делегатов от различных частей Внутренней Монголии, Барги, Забайкалья. Съезд открылся под председательством Нейсэ-гэгэна. Бурят на этом форуме представляли: Э.-Д. Ринчино (от баргузинских бурят), Цыдыпов (от хоринских бурят), Н. Дылыков (от агинских бурят), Бимбаев (от селенгинских бурят), Б. Вампилон (от иркутских бурят), Д. Сампилон (от Бурнацкома). В работе съезда принимали участие атаман Г.М. Семёнов, его помощник Волгин, есаул Шадрин, представитель японских оккупационных войск майор Судзуи [2, с. 164]. На конференции было принято решение по созданию государства Великая Монголия, в которое на правах федерации должны были войти четыре аймака: Внешняя Монголия, Внутренняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. Была выработана конституция будущей Великой Монголии, признающей равенство составных частей государства. Делегаты съезда избрали Временное правительство во главе с премьером – популярным религиозным деятелем – Нейсэ-гэгэгом. Э-Д. Ринчино был назначен советником правительства, которое состояло из четырех министров – военного, внутренних дел, финансов и иностранных дел. Ц. Жамцарано заочно получил портфель министра иностранных дел. Б. Вампилон был назначен товарищем министра финансов. Для защиты нового государства создавалась монгольская армия, снабдить которую обещал атаман Семёнов. Столицей нового государства стала ст. Даурия Забайкальской железной дороги [3, с. 201]. Но представителям монгольского Временного правительства, делегированным на Парижскую мирную конференцию, было отказано в визе. Япония также не поддержала монгольских представителей. Деятельность панмонголистов вызвала протест и Временного Сибирского правительства.

Эти факторы, а также отсутствие единства среди членов Временного правительства привели к тому, что в 1919 г. «Великое Монгольское государство», не успев фактически состояться, распалось.

С середины 1919 г. отношения Бурнардумы и атамана Семенова испортились, а дальнейшая попытка Бурнардумы использовать правительство Колчака в своих целях не дала положительного результата.

Таким образом, Бурнацком и Бурнардума ставили своей основной целью строительство национальной автономии исходя из анализа складывающейся в Забайкалье политической обстановки. Однако идее автономии, самоуправления, политического объединения монгольских народов в единое государственное образованиене суждено было сбыться.

Библиография

1. Бабаков В.В. Бурнацком – Бурнардума: Первый опыт национального строительства в Бурятии. – Новосибирск, 1997.
2. Жамбалын Ц. Бурятские национальные демократы в революционном движении монгольских народов в первой трети XX в.: дис. … д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2006.
3. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX в. – Улан-Удэ, 2008.
4. Очиров С. Бурятский национальный комитет // Байкал. – 1994. – № 2.
5. Варнавский П.К., Дырхеева Г.А., Скрынникова Т.Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX века). – Иркутск, 2003.

Bibliography

1. Babakov V.V.Burnatskom - Burnarnduma: The first experience of national construction in Buryatia. Novosibirsk, 1997.
2. Zhambalyn Ts. Buryat national democrats in the revolutionary movement of the Mongol peoples in the first third of the 20th century. Thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences. - Ulan-Ude, 2006.
3. Bazarov B.V., Zhabaeva L.B. The Buryat national democrats and the socio-political thought of the Mongolian peoples in the first third of the 20th century. Ulan-Ude. 2008.
4. Ochirov S. Buryat National Committee // Baikal. 1994. № 2.
5. Varnavsky P.K., Dyrkheeva G.A., Skrynnikova T.D. Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (the end of XIX - the first third of the twentieth centuries). Irkutsk, 2003.

Н.Е. Жукова, канд. ист. наук, e-mail: nataliiiuk@mail.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 94:351(571.54)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ БУРЯТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.: ЭПОХА ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В представленной статье рассмотрен процесс становления общественных организаций Бурятии в 1920-е гг. В 1923 г. на территории Бурятии была создана автономная государственность, что стало необходимым условием формирования в регионе советских общественных организаций. Образовавшиеся в первые годы советской власти общества представляли собой форму проявления общественной активности населения. В этот период были созданы такие общества как Общество легковых извозчиков, Общество взаимопомощи бедным евреям, Лига помощи детям трудящейся Германии, Динамо, Добровольное пожарное общество, Союз корейцев. Однако сам процесс оформления и дальнейшего функционирования добровольных обществ не был проявлением полной самостоятельности населения, а являлся разрешительным и контролируемым. Общественная инициатива населения в рамках названных организаций осталась нереализованной и была направлена во всесоюзные массовые добровольные общества, которые постепенно вытесняли из общественной жизни «местные» организации.

***Ключевые слова**: общество, власть, общественные организации, регистрация общественных организаций, общественно-политическое развитие, унификация общественной жизни.*

N.E. Zhukova, Cand. Sc. History

SOCIAL ORGANIZATIONS AND NATIONAL STATEHOOD OF THE BURYATIA REPUBLIC IN THE FIRST HALF OF THE 1920s: THE ERA OF POST-REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS

The paper presents the process of formation of public organizations of Buryatia in the 1920s. An autonomous state was created on the territory of Buryatia in 1923, it has become a necessary condition for the Soviet public organizations formation in the region. Formed in the first years of Soviet power companies ware a form of manifestation of population social activity. In this period such societies as the Society of automobile cabs, Obshestvo mutual aid for poor Jews, the League of assistance to children of workers of Germany, Dynamo, Voluntary fire-fighting society, the Union of Koreans were created. However, the process of registration and further work of the voluntary societies was not a manifestation of

the autonomy of the population, and was permissive and controllable. Social population initiative within these organizations was not realized and was sent to the mass in the all-Union voluntary societies, which are gradually ousted it from the public life to "local" organizations.

Key words: *society, authority, public organizations, registration of public organizations, political development, unification of public life*

Образование Бурят-Монгольской АССР было результатом, с одной стороны, национального движения, начавшегося в начале XX в., с другой – политического решения руководства страны, видевшего в созданной автономии инструмент идеологического влияния на народы Востока. Создание республики стало своеобразной демонстрацией преимуществ социалистического государственного устройства, содействуя тем самым распространению «мировой революции» на Восток.

Политическим итогом событий Гражданской войны на Дальнем Востоке и Забайкалье стало образование буферной Дальневосточной республики, с вошедшими в нее бурятскими аймаками. Дальнейшее развитие политического процесса в регионе привело к образованию 30 мая 1923 г. Бурят-Монгольской АССР, представлявшей собой национально-государственную автономию. В связи с этим необходимо согласиться с мнением Е.Н. Палхаевой, которая утверждает, что образование республики имело «непреходящее значение для национального самосознания бурятского народа. Автономная республика, в отличие от автономных областей, это прежде всего государственность, т.е. автономия с признаками государства» [8, с. 270]. Очевидно, что процесс автономизации в целом имел прогрессивный характер и имел позитивное влияние на стабилизацию внутреннего положения в Забайкалье.

Оформление национальной государственности с точки зрения формирования разнообразных форм общественной самоорганизации создало условия для образования социалистических общественных организаций, как по форме, так и по содержанию. Несмотря на некую экономическую либерализацию периода НЭПа в политической сфере все больше утверждались административные методы управления, исключающие, в том числе и создание населением общественных организаций, не подчиненных органам власти. Большинство общественных организаций, созданных в Бурят-Монгольской АССР в первой половине 1920-х гг., являлись частью больших централизованных структур, ориентированных на включение населения в политическую систему советского государства.

В создание общественных организаций были включены те слои населения, деятельность которых была активизирована революционными преобразованиями, прежде всего рабочие и крестьяне. Социальные группы, увеличившие свое экономическое влияние в период НЭПа, законодательно были отстранены от участия в общественной жизни.

С позиции социально-классовой основы общественной деятельности республика представляла собой аграрный регион, абсолютное большинство населения которого было занято в сфере сельскохозяйственного производства, находившегося в результате революции и Гражданской войны в состоянии глубокого кризиса. Городского населения в 1923 г. насчитывалось 31024 чел., или 0,4% [6, с. 2-3]. Переписью населения 1926 г. был зафиксирован следующий социальный состав городского населения: рабочие (23,3%), служащие (26,9%), кустари (15,5%), прочие самодеятельные группы 34,3% [10, с. 39].

Кроме того, положение осложнялось неразвитостью общественных отношений, доминированием патриархально-родового уклада, религиозного мировоззрения и норм обычного права. Традиционная экономика являлась препятствием для развития социальных отношений, присущих индустриальному обществу. Проведение революционных преобразований проходило в условиях неразвитости социальной и экономической жизни, что потребовало коренной ломки устоявшегося традиционного уклада.

Иными словами, в общественную жизнь новой социалистической республики вступали социальные группы, не имевшие прочных традиций общественного поведения. Отсутствие образования, опыта работы в общественных учреждениях, прочной материальной основы существования, способствовали укреплению веры людей в идеалы бесклассового социально справедливого общества. Все это служило мощным стимулом для проявления общественной инициативы людей, надеявшихся стать хозяевами обещанного «нового мира». Однако как показали дальнейшие события, общественная жизнь оказалась политически обусловленной, ограниченной жесткими административными рамками [5, с. 50].

В 1920-е гг. создание и деятельность общественных организаций приобрело разрешительный характер. Легальный статус имели добровольные общества, прошедшие процедуру государственной регистрации, а впоследствии и перерегистрации. В Бурят-Монгольской АССР регистрация общественных организаций началась в 1923 г.

Активно проходила и регистрация религиозных обществ, проведением которой наркомат внутренних дел занимался как одной из главных задач, учитывая многоконфессиональный состав населения республики и необходимость реализации декрета об отделении церкви от государства. Последнее обстоятельство хотя и было указано в качестве причины регистрации, но служило скорее ее формальным основанием, так как положения декрета в республике стали проводиться с принятием соответствующего постановления СНК и ЦИК БМАССР в 1925 г.

Тем не менее, многим религиозным обществам в государственной регистрации было отказано. Так, согласно имеющимся данным за 1923-1924 гг. было зарегистрировано 37 религиозных обществ, не зарегистрировано 97 [1, с. 339]. Особенно сложно обстояло дело с регистрацией старообрядческих общин, где из 10 ходатайств о регистрации в 1924-1925 гг. удовлетворено только одно. В качестве причин низкой динамики регистрации административным отделом были названы «незнание представителями общин формальных требований…», «вследствие чего неправильно составляются Уставы общин, списки учредителей и пр.» [1, с. 341]. Очевидно, что контроль над религиозными обществами в силу важности решения «религиозного вопроса», являлся принципиальным для НКВД, целью которого стало недопущение их быстрого распространения.

Противоречивые сведения содержатся в опубликованном отчете о регистрации иных добровольных обществ. В документах указано, что за 1923-1924 г. было подано 9 заявлений о регистрации от таких обществ как, Конспорт, Бурмонсож, Общества легковых извозчиков, Общества взаимопомощи бедным евреям, Лиги помощи детям трудящейся Германии, Динамо, Добровольного пожарного общества, Союза корейцев, Общества «Друзья детей». Из перечисленных обществ только одно было зарегистрировано в 1924 г., еще 5 в 1925 г. Общества Конспорт, Бурмонсож, Общество легковых извозчиков регистрацию не получили [2, с. 147]. Стоит отметить, что в виду публичности использованного документа, причины отказа в регистрации озвучены не были.

Однако в данных отчетах содержатся сведения, согласно которым в 1923-1924 гг. было «зарегистрировано 10 обществ, из коих 8 экономических и 2 культурно-просветительных» [1, с. 220]. Обращает на себя внимание приводимое в документе число обществ «вновь подавших заявлений к регистрации .... 76», а также число административных взысканий – 310. Но уже на следующем этапе с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. зарегистрировано всего 4 общества. Всего на 1 октября 1926 г. таких обществ состоит 7, из них экономических 6 и культурно-просветительных 1 [2, с. 146]. Следовательно, приведенные данные не позволяют точно определить количество образованных добровольных обществ, но дают основания утверждать, что динамика их создания в первой половине 1920-х гг. была достаточно высока. Однако не все, создаваемые населением, общества стали функционировать, что позволяет говорить о тенденции к искусственному сокращению обществ. Думается, что большое количество регистрируемых экономических обществ, которые ей не подлежали, было связанно как с неясными критериями регистрации, так и с желанием населения объединиться для решения насущных экономических проблем в условиях НЭПа. Однако дальнейшая судьба регулярного учета общественных организаций неизвестна, по крайней мере, в опубликованных источниках второй половины 1920-х гг. такой информации нет.

Причины отказа в государственной регистрации были публично озвучены в отношении создаваемого общества «Окорейкульт». Согласно тексту постановления СНК Бурят-Монгольской АССР от 15 октября 1924 г. было признано, что существование данного общества противоречит ст. 20 Конституции РСФСР. Выделяя всех корейских граждан, общество «вносит нежелательный сепаратизм, ибо потребности, для которых организуется общество, могут быть удовлетворены в соответствующих организациях и учреждениях, общих для всех граждан» [3, с. 4]. Кроме очевидных политических мотивов отказа в регистрации просматривается незаинтересованность власти в создании общественных организаций, которые будут концентрировать и отстаивать национальные интересы. Все созданные впоследствии организации с точки зрения национального состава будут смешанными, что определит неразвитость национальных организаций в республике.

В статический учет, по понятным причинам, не вошли активно создаваемые в этот период комсомольские, профсоюзные и массовые организации, не подававшие заявления о регистрации в НКВД, а значит не подлежавшие контролю со стороны этого ведомства. Также нет данных о регистрации Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова, появившегося в 1923 г. Предположительно, данное обстоятельство могло быть связано с присутствием в его составе руководящих советских и партийных работников, что исключало необходимость регистрации и контроля НКВД за деятельностью данного общества. Таким образом, в республике проявилась двухуровневая система регламентации деятельности общественных организаций, закрепившая за добровольными обществами контроль

НКВД, за массовыми обществами – контроль партийных органов, что давало последним ряд несомненных преимуществ.

Открытое в 1923 г. Научное Общество им. Д. Банзарова занималось сбором краеведческого и этнографического материала, распространением собственно научных знаний. Общество не было частью всероссийских научных организаций и было образованно по инициативе республиканских представителей власти и ученых. В структуру Научного Общества входили физико-географическая и историко-географическая секции, а также формируемая сеть аймачных филиалов, включающих Общее собрание и постоянное Бюро. Низовым ячейкам при этом, предоставлялось право выбора организационных форм. Для организации филиалов были избраны аймачные уполномоченные [3, с. 3].

В состав Правления Общества вошли руководители советского и партийного аппарата, ведущие специалисты Бурятского Ученого комитета. Председателем общества являлся М.Н. Ербанов, заместителями Б.Б. Барадин и Н.Н. Козьмин. На тождественность состава научного общества составу государственных учреждений указывал и Н.Н. Козьмин, писавший при этом, что «… одно и то же лицо в рядах сотрудников учреждения и в рядах членов общества будет представлять не одинаковую силу» [4, с. 65]. Связывая партийность и общественно полезную деятельность, автор продолжал, «… научное общество не может быть абсолютно объективным или беспартийным, ибо оно иначе было бы вне времени и места…» [4, с. 65]. Очевидно, что Н.Н. Козьмин разделял мнение о необходимости участия в общественно-политической жизни республики, что было следствием масштабности происходивших преобразований, вне которых не могло оставаться большинство населения.

Обществом проводилась работа по изучению флоры и фауны, природных ресурсов, а также этнодемографического состава населения республики. По итогам полевых исследований публиковались научные работы в республиканских и всероссийских журналах. Заботясь о расширении краеведческих знаний, руководство Научного Общества обращало внимание на необходимость подготовки учителей, закупки специальной литературы, налаживания связи с аймаками и проведения Бурят-Монгольской краеведческой конференции. Вместе с тем, оно не ставило перед собой задачи бесконечного расширения членской базы «во что бы то ни стало», отличаясь тем самым от массовых обществ.

Существовавшие в республике некомсомольские молодежные организации не получили достаточного развития и в случае упоминания о деятельности подобных организаций в советской историографии, они получали название «реакционных». Недостаток источников не позволил на данном этапе выявить их природу и прояснить социальный и персональный состав.

Некоторые сведения о таких организациях можно почерпнуть из доклада председателя ВЛКСМ Бурят-Монгольской АССР Н.Е. Кузьяна: «За данный период организация выросла значительно, но все же не сумела охватить влиянием всю молодежь. В некоторых районах стали создаваться параллельно комсомолу другие организации молодежи – некомсомольские. В Ольхонском крае, где почти отсутствовала комсомольская работа, создана организация «Гэрэл». В Аларском аймаке, наиболее компактном по населению, где комсомольская организация является одной из самых сильных в республике, создался «Союз дисциплинированной молодежи», под руководством бывшего эсера. В Троицкосавском аймаке были попытки к созданию кружка «Колчак», в Верхнеудинском уезде – «Союз христианской молодежи». Все это показывает, что наши ячейки еще не могут полностью удовлетворить растущие запросы молодежи в деревне» [8, с. 66]. Контекст данного источника позволяет судить о том, что перечисленные организации не являлись ни контрреволюционными, ни оппозиционными.

Однако установка руководства страны на доминирование комсомольской организации среди других форм молодежных объединений, привела к рассмотрению существования названных организаций как одного из недостатков собственной работы. В условиях формирования тоталитарных тенденций, работа организаций, не подчиненных единому началу и не придерживающихся государственной идеологии, ставилась под сомнение, а впоследствии просто исключалась. Можно предположить, что нераспространенность иных форм самоорганизации общества связана с унификаторскими тенденциями в управлении общественной жизнью страны, которые негативно отразились на деятельности общественных организаций.

Итак, образование Бурят-Монгольской АССР стало важнейшим этапом государственного самоопределения бурятского народа, ступенью его этнической консолидации. Стабилизация государственной, экономической, социальной жизни способствовала формированию общественных организаций, социалистических по форме и содержанию. Период организационного становления автономной государственности создал условия для формирования общественных организаций в регионе. Однако процесс создания добровольных обществ не был проявлением общественной самостоятельности населения, а являлся разрешительным и контролируемым.

Библиография

1. БМАССР: очерки и отчеты. 1923-1924 гг. – Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1925.
2. БМАССР: очерки и отчеты. 1925-1926 гг. – Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1926.
3. Бюллетень ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР. – Верхнеудинск, 1924. – № 23.
4. Жизнь Бурятии // Верхнеудинск. – 1924. – № 4-5.
5. Жукова Н.Е. Формирование и развитие общественных организаций в Бурятии в 20-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Е. Жукова. – Улан-Удэ, 2014.
6. Материалы по статистике Бурятии: стат. Материал / Бурят-Монгольское статуправление. – Верхнеудинск, 1926 – Вып. 1: Население. Труд / Бурят-Монгольское статуправление.
7. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова. – Верхнеудинск, 1927.
8. Палхаева Е.Н. Трансформация государственности бурят в XX–XXI вв. – Улан-Удэ, 2012.
9. Пыкин В.М. История комсомола Бурятии: документы, факты, материалы. Кн. I: 1920-1945. – Улан-Удэ: Изд-во Респ. тип., 2002.
10. Социалистическое строительство Бурят-Монгольской АССР за 10 лет. – Верхнеудинск, 1933.

Bibliography

1. The Buryat-Mongolian Autonomous Republic: essays and reports. 1923-1924 – Verkhneudinsk: The State Planning Committee of the Buryat-Mongolian Autonomous Republic Press, 1925.
2. The Buryat-Mongolian Autonomous Republic: essays and reports. 1925-1926 – Verkhneudinsk: The State Planning Committee of the Buryat-Mongolian Autonomous Republic Press, 1926.
3. Bulletin of the Buriat-Mongolian ASSR CEC and SNK.- Verkhneudinsk, 1924. - No. 23.
4. Life Buryatia // Verkhneudinsk, 1924. - № 4-5.
5. Zhukova N. E. The Formation and development of public organizations in Buryatia in the 20-ies of XX century: Diss. PhD on Hist. Sciences : 07.00.02 / N. E. Zhukova - Ulan-Ude, 2014
6. Materials on the Buryatia Republic statistics: statistical data/ Buryat-Mongolian statistical Department. - Verkhneudinsk, 1926 - Vol. 1: Population. Labor/ Buryat-Mongolian statistical Department.
7. A Report on the Activities of the Buryat-Mongolian Scientific Society. D. Banzarov. – Verkhneudinsk, 1927.
8. Palkhaeva E. N. Transformation of the statehood of the Buryats in the 20th - 21st centuries / E. N. Palkhaeva. – Ulan-Ude, 2012.
9. Pickin V.M. History of the Komsomol of Buryatia: documents, facts, materials. Book. I : 1920-1945. - Ulan-Ude, Rep. print. house, 2002.
10. Socialist construction of the Buryat-Mongolian ASSR in 10 years. - Verkhneudinsk, 1933

Б. Эрденебилэг, докторант, e-mail: ebi99111@gmail.com
Монгольский государственный университет, Монголия

УДК 314.151.3-054.73(517)

МИГРАЦИЯ БУРЯТ В МОНГОЛИЮ И ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «ДЕЛО ЛХУМБА»

В статье рассмотрены два основных вопроса, исторически взаимосвязанные между собой. Это вопрос о беженцах из Бурятии до 1920-х гг., деятельность и роль «Бурятского хурала», который ведал работой о гражданстве этих беженцев, и вопрос о причинах возникновения, исторически тесно связанным с этим событием, вымышленного «Дело Лхумбэ», из-за которого многие буряты были подвергнуты репресии. Данная работа основана на архивных документах и научно-исследовательских работ ученых.

Ключевые слова: *колония, миграция,буряты, хурал, репрессия.*

B. Erdenebieleg, Doctoral Candidate

BURYATS MIGRATION TO MONGOLIA AND THE SO-CALLED "LHUMBA AFFAIR"

The article examines two main issues historically interconnected. The first: the question of refugees from Buryatia up to the 1920s of the beginning of the 20th century, the activity and role of the "Buryat Khural", which introduced the work on the citizenship of these refugees, the second: the question of the origin of the fictional "Case of Lhumbe", historically closely connected with this event, because of which many Buryats were repressed. This article is based on archival documents and scientific researches.

Key words: *colony, migration, Buryats, Khural, repression.*

Вопрос о мигрантах из Бурятии в Монголию

Миграция бурят из родного края имеет несколько причин. Из-за политики Российской империи по расширению территории, которая активно велась с XVII в., многие русские военные и крестьяне стали расселяться на территории Бурят-Монголии. Например, в 1795 г. более 5500 крестьян из России были насильно поселены на территирии Бурят-Монголии. С этой времени число поселенцев возрастало из года в год, и в 1835 г. количество крестьянских семьей достигло 22500.[1]

Одним из свидетельств реализации колониальной политики Российской империи в начале XX в. является то, что из 1180 тыс. населения на бурят-монгольской территории в 1190 тыс. км^2, 288 тыс., которые составили 24%, были буряты. В 1917 г. Иркутские буряты потеряли 53,3% своих земель, а хори-буряты 49%, отданных русским крестьянам.[2]

Из-за последствий войны между Россией и Японией (1904-1905) и использования государством Российской империи бурятской территории как области ссылки после поражения первой Российской буржуазной революции стали одной из причин иммиграции бурят, они с начала 1910 г. стали мигрировать в Халха Монголию.

В 1911 г., когда в Монголии победила Национально-освободительная революция, семейные караульные пункты на границе между Россией и Маньчжурской династии[3], которые охраняли северную границу Маньчжурской династии были сняты, караульщики возвратились по своим домам и в течение некоторого времени граница была почти открытой. Используя эту обстановку, сонгоол-буряты из примыкающих районов Хубсугул, Булган, Селенге, Хорь и Агь, буряты из пограничных районов Хентий, Дорнод в большом количестве перешли на монгольскую сторону.

Монголы в борьбе против Маньчжурской династии просили помощи со стороны Российской империи, и Россия ее оказала, хотя были и ограничения. После этого события в 1912 г. с установлением Российско-Монгольского соглашения русские начали вьезжать в страну, и работы по ведению торговли, по созданию малых предприятий, по заготовке сена стали широко распространяться. Русские стали вести бизнес в нашей стране, не платя таможенные пошлины и налоги. В то же время и бурят-монголы начали расширять отношения с монголами Внешней Монголии.

После свержения в России монархии Октябрской революцией и вторжением иностранных оккупантов в Сибирь, политическая обстановка в России была тяжелой. В то время число иммигрантов, переселяющихся из Сибири в Монголию, увеличилось.

Интеллигенты, которые жили и работали в столице Их Хурээ, являющейся политическим, культурным, религиозным центром Монголии того времени, обратили внимание на решение вопроса о миграции бурят-монголов в Монголию. Они инициировали различные мероприятия по обсуждению вопроса о гражданстве в Монголии, об организации Монголо-Российской совместной комиссии, и это стало предварительным условием образования Бурятского хурала.

В 11-мм году Многими Возведенного[4] 22 января 1921 г. народным правительством был вынесен приказ старшинам бурят, живших в Их Хүрээ (Урга – *Б.Э.*) вести работу по определению имен и количества бурят для регистрации и организовать службу, в которой будет проведена подготовительная работа о гражданстве Монголии. В соответствии с этим приказом были собраны 30 чел. и организован хурал. Председателем хурала был выбран Ц.-И. Гочитский, а секретарями Б. Балсанов и Ц. Дашиев. В постановлении хурала отмечено, что «*Расселение русских на земле бурятов предыдущим правительством России и тем самым оккупирование русскими крестъянами их пастбищ, послужили тяжелым угнетением различного рода для бурят, кроме того ущерб, вызванный внутренним смятением и столкновениями, заставили русских граждан-бурят покинуть родную землю для поиска хороших пастбищ и стремиться к своим братьям одной национальности и религии. Миграционные буряты, поселившись на новой земле, обновили свое хозяйство в соответствии интересам того края. Из-за оккупации русскими крестьянами их родной земли они не имеют никакой возможности вернуться на родную землю*».[5] Далее изложено, что «*Из-за того, что миграционные буряты административно неорганизованы, местные монголы часто подвергаются притеснениям, и это провоцирует ссоры между ними. Если такое положение станет причиной разрыва дружеских отношений монголов и бурят, это принесет большой ущерб делам всей монгольской национальности, вследствие появится возможность у врагов выступать против единой Монголии*». Позднее, искажая смысл, эту идею использовали в решении вопроса о репресированных бурятах, привлекая их в «Дело Лхумбе».

На хурале были обсуждены такие вопросы как создание хурала бурят-монголов, переселившихся в Монголию, вопрос об отношении их с местными монголами, организация местных администраций, вопрос об устраивании бурят. Были приняты конкретные решений по обсуждаемым вопросам. Решение хурала было непосредственно доставлено в Министерство иностранных дел.

25 декабря того же года Министерством иностранных дел подано официальное заявление за № 172 в письменной форме старшинам бурят, поселившихся в Их Хурее. В заявлении было утверждено разрешение о создании Хурала бурят, мигрированных в Монголию. В связи с этим 5 февраля 1922 г. состоился I съезд бурятской диаспоры, в котором участвовали 35 делегатов из Хурее. На съезде были обсуждены вопросы об устраивании бурят, о правах и обязанностях, о владении ими землями, о создании управления среди них, о ведении хозяйства, о представлении бурятам равного права в вопросах подчиняемых и подчиненных прав, о создании таких административных единиц как аймак, хошун в местностях, где поселились буряты в большом количестве.

Основная цель хурала бурят в первую очередь заключалась в выдвижении вопроса о гражданстве миграционных бурятов. Для достижения этой цели были определены конкретные задачи, такие как ведение учета численности населения, количества скота и имущества бурят и их регистрации, создание административных единиц по постановлению Правительства, развитие хозяйства, торговли и культуры, прямое отношение с министерствами Народного Правительства по вопросам, подвластным им и поддержка с их стороны. Последующие события доказывают выполнение этих задач.

С предоставлением официальной печати Министерством внутренних дел в мае 1922 г. Бурятский хурал стал носить характер самостоятельной организации, т.е. был сформирован Бурятский Народный хурал. хурал состоял из председателя, секретаря, переводчика, писаря, работа который финансировалась налоговыми деньгами, собранными из бурятских хошунов.

II хурал бурят, поселившихся в Монголии, состоялся 12 июля 1922 г. В нем участвовали 45 делегатов из 1624 семей, которые были зарегистрированы для принятия гражданства Монголии. Особенность этого хурала заключалась в том, что многие делегаты были представителями сельской местности, в том числе женщины. Все расходы были полностью обеспечены местными управлениями.[6]

На хурале уполномоченный министр ДВР (Дальновосточной республики – *Б.Б.*) пройзнес поздравительную речь, после чего председатель Центрального комитета МНП Ц. Дамбадорж сказал: «*В настоящее время наша Монголия объеденена с бурятскими братьями, так что в дальнейшем мы будем взаимно помогать друг другу и пусть общая политическая обстановка будет как восход солнца*».[7]

Вопросы, выдвинутые на хурале, были приняты Народным правительством, были осуществлены конкретные меры и вынесено решение по вопросам о предоставлении земель для пастбищ бурятам, получившим гражданство Монголии, о создании административных единиц, об освобождении от военной службы на соответствующий срок.

Весной 1923 г. по постановлению правительства межправительственной комиссией двух республик, созданной в связи с вопросом о гражданстве Монголии бурят, была организована специальная комиссия, состоявшая из монгольских, советских, бурятских представителей. Комиссия работала в местностях, где поселились буряты, а также вела работу по регистрации и по предоставлению им удостоверений. Активно решался вопрос о гражданстве бурят, и в сентябре 1923 г. вышло постановление правительства Монголии о предоставлении монгольского подданства всем бурятам-эмигрантам. Буряты, когда подавали заявку на гражданство, сами выбирали место жительства. Некоторые буряты не смогли сразу выбрать место жительства в Монголии, и процесс подачи заявки откладывался на некоторе время. Так, например, известный бурятский деятель науки и образования в Монголии Ц. Жамцароно и Цогтбадамжапов выбрали место жительства только в 1925 г.[8]

В хошуне Улз реки (в долине реки Улз) 911 семей, в хошуне Онон реки 734 семьи, в хошуне реки Халх 370 семей, в Еруупочти 1000 семей, в общем более 14000 чел., состоявщих почти из 3000 семьей, были зарегестрированы комиссией и приняты подданством Монголии. Более 100 семей остались советскими поданными и Народное правительство приняло решение считать их иностранными поданными и облагать налогом и таможенной пошлиной. Учитывая просьбу Бурятского хурала о местных администрациях, было запланировано создать 6 бурятских хошунов: Эг-Селенге, Онон, Улз, рек Халх и Еруу, горы Малгар,[9] и ввуести их в распоряжение Буряд-Монгольского аймака в Нийслэл Хүрээ (нынешний Улан-Батор – *Б.Б.*). Так буряты поселились в красивейщие местах Монголии, которые были похожи на их родные края горами, реками и лесами.

17 февраля 1923 г. по официальному заявлению № 175 Народного правительства печати для 6 хошунов (деревянные – *Б.Б.*) были доставлены в Бурятский хурал, и в начале марта того же года печати были предоставлены соответствующим хошунам.

6 хошунов, созданных по постановлению Правительства:

1. Бурятский хошун Улз реки был создан в 1922 г. на территории Сэцэн хан аймака. Вначале хошун состоялся из 9 самонов, 1297 семей, 5982 чел., большинство которых были мигранты из Агинского края. Нынешние Дашбалбар, Баяндун, Баян-Уул, самоны Дорнодского аймака.

2. Буряад хошун Онон реки был создан на территории Сэцэн хан аймака и по данным 1926 г. состоял из 10 самонов, 29 багов (первичная административная единица), 146 управлений десятью семьями. Общее количество семьей составило 1458, хавсарсан өрх (прилагающих семьей) 94 и общего населения 5961 чел., из них 132 были ламы. Общее поголовье – 5 видов скота – насчитывало 87498.[10]

3. Халха-Нумругский бурятский хошун был создан в 1923 г. на территории Сецен хан аймака, в его состав входили 3 самона, 450 семей, около 1500 чел. населения. Люди, составляющие население этого хошуна, были пришельцами из Хорь, Агинского краев и Таримской местности Читы.

4. Бурятский хошун Ерөө реки был создан в 1922 г. на территории Тушээт хан аймака, вначале в нем были 3 самона, около 400 семей. Население составило 1200-1500 чел.

5. Бурятский хошун Малгар горы был создан в 1923 г. на территории Тушээт хан аймака, который имел 3 самона.Они-буряты нынешнего Мунгунморьт самона Центрального аймака.

6. Эг-Селенгийский бурятский хошун был создан в 1923 г. на территории Тугээт хан аймака, и охватывал бурят Тэшиг, Цагаан үүр рек, которые составляли около 300 семей, и население более 1200 чел.[11]

По правилам местной администрации первичными единицами Бурятского хурала были управления десятью семьями, баги, самоны, хошунские хуралы.

Выполнив важную роль в решении вопросов и выполнении задач, стоящих перед многими миграционними бурятами, и успешно осуществив свою обязанность по организации работ по гражданству бурят Монголии, Бурятский хурал в 1925 г. был ликвидирован.

Гражданство бурят было прекращено с 1927 г., и с этого времени бурят начали регистрировать как иностранных поданных.[12]

В межправительственном постановлении Монголии и Советского правителства о решении вопроса принятия гражданства, принятом 29 мая 1930 г., указано, что преступников необходимо возвращать обратно. Одним из доказательств является то, что в 1930 г. более 500 бурят, которые вооруженно встали против политики коллективизации Советского Союза, и незаконно вторгшихся на границу Монголии в районах Тэнгис реки Ренчинлхүмбэ самона Хубсугулского аймака были подавлены военной силой, пленные были переданы на Советскую сторону.

Репрессия бурят, причастных к «Делу Лхумба»

В начале 1930 г. Маньчжурия была полностью оккупирована Японией, и Япония стала прямо граничить с МНР и СССР, тем самым МНР стала граничить с третьей страной. Японская разведка начала широко использовать русских граждан, поселивших в Маньчжурии, против СССР. Ссылаясь на это, с весны 1932 г. стала осуществляться политика И.В. Сталина и его кругов «мстить бурятам», принявшим гражданство Монголии. В реализации этой политики использовали инструкторов, советчиков, «послушных», являющихся марионетками. Для начала этой политики Народным комиссариатом внутренной безопасности СССР было придумано ложное дело «Японская разведка во главе с Лхумбе» под названием «Цепочкин», которое было предварительно обдумано весной 1933 г.

Через «Дело Лхумбе» пытались произвести впечатление на массы, как будто на самом деле существует дело японской разведки. Из придуманного названия дела видно, что ложные дела как будто взаимосвязаны между собой как цепь, и убедить в этом массу и в дальнейшем заложить основу так называемой великой (массовой) репрессии было целью этого вымышленного дела.

В то время передовые руководители Монголии А. Амар, Г. Дэмид и Ж. Лхумбе следовали политике объединения монгольской национальности, установления дипломатических отношений с Манж-Го, установления нормального торгового отношения с Японией, разрешения пограничных конфликтов путем переговоров, изучения позиции И.В. Сталина и других руководителей СССР, аннулирования экономических долгов и займов. Независимая политика монгольских руководителей несоответствовала желанию и интересам руководителей великой державы и тем самым стала главной причиной преследования вышеназванных лидеров Монголии.

Еще одной причиной сделать Ж. Лхумбе причастным к «контрреволюционному делу» было то, что он по поводу дела Профсоюза заключил договор с Бурятским хуралом в целях перевода малоимущих бурят, поселившихся в Дорнод и Хентий, в населенные пункты и обеспечения их работой.

В июне 1932 г. на совместном чрезвычайном III съезде Центрального комитета МНРП и Центральной следственной комиссии партии было вынесено постановление «Политика нового поворота», чтобы исправить неправильную политику левых сил 1928-1932 гг., которые стремились

досрочно построить социализм в Монголии, в ходе которого жизнейнный уровень монголов снизился, что стало причиной массовой миграции монголов в Южную Монголию и восстания на севере страны.

Когда начался процесс осуществления «политики нового переворота» по рекомендации полномочного представителя СССР А.Я. Охтина, был выдвинут вопрос об аресте от имени Управления внутренной безопасности секретаря Центрального комитета МНРП, председателя Центрального совета профсоюзов Монголии Ж. Лхумбе. По инструкциеи русского советника председатель Управления внутренной безопасности Д. Намсрай получил разрешение на арест Ж. Лхумбе от секретаря Центрального комитета МНРП Б. Элдэв-Очир и премьер-министра П. Гэндэн, после чего акт был выполнен.[13]

В 1933-1934 гг. в деле Ж. Лхумбе «Японской разведки» были разоблачены 2140 чел. и арестованы 534 чел., 280 из которых были буряты. По «Делу Лхумбе» подверглись репрессиям 317 чел.: «уланбаторская группа во главе Ж. Лхумбе, Д. Жигжиджав» – 33 чел.; «дорнодская группа во главе с председателем Хентийской партийной комиссии Норов-Ренцен и Сэвжид, который служил в армии в Дорноде» – 110 чел.; «хентийская группа во главе с председателем кооператива Дадал самона Раднаа Цевегжав» – 174 чел.

По приговору 317 чел., причастных к делу Лхумбе, 251 чел. были буряты, 126 из них были переданы на Советскую сторону. Судейный приговор, вынесенный этим людям Чрезвычайной комиссией УВБ, был изменен Советской стороной, т.е. срок заключения в тюрьму был укорочен. Похоже, что это носило политический характер.

Из арестованных 174 чел. группы Р. Цевегжав принудили С. Ренцен и М. Цевеен дать показания о том, что «Лхумбе является главой этой организации». Позже, в 1961 г., С. Ренцен признался: «*Раньше я никогда не встречался с Лхумбе. Очная ставка с ним была ложной*». То, что из 174 чел. 151 были буряты является одним из фактов политики «мстить бурятам» со стороны СССР.

В 1933 г. заместитель председателя Генерального управления внутренней безопасности (ГУВБ) Ц. Гиваапил неоднократно требовал от председателя ГУВБ Д. Намсрай «Немедленно разобрать дело, дальнейшее расследование вести под специальным надзором», и в 1934, 1935 гг. предлагал Центральному комитету МНРП, Президиуму малого хурала, Совету министров реабилитировать причастных к этому делу.[14]

Руководство и некоторые работники ГУВБ критично относились к незаконному ведению расследования «Дела Лхумбе».

Много бурятских работников, переводчиков, работавших в УВД протестовали против ложного «Дела Лхумбе», вследствие чего их назвали «соучастниками японской разведки» и казнили. Например, в список казненых входили начальник части центрального отдела УВД Ж. Ням, настоящий представитель в Алтанбулакской части Л. Дамба, переводчик Ж. Дашцэрэн и др.

Представителя в Алтанбулакской части Л. Дамба допросили только один раз и заставили дать показания. Если рассмотреть судебное постановление о вынесении ему переговора, оказывается, что:

– во время ареста контрреволюционеров-бурят намеренно прятал их, составлял ложные сообщения и материалы;

– отказался от ареста контрреволюционных элементов, вступил в ссору с начальниками частей и инструкторами;

– уговаривал контрреволюционных элементов не признавать себя виновными, и это доказано показаниями преступников;

– раскрыл секреты работы Министерства внутренних дел контрреволюционерам.[15]

Рассмотрим приговоры, вынесенные 3 группам «Дела Лхумбе»:

1. 3 ноября 1933 г. специальной комиссией во главе председателя УВД Намсрай тайно вынесен приговор на 174 чел. во главе с Цевегжав из Хентийской группы. 30 из них были приговорены к смертной казни, остальные к тюремному заключению, сроком на 5-10 лет, и 86 чел. были высланы за границу.

2. 25 июня 1934 г. специальной комиссией во главе с председателем УВД Намсрай тайно вынесен приговор 33 чел. во главе с Лхумбе. Из 12 чел., приговоренных к расстрелу, 7 чел. были амнистированы Малым хуралом и 5 чел. были приговорены к смертной казни.

3. В ноябре 1933 г. специальной комиссией тайно вынесен приговор на 110 чел. из дорнодской группы, состоявшей из рабочих, служащих и простых аратов, 78 из которых были буряты. 18 чел. были приговорены к смертной казни.[16]

Следователь, допрашивающий преступников в то время, Жанчив, работавший помощником уполномоченного УВД в 1931-1935 гг. в своем воспоминании от 10 апреля 1961 г. написал: «Много

бурят из Онон были арестованы по делу Лхумбе. Основным методом допроса преступников были задержание их на долгое время и давление на них. При допросе преступнику не давали материалы дела. Нужно было только задавать им вопрос: “Когда и какое отношение было между Шодоевым и Дамдином?”»[17].

Такие люди, как заместитель председателя УВД С. Гиваапил, были уволены со службы и выселены в СССР, много работников УВД были арестованы и наказаны в связи с делом Лхумбе, это привело к тому, что оставшиеся на своих постах безмолвно выполняли приказы и судебные приговоры.

Рассмотрим еще один факт: А.С. Скрипко, который работал в 1936-1937 гг. советником Посольства СССР в Монголии в своем показании написал: «Работой незаконного расследования многих невинных людей в Монголии, создания ложных уголовных преступлений руководили, советники, инструкторы и специалисты НКВД, которые работали в УВД Монголии, а исполнялась руками работников МВД, добывая разрешение у главного правительственного руководства Лувсаншарав, Амар, Чойбалсан». Отсюда и можно представлять реальную картину процесса репрессии.

Бывший заместитель председателя УВБ Гиваапил, который считался виновным и был выселен в СССР из-за отклонения некоторых людей, причастных к делу Лхумбе, на встрече наедине с Чойбалсаном в Москве и во многих своих последующих письмах ему резко осуждал политические репрессии, пройсходящие в Монголии: «*Нет в Монголии никакой контргруппировки, которая хочет сделать свою страну колонией Японии. Это совершенно необоснованная ложь. Это преступная операция иностранной провокации с целью уничтожить ведущих интеллигентов Монголии. Контрреволюционеры это не мы, а вы, устраивая эту репрессию, вы сами превращаетесь в контрреволюционеров и помогаете Японским захватчикам. Если немедленно не исправить эту ошибку, через 10-15 лет вам, Чойбалсану, придет время отдать себе отчет в том, какой большой грех вы совершили. Такой вы безрассудный, раз такое не понимаете?*» Его протоколы и письма такого содержания сохранились в секретном архиве Правительства.[18]

С середины 1930 гг. расширился круг против репрессий, но вся вина была возложена на председателя УВД Д. Намсрай, заместителя председателя Б. Аюуш и премьера-министра Б. Генден. II съезд Центрального комитета МНРП, 49 заседание Президиума Центрального комитета, состоявшиеся в 1936 г., не приняли никаких мер по установлению причин репрессии и по исправлению ошибок.

Освобождение ложно обвиняемых по «Делу Лхумбе» и заключенных в тюрьму по случаю 15-летнего юбилея Народной революции было искажено заседанием Президиума Центрального комитета партии, состоявшемся 1 августа 1936 г. На заседании были учреждены председатель Малого хурала и Премьер-министр, вследствие чего были ослаблены попытки соблюдать законодательство в стране.

По случаю 15-летнего юбилея народной революции (1936 г.) немного бурят были освобождены и отпущены по домам, но во время массовой репрессии заново были арестованы, их судьба закончилась трагедией.

Если рассматривать репрессию бурят, она оказалась ошибкой, допущенной УВБ и законодательными органами, но по сути дела это была ложная операция, вымышленная наркоматом Внутренних дел СССР, повлиявшая на Центральный комитет МНРП, Малый хурал и Совет министров Монголии через своих личных представителей, инструкторов, советников и уполномоченных представителей.

Ее цель:

– нанести удар бурятам;

– убедить массу в том, что существует японская разведка, охватывающая всю территорию Монголии;

– утвердить, что данной организацией руководят партийные и государственные деятели;

– доказать, что часть западных рубежей японской разведки связана с контрреволюционерами Шинжаан, Дорнодская часть с контрреволюционерами Барга и южная или центральная часть с контрреволюционерами Внутренней Монголии.

На самом деле это была предварительная работа по подготовке общественной психологии к «массовой мобилизации», великой репрессии, которая началась с 1937 г.[19]

Заключение

Выдающийся бурятский ученый Ц. Жамсранов высказал следующее: «*Хотя с виду многие монгольские племена как будто объеденены территориально, некоторые из них подчинились России,*

им пришлось потерять свои земели и национальные корни и одновременно некоторые из них подчинились Китаю, им также пришлось потерять свои земели, моральные ценности и традиции, поэтому они не могли делать политику либо не интересовались ею... Из-за смешения крови и долгожительства таким образом они в основном потеряли приметы монгольской национальности».

Одним из примеров того, что Народное правительство вело политику объединения монгольской национальности, является поддержка деятельности Бурятского хурала и сотрудничество с ним.

Бурятская интеллигенция, которая была просвещена Европейской культурой через Россию, внесла большой вклад в политическую, культурную, научную и общественную жизнь Монголии 1920-1930-х гг. Среди них можно назвать выдающегося ученого Ц. Жамсранов, первого министра Министерства просвещения Эрденебатхаан, Д. Сампилон, Цеден-Иш, Гомбобадамжав, Цогтбадамжав, Даш и других, которые активно участвовали в политической деятельности страны. К сожалению, из-за сложившихся в то время обстоятельств, эти интеллигенты и простые бурятские скотоводы, араты были подвержены репрессии, судьба их закончилась трагедией. Пусть такое не случится больше никогда в нашей истории.

Сноски

1. Цэрэн Ц.*“Буриадуудын дүрвэлт, “Лхүмбийн хэрэг” гэгчид тэднийг холбогдуулан хэлмэгдүүлсэн нь”.* – УБ., 2008. – Т. 26.
2. Цэрэн Ц. Там же. – Т. 28.
3. Всего было выставлено 47 караульных точек на линии границы двух империй.
4. Летосчисление Монголии, введенное после коронации Богд хана. Использовали с 1911 по 1924 гг.
5. ТЕГ. Тусгай архив. Сан 1, х. 11, д. 5, хн. 476, т. 12.
6. Цэрэн Ц.*“Буриадуудын дүрвэлт, “Лхүмбийн хэрэг” гэгчид тэднийг холбогдуулан хэлмэгдүүлсэн нь”.* – УБ., 2008. – Т. 50.
7. Мөн тэнд.
8. Национальный Архив Монголии. Ф. 41, оп. 1, д. 452, с. 3.
9. ТЕГ. Тусгай архив. Сан 1, х. 11, д. 5, хн. 476, т. 17.
10. ТЕГ. Тусгай архив. Сан 1, х. 11, д. 5, хн. 478, т. 25.
11. Цэрэн Ц. “Буриадуудын дүрвэлт, “Лхүмбийн хэрэг” гэгчид тэднийг холбогдуулан хэлмэгдүүлсэн нь”.– УБ., 2008. – Т. 52.
12. ТЕГ. Тусгай архив. Сан 1, х. 11, д. 5, 478, т. 25.
13. *“Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон”* – УБ., 2008. – Т. 257.
14. Алтанхуяг А., Батсуурь Я. *“Аюулгүй байдлын манаанд-80 жил”*. – УБ., 2002. – Т. 75.
15. ТЕГ. Тусгай архив. Сан 4, хн. ц-1335, т. 21-22.
16. ТЕГ. Тусгай архив. Сан 4, хн. ц-7652, т. 150-151.
17. ТЕГ. Тусгай архив. Сан 4, хн ц-7652, т. 158.
18. Цогт-Очир Д. *“Тагнуулын байгууллагын зарим ахмад ажилтнуудын дурсамж”.* – УБ., 2007. – Т. 29.
19. В ходе респрессии 10000 чел. понесли разного рода наказания.

Библиография

I. Архивные документы

1. Национальнай Архив Монголии.
2. Спец. Архив Разведательного управления.

II. Научные исследования учёных.

1. Авирмэд Д. Дүрвэх хөдөлгөөн ба Улсыг аюулаас хамгаалах байгууллага. – УБ., 2012.
2. Алтанхуяг А., Батсуурь Я. Аюулгүй байдлын манаанд-80 жил. – УБ., 2002.
3. Одонтунгалаг А. Монгол Улсын буриадууд. – УБ., 2004.
4. Өлзийбаатар Д. Яагаад 1937. – УБ., 2004.
5. Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон. – УБ., 2008.
6. Цогт-Очир Д. Тагнуулын байгууллагын зарим ахмад ажилтнуудын дурсамж. – УБ., 2007.
7. Цэрэн Ц. Буриадуудын дүрвэлт, “Лхүмбийн хэрэг” гэгчид тэднийг холбогдуулан хэлмэгдүүлсэн нь. – УБ., 2008.

Bibliography

I. Archive documents:

1. National Central Archive of Mongolia

2. Special Archive of General Intelligence Agency of Mongolia
II. Research works
1. Avirmed.D /2002/.“Exodus/displacement movement and intelligence organization”.
2. “Security guard 80 years”./2002/
3. Odontungalag.A/2004/ “Mongolian Buriat.”
4. Ulziibaatar.D /2004/. “Why 1937”.
5. “Political victims of biography summary.” /2008/
6. Tsogt-Ochir.D /2007/“Some retiree agents memory of Intelligence organization”
7. Tseren.TS /2008/. “They were repressed because Buriat’s exodus/displacement and called Lhumbe’s repression”.

А.А. Спиридонова, магистрант, e-mail: alina.spiridonova.94@mail.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 94(571.54)

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕРХНЕУДИНСКОГО ГОРОДСКОГО НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА в 1920 г.

В статье рассматривается формирование и основные направления деятельности Верхнеудинского городского Народно-революционного комитета как органа местного самоуправления. На основании данных Государственного архива Республики Бурятия исследуется структура, состав, задачи и методы работы чрезвычайного органа государственной власти на местах.

Ключевые слова: *Городское управление, городской Народно-революционный комитет, Верхнеудинск, местное самоуправление, власть.*

A.A. Spiridonova, master student

FORMATION AND MAIN DIRECTIONS OF THE VERKHNEUDINSK URBAN PEOPLE'S REVOLUTIONARY COMMITTEE ACTIVITIES IN 1920

The article deals with the formation and main activities of the Urban People's Revolutionary Committee of Verkhneudinsk as a local self-government. The structure, composition, objectives and working methods of the emergency state authority in the field are investigated on the basis of information of State archive of the Republic of Buryatia.

Key words: *Urban Administration, Urban People's Revolutionary Committee, Verkhneudinsk, local self-government.*

Современный этап развития общества характеризуется резким возрастанием роли и значения управления социально-экономическими процессами. Необходимость специального рассмотрения данного вопроса тесно связана с происходящим сегодня в обществе осмыслением пройденного пути. Процесс становления новых форм местного самоуправления 1920-х гг. имеет особое значение для современного Российского государства в связи с переходом на демократические принципы организации общественно-политической жизни. Изучение истории и опыта деятельности Верхнеудинского городского народно-революционного комитета способствует пониманию развития нашего общества и поможет адекватно учесть достижения и ошибки прошлого при реформировании современной системы местного самоуправления.

В 1920-е гг. в стране сложилась сложнейшая ситуация: война привела к экономической, хозяйственной разрухе. Управление на местах как таковое отсутствовало, что усугубляло положение населения, в том числе и в Верхнеудинске.

Руководством созданного на Дальнем Востоке нового государственного образования – Дальневосточной Республики (ДВР) были поставлены задачи: строительство партийно-советского аппарата, наведение порядка, преодоление разрухи в сфере промышленности, транспорта, борьба с эпидемиями, ликвидация топливного кризиса, а так же помощь населению.

Для реализации этих задач большевики формировали в населенных пунктах, расположенных в прифронтовой зоне, не Советы, предусмотренные Конституцией РСФСР, а чрезвычайные неконституционные органы местного самоуправления, каковыми выступали революционные комитеты.

Революционные комитеты создавались Военно-революционными советами Красной армии и политотделами дивизий на территории, отбитой у белогвардейцев и находящихся в прифронтовой полосе. Стоит отметить, что все вышестоящие ревкомы формировали нижестоящие, находившиеся непосредственно в селах и волостях. Существовала иерархия ревкомов: областные, губернские, уездные, городские, сельские, волостные. Функций этих у ревкомов было множество, так как ревкомы обладали всей полнотой власти на местах, в ведении которых находились практически все административно-хозяйственные, военные, политические вопросы.

Выборы в городской Народно-революционный комитет, на основании закона о выборах в местные органы Управления ДВР, утвержденного 3 июня 1920 г., были произведены в Верхнеудинске 4 июля 1920 г. [5, с. 1]. Выборы производились всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием. Для удобства подачи голосов, город с его предместьями был разделен на 7 избирательных участков [2, с. 4]. Ограничения в избирательных правах регламентировались § 4 Закона ДВР о выборах [4, с. 2].

В соответствии с Положением о сельских, волостных, уездных и городских органах Управления от 3 июня 1920 г. высшим органом власти в городе являлось собрание городских уполномоченных, избираемых на основе общего положения о выборах (гл.4, § 29). Собрание городских уполномоченных из своей среды избирало городской Народно-революционный комитет в составе не менее 5 и не более 15 человек. Через каждые три месяца горнарревком обязан был давать отчет собранию городских уполномоченных о ходе работ всех отделов (§ 34) [2, с. 3].

Процедура выборов в Верхнеудинский городской Народно-революционный комитет показала, что отбор в состав органов местного самоуправления был очень тщательным, многоступенчатым. Войти в состав городских уполномоченных, а затем и в состав членов Горнарревкома из всего числа депутатов было непросто.

Верхнеудинский городской Народно-революционный комитет был образован 8 августа 1920 г. [6, л. 18]. Это был орган исполнительный, избирался городским собранием уполномоченных. То есть избиратели выбирали городских уполномоченных, а те, в свою очередь, из своего числа сформировали Верхнеудинский городской Народно-революционный комитет. В его состав вошли: С.Ф. Городков (председатель), М.В. Душин, Ф.П. Потапов, А.Ф. Гнилицкий (члены комитета), С.И. Ломов (секретарь) [6, л. 7]. Членами комитета стали те люди, которые имели опыт работы в управлении городом, обладали необходимыми умениями и навыками. В частности, председатель горнарревкома, С.Ф. Городков, входил в состав Верхнеудинской Городской управы.

Горнарревком принял дела бывшего городского общественного управления, которое состояло из трех отделов – административный, финансовый и хозяйственный. Одно время сюда относился и отдел соцобеспечения, но при слиянии с областным отделом, последний при Горнарревкоме был ликвидирован [9, л. 15 а-16 об.]. Комитет приступил к выполнению задач, поставленных руководством ДВР.

Первоочередной задачей Верхнеудинского горнарревкома была борьба с контрреволюцией. Ярким примером, демонстрирующим важность данной задачи, является предложение Рабочей Фракции Верхнеудинского Народного собрания. На своем первом заседании 8 августа 1920 г., Верхнеудинское городское народное самоуправление обратилось с воззванием к широким массам населения г. Читы с братским призывом поддержать работу государственного объединения, начатую Правительством ДВР. «…Народное самоуправление, созданное в результате Народного избрания предостерегает Читинское население от ложных шагов, на которые его провоцируют политики интервентных войск и политиканы Владивостокской делегации, забывшие честь и совесть и те раны, которые не зажили у нас еще от нагаек и штыков семеновщины и от кровопусканий, практиковавшихся здесь ее высокими иноземными покровителями…» [8, л. 12-12 об.]. Следует отметить, что в атмосфере продолжавшейся Гражданской войны Народно-революционные комитеты всеми своими силами утверждали революционную власть на местах. В этот период в работе Верхнеудинского городского Народно-революционного комитета в силу объективных обстоятельств задачи государственного устройства, вопросы победы революции преобладали над местными: борьба с контрреволюцией требовала от горнарревкома значительного количества сил и внимания.

Первые шаги избранного органа власти сопровождались значительными трудностями: разрушенное войной городское хозяйство. У бывшей городской управы не имелось отвечающего действительности плана города и его угодий. Но самой главной проблемой на пути хозяйственной стабилизации стало тотальное отсутствие средств. Для того чтобы изыскать деньги на восстановление народного хозяйства прибегали к различным способам: конфискация имущества «классовых врагов», кредиты, займы и, самый доступный, налогообложение. На основании основного закона (Конституции) ДВР, утвержденной Дальневосточным Учредительным Собранием 27 апреля 1921 г. раз. III, гл. 2 «О налогах», ст. 149 никто не мог быть освобожден от обязанности уплаты налога. Кроме того, установление

местных налогов, сборов и податей являлось прерогативой местного самоуправления на основании ст. 151 [1, ст. 149-151]. Денег не было ни в банках, ни у жителей, поэтому налоги приходилось в буквальном смысле «выбивать из населения».

Приступив к исполнению своих обязанностей, Верхнеудинский горнарревком в первую очередь принял городскую кассу, в которой числилось 1600000 руб. (при девальвации рубля) [3, с. 4]. Формирование городского бюджета происходило в соответствии с постановлением правительства Народно-революционной власти ДВР от 24 апреля 1920 г. Местные органы управления должны были существовать за счет доходов, которые непосредственно поступали к ним с доходных предприятий и обложения, т.е. за счет своего общества и только в крайнем случае Министерством внутренних дел отпускались ссуды, которые потом возвращали. Пользоваться ими было возможно лишь в случае крайней бедности общества [8, л. 7]. В своем докладе о деятельности Верхнеудинского городского Народно-революционного комитета во время собрания Уполномоченных Верхнеудинского городского самоуправления от 25 февраля 1922 г. С.Ф. Городков указал, что расходы комитета составили 131443 руб. 93 коп. золотом, доходная часть бюджета составила 133546 руб. 93 коп. [12, л. 43].

Одной из важных задач Верхнеудинского горнарревкома было благоустройство города. За время существования комитета был произведен следующий объем работ: ремонт городской бани, городской скотобойни, городских колодцев, Верхнеудинского моста, начат ремонт зданий всех учебных заведений, переоборудован городской водовозный обоз, затребованы материалы на ремонт городских тротуаров, внесены в смету постройка ограды и конюшни в тифозно-заразной больнице, постройка конного двора, содержание пожарных частей, пожарных команд [12, л. 41-43].

В своей деятельности Верхнеудинский городской Народно-революционный комитет огромное внимание уделял санитарному состоянию города. Горнарревком регулярно издавал обязательные постановления, инструкции по содержанию и обеспечению здоровой санитарно-эпидемиологической ситуации [10, л. 26]. Проводились рейды комиссии по выявлению нарушений санитарного контроля в торговых лавках. Например, ветеринарный врач Клочихин при ревизии мясных лавок общества «Экономия» выявил множество нарушений, о чем сообщил в горнарревком [8, л. 27-29]. В период эпидемий тифа, оспы учет медикаментов, оценку и план распределения их среди населения осуществляла Учетно-распределительная комиссия при Горнарревкоме [7, л. 35].

Свою деятельность горнарревком осуществлял недолго. Уже во второй половине 1921 г. по всей Дальневосточной республике прошли выборы уполномоченных в народное собрание. В связи с этим, деятельность Народно-революционных комитетов Дальнего Востока прекратилась, и им на смену пришли городские управления [11, л. 39-47 об.]. Верхнеудинский городской Народно-революционный комитет существовал с 8 августа 1920 г. по декабрь 1921 г.

Создание ревкомов, а не Советов в условиях Гражданской войны объяснялось не столько пристрастиями большевистского руководства к жесткой централизации и повсеместному контролю, сколько суровой необходимостью. Кроме того, территория, куда вступала Красная армия, была социально-экономически и социально-политически нестабильной. Эта нестабильность не позволяла партийно-советскому руководству не только обеспечить приемлемый классовый и партийный состав органов местного самоуправления и наладить их функционирование, но и в ряде случаев сформировать их. В данной ситуации создание ревкомов, как чрезвычайных и полномочных, являлось вполне разумным и, более того, необходимым.

Выполнение Верхнеудинским городским Народно-революционным комитетом его функций привело к его расформированию, как справившегося со своими первоочередными задачами и обязанностями. Несмотря на все трудности, стоящие перед этим чрезвычайным образованием, невозможно не согласиться с тем, что горнарревком послужил для большевистской власти плавным переходом от боевых действий к мирной жизни общества, помог стабилизировать экономическую, политическую и социальную ситуации. Кратковременный период правления революционного комитета подготовил почву для строительства советского государства. За недолгий период своего правления, Верхнеудинский городской Народно-революционный комитет показал свою высокую эффективность, тем самым выполнил в начале 1920 г. свою историческую роль переходного органа власти.

Библиография

1. Собрание узаконений Дальневосточной Республики (СУ ДВР). – 1921. – № 4 (10).
2. Дальневосточная республика. –1920, 6 июн. – № 24.
3. Дальневосточная республика. – 1920, 16 июн. – № 32.
4. Дальневосточная республика. – 1920, 20 июн. – № 36.

5. Дальневосточная республика. – 1920,11 авг. – № 89.
6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-15, оп. 1, д. 1.
7. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 2.
8. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 3.
9. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 4.
10.ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 40.
11. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 87.
12. ГАРБ. Ф. Р-968, оп. 1, д. 2.

Bibliography

1. Collection of legal documents of the Far Eastern Republic. - 1921. - № 4 (10).
2. The Far Eastern Republic. - 6 June 1920. - №. 24.
3. The Far Eastern Republic. - June 16, 1920. - №. 32.
4. The Far Eastern Republic. - June 20, 1920. - №. 36.
5. The Far Eastern Republic. - August 11, 1920. - №. 89.
6. The State Archives of the Buryatia Republic (SABR). Col. R-15. In. 1. F.1.
7. SABR. Col. R-15. In.1. F.2.
8. SABR. Col. R-15. In.1. F.3.
9. SABR. Col. R-15. In.1. F.4.
10. SABR. Col. R-15. In.1. F.40.
11. SABR. Col. R-15. In.1. F.87.
12. SABR. Col. R-968. In.1. F 2.

Э.Б. Цыжипов, канд. ист. наук, доц.
М.С. Мангутова, студент
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94(571.54)(1920-1939)

М.Н. ЕРБАНОВ И БУРЯТИЯ В 1920-1930-е гг.

В статье рассмотрены жизненный путь М.Н. Ербанова, его деятельность на посту первого секретаря Бурятского обкома ВКП(б), а также развитие Бурятии в 1920-1930-е гг. На основе архивных материалов и опубликованных работ проанализированы успехи в развитии народного хозяйства республики и непосредственное участие в этом М.Н. Ербанова. В самом расцвете сил в 1937 г. М.Н. Ербанов был арестован органами НКВД СССР, освобожден от занимаемой должности, а затем расстрелян.

Ключевые слова: *М.Н. Ербанов, Бурятия, Октябрьская революция 1917 г., Бурят-Монгольская АССР, индустриализация, панмонгольская организация, репрессии.*

E.B. Tsyzhipov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.
M.S. Mangutova, Student

M.N. ERBANOV AND BURYATIA IN 1920-1930s

This article covers the life of M.N. Erbanov, his activities as the first secretary of the Buryat regional committee of the Communist party and the development of Buryatia in the 1920-1930s. These successes in the development of the republic national economy and direct participation of M.N. Erbanov in this are analyzed on the basis of archival documents and published works. But in the prime of his life in 1937 M.N. Erbanov was arrested by the special services of the USSR, released from his post and then shot.

Key words:*M.N. Erbanov, the Republic of Buryatia, The October Revolution of 1917th, Buryat-Mongolian autonomous soviet socialist republic, industrialization, panmongolian organization, repressions.*

Октябрьский переворот 1917 г. представляет собой определенный рубеж в истории нашей страны, за которым последовали глобальные изменения государства и общества. Несомненным достижением революции является уничтожение сословного деления общества и уравнивание в правах мужчин и женщин. Советские граждане, в том числе и из самых низов общества, получили равный доступ к образованию, управлению своим государством, могли работать и служить в различных сферах, которые ранее были для них закрыты. В то же время октябрьские события выдвинули целую плеяду новых политических деятелей, к числу которых без сомнения относится и М.Н. Ербанов.

М.Н. Ербанов родился в 1889 г. в бурятском улусе Ехэ Бахта Иркутской губернии в Приангарье в крестьянской семье. «Атмосфера простоты, честности и неподдельной искренности в семье наложила глубокий отпечаток на формирование его характера» [3, с. 7]. М.Н. Ербанов с детских лет был приучен к труду. Он тянулся к знаниям, но получить образование простому крестьянскому мальчику в то время было практически не реально. Тем не менее, свое образование он начал в начальной школе в улусе Мольта, затем перевелся в Нельхайскую церковно-приходскую школу, после поступил в Балаганское народное училище. Учеба давалась ему легко. На этом его образование могло закончиться, поскольку необходимо было помогать родителям по хозяйству. В то время свободных средств для продолжения обучения не было. Но его уговоры, стремление к знаниям убедили родителей, и он продолжил образование в Томске, который был в то время самым крупным административным, культурным и образовательным центром Сибири. В Томске он закончил частные геодезические курсы и устроился топографом в лесном ведомстве Томского управления земледелия, продолжая при этом заниматься самообразованием. Здесь же он впервые познакомился с революционными идеями.

В 1916 г. М.Н. Ербанов с уже сложившимся революционным мировоззрением вернулся в Иркутскую губернию и сразу же активно включился в политическую жизнь региона.

С победой социалистической революции в губернии началась напряженная работа по слому старой государственной машины и созданию советского аппарата власти. Затем была борьба с колчаковщиной, в период которой он выполнял поручения Иркутского губкома РКП(б) и руководил бурятской секцией при губкоме партии.

М.Н. Ербанов внес большой вклад в организацию автономии бурят-монголов. Здесь особенно ярко проявился его организаторский талант. Он был председателем ревкома, затем исполкома Бурят-Монгольской автономной области в составе РСФСР, а после образования Бурят-Монгольской АССР главой правительства. В те годы Бурятия представляла собой отсталый аграрный регион со своими особенностями. «Более 90% населения занималось сельским хозяйством, в силу естественно-исторических и климатических условий преобладало животноводство. В 1923 г. 52% валовой сельскохозяйственной продукции приходилось на долю скотоводства, 45% – на земледелие и 3% – на подсобные промыслы» [5, с. 68]. В 1928 г. М.Н. Ербанов был избран первым секретарем Бурят-Монгольского обкома партии и проработал на этом ответственном посту до сентября 1937 г., когда был арестован. Это были годы кардинальной реконструкции народного хозяйства в СССР и Бурятии. Именно в годы форсированной индустриализации сформировалась экономическая база советской страны. В Бурятии развернулось строительство крупных промышленных предприятий, что отвечало задачам ускоренного индустриального роста, который характеризовался строительством крупных промышленным предприятий, значительным увеличением валового продукта, прочным вхождением в систему межхозяйственных связей СССР. Были введены в строй флагманы бурятской промышленности: ПВРЗ, Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат, мясокомбинат, механизированный стекольный завод, мельничный комбинат и др. К особенностям индустриализации республики следует отнести то, что промышленность создавалась практически с нуля.

Не лишним будет отметить, что Бурятия достигла больших высот не только в развитии промышленности, но и в других отраслях.

На приеме в Кремле членами Политбюро ЦК ВКП(б) делегации из Бурятии во главе с М.Н. Ербановым и Д.Д. Доржиевым 27 января 1936 г. в своей речи председатель СНК СССР В.М. Молотов дал высокую оценку успехам БМАССР в деле развития народного хозяйства [4, с. 2].

За перевыполнение государственного плана животноводства и за успехи в области хозяйственного и культурного строительства постановлением ЦИК СССР от 31 января 1936 г. М.Н. Ербанов и Д.Д. Доржиев были награждены орденами Ленина. Более того, еще 9 июля 1933 г. ЦИК СССР наградил М.Н. Ербанова орденом Красного Знамени за участие в борьбе против Колчака [1, л. 267].

Успехи в развитии народного хозяйства подтверждаются и свидетельствами других высокопоставленных советских и государственных деятелей Бурятии. Так, допрошенные в 1955-1956 гг. бывший начальник статистического отдела Наркомзема БМАССР М.У. Хахалов, бывший секретарь партийной комиссии при Бурят-Монгольском обкоме ВКП(б) Б.Н. Вампилов и другие партийно-советские работники БМАССР показали, что в 1934-1939 гг. в Бурятии были достигнуты большие успехи в области развития животноводства. Поголовье скота в республике росло из года в год. За высокие показатели в развитии животноводства БМАССР в 1939-1940 гг. являлась участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Однако летом 1937 г. М.Н. Ербанов был вызван в Москву и 21 сентября того же года арестован. После его ареста народный комиссар внутренних дел СССР Н.И. Ежов телеграммой сообщил Бурят-Монгольскому обкому ВКП(б), что М.Н. Ербанов снят с работы и арестован органами НКВД. Закрытое

судебное заседание состоялось 8 февраля 1938 г. в г. Москве. Органы НКВД в ходе предварительного и судебного следствия «установили», что «Ербанов в 1924 г. был завербован японской разведкой и по ее заданиям до дня своего ареста собирал и передавал агентам разведки шпионские материалы о вооруженных силах и народном хозяйстве Бурят-Монголии. По заданию японской разведки Ербанов создал контрреволюционную националистическую панмонгольскую организацию и вел работу по свержению советской власти на территории Бурят-Монголии и МНР и установлению буржуазного Панмонгольского государства под протекторатом Японии. Кроме того, Ербанов в 1935 г. якобы установил организационную связь с руководителем антисоветской террористической организации правых в Восточной Сибири М. Разумовым и в контакте с правыми вел подготовку террористических актов в отношении руководителей ВКП(б) и Советской власти и проводил подрывную вредительскую работу во всех областях народного хозяйства Бурят-Монголии» [2, л. 153-154].

Михей Николаевич по ст. 58-6, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего. Судебное заседание началось в 11 ч 20 мин и закончилось в 11 ч 35 мин, т.е. получается, что правосудие, поражающее своей оперативностью, свершилось всего за каких-то 15 минут. Приговор на основании постановления ЦИК СССР был приведен в исполнение 8 февраля 1938 г. в г. Москве.

М.Н. Ербанов был реабилитирован Военной Коллегией Верховного Суда СССР 24 сентября 1955 г.

Многогранная деятельность М.Н. Ербанова оборвалась в самом расцвете его творческих сил. Ему было всего 49 лет. Без сомнения, не будь он арестован и расстрелян, многое успел бы сделать для развития республики и страны.

Библиография

1. Архив УФСБ РФ по РБ, д. 4030/с.
2. Архив УФСБ РФ по РБ, д. 2888/с, т. 1.
3. Басаев Г.Д., Ербанова С.Я. М.Н. Ербанов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. – 239 с.
4. Бурят-Монгольская правда. – 1936, 1 февр.
5. История Бурятии: В 3 т. – Т. 3. XX-XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.

Bibliography

1. Archive UFSB RF po RB, F. 4030/s.
2. Archive UFSB RF po RB, F. 2888/s, t. 1.
3. Basaev G.D., Erbanova S.Y. M.N. Erbanov. – Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1989. – 239 s.
4. Buryat-Mongolskaya Pravda, 1936, Febr., 1.
5. The History of Buryatia: in 3 t. – V. 3. XX-XXI cent.. – Ulan-Ude: BSC BNCz SB RAS Press, 2011. – 464 p.

А.А. Спиридонова, магистрант, e-mail: alina.spiridonova.94@mail.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 94(571.54)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В г. ВЕРХНЕУДИНСКЕ В 1920-е гг.

В статье рассматривается деятельность органов Верхнеудинского городского самоуправления в 1920-1923 гг. На основании материалов Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), периодической печати и нормативно-правовых актов, относящихся к данному изучаемому периоду, проанализированы характерные особенности Верхнеудинского городского Народно-революционного комитета, Верхнеудинского городского управления, коммунального отдела при Революционном комитете Прибайкальской губернии г. Верхнеудинска, в том числе и основные проблемы их формирования. Кроме этого, исследуется структура, состав, задачи и методы работы аппарата городской власти. В результате анализа использованных источников, автор устанавливает даты осуществления полномочий каждого из органов городского управления 1920-1923 гг.

Ключевые слова: *Верхнеудинск, городское самоуправление, городской Народно-революционный комитет, городское управление, коммунальный отдел, советская власть.*

A.A. Spiridonova, master student

URBAN SELF-GOVERNMENT SOVIET AUTHORITIES ACTIVITIES IN VERKHNEUDINSK IN 1920s

The article covers urban self-government activities in Verkhneudinsk in 1920-1923. Main features and some organizational problems of the Verkhneudinsk Urban People's Revolutionary Committee, the Verkhneudinsk government, as well as the Baikal province Revolutionary Committee communal department of Verkhneudinsk are analyzed. In addition we investigate the structure, composition, objectives and working methods of the town government apparatus using documents of State archive of the Republic of Buryatia (SARB), periodicals and regulatory acts of that period. On the base of the used documents analysis, the author sets the dates of powers exercise of each town government structures in 1920-1923.

Key words: *Verkhneudinsk, urban municipal government, City People's Revolutionary Committee, town government, municipal department, Soviet authorities.*

Исследование истории городского управления, его создания, формирования и развития на сегодня является одним из важнейших вопросов, имеет теоретическую и практическую значимость.

К началу 1920 г. на фронтах Гражданской войны произошли события, которые коренным образом изменили и военное, и политическое положение дел на Дальнем Востоке: война привела к упадку экономической, хозяйственной систем. Городское управление как таковое отсутствовало: необходимо было организовать твердую советской власть на местах, основной задачей которой являлось планомерное восстановление и развитие экономической, хозяйственной, культурной жизни в Прибайкальской губернии.

Руководством созданного на Дальнем Востоке нового государственного образования – Дальневосточной Республики (ДВР) были поставлены задачи: строительство партийно-советского аппарата, наведение порядка, преодоление разрухи в сфере промышленности, транспорта, борьба с эпидемиями, ликвидация топливного кризиса, а так же помощь населению.

Для реализации этих задач большевики формировали в населенных пунктах, расположенных в прифронтовой зоне не Советы, предусмотренные Конституцией РСФСР, а чрезвычайные неконституционные органы местного самоуправления, каковыми выступали революционные комитеты. Революционные комитеты обладали всей полнотой власти на местах, в ведении которых находились практически все административно-хозяйственные, военные, политические вопросы, соответственно, в их руках было сосредоточено множество функций.

Выборы в городской Народно-революционный комитет, на основании закона о выборах в местные органы Управления ДВР, утвержденного 3 июня 1920 г., были произведены в Верхнеудинске 4 июля 1920 г. [5, с. 1]. Выборы производились всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием. Для удобства подачи голосов, город с его предместьями был разделен на 7 избирательных участков [2, с. 4]. Ограничения в избирательных правах регламентировались § 4 Закона ДВР о выборах [4, с. 2].

В соответствии с Положением о сельских, волостных, уездных и городских органах Управления от 3 июня 1920 г. высшим органом власти в городе являлось собрание городских уполномоченных, избираемых на основе общего положения о выборах (гл. 4 § 29). Собрание городских уполномоченных из своей среды избирало городской Народно-революционный комитет в составе не менее 5 и не более 15 человек. Через каждые три месяца горнарревком обязан был давать отчет собранию городских уполномоченных о ходе работ всех отделов (§ 34) [2, с. 3].

Верхнеудинский городской народно-революционный комитет был образован 8 августа 1920 г. [6, л. 12]. В его состав вошли: С.Ф. Городков (председатель), М.В.Душин, Ф.П. Потапов, А.Ф. Гнилицкий (члены комитета), С.И. Ломов (секретарь) [6, л. 7]. Членами комитета стали те люди, которые имели опыт работы в управлени и городом, обладали необходимыми умениями и навыками. В частности, председатель горнарревкома, С.Ф. Городков, входил в состав Верхнеудинской Городской управы.

Горнарревком принял дела бывшего городского общественного управления, которое состояло из трех отделов – административный, финансовый и хозяйственный. Одно время сюда относился и отдел соцобеспечения, но при слиянии с областным отделом, последний при Горнарревкоме был ликвидирован [9, л. 15 а-16 об.]. Комитет приступил к выполнению задач, поставленных руководством ДВР.

Первоочередной задачей Верхнеудинского горнарревкома была борьба с контрреволюцией. Ярким примером, демонстрирующим важность данной задачи, является предложение Рабочей Фракции Верхнеудинского Народного собрания. На своем первом заседании 8 августа 1920 г., Верхнеудинское городское народное самоуправление обратилось с воззванием к широким массам населения г. Читы с

братским призывом поддержать работу государственного объединения, начатую Правительством ДВР. «…Народное самоуправление, созданное в результате Народного избрания предостерегает Читинское население от ложных шагов, на которые его провоцируют политики интервентных войск и политиканы Владивостокской делегации, забывшие честь и совесть и те раны, которые не зажили у нас еще от нагаек и штыков семеновщины и от кровопусканий, практиковавшихся здесь ее высокими иноземными покровителями…» [8, л. 12-12 об.].Следует отметить, что в атмосфере продолжавшейся Гражданской войны Народно-революционные комитеты всеми своими силами утверждали революционную власть на местах.

Первые шаги избранного органа власти сопровождались значительными трудностями: разрушенное войной городское хозяйство. У бывшей городской управы не имелось отвечающего действительности плана города и его угодий. Но самой главной проблемой на пути хозяйственной стабилизации стало тотальное отсутствие средств. Для того чтобы изыскать деньги на восстановление народного хозяйства прибегали к различным способам: конфискация имущества «классовых врагов», кредиты, займы и, самый доступный, налогообложение. На основании основного закона (Конституции) ДВР, утвержденной Дальневосточным Учредительным Собранием 27 апреля 1921 г. разд. III, гл. 2 «О налогах», ст. 149 никто не мог быть освобожден от обязанности уплаты налога. Кроме того, установление местных налогов, сборов и податей являлось прерогативой местного самоуправления на основании ст. 151 [1, ст. 149-151]. Денег не было ни в банках, ни у жителей, поэтому налоги приходилось в буквальном смысле «выбивать из населения».

Одной из важных задач Верхнеудинского горнарревкома было благоустройство города. За время существования комитета был произведен следующий объем работ: ремонт городской бани, городской скотобойни, городских колодцев, Верхнеудинского моста, начат ремонт зданий всех учебных заведений, переоборудован городской водовозный обоз, затребованы материалы на ремонт городских тротуаров, внесены в смету постройка ограды и конюшни в тифозно-заразной больнице, постройка конного двора, содержание пожарных частей, пожарных команд [16, л. 41-43].

В своей деятельности Верхнеудинский городской Народно-революционный комитет огромное внимание уделял санитарному состоянию города. Горнарревком регулярно издавал обязательные постановления, инструкции по содержанию и обеспечению здоровой санитарно-эпидемиологической ситуации [10, л. 26]. Проводились рейды комиссии по выявлению нарушений санитарного контроля в торговых лавках. Например, ветеринарный врач Клочихин при ревизии мясных лавок общества «Экономия» выявил множество нарушений, о чем сообщил в горнарревком [8, л. 27-29]. В период эпидемий тифа, оспы учет медикаментов, оценку и план распределения их среди населения осуществляла Учетно-распределительная комиссия при Горнарревкоме [7, л. 35].

Свою деятельность горнарревком осуществлял недолго. Уже во второй половине 1921 г. по всей Дальневосточной республике прошли выборы уполномоченных в народное собрание. В связи с этим, деятельность Народно-революционных комитетов Дальнего Востока прекратилась, и им на смену пришли городские управления [11, л. 39-47 об.].

На основании постановления Прибайкальского областного управления № 43 от 27 января 1922 г., опубликованного в газете «Прибайкальская Правда» № 20 (86) от 29 января 1922 г. было решено в порядке ст. 79 Положения о местных органах управления переименовать Верхнеудинский городской народно-революционный комитет в Верхнеудинское городское управление [15, л. 13].

При горуправлении существовали следующие отделы: Административный; хозяйственный; финансовый; здравоохранения; народного образования и военного ведомства [19, л.16]. В состав горуправления вошли: А.П. Алютин (председатель горуправления), Н.А. Гальперов, С.Ф. Городков, М.В. Душин, С.М. Киселев. Отделы были распределены между членами горуправления на заседании Верхнеудинского городского управления 29 января 1922 г. [16, л. 16].

На заседании Уполномоченных Верхнеудинского Городского Самоуправления председатель уполномоченных товарищ А.А. Сакач обратился к собранию со следующей речью: «…Для всех, товарищи, ясно, что мы в своем революционном периоде стали на новую грань исторической эпохи, на грань хозяйственного строительства. Мы пережили затяжной военный период, в котором выразили много героизма и самопожертвования для защиты своих революционных идеалов. Сейчас же момент другой – момент хозяйственный и нужно сказать откровенно, что он труднее первого. Теперь недостаточно сражаться на фронтах, а нужно быть хорошими практическими организаторами народного хозяйства…» [16, л. 38-39 об.]. Протокол № 1 от 31.12.1921 заседания уполномоченных Верхнеудинского городского самоуправления. Из анализа данного документа следует, что уже тогда пришло четкое осознание необходимости перехода от военных действий к планомерному строительству народного хозяйства.

Одной из основных задач Верхнеудинского городского управления было формирование бюджета. Необходимо было рационально составлять сметы о доходах и расходах местного Управления. В этом нелегком деле Городскому управлению помогала бюджетно-финансовая комиссия областных, уездных и городских управлений.

Верхнеудинское городское управление регламентировало порядок часов торговли на городских базарах и в торговых помещениях, распределяло сенокосные и пахотные участки среди населения, решало вопросы по стоимости и подаче электричества населению, контролировало деятельность жилищной и финансовой комиссий, устанавливало размер налогов и сборов, порядок их взимания, работу учреждений здравоохранения, рассматривало личные заявления граждан. Заботилось о санитарном состоянии города, прекращении распространения различных эпидемий (брюшного тифа), об отпуске денег на разные нужды (например, празднование 1 мая, годовщины Октябрьский революции).

Верхнеудинское городское управление существовало до ноября 1922 г., затем власть передали коммунальному отделу Губревкома [18, л. 7].

На основании приказа Прибайкальского Губревкома за № 3, Верхнеудинское городское управление с 9 ноября 1922 г. было переформировано в Верхнеудинский коммунальный отдел с непосредственным подчинением Губревкому (§ 5). Все члены бывшего Горуправления, «заведывающие» отделами, а также сотрудники упраздненного Горуправления оставались на своих местах и исполняли возложенные на них обязанности впредь до распоряжения (§ 4) [17, л. 230]. Заведующим коммунальным отделом при губернском революционном комитете был назначен Г.А. Усов, с 5 марта 1923 г. должность заведующего коммунальным отделом занял С.Ф. Вереникин, а 17 апреля 1923 г. заведующим коммунальным отделом был назначен Н.И. Саловаров [14, л. 301].

При наличии аппарата бывшего горуправления г. Верхнеудинска, который был очень громоздким и не отвечал своему назначению по ведению городского хозяйства, необходимо было построить его по новой конструкции из подотделов: благоустройства и эксплуатации городских земель (заведующий А.С. Котов), предприятий общего пользования (заведующий С.Ф. Вереникин), материальный (заведующий В.И. Ворожейкин) и жилищный (заведующий А.Ф. Сапунов), 3 мая 1923 г. был учрежден подотдел местных финансов (заведующий М.И. Литвин) по упорядочению и взиманию местных налогов, сборов и исполнению местного бюджета.

Таблица

Распределение задач по подотделам коммунального отдела

Подотдел	Задачи
Благоустройства и эксплуатации городских земель	1) распределение сенокосных угодий, пахотных земель на 1923 г.; 2) отвод мест под новое кладбище в соответствии с имеющейся его планировкой, тем самым избавляя город от будущих эпидемий; 3) контроль за санитарно-эпидемиологической ситуацией в черте города; 4) организация садов в черте города
Предприятий общего пользования	1) ремонт центральных колодцев для правильного водоснабжения всего населения пригодной водой; 2) постройка уличной канализационной системы по городу, во избежание заливки города от дождей и загрязнения; 3) провести учет и поставить правильную работу по эксплуатации всех помещений, предприятий
Материальный	1) укрепление береговых дамб в районе моста через реку Уду для предотвращения размывания берега и разрушения моста; 2) провести и закончить работу по расширению электрической сети и наружного освещения всего города; 3) планировка и строительство всех городских базаров
Жилищный	1) перерегистрация и учет всех жилых, торговых помещений по г. Верхнеудинск для дальнейшей работы жилищного подотдела; 2) очистка города от разрушенных, непригодных для жилья зданий [12, л. 234-235]

В соответствии с протоколом № 4 заседания Прибайкальского губернского революционного комитета от 25 января 1923 г. коммунальным отделом Губревкома от бывшего горуправления было принято городское коммунальное хозяйство [12, л. 302 об.].

Обязанности коммунального отдела по сравнению с обязанностями такового в Верхнеудинском горнарревкоме и Верхнеудинском городском управлении значительно сократились. Вся работа коммунального отдела теперь была сосредоточена исключительно на благоустройстве города, эксплуатации зданий, сооружений и др. От обязанности установления и сбора налогов, вопросов землепользования, народного образования, здравоохранения и другого коммунальный отдел был освобожден, т.е. избавлен от несвойственного ему функционала. Таким образом, по сравнению с горнарревкомом и горуправлением число сотрудников коммунального отдела при Губревкоме увеличилось, и началась их практическая, узкая специализация.

В середине 1923 г. советский аппарат в губернии значительно окреп. Советское и партийное руководство посчитало возможным перейти от чрезвычайных органов власти к конституционным. 21 июля 1923 г. на внеочередном заседании Губревкома был поставлен вопрос о передаче власти Прибайкальскому губернскому исполнительному комитету Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На основании постановления, принятого на этом заседании, Прибайкальский губревком, «избранный волей трудового народа» 9 ноября 1922 г. в соответствии со своей декларацией от того же числа, привел революционный народ Прибайкалья к власти Советов, завершив возложенную на него трудовым народом задачу по советизации губернии… Губернский революционный комитет сложил свои полномочия и передал их избранному 21 июля 1923 г. на Губернском съезде Советов Исполнительному комитету [13, л. 151].

С 1920-1923 гг. сменилось три органа городского самоуправления:

1. Верхнеудинский городской народно-революционный комитет – 8 августа 1920 г. – 27 января 1922 г.
2. Верхнеудинское городское управление – 27 января 1922 г. – 9 ноября 1922 г.
3. Коммунальный отдел при Революционном комитете Прибайкальской губернии г. Верхнеудинска – 9 ноября 1922 г. – 21 июля 1923 г.

Таким образом, городское управление в г. Верхнеудинске 1920-1923 гг. представляло собой временные органы государственной власти, сформированные в условиях ликвидации очагов белого движения и установления советского режима в губернии. На протяжении трех лет правления периодически обновлялся их кадровый состав, расширялась структура, шел поиск наиболее приемлемых форм работы. Неизменным оставался лишь чрезвычайный характер деятельности органов городского управления, который отчасти был унаследован сменившими его конституционными структурами.

Библиография

1. Собрание узаконений Дальневосточной Республики (СУ ДВР). – 1921. – № 4 (10).
2. Дальневосточная республика. –1920, 6 июн. – № 24.
3. Дальневосточная республика. – 1920, 16 июн. – № 32.
4. Дальневосточная республика. – 1920, 20 июн. – № 36.
5. Дальневосточная республика. – 1920, 11 авг. – № 89.
6. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д.1.
7. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 2.
8. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 3.
9. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 4.
10. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 40.
11. ГАРБ. Ф. Р-15, оп. 1, д. 87.
12. ГАРБ. Ф.Р.-300, оп. 1, д. 17 а.
13. ГАРБ. Ф.Р.-300, оп. 1, д. 49.
14. ГАРБ. Ф.Р.-300, оп. 1, д. 55 а.
15. ГАРБ. Ф.Р.-968, оп. 1, д. 1.
16. ГАРБ. Ф. Р-968, оп. 1, д. 2.
17. ГАРБ. Ф.Р.-968, оп. 1, д. 6.
18. ГАРБ. Ф.Р.-968, оп. 1, д. 9.
19. ГАРБ. Ф.Р.-968, оп. 1, д.12.

Bibliography

1. The Collection of legal documents of the Far Eastern Republic. - 1921. - № 4 (10).
2. The Far Eastern Republic. - 6 June 1920. - №. 24.
3. The Far Eastern Republic. - June 16, 1920. - №. 32.
4. The Far Eastern Republic. - June 20, 1920. - №. 36.
5. The Far Eastern Republic. - August 11, 1920. - №. 89.

6. State Archive of the Buryatia Republic (SABR). Col. R-15. In. 1.F.1.
7. SABR. Col. R-15. In.1. F.2.
8. SABR. Col. R-15. In.1. F.3.
9. SABR. Col. R-15. In.1. F.4.
10. SABR. Col. R-15. In.1. F.40.
11. SABR. Col. R-15. In.1. F.87.
12. SABR. Col. R-300. In.1. F.17a.
13. SABR. Col. R-300. In.1. F.49.
14. SABR. Col. R-300. In.1. F.55a
15. SABR. Col. R-968. In.1. F.1.
16. SABR. Col. R-968. In.1. F.2.
17. SABR. Col. R-968. In.1. F.6.
18. SABR. Col. R-968. In.1. F.9.
19. SABR. Col. R-968. In.1. F.12.

Секция 4. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Ж. Урангуа, д-р ист. наук, проф., e-mail uranguakhereid@gmail.com
Ц. Сайнтуяа, аспирант
Монгольский государственный университет, Монголия

УДК 94:37(517/571.5)"1913-1916"

ПЕРВЫЕ МОНГОЛЬСКИЕ УЧЕНИКИ, ОБУЧАВЩИЕСЯ В СИБИРИ (1913-1916)

Первое десятилетие XX в. было временем нарастания национально-освободительного движения монгольского народа против 200-летнего маньчжурского владычества. Эта борьба принесла свои плоды. 29 декабря 1911 г. в результате победы национальной освободительной революции была провозглашена независимость, Северная Монголия отделилась от Цинского двора и восстановила свою государственность. С этих пор, чтобы развивать страну и шагать наравне с современным мировым уровнем, правительство Монголии стало осуществлять политику многочисленных реформ. В этих целях был образован специальный Комитет реформ, а в бюджете отдельной строкой был выделен «фонд реформ», достигший к 1916 г. 524,7 руб. К сожалению, из-за нехватки финансовых возможностей, многие запланированные проекты были остановлены. Но среди реформ по развитию общества, экономики и культуры, реформа по развитию гражданского образования достигла значительного успеха. В статье показано, какого прогресса достигла сфера образования и что явилось началом этого успеха в первых десятилетиях XX века. Монгольское государство отправило своих первых учеников учиться за рубежом, а именно в Россию, в Сибирские города.

Ключевые слова:*суверинитет, образование, школа, обучение, кадры*.

Zh. Urangua, Dr. SC. History, Prof.
Ts. Saintuya, P.G.

THE FIRST MONGOLIAN STUDENTS IN SIBERIA (1913-1916)

The first decade of the twentieth century was the time of the national Mongolian people liberation movement rise against the 200-year-old Manchu rule. This struggle was succesfull. Independence was proclaimed on December 29, 1911, as a result of the national liberation revolution victory, so Northern Mongolia separated from China and restored its statehood.

Since then, in order to develop the country and to step along with the modern world level, the government of Mongolia began to implement the policy of numerous reforms. To this end, a special Reform Committee was formed, and a "reform fund" was singled out in the budget as a separate line, having reached 524.7 rubles by 1916. Unfortunately, due to lack of financial resources, many planned projects were stopped. But among the reforms on the development of society, economy and culture, the reform of the civic education development has achieved significant success. This article presents the results of a progress in the education sector and what was the beginning of this success in the first decades of the twentieth century. The Mongolian state sent its first students to study abroad, namely, in Russia, to the Siberian cities.

Key words: *sovereignty, education, school, training, stuff*.

Политика Монголии по развитию образования

Победа национально-освободительной революции 1911 г. стала началом развития и созидания страны, стартом ее подъема. Также победа революции возбудила политическое сознание и патриотические идеалы народа. Передовая часть населения переосмыслила историю своей страны, осознала как далеко отстала Монголия от других стран и начала стремиться к распространению и развитию современной культуры, образования и науки.

Монголы получили помощь и поддержку от царской России при достижении суверинитета и независимости своего государства. Как следствие, расширилось взаимоотношение с соседней Россией, что привнесло веяние европейской культуры и что повлияло на развитие и прогресс в сфере образования. Одним из важнейших прогрессивных явлений того времени, безусловно, стал тот факт, что образование рассматривали как важнейший приоритет и стали создавать современные гражданские школы.

Безусловно, сосуществовало также традиционное обучение детей кочевых монголов в юртах, на дому. Хотя домашнее обучение было неофициальным, тем не менее, использовались определенные градированные учебники, для самостоятельного чтения.

В то время в Монголии существовало много религиозных школ. Дети, обучающиеся в 700 крупных монастырях и в более 1000 маленьких храмах, составляли 25-30% всех детей школьного возраста[1] и в целом 18000-20000 детей были заселены в храмы для обучения.[2] Средние и высшие религиозные школы придерживались трех основных направлений: буддийской философии, тибетской медицины и математики. Буддийские школы обычно брали детей из народа и обучали их грамоте, медицине, математике и другим естественным наукам, также дети учились первоначальным методам умственной работы. Таким образом религиозные школы влияли на молодое поколение Монголии соответствующим образом. Среди реформ по преобразованию общества, главной была реформа по развитию гражданского образования, которая достигла значительного успеха.

В 1912 г., 17 февраля, Министерство внутренних дел проявило инициативу и отправило письмо Богдо Хану с просьбой о принятии в школу и обучении грамоте молодых князей, вельмож, губернаторов и их младших братьев: «*В настоящее время, когда наша Монголия стала независимым государством, что дало всем монголам возможность спокойной созидательной жизни, мы, рабы, вкладывая душу и лоняясь, продумали и пришли к выводу, что для улучшения государства и религии нужны образованные государственные чины и служащие. Они подобны несущим колоннам и балкам, и поэтому единственный выход это обучить их грамоте. При этом особенно важно создать школы для подготовки образованных служащих из тех потомственных чинов, которые руководили из поколения в поколение*». Из этого документа ясно видно, что школы и кабинеты готовили изначально для детей аристократов. Также было решено обучить детей аристократов от 11 до 20 лет письменности одного из следующих иностранных языков: русский, маньчжурский или китайский.[3] Принято было решение обучить служащих князей независимо от их возраста.[4]

В 1912 г. по инициативе главы Министерства иностранных дел, князя Ханддоржа, была создана специальная школа при МИД, куда перевели 6 учеников из школы переводчиков столицы Нийслэл Хүрээ (Урга), которые более года обучались русскому языку[5]. Однако этого было недостаточно.

В одном из писем от Министерства иностранных дел 1914 г. Богдо Жибзундамба хану пишут: «*Мы, рабы, осмелились неоднократно обдумать, и придерживаемся того, что пишут в древних рукописях о том, чтобы сформировать государство, прежде приведи в порядок свой дом, чтобы организовать себя, знай этику и мораль, чтобы знать порядок и этику, нужно научиться чтению и грамоте. Из этого вытекает, что без учения не узнать этику и порядок, без знания этики не воспитать себя. Без организации самого себя, не обустроить свой дом. Не устроивший свой дом, не сможет формировать государство. Из этого следует, что каждый человек должен научиться грамоте. Именно таким образом, Россия, Франция, Англия и другие развитые страны обучают грамоте в обязательном, приказном порядке всех своих граждан и подданных, в городах и селах создали школы трех ступеней – начальные, средние и высшие. Сюда же входит обучение сельскому хозяйству, военному делу, промышленному производству и торговле, что дает возможность каждому улучшить свое житье, устроить свой дом и хозяйство,обретая благосостояние. Множество образованных людей внедряются во все сферы управления и тем самым укрепляют и помогают в создании мощного государства, в итоге – и народ состоятельный и государство сильное.*

Однако мы, монголы, долгое время чтили религию, и культ ламаизма был велик, так что почти все аристократы и просто народ, братья и сыновья стали заселяться в храмы и монастыри, дабы изучить только религиозные учения как самый необходимый приоритет, тем самым создали нехватку мужчин для служения в армии, и тем более, ранее влавствовавшая династия Чин, запрещала нам, монголам, учить китайский и другие иностранные языки. В Монголии, в отличие от других стран, не учили детей письменности в специально созданных школьных помещениях. Ставили главной целью жизнедеятельности выращивать четыре типа животных, выбирая и кочуя по лучшим пастбищам и сейчас не найдем хотя бы одного из десяти человек, кто хотя бы знает монгольскую письменность или имеет представление об этом, и из-за этого до сих пор мы не смогли объединить умы и способности, нищета и бедность дошли до крайности».[6]

Таким образом, в письме изложено как необразованность народа плохо отражается на развитии страны. Также давали понять главе государства о пользе гражданского образования в то время, когда было очень много храмов и монастырей, но только начинали создаваться гражданские общеобразавательные школы.

Первую государственную школу организовали в зданий Министерства иностранных дел 24 марта 1912 г. Тот факт, что расходы для этой школы специально были внесены в список государственного бюджета, говорит о том, что стали уделять внимание культуре и образованию. В первых начальных школах учились дети из следующих провинции: Түшээтхан, Сэцэнхан, Засагтхан, Сайнноён хан, Их Шаби, Барга хошуу. Также были созданы школы в городе Маймаачин, в Западной Монголий в Дөрвөде, в Хулунбуйрском хошуне Сэцэнхана, в хошуне Наваандоржи Түшээтханского аймака.

Правительство поощряло людей, которые создавали школы в провинциях за счет своего капитала. В письме от Министерства иностранных дел, отправленном Богдо хану 11 сентября 1913 г. написано: «*С этим письмом мы вновь кланяемся и хотим выразить некоторые соображения по поводу дальнейшего развития школ. Настало время, чтоб уважить государство, которое использует ученых людей в политике, и это предполагает создание средней школы в столице Нийслэл Хүрээ, пригласить предподавателей, собрать небольшое количество ребят для обучения монгольской, русской грамоте и лексике, при этом Министерство финансов должно взять заботу и расходы по созданию школы. Для первого раза можно пригласить двух преподавателей из России, выбрать мальчиков от 10 до 15 лет, по десять детей из шести центральных Халха и Хулунбуйр провинции. Каждому преподавателю нужно назначить ежемесячные продукты и 100 целковых (русские рубли), каждому ученику продукты и деньги в 10 лан, кисточки, чернила и бумагу, а также свечи, дрова, уголь, для использования в школе и другие вещи для нужд учеников – все это тоже выделить от министерства финансов для развития школьног дела»*.[7] Это предложение было поддержано Богдо ханом.

Для развития образования и увеличения школьного обучения решили разработать и внедрить в жизнь программу развития школ последовательно, шаг за шагом. По приказу Богдо хана были назначены следующие люди по созданию школьной программы и правил: замминистр, князь, лама Равдан, государственный работник Бавуудорж, переводчик бурят Жамсран (Цэвээн – *Ж.У*). Программа по развитию школ находилась в Министерстве иностранных дел. Так, в 1915 г. программа школы была разработана и получила подтверждение после обсуждения в Нижнем и Верховном Государственном хурале.[8] В программе указали, что будут создаваться школы трех ступеней, и в начальных школах за 5 лет обучения должны преподаваться монгольская письменность, грамота, арифметика, природоведение Монголии и других стран, этика и мораль, краткая история Монголии, физическая культура; в средней школе должны учить следующие предметы: монгольская письменность и грамота, правоведение, русский, китайский, английский, французский языки, математика, география, физика, геометрия, химия, физическая культура. Было также указано, что как и в начальной школе, в средней школе дети учатся 5 лет. Наиболее успешных и умных детей, окончивших начальную школу, нужно отобрать для продолжения учебы в средней школе. Также поощряются для учебы князья и государственные чины; отдельное лицо или группа лиц, объединяющие свой капитал для создания школы. Было решено, детям, окончившим среднюю школу, вручить сертификат и принять в высшие учебные заведения. Особо смекалистых и успешных могут отправить учиться за границу.

Политика развития гражданского образования была успешно проведена и по состоянию на 1917 г. в целом по всей Монголии работали не менее 49 начальных школ.[9]

Вклад Цэвээн Жамсранова в разработку и развитие системы образования Монголии

В связи с необходимостью организации работ по развитию образования и просвещения в Монголии, Министерство иностранных дел пригласило товарища Цэвээн Жамцароно из России на пост помощника чиновника по вопросам культуры.[10] Его служебная должность заключалась в том, чтобы работать как переводчик МИДа и по совместительству помощником по вопросам создания школ.[11]

Он планировал перевести с русского языка на монгольский около 100 томов научной и рекламной литературы, но смог завершить только половину.[12] Цэвээн предложил учить детей с раннего возраста, разработал проект создания современной государственной школы, устав, учебную программу и участвовал в созданий первой светской школы.

В газете «Новости столицы Нийслэл Хүрээ» он писал: «*Человек может быть очень хорошо развит умственно и знаний приобрести немеренно, но если он характером и поступком нехорош, тогда насмарку его ученость. Для основания нового правительства необходимо опираться на старание, честность и порядочность, и обучить тем наукам, которые пригодны для политики.*

Это правильно, что следуя времени,убираем старые правила и отбираем лучшее из новых. Как слышал, в школах развитых стран учителя имеют полное право решать, какие знания должны получать ученики, прививать хорошие манеры, отучать от всяких плохих привычек, поощрять все

лучшие качества, развивать таланты и вселять многообразные знания в молодые умы. В критиках ученых мудрецов содержится много правды, и наша столица Нийслэл Хүрээ не поощряется ими. Говорят, что некоторые страны стали мощными за счет товаров и знаний, поэтому монголам нельзя не стараться»[13]

Помимо того, что Ж. Цэвээн рассматривал школьное образование в связи с новыми историческими задачами страны, он еще выдвигал такой принцип обучения, что умственное образование должно прививаться в тесной связи с моральным воспитанием. Это являлось одним из важных достижений демократического мышления того времени. Так, интеллегентные люди с европейским типом образования, как Цэвээн Жамцароно и Эрдэнэбатухан (Никита Федорович Батуханов – *Ж.У.*), приехали в Монголию и служил делу создания школ по подобию русских и европейских стандартов, что дало возможность внедрить в нашу страну типы школ западной модели.

В школе русской письменности, созданной при МИД, преподавали учителя, приглашенные из России. Например, кроме Ж. Цэвээн, по приглашению работали Н.Т. Данчинов, Д.А. Абашеев, Г. Ванпилова, а также гражданин Англии госп. Уйдинг который преподавал в Иркутской школе, обучая детей английскому языку. Богдо хан наградил некоторых из этих учителей орденом «Эрдэнийн Очир» за заслуги и грамотой за «прилежное, заботливое и хорошее обучение мальчиков от всей души».[14]

В школе, где преподавал учитель английского языка, по данным 1916 г. (Уйдинг приехал в Монголию в 1915 г. – *Ж.У.*) работали 2 монгольских, 1 китайский, 2 бурятских учителей, а также директор, завхоз и 3 кочегара на 60 учеников.[15] Из 60-ти учеников 19 были из Их Шаби, 14 – из Түшээт хан аймак, 2 – из Сэцэн хан аймак, 7 – Сайн ноён хан аймак, 2 – из Барга, Хулунбуйр и 1 ученик из хошуна Зүтгэлт гүн.

Цэвээн с большой ответственностью работал по делам монгольских мальчиков, учившихся в России, и своевременно отправлял выделенную одежду, школьные принадлежности, средства за проживание и питание. В общем, монгольское правительство уделяло большое внимание и заботилось об учащихся на родине и зарубежом, и даже специально выдавались документы для пользования уртонами пересечения границ и уездов для приезда домой на летние каникулы.[16]

Цэвээн Жамсранов в течение многих лет жизни и работы в Монголии вложил много сил, успешно работал в сфере образования и науки и является заслуженным человеком. Монгольский народ также был рад заполучить его знания и образование. Поэтому, он преподнес прошение МИДу на получение монгольского гражданства, вместе с другими бурятами-иммигрантами. Монгольское правительство дало согласие. В 1925 г., 7 мая, Цэвээн вместе с Цогтбадамжав подали заявление в Министерство внутренних дел в каком именно административном районе хотели бы жить. МВД приняло заявление и согласилось дать разрешение на место жительства товарищу Цэвээн в провинции Богдо Хан уул, в районе Богдо хан уул хошуу (нынешний Улан-Батор), а также разрешение Цогтбадамжаву жить в этой же провинции в районе Хутаг-Ундур уул хошуу (нынешний Хэнтий аймак).[17]

Начало обучения детей за границей

В марте 1913 г. из школы МИД выбрали 14 учеников и отправили их учиться в Россию: 8 из них были распределены в город Иркутск, и 5 учеников в Дээд Шивээ (Троицкосавск).[18] Таким образом, впервые монгольские молодые люди поехали в Россию для получения образования. Школа в Дээд Шивээ, куда поехали учиться эти парни, называлась «Реальное училище».[19] Школа в Иркутске, как отмечено в монгольских источниках, называлась «Письменная школа».[20]

Студенты проживали в семьях. Средства за питание, школьную форму, канцелярские расходы выделялись и отправлялись правительством Монголии. Примером служит факт, что в апреле 1914 г., девятерым учащимся в Иркутске было отправлено наличных денег в одну тысячу на нужды за 3 месяца.[21] Учителя Уйдинг и Абашаев, преподававшие монгольким мальчикам в Иркутской школе, потом приехали в Монголию и обучали детей здесь.

Зимой 1913 г. премьер-министр Монголии Сайн ноён хан Намнансүрэн по пути в деловой поездке в Россию, ознакомился с учебой и бытом мальчиков. Губернатор Иркутской области, господин Л.М. Сениязов был награжден орденом «Эрдэнийн очир» за заботу и помощь по воспитанию монгольских детей.[22] Также премьер министр Намнансүрэн выразил почет, уважение и благодарность учительнице А.В. Инкижиновой за исключительное внимание и заботу о монгольских мальчиках, впервые приехавших учиться в Россию.[23]

В иркутской газете «Сибирь» писали: «Хан вечером по приезду принял учеников, посещающих начальные школы в Иркутске, ознакомился с состоянием их учебы, проверил насколько хорошо они изучают русский язык. Дети написали диктант, прочитали его вслух и перевели на монгольский язык.

Некоторые дети прочитали наизусть басни и стихотворения. Хан очень внимательно рассмотрел успехи детей, проучившихся всего 6 месяцев и высоко оценил результаты, которых они достигли за столь короткий срок, и, воодушиившись, он наградил мальчиков 15 руб. каждого».[24]

Первые восемь парней проучились в Сибири 5 лет и по окончании школы вернулись на родину и стали работать в МИДе в отделе телеграмм[25] в различных областях страны. Эти ребята, помимо русского языка, в какой-то мере были обучены французскому, немецкому и другим языкам. МИД обратился к Богдо хану с прошением о награде некоторых из этих ребят, считая, что нужно поощрить их за то, что они обучились русскому языку. Богдо хан подписал это прошение в тот же день красными чернилами.[26] Таким образом, зайсан[27] первой степени Гүрсэд, Жадамба (чиновник отдела телеграмм в Чойре), зайсан третьей степени Чойбалсан, все получили перо павлина[28] для высшего уровня грамотности чиновников и Дамба, Сэрээтэр, Бат Очир-которые служили в ведомстве Их Шаби получили перья последующего уровня.[29]

Здесь нужно уточнить один факт. Некоторые русские исследователи, например Е.М. Даревская, утверждали, что среди парней, учившихся в Иркутске не было будущего государственного и общественного деятеля Монголии Х. Чойбалсана. Дело в том, что они не обнаружили документального подтверждения, что он учился там.[30] Тем не менее имеются много фактов, доказывающие, что Чойбалсан учился в Иркутске, и даже заслуженный историк Г. Навааннамжил писал об этом факте. Один из примеров показывает, что Х. Чойбалсан, когда вернулся в Монголию на летние каникулы в мае 1915 г., подал заявление на получение дорожного разрешения для посещения своей матери, которая жила в месте Суврагчин отог в провинции Сэцэн хан аймак. В заявлении он объяснил, что учится в Иркутске и что желает заполучить приказ о наделении его оседланной лошадью на каждой станции и сопровождающего ямщика. Х. Чойбалсан проучился 5 лет в Иркутске и вернулся на родину в 1917 г.[31] Сохранились много фотографий Чойбалсана, которые были сделаны в Иркутке (приложение).

Вывод

Монгольский народ находился в течение многих лет под властью династии Чин и был оторван от внешнего мира и это, конечно, наложило отпечаток на развитие страны. В 1902 г. Маньчжурское государство организовало в столице школу маньчжурской, монгольской и китайской письменности для деловых нужд.

Суверенное Монгольское государство для просвещения своего народа и для того, чтобы дать образование своим гражданам, смогло внедрить правильную политику, что соответствовало социальной потребности. В то время образованные, ученые люди были нужны как вода и воздух.

В 1911 г., когда страна только что освободилась от многолетней чужеземной зависимости и приобрела независимость, экономическое положение Монголии было очень сложным, тем не менее, государство несколько раз брало займы по 5 млн. руб. от России и определенное количество из этой суммы выделялось на развитие образования и просвещения, создания школ, на затраты лучшим ученикам для обучения за границей, и эта прогрессивная программа стоила того.

Школы создавались за счет государства. Также государство оплачивало учебу студентов в России. Всяческая поддержка частных лиц для создания школ на личные деньги, являлась одним из показателей стремления уничтожить многолетнюю отсталость народа в плане образования.

При созданий своей первой государственной гражданской светской школы, Монголия стремилась следовать опыту таких стран, как Россия, с необходимостью современных требований, с учетом запросов и интересов своей страны. При этом были люди, которые считали, что девочки тоже должны учиться наравне с мальчиками.

Интеллегенты с европейским образованием, такие как Ж. Цэвээн, Эрдэнэбатухан (Никита Федорович Батуханов – *Ж.У.*), приехавшие в Монголию, стали создавать школы по европейскому образу и подобию, и это дало возможность внедрить в стране западные модели школ.

Совершенно новым фактором стало то, что летом 1913 г. отправили учиться детей из школы при МИД Монголии в российские города Иркутск и Троицкосавк. Среди этих детей был будущий государственный деятель Монголии Х. Чойбалсан. Это положило начало образованию монголов в России, где они знакомились с культурой и образованием русского народа.

Историк Н. Хишигт, оценивая важность политики, проводимой государством по развитию образования, писал: «*Возрождая традиции Монгольской государственной школы, люди смогли создать основу гражданского образования. В 1917 г., в общей сложности в 49 местах были созданы начальные школы: 178 – в Түшээтханаймаг, 5 – в Сэцэнханаймаг, 1 – в Засагтханаймаг, 19 – вСайнноёнханаймаг и 7 школ в разных провинциях – в Заябандид, Нарванчин, Хамбаномунхан,*

Эрдэнэмэргэнноён, Шиваширээт, Чинсүжигтномунхутагт. В структуру государственных школ того времени входили средняя школа столицы и специальная военная школа, основанная в 1912 г. Кроме того, есть информация, что обучали людей для работы в сфере производства товаров. Во всяком случае, в стране, где образование ограничивалось домашней учебой и в основном акцентировалось на учениях религиозной проповеди, в течение 1912 – 1920 гг. обучались около 600 чел. в 60 начальных, средних и специальных школах. Таким образом, это явилось важным событием, ознаменовавшим огромную перемену в культурном развитии и мышлений монголов»[32] и эта оценка нами полностью поддерживается.

Приложение

Первые ребята, которые поехали учиться в Россию:
Чойбалсан, Содномдаржаа, Сундуй, Гүрсэд, Сэрээтэр, Бат Очир, Дамба, Жадамба

Х. Чойбалсан вместе с семьей,
с которой жил

Ученик Х. Чойбалсан

Сноски

1. В то время население Монголии составляло около 715 000 чел.
2. Шагдар Ш. Краткая история образования в Монголии. – УБ., 2000. – 73 с.
3. Бира Ш. О некоторых прогрессивных мерах, принятых для развития государственных школ во время

автономного правительства Монголии. – УБ., 1958. – 6 с.
4. Центральный Архив Монголии (YTA). Ф-А3, оп. 1, ед.хр. 377.
5. Газета “Шинэ толь“.– 1914. – № 7.
6. Школа времен автономной Монголии (1911-1920): сб. документов. – УБ., 1966. – 23 с.
7. Школа времен автономной Монголии (1911-1920): сб. документов. – УБ., 1966. – 81 с.
8. Первый зачаток монгольского парламента, который работал с 1914 по 1919 г.
9. Школа времен автономной Монголии (1911-1920): сб. документов. – УБ., 1966. – 81 с.
10. Түвшин С. Политические и социально-экономические взгляды Ж. Цэвээн. // История. – 2002. – 188 с.
11. Центральный Архив Монголии. Ф. А4, оп. 1, ед. хр. 236.
12. Лиштованный Е.И. Монголия в истории Восточной Сибири. – Иркутск, 2001. – С. 94.
13. Новости столицы Нийслэл Хүрээний. – 1915. – № 13.
14. Школа времен автономной Монголии (1911-1920): сб. документов. – УБ., 1966. – С. 127.
15. Центральный Архив Монголии (YTA). Ф-А 4, оп. 1, ед.хр. 391, т. 2.
16. YTA, Ф-А., оп. 1, ед. хр. 41, с. 14.
17. YTA. Ф. 41, оп. 1, ед. хр. 452, с. 3.
18. Один из 8 мальчиков, приехавших учиться в Россию был сыном герцога Түшээт хан аймага, князь Дорлигжав, который вернулся в Монголию весной 1915 г. В декабре 1913 г. мальчик по имени Гочоо прибыл учиться в Иркутск.
19. YTA, Ф-А 4, оп. 1, ед. хр. 236, т. 1.
20. YTA, Ф-А, оп. 1, ед. хр. 41, с. 10.
21. YTA,Ф-А 6, оп. 2, ед. хр. 231, т. 6.
22. YTA, Ф-А 5, оп. 1, ед. хр. 191, т. 1.
23. Чулуун С. Первый премьер-министр Монголии в России (История, фотографии). – УБ., 2014. – Т. 14.
24. «Сибирь». Пребывание Сайнъ Ноинъ хана въ Иркуткскъ.30 Янв.1914.
25. YTA, Ф-234, оп. 1, ед. хр. 28, с.19.
26. Красные чернила – знак согласия Богдо хана.
27. Государственным служащим, которые владели письменностью на вышем уровне, давали чин Зайсан.
28. Отго – павлинное перо, давали высокопоставленным чиновникам и аристократам за заслуги. Прикрепляли к шапкам. Перья различались как одно-, двух- и трехглазое и безлазное.
29. YTA, Ф-234, оп. 1, ед. хр. 28, с. 20.
30. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. – УБ.,2011. – Т. 174.
31. Бат Очир Л. Хорлоогийн Чойбалсан. – УБ., 2010. – Т. 135.
32. Хишигт Н. Государственные школы в Ханской Монголии // Исторические аспекты национальной революции Монголии. – УБ., 2002. – С. 145.

Bibliography

1. Biera Sh. On some Progressive Measures Taken to Develop Public Schools During the Autonomous Governm ent of Mongolia. UB ,. 1958, 6 pp.
2. Central Archive of Mongolia (CAM) Col.-A., Inv.1, St. Un 41, p.10
3. CAM, Col-A., Inv.1, St. Un.41, p. 14
4. CAM, Col.-A 4, Inv.1, St. Un 236, text 1
5. CAM, Col.-À5, Inv.1, St. Un 191, text 1
6. CAM, Col.-A6, Inv.2, St. Un 231, text 6
7. CAM. Col 41, Inv. 1, St. Un. 452, p.3
8. CAM, Col-234, Inv.1, St. Un 28, P.19
9. CAM, Col-234, Inv.1, St. Un . 28, p.20
10. CAM , Col-A3, Inv.1, Storage Units 377
11. CAM . Col-A4, Inv.1, St. Un. 391, text 2
12. CAM. Col A4, Inv.1, Storage Unit 236
13. Chuluun S. The First Prime Minister of Mongolia in Russia (History-Photographs). UB., 2014, P.14
14. Darevskaya E.M. Siberia and Mongolia. UB., 2011, P.174
15. Hieshiegt N. Public Schools in Khan Mongolia. "Historical Aspects of Mongolia's National Revolution" UB., 2002, p. 145
16. Lishtovanny E.I. Mongolia in the history of Eastern Siberia. Irkutsk 2001, p. 94
17. Newspaper "Shiene Tol" .1914 №7
18. "News of the Capital Niyslal Khureeniy" 1915 №13
19. Ochir Bath L.. Horloogijn Choibalsan. UB., 2010, P.135
20. "School of Autonomous Mongolia / 1911-1920 /" Collection of documents UB., 1966,
21. Stay of Sain Noin Khan in Irkutsk. "Siberia". 30 Jan.1914
22. Shagdar Sh. Brief History of Education in Mongolia. UB., 2000, 73 p.
23. Tuvshin S., Political and socio-economic views. Zh. Tseven. "History" magazine 2002, 188.

А.Ф. Поляков, д-р культурологии, доц., e-mail: pafives@rambler.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 008

ИТОГИ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье осуществлен краткий обзор революционных событий начала XX в. и их результатов. Автор приходит к мнению о целесообразности выводов из исторического прошлого и применении позитивного опыта в современной жизни.

Ключевые слова: *самодержавие, революция, республика, буржуазный, советский, социалистический.*

A.F. Polyakov, Doc. of cultural studies, Assoc. Prof.

RESULTS OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN CULTUROLOGICAL REFLECTION

The article gives the brief overview of revolutionary events in the early 20th century and their results. The author comes to the opinion about the expediency of conclusion from historical events of the past and the applications of positive experience in modern life.

Key words: *monarchy, revolution, republic, bourgeois, soviet, socialist.*

Времени, прошедшего с революционных событий 1917 г., вполне достаточно для осмысления степени влияния их результатов на уровень сознания и качества жизни российского общества. Несмотря на неприятие сослагательного подхода в оценке исторического прошлого, возможно выделить три направления, обусловленные определенным типом государственного устройства, которые объективно могли повлиять на потенциальное развитие России: монархический строй, буржуазная республика, социалистическое государство. Однако история все расставила на свои места, впервые осуществив социальный эксперимент, позволивший части человечества организовать свою жизнь в нарушение общепринятого в мире межличностного «закона джунглей», который принял иную форму регуляции отношений на уровне государства и гражданина.

Вопрос о причинах происхождения двух революций начала XX в. достаточно изучен и освещен в средствах массовой информации. Известно, что сторонники монархической концепции государства отмечали успешное развитие страны в этот период началом технического прогресса, увеличением добычи полезных ископаемых, улучшениями в организации социокультурной жизни общества, достижениями в науке, образовании, искусстве (неслучайно 1913 г. в советское время являлся точкой отсчета для показателей экономического роста). В реальности, присущая данному строю консервативность, приверженность старым традициям, медлительность в решении насущных задач и бездарность военачальников обнаружили несостоятельность его в период испытаний, что привело Россию к поражению в целом ряде военных операций Первой мировой войны 1914-1916 гг.

Так называемые республиканцы в борьбе за личную власть (побудившие императора Николая II к отречению) объективно определяли неудачи в самой сущности монархизма. Причиной незакрепленности позиций Февральской революции, как свидетельствуют исторические документы, была пассивность Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским, не видевших стратегию развития общества в новых условиях. Действия Временного правительства были в основном направлены на упразднение прежних государственных институтов: отмене законов, ликвидации разного рода комитетов и охранных отделений, отстранении местных представителей власти от своих обязанностей, что, в результате, вызвало анархию и общую социальную напряженность, особенно после провозглашения войны до победного конца. Уставший от войны народ, деморализованность и массовое дезертирство солдат с фронта внесли дополнительный хаос в создавшееся общественно-политическое положение в стране.

Интересны в историческом плане высказывания министра первого состава Временного правительства П.Н. Милюкова (опубликованные за рубежом в 1983 г.), признавшего, что «твердое решение воспользоваться войной для производства переворота в стране было принято вскоре после начала войны» [1]. Не лишенные объективности его суждения об обстановке того времени выражались в следующем:

– спасение России – в возвращении к монархии, так как масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически;

– события последних двух месяцев доказали, что народ не способен был принять свободу;

– многие, голосующие за республику, делают это из страха [1].

По мнению известного генерала А.И. Деникина, в начале революции Временное правительство пользовалось широким признанием всех здравомыслящих слоев населения, не сбитых с толку воинствующим социализмом (имелся в виду офицерский корпус, представители буржуазии и интеллигенции). Однако последнее обращение Временного правительства через кадетскую газету «Наша речь» свидетельствует об иной ситуации: «Измученные трехлетней войной, солдатская и рабочая массы, соблазненные заманчивыми лозунгами “немедленного мира, хлеба и земли”, справедливыми по существу, но неосуществимыми немедленно, взяли в руки оружие…, стали уничтожать гражданские свободы и угрожать жизни и безопасности граждан, беззащитных перед лицом начавшейся анархии» [1].

Новый взгляд на историю был характерен для большевиков, которые видели прогресс в потенциале пролетариата, союзе трудящихся классов рабочих и крестьян. Имевшие к тому времени сплоченную партию, закаленную в борьбе с прежним режимом, большой опыт работы с массами, они, во главе с талантливым политиком В.И. Ульяновым (Лениным), умело воспользовались сложившейся революционной ситуацией. Эффективность действий большевиков, организация ими июньской демонстрации в разных городах под лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Хлеба, мира, свободы!» показали, что «кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию…» [2].

Окончательный вывод о революционной ситуации в стране можно сделать, исходя из событий последующей Гражданской войны, обнаружившей духовный раскол общества, когда массы беднейших слоев, поверившие в обещания большевиков о раздаче земли в личное пользование, составили основу Красной армии, в то время как зажиточная часть населения, более успешная в наступивших капиталистических отношениях, боролась за сохранение своих материальных интересов. Результат известен: беднейшее население исторически всегда представляет большинство, и при умелом руководстве, как правило, добивается успеха. Казалось бы, справедливость восторжествовала, трудящиеся организовали новое общество справедливости, определенное лозунгом «от каждого по способностям, каждому – по труду».

Однако такой лозунг сложно было воплотить в жизнь по причине отличия индивидов по предпринимательским качествам, тем более, что в стране была провозглашена прерогатива социалистической собственности, которая на практике представляла собой политику уравнивания способностей каждого, а достойное воздаяние за труд осуществлялось под предлогом политической благонадежности в узаконенных границах диктатуры пролетариата. Сложно предположить, какой вектор развития в рамках социализма получила бы страна, проживи ее лидер – «вождь мирового пролетариата» – немного дольше, однако он успел обосновать Новую экономическую политику (НЭП), способствовавшую за короткий срок оживлению экономической жизни страны, созданию предпосылок для развития инициативы и творчества широких масс.

Между тем, в реальности заменивший его «вождь всех народов» (по оценкам одних исследователей, – «талантливая, отличавшаяся последовательностью в поступках и решениях», но, по мнению других, – «заурядная в интеллектуальном и жуткая в моральном плане личность, достигшая абсолютно неограниченной власти с помощью изощренной хитрости и коварства, полуобожествленная народом огромной страны» [3]), придя к абсолютной власти, организовал так называемый государственный капитализм с культом личности и диктатом государственной собственности, в то время как другие ее формы по существу были номинальны.

Вряд ли кто будет отрицать, что сформировавшийся в первые десятилетия в стране государственный строй определялся не только как тоталитарный, но и отличался жесткостью диктатуры, когда под удобным предлогом поиска врагов народа решались вопросы устранения политических оппонентов и задачи по экономическому развитию страны. Разветвленная сеть ГУЛАГа способствовала нескончаемому притоку дешевой рабочей силы, решавшей наиболее трудные проблемы нового государства. (Справедливости ради следует отметить и самоотверженный труд большинства советского народа в

социалистическом строительстве с надеждой на лучшую жизнь). Вполне вероятно, что тоталитаризм последующих лет, пусть и в более мягкой форме, явился одной из причин ликвидации страны в дальнейшем. Разница была лишь в том, что к «неугодным» уже не применяли крайнюю меру, а использовали иные средства: услуги лечебных учреждений определенного направления, либо лишение гражданства с последующей депортацией из страны.

Возникает закономерный вопрос, если большинство народа желает изменить условия своей жизни, значит, это справедливое решение, что и произошло как в 1917 г., так и в 1991 г. Разница лишь в том, что в первом случае под воздействием агитации народ проявил активность, во втором – пассивность.

Известно, что основная функция руководителей государства состоит в поддержании и улучшении условий жизни граждан. Если в прежние времена такими гражданами, как правило, являлись власть имущие и близкие к ним по материальному положению, то с провозглашением социалистических отношений это правило стало распространяться на всех без исключения. Вопрос в том, что государство создает только определенные условия для жизни, а задача граждан заключается в адаптации к ним (аналог концепции культуры А. Тойнби). Важным фактором в таком случае становятся предпринимательские качества личности: наличие или отсутствие таковых.

Согласно социологическим данным, любое общество в своей основе неоднородно, состоит из так называемого активного меньшинства со знаками плюс и минус, и основной массы, отличающейся пассивностью действий. Социалистические отношения были удобны для основной массы населения, окруженной посильной заботой государства, которое решало исключительно все вопросы, предоставляло своим гражданам определенный объем работы, минимально обеспечивало достаточный уровень жизни, что придавало уверенность в завтрашнем дне.

Для активного меньшинства тотальное равенство было неприемлемо по многим причинам: ограничению свободы слова и передвижения, невозможности увеличения материального дохода в желаемом объеме, отсутствии условий для проявления разного рода личных амбиций и т.д.

Со сменой политического и экономического положения в стране в начале 1990-х гг. ситуация изменилась в пользу меньшинства, которое проявило все свои потенциальные возможности, создав за короткое время власть олигархов. Олига́рхия (гр. «*олигос*» – богатый, избыточный и «*архее*» – начало, власть; буквально – «власть богатых») – способ организации власти, характеризуемый тесным взаимодействием государственных органов и относительно небольшой группы лиц, контролирующих экономику [4]. Другими словами, политический режим, при котором власть сосредоточена в руках сравнительно малочисленной группы (например, представителей крупного монополизированного капитала нефтяной и газовой сферы), обслуживает их личные и групповые интересы, а не насущные потребности всех граждан.

В итоге можно сделать вывод, что такая революционная смена политических систем не учитывает интересы всего населения страны, предоставляя приоритеты то одной, то другой из его групп. Безусловно, что более справедливым становится тот строй, который защищает права большинства. Однако в прежней социалистической системе не были созданы реальные условия для проявления способностей активного меньшинства, деятельность которого способствует развитию технического прогресса.

Приобретенный исторический опыт позволил найти оптимальное решение для создания паритета интересов всех слоев населения, что и пытается применять на практике государство Китайская Народная Республика. Переосмыслив негативный опыт Советского Союза, введя в стране социалистическую рыночную экономику, КНР за короткий срок превратилась в передовую промышленную державу. Аналогично поступило руководство Республики Беларусь, отдав предпочтение государственному сектору, но в разумных границах успешно развивая частный бизнес.

Недальновидная политика руководства нашей страны исключила возможность создания паритета интересов общественных групп. Граждане, уставшие от диктата государственной машины и бездействия власти, не пожелали бороться за социалистические идеалы в прежнем виде, делегировав решение о судьбе страны новому правительству, вектор интересов которого был сугубо ориентирован на Западную цивилизацию со всеми вытекающими последствиями капиталистических отношений, в основе которых лежит пресловутый «закон джунглей» [5].

Библиография

1. Временное правительство России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=192 (дата обращения: 31.03.2017).

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 32. – С. 362.

3.Личность Сталина [Электронный ресурс]. – URL: http://www.magref.ru/lichnost-stalina (дата обращения: 31.03.2017).

4. Олигархия [Электронный ресурс]. – URL: http://greater_political.academic.ru/133/ (дата обращения: 04.04.2017).

5. Поляков А.Ф. Концепция развития в культурологическом дискурсе [Текст] // Русско-китайский журнал «Содружество». – Новосибирск, 2016. – № 9. – С. 22-25.

Bibliography

1. The Provisional Government of Russia [Electronic Resource] – Available at: http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=192 (accessed: 31.02.2017).

2. Lenin V.I. Omnibus edition, 5 ed., vol. 32, p. 362.

3. Stalin's Personelity [Electronic Resource] – Available at: http://www.magref.ru/lichnost-stalina (accessed: 31.02.2017).

4. Oligarchy [Electronic Resource] – Available at: http://greater_political.academic.ru/133/ (accessed: 04.04.2017).

5. Polyakov A.F. The Concept of Development in Cultural Discourse [Text] / Russian-Chinese magazine "Commonwealth". Novosibirsk, 2016. - № 9. - p. 22-25.

С.Г. Жамбалова, д-р ист. наук, доц., e-mail: zhambalovas@yandex.ru
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

УДК 94 – 057.4

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ СИМУКОВ: БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

В статье исследуется биография и научное наследие монголоведа А.Д. Симукова (1902-1942) в контексте эпохи революционных перемен. Здесь находят отражение грани его жизни в России и Монголии, кратковременное пребывание в Бурятии: детство, работа в Монголо-Тибетской экспедиции (1923-1926), постоянная работа в Монголии (1926-1941), репрессия. Отмечается выдающийся вклад в изучение Монголии, в том числе как этнолога. Забытое имя возрождается с конца XX в. Издание в 2007 г. в Осаке его трудов в 3-х томах ввело в широкий научный оборот уникальные материалы, в том числе по этнографии первой трети XX в.

Ключевые слова: *СССР, Монгольская Народная Республика, социалистическое переустройство, А.Д. Симуков, биография, научные труды, этнология, репрессия, реабилитация.*

S.G. Zhambalova, Dr. Sc. History, Assoc. Prof.

ANDREI D. SIMUKOV: A BIOGRAPHY OF THE SCIENTIST IN CONTEXT OF TIMES

The article is devoted to a biography of a Mongolist Andrey D. Simukov (1902-1942?) in the context of the era of revolutionary modernization. The article describes his life in Russia and Mongolia, his short stay in Buryatia (childhood, work in the Mongolian-Tibetan expedition (1923-1926)), permanent work in Mongolia (1926-1941), his repression and rehabilitation. The article underlines his outstanding contribution to study of Mongolia. His forgotten name has been revived from the end of the XXth century. The publication in 2007 of his works in 3 volumes has introduced his unique materials, including descriptions of nomadic way of life in the first third of the 20th century, into the wide scientific circulation.

Key words: *the USSR, the Mongolian People's Republic, socialist reconstruction, Andrey D. Simukov, biography, scientific works, ethnology, repression, rehabilitation.*

Биография Андрея Дмитриевича Симукова (1902–1942?) и его труды, предоставляющие уникальные материалы этнологу, изучающему в настоящее время проблемы кочевничества, происходили в то революционное во всех отношениях время в первое сорокалетие XX в. А.Д. Симуков дважды бывал в Бурятии: проездом в Монголию – экспедиция перед заездом в Монголию стояла в приграничном Троицкосавске (Кяхта) в течение месяца, там многие обучились стрельбе; в 1940-1941 гг. в г. Улан-Удэ отбывал срок в тюрьме в течение 8 месяцев.

Статья базируется на литературных источниках, среди которых научные труды А.Д. Симукова, его переписка с П.К. Козловым, мемуары младшего брата Ал.Д. Симукова, известного советского драматурга и киносценариста, статьи дочери Н. Симуковой и публикации российских и монгольских монголоведов. Главным источником являются труды А.Д. Симукова, опубликованные в 3-х томах в Осаке (Япония) в 2007 г., а также статьи о нем, представленные в 1 томе. Здесь 12 статей о жизни и научной деятельности ученого, в 3-х из них дается высокая оценка ему как этнографу и кочевниковеду [2; 4; 8]. За последние два с половиной десятилетия, а особенно в последнее, имя и научное наследие А.Д. Симукова стали широко известны в монголоведных кругах Монголии, Санкт-Петербурга и Москвы. Его исследования сейчас доступны для всех, интересующихся проблемами Монголии.

В.В. Грайворонский пишет об А.Д. Симукове: «…благодаря <…> свободному владению монгольским языком, уже к концу 1920-х – началу 1930-х гг. сумел стать одним из наиболее компетентных знатоков природы, хозяйства и быта Монголии, своеобразной “живой энциклопедией” <…> невольно поражаешься широтой его научных интересов, знаний и умений, преданностью науке, любовью к Монголии и монголам, стремлению сделать жизнь монгольского народа более обеспеченной и счастливой <…> он обладал достаточно обширными знаниями в области географии, геологии, археологии, палеонтологии, зоологии, ботаники, истории, этнографии, экономики, филологии, метеорологии, топографии, картографии, охотоведения, фотографии и др. <…> На наш взгляд, А.Д. Симукова можно считать одним из первопроходцев и создателей молодой монгольской науки» [2, с. 75-76.]. Считаю вполне оправданным такое обширное цитирование известного монголоведа. Здесь в целом дается емкая и объективная характеристика человека и его работ, посвященных традиционному монгольскому скотоводству, особенностям пастбищ, изучаемых для поисков путей интенсификации экономики страны в новых политических условиях.

С.И. Лхагвасурэн выявляет вклад А.Д. Симукова в изучение этнографии. Он подчеркивает, что Монголия была не просто объектом исследований, он знал ее «насквозь, вдоль и поперек». Важно то, что результат его трудов был направлен на сбор и анализ материалов, в том числе полевых этнографических, оптимально направленных на рациональное использование природных ресурсов на пользу народного хозяйства. В числе изученных и описанных им этнографических тем – традиционное пастбищное скотоводство, структура поголовья скота, сезонные кочевки и их организация, использование пастбищных угодий, традиционное жилище монголов, питание и кухня, ассортимент пищепродуктов, способы и методы переработки молочных продуктов и т.д. [4, с. 88, 85].

Несмотря на обзор публикаций, выявляющий солидную историографию вопроса, А.Д. Симуков еще недостаточно знаком широкому кругу читателей в России, в том числе в Бурятии, а его уникальные исследования по номадизму Монголии в недостаточной мере цитируются этнографами. Это во многом обусловлено тем, что не вся литература доступна на периферии. В этом заключается актуальность данной статьи, цель которой познакомить научных работников, аспирантов и студентов нашего региона с биографией, творческим путем и наследием А.Д. Симукова, с историографией публикаций о нем.

Имя ученого долгое время замалчивалось. Несмотря на относительно скорую реабилитацию (1956) первое упоминание о нем появляется в 1971 г. в воспоминаниях Н.П. Шастиной о Монголии [9]. Далее на излете советской власти появляется большое количество работ о нем, которое значительно возрастает с 2007 г. за счет статей, включенных в 3-томное издание трудов, способствующих дальнейшему исследованию наследия ученого. Один из списков литературы о его жизни и научной деятельности включает 89 наименований на русском, монгольском и иностранных языках. На самом деле работ становится все больше.

Забвение А.Д. Симукова было обусловлено его репрессией. Он, невинный, был арестован в Улан-Баторе 19 сентября 1939 г. НКВД советской группы войск в МНР по обвинению в шпионаже (ст. 58-1а УК РСФСР). Согласно официальных данных, с 22 апреля 1940 г. он находился в тюрьме в г. Улан-Удэ, 4 января 1941 г. заочно осужден на 8 лет и в феврале 1941 г. этапирован в пос. Абезь Коми АССР в ПечорЛаг. Умер 15 апреля 1942(?) от «паралича сердца». Однако его дочь Н.А. Симукова ставит знак вопроса на этой дате. Она пишет, что не имеет оснований доверять указанным в документе дате и причине смерти. За долгие годы розысков и запросов мать и жена А.Д. Симукова получили 3 разных варианта даты его смерти, а в заключениях о смерти репрессированных часто вписывали такой же, как у него диагноз. Это была общая практика. Она пишет: «Достоверно одно: 24 апреля 1941 года, накануне своего 39-летия, отец был еще жив. В этот день он отправил родным вторую (и последнюю) открытку из пересыльного лагеря в Архангельске: «еду на северовосток». А через два месяца началась война» [7, с. 22]. Реабилитация состоялась благодаря многолетнему ходатайству семьи, начатому в 1954 г.,

впоследствии поддержанному коллегами и друзьями Е.В. Козловой, С.А. Кондратьевым и Н.П. Шастиной. Они послали письмо в военную прокуратуру Забайкальского военного округа помощнику прокурора тов. Обухову. Справка о реабилитации А.Д. Симукова «за отсутствием состава преступления» подписана 17 декабря 1956 г. [11].

Благодаря мемуарам младшего брата Алексея Дмитриевича Симукова (1904–1995) [6], известного советского драматурга, киносценариста, мы располагаем подробной историей семьи. Книга, над которой он работал в 1980-х – начале 1990-х гг., прошла окончательную редакцию в 2007 г., которую осуществлял с редактором его сын Дмитрий. Активное цитирование данной книги оправдано тем, что она опубликована только в 2007 г., когда 3-томное издание было, наверно, уже осуществлено. Обе работы вышли в свет в одном году. В книге Ал. Симукова представлена широкая картина жизни в Санкт-Петербурге начала XX в., где они, два брата и сестра, родились в семье чиновника Министерства финансов и преподавательницы гимназии. Затем описывается их жизнь в селе Сигеевке Могилевской губернии, где семья в революционное время, после 1917 г., жила крестьянским трудом. В конце 1920-х гг. семья переехала в Москву, а Андрей жил в Москве с осени 1920 г. О старшем брате Андрее Алексей пишет, как о цельной личности, который с подростковых лет «нес в себе интерес ко всему живому» – отец привил детям «интерес ко всему скачущему и стрекочущему». Он пишет: «У Андрея это стало основной доминантой жизни: открывать, найти, понять, изучить! <…> При Временном правительстве, помню, он был избран комиссаром скаутов (в 15 лет) Северного района Петрограда. Интерес к скаутам тоже связан с природой. Каждый искал – и находил! В деревне Андрей первое время болел туберкулезом. <…> Андрей с жаром отдался косьбе <…>, научился хорошо косить, даже ходил на заработки. И болезнь отступила. <…> В Сураже Андрей был активистом (среди комсомольской молодежи – *С.Ж.*)» [6, с. 26].

Материалы дочери ученого и его брата Ал. Симукова дополняют друг друга и взаимно верифицируются. Она пишет: «Географией и естественными науками Андрей увлекся с детства под влиянием отца, который привил сыну любовь к природе и умение разбираться в ней. Он же подарил восьмилетнему Андрею книгу П.К. Козлова “Монголия и Кам”. В 13 лет Андрей совершал самостоятельные экскурсии в окрестностях Петрограда в одиночку или с друзьями, с которыми организовал “Общество любителей естествознания”. В детских дневниках его – планы местности, наблюдения за природой, “географические обзоры” и зоологические очерки, десятки тщательно выполненных карт. В доме и, особенно, на даче (снимали в Суйде) постоянно жила, кормилась, выхаживалась разнообразная живность» [7, с. 15]. Далее она пишет, что будущий ученый сам сознательно готовил себя к путешествиям: «К жизни путешественника Андрей готовился деятельно и целеустремленно. К 12-13 годам он освоил простейшую планшетную съемку, технику гербаризирования и сбора энтомологических коллекций, знал все виды птиц окрестностей Петрограда. Чтобы закалить себя физически и приучить к походной жизни, он занялся спортом, вступил в отряд бойскаутов. Летом 1917 года ездил с ними на полевые работы на Украину» [7, с. 16]. Знание таких биографических данных делает понятным личность крупного ученого, неустанно в трудных условиях, в том числе в полевых экспедиционных в чужой стране, на небольшие деньги, за довольно короткий срок выполнившего огромный объем работ, который был им проанализирован и подготовлен к изданию, часть их публиковалась без задержки.

В 1923 г. П.К. Козлов собрался продолжить работу Монголо-Тибетской экспедиции, прерванную Первой мировой войной и формировал группу для работы в ней. Конкурс был большой, и, как считает Ал. Симуков, его старший брат «ощущал, что вот оно то, к чему стремился всю свою жизнь». Для участия в экспедиции, куда он был зачислен ботаником-коллектором, А.Д. Симуков оставил обучение в Механико-электротехническом институте им. М.В. Ломоносова в Москве, где проучился 2 года. Ал. Симуков считает, что пройти конкурс в экспедицию отчасти помогло то, что «П. Козлов помнил Александра Яковлевича Миллера, нашего дядю, бывшего в свое время генеральным консулом России в Монголии. Это сыграло свою роль, но и сам Андрей, очевидно, произвел впечатление. Высокий, интеллигентный, владеющий несколькими языками, понимающий все с полуслова. Словом, в 1923 г. Козлов взял в свою экспедицию Андрея, которому был в ту пору 21 год, и с тех пор Монголия стала смыслом его жизни» [6, с. 26-27]. В 1923 г. А.Я. Миллер, брат матери Н.Я. Симуковой, консул России в Монголии (Урга) с июня 1913 г. по август 1916 г., написал письмо племяннику, в котором делился опытом путешествий по Монголии, просил о вежливом отношении к народу, предупреждал, что «французский путешественник Детройль де Ренс был убит своими верблюжниками за скверное с ними обращение. Мягкий нажим, но не брань и не драка. Туземцы очень ценят человеческое с ними обращение», и добавлял «но не давай себя надувать» [6, с. 26-27].

С 1923 по 1926 г. в течение 3-х лет А.Д. Симуков выполнял в экспедиции работу археолога, ботаника, зоолога, топографа, метеоролога, географа. Участник раскопок Ноин-Ула, могильника гуннской знати, проводившихся в 1925-1926 гг. под руководством П.К. Козлова в 130 км к северу от Улан-Батора. Один из могильников (Андреевский) назван его именем. В совершенстве владел немецким, французским и другими языками – в семье разговаривали на этих языках, особенно бабушка Миллер, учил в Монголии английский, овладел монгольской речью. Осенью 1926 г., когда завершилась работа экспедиции, он принял приглашение Ц.Ж. Жамцарано остаться для научной работы в МНР, как он предполагал, наверно, на несколько лет, а не на всю оставшуюся жизнь.

В 1926 г. А.Д. Симуков на короткий срок, и как оказалось единственный раз, из Монголии, приехал в Москву. 2 марта они с Меланией Алексеевной, Милей, регистрируют брак [7, с. 17]. В нее он был влюблен с давних пор, впоследствии она, как следует из письма А.Д. Симукова П.К. Козлову в 1927 г., а также из воспоминаний дочери, приехала в мае на жительство к нему в Монголию. После смерти первенца, ради сохранения жизни новорожденной дочери, по обоюдному решению она была вынуждена вернуться на родину в Советский Союз. Несмотря на долгое проживание в отдалении от мужа, она до конца оставалась вместе с дочерью его семьей, к которой впоследствии присоединились муж, дочка, внук дочери, которая сделала много для спасения и увековечения его имени. Н. Симукова пишет: «Я склоняю голову перед памятью моей матери Мелании Алексеевны Симуковой. В непредставимых сегодня условиях она сохранила письма и фотоархив отца и вложила в мое сердце всю силу своей любви к нему и к Монголии. Всем, что мне удалось сделать для воскрешения имени и работ А.Д. Симукова, я обязана прежде всего ей» [7, с. 26]. Биография А.Д. Симукова ценна еще и тем, что она иллюстрирует объективную картину крепкой, дружной, подлинно интеллигентной семьи, все члены которой уникальны и преданы друг другу. Н.Д. Симукова пишет: «Работая над архивом отца, я имела счастье оценить всю глубину понимания и преданности моей семьи» [7, с. 25].

20 марта 1927 г. А.Д. Симуков пишет из Монголии П.К. Козлову: «Снял неподалеку от Учкома чудесный отдельный домик и живу там с моим близким другом (экспедиция его не знает), его 14-летним братишкой и нашим дорогим Фу-чином. Жду не дождусь жену. Без нее жизнь какая-то половинчатая» [10, с. 104]. 3 июля 1927 г. жена уже работает у него в экспедиции фотографом и коллектором по ботанике [10, с. 106]. Вместе с ним ведет полевой экспедиционный образ жизни. В Монголии у них родился сын Алтай, который умер 3-х лет от сепсиса после скарлатины – в стране было плохо с лекарствами. Поэтому, когда родилась дочь, которую он хотел назвать Гоби, но жена попросила дать ей имя его матери Натальи, он решил отправить семью в СССР [6, с. 27; 7, с. 19]. Из писем М.А. Симуковой, супруги, следует: «Андрей занят всегда по уши, и “выходных дней” у меня нет... Работает он много, настойчиво и с огромным увлечением”, “у него всегда была работа превыше всего”» [7, с. 20]. А.Д. Симуков, издавший к тому времени ряд фундаментальных трудов о Монголии, намеревался в 1936 г. вслед за семьей вернуться в СССР для воссоединения и для продолжения учебы. Его подвижнический труд в Монголии был отмечен государственным орденом «Полярная Звезда» (1936). Отъезд не состоялся из-за большого объема работ в стране и отсутствия заменяющего его человека [7, с. 21].

С 1990 г. Н.Д. Симукова провела большую работу по сбору и подготовке к изданию трудов отца. Во многом благодаря ей «в монголоведную науку вернулось не только его имя, но и его бесценное рукописное наследие, разысканное монгольскими и российскими учеными и ею самой в архивах и библиотеках Монголии и России. Вместе с журнальными публикациями 1920-х и 1930-х гг. рукописи работ составили три тома (фактически 4 многостраничные книги формата А4). Эта публикация стала возвращением автору его научного достояния» [11, с. 102].

Через несколько лет после отъезда семьи А.Д. Симуков сблизился с монголкой, в 1937 г. родилась «вторая дочь Доржпалам» [7, с. 21]. Ал. Симуков пишет: «Куда делась мать девочки, я не знаю. Доржпалам воспитывалась в китайской семье. Она выросла, стала врачом, вышла замуж. Муж ее был заместителем министра высшего образования в Монголии. Она не раз приезжала в Москву, останавливалась в семействе Мили. Когда подросли ее дети, связь не прервалась, она стала еще ближе. Баяр закончил факультет журналистики в Улан-Баторе, дочь Оюун получила образование в Университете в Праге, я видел ее фотографию в каком-то журнале — она мастер каратэ, сын Зориг закончил философский факультет МГУ в Москве» [6, с. 27].

А.Д. Симуков, как пишет К.Н. Яцковская, «был так пленен Монголией, полюбившимся ему монгольским языком, что подчас в своих текстах оставлял монгольские реалии без русской транскрипции. Может быть, он был первым ученым, применившим кириллицу для монгольской письменности» [11, с. 102]. Он заходил в юрты к монголам, подолгу беседовал с ними. Она предполагает, что его самой большой любовью была Гоби, куда он многократно выезжал в экспедиции. В дневниках ученого есть запись: «Над Хангаем почти всегда облака. Под чистым светлым небом чувствуются жаркие сухие

просторы Гоби. Как все-таки тянет туда!» [11, с. 106]. Из писем А.Д. Симукова П.К. Козлову видно, что он любил всем сердцем страну. Он писал: «Хочется снова к южной границе, в Центральную Гоби, поближе к Шара-хулусуну, на дикий простор, такой знакомый и близкий. <…> Моя судьба здесь не лишена интереса. Через неделю после отъезда экспедиции <…> я уехал в новую экспедицию-разъезд в Дашидогунский золотоносный район. Повторяться не буду, вспомню лишь, какое наслаждение было созерцать тихим осенним вечером, сидя у палатки после трудового дня, громаду *Ихэ-богдо*, столь знакомую Вам, уже покрытую снегом. Правда, до нее было верст 150, но в Гоби это ведь не мешает! Или вспомните осеннее золото лесов Хангая с белоснежными гольцами на заднем плане. Сидя вечером с *ганзой* в зубах около огонька в нашем «*хуху-майхане*» и разговаривая одновременно на трех языках (русском, немецком и монгольском), я чувствовал себя в своей атмосфере» [10, с. 107]. Однако наиболее убедительной причиной, конечно, является его научный интерес многопрофильного ученого, получившего огромный опыт работы в экспедиции, где в его «университете» на него оказывали благотворное влияние старшие товарищи, в том числе С.А. Кондратьев [11, с. 101]. А.Д. Симуков высоко оценивал школу, «университеты», которые прошел у П.К. Козлова, это отражено в письмах к знаменитому путешественнику [10, с. 102].

Ал. Симуков отмечает, что, не считая кратковременной поездки в Москву в 1926 г., он прожил безвыездно в Монголии с 1923 по 1939 г. Был руководителем и участником 15 больших экспедиций, охватывающих почти всю территорию Монголии. Помимо «Географического атласа Монгольской Народной Республики» (Улан-Батор, 1934) и «Общей карты МНР» (Улан-Батор. 1937) он опубликовал около 30 статей, подготовил к печати капитальный труд «Географический очерк МНР» – свод знаний о природе, населении и хозяйстве страны. Далее он пишет: «Этот труд, так же как и учебник по географии Монголии, написанный и переведенный им на монгольский язык, остались неизданными, но были подхвачены и использованы охотниками до чужого добра. В ученой среде их тоже немало» [6, с. 27].

Н.А. Симукова замечает: «По свидетельству монгольских и российских ученых – географов, геологов, палеонтологов, историков, монголоведов – труды А.Д. Симукова не лежали без дела в течение прошедших десятилетий, ими активно пользовались, и это прекрасно! К сожалению, часто без ссылок на автора. Многие страницы хранят пометки пользователей, часть листов отсутствует. Особенно пострадал «Географический очерк Монгольской Народной Республики». А работа «Остатки ископаемой фауны в Ширэгин Гашунской впадине» с множеством чужих пометок вообще была найдена в архивной папке первооткрывателя Нэмэгэту»[7, с. 24].

Сегодня труды А.Д. Симукова доступны специалистам для научного пользования. Кроме того, они будут интересны широкому кругу читателей. К.Н. Яцковская объективно отмечает: «Труды прочитываются как одна бессмертная книга, на страницах которой живет сам автор со своим сердцем, покоренным Монголией, с его добрыми чувствами к людям, по традиции радушно и гостеприимно встречавшим у себя в юрте бесстрашного путешественника. Дневниковые записи, сделанные автором во время экспедиций, долго не отпускают от сложившихся текстов. Поражает целеустремленность и настойчивость, удивляет всеохватность интересов молодого ученого» [11, с. 102].

Важнейшую роль в современных исследованиях номадизма уже играет и еще сыграет публикация в 2007 г. ранее опубликованных трудов и неопубликованных рукописей, хранящихся в архивах А.Д. Симукова, Государственным музеем этнологии в Осаке в 3-х томах, при этом 3-й том состоит из 2 книг. Таким образом, основные работы ученого введены в широкий научный оборот. Издание состоялось благодаря многолетнему труду Н.А. Симуковой и Юки Конагая, известного японского монголоведа, а также монгольских ученых Санжаасурэнгийн Баяраа и Ичинхорлоогийн Лхагвасурэн. Публикация, введение, примечания Т.И. Юсуповой, Н.А. Симуковой. В издание включены также статьи специалистов о многогранной научной деятельности ученого, его вкладе в изучение физической и экономической географии страны, кочевого скотоводства и земледелия, пастбищ, картографии, флоры и фауны, этнографии Монголии.

В сентябре 2007 г. на международном симпозиуме «Социалистическая модернизация в Монголии. А.Д. Симуков и его труды» состоялась презентация книги. Профессор Юки Конагая в своем докладе по достоинству оценила значение работ ученого, рассказала о 15-летней работе по сбору и изданию архива, целью которой было стремление собрать в одном издании все работы исследователя, предоставить их для глубокого и разностороннего изучения ученым-монголоведам. Н.А. Симукова, проживающая в США, Бостон, член Американского общества монголоведов, представила презентацию «Андрей Дмитриевич Симуков, жизнь и труды». Она рассказала о становлении личности ученого, показала уникальные фотографии из семейного альбома и поделилась воспоминаниями членов семьи.

Она отметила, что ее отец не только изучал Монголию, он жил в стране, знал изнутри ее проблемы, работал для ее блага, пользовался любовью и доверием населения [3].

Все материалы А.Д. Симукова являются уникальными и они, несомненно, станут одними из цитируемых современными специалистами разных профилей. Однако особенно ценными представляются материалы по этнографии, в том числе по номадизму, так как были собраны, зафиксированы и проанализированы до 1940-х гг., когда традиционная культура у монголов была основой повседневной жизни. Многое безвозвратно отошло в прошлое. Даже в то время А.Д. Симуков отмечает: «Весь этот многовековой опыт не является, конечно, достоянием каждого пастуха, но отдельные скотоводы владеют им иногда в значительной степени» [1, с. 335]. Это может быть свидетельством того, что не все и каждый знали тогда тонкости традиционного ведения кочевого скотоводческого хозяйства. Этих людей ему удавалось найти. Во 2 томе трудов А.Д. Симакова среди других представлены следующие разделы, каждый из которых имеет прямое отношение к изучению номадизма: «Пастбища»; «Скотоводство»; «Кочевки и хотоны»; «Очерки аймаков МНР»; «Хозяйство, культура и быт населения»; «Фотографии».

Вот только некоторые выдержки из его работы «Схематическая карта комплекса растительных ассоциаций территории Монгольской Народной Республики», подготовленной к печати на рубеже 1931-1932 гг. по полевым материалам 1931 г. совместно с В.И. Барановым [1]. В оглавлении имеются указания автора каждого раздела. Интересующие этнолога разделы написаны А.Д. Симуковым. Будучи ученым многогранным, он со знанием дела пишет о качестве пастбищ, об историческом хозяйственном опыте монголов, знающих все свойства растений, умеющих правильно их использовать. Он отмечает разные свойства кормовых трав и обусловленность сезонного кочевания этим обстоятельством. Им выявлены важные народные знания, которые могут иметь практическое значение в современном мире. Приведем здесь некоторые его интересные материалы о календарном режиме выпаса домашнего скота, обеспечивающего необходимый уход.

В северной степной части весной мелкий рогатый скот и лощадей выпасают на мелкой полынке *аги*, она помогает им за 2 недели оправиться от зимнего истощения. Скотоводы стараются кочевать близ них. Весной же они стремятся, чтобы скот питался свежей зеленью вперемежку с ветошью, чтобы не было поносов. Осенью овец для нагула и закрепления жира выгоняют к солончакам на поросли одной уже покрасневшей солянки (*хирис*). Выгон на солончаки весной не рекомендуется, тогда нутро перегорает от *гуджира*. Далее он отмечает еще более сильную дифференциацию выпаса в Гоби. Солянка *багалур* – очень сильный верблюжий нажировочный корм. Но злоупотребление им может привести к падежу. Поэтому время от времени верблюдов выгоняют на заросли *боро* и *улан бударганы*. Многие зажиточные гобийские хозяйства нередко делят скот надвое и живут «на два дома», мелкий рогатый скот и лошади пасутся в горах, а верблюды на жарких гобийских равнинах. Кроме того, конские табуны, плохо переносящие засуху, часто угоняются очень далеко от хозяйства, которому они принадлежат, на подходящий им корм. Ученый замечает, что таких примеров очень много – правила меняются в зависимости от ландшафта и прочих условий и образуют в совокупности как бы неписанную инструкцию [1, с. 334-335].

В первой трети XX в., в то революционное время, изыскания ученого, безусловно, имели в первую очередь экономический интерес, они служили обоснованием создания оптимальных основ социалистического хозяйства страны. Это был социально-экономический заказ. Хотя и в то время научная ценность исследований не подвергалась сомнению. В настоящее время на первый план, конечно, выходит их научная ценность, так как в силу модернизации и глобализации некоторые реалии того времени исчезли безвозвратно, другие трансформировались. В то же время сегодня, когда в отсутствии достаточного количества рабочих мест на посткоммунистическом пространстве Центральной Азии сельское население для выживания активно возрождает кочевое экстенсивное скотоводство, уникальные наблюдения ученого вновь представляют социально-экономический интерес.

Для современной науки, пытающейся изучить кочевой образ жизни в современном глобальном мире очень ценно замечание А.Д. Симукова о важности использования традиционных знаний кочевников в модернизирующемся хозяйстве страны, их многовекового опыта, полученного в результате длительной адаптационной деятельности. Он писал: «Было бы весьма интересно зафиксировать его возможно более полно, критически рассмотреть, проверить и обосновать научно наиболее ценную часть этого опыта для применения в повседневной практике <…> (он поможет – *С.Ж.*) наиболее полно и рационально использовать все особенности естественного растительного покрова <…> целесообразно использовать при новых, социалистических методах скотоводческого хозяйства лучшее из старого кочевого скотоводческого опыта» [1, с. 335].

Ученый пишет не только о специфике пастбищ Монголии, их посезонном использовании, глубоком знании и умении кочевников использовать их. В его работах есть уникальные материалы о способах и особенностях кочевания в разных районах страны. Он выявил 6 типов кочевок: Хангайский, Степной, Западный, Убурхангайский, Восточный и Гобийский [4, с. 87]. В результате продуманной тщательной работы ему становится ясна «примерная нормальная схема кочевок». Он описывает региональную специфику кочевания, которая отличается, прежде всего, радиусом кочевания, обусловленного площадью выгонов. Он замечает: «… средний радиус не превышает в нормально обеспеченный кормами год 30 км. В случае засухи размеры этого радиуса скачком увеличиваются до 100 и даже 200 км. Вообще, засуха <…> вносит в кочевки элемент беспорядочности, лихорадочности и хаоса» [1, с. 335-336]. Годовое число перекочевок сильно колеблется в зависимости от ряда факторов. В среднем бывает не менее 4-х посезонных перекочевок, чаще 6-8. Здесь играют роль состояние кормов данного места, количества скота в хозяйстве, плотность населения, личные наклонности хозяев и др. [1, с. 336]. Научные работы А.Д. Симукова можно цитировать много. Однако и приведенного достаточно для получения общей картины.

Приведенные в статье материалы включают в себя картины, иллюстрирующие широкий спектр тем. В первую очередь это добрососедские российско-монгольские отношения в послеоктябрьское время в первой трети XX в., когда одна страна предоставляла другой кадры для подготовки научного обоснования путей становления нового социалистического государства. Не менее актуальна сама биография человека, его портрет в контексте исторического времени. Жизненный подвиг А.Д. Симукова – идеальный пример для людей, ищущих дорогу в жизни. Здесь и объективные положительные примеры межпоколенной связи семьи, преданность ее членам. История и повороты судьбы человека, родившегося и работавшего в революционную эпоху, которая в конечном итоге погубила его, и возвращение имени и научного наследия к жизни, благодаря подвижничеству семьи и коллег-монголоведов, на следующем витке истории в новых социально-политических и исторических условиях стран. Научная ценность наследия А.Д. Симукова очевидна и требует широкого введения в научный оборот в современных работах.

Библиография

1. Баранов В.И., Симуков А.Д. Схематическая карта комплексов растительных ассоциаций территории Монгольской Народной Республики // Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. – Т. 2.– Осака: Государственный музей этнологии, 2007. – С. 328-340.
2. Грайворонский В.В. О вкладе А.Д. Симукова в изучение кочевого животноводства и земледелия в Монголии // Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. – Т. 1. – Осака: Государственный музей этнологии, 2007. – С. 75-83.
3. Дашибалов Б.Б., Лхагвасурэн И. Международный симпозиум «Социалистическая модернизация в Монголии. А.Д. Симуков и его труды» [Электронный ресурс]. – URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2007/EOO2007_5b.pdf Сентябрь 2007 г. (дата обращения: 12.04.2017).
4. Лхагвасурэн С.И. А.Д. Симуков – этнограф. – Там же. – С. 85-89.
5. Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. – Т. 2. – Осака: Государственный музей этнологии, 2007. – 636 с.
6. Симуков А.Д. Чертов мост, или Моя жизнь, как пылинка Истории (Записки неунывающего) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rulit.me/books/chertov-most-ili-moya-zhizn-kak-pylinka-istorii-zapiski-neunyvayush-chego-read-360642-1.html (дата обращения: 11.04.2017).
7. Симукова Н.А. Андрей Дмитриевич Симуков, жизнь и труды // Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. – Т. 1. – Осака: Государственный музей этнологии, 2007. – С. 15-29.
8. Ульзийхутаг Н. Пастбищное скотоводство все еще остается одной из экономических основ Монголии. – Там же. – С. 67-68.
9. Шастина Н.П. Из воспоминаний о Монголии // Книга братства. – М.; Улаанбаатар, 1971. – С. 206-218.
10. Юсупова Т.И., Симукова Н.А. Письма А.Д. Симукова П.К. Козлову и Е.В. Козловой // Монголика-VII: Сб. ст. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 144 с. – С. 102-109.
11. Яцковская К.Н. Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А.Д. Симукова // Mongolica. – 2013. – № 10. – С. 101-108.

Bibliography

1. Baranov V.I., Simukov A.D., The schematic map of the of territory plant associations complexes of the Mongolian People's Republic // Simutov A.D. Proceedings on Mongolia and for Mongolia. V. 2.- Osaka: The National Museum of Ethnology, 2007. - P. 328 - 340.

2. Greyvoronsky V.V. The contribution of A.D. Symukov to nomadic livestock and farming in Mongolia study // // Simukov A.D. Proceedings on Mongolia and for Mongolia. V. 1.- Osaka: The National Museum of Ethnology, 2007. - P. 75- 83.

3. Dashibalov B.B., Lhagvasuren I., International Symposium "Socialist Modernization in Mongolia. A.D. Simukov and his works. Available at: http://journal.iea.ras.ru/online/2007/EOO2007_5b.pdf. September 2007 (accessed: 12.04.2017).

4. Lhagvasuren S.I., A.D. Simukov is an ethnographer // Ibid. P. 85-89.

5. Simov AD. Proceedings on Mongolia and for Mongolia. V. 2. - Osaka: The National Museum of Ethnology, 2007. - 636 p.

6. Simoukov A.D., "The devil's bridge, or My life, like a speck of History (Notes of a cheerful person)" [Electronic resource]. Available at: http://www.rulit.me/books/chertov-most-ili-moya-zhizn-kak-pylinka-istorii-zapiski-neunyvay-ushchego-read-360642-1.html (accessed: 04/11/2017).

7. Simukova N.D., Andrei Dmitrievich Simukov, life and works // // Simukov A.D. Proceedings on Mongolia and for Mongolia. V. 1.- Osaka: The National Museum of Ethnology, 2007. - P. 15-29.

8. Ulzijhutag N., Pasture cattle breeding still remains one of the economic foundations of Mongolia. Ibid. P. 67-68.

9. Shastina N.P., From memories of Mongolia / / The book of brotherhood. - M .; Ulaanbaatar, 1971. - P. 206 - 2018.

10. Yusupova T.I., Simukova N.A. Letters from A.D. Simukova to P.K. Kozlov and E. V. Kozlova // Mongolia-VII: Sat. Art. - SPb .: Petersburg Oriental Studies, 2007. - 144 p. - P. 102 - 109. - P. 104.

11. Yatskovskaya K., Reading " Proceedings on Mongolia and for Mongolia " by A.D. Simukov // Mongolica. - 2013. - No. 10. - P. 101 - 108.

Т.В. Паликова, д-р ист. наук, доц., e-mail: palikova@mail.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 947(571.54)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ВЕРХНЕУДИНСКЕ В ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

В статье рассмотрена эволюция нормативно-правового регулирования управления городами и его реализация в первые десятилетия установления Советской власти. На начальном этапе законодательно были созданы новые органы городской власти – Советы. Серия постановлений и положений Советской власти определила социальный состав избирателей и будущих депутатов Советов, ограничив социально-классовый состав депутатского корпуса; расширила компетенции советов; определила советы как юридические лица; изменила пропорции избрания. Законодательство закрепило за Советами их определяющую роль, согласно которой они являлись «органами пролетарской диктатуры», выполнявшими не только административно-хозяйственные, но и функции идеологической мобилизации населения.

Ключевые слова: *законодательная база, управление городами, первые десятилетия XX в., советская власть.*

T.V. Palikova, Dr Sc. History, Assoc. Prof.

THE LEGISLATIVE BASE OF URBAN MANAGEMENT AND ITS IMPLEMENTATION IN THE FIRSTS SOVIET YEARS

The paper presents the evolution of urban management legal regulation and its implementation in the first Soviet years. At the initial stage new legislative bodies of the city power – the Soviets were created. Decrees and regulations of the Soviet government determined the social composition of voters and future members of Councils towards the social and class restrictions of the Deputy corps; expanded the competence of the councils; identified the councils as a legal entity; changed the proportions of election. . Legislation assigned to the Soviets their decisive role, according to which they were "organs of the proletarian dictatorship", performing not only administrative and economic, but also functions of ideological mobilization of the population.

Key words: *legislative base, urban management, first Soviet years.*

Освоение забайкальских территорий, начавшееся в середине XVII в., сопровождалось инкорпорацией их в состав Российской империи и строительством закрепляющей этот процесс сети городов. Управление городами на столь отдаленной территории, обладавшей рядом специфических черт, предопределило особенности внедрения созданной законодательной базы на ранних стадиях, постепенно снимавшихся в ходе их развития. Поэтому одновременно с другими губернскими и провинциальными

городами в Верхнеудинске Забайкальской области (1875) было введено Городовое положение (1870), определившее новые основы управления городами Российской империи, которое с некоторыми дополнениями и изменениями в сторону ужесточения (1892) просуществовало до 1917 г. Несмотря на все недочеты законодательства, городское общественное управление сыграло положительную роль в подъеме городского хозяйства и повышении инициативности горожан, по крайней мере, непосредственных участников городского управления. Исследование данной проблематики на материалах Забайкалья в целом и Верхнеудинска в частности имеет давнюю традицию, определенный круг ученых, занимающихся разными проблемами городской жизни [1]. Учитывая это обстоятельство, поставлена цель реконструкции процесса формирования городской законодательной базы первых десятилетий советской власти, которая обращала особое внимание на город как место сосредоточения социальной основы нового строя – рабочих, и вполне осознавала его значимость как административно-политического центра определенной территории, о чем свидетельствует разработка и утверждение 11 только наиболее крупных законов в условиях крайней экономической нестабильности.

Одним из первых крупных законодательных актов можно считать утвержденное ВЦИК 26 января 1922 г. «Положение о Советах губернских, уездных, заштатных городов и поселков городского типа» [2], в соответствии с которым организованы Городские Советы Рабочих и Красноармейских Депутатов. Городской Совет являлся высшим органом власти в пределах города и объединял все трудящиеся массы, независимо от национальности и вероисповедания, для участия в государственном управлении и административно-хозяйственном строительстве. На основе предложенных пропорций, Городской Совет Верхнеудинска избирался сроком на 1 год из расчета 1 депутат на каждые 200 избирателей. Для активизации работы депутаты создавали секции и комиссии временного характера. За небрежное выполнение обязанностей (неявка на заседания без уважительной причины) депутат подвергался мерам дисциплинарного характера: выговор с занесением в протокол собрания, выговор с опубликованием в печати, исключение из членов Городского Совета, о чем сообщалось в печати для извещения избирателей. Это было несомненное новшество, так как подобная практика в дореволюционном законодательстве отсутствовала. Правда, архивные материалы не сохранили сведений о применении таких мер к депутатам Верхнеудинского Горсовета.

В Верхнеудинске в соответствии с § 8 Положения самостоятельные исполнительные органы не создавались, так как существовал аппарат республиканского Исполнительного Комитета.

Декретом ВЦИК от 11 августа 1924 г. утверждается «Инструкция о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов» [2], которая вводит формирование избирательных собраний по производственным или профессиональным единицам (предприятиям, учреждениям, профессиональным союзам), причем участвовать в избирательных собраниях могли только лица, имевшие избирательные права и голосовавшие либо по спискам, либо по отдельным кандидатурам открытым или закрытым голосованием, решение о котором принимала губернская (областная) избирательная комиссия. Как видим, и советское законодательство вводило ограничения избирательных прав, правда, на ином основании.

24 октября 1925 г. ВЦИК внес поправки в закон 1922 г. и утвердил новое «Положение о городских советах» [2]. Новое название – Совет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов – определило социальный состав избирателей и депутатов; были расширены компетенции советов; советы стали юридическими лицами; изменились пропорции избрания в городах с населением от 20 до 25 000 чел. – 1 депутат на 75 избирателей, кандидаты в депутаты – треть от избранных членов.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1926 г. утверждалось право городских советов, как когда-то городских дум, издавать обязательные постановления (вводились постановлением ВЦИК 26 марта 1927 г.) с наложением административной ответственности за их невыполнение и штрафа до 100 руб. или до одного месяца принудительных работ. Такой нормы были лишены городовые положения, а контроль над исполнением обязательных постановлений возлагался на полицию [2].

По архивным данным, в 1927 г. право голоса имели 303 чел. (52,8 % женщин), из них только 5,9 % рабочих. В голосовании приняли участие 46,5 % избирателей (39 % женщин), из них только 50 % рабочих и 56 % служащих [3. Л. 63-63 об]. Известен механизм выборов по избирательным собраниям/участкам. На уполномоченного от Избирательной комиссии (председатель) и 2 членов Президиума возлагалась обязанность по организации и проведению собрания, на котором уполномоченный выступал с соответствующей случаю речью. Как и в последней четверти XIX в. кандидатуры в члены Горсовета и кандидаты к ним избирались «в порядке большинства голосов».

8 февраля 1928 г. Президиум ВЦИК СССР принял постановление об «Основных положениях об организации в СССР городских советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» [2]. Городские советы провозглашались высшим органом власти на территории города и получали право

устанавливать «местные налоги и сборы с предметов, не являющихся объектами общегосударственных налогов и сборов, а также надбавки к общегосударственным налогам и сборам» в городскую кассу. Та же статья разрешала отчислять в доход городских советов не менее 40 % от государственного промыслового налога, собираемого «от обложения предприятий и промыслов на территории данного города». Положение закрепляло за городскими советами «все предприятия, земли, строения, входящие в пределы городской черты и имеющие городское значение», причем Центральному исполнительному комитету республики рекомендовалось «пересмотреть списки предприятий, земель и строений, находящихся в ведении исполнительных комитетов и городских советов, в сторону расширения имущественной базы городских советов». Городские советы получили право «заключать займы», контролировать неподведомственные им учреждения и предприятия на территории города, не вмешиваясь в их хозяйственную и административную жизнь. Положение подтвердило право советов издавать обязательные постановления и подчинило их «исполнительному комитету той административно-территориальной единицы, в состав которой входит город…», позволив обжаловать постановления соответствующего исполнительного комитета, правда такое обжалование не приостанавливало действия постановления ИК [2].

20 января 1933 г. ВЦИК утвердил «Положение о городских советах», определявшее их статус как органов пролетарской диктатуры, которые в своей деятельности должны руководствоваться законами и распоряжениями вышестоящих инстанций и наказами избирателей. Последнее обстоятельство обязывало депутата отчитываться не реже двух раз в год перед избирателями, имевшими право его отзыва. Депутаты работали на безвозмездной основе, и не могли быть арестованы без уведомления президиума или председателя городского совета [2]. Как и в имперском законодательстве, деятельность городских избранников считалась гражданской обязанностью.

Положение определило круг компетенций совета: от народно-хозяйственного планирования и учета, технической социалистической реконструкции промышленности, городского и сельского (на присоединенной к городу сельской территории) хозяйства, потребительской кооперации и торговли, транспорта и связи, финансов и бюджета, социально-культурного строительства, до укрепления вооруженных сил пролетарского государства, осуществления ленинской национальной политики, укрепления революционной законности и охраны революционного порядка. Как видим, вопросы, стоящие перед городскими властями, очерчивали круг общих и непосредственных вопросов городского управления, в последнем мало отличаясь от вопросов предшествующих времен.

Для более продуктивной работы при городском совете работало 8 отделов по основным направлениям работы, в соответствии с которыми образовывались секции – основные массовые органы советов, вовлекавшие широкие массы населения в управление государством, при этом члены и кандидаты обязательно должны были работать в одной из секций. Через создание депутатских групп осуществлялась непосредственная связь советов с предприятиями. Отдельная глава Положения посвящена пленуму и президиуму горсовета, их задачам в руководстве и деятельности городского совета.

Очередные выборы в городской совет состоялись в ноябре 1934 г., в которых приняли участие 81,4 % всех избирателей. Из общего числа избирателей 34,7 % составили женщины, проголосовали из них 77,7 %. Результаты участия горожан в избирательном процессе свидетельствовали о том, что выборная активность в городе существенно возросла и особенно среди женщин [4, л. 1-36]. В выборную кампанию 1930/1931 гг. всего проголосовало 67,9 % и 38,4 % женщин.

В ходе избирательной кампании 1934 г. в городской совет были избраны 412 членов и кандидатов (24,5 % женщин). Национальный состав горсовета соответствовал составу населения города: 56 % русских, 33,3 % бурят, 10,7 % прочие национальности. В новом Совете преобладали рабочие (52,2 %), служащие (32,7) и военные (12,5), остальные категории горожан составляли от 1,7 (домохозяйки) до 0,2 (ремесленники) %. Подавляющее большинство избранных в Совет были членами и кандидатами в ВКП(б), которые совместно с членами ВЛКСМ составили 65,3% [5, л. 24].

С момента образования первого Совета (начал работу 17-18 декабря 1934 г.) перевыборы депутатов Совета проходили через два года, и до начала Великой Отечественной войны прошло 12 созывов депутатов городского Совета.

Несмотря на ст. 45 Положения о горсовете, провозглашавшую депутатскую деятельность во внерабочее время и без отрыва от производства, городским советом устанавливались льготы и преимущества для членов и кандидатов. На предшествующем этапе работы городского управления современники считали такую норму имперского закона причиной недобросовестного исполнения гласными своих обязанностей и призывали государство ввести оплату их деятельности, однако этого не произошло. Городские думы лишь определяли оплату труда членов городской управы, действовавших практически на постоянной основе, и причисленных законодателем к чиновникам (1892).

Избранный в 1933 г. состав пленума горсовета (председатель Б.Я. Медовый) утвердил положение, определявшее ряд льгот, объем которых зависел от уровня депутатства. Постановление вступало в действие с 1 июля 1934 г. и отменило предшествующее, принятое в 1932 г. [6, л. 226]

В идеологическом плане городские власти вели активную политико-просветительную работу. Судя по архивным материалам, большее внимание обращалось на китайских рабочих и женщин. Кстати, «Положение о горсовете» предписывало городским властям широко разворачивать «мероприятия, обеспечивающие вовлечение женщин в производство» (§13 п. «в»). Но главным на этом направлении стало обсуждение в 1936 г. нового проекта Конституции СССР, которая в гл. 8 определяет основные тезисы о местных органах государственной власти. Конституция внедрила новое название органов власти на местах – Совет депутатов трудящихся, который избирался сроком на 2 года с правом избирать исполнительный комитет в составе: председателя, его заместителя, секретаря и членов, непосредственно подотчетный как Совету депутатов трудящихся, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся [2].

Для улучшения работы органа управления городом в нем был создан ряд секций по строительству, промышленности, транспорту, связи, обороны, коммунального хозяйства, торговой кооперации, финансам, сельскому хозяйству, жилищному строительству, отдел здравоохранения и комитет физкультуры и спорта. Взаимодействие с отдельными предприятиями осуществляли депутатские группы, ежегодно отчитывавшиеся за проделанную работу.

Таким образом, за первые десятилетия советской властью были сформированы основные законодательные нормы, нацеленные на обеспечение эффективного управления городским хозяйством, очерчен круг избирателей и состав органов городского управления, определены его компетенции, а также создана материальная база его деятельности.

Библиография

1. Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 115 с.; Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 191 с.; Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 – февраль 1917 гг.). – Иркутск: Изд-во «Облмашининформ», 2001. – 208 с.; Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII – XX вв. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 248 и др.

2. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: www.libussr.ru (дата обращения 25. 05.2015).

3. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р-661, оп. 1, д. 3 а.

4. Там же. – Д. 1.

5. Там же. – Д. 22.

6. Там же. – Д. 64.

Bibliography

1. Kim N.V. Essays on the history of Ulan-Ude. - Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1966. - 115 p.; Minert L.K. Architecture of Ulan-Ude. - Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1983. - 191 p.; Zamula I.Yu. Urban culture and social life of Verkhneudinsk (1875 – February 1917). - Irkutsk: Oblmashininform Publ., 2001. - 208 p.; Evdokimova S.V. Social and economic development of the cities of Transbaikalia in the XVII - XX centuries. - Ulan-Ude: BSU Press, 2007. – 248 p.; and etc.

2. The Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics: Available at: www.libussr.ru (accessed 25. 05.2015).

3. SABR (State Archives of the Buryatia Republic). Col. P-661. Inv. 1. F. 3a.

4. Ibid. F. 1.

5. Ibid. F. 22.

6. Ibid. F. 64.

И.Б. Батуева, д-р ист. наук, проф., e-mail: i.batueva@mail.ru
Восточно-Сибирский государственный институт культуры

УДК 37(091)(571.54)

ПЕРВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В СЕЛЕНГИНСКОМ ВЕДОМСТВЕ

Статья посвящена становлению системы образования в ведомстве селенгинских бурят в XVIII-XIX вв.. В статье упоминаются первые ученики и известные, выдающиеся учителя.

Ключевые слова: *школы, училища, учителя, ученики, выпускники, образование, Забайкалье, селенгинские буряты, XVIII-XIX вв.*

I.B. Batueva, Dr Sc. History, Prof.

THE FIRST EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE SELENGA DEPARTMENT

The article is devoted to the formation of the educational system in the department of the Selenga Buryats in the 18th-19th centuries. The article mentions the first students and famous, outstanding teachers.

Key words*: schools, specialized schools, teachers, pupils, graduates, education, Zabaikalie, Selenga Buryats, XVIII-XIX centuries.*

Формирование системы начального образования на окраинах Российской империи всегда имело огромное значение. Этому нелегкому процессу царизм уделял большое внимание. Практическое осуществление в виде единичных фактов в Забайкалье среди инородцев начинается уже с XVIII в.

Первой образовательной школой во всей Восточной Сибири, была открытая в 1725 г. при Иркутском Вознесенском монастыре по указу Петра I, «мунгальская школа» для распространения православной веры и для сношения с соседями». В числе учащихся было два бурятских мальчика. Ученики школы находились на содержании Селенгинского, Киренского, Троицкого и Посольского монастырей.

Со временем школа стала называться русско-монгольской школой с отделениями: монгольское и русское. В 1730 г. на монгольском отделении обучалось 25 чел., на русском – 10. Однако через 15 лет после основания монгольское отделение было закрыто [6, с. 22-25].

Одной из первых в Селенге школ, правда, не для бурятских детей, явилась Селенгинская гарнизонная школа для детей военнослужащих и отставных солдат в возрасте от 7 до 15 лет, созданная в 30-х годах XVIII в. Это была светская школа, в которой большое внимание уделялось обучению ремеслам [6, с. 37-38].

С начала XIX в. в соответствии со школьным уставом 1804 г. в Восточной Сибири начали создаваться уездные училища для подготовки учащихся к поступлению в гимназии. Так, 17 апреля 1806 г. было создано Верхнеудинское уездное училище, 15 сентября 1812 г. – Троицкосавское уездное училище. В них обучались и дети инородцев. В Верхнеудинском училище были единицы детей состоятельных родителей ближайших степных дум, в том числе и Селенгинской.

Одновременно начали открываться приходские училища, в которых обучались и бурятские дети. В 1818 г. при Селенгинской степной конторе было открыто приходское училище, в 1845 г. – Селенгнинское городское приходское училище.

В 1824 г. в Селенгинском приходском училище было всего 7 учащихся, в 1825 г. – 14, в 1829 г. – 19, то же – в 1830 и 1831 гг., а в 1835 г. всего 3, в 1836 г. – 8. Всего за 12 лет, с 1824 по 1836 г. обучалось в училище 150 детей, а окончили всего лишь 11 чел. [1, с. 48-49]. Так что практическое влияние этих учебных заведений на общее состояние грамотности всего бурятского населения было невелико. И в последующие годы количество обучающихся в училище оставалось весьма незначительным.

Содержание обучения в приходских училищах определялось школьным уставом 1804 г. Так, в Селенгинском училище преподавали краткий катехизис, священную историю, арифметику в пределах первых действий, письмо и чтение, дополнительно – монгольскую грамоту, замененную в 1825 г. мунгальским катехизисом на монгольском языке. Занятия начинались 15 сентября и заканчивались 15 апреля. С 1804 по 1828 г. обучение было одногодичным, с 1828 г. – двухгодичным.

Во всех бурятских школах Забайкалья вплоть до 1880-х гг. обучались только мальчики, а образование девочек ограничивалось только домашним хозяйством.

Официальная политика царского правительства по вопросу о назначении бурятских школ нашла отражение в письме его министерства от 8 ноября 1840 г. В нем отмечалось, что существование школы для бурят в Троицкосавске необходимо не только «для внутреннего управления между бурятскими племенами», но и «для распространения просвещения между инородцами, обитающими в трех округах Иркутской губернии: Иркутском, Верхнеудинском и Нерчинским» [6, с. 147].

Из-за неудовлетворительного материального и финансового обеспечения со стороны местной администрации царизма и ее нежелания развития школьного образования эти учебные заведения влачили жалкое существование, многие из открытых училищ были закрыты [5, с. 210].

Тем не менее, в этих учебных заведениях работали большие мастера своего дела, учителя-энтузиасты. Так, в Селенгинском бурятском училище работал учитель И. Паргачевский, хорошо знавший

педагогическое дело, ревностно выполнявший свои обязанности и пользовавшийся заслуженным уважением [5, с. 213].

Заметное место в образовании селенгинских бурят занимала Троицкосавская войсковая русско-монгольская школа, открытая в июле 1832 г. В «высочайшем повелении» царя от 18 июня 1832 г. говорилось: «Учредить в Троицкосавске войсковую школу на 24 мальчика для обучения российской и монгольской грамоте казачьих и старшинских детей четырех полков бурятских (шестисотенных), составляющих пограничную стражу на Китайской линии в Иркутской губернии, с предоставлением права участвовать в сей школе и детям ясачных монгольских старшин». Школа учреждалась «для особой цели, т.е. чтобы детям бурят и почетных ясачных доставить средства к приличному званию их образованию» [6, с. 118].

По учебному плану и учебным программам она была близка к уездным училищам, но она находилась не в ведении министерства образования, а министерства внутренних дел, что накладывало определенный отпечаток на организацию учебного процесса.

Школа находилась на полном обеспечении за счет пожертвований бурятских казачьих полков. Задачей ее являлась подготовка из бурятских мальчиков писарей и урядников для казачьего полка и писарей для бурятских родовых управлений. В школу принимали детей мужского пола «преимущественно старшин 4 казацких бурятских полков» в возрасте не моложе 10 и не старше 14 лет в количестве не более 24 чел.

Учебными предметами являлись: чтение и чистописание на русском и монгольском языках, русская и монгольская грамматика, арифметика, география и история Российского государства и основания веры, исповедуемой бурятами, а также «военная экзерциция, сообразно с родом казачьей службы». Продолжительность обучения в школе 3 года. Школа пользовалась большой популярностью среди населения, однако ходатайства местных властей об увеличении ее контингента с 24 до 40 чел. не получила поддержки.

В 1851 г., с преобразованием казачьих полков и передачей их в Забайкальское войско, школа была передана от Троицкосавского пограничного комиссара в ведение Забайкальского казачьего войска и переведена в Селенгинск. Однако через год из-за отсутствия средств она была закрыта и вновь открыта в 1859 г. по ходатайству наказного атамана Забайкальского казачьего войска. В 1872 г. в связи с преобразованием казачьего войска школа была передана в ведение министерства образования, а в 1888 г. она преобразована в Селенгинское двухклассное городское училище.

В Селенгинской русско-монгольской школе обучение в младшем классе велось на монгольском языке под руководством учителя бурята, в старшем классе – на русском языке. По ревизии 1879 г. в школе обучалось 20 мальчиков, причем, только в этой школе, единственной в то время в Забайкалье, имелся интернат и все учащиеся являлись пансионерами, находились на полном обеспечении.

Первыми учителями русско-монгольской школы были: Н.А. Уфтюшанинов почетный смотритель, учитель русского языка, географии и истории В.П. Паршин, учитель монгольского языка И.-Н. Ванчиков, учитель богословия Г. Никитуев, учитель рисования, инспектор школы А.М. Крюков, учитель по воинским упражнениям зауряд-ясаул Н. Бадмаев.

И.-Н. Ванчиков, казачий десятник из цонголова рода, владел кроме родного, монгольского языка, русским и английским языками, первым дал свой вариант перевода «Чингисова камня» на русский язык и положил начало научным дискуссиям по этому вопросу, в начале 1930-х гг. ездил в Москву, получил от царя серебряную медаль на Владимирской ленте и кортик с золотой ручкой, вел переписку с известными монголоведами. Советские исследователи считают его первым бурятским интеллигентом [4, с. 8-9].

Если говорить о первых селенгинцах, то нельзя не сказать о Б. Имегенове (1678-1754). Родившийся в одном из монгольских родов на Селенге, получивший в детстве буддийское воспитание, он во время столкновений с русскими в 1691 г. попал в плен к казакам, был крещен в православие и получил фамилию крестного отца приказчика богатого московского купца Сердюкова и имя Михаила.

Вывезенный в Енисейск, получивший торговое ремесло и русскую грамоту, М. Сердюков работал в Москве, Астрахани, Персии, Архангельске, обратил на себя внимание Петра I, получил от него в 1704 г. свободу, завел собственное дело. Он оставил в истории российской промышленности заметный след как создатель первой водной системы Вышневолоцкой, соединившей Балтийское море с Волгой, построил первую «пильную мельницу» (лесопилку), занимался судостроением, продолжал заниматься торговлей. За заслуги он получил от Петра I награды и подарки [4, с. 8-10].

Русско-монгольская войсковая школа являлась единственной у бурят школой, имевшей более обширную программу, чем приходские училища. За 49 лет своего существования она выпустила значительное по тому времени количество грамотных людей-писарей, урядников бурятских казачьих полков, переводчиков в пограничных управлениях Забайкалья.

В числе выпускников школы и учителя бурятских приходских училищ А. Дашицыренов, А. Корнильцев, О. Москвитин, Н. Бадмаев, С. Туруев и другие, дипломат И.П. Шишмарев – первый русский консул в Монголии, Б. Кутухтуев – переводчик при новой духовной миссии в Пекине [5, с. 217-218].

Особо следует сказать о выпускнике русско-монгольской школы Д. Банзарове, первом бурятском ученом, уроженце Нижнего Ичетуя. Д. Банзаров был выходцем из табангутского рода, его дед Баргон служил в Ашебагатском казачьем полку, а отец Б. Баргонов был пятидесятником шестой сотни этого же полка. Д. Банзаров родился в 1822 г., в 1833 г. он был отдан в Троицкосавскую русско-монгольскую школу.

По представлению второго тайши Селенгинской степной думы Н. Вампилова было получено разрешение о посылке нескольких лучших учеников русско-монгольской школы для продолжения учебы в Казанскую гимназию. 13 декабря 1835 г. четверо учащихся этой школы Г. Будаев, Ц. Чимитов, Д. Банзаров и Д. Буянтуев во главе с наставником ламой Г. Никитуевым, казаком из Табангутского рода, прибыли в г. Иркутск и далее последовали в Казань.

Учеба в старейшей в стране Казанской гимназии проходила в нелегких и непривычных для забайкальских степняков условиях. Через полтора-два года там умерли Д. Буянтуев и Ц. Чимитов, а Г. Будаев за участие в избиении ненавистного учащимся инспектора был высечен розгами и отдан рядовым в Сибирский корпус.

За годы учебы в гимназии Д. Банзаров показал себя способным, подающим большие надежды учащимся. Он изучал языки – монгольский, латынь, английский, тибетский, турецкий, французский, татарский. В июне 1842 г. он с золотой медалью закончил гимназию.

Банзаров оказался одним из первых бурят, окончивших к тому времени гимназию. До него это были крещеный иркутский бурят Е. Сычевский, находившийся в 1830-1840 гг. в Пекине в составе русской духовной миссии и по возвращению из Китая в Иркутск работал переводчиком маньчжурского языка при Главном управлении Восточной Сибири. Другим был И. Санжихаев, он окончил Иркутскую гимназию в 1827 г. и некоторое время работал учителем Троицкосавского уездного училища [4, с. 20-21].

После окончания гимназии Д. Банзаров поступил в Казанский университет, который успешно закончил с представлением кандидатской диссертации на тему «Черная вера, или шаманство у монголов». О его диссертации известный ориенталист, биограф Д. Банзарова П.С. Савельев отзывался: «Так верно, светло и философически понимал свой предмет юный кандидат, только что оставивший университетскую скамью, а десять лет назад дитя природы, росший среди стад родимых степей» [4, с. 26]. Его труды получили высокую оценку ученых и не потеряли своего значения в научном плане и по сей день.

О месте Д. Банзарова в современной науке тогдашние столичные ученые отзывались как об ученом, достойном носить докторский колпак в любом европейском университете. Великий русский поэт и революционный демократ Н.А. Некрасов в журнале «Современник» в рецензии на книгу Савельева «О жизни и трудах Доржи Банзарова» называл бурятского ученого «замечательной личностью, который заслужил себе место между европейскими ориенталистами». Н.Г. Чернышевский в журнале «Отечественные записки» отмечал, что в лице Банзарова «...современная наука лишилась одного из остроумнейших исследователей» [4, с. 26]. Д. Банзаров вошел в историю своего народа как первый бурятский ученый. Его преждевременная смерть в 1855 г. в возрасте 33 лет в должности чиновника губернской администрации свидетельствовала о том, что режим царской власти не способствовал расцвету талантов из низов, особенно из сословия инородцев.

Другим, ставшим известным в научных кругах, деятелем из селенгинских бурят был Г. Гомбоев, уроженец окрестностей Селенгинска, выходец Атагановского рода. Он родился в 1818 г., с 1829 г. был хувараком Кулун-нурского (Тамчинского, иначе Гусиноозерского) дацана, в 1834 г. назначен писарем хамбо-ламы, тогда же был произведен в сан гецул-ламы, в последующие годы был оспенным учеником, унзатом, биликто-ламой, в 1841 г. зачислен в штат комплектных лам, умел читать и писать по-монгольски, по-тибетски, частично знал русскую грамоту [7, с. 10].

С начала 1842 г. Г. Гомбоев был назначен вместо уехавшего домой Г. Никитуева надзирателем Казанской гимназии, где вел и практические занятия по монгольскому языку. Одновременно он обучался и в Казанском университете, с 1850 г. вел практические занятия по разговорному монгольскому языку со студентами Казанской духовной семинарии.

В 1856 г. Гомбоев был приглашен в Петербургский университет, на восточный факультет для ведения практических занятий по монгольскому языку, в 1858 г. избран лектором монгольского языка.

Наряду с педагогической Г. Гомбоев вел научно-исследовательскую работу. В 1857 г. он написал работу «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных Плано Карпини». В ней он не только раскрыл содержание записок путешественника XIII в. францисканского монаха, но и привел дополнительные данные о современных монголах и бурятах.

Перу Г. Гомбоева принадлежат переводы с монгольского на русский язык старинной монгольской летописи-хроники «Алтан-Тобчи» с приложением «Истории Убаши-Хунтайджи», монгольской повести «Арджи Бурджи» и др. [7, с. 24-29].

Одним из образованнейших и прогрессивных людей, правда, более позднего периода, выходцев из селенгинских бурят был С.Б. Цыбыктаров. Он родился в 1877 г. в урочище Большой Луг в семье казачьего есаула (сотника), учился один год в русско-монгольской школе, в 1899 г. окончил Читинскую классическую гимназию, в 1903 г. окончил Петербургскую военно-медицинскую академию. Он был одним из первых бурятских врачей, вел в течение нескольких лет врачебную практику в Забайкалье, затем с 1909 г. работал врачом в Русском консульстве в Урге (ныне Улан-Батор). С 1917 г. принимал активное участие в общественно-политической жизни на родине – избирался председателем Селенгинского аймачного революционного комитета. В 1921 г. в Монголии он был убит бандитами Унгерна.

18 мая 1835 г. в Кяхте состоялось торжественное открытие школы китайского языка Н.Я. Бичурина, известного русского китаеведа, возглавлявшего долгие годы духовную миссию в Пекине. Хотя в школе учились дети купцов и мещан (в первый раз было принято 22 чел. в возрасте от 7 до 21 года), она, надо полагать, могла оказать определенное влияние и на бурят. В 1861 г. со смертью учителя К.Г. Крымского школа прекратила свое существование.

В середине XIX в. во всей Восточной Сибири получает некоторое развитие начальное образование. С 1850 по 1860 г. здесь было открыто 32 начальные школы. В Верхнеудинском и Троицкосавском уездах открылись по 2 начальные школы, в Селенгинском уезде – одна начальная школа. В результате в Селенгинском уезде стало три начальных школы. В 1873 г. в Селенгинске открылось женское училище. Однако для бурят всего Забайкалья во второй половине XIX в. открылись только две школы.

Несмотря на общий низкий уровень учебной работы, преобладание зубрежки и механического заучивания в школах отмечалась и неплохая работа отдельных учителей. Так, в отчете о работе приходских училищ за 1863/1864 уч. год говорилось о работе учителя Селенгинской бурятской школы Москвитина, что он «отлично ведет дело». Далее указывалось: «Его ученики пишут под диктовку на доске совершенно правильно и красивее, нежели на бумаге. В последнем случае они не уступят ученикам уездного училища. В русском чтении, арифметике и грамматике они могут стоять в уровень с лучшими учениками русских приходских училищ» [5, с. 351].

Царская администрация, в частности Министерство народного просвещения, отрицательно относились к организации обучения широких масс, особенно нерусских народностей. Об одном показательном в этом отношении факте писал известный бурятский общественный деятель М.Н. Богданов в 1916 г. в очерке «Очередные задачи бурятского просвещения» в сборнике «Северные зори», изданном в Москве.

В начале 70-х гг. XIX в. особая бурятская депутация возбудила в Петрограде ходатайство об открытии частных школ для изучения монгольского и тибетского языков с целью способствовать развитию торговли с монголами и чтения религиозных книг. Царский министр народного образования признал ходатайство «решительно незаслуживающим удовлетворения». Отказ в просьбе обосновывался следующими доводами.

Во-первых, торговые сношения ведутся на народном монгольском языке, который понимают буряты, знание книжного языка для торговых дел бурят не имеет никакого значения.

Во-вторых, чтение религиозных книг, по правилам буддизма, дозволяется только ламам, а сами буддийские книги из-за их отвлеченности философского содержания и необыкновенно трудной логики доступны только ламам, а потому не могут служить предметом общего образования для бурят-простолюдинов.

В-третьих, распространение буддийского учения не совпадает ни с политическими интересами России, ни с экономическим положением местного населения. Политический вред и в том, что глава

ламайского духовенства находится вне пределов России, а экономический – большое число аскетов (очевидно, лам) обременяет население.

В-четвертых, открытие частных школ усилит влияние лам и отклонит массу населения от правительственных школ, а также уронит в глазах населения престиж местной власти, которая не разрешала открытие таких школ [3, с. 165].

Этот ответ министра со всей очевидностью показывает отрицательное отношение царизма не только к изучению монгольского и тибетского языка бурятами, но и в целом политику тогдашнего режима в области народного просвещения вообще. Прав был М.Н. Богданов, отмечавший в этой статье, что до тех пор, пока будет находиться под подозрением сам родной бурятский язык, не будет решена задача начального образования у бурят, что положение в этой области не изменилось и в начале XX в.

Тем не менее, среди бурят появились первые частные школы. Среди селенгинских бурят в 1880 г. в Удунге была открыта частная школа «именитым селенгинским бурятом Лумбуновым для своих окрестных сородичей». В 1898 г. верхнеудинский благотворитель П.А. Фролов «открыл в самом центре кочевий янгажинских бурят русско-бурятскую школу, а в 1903 г. из этой школы было выпущено 13 чел. со свидетельством об окончании полного курса» [5, с. 354]. Однако эти единичные факты не меняли общего крайне неудовлетворительного положения дел в области народного просвещения селенгинских бурят, как и бурят в целом.

Отсутствуют исчерпывающие статистические материалы об уровне грамотности населения, в том числе селенгинских бурят в конце XIX – начале XX вв. Тем не менее, в материалах комиссии Куломзина 1897 г. можно найти некоторые данные на этот счет.

На 8521 хозяйство кочевых инородцев Селенгинского округа приходилось 1985 хозяйств с грамотными и учащимися членами семьи, что составляло 23,3 %. В хозяйствах инородцев-казаков того же округа (2442 хозяйства) хозяйств с грамотными и учащимися было 573 хозяйства, или 23,5 %. В Троицкосавском округе на 1669 хозяйств казаков числилось 356 хозяйств с грамотными и учащимися, т.е. 21,3 %.

В Селенгинском округе из 227700 мужчин кочевых инородцев были грамотными 2183, полуграмотными – 344, обучающимися в школе – 91, дома – 36, т.е. всего 2618 чел., или 11,5 %. Что касается женщин, то в статистических материалах для них и не было специальных граф, так как их грамотность была практически равна нулю.

Среди казаков в Селенгинском округе на 6446 чел. мужского пола приходилось грамотных 691, полуграмотных – 54, обучающихся в школе – 12, дома – 15, всего 722 человека, или 12,1 %. В Троицкосавском округе на 4327 мужчин казаков-инородцев приходилось соответственно грамотных 318, полуграмотных – 76, обучающихся в школе – 27, дома – 6, всего – 427 чел., или менее 10 %.

В первые годы XX в. не произошло ощутимых изменений в организации народного образования в России, тем более в национальных окраинах. Об этом красноречиво свидетельствуют данные однодневной школьной переписи 1911 г. По ним на 1000 чел. населения приходилось учащихся в Восточной Сибири 31,6, Иркутской губернии – 41,1, в Забайкальской области – 31,6, а у бурят в целом всего 8 чел.

По данным инспекции народных училищ Верхнеудинского, Баргузинского и Селенгинского округов на 1 января 1911 г. национальный состав учащихся выглядел следующим образом: русские – 78 %, буряты – 12,8 %, евреи – 8 %, немцы – 0,8 % [2, с. 71]. В этих округах буряты составляли около половины населения, а обучалось их детей меньше 13 %, что лишний раз подтверждало колонизаторскую, шовинистическую политику царизма.

Библиография

1. Андреев В.И. История бурятской школы (1804-1962 гг.). – Улан-Удэ, 1964.
2. Батуев Б.Б., Батуева И.Б. Очерк истории селенгинских бурят. – Улан-Удэ, 1993.
3. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. – Верхнеудинск, 1926.
4. Ким Н.В. Доржи Банзаров (биографический очерк). – Улан-Удэ, 1992.
5. Очерки истории культуры Бурятии. – Т. I. – Улан-Удэ, 1972.
6. Панчуков А.П. История начальной средней школы Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1959.
7. Улымжиев Д.Б. Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818-1863). – Улан-Удэ, 1993.

Bibliography

1. Andreev V.I. History of the Buryat School (1804-─ 962). Ulan-Ude. 1964.
2. Batuev BB, Batueva I.B. The Selenga Buryats History Essay. Ulan-Ude, 1993.

3. Bogdanov, M.N. The Buryat-Mongolian People History Essays. Verkhneudinsk, 1926.
4. Kim N.V. Dorji Banzarov (a Biographical sketch). Ulan-Ude, 1992.
5. Buryatia Culture History Essays, Vol. I, Ulan-Ude, 1972.
6. Panchukov A.P. The History of the Primary Secondary School of Eastern Siberia. Ulan-Ude, 1959.
7. Ulymzhiev D.B. GalsanGomboev: Buryat Scientist Orientalist (1818-1863). Ulan-Ude, 1993.

Энхбаяр Бямбаноров, канд. ист. наук, проф., e-mail: byambaenkh@yahoo.com
Монгольский государственный университет
Мэнд Зориг, магистр философских наук, науч. сотрудник, e-mail: zorigmend@yahoo.com
Институт международных отношений, Академия Наук Монголии
г. Улаанбаатар, Монголия

ВКЛАД БУРЯТСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ПРОСВЕЩЕНИЕ МОНГОЛИИ В 1920-1930-х гг.: НА ПРИМЕРЕ БАЗАРА ИШДОРЖА

Авторами затронуты вопросы о вкладе и деятельности бурятских национальных демократов, работавших в Монголии в первой трети XX в., в лице известного бурятского деятеля, педагога и ученого Б.С. Ишидоржина, который посвятил себя становлению Монголии, просвещению монголов. Б.С. Ишидоржин известен в Монголии как Б. Ишдорж, командирован в Монголию Коминтерном, работал, в основном, в области образования и просвещения, хотя его деятельность не ограничивалась только этой отраслью. Наряду с педагогическими обязанностями, Б. Ишдорж работал научным исследователем, монголоведом, журналистом, дипломатом. Он усердно и активно выполнял свой долг, работая рука об руку с монгольскими коллегами, помогая им во всем. Б. Ишдорж имел большой авторитет и репутацию среди монголов.

Ключивые слова: *бурятский, деятель, просвещение, педагог, вклад, преподаватель, ученики, учебники*.

ENKHBAYAR Byambanorov, Dr. Sc. History, Prof.
MEND Zorig, MA in Philosophy, research fellow

CONTRIBUTION OF BURYAT ACTIVISTS TO THE EDUCATION OF MONGOLIA IN THE 1920-1930 OF THE 20TH CENTURY: A CASE STUDY OF BAZAR ISHDORJ

The authors research issues of contribution and activities of the Buryat national democrats who worked in Mongolia in the first third of the twentieth century. A special attention is paid to the famous Buryat activist, teacher and scholar B.S. Ishidorzhin, who devoted himself to the formation of Mongolia, namely the enlightenment of the Mongols. B.S. Ishidorzhin, known in Mongolia as B. Ishdorzh, was sent to Mongolia by the Comintern, worked mainly in the field of education and enlightenment, although his work was not limited to this branch only. Along with his pedagogical duties, B.Ishdorzh worked as a scientific researcher, a Mongolian, journalist, diplomat and ultimately a famous leader. He diligently and actively fulfilled his duties, working hand in hand with his Mongolian counterparts, helping them in everything. B.Ishdorzh had high reputation among the Mongols.

Key words: *Buryat activists, education, teacher, contribution, students, textbooks*.

Научная литература по деятельности бурятских национальных демократов и интеллигенции, участвовавших в становлении монгольской государственности и образовании науки и просвещения Монголии в 1920-1930-е гг. обширна, и ряд научных трудов и статей, посвященных известным бурятским демократам Ц. Жамцарано, Э. Батухану, Б. Барадину, С. Цыбыктарову, Д.А. Абашееву, Н.Т. Данчинову, Б.С. Ишидоржин и другим и написаны монгольскими, русскими, бурятскими и западными учеными. Тем не менее, работ по Б. Ишдоржу сравнительно мало, лишь некоторые отрывочные сведения и брошюра, посвященная Б. Ишдоржу молодым монгольским историком Х. Мэндсайханом.[1] Это и обусловливает интерес к изучению вопроса о деятельности Б. Ишдоржа в просвещении Монголии.

Базар Ишдорж
(из книги Б. Ишдорж «Краткая история Монголии». – Улаабаатар, 2015)

По линии Коминтерна и РКП(б) прибыли в Монголию и стали активными участниками монгольской революции, строительства независимой Монголии такие бурятские деятели, как Э-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Б. Цэрэнэй, Ц.-Е. Дашбалын (Гочитский), С. Жамбалон, Б.С. Ишидоржин, С. Нацов, Э. Батухан и др. Это была немногочисленная, но энергичная и политически активная группа, это были люди, способные действовать самостоятельно за плечами большинства из них было хорошее образование.[2] Они трудились в Монголии вместе с местными работниками на разных участках государственной и хозяйственной деятельности, передавая свой опыт и знание. «В этом плане особенно полезными, можно сказать незаменимыми, оказались общественные деятели и специалисты из Бурятии, которые всегда были тесно связаны с Монголией, имели там обширные связи».[3] Как верно отметил Е.И. Лиштованный в своей монографии «Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество 1930-е гг. «...известные бурятские деятели занимали среди монгольского руководства весьма сильные позиции».

Одним из них, несомненно, является известный деятель и педагог Б. Ишидоржин, который внес значительный вклад в развитие образования и науки Монголии в первые годы Монгольской революции. Он посвятил себя просветительской деятельности монгольского народа, в том числе молодого поколения того времени. Среди монголов он был популярен как Б. Ишдорж, хотя его подлинное имя – Базар Санжиевич Ишидоржин.

Что касается его места рождения, существуют три разных варианта: родился в 1898 г. в Урге; примерно в 1900 г. в месте Оронгой Селенгийнского аймака Бурятской Республики; а по Б.Д. Цибикову[4] он родился в 1899 г. в сомоне Оронгой Селенгийского аймака Бурятской Республики. Он учился в начальной школе Оронгой и Читинской гимназии. Как отмечают другие историки из Бурятии «Базар Санжиевич Ишидоржин – уроженец улуса Нижний Оронгой Селенгийнской степной управ. Учился в Оронгойской приходской школе, затем в Читинской гимназии».[5] Мы придерживаем третьего варианта, выдвинутого бурятскими учеными. Первый вариант никак не соответсвует действительности, так как по вышеупомянутым фактам, он был командирован в Монголию Коминтерном.

Б. Ишдорж вместе с семьей в Германии
Фото сделано Ч. Болд (из газеты «Сегодня», 29 марта 2012)

В Германии вместе с монгольскими учениками, второй справа
Б. Ишдорж с женой Цэрэндулам и сыном Санчиром
(из книги Х. Мэндсайхан «Судьба преподавателя Б. Ишдоржа и монгольских учеников, прибывших в Германию и Францию», Улаанбаатар, 2015)

В 1921 г. Б. Ишдорж принял участие в I съезде международных представителей Дальнего Востока, который состоялся в Москве. С этого времени его имя вошло в историю Монголии.

В 1922 г. он работал переводчиком в начальной школе, позже работал в департаменте народного просвещения при Министерстве внутренних дел. Заседанием Правительства в 1922 г. был назначен директором средней школы и учителем многих предметов. В 1923 г. при его содействии была организована средняя школа в Урге, и он стал ее директором. 3 августа 1923 г. правительство МНР послало официальное письмо Министерству иностранных дел и Секретариату Бурятских дел о продлении срока службы Б. Ишдоржа.

2 декабря 1926 г. правительство приняло постановление по назначению Б. Ишдоржа наставником монгольских учеников, посланных в Германию, и работал там до 1929 г. С 1930 г. Б. Ишдорж работал настоящим членом и ученым секретарем Ученого комитета Монголии.

С постановлением 234-го заседания членов правительства МНР в 1926 г., когда он был назначен директором учащихся в Германии и Франции, были выданы заграничные паспорта Б. Ишдоржу, его жене Цэрэндуламу и сыну Санчиру Министерством иностранных дел Монголии. Он был командирован в Германию и Францию вместе с министром просвещения Эрдэнэ Батханом. В круг его обязанностей вошли ответственность за учебу, жизнь и условие быта монгольских учеников, связанные с ними финансовые вопросы, заявки и покупка необходимых вещей для развития культуры и образования. Он очень заботился об учащихся, помогая им во всех делах. В одном из его писем, присланных Министерству просвещения МНР в 1927 г. было сказано о том, что отправлены 11 ящиков печатных машин с монгольским алфавитом и 18 ящиков географических рисунков.[6]

Сотни официальных писем, посланных Б. Ишдоржу Правительством Монголии, Министерствами просвещения и иностранных дел и писем от коллег и учеников и писем, написанных Ишдоржем, которые хранятся в архиве Национальной Истории Монголии, в архиве при Министерстве иностранных дел Монголии и в архивах других учреждений свидетельствуют о том, что он сыграл огромную роль в воспитании и подготовке будущих интеллигентов Монголии, и в развитии образования Монголии. По Х. Мэндсайхану[7] 74 письма, надлежащих Ишдоржу, хранятся в Центральном архиве Министерства иностранных дел Монголии. Х. Мэндсайханом собраны и включены в книгу 29 официальных писем, адресованных Б. Ишдоржу и 12 писем, посланных им, что вызывает большой научный интерес и ожидает тщательного изучения.

Б. Ишдорж был не только преподавателем и опытным педагогом, он много писал и опубликовал ряд учебников, книг и научно-популярных статей, свидетельствующих, что он был и научным исследователем, и монголоведом, и журналистом и публицистом. Когда он работал в Германии, опубликовал статью на тему «Внешняя культура в Монголии» и делал сообщения о монгольских учениках в Германских газетах.

В соавторстве с известным монгольским писателем 1920-х гг. С. Буяннэмэхом, Б. Ишдорж издал в 1922 г. научно-популярную книгу, состоящую из 19 глав, «Краткий справочник об основах развития человечества, революции, народных партий и государства».

Прекрасно владея немецким, французским, русским и монгольским языками, он переводил и публиковал многие передовые учебники по разным дисциплинам, научно-популярные и художественные произведения. Им было написано несколько работ по монгольскому языку и монгольской письменности: «Немецко-монгольский словарь» (1928), «Грамматика монгольского языка» (1930), «Курс по подготовке учителей» (1930), «Инструкция по новому алфавиту» (1931), «Тетрадь по чтению» (1931), «Краткое объяснение по математике» (1931), «Стилистика монгольского языка» (1934), «Учебник по монгольскому алфавиту» (1936), «Об издании нового словаря» (1937).

Как отметил выдающийся ученый и академик Б. Ринчен, черновики двух монголо-немецких словарей, составленные Ишдоржом в 1928-1929 гг. не опубликованы и сохранены в Государственной библиотеке.[8] Наряду с этим, «Грамматика монгольского языка», созданная им, была издана в 1930 г. Министерством просвещения для использования в начальных и средних школах. Вышеуказанный учебник он написал на основе «Лекций по грамматике монгольского письменного языка» Руднева. Он много сделал для начального и среднего образования в Монголии, создавая программы обучения по предметами не только монгольского языка и писменности, но и для предметов, связанных с естественными науками, и необходимые учебники для школ переводил на монгольский язык.

«Краткую историю Монголии» он опубликовал в первом номере «Библиотеки Монгольской Народной Партии», который издавался с 1924 г. При этом он много заимствовал из книги «Хөх Монголын хөх туг», (Синий флаг Синей Монголии) французского писателя Д.Л. Касн, что свидетельствует о его знании французского. Книга посвящена истории Монголии и состоит из 5 частей. Первая часть – о Монголии данного времени и завоевании другими государствами, вторая – о первой государственности Монголии и популяризации на Земном шаре, в конце книги дана хронология, начиная с Хунну до договора 1915 г. между Россией, Китаем и Монголией, включая 43 события в целом.

Книга, изданная в 1924 г., естественно является одной из первых работ по истории средневековой и новой Монголии, написанной в период народной Монголии. В 2016 г. книга была опубликована при содействии президента Монголии Ц. Элбэгдоржа вместе с другими работами по истории Монголии как 7-томный сборник.

Следует отметить, что работая в области науки и образования Монголии, Б. Ишдорж старался установить связи с иностранными учеными и исследователями для развития монголоведения, о чем свидетельствуют многие факты и документы, сохранившиеся до нашего времени.

Б. Ишдорж был активным участником и лидером в становлении новой Монголии. Как ранее отмечалось, в январе 1922 г. в составе монгольской делегации он участвовал в работе 1-го конгресса трудящихся Дальнего Востока в Москве в роли переводчика, вместе с монгольской делегацией был на приеме у В.И. Ленина.

Он активно участвовал в социально-политической работе и поддерживал демократическую идею. Знакомство вместе с начальником Дальневосточного Секретариата Коминтерна Б. Шумяцким с монгольскими революционерами положило начало его соединения с Монголией. Во время издания первой газеты «Монгольская Правда» с ноября 1920 г. в г. Иркутске, он работал вместе с писателем С. Буяннэмэх, был членом редакционной коллегии.[9] Он был активным и энергичным, действовал на благо образования самостоятельной новой Монголии, и его усилия давали практические результаты.

В годы работы в Монголии Б. Ишдорж смог завоевать большой авторитет и репутацию не только среди монгольских коллег и учеников, работал вместе с другими советскими и бурятскими специалистами и имел с ними хорошие отношения, о чем говорят многие воспоминания о нем. Монгольские ученые, среди которых было много его учеников, впоследствии с благодарностью писали: «Будучи в Монголии, Ишидоржин работал очень усердно и старательно и много сделал для успеха культуры и просвещения в стране. Он считался одним из лучших преподавателей».[10]

Заслуженный деятель искусства и известный писатель Д. Намдаг писал в своих воспоминаниях о встрече с советником Министерства просвещения Б. Ишдоржем: «Он был трудолюбивым и отдающим себя работе полностью человеком и требовал от нас – учеников – быть таким же как и он сам».[11] Бывший старший работник прессы А. Дашням пишет, что «Б. Ишдорж на благо общих дел служил не щадя себя, бывало, работал целыми днями и ночами и был человеком с добрым сердцем».[12]

В своем письме в конце января 1928 г. учителю Б. Ишидоржину, работавшему в Германии, Ц. Жамцарано пишет: «Вы совсем перестали общаться со мной и, видимо, не ждете писем. Несколько Ваших писем ждет ответа. Моя задача информатора о происходящем в Монголии нелегкая, тем более у Вас нет ничего неинтересующегося. Издательский отдел Ученого Комитета почти ничего не сделал. Ваши переводы и рукописи, подготовленные Учкомом к изданию, все еще лежат на полках шкафов, и видимо, будут лежать в пыли до тех пор, пока освободятся печатные станки, которые беспрерывно работают по выпуску постановлений и докладов, газет и журналов. После Вашего отъезда Терминологическая Комиссия Учкома находится в глубоком сне... Хоть медленно, но все же продвигается вперед работа по составлению толкового словаря монгольского языка».[13] Из приведенной цитаты из письма видно, что Б. Ишдорж имел близкие отношения с Ц. Жамсараном, и они часто писали друг другу, что Б. Ишдорж в действительности много сделал для развития образования и науки Монголии, посвящая ей свои неоценимых исследовательские труды.

Как многие другие бурятские деятели и интеллигенты, Б. Ишдорж был обвинен в пребывании в капиталистических странах и репрессирован в середине 1930-х гг. Точная дата, свидетельствующая о его кончине, не известна до сих пор.

Б. Ишдорж был высокообразованным и эрудированным интеллигентом, педагогом, ученым и монголоведом, внесшим огромный вклад в становление Монголии, в частности, в развитие науки и образования, т.е. в просвещение.

Сноски

1. Мэндсайхан Х. Судьба преподавателя Б. Ишдоржа и монгольских учеников, прибывших в Германию и Францию // под ред. проф. Ж. Урангуа. – Улаанбаатар, 2015.

2. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. Науч. Центра СО РАН, 2008. – С. 217.

3. Рощин С.К. Политическая история Монголии 1921-1940 гг. – М., 1999. – С. 38.

4. Цибиков Б.Д. Базар Ишдоржин Ишдорж багши // Выдающиеся бурятские деятели. – Улан-Удэ, 1999. – С. 57.

5. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Там же. – С. 242.

6. Мэндсайхан Х. Герман, Францыг зорьсон багш Б.Ишдорж, монгол сурагчдын хувь заяа. – Улаанбаатар, 2015. – С. 15.

7. Там же.

8. Болд Ч. Интеллигентный преподаватель – Б. Ишдорж // Сегодня (Өнөөдөр). – 2012. – 29 март., № 073 (4537).

9. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. Науч. Центра СО РАН, 2008. – С. 209.

10. Там же. – С. 243.

11. Болд Ч. Интеллигентный преподаватель – Б. Ишдорж // Сегодня (Өнөөдөр). – 2012. – 29 март., № 073 (4537).
12. Там же.
13. Пүрэвжав Э. Словарь созданный монгольскими и российскими учеными // Монгольско-Российское научное сотрудничество: от Ученого Комитета до Академии наук: сб. ст. – Улаанбаатар, 2012. – С. 82-83.

Библиография

1. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. Науч. Центра СО РАН, 2008.
2. Болд Ч. Интеллигентный преподаватель – Б. Ишдорж // Сегодня (Өнөөдөр). – 2012. – 29 март., № 073 (4537)
3. История Монголии. – Улаанбаатар, 2004. – Т. 5.
4. История Монголии: учебник. – Улаанбаатар, 2017.
5. Ишдорж Б. Краткая история Монголии. (2-ой том «Подлинной истории Монголии», изданный под покровительством президента Монголии Ц. Элбэгдоржа, подлинник переведен со старой монгольской письменности на кириллицу историками З. Лонжид и О. Батсайхан). – Улаанбаатар, 2015.
6. Монгольско-Российское научное сотрудничество: от Ученого Комитета до Академии наук: сб. ст. – Улаанбаатар, 2012.
7. Мэндсайхан Х. Судьба преподавателя Б. Ишдоржа и монгольских учеников, прибывших в Германию и Францию. – Улаанбаатар, 2015.
8. Рощин С.К. Политическая история Монголии 1921-1940 гг. – М., 1999.
9. Энхбаяр Б. К вопросу об иностранных специалистах, работавших в области промышленности Монголии (на примере бывших «советских» специалистов) // Международные отношения. (Институт международных отношений). – Улаанбаатар, 2012. – № 2382 (25). – С. 56-63.

Bibliography

1. Bazarov.B.V., Jabaeva.L.B., Buryat national democrats and politico-social ideas of Mongols at the beginning of XX century", Ulan-Ude. 2008.
2. Bold Ch., Intelligent teacher – B.Ishdorj, Today, 29 March, 2012, No: 073 (4537).
3. History of Mongolia, vol.V, Ulaanbaatar, 2004.
4. History of Mongolia, Textbook, Ulaanbaatar, 2017.
5. Ishdorj.B., A Brief History of Mongolia, vol.II, published under the patronage of the President of Mongolia Elbegdorj.Ts, trans. from old scripture by historians Lonjid.Z., Batsaiikhan.O, Ulaanbaatar, 2015.
6. Mongolian-Russian scientific cooperation: from the Scientific Committee to the Academy of Sciences. Collection of articles, Ulaanbaatar, 2012.
7. Mandsaykhan. X., The Destiny of the teacher B. Ishdorj and the Mongolian pupils who arrived in Germany and France. Ulaanbaatar, 2015.
8. Roshchin S.K., The political history of Mongolia in 1921-1940, Moscow, 1999.
9. Enkhbayar.B., On the issue of foreign specialists working in the field of Mongolian industry – a case study of former" Soviet "experts. International Relations, journal of the Institute of International Relations, Mong.SU, Ulaanbaatar, 2012, No: 2382 (25), P.56-63.

Е.Г. Санжиева, канд. ист. наук, доц.
Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ

УДК 930.85(571.54)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБЫ КУЛЬТУРЫ БУРЯТИИ

В статье рассмотрены проблемы формирования новой, социалистической культуры, разработка культурного строительства в республике на начальном этапе, взгляды национальной интеллигенции.

Ключевые слова: *культурная политика, проблемы формирования национальной культуры, культурное строительство, наследие.*

E.G. Sanzhieva, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

THE SOCIALIST REVOLUTION AND THE DESTINY OF THE CULTURE OF BURYATIA

The article considers problems of forming a new socialist culture in the state, reviews problems of cultural development in the country in the beginning, national intelligence points of view.

Key words: *cultural policy, problems of the national culture development, cultural construction, cultural heritage issues.*

Октябрьская социалистическая революция, 100-летие которой мы отмечаем в 2017 г., стала поворотным событием в судьбах многих народов, населявших царскую Россию.

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. И масштаб перемен, сопровождающих переходы от одной эпохи к другой, влечет громадные потери, ломку сознания, пересмотр ценностных оснований. Все это имело место и в российской действительности. С другой стороны, впервые ранее угнетенные и местными властями, нойонами, и царскими чиновниками, народы окраин России, которых иначе как «инородцы» не именовали, только после победы Октября получили перспективы свободного равноправного развития во всех сферах жизнедеятельности.

Начало коренных преобразований для бурятского народа связано с обретением государственности. Решение о предоставлении автономии бурятам и калмыкам по проекту В.И. Ленина Политбюро ЦК РКП(б) приняло 14 октября 1920 г. Народные комиссариаты по делам национальностей и иностранным делам, затем Центральный Комитет РКП(б) поддержали предложение бурятских автономных областей об их объединении в автономную республику. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 30 мая 1923 г. принял постановление об образовании Автономной Бурят-Монгольской Советской Социалистической Республики путем объединения автономных областей бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске [5, с. 162].

В состав республики вошло подавляющее большинство бурятского народа. Вне ее пределов осталось около 21,5 тыс. бурят, проживавших в отдаленных селах Иркутской и Забайкальской губерний.

С самого начала своего существования органы советской власти занимались проблемами строительства новой культуры: ликвидации неграмотности большинства населения, приобщения народных масс к знаниям и достижениям отечественной и мировой культуры, демократизации культуры, установления отношений с представителям старой интеллигенции и формирования кадров новой интеллигенции, сохранения культурного наследия прошлого.

А создание и развитие организационно-деятельностных, политических, психологических и иных условий, необходимых для устойчивого коллективного существования людей и продуктивной деятельности по удовлетворению их совместных интересов осуществляется в ходе реализации наиболее общей и универсальной функции культуры, каковой является функция обеспечения оснований для социальной интеграции людей [12, с. 64].

В 1920-е гг. Наркомпрос функционировал как государственное учреждение, ведающее вопросами культуры в целом. Для общего руководства деятельностью органов народного образования и культурно-просветительных учреждений двух автономных областей правительство ДВР и Всероссийский Центральный Исполнительный комитет создали в мае 1922 г. Центральный совет по культурным делам бурят-монголов РСФСР и ДВР (Бурмонсовкульт) с резиденцией в г. Иркутске и утвердили положение о нем [8]. В положении были определены цели и задачи по организации работы в области народного образования, культуры, науки, литературы и искусства, здравоохранения и физической культуры. Бурмонсовкульт возглавляли руководители областей, видные бурятские деятели науки и культуры.

Культурная революция считалась одним из важнейших условий социалистических преобразований. В статье «О кооперации» В.И. Ленин писал, что «у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной» [4, с. 377].

Развивая идеи о классовом содержании культуры, В.И. Ленин сделал в 1913 г. теоретическое обобщение: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре». Он писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплу-

атируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) – притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры». Он далее указывал, что «мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и социалистические элементы, берем их только и, безусловно, в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» [3, с. 120-121, 129].

Такое противопоставление двух культур в каждой национальной культуре имело значение для научного понимания их содержания. Однако в практике деятельности партии и ее местных организаций оно часто превращалось в непримиримую борьбу внутри национальных культур, приводило к игнорированию или отрицанию культурного наследия народов, связанного прежде всего с религиозными воззрениями к крайне негативным последствиям.

В среде бурятской интеллигенции шли споры и дискуссии, не было еще ясного представления о том, как совместить развитие национальной культуры со строительством пролетарской культуры. В 1925 г. именно это побудило группу бурятских работников обратиться с письмом к И.В. Сталину, в котором говорилось: «Убедительно просим дать разъяснение на следующие очень для нас серьезные и трудные вопросы. Конечная цель Коммунистической партии – единая общечеловеческая культура. Как мыслится переход через национальные культуры, развивающиеся в пределах отдельных наших автономных республик, к единой общечеловеческой культуре? Как должна происходить ассимиляция особенностей отдельных национальных культур (язык и т.д.)?» Концепцию культурно-национальной политики, программу культурно-национального строительства в Бурят-Монгольской АССР на перспективу обкому партии и правительству республики удалось разработать к лету 1926 г. На пленуме обкома ВКП(б), состоявшемся 23-25 августа 1926 г., был заслушан и обсужден доклад члена бюро обкома партии и председателя Совнаркома республики М.Н. Ербанова «О задачах культурно-национального строительства в Бурреспублике» [9].

Пленумом были утверждены тезисы по докладу М.Н. Ербанова «Культурно-национальное строительство БМАССР». Принципиально важные программные положения этого документа сводятся к следующему.

Было подчеркнуто, что Бурятия стоит перед фактом непосредственного строительства социализма, минуя капиталистическую стадию развития. Задача найти наилучший способ (форму) перехода от отсталых форм экономического быта и культуры к социализму на основе учета конкретной исторической обстановки Бурятии; предстоит осуществить культурную революцию, поднять общий культурный уровень всего населения, добиться развития национальной культуры.

Очень важным являлось положение о том, что развитие национальной культуры в Бурятии – дело не одного десятка лет, а целого исторического периода, поскольку предстояло преодолеть трудности объективно-исторического характера.

В документе утверждалось, что культурное строительство должно развертываться, с одной стороны, путем развития национальной культуры – языка, литературы, письменности, искусства и прочего на основе выявления творческой инициативы трудовой массы и широкой их самодеятельности, наряду с восприятием всех научных достижений у более культурных народов, а с другой – насаждения элементов общепролетарской социалистической культуры путем изучения и усвоения, главным образом, русского языка и литературы, распространения и внедрения в повседневной жизни культурной обстановки, начиная с пищевого режима, кончая требованиями гигиены и внешней формы общежития.

Малочисленность и недостаточная подготовка кадров культурного строительства, особенно руководящих работников, диктовали насущную необходимость проведения коренизации, выращивания активистов из самой низовой массы в каждом аймаке и хошуне, которые бы хорошо знали родной литературный язык и письменность. Подчеркивалась важность поощрения и собирания начинающих талантливых писателей, певцов, музыкантов и художников, организации массовых кружков самодеятельности и самообразования. В целях преодоления разбросанности территорий предлагалось провести новое районирование, создание административно-территориальных единиц (аймаков – районов, хошунов – волостей, сомонов – первичных единиц) с учетом национального состава населения.

В тезисах говорилось, что «работа по развитию национальной культуры будет обеспечена в основном лишь тогда, когда национализация школ (имеется ввиду бурятских) будет осуществлена полностью, когда весь учительский персонал во всех наших школах будет достаточно подготовлен с точки зрения усвоения национальной культуры, когда весь улусный актив культурных работников станет носителем и распространителем для трудовой массы элементов национальной культуры» [12].

В документе были высоко оценены роль и значение Бурят-Монгольского ученого комитета, Буручкома, в разработке, изучении и систематизации всех вопросов по развитию культуры. Он был признан единственным учреждением, где концентрируется вся эта работа. Буручком (с 1922 г. общественная научная организация, с декабря 1923 г. входил в состав Наркомпроса БМАССР и являлся его отделом, в 1929 г. преобразован в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры, НИИК) должен был мобилизовать все культурные силы Бурятии. Возглавлял его работу сам нарком, известный бурятский ученый Б.Б. Барадин.

Тезисы были изданы отдельной брошюрой к культурно-национальному совещанию республики, состоявшемуся в сентябре 1926 г. [1].

Среди делегатов совещания были представители партийных, советских, профсоюзных организаций, учреждений науки, культуры и образования, известные деятели культуры, 2 представителя Монгольской Народной Республики. По многим вопросам шли оживленные дискуссии, высказывались различные точки зрения.

Г.Ц. Цыбиков в докладе «Монгольская письменность как орудие культурного строительства Бурятии» настаивал на том, что нужно сохранить монгольский письменный язык, представляющий собой, по его убеждению, почти единственный остаточный фактор и связующий монгольские народности в одно целое [6, с. 23]. Аналогичных взглядов по данному вопросу придерживался Б.Б. Барадин, утверждавший, что он и его единомышленники «не считают бурят-монголов за самостоятельную культурную единицу, и они мыслят в национально-языковом отношении как неотъемлемая частица монгольской нации» [9]. Эта точка зрения указанных докладов была встречена с одобрением и превалировала в языковом строительстве вплоть до 1930 г.

П.Н. Дамбинов в докладе «Вопросы национально-художественного строительства и перспективы его развития» проводил мысль о том, что «национально-художественное искусство: архитектура, живопись, скульптура, орнамент и т.д., наиболее ярко выражено в буддийских дацанах, а поэтому особое самостоятельное изучение дацанского искусства и привлечение художников лам – творцов этого искусства к строительству нового общественно-полезного искусства – это третья наша основная задача» [10]. В своем выступлении на совещании Б.Б. Барадин высоко отзывался о шаманской поэзии, считая ее одним из важных источников литературы. Совещание согласилось с этими положениями.

В 1929 г. и в начале 1930-х гг. в Бурятии шла острая дискуссия о путях формирования и развития бурятского искусства и литературы, об их содержании и форме, о культурном наследии. В определении политики по дальнейшему развертыванию культурной революции в этот период важное значение имели решения VII Областной партийной конференции (май 1930 г.), партийного совещания по культурному строительству (ноябрь 1930 г.). Так, были сформулированы проблемы и задачи в области строительства национальной культуры Бурят-Монгольской АССР на ближайшую перспективу.

Позиция отдельных представителей интеллигенции, недооценивавших некоторые элементы народной культуры, квалифицировалась как национальный нигилизм. С другой стороны, немало деятелей считали возможным и даже необходимым использовать при создании национального искусства, в особенности театрального и изобразительного, отдельные элементы, средства, формы и методы дацанского искусства, как было сказано выше. Такой подход в последующем был признан буржуазно-националистическим и отвергнут [2], а его представители подвергнуты незаконным репрессиям (Б.Б. Барадин, П.Н. Дамбинов, Ц. Дон, Ц. Жамцарано и др.).

Подводя итог, отметим, что в государственной культурной политике Бурят-Монгольской АССР, как и в других национальных республиках, проводилась линия на формирование социалистической по содержанию, национальной по форме культуры, которая в последующие десятилетия успешно воплощалась в жизнь, несмотря на объективные трудности. Решающую роль в проведении политики в области культуры играли принципы партийности и народности культуры. Нельзя не указать на то, что соотношения «культура – партия», «культура – государство» с самого начала жестко регламентировались, превратившись в последующем в авторитарную систему управления культурой по принципу «партия – государство». Все партийные решения в области культуры стали директивами государства.

Библиография

1. Ербанов М.Н. Вопросы культурно-национального строительства Бурятии: краткий очерк. – Верхнеудинск: Бурмонгиз, 1926. – 57 с.

2. Известия Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) и ВЛКСМ. – 1930. – № 4. – С. 18.

3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. – М.: Политиздат, 1980. – 567 с.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. – М.: Политиздат, 1979. – 729 с.

5. Образование Бурятской АССР: сб. архивных док. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 270 с.
6. Цыбиков Г.Ц. Монгольская письменность как орудие национальной культуры // Бурятиеведение. – 1926. – № 1-3 (5-7). – С. 23.
7. ГАРФ (Гос. архив Рос. Федерации). Ф. 1321,1, д. 26, л. 81-82.
8. НАРБ (Нац. архив Респ. Бурятия). Ф. 2, оп. 1, д. 720, л. 151-169.
9. ОПП ИМБиТ СО РАН (Отд. памятников письменности Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН). № 448. Л. 14-15.
10. ОПП ИМБиТ СО РАН (Отд. памятников письменности Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН). № 378. Л. 210-211.
11. РГАСПИ (Рос. гос. архив соц.-полит. истории). Ф. 17, оп. 21, д. 551, л. 306-315.
12.Флиер А.Я. Культура как социальная система // Вестник ЧГАКИ. – 2013. – № 3 (35). – С. 60-68.

Bibliography

1. Erbanov MN Cultural and National Construction in Buryatia (a short essay) / Erbanov MN - Verkhneudinsk: Burmongiz, 1926. - 57 p.
2. News of the Buryat-Mongolian Regional Committee of the CPSU (b) and the Young Communist League. - 1930. - № 4. - P. 18.
3. V.I. Lenin, Omnibus edition. V. 24 / V.I. Lenin - M. Politizdat, 1980. - 567 p.
4. VI Lenin, Omnibus edition. V. 45 / VI Lenin - M. Politizdat, 1979. - 729 p.
5. The Formation of the Buryat ASSR: Archival docs coll. - Ulan-Ude Buryat Book Publ., 1964. - 270 p.
6. Tsybikov G. Ts. The Mongolian Written Language as an Instrument of a National Culture / / Buryatia Studies. - 1926. - № 1-3 (5-7). - P. 23.
7. GARF (State Archive of the Rus. Federation). Col. 1321.1. F. 26. L. 81-82.
8. NABR (National Archives of the Buryatia Resp.). Col. 2. Inv. 1. F. 720. L. 151-169.
9. WRD IMBT RAS (Written records Dept. of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences). № 448. L. 14-15.
10. WRD IMBT RAS (Written records Dept. of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences). № 378. L. 210-211.
11. RSASPH (Rus State Archive Socialist-Political History). Col. 17. Inv. 21. F. 551. L. 306-315.
12. Flier A.Y. Culture as a Social System. Herald of CSACA.-2013, №3(35). P.60-68.

Н.В. Цыпышева, канд. ист. наук, e-mail: nat-ts75@yandex.ru
МАОУ СОШ № 9, г. Улан-Удэ
Е.А. Голубев, канд. филос. наук, доц.
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 070 (09) (571.54)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СТРАНИЦАХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ ФЕВРАЛЯ – ОКТЯБРЯ 1917 г.

Статья посвящена истории периодической печати Западного Забайкалья (февраль – октябрь 1917 г.) Проведен анализ материалов официальных периодических изданий региона, посвященных важнейшим событиям в России и Забайкалье. Выявлены особенности местных изданий, приведены характеристики конкретных органов печати, процитированы важнейшие публикации сохранившихся номеров.

***Ключевые слова**: периодическая печать, Забайкалье, газеты, революция, Временной правительство, местные исполкомы.*

N.V. Tsypysheva, Cand. Sc. History
E.A. Golubev, Cand. Sc. Philosophy, Assoc. Prof.

POLITICAL PROCESSES IN THE OFFICIAL PERIODICALS OF THE WESTERN ZABAIKALIE FEB – OCT 1917

The article is devoted to the history of periodicals in Western Zabaikalie February – October 1917. The authors analyze official periodicals of the region, dedicated to the most important events in Russia and Zabaikalie. The article gives peculiarities of local publications, characteristics of a particular press, cites the most important publication of the saved newspaper issue.

***Key words:** periodical press, Zabaikalie, newspapers, revolution, temporary government, local Executive committees.*

Процесс особенно бурного развития периодической печати начинается в России начале 1917 г., когда происходит смена власти в государстве. В результате Февральской буржуазно-демократической революции в России сложилась принципиально новая политическая ситуация: было свергнуто самодержавие, образовавшаяся система двоевластия была представлена, с одной стороны, Временным правительством с сетью комитетов на местах, с другой – Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов с сетью местных советов. В Верхнеудинске – центре Западного Забайкалья, 6 марта 1917 г. были образованы: Исполнительный комитет общественных организаций – местный орган Временного правительства и Совет рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска.

В феврале 1917 г. в России были провозглашены политические свободы, в том числе свобода печати. В ходе революции начался стремительный процесс дифференциации периодической печати: периодические издания различной политической принадлежности пытаются повлиять на общественное мнение.

После февраля как в Сибири в целом, так и в Забайкалье большинство мест в Советах принадлежало эсерам и меньшевикам [1]. В органах власти Временного правительства большинство составляли также представители этих партий. Условия политической ссылки заставляли ссыльных революционеров разных направлений держаться вместе. Потому трения между Исполкомом общественных организаций и Верхнеудинским советом не принимали антагонистического характера. Две власти в Забайкалье, в отличие от центральной России, старались сотрудничать [2]. Эта особенность нашего региона наложила отпечаток на всю работу местных властей и официальных органов печати.

Сотрудничество двух властей проявилось в выпуске совместных изданий в ряде сибирских городов: в Чите выходила газета «Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности и Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов»; в Верхнеудинске – «Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска». Такие совместные газеты были основным источником распоряжений и информации о действиях правительства. Западное Забайкалье весной 1917 г. не имело партийных изданий разных политических направлений, поэтому местным информационным источником об их деятельности становились также вышеназванные объединенные официальные газеты.

Газета «Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности и Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов» (далее – «Областные Известия») служила источником областных новостей. Первоначально она называлась «Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности», выходила в Чите на 2 и 4-х полосах. В мае 1917 г. газета меняет название, вследствие объективных причин и называется теперь «Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности и Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и сельских депутатов». Основные рубрики: «Передовица», «Часть официальная», «Телеграммы», «Хроника», «Печать», «По области». К концу года передовица исчезает, и газета превращается в простой информационный листок с приказами, постановлениями и официальными объявлениями.

В марте 1917 г. Президиум Областного комитета общественной безопасности обращается к жителям Забайкалья со страниц «Областных Известий»: «Граждане! В жизни России произошел государственный переворот. Революция разрушила до основания старый правительственный строй, который привел страну на край гибели. Власть в настоящее время находится в руках Временного правительства, избранного Комитетом Государственной думы. В Забайкалье власть находится в руках Забайкальского областного комитета общественной безопасности, которым смещен ряд лиц, стоящих во главе отдельных воинских и гражданских частей, как приверженцев старого строя, могущих нарушить общественное спокойствие. Революционное движение привело народ к полной победе над преступным правительством старого царского строя. Теперь сам народ призывается к созданию новой жизни на началах свободы, равенства и права…» [3].

Страна приняла Февральскую революцию с небывалым подъемом. Телеграммы первого номера «Областных Известий» пестрят сообщениями о настроениях в армии «Война до победного конца!», большое количество телеграмм со всех концов Забайкальской области о приветствии новой власти [4]. На страницах газеты публикуется обращение князя Г.Е. Львова – премьер-министра Временного правительства с призывом населения к неустанной работе на благо свободной России [5].

В Верхнеудинске официальным органом двух властей стала совместная газета «Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска» (далее – «Известия Верхнеудинска»). Выходила она в Верхнеудинске с 16 марта по 30 сентября 1917 г. (всего вышло 130 номеров). С 1 июля (№ 77) у газеты новое название – «Известия Верхнеудинского районного исполнительного комитета и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Верхнеудинск весной 1917 г. был не просто центром уезда, он стал центром всего Западного Забайкалья, носившего в этот период название «Прибайкалье», что отражалось в названиях различных учреждений и газет. Верхнеудинский Комитет общественных организаций и Верхнеудинский Совет объединили деятельность четырех уездов: Верхнеудинского, Селенгинского, Троицкосавского и Баргузинского. Организовав создание новых органов власти на местах, верхнеудинские власти консолидировали деятельность всего Прибайкальского района по введению революционных преобразований [6]. Таким образом, газета «Известия Верхнеудинска» стала официальным печатным органом всего Западного Забайкалья.

Газета выходит на 2-х полосах. Подзаголовок на 1 полосе гласит: «Граждане, организуйтесь!». Основные рубрики: «Указы Временного правительства», «Телеграммы Временного правительства», «В Исполнительном комитете», «В Совете рабочих и солдатских депутатов», «По области», «Хроника», «В военном Совете», «Телеграммы», «Из газет», «Объявления», «По району». Часто встречается подзаголовок «В секции по охране труда», изредка «В примирительной камере», иногда «Судебная хроника». В 20-х числах августа 1917 г. начинает публиковаться «Положение о выборах в Учредительное собрание». В газете встречаются перепечатки из других газет: «Иркутская жизнь», «Сибирь», «День», публикуются материалы Петербургского телеграфного агентства. Основные материалы газеты: официальные протоколы и документы, авторских статей встречается крайне мало, подписей под статьями нет. «Известия Верхнеудинска» издавались тиражом 1500 экземпляров [7]. Тираж был огромный для издания местного характера.

Февральская революция уничтожила монархию в России, но вопрос об организации новой власти не был легким. Законную власть должно было установить Учредительное собрание. Отсутствие ясной программы действий, колебания и неуверенность в своих силах делали Временное правительство малоавторитетным. В начале апреля, после приезда в Петроград вождя большевиков В.И. Ульянова-Ленина, началась консолидация крайне левых сил. Он считал, что давление с крайне левого фланга заставит «леветь» и правительство. Но в то же время объективная невозможность для правительства проводить радикально левые лозунги приведет к тому, что к власти придут авторы этих лозунгов, т.е. большевики. Действия большевиков вызвали реакцию по всей стране.

Характерной чертой периодических изданий этого времени: как центральных, так и региональных и местных – являлось обсуждение вопросов решительно любого уровня: от международных проблем и мировой революции, до рекомендаций будущего государственного устройства России. Решалась судьба государства и, в свете совершившейся революции, судьбу эту должно было решить само российское общество, поэтому нам не кажется странной телеграмма Совета Тарбагатайских копей Петроградскому Совету с предложением арестовать товарища Ленина за его дезорганизаторскую деятельность. В Верхнеудинском Совете, обсуждавшем телеграмму, такое решение называют отзвуком буржуазной прессы [8].

Учредительное собрание было единственным законным органом, в глазах всей страны способным разрешить назревшие жизненно важные вопросы, потому тема Учредительного собрания в 1917 г. не сходит со страниц газет всех политических направлений. «Русские рабочие всегда выставляли на своем знамени требование Учредительного собрания. Теперь это требование стало частью официальной программы Временного правительства. Оно признало, что верховная власть над свободным народом может принадлежать только самому народу. Только сам народ может решить какая форма правления, какое устройство государства, какие основные законы ему нужны…» [9].

Председатель Верхнеудинского совета В.М. Серов в своем докладе на съезде представителей Комитетов Прибайкалья в мае 1917 г. раскрывает перспективы деятельности Учредительного собрания: «… демократия должна серьезно готовиться к выборам, так как от серьезности подготовки зависит состав Учредительного собрания. Избранниками демократии должны быть стойкие революционеры, которые могли бы закрепить в Учредительном собрании все завоевания революции и уничтожить остатки царизма…»[10].

Революция предоставила возможность обществу решать дальнейшую судьбу страны, это привело в том числе и к назреванию сепаратистских тенденций, особенно на окраинах империи, ущемленных во многих отношениях. В Сибири возникает проект организации Сибирской автономии. В Томске был организован Центральный сибирский организационный комитет под председательством Г.Н. Потанина – известного сибирского ученого и давнего приверженца идеи сибирского областничества. Комитетом были разосланы обращения и некоторые другие материалы, в том числе и в редакцию «Известий Верхнеудинска» с просьбой напечатать их в газете или выпустить в форме приложений [11].

Со страниц «Областных Известий» Забайкалья мы узнаем, что Читинский Комитет общественной безопасности отрицательно отнесся к проекту Сибирской автономии и постановил: «Принять участие в Томском съезде, для разработки вопросов по автономии Сибири и других вопросов, стоящих в повестке съезда, причем высказаться против всяких попыток явочным порядком осуществить автономию Сибири и против организации объединяющего органа, намеченного в телеграмме организационного Совета» [12].

Делегаты же областного съезда представителей сельского населения Забайкалья поддержали идею сибирской автономии. «… Съезд высказался за Сибирскую федеративную республику с Сибирским сеймом 187 голосами против 176. Ввиду того, что голоса разделились почти поровну, решено оставить этот вопрос открытым…» [13].

Верхнеудинск стал центром всего Прибайкалья. Для консолидации всех сил региона было решено созвать съезд комитетов Прибайкалья. «Известия Верхнеудинска» информировали читателей о программе съезда и ходе его работы. Среди многих вопросов программа съезда включала: организацию районного объединения Прибайкалья для укрепления и расширения революционного строительства, введение земства в Сибири, вопросы о самоуправлении бурятского народа, о подготовительной работе к выборам в Учредительное собрание и выборам в Прибайкальский Гражданский комитет.

Вопросом первостепенной важности в России стал вопрос о земле, который занял большое место в работе съезда представителей комитетов Прибайкалья. Съезд вынес следующую резолюцию: «Считая, что окончательное решение земельного вопроса принадлежит Учредительному собранию, съезд полагает, что в основу решения этого вопроса должна быть положена конфискация без выкупа казенных, кабинетских, удельных, церковных, монастырских и частновладельческих земель и передача их в пользование народа через органы местного демократического самоуправления» [14].

В Западном Забайкалье в 1917 г. не было самостоятельных изданий политических партий, об их деятельности и политической борьбе в крае население узнавало из официальных «Известий». В июне 1917 г. были предприняты новые выборы в Верхнеудинский Гражданский комитет. На заседании Верхнеудинского Совета было решено, что между социалистическими партиями социал-демократов и социалистов-революционеров будет заключен блок для выборов в местный Гражданский комитет. О другом образовавшемся блоке из союзов домовладельцев и чиновников, партии кадетов и национальных партий говорится на заседании совета как о контрреволюционном [15]. Здесь необходимо отметить, что газета «Известия Верхнеудинска» была явно социалистической окраски, несмотря на то, что выпускалась на средства Временного правительства. Таковой была особенность политического руководства Западного Забайкалья в этот период, в большинстве своем социалистического.

Официальные известия выходили не только в Верхнеудинске и Чите. В г. Баргузине также выходили свои «Известия Исполнительного комитета Баргузинского уездного собрания». В подшивке один номер – № 10 от 17 сентября 1917 г. У газеты 2 полосы, подписей авторов под статьями нет. В материалах обсуждаются местные события. Номер имеет следующее содержание: «Об открытии в Баргузине 4-классной гимназии для детей обоего пола», «О пособиях семьям солдат», «Выписка из протокола общего объединенного заседания Исполнительного Земельного и Продовольственного комитетов», «Объявление от баргузинской почтово-телеграфной конторы», «Именной список жертвователей в пользу амнистированных политических», «Выписка из протокола заседания Исполнительного комитета Баргузинского уездного народного собрания». Газета печаталась в типографии А.А. Нодельмана.

В единственном сохранившемся номере этого издания мы находим материал об одном из актуальнейших вопросов периода – о решении бурятского вопроса. Надо сказать, что на страницах верхнеудинских газет эта тема не получила практически никакого освещения. Тем более, интересен материал уездной баргузинской газеты. Из выписки из протокола общего объединенного заседания Исполнительного Земельного и Продовольственного комитетов, состоявшегося 2 сентября 1917 г. мы узнаем о том, что в Баргузинском уезде были серьезные проблемы с введением земства у бурятского населения: буряты хотели организовать свой уезд и в нем свое собственное земство. Область не давала четкого ответа на этот вопрос, потому было принято решение: «сообщить Областному комитету, Областному комиссару и аймачному чулгану, что закон о введении земских учреждений в Сибири не указывает на то, чтобы Баргузинские буряты были выделены в особый уезд, что невозможно ни по каким соображениям, так как создавать особые уездные учреждения для 14 000 человек, когда никакой к этому необходимости не вызывается – недопустимо ни по местным, ни по государственным соображениям… Уездный комитет не может не высказать своего удивления Областному комитету, выносящему дезорганизующие, разноречивые постановления в отношении бурят, которые благодаря этому, не торопятся с введением земства, так необходимого для Учредительного собрания» [16]. Налицо рождение межна-

ционального и административного конфликта, причем Областной исполнительный комитет Временного правительства не занял еще четкой позиции по бурятскому вопросу, хотя и поддерживал бурятские инициативы по организации своего самоуправления.

Из материалов баргузинских «Известий» мы также узнаем о том, что Баргузинский комитет был против присоединения к Верхнеудинску и в качестве районной власти его не признавал [17].

Читинский областной комитет в 1917 г. также отказывался признать г. Верхнеудинск в качестве центра Западного Забайкалья. Впервые очень остро на страницах газеты «Известия Верхнеудинска» этот вопрос прозвучал в протоколе экстренного заседания Верхнеудинского районного комитета 17 июля 1917 г., где после прений было решено передать этот непростой вопрос на рассмотрение краевого съезда в Иркутске. «…В дни революции Чита позабыла о западе Забайкалья. Работу по устроению новой жизни вел здесь исключительно Верхнеудинский Комитет. Затем, со стороны Читы начинается ряд выпадов. Чита назначает областной съезд, не предупреждая об этом Верхнеудинск. Узнаем о нем мы случайно. Нашим представителям на этом съезде не был дан решающий голос. Мы организовали на местах комитеты, помощь при обсеменении полей из хлебозапасных магазинов и прочее. За указаниями к Верхнеудинску шли и буряты, и казаки, и крестьяне. Потом остались одни крестьяне. Оказывается, на читинском съезде шла агитация против Верхнеудинского Комитета. Там говорилось, например, что Верхнеудинск идет против национально-культурного самоопределения бурят. На этой изобретенной в Чите почве была начата кампания против Верхнеудинска. Только после ряда телеграмм Чита соглашается признать Верхнеудинск районным центром… Краевой съезд… решит, действительно ли Верхнеудинск представляет из себя «Прибайкальский Кронштадт», как острословят в Чите» [18].

25 июля 1917 г. в Иркутске в присутствии более чем 45 представителей от разных общественных организаций Сибири открылся Краевой съезд. Протоколы съезда регулярно публиковались на страницах «Известий Верхнеудинска». Съезд должен был разрешить важнейшие для населения края вопросы.

Население Западного Забайкалья более всего интересовали два вопроса: о взаимоотношениях между Верхнеудинском и Читой и национальный. Для решения первого на съезде была создана специальная комиссия, но члены ее не пришли к взаимному соглашению. Выступая на съезде с докладом по Верхнеудинскому вопросу, представитель Верхнеудинского районного исполнительного комитета гр. Пятидесятников говорил, что «…административная Забайкальская область географически и этнографически водоразделом делится на две части. Прибайкалье давно тяготеет к Иркутску, как крупному культурному центру. Старая администрация соединила эти две части искусственно. Когда в 1905 г. возникло кооперативное строительство, то сами собой создались два центра: Верхнеудинск, вокруг которого группировались 4 западных уезда, и Чита, к которой примкнули 4 восточных. При революционном строительстве в 1917 г. повторилось то же самое: Верхнеудинск организовал западную часть, а Чита – восточную. 31 марта было заключено между Верхнеудинском и Читой формальное соглашение по некоторым вопросам. Но потом началось вмешательство Читы в законные права Верхнеудинска: посылка в район последнего комиссаров, которые вносили расстройство в революционную работу общественных органов Верхнеудинска. Мы, верхнеудинцы, стремимся к революционированию населения Прибайкалья, а для этого мы должны быть самостоятельны…» [19]. Съезд так и не смог разрешить этот вопрос.

Другим важнейшим моментом для забайкальцев стало обсуждение на съезде национального вопроса. Национальное движение бурят и эвенков прежде не выходило за пределы области или губернии. Теперь оно принимало более организованный характер. За период с апреля по октябрь 1917 г. состоялось 3 общебурятских съезда [20]. Основными вопросами, которые обсуждались на бурятских съездах, были: о национальной автономии, об участии бурят в Учредительном собрании, о землевладении и землепользовании, о национальной культуре и религии. Во главе национального движения стояла бурятская интеллигенция. Результатом национального единения стало создание местных земских национальных учреждений: аймаков, хошунов и др.

На краевом съезде с большим докладом по национальному вопросу выступил Э-Д. Ринчино [21]. Газета «Известия Верхнеудинска» помогала населению Западного Забайкалья следить за событиями в Иркутске. Ринчино кратко напомнил основные этапы борьбы бурятского народа за национальное самоопределение и констатировал, что революция поставила перед бурятами вопрос об устройстве их жизни. Докладчик говорил, что в земельном вопросе разные слои населения (казаки, крестьяне и буряты) враждебно между собой сталкиваются. «…Самодержавие, чтобы убить нарождающуюся революцию..., выдвинуло в свое время колонизацию Сибири. Сюда привлечены были толпы голодных крестьян. Сознательная часть инородческого населения против разумной колонизации ничего не имеет,

но задачей прежней колонизации было отнятие у «дикарей» бурят их земли. Переселенческое ведомство резало бурятские угодья, ни с чем не считаясь, лишь бы выкроить колонизационный участок. Затем начали затрагивать вопрос об уничтожении нашего национального языка. Чересполосица и земельная политика вызвали массу конфликтов, и это обязывает нас сейчас к осторожному отношению…». Далее Э-Д. Ринчино заявил, что на выборах в Учредительное собрание бурятское население будет выступать в блоке с социалистами-революционерами [22].

После бурных и разноречивых прений съездом была принята резолюция, не давшая точного определения решению бурятского вопроса и роли аймаков, хотя и высказалась за их сохранение. Окончательное решение национального вопроса не входило в компетенцию съезда. Э-Д. Ринчино, усматривая, что в вынесенной краевым съездом резолюции интересы бурятского населения значительно обойдены, демонстративно заявил, что дальнейшее свое пребывание на съезде и участие в его работе он считает излишним [23].

Краевой съезд во многом не оправдал надежд, на него возложенных. Буряты были недовольны решением национального вопроса, верхнеудинцы решением вопроса о взаимоотношениях между Верхнеудинском и Читой. На страницах «Известий Верхнеудинска» немедленно появились отчеты и мнения о съезде представителей населения Прибайкалья. В частности эти вопросы обсуждались на заседаниях Верхнеудинского районного гражданского комитета, где было решено продолжать работу района в том же масштабе, в котором она велась. Краевой съезд обнажил важнейшие противоречия, которые требовали осторожного и грамотного разрешения.

«Двоевластие» после реформирования коалиционного правительства приобрело странный характер, ибо одна из «властей» – правительство – почти наполовину состояла из деятелей другой «власти» – Совета. Уличная, митинговая активность сторонников коалиции шла на убыль. 3 июля 1917 г. в Петрограде прошли крупные манифестации против начавшегося наступления русской армии. В правительственных и общественных кругах это квалифицировалось, как попытка большевиков захватить власть. Л.Б. Каменев был арестован, В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев скрылись за границей, их ближайшие сторонники были арестованы, но довольно скоро выпущены без суда. Большевики продолжали действовать фактически в условиях полной легальности.

В Западном Забайкалье петроградские события стали предметом обсуждения местных властей, и нашли отражение на страницах «Известий Верхнеудинска». «…Товарищ министра Салтыков телеграфирует: в связи с отставкой кадетских министров, безответственные агитаторы при поддержке большевистских организаций вызвали на улицы рабочие массы, солдат и кронштадтских матросов. Оказались бессильны руководить ими. Вооруженные толпы два дня бродили по городу, происходила беспорядочная стрельба разъезжавших на автомобилях с пулеметами людей; Таврический дворец был наводнен вооруженными депутациями, требующими от Центрального комитета всероссийского Совета взять всю власть в свои руки. В объединенном заседании оба Центральные комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов категорически протестовали против такого давления. Огромным большинством около трехсот против сорока постановили оставить Временное правительство в составе десяти ответственных министров, предоставляя им право приглашать для остальных министерств деловых управляющих… Вчера началось ликвидирование вооруженных выступлений выступившими на поддержку совета полками, задержаны все автомобили с пулеметами…» Была, вместе с тем, получена телеграмма из Иркутска, в которой местные власти протестовали «… против действий кучек безответственных демагогов, систематически вносивших раздор в ряды организованной демократии и завершивших свою разрушительную контрреволюционную работу вооруженным выступлением 4 июля. Попытки лишить свободы пользующихся безусловным доверием всей революционной России министров-социалистов, попытки силой оружия разговаривать с центральными органами Российской революционной демократии – есть измена делу революции, есть предательство, которое демократия должна заклеймить негодованием и презрением…» [24].

В Верхнеудинском Совете было решено, что события в Петрограде нуждаются во всестороннем освещении, что нет достоверных сведений для того, чтобы сделать какие-то определенные выводы: «… предлагает … присоединиться пока, до получения более точных сведений, к иркутской резолюции в той ее части, которая касается осуждения неорганизованного выступления безответственного меньшинства…» [25].

Объединенное заседание Совета военных депутатов Березовского гарнизона с президиумами всех комитетов гарнизона и членами Просветительской комиссии 13 июля 1917 г. после продолжительных прений по поводу петроградских событий, также осудило выступление и выразило доверие

Временного правительств [26]. Итак, верхнеудинцы вооруженное выступление осудили и призвали к этому население района через официальную газету.

После февраля 1917 г., на фоне политической борьбы в центре России, Забайкалье стало регионом, где все революционные силы старались сотрудничать. Объединенные периодические издания местных органов Временного правительства и Советов стали характерным явлением нашего региона.

Библиография

1. История Бурятской АССР. Т. 2. – Улан-Удэ, 1959. – С. 15.
2. Курас Л.В., Базаров Б.В. Бурятия в революции 1917-1918 гг. // Отчий край. Краеведческий сборник… – С. 82.
3. Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности. – 1917. – № 1, 15 март. – С. 1.
4. Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности. –1917. – № 3, 17 март. – С. 1.
5. Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности. –1917. – № 13, 30 март. – С. 3.
6. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. –1917. – № 9, 25 март. – С. 1.
7. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. – № 40, 13 мая. – С. 1.
8. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. –№ 47, 21 мая. – С. 1.
9. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. – № 9, 25 март. – С. 2.
10. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. – № 43, 17 мая. – С. 1.
11. ГАРБ. Ф. Р-450, оп. 1, д. 14, лл. 269-272 об.
12. Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности. –1917. – № 157, 8 октября. – С. 1.
13. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. – № 33, 3 мая. – С. 1.
14. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. – № 39, 11 мая. – С. 1.
15. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. – № 56, 3 июн. – С. 1.
16. Известия Исполнительного комитета Баргузинского уездного собрания. – 1917. – № 10, 17 сент. – С. 1.
17. Там же. – С. 2.
18. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. – № 100, 28 июл. – С. 1-2.
19. Известия Верхнеудинского районного исполнительного комитета и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – № 104, 2 авг. – С. 2.
20. История Бурятской АССР. Т. 2. – Улан-Удэ, 1959. – С. 17.
21. Ринчино Элбек-Доржи (1880–1937), выдающийся деятель бурятского национального движения, социал-демократ (1906), позднее эсер. После Февральской революции участвовал в работе 1-го съезда сельского населения Забайкалья, избран членом совета сельских депутатов и назначен заместителем председателя. Входил в Комитет общественной безопасности 1-го и 2-го созывов. Председатель Бурятского национального комитета (авг. – окт. 1917 г.). С установлением советской власти сотрудничал с большевиками. Участвовал в работе 3-го Забайкальского съезда Советов сельских депутатов – казаков, крестьян, бурят и Советов рабочих и военных депутатов, избран членом Военно-революционного штаба (Очиров С.Б. Элбэк-Доржи Ринчино // Выдающиеся бурятские деятели (XVII – нач. XX в.). Ч. I. – Улан-Удэ, 2001. – С. 141-146).
22. Известия Верхнеудинского районного исполнительного комитета и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – № 105, 3 авг. – С. 1.
23. Там же.
24. Известия Исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска. – 1917. – № 74, 9 июл. – С. 1.
25. Известия Верхнеудинского районного исполнительного комитета и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. –№ 97, 24 июл. – С. 1.
26. Известия Верхнеудинского районного исполнительного комитета и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – № 95, 22 июл. – С. 2.

Bibliography

1. The History of the Buryat ASSR. vol. 2. – Ulan-Ude, 1959. - P. 15.
2. Kuras, L. V., Bazarov, B. V. Buryatia in the Revolution of 1917 – 1918//fold edge. Local history collection... P. 82.
3. News of Zabaikalian regional Committee of public safety. – 1917. No. 1 . – March 15. – P. 1.
4. News of Zabaikalian regional Committee of public safety. –1917. No. 3. –March 17. – P. 1.
5. News of Zabaikalian regional Committee of public safety. –1917. No. 13. – March 30. – P.3.
6. News of the Executive Committee of public organizations and the Soviet of workers 'and soldiers' deputies of the city of Verkhneudinsk. –1917. No. 9. – March 25. – P. 1.
7. News of the Executive Committee of public organizations and the Soviet of workers 'and soldiers' deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 40. – May 13. – P. 1.
8. News of the Executive Committee of public organizations and the Soviet of workers 'and soldiers' deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 47. – May 21. – P. 1.
9. News of the Executive Committee of public organizations and the Soviet of workers 'and soldiers' deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 9. – March 25. – P.2.
10. News of the Executive Committee of public organizations and the Soviet of workers 'and soldiers' deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 43. – May 17. – P. 1.
11. GARB f. P-450, op.1, d. 14, ss. 269-272.
12. News of Zabaikalian regional Committee of public safety. –1917. No. 157. – 8 Oct. – P. 1.
13. News of the Executive Committee of public organizations and the Soviet of workers 'and soldiers' deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 33. – 3 may. – P. 1.
14. News of the Executive Committee of public organizations and the Soviet of workers 'and soldiers' deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 39. – May 11. – P. 1.
15. News of the Executive Committee of Public Organizations and the Soviet of Workers 'and Soldiers' Deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 56. – June 3. – P. 1.
16. News of the Executive Committee of the Barguzin district Assembly. – 1917. No. 10. – September 17. – P. 1.
17. News of the Executive Committee of the Barguzin district Assembly. – 1917. No. 10. – September 17. – P.2.
18. News of the Executive Committee of Public Organizations and the Soviet of Workers 'and Soldiers' Deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 100. – July 28. – P. 1-2.
19. News Verkhneudinsk district Executive Committee and the Council of workers', soldiers 'and peasants' deputies. – 1917. No. 104. – 2 Aug. – P.2.
20. The history of the Buryat ASSR. vol. 2. – Ulan-Ude, 1959. – P. 17.
21. Rinchino Albek Dorji (1880-1937), an outstanding figure of the Buryat national movement, a social Democrat (1906), later social-revolutioner. After the February revolution, took part in the work of the 1st Congress of the rural population of Zabaikalie, elected member of the Council of the rural deputies and was appointed Deputy Chairman. Included in the Committee of public safety of the 1st and 2nd convocations. The Chairman of the Buryat national Committee (Aug. – Oct. 1917). With the establishment of the Soviet government cooperated with the Bolsheviks. Participated in the 3rd TRANS-Baikal Congress of rural deputies – Cossacks, peasants, buryats and Soviets of workers 'and soldiers' deputies, elected a member of the Military revolutionary headquarters (Ochirov S. B., Albek Dorji Rinchino /Outstanding Buryat leaders (XVII - beginning of XX centuries) part I – Ulan-Ude, 2001. – P. 141-146).
22. News Verkhneudinsk district Executive Committee and the Council of workers', soldiers 'and peasants' deputies. – 1917. No. 105. – 3 Aug. – P. 1.
23. News Verkhneudinsk district Executive Committee and the Council of workers', soldiers 'and peasants' deputies. – 1917. No. 105. – 3 Aug. P. 1.
24. News of the Executive Committee of public organizations and the Soviet of workers 'and soldiers' deputies of the city of Verkhneudinsk. – 1917. No. 74. – 9 July. – P. 1.
25. News Verkhneudinsk district Executive Committee and the Council of workers', soldiers 'and peasants' deputies. – 1917. No. 97. – July 24. – P. 1.
26. News Verkhneudinsk district Executive Committee and the Council of workers', soldiers 'and peasants' deputies. – 1917. No. 95. – July 22. – P.2.

Л.Р. Зангеева, канд. ист. наук, ст. преподаватель, e-mail: zlrobert.03@yandex.ru
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ

УДК 93/99(571.54):63

СТАНОВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

В статье рассматривается процесс становления сельскохозяйственной науки в Бурят-Монгольской АССР в первой половине XX в., создание первых сельскохозяйственных учреждений, высшего учебного заведения по подготовке специалистов сельского хозяйства, научно-исследовательская работа и др.

Ключевые слова: *сельскохозяйственная наука, опытные станции, научно-исследовательская наука, народное хозяйство, высшее учебное заведение.*

L.R. Zangeeva, Cand. Sc. History, Senior Lecturer

THE FORMATION OF AGRICULTURAL SCIENCE IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

The article deals with the agricultural science formation process in the Buryat-Mongolian ASSR in the first half of the 20th century, the creation of the first agricultural institutions, a higher educational institution for the agricultural specialists training, research work.

Key words: *agricultural science, experimental stations, scientific research, national economy, higher education institution.*

Становление и развитие сельскохозяйственной науки в Бурят-Монгольской АССР, как и в большинстве национальных регионов СССР, происходило в советский период. В числе первых сельскохозяйственных учреждений, появившихся в республике, следует назвать Онохойскую опытную станцию, ветеринарно-бактериологическую лабораторию, занимавшихся исследовательской деятельностью.

Актуальность научных исследований в области сельскохозяйственных наук были обусловлены теми задачами, которые стояли перед республикой в 1920 -1930 гг. Необходимо было наряду с обновлением материально-технической базы, внедрять в производство агрономическую и зоотехническую культуры. Решение этой задачи, связанной с созданием широко разветвленной агрономической и ветеринарной службы, остро поставило вопрос о массовой подготовке специалистов сельского хозяйства: зоотехников, агрономов, ветеринарных врачей.

Главная отрасль народного хозяйства – животноводство – велась экстенсивным способом. Эпизоотия наносила огромный экономический ущерб республике.

В 1921 г. в Сибири работали 152 ветеринарных врача и 375 ветфельдшеров. Из них 4 ветврача, 13 фельдшеров на территории нынешних границ республики. Тогда, как по подсчетам Сибирского земельного управления для нормального обслуживания наличного поголовья скота необходимо было иметь 762 ветврача, не считая фельдшеров [1, с. 3, 6; 2, с. 68]. Низкая квалификация кадров, плохая постановка работы в ветеринарных учебных заведениях и научно-исследовательских институтах, требовало усиления подготовки зоотехнических и ветеринарных кадров высших, средних и массовых квалификаций.

Выход из создавшегося положения руководство Бурят-Монгольской АССР находило в том, чтобы отправлять молодежь с предоставлением стипендии в высшие и средние учебные заведения других городов. Так, в 1923-1924 учеб. году за пределы Бурятии было отправлено 29 чел., в 1929 г. – 422 чел. Всего за четыре года (1924-1927) вузы и центральные курсы окончили 126 чел. [3, с. 7].

Несмотря на предпринятые меры специалистов не хватало. Этой цели послужило открытие агропединститута (НКЗ СССР) осенью 1931 г. в г. Верхнеудинске [4, с. 16, 54, 65-66; 5, с. 7-9, 15].

С момента организации вуза в 1931 г. им проведена огромная научно-исследовательская работа, которая в наибольшей степени повлияла на организацию и последующее состояние сельскохозяйственной науки и сельскохозяйственного производства республики.

Первая половина XX в. это не только время организации научно-исследовательской работы в области сельского хозяйства в стенах Бурят-Монгольского зооветеринарного института, но и опытной, ветеринарной, племенной работы, сельскохозяйственной науки Бурятии в целом.

Научная деятельность высшей сельскохозяйственной школы Бурятии отчетливо стала проявляться лишь со 2-й половины 1930-х гг. До этого времени в связи с организационным периодом и многими другими трудностями научная работа в высшем сельскохозяйственном учреждении Бурятии не была развернута в полном планируемом объеме. Причиной такого положения была слабая материально-техническая база института – вуз продолжительное время не имел необходимые помещения для учебной, научной и производственной деятельности, лабораторий, общежитий, столовой. Отсутствовали технический инвентарь, инструменты, препараты и мн. др.

В институте в первые годы было всего 11 преподавателей и 5 кафедр: ботаники, химии, земледелия, животноводства, математики и физики. К преподаванию привлекались специалисты из Наркомзема и педагогического института.

По мере становления агропединститута (1931) – сельхозинститута (1933) – зооветинститута (1935) – сельхозинститута (1960) – сельсхозакадемии (1995), ввода в строй новых учебных корпусов открывались новые кафедры и лаборатории. Постепенно складывался профессорско-преподавательский состав, приходили опытные ученые, представляющие различные школы и направления, что закладывало прочную основу для подготовки высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства, таких как К.М. Крамм, Т.М. Омельченко, С.Н. Мачульский, В.Я. Суетин, Р.П. Пилданов, А.А. Баертуев и мн. др.

Выполнение I-го пятилетнего плана развития народного хозяйства Бурят-Монгольской АССР потребовало активизации работы по изучению производительных сил республики. Именно в эти годы (1928–1933) в Бурятии были открыты научные учреждения и опытные станции. В 1930-х гг. в республике работают экспедиции Совета по изучению производительных сил АН СССР.

Итоги научного исследования Бурятии были подведены на I конференции по изучению производительных сил БМАССР, организованной АН СССР и БМАССР в Ленинграде в апреле 1934 г. Важное место в программе всестороннего научного изучения Бурятии отводилось преподавателям и сотрудникам агропединститутов. Изучением вопросов, связанных с развитием сельского хозяйства, занимались кафедры зооветеринарного института, опытная станция «Иро» по животноводству, Онохойская селекционная станция и ветеринарно-бактериологическая лаборатория. Темы научных исследований были связаны с основными направлениями научно-исследовательской работы, проводившихся в сельскохозяйственных учреждениях и на опытных станциях. Это диагностика и ликвидация инфекционных болезней животных; организация и выведение новых высокопродуктивных сортов, улучшение местных сортов и обеспечение семеноводческих хозяйств высококачественными семенами районированных сортов; племенная работа в животноводстве, контрольно-семенное дело, работа по составлению агрохимических карт [6, с. 3].

Большая работа по ветеринарии была начата на ветеринарно-бактериологической лаборатории (1926). В 1928 г. на базе этой лаборатории был открыт клинико-бактериологический ветеринарный институт НКЗ БМАССР, где проводилась научно-исследовательская и научно-производственная работа. Первые научные исследования в этом институте выполнили профессор И.И. Архангельский и ветврач В.Я. Суетин. Институт готовил сыворотку против сибирской язвы, формолвакцину против оспы овец, обеспечивая производственные нужды животноводства не только Бурятии, но и Якутской АССР, Иркутской и Читинской областей, а также МНР.

С открытием Бурят-Монгольского зооветеринарного института научные исследования по ветеринарии велись под руководством профессора И.А. Спирюхова – изучение закономерностей роста и развития органов, систем домашних животных республики в историческом и функциональном аспекте. Другое направление основано профессором В.Я. Суетиным – изучение гистохимии половой системы и морфофункциональных особенностей продуктивных и промысловых животных, разводимых в Забайкальском регионе [7, с. 69; 8, с. 6].

Научное исследование велось Ф.А. Чиркиным по теме «Распределение солей магния по различным органам и тканям животного организма» (кафедра биохимии); кафедре общей химии – «Изучение химического состава лекарственного растения (кровохлебка)», у В.М. Кузнецова «Сорнополевая растительность Бурят-Монголии», П.А. Ковальского «Хромогенная система» и др.

Однако были и работы, отражавшие идеологическое воздействие на научную работу. Так, В.Г. Лазарев (кафедра кормления сельскохозяйственных животных) работал по теме «Буржуазные и

вредительские теории в области животноводства», П.Ф. Яковлев (кафедра социально-экономических дисциплин) – «Разработка тов. Сталиным проблемы диктатуры пролетариата».

Летом 1936 г. началась подготовка первого издания научных трудов института, выпуск которого планировался на 1937 г. В состав редколлегии вошли В.Г. Лазарев, П.А. Ковальский, А.В. Мишарев, М.В. Широковский.

Однако в институте в 1937–1938 гг. продолжала ощущаться нехватка кадров. Важность подготовки высококвалифицированных кадров, отмечалось также правительством СССР. Поскольку без научно-исследовательской работы, высшее учебное заведение не может осуществлять подготовку научно-исследовательских кадров и специалистов на уровне требований современной науки [9, с. 9-10].

В 1938/1939 учеб. году в институте было проведено заседание Совета, посвященное 40-летнему юбилею научной и педагогической деятельности заведующего кафедрой зоогигиены БМЗВИ, профессора Б.Х. Медведева и 25-летию научной деятельности С.С. Касаткевича. Результатом работы Совета стало издание первого выпуска научных трудов Бурят-Монгольского зооветеринарного института, в который вошли 9 статей преподавателей по итогам научных исследований.

Статья Г.Н. Борисова была посвящена формолвакцине против чумы свиней; П.И. Ребров писал о чуме собак на севере Якутской АССР и Дальневосточного края СССР; И.А. Спирюхов – о случаях отхождения чревной артерии (у собаки и теленка); В.М. Кузнецов– о кормовых культурах для Бурят-Монгольской республики, о засоренности полей Улан-Улэнского района БМАССР; В.Г. Лазарев – о почвах Сибири; Б.Х. Медведев – о синтетическом эксперименте в животноводстве; Ф.А. Чиркин – о распределении ионов магния по органам и тканям [10, с. 92].

На 1 июля 1939 г. в БМЗВИ располагал следующим штабом научных работников: 1 профессор и 11 кандидатов наук, по сравнению с 1937/1938 учеб. годом прибавилось три кандидата наук: С.Н. Мачульский, Т.М. Омельченко, Я.Г. Фомкин. Два кандидата наук – П.И. Ребров и Ф.А. Чиркин получил звание доцента. Несмотря на некоторый рост кадров научных работников на 1 июля 1938/1939 учеб. года в Бурят-Монгольском зооветинституте все же существовали не остепененные кафедры такие, как гистологии и эмбриологией, физиологии, фармакологии, акушерства и эпизоотологии [11, лл. 6, 7]. Если учесть тот факт, что в этот период на кафедрах вуза работали один-два научных сотрудника, тогда становится более понятной вся сложность вопроса укомплектования вуза необходимыми кадрами научных работников, от которой в прямой зависимости находилось общее состояние научно-исследовательской работы в Бурят-Монгольском зооветинституте. Решение этой задачи осуществлялось путем привлечения в институт научно-педагогических кадров на временной или постоянной основе с различных регионов страны (Москва, Ленинград, Омск, Казань и др.), в том числе специалистов из самой БМАССР.

Несмотря на все трудности и препятствия в организации и проведении научной работы в сельскохозяйственном вузе Бурят-Монгольской АССР этот процесс не только не затормозился, но и получил свое дальнейшее развитие. Вузовская наука медленно продвигалась вперед.

При специальных кафедрах были образованы научные студенческие кружки. 31 марта 1936 г. была проведена научная конференция, с участием 9 научных работников и 27 студентов, в ходе которой были заслушаны и обсуждены научные доклады. Например, М.В. Широковского «О политической экономии в узком и широком смысле слова», П.А. Ковальского «О сегментации кожи пальцев грудной конечности».

Вплоть до начала 1940-х гг. в Бурят-Монгольском зооветеринарном институте работали студенческие научные кружки: по кафедре хирургии, паразитологии и частной зоотехнии. На заседаниях кружков было заслушано 20 докладов [12, с. 65; л. 8, 9].

Практическая значимость таких мероприятий заключалась в том, что они способствовали не только повышению качества учебы, но и вызывали огромный интерес к исследовательской работе у студентов. Многие кружковцы впоследствии стали видными представителями сельскохозяйственной науки Бурятии, такие как Р.П. Пилданов – доц., канд. с.х. наук, возглавлявший работу по обследованию овец в основных овцеводческих районах республики, который вел углубленную селекционную работу по овцам в совхозе «Боргойский», результатом стало создание бурятского внутрипородного типа забайкальской тонкорунной породы овец. В.Р. Филиппов – д-р ветер. наук, проф., государственный деятель и ученый, провел большую организаторскую работу по подготовке научно-педагогических кадров, налаживанию и укреплению контактов с центральными вузами страны. К.А. Васильев в будущем – д-р ветер. наук, проф., создатель научной школы морфологов, опубликовавший более 100 научных и научно-методических работ и другие постигавшие азы науки в студенческих кружках.

В конце 1930-х гг. в работе кафедр БМЗВИ наметилась определенная системность и плановость. Что положительным образом повлияло на организацию научных исследований в институте. Вуз стал осуществлять разработку комплексных тем, в выполнении которых принимали участие научные работники практически всех кафедр зооветеринарного института.

Активную научную работу вели преподаватели: Э.В. Эйдригевич по метизации местных овец с мериносами; Т.М. Омельченко по теме «Питательные ценности сена Иволгинской долины», С.Н. Мачульский – о протозоофауне Бурятии. Подготовили кандидатские диссертации: С.К. Карпов (кафедра частного животноводства); Я.Г. Фомкин (кафедра организации сельскохозяйственного производства). В 1940–1941 гг. были защищены кандидатские диссертации А.С. Еловских (патофизиология), Н.П. Тихомировым (терапия), В.П. Акуловым (механизация сельского хозяйства). Таким образом, происходила дальнейшая комплектация вуза высококвалифицированными кадрами. Главвуз выделил на научно-исследовательские работы в 1941 г. 50 тыс. руб. (в 1940 г. – 40 тыс. руб.). В этом же году были определены две комплексные темы: «Метизация скота (лошадей, крупного рогатого скота, овец) БМАССР» – руководитель Е.В. Эйдригевич; «Обобщение опыта стахановцев сельского хозяйства БМАССР» – руководитель Я.Г. Фомкин. В этот же период шла планомерная подготовка и издание научных трудов преподавателей института, в который вошли 23 статьи, общий объем составил более 9 п.л. [13, с. 15].

Таким образом, научные исследования, проводившиеся в Бурят-Монгольском зооветинституте на протяжении первой половины XX в. можно охарактеризовать, как научно-прикладные. В наибольшей степени они были направлены на решение практических задач сельскохозяйственного производства, способствовали не только обобщению передового опыта, решению актуальных хозяйственных вопросов, но и распространению научных знаний в области сельского хозяйства.

Несмотря на дефицит научных кадров и материальные трудности, которые сдерживали развитие науки, исследовательская работа в Бурят-Монгольском зооветеринарном институте не прекращалась. Расширялась и углублялась тематика, появились новые направления научных исследований, продолжали формироваться новые кадры сельского хозяйства, создавались научные школы анатомов, почвоведов, растениеводов и селекционеров.

Библиография

1. Зайцева Л.А. Агропединститут – сельскохозяйственная академия (1931–2001 г.) // История факультетов и кафедр: Очерки история. Вып. 3. – Улан-Удэ, 2001. – С. 3; Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии: Очерки истории БГСХА. Вып. 1. – Улан-Удэ, 2001. – С. 6.

2. Цыдыпов Р.Ц., Васильев К.А. Развитие ветеринарной науки на факультете ветеринарной медицины // Проблема и перспективы ветеринарии в XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию факультета ветеринарной медицины БГСХА им. В.Р.Филиппова (15–19 июня 2005 г.) – Улан-Удэ, 2005. – С. 68.

3. Из истории образования первого вуза Бурятии // Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии: Очерки истории БГСХА. Вып. 1. – Улан-Удэ, 2001. – С.7.

4. Агропединститут Наркомзема СССР с момента официального образования (5 декабря 1931 г.) до 1935 – 1936 уч. года в своей специализации не имел четкой определенности. Согласно постановлению СНК СССР от 25 декабря 1932 года, Бурят-Монгольский агропединститут был реорганизован в сельскохозяйственный институт с агрономическим и зоотехническим факультетами. Управление подготовки кадров НКЗ СССР в марте 1934 г. предложило организовать Бурят-Монгольский агропедагогический институт в зоотехнический институт. В июне 1935 г. по постановлению союзного правительства был вновь ликвидирован агрономический факультет с передачей студентов Иркутскому СХИ. Институт был реорганизован в зоотехнико-ветеринарный (зооветинститут) с факультетами зоотехническим и ветеринарным. В 1952 г. открывается агрономический, технологический факультет – 1955 г.

21 марта 1960 г. распоряжением Совета Министров РСФСР № 1516-р и приказом по Минсельхозу РСФСР от 25 марта 1960 г. № 153 Бурятский зооветинститут был реорганизован в Бурятский сельскохозяйственный институт. В апреле 1995 г. Бурятский сельскохозяйственный институт переименован в сельскохозяйственную академию // Зайцева Л.А., Попов А.П. Нам – 75 лет: История Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. – Улан-Удэ, 2006. – С. 16, 54, 65-66.

5. Зайцева Л.А., Попов А.П. Из истории образования первого вуза Бурятии // Ректоры первого вуза Бурятии: Очерки истории БГСХА. Вып. 1. – Улан-Удэ, 2001. – С. 7-9, 15.

6. Бурятская сельскохозяйственная опытная станция как комплексное научно-исследовательское учреждение прикладного характера, организовалась на базе Онохойской селекционной станции в 1956 г. // Труды бурятской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. IV. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – С. 3.

7. Цыдыпов Р.Ц., Васильев К.А. Развитие ветеринарной науки на факультете ветеринарной медицины // Проблема и перспективы ветеринарии в XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию факультета ветеринарной медицины БГСХА им. В.Р. Филиппова (15–19 июня 2005 г.) – Улан-Удэ, 2005. – С. 69.

8. Суетин Вениамин Яковлевич (1904-1982) родился в г. Троицкосавске (г. Кяхта). После окончания Ленинградского ветеринарного института (1927) работал ветеринарным врачом Эхирит-Булагатского района Иркутской области. С 1933 по 1936 г. работал научным сотрудником зоотехнической станции «Иро», затем переведен преподавателем на кафедру физиологии Бурят-Монгольского зооветеринарного института. В 1947 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук на тему: «Гонадотропная активность цельной крови жеребых кобылиц». В 1954 г. представил диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук на тему: «О рефлекторном действии фолликулина». В 1963 г. решением ВАК СССР В.Я. Суетину присвоено ученое звание профессора. Возглавлял кафедру гистологии и эмбриологии с момента ее основания в 1941 г. до 1975 г. За заслуги в научно-педагогической деятельности В.Я. Суетин награжден многими правительственными наградами // Становление и развитие научной деятельности на факультете ветеринарной медицины БГСХА (1935–2005). – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2005. – С. 6, 12-15.

9. Зайцева Л.А., Балдаев С.Н., Туманова М.Б. Наука в БГСХА: история и современность // Наука. Производство. Выпускники. – Улан-Удэ, 2001. – С. 9-10.

10. Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии: Очерки истории БГСХА. Вып. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА. 2001 – С. 92.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 8080, оп. 1, д. 853, л. 6, 7.

12. Зайцева Л.А., Попов А.П. Указ. соч…. – С. 65; ГАРФ, ф. 8080, оп. 1, д. 853, л. 8, 9.

13. Зайцева Л.А., Балдаев С.Н., Туманова М.Б. Указ. соч.… – С. 15.

Библиография

1. Zaitseva L.A. Agropedinstitute – Agricultural Academy (1931 - 2001) // History of Faculties and Departments: History Essays. Issue 3. - Ulan-Ude, 2001. - p.3; Zaitseva LA, Popov AP The Rectors of the First University of Buryatia: Essays on the History of the BSAA. Issue. 1. - Ulan-Ude, 2001. - p.6.

2. Tsydipov R. Ts., Vasilyev K.A. The Development of the Veterinary Science at the Faculty of Veterinary Medicine // The Problems and Prospects of Veterinary Medicine in the XXI Century. Intern. Scientific-practical. Conf., Dedicated to the 70th Anniversary of the Faculty of Veterinary Medicine BSAA of V.R. Filippov (June 15 - 19, 2005) - Ulan-Ude, 2005. - p.68.

3. From the History of the First University of Buryatia Formation // Zaitseva LA, Popov AP The Rectors of the First University of Buryatia: Essays on the History of the BSAA. Issue. 1. - Ulan-Ude, 2001. - p.7.

4. The Agropedinstitute of the People's Commissariat of the USSR was not clearly defined in its specialization up to 1935-1936. According to the Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of December 25, 1932, the Buryat-Mongolian Agro-Pedagogical Institute was reorganized into an agricultural institute with agronomic and zootechnical faculties. The Department of Personnel Training of the PCA of the USSR proposed the reorganization of the Buryat-Mongol Agro-Pedagogical Institute into the Zootechnical Institute in March 1934. The agronomical faculty was liquidated again in June 1935 by the decision of the Union Government. Students were moved to the Irkutsk Agricultural Institute. The Institute was reorganized into a zootechnical-veterinary (zoo) institute with zootechnical and veterinary faculties. The Agronomic Faculty was opened in 1952 as well as Technological in 1955.

On the 21 of March, 1960 Buryat zoo-institute was reorganized into the Buryat Agricultural Institute according to the decree of the Council of Ministers of the RSFSR No. 1516-r and the order of the Ministry of Agriculture of the RSFSR from March 25, 1960 № 153. The Buryat Agricultural Institute was renamed as the Agricultural Academy in April 1995. // Zaitseva LA, Popov AP . We Are 75 Years: History of the Buryat State Agricultural Academy of V.R. Philippov .- Ulan-Ude, 2006. - p. 16.54.65-66.

5. Zaitseva LA, Popov A.P. From the History of the First University of Buryatia // Rectors of the First University of Buryatia: Essays on the History of the BSAA. Issue. 1. - Ulan-Ude, 2001. - p.7-9, 15.

6. The Buryat Agricultural Experimental Station was organized as a complex scientific research institution of applied nature on the basis of the Onokhoi Selection Station in 1956 // Proc. of the Buryat Agricultural Experimental Station. Issue. IV. - Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1966. - p.3.

7. R. Tsydipov, K.A. Vasiliev. The development of the veterinary science at the faculty of veterinary medicine // The Problem and Prospects of Veterinary Medicine in the XXI Century. Intern. Scientific-practical. Conf., Dedicated to the 70th Anniversary of the Faculty of Veterinary Medicine BSAA of V.R. Filippov (June 15 - 19, 2005) - Ulan-Ude, 2005. - p.69.

8. Suetin Veniamin Yakovlevich (1904 - 1982) was born in the town of Troitskosavsk (Kyakhta). After graduation from the Leningrad Veterinary Institute (1927) he worked as a veterinarian at the Ekhirit-Bulagatsky District of the Irkutsk Region. From 1933 to 1936 he worked as a scientific employee of the zootechnical station "Iro", then he worked as the teacher at the Department of Physiology of the Buryat-Mongolian Zooveterinary Institute. In 1947 he defended his thesis for the PhD degree of biological sciences on the theme: "Gonadotropic activity of foal mares whole blood". In 1954 he presented a thesis for the degree of a Doctor of Biological Sciences on the theme: "About the reflex action of the folliculin." In 1963 Suetin V.Y. was awarded the academic title of a professor by the decision of the Higher Attestation Commission of the USSR. He had been heading the department of histology and embryology since its foundation in 1941 until

1975. Suetin V.Y. was awarded many government awards for his merits in scientific and pedagogical activity. // Formation and Development of Scientific Activity at the Faculty of Veterinary Medicine BSAA (1935 - 2005). - Ulan-Ude: Publ. house BSAA, 2005. - p.6, 12-15.

9. Zaitseva LA, Baldaev SN, Tumanova M.B. Science in BSAA: History and Modernity. // The Science. Production. Graduates. - Ulan-Ude, 2001. - p.9-10.

10. Zaitseva L.A. Popov A.P. The Rectors of the First University of Buryatia: Essays on the History of the BSAA. Issue 1. - Ulan-Ude: BSAA Press. 2001 - p.92.

11. The State Archives of the Russian Federation (GARF), Col.8080, Inv.1, F.853, L.6,7.

12. Zaitseva L.A. Popov A.P. Ibid. P.65; GARF, Col.8080, Inv.1, F.853, L.8.9.

13. Zaitseva LA, Baldaev SN, Tumanova M.B. Ibid ... p.15.

Одбаяр Оргодол, магистр, e-mail: odko_police@yahoo.com
Центральный архив Генерального полицейского ведомства Монголии, Монголия

УДК 929(517)ЛУВСАНДОРЖ

ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ ПОЛКОВНИКА МИЛИЦИИ Д. ЛУВСАНДОРЖА (1912-1958)

Изучение истории милицейской организации Монгольского государства активно ведется с 2014 г. В статье рассматривается биография бурята Лувсандоржа – старшего сына Данзана Осора, который начал свою карьеру с простого миллиционера, а затем дважды был назначен начальником Главного управления милиции Монголии с 1941 по 1947 г. При этом делается попытка подробно рассказать о его деятельности, успехах, трудовых буднях.

Ключевые слова: *бурят, Д. Лувсандорж, Алтанбулаг, Хөвсгөл, милицейское подразделение в Дорноте, милицейское подразделение в Улаанбаатаре, Главное управление милиции.*

Odbayar Orgodol, Master

NOTES TO THE BIOGRAPHY POLICE COLONEL D. LUVSANDORJ (1912-1958)

The study of the police organization history has done intensively since 2014. The goal of the paper is to consider the biography of a buriat man who began his career from a common policeman and then was appointed twice Head of General police department of Mongolia from 1941 to 1947. Special attention is paid to his work years in the police organizations, his activities, efforts and success for the following generation.

Key words: *buriat, D.Luvsandorj, Altanbulag, Khuvsgul, police subdivision in Dornot, police subdivision in Ulaanbaatar, General police administration.*

Д. Лувсандорж (1912–1958), бурят по происхождению, является одним из первых начальников Главного управления милиции Монголии. Он начал свою карьеру с простого милиционера, стал одним из управляющих, посвятил свою жизнь развитию и достижению милиции, защите жизни и имущества народа, обучению миллиционеров.

Он родился во втором году всеми признанной Монголии, т.е. в 1912 г., в местности Хонгор Бурятской Монголии Советского Союза и был первым сыном Данзана Осора. Его дедушка Осор и его отец Данзан были бурятами.

В начале 1922 г., т.е. после победы революции в Монголии, отец Лувсандоржа О. Данзан «*...пересек границу Монголии через Алтанбулаг вместе с супругой Должин и сыном Лувсандорж, был временно зарегистрирован в управлении города Алтанбулаг и в 1927 году получил гражданство Монголии*».[1]

Лувсандорж с 1920 по 1929 г. был скотоводом, с 1929 по 1931 г. работал сторожем пекарни, с 1932 по 1933 г. пекарем и помощником пекаря в г. Алтанбулаг, ведя скромную жизнь. 25 сентября 1934 г. начал службу в только что созданном Управлении милиции в Алтанбулаге. Защищая права и порядок среди граждан, он дважды избирался начальником Главного управления милиции Монголии.

В своей биографии 26 декабря 1942 г. Лувсандорж пишет: *"... был миллиционером в штабе отдела Министерства внутренних дел, то есть в милицейском подразделении аймака с 1934 по 1935 г., был отправлен на трехлетнее обучение отделом Министерства внутренних дел в город Улаанбаатар, закончил обучение, и получил звание "Исполнитель"»*.[2]

Он был скромным и старательным, активно участвовал в партийной и общественной жизни во время учебы. 18 июня 1936 г. стал членом партии в ячейке при Центральной школе Министерства внутренних дел и работал свободным председателем партийной ячейки МВД с 1937 г., передав свою обязанность в 1938 г., когда закончил школу.

Лувсандорж успешно закончил учебу и «*... был переведен в Главное управление милиции Монголии старшим следователем в подготовительном отделении Министерства внутренних дел на 9 месяцев. Работал представителем-помощником в Исполнительном отделении Главного управления милиции Монголии. В январе 1940 г. был направлен в Хубсугульский аймак и вскоре по приказу от 1 июня 1940 г. назначен начальником милицейского подразделения города Алтанбулаг*»[3].

В то время на важных пограничных пунктах государства в Хубсугуле, Алтанбулаге и Дорноте требовалась усиленная охрана, Лувсандоржа, как человека способного, назначили начальником милицейского подразделения. Кроме того, для улучшения работы милиции, служащим впервые стали давать звания. Звания давали «*... начальникам в центральных органах и местных подразделениях милиции впервые, широкоохватно, по приказу Министра внутренних дел МНР и маршала Х. Чойбалсана №141 от 16 февраля 1940 года*»[4] и Лувсандоржу было присуждено звание Старшего лейтенанта[5].

Он проработал начальником милицейского подразделения в г. Алтанбулаг около шести месяцев, когда за доблестный труд был переведен в Центральные органы и назначен следователем Исполнительного отдела Главного управления милиции Монголии, где проработал с января по апрель 1941 г. Затем старшего лейтенанта Лувсандоржа назначили «*... начальником Главного управления милиции Монголии, начальником испольнительного отделения того же ведомства по приказу Министерства внутренних дел № 308 от 8 апреля 1941 г. и дали звание майора*»[6] Лувсандорж оставался свободным председателем в партийной ячейке «*при Главном управлении милиции Монголии*...».[7]

На собрании 21 декабря 1941 г. было отмечено, что Д. Лувсандорж с энтузиазмом участвует в государственной и общественной жизни, работает с инициативой и постоянно достигает успехов «*ему было поручено руководить председателями и членами, проводить между ними воспитательную работу*».[8] На основе постановления о замене его старого партийного билета на заседании членов президиума Министерства внутренних дел МНР вынесли решение «*...дать Лувсандоржу Данзану справку для выдачи нового партийного билета, так как он достойно несет высокое звание члена партии и он активно, усердно участвует в партийной и государственной деятельности как дисциплинированный партийный и государственный деятель*».[9]

Д. Лувсандорж ввел в шестой параграф постановления 14 заседания Совета министров МНР «Правило Главного управления милиции Монголии»[10] с 3 главами и с 22 параграфами 2 апреля 1942 г. и утвердил его. Кроме того, через постановление 23 заседания президиума Малого Хурала МНР от 19 апреля 1944 г. утвердил для соблюдения первые специальные звания и спецодежду миллиционеров для отличия их от других родов военнослужащих. Таким образом, он сделал много важных шагов для усовершенствования деятельности милицейской организации.

Были созданы много местных служб и ведомств милиции во время его работы начальником Главного управления милиции Монголии. Например, «... 12 января 1942 года в аймаке Сухбаатар было создано милицейское подразделение во главе с начальником Л. Намдаг, 07 января 1942 г. в аймаке Дундговь было создано милицейское подразделение во главе с начальником Ишцэрэн, в 1942 г. в аймаке Баянхонгор было создано милицейское подразделение во главе с начальником Д. Батсэнгэ, ... в 1945 году в Улаанбаатаре было создано милицейское подразделение во главе с начальником Н. Маналжав»[11] и кроме того он создал «одно отделение в Исполнительном отделе Главного управления милиции Монголии», где работал раньше, вводя в его службу собак-сыщиков, группу регистрации и работу с отпечатками пальцев и с фотографиями[12], положившими начало службе собак-сыщиков в Объединенном центре обучения и Национального института судебного анализа в Генеральном полицейском ведомстве Монголии. Кроме того, «.... по приказу № 504 Министра внутренних дел от 12 сентября 1946 года была создана группа следователей специального назначения из 10 человек»[13], которая стала началом Органа следствия в Генеральном полицейском ведомстве Монголии. Вышеуказанные центральные и местные подразделения и службы милиции тесно связаны с деятельностью и инициативой начальника Д. Лувсандорж и все они и ныне успешно работают в борьбе с преступностью, обеспечении общественной безопасности и благополучия.

А позже Д. Лувсандорж был наказан «*... за плохую организацию милицейской работы во время службы начальником Главного управления милиции Монголии*»[14], «*... был снят с должности начальника ведомства по решению Политического бюро ЦК партии в феврале 1947 года и работал начальником отдела защиты в Воспитательной колонии, но был переведен снова в Главное управление*

милиции Монголии в 1948 году»[15] Однако вышеупомянутый приказ «*... о прежнем наказании на заседании 54/155 политбюро ЦК партии был аннулирован, но его имя было реабилитировано только 17 июля 1951 года, что было сообщено партийной организацией в Министерство внутренних дел».*[16]

Как только он вернулся в Главное управление милиции Монголии в 1947 г., его назначили начальником милицейского подразделения после семимесячной работы и начальником Паспортного отделения.

Во время работы в Паспортном отделении Главного управления милиции Монголии с 1947 по 1952 г. он принял некоторые организованные меры по паспортизации монгольских граждан в г. Улаанбаатаре, по обобщению регистрации иностраннных граждан и их адресации, в борьбе с нарушением правил использования паспортов монгольскими и иностранными гражданами. Например:

1. В 1950 г. им были организованы проверки паспортных данных монгольских граждан 16 раз, было выявлено более 200 безработных, которые были обеспечены работой, и было обнаружено около 20 беглецов-заключенных, которых арестовали. А также было оштрафовано 2800 граждан с нарушениями паспортного режима, была организована паспортизация более 20000 граждан с первого по пятый хороо, 2070 заборов было обеспечено паспортами, где были зарегистрированы 9755 граждан, были выданы новые паспорта, продлены или обновлены паспорта 7846 иностранным гражданам, и 4898 чел. закреплены по определенным адресам.
2. В первой четверти 1951 г. была организована паспортизация монгольских граждан в 6, 7 и 8 хороо, в результате чего 3523 чел. получили новые паспорта впервые или заменили старые, изношенные, был продлен срок паспортов у 3020 граждан, организована проверка паспортных данных у 2501 чел., 12-ти организаций и учреждений и некоторых хороо. Штраф и предупреждение получили 694 гражданина, были выдали паспорта 1110 заборам и зарегистрированы по адресам 13381 чел., выдали паспорта 111 иностранцам, продлили паспорта 1529 иностранцев и из них закрепили по определенным адресам 1317 чел.
3. В течение 3 последних месяцев 1951 г. 8 раз организовывали специальные группы по проверке гигиены и порядка и оштрафовали 14 учреждений, 128 заборов простых семей и 218 чел., которые торговали не на базаре, 814 чел., которые нарушали общественный порядок. В итоге оштрафовано 1274 чел. на 1790 тугриков.

В постановлении 108/22 Совета министров и ЦК МНРП от 1950 г. о превращении столицы Улаанбаатар в культурный и уютный город есть параграф о создании милицейских подразделений, ответственных за хороо, и на основе этого параграфа 14 марта 1952 г. по приказу № 170 Министра внутренних дел была введена должность заместителя-инспектора, ответственного за предотвращение и защиту и за вопросы, связанные с г. Улаанбаатар, и было создано 5 подразделений и 1 часть, ответственные за 10 хороо под управлением этой должности. Заместителем-инспектором, ответственным за предотвращение и защиту и за вопросы, связанные с г. Улаанбаатаром был назначен полковник Данзан Лувсандорж.

Вышеуказанные милицейские подразделения положили начало нынешним первым частям полиции в районах Баянзурх, Баянгол, Хан-Уул, Сонгинохайрхан и Сухбаатар г. Улаанбаатара и Д. Лувсандорж самолично создал эти подразделения 65 лет назад.

За усердие и исполненный долг в Милицейских организациях Монголии с 1934 по 1955 г. его наградили следующими орденами, медалями и званиями:

Орден «Полярная звезда» (1943);

Звание подполковника (1944);

Медаль за битву, медаль «Мы победили», медаль к 25-летнему юбилею Народной революции (1945);

Медаль за битву (1948);

Звание полковника (1949);

Орден «Полярная звезда» (1951).

Родом из Бурятии, Данзан Осор Лувсандорж стал работать в гражданских организациях с 1955 г., а годы, посвященные милицейским учреждениям Монголии, составляют 20-летний стаж. Несомненно, следующие поколения будут помнить его созидательность, честность и энтузиазм, а также его труд, посвященный милицейским организациям Монголии.

Сноски

1. Тагнуулын ерөнхий газрын Тусгай архив. Сан-5, ХН-9671, тал-16 (The special archive, the General Intelligence department. Fund 5, unit 9671, p. 16).

2. Улс төрийн нам, олон нийтийн байгууллагын баримтын архиваас (from the document archive of the police, party and public organizations).

3. Улс төрийн нам, олон нийтийн байгууллагын баримтын архиваас(from the document archive of the police, party and public organizations).

4. БНМАУ-ын цагдан сэргийлэх байгууллагын түүх. /1921-1980/. УБ.,1984, тал-84 (History of the police organization, MPR /1921-1980/, Ulaanbaatar, 1984, p. 84).

5. Там же (Same page).

6. Т.Хүрэлбаатар, Д.Чулуунбат. Монголын цагдаагийн байгууллагын түүхийн зарим баримт бичгүүд. УБ.,2011 тал-194 (T.Khurelbaatar, D.Chuluunbat. Several documents of the Mongolian police organization, Ulaanbaatar, p. 194).

7. Тагнуулын ерөнхий газрын Тусгай архив. Сан-5, ХН-9671, тал-18 (The special archive, the General Intelligence department. Fund 5, unit 9671, p. 18).

8. Улс төрийн нам, олон нийтийн байгууллагын баримтын архиваас (from the document archive of the police, party and public organizations).

9. Улс төрийн нам, олон нийтийн байгууллагын баримтын архиваас (from the document archive of the police, party and public organizations).

10. Т.Хүрэлбаатар, А.Дулаанжаргал, Г.Отгонбаатар. Монгол Улсын цагдаагийн байгууллагын үйл ажиллагаанд холбогдох хууль, дүрмийн эмхэтгэл. УБ.,2016 тал-291-303 (T.Khurelbaatar, A.Dulaanjargal, G.Otgonbaatar. Law and order compilation connected to the Mongolian police organization, Ulaanbaatar, 2016, p. 291-303).

11. А.Думбурай. Монгол төрийн цагдаагийн уламжлал, түүхэн хөгжил. Нэгдүгээр боть. /1865-1960/ УБ.,2000 тал-151-152 (A.Dumburai. Tradition of Mongolian State Policy and its historical development, v.1, /1865-1960/, Ulaanbaatar, 2000, p. 151-152).

12. Р.Гүнсэн, Б.Сэнгэдорж. Цагдан сэргийлэхийн түүхэн өгүүлэл. УБ.,1979 тал-82 (R.Gunsen, B.Sengedorj. Historical story of Police, Ulaanbaatar, 1979, p. 82).

13. Р.Гүнсэн, Б.Сэнгэдорж. Цагдан сэргийлэхийн түүхэн өгүүлэл. УБ.,1979 тал-90 (R.Gunsen, B.Sengedorj. Historical story of Police, Ulaanbaatar, 1979, p. 90).

14. Тагнуулын ерөнхий газрын Тусгай архив. Сан-5, ХН-9671, тал-18 (The special archive, the General Intelligence department. Fund 5, unit 9671, p. 18).

15. Улс төрийн нам, олон нийтийн байгууллагын баримтын архиваас (from the document archive of the police, party and public organizations).

16. Тагнуулын ерөнхий газрын Тусгай архив. Сан-5, ХН-9671, тал-18 (The special archive, the General Intelligence department. Fund 5, unit 9671, p. 18).

Библиография
Архивные материалы

Ашигласан хэрэглэгдэхүүн (reference)
Архивын баримт (archive documents)

1. Улс төрийн намын, олон нийтийн байгууллагын баримтын архив (Archive of Political, Party and Public organizations` documents).

2. Тагнуулын ерөнхий газрын Тусгай архив. Сан-5, ХН-9671(Special archive of the General Intelligence department. Fund 5, Item -9671).

Научные произведения
Research materials

1. Р.Гүнсэн, Б.Сэнгэдорж. Цагдан сэргийлэхийн түүхэн өгүүлэл. УБ.,1979 (Gunsen R., Sengedorj B. The historical story of the Police. Ulaanbaatar, 1979).

2. БНМАУ-ын цагдан сэргийлэх байгууллагын түүх. /1921-1980/. УБ.,1984 (History of the Police organization in Mongolian People`s Republic. /1921-1980/. Ulaanbaatar,1984).

3. А.Думбурай. Монгол төрийн цагдаагийн уламжлал, түүхэн хөгжил. Нэгдүгээр боть. /1865-1960/ УБ.,2000 (Dumburai A. Mongolian state policy tradition and its historical development. V.1, /1865-1960/ Ulaanbaatar, 2000).

4. О.Октябрь, Б.Өнөржаргал. Дорнодын цагдаа. УБ.,2005 (Oktyabri O., Unurjargal B. The Police in Dornot province, Ulaanbaatar, 2000).

5. Эрүүгийн тагнуулын албаны түүхийн товчоо. УБ.,2009 (The Brief History of the Criminal Investigation department, Ulaanbaatar, 2009).

6. Т.Хүрэлбаатар, Д.Чулуунбат. Монголын цагдаагийн байгууллагын түүхийн зарим баримт бичгүүд. УБ.,2011 (Khurelbaatar T., Chuluunbat D. Several documents on the Mongolian Police Organization History, Ulaanbaatar, 2011).

7. Сэлэнгэ аймгийн цагдаагийн газрын түүхэн товчоон. УБ.,2014 (Police department History in Selenge province, Ulaanbaatar, 2014).

8. Со.Бадарчи. Хөвсгөл аймгийн цагдаагийн байгууллагын товчоон. УБ.,2014 (Badarchi So. (Police department History in Selenge province, Ulaanbaatar, 2014)).
9. Т.Хүрэлбаатар, А.Дулаанжаргал, Г.Отгонбаатар. Монгол Улсын цагдаагийн байгууллагын үйл ажиллагаанд холбогдох хууль, дүрмийн эмхэтгэл. УБ.,2016 (Kurelbaatar T., Dulaanjargal A., Otgonbaatar G. Law and order compliance on the Mongolian Police organization, Ulaanbaatar, 2016).

Баярмаа Гангаа, докторант, e-mail: gangabayarmaa@yahoo.com
Институт религии Монгольского государственного университета, Монголия

УДК 930.2:24-9(571.54)

РАССМОТРЕНИЕ ОДНОГО ИСТОЧНИКА О БУРЯТСКИХ ЛАМАХ И ХРАМАХ

В XVI в. развернулась работа по признанию направления Гелүгпа как одно из направлений буддизма и по уничтожению шаманизма с помощью закона. В XVII в. интенсивно распространялся буддизм, появились многочисленные хувраги, хутугты и образовалось много монастырей и храмов. Наряду с установлением нормы деятельности монастырей, храмов и лам со стороны государства, сами монастыри и храмы имели свои правила внутреннего распорядка. В статье сравниваются правила внутреннего распорядка Бурятских монастырей с халхасскими монастырями, выявлены их сходства и различия, для чего был рассмотрен источник «Резолюция собрания монгольских, бурятских лам», который хранится в фонде рукописей в Национальной публичной библиотеке Монголии. Проведено сравнение норм поведения лам в бурятских дацанах с нормой поведения халхасских лам в халхасских монастырях и храмах по их правилам внутреннего распорядка, с параграфами о монастырях и храмах в Монгольском законе, созданном по указу. При этом были обнаружены сходства и различия, отмеченные в этом докладе.

Ключевые слова: *Бандида хамба, Жибзундамба, Хамба Номун хан, Ширээт лама, дацан, убаш, гэцэл, гэлэн.*

BayarmaaGangaa, Postgraduate

CONSIDERATION OF ONE OF THE BURYAT LAMAS AND TEMPLES

Mongolians received Gelugpa trend of the Buddhism in XVI century and prohibited traditional shamanism using law and orders in the XYI century. Then, in the XVII century the Buddism expended intensively and many lama, khuvrags, khutugts and khuvilgans appeared and number of monasteries were established. Despite internal monastery and lama activity rules according to their own doctrine, there was the regulation by the state there. In this article the internal activity rules of buriat lama was compared with the internal rules in Khalha monasteries using a handwritten source "The resolution by the lama meeting" in the National Public Library, Mongolia with the comparison of documents as rules and law paragraphs in the Mongolian Law compilation worked out by resolution. Several identical and different things were clarified during this consideration.

Key words: *Bandidakhamba, Jibzundamba, KhambaNomun khan, Shireet lama, datsan, ubash, getsel, gelen*.

Предисловие

Правила, за которыми соблюдают верующие в буддизме, появились в V-VI вв. до нашей эры, когда в Древней Индии распространился буддизм. Со времени проповедования учений Будды и появления его учеников стали обращать внимание на поведение, одежду и режим дня верующих и лам в их повседневной жизни, на собраниях хувргов и составлять правила внутреннего распорядка. Например: *Когда молодой аскет выражал свою просьбу иметь обет у Пуккусати Будды и войти в состав хувргов, он говорил, есть ли у него чашка и одежда и объяснял, что людям без чашки и одежды не дают обет*[1].

Таким образом, с этого времени начинают действовать правила внутреннего распорядка, их письменная форма сохранилась в сутарах Виная в виде вопросов об обетах лам и их ежедневном поведении и жизни.

Касательно правил внутреннего распорядка в монастырях XIV Далай лама написал в своей книге «Буддийский мир в тибете»: «....Все параграфы о буддийских обетах, то есть о дисциплине и основных правилах деятельности монастырей, были взяты из сутаров Виная».[2]

Таким образом, буддизм, который сначала появился в Индии, распространился на все стороны света, оказал влияние на многие страны и стал неразделимой частью общества и жизни народов. Одной из таких стран является Тибет. Во время распространения буддизма в Тибете, были созданы много монастырей и храмов, которые имели в их составе дацаны, где учились ламы и хувраги, изучающие

буддизм. Каждый дацан имел свое утвержденное правило внутреннего распорядка, отражающее его особенность.

Во второй половине XVII в., когда буддизм интенсивно распространялся в Монголии, наряду с получением высокого буддистского образования монгольскими мудрецами, интенсивно развернулась работа по созданию монастырей и храмов. С этого момента ламы и хувраги, которые получили образование в Тибете, начали составлять правила внутреннего распорядка монгольских монастырей с учетом особенности монгольских монастырей и жизни того времени. Кроме того, государство разработало законы и права деятельности монастырей и храмов. Одним из них является юридическия акт «Резолюция из собрания монгольских, буриатских лам» для монастырей в Бурятии.

Бурятский источник

Главным источником, рассмотренным в этом докладе, является рукопись «Резолюция из собрания монгольских, бурятских лам»[3], которая хранится в фонде рукописей в Национальной публичной библиотеке Монголии, в трех книгах. Рукопись была находится в трех тетрадях в клетку с розовыми обложками, сделанными в России. Каждая тетрадь имеет 12 страниц. Она является бурятским религиозно-юридическим актом из 24 глав и 287 параграфов. Дата написания неопределена. Однако слова в резолюции, напимер словосочетание «*великий всевышний император*»[4] дают основание считать, что это правило внутреннего распорядка было написано перед распадом Российской империи.

Предложение «вышло правило “Правило для хуврагов ламаизма”, в котором были определены структура и деятельность центра бурятского буддизма в 1853 году»[5] наводит мысль, что источник может быть копией этого документа. Это еще нужно уточнить.

Письмо синими чернилами в тетради в клеточку с 12-ю страницами указывает, что источник был написан позже.

Для сравнения этого документа с 37 параграфом Монгольского Закона, созданного по указу 1918 г., в котором говорится о делах лам и значатся правила внутреннего распорядка других монастырей, были рассмотрены:

1) вопрос о главах религии в Халхе и Бурятии;

2) вопрос о титулах, степенях, должностях, правах, обязаннностях, знаниях и обетах;

3) вопрос о дацанах и монастырях.

Хотя, казалось, что буддизм, распространенный среди монголов, имел общие установленные правила распорядка, были и различия в зависимости от политических условий и местных особенностей.

О распространении религии в Бурятии

Как считают исследователи, буддизм был взят бурятами у халхов в XVII в. Впервые в 1712 г. 100 монголов и 50 тибетцев, которые убегали от мятежа, приехали в Бурятию. С этого момента были созданы дома и дацаны для литургии среди аристократов-бурятов. До заключения договоров о границах между Цинской династией и Российской империей в 1727 г. буряты приезжали в Ургу к главе религии халхасцев Жибзундамба и молились ему. В источнике было написано: «*... из Селенгинских родов Жамба Ахалдайн приехал в Ургу хутугта Жабзундамба для учебы*».[6] Кроме того, «*лама Дамбадаржаа из рода Цонголпоехал приехал в Ургу Богда для учебы и еще 7 лет учился на родине Далай ламы*[7]*... Буряты ехали в Ургу Жибзундамба для молитвы ему до определения границы*».[8] Кстати, это подтверждает, что до конца XVII в. «*...бассейн рек Селенге и Цөх был в составе владения Халхасского Түшээтхана*».[9]

С этого времени буддизм интенсивно распространялся среди бурят, увеличивалось число бурятских лам и хуврагов, и есть указ 1741 г., подписанный императрицей Елизаветой Петровной, об официальном признании в России тибетского буддизма. В источнике было написано: «*... после определения границы по правительственному закону, буддизм монголов и бурят был утвержден, в то время среди Селенгинских и Хори бурят были тибетские и монгольские ламы, и Его Величество император утвердил 150 лам, а их главой был утвержден Агваан Пунсүгэй из рода Тангад, ставший в 1741 году цоржем*».[10]

С этого периода религиозная деятельность бурят стала организованной. В 1741 г. глава и цорж лама Агваан Пүнсүгэй говорил Дамбадаржаа: «*....в тот год (1741) местности Цөхийн хялганат начали литургию в войлочной юрте*[11] *...Жамба Ахалдай тоже создал дуган в войлочной юрте в местности Хөлөн нуур на левом берегу реки Селенге*».[12] В войлочных юртах, которые называются дуганами, ламы начали организовать литургию. И по инициативе вышеупомянутых лам в 1751 г. ... *построили дацан Цонголын Брайбүн из древесины по тибетскому стилю*[13] и стали проводить литургии. Начали создаваться и другие дацаны. В 1752 г. *...Хори-бурятские монахи сообщали, что цорж лама из Чогчина*

имеет под своим руководством 331 монахов.[14] Таким образом, увеличивалось число дацанов и монахов, и в 1853 г. были ... *285 служащих в 34 дацанах*[15], *в 1872 г. Генаральному губернатору Сибрии сообщили по велению Бандида хамба, что в 166 монастырях-баг и 34 дацанах насчитывалось 258 лам.*[16] Вышеупомянутые монастыри и монахов возглавляли сначала цоржи ламы, а затем с 1853 г. по постановлению о Сибирском религиозном деле религиозными делами Забайкалья стали заведовать Бандида хамба лама. Под его управлением были ширээт ламы. Бандида хамба был выбран правительством России, а ширээт лама был утвержден генеральным губернатором области. В 1889 г. по просьбе бурятских монахов обсуждали постановление 1853 г. и ширээт ламы стали выбираться Бандида хамбой.

Религиозные главы в Халхе и Бурятии

В официальном документе «Правила для хуврагов ламаизама», составленном в 1853 г., были определены структура и дела буддистского центра Бурятии.

Главные ламы трех главных дацанов Бурятии* в основном организовывали их религиозные дела. Однако правительство России приняло решение концентрировать соперничащих дацаны в один центр под руковоством одного хамба ламы. В параграфе 22, главы 4 постановлениия о монахах бурят-монголов было указано, что *Бандида хамба должен заботиться о правильном соблюдении постановления, а в параграфе 51 – так как он является главой монахов, он должен управлать дацанами в 3 аймаках*.[17]

Хамба лама имеет право делать кого-то монахом, назначать кого-то на разные дела и давать титулы и степени. Однако решение хамба ламы должно было утверждаться администрацией империи. Бандида хамба должен был заниматься их делами в дацанах Хөлөн нуура и Цонгола поочередно. В параграфе 146 главы 11 постановления собрания было официально ... *после Бандида в Хөлөн нууре, новый бандида должен проводить свою деятельность в дацане Цонгола несмотря на то, в каком дацане его выбирали. И последователь должен проводить свою деятельность в Хөлөн нууре*.[18]

Однако у халхасцев не было концентрированного центра религии. В 1691 г. маньчжуры по-прежнему главой Халхасского буддизма оставили Өндөр гэгээн Занабазара, а в 1723 г. Найралт төв хан Цинской династии дал емухутугту Жибзундамба титул поднимателя религии, золотую печать и сертификат золотого листа, а также назначил Эрдэнэ шанзудба, который должен был управлять учениками Занабазара и хамба Номун хана в Урге. Однако это не означало управление религией в Халхе. Богд Жибзундамба хутугт сам управлял деятельностью монастырей при Урге. В то время в Халхе кроме Жибзундамбы были 11 хутугтов с печатями[19]. Они имели специальные места проживания, свои монастыри и храмы и учеников, и каждый вел самостоятельную деятельность, принадлежа к сейму аймака и получая титулы и право управлять учениками у Цинского хана. Кроме того, в сельских местностях действовали много других монастырей и храмов, следуя Цинской политике держать монголов в раздробленности. В итоге объединенное управление религией не было создано. Каждый монастырь имел свое правило внутреннего распорядка, которое было взято из тибетских монатырей. Однако вопросы о монастырях и монахах и их правилах внутреннего распорядка разрешались по закону министерства управления Внешней Монголией и, следовательно, правила внутренного распорядка и их права были в рамках законов Цинской династии.

В 1911 г. монголы провозгласили VIII Богда Жибзундамба ханом Монголии и управление внутренними делами передали Министерству общих дел. Однако в 1912 г. было создано Министерство министра-помощника религии и государству, ответственного за вопросы монгольской религии, опиравшееся на Министерство Эрдэнэ Шанзудба. Министром был назначен Эрдэнэ шанзудба Бадамдорж из Их шавь, которому следовало ... *всегда сообщать все необходимое касательно религии и государства непосредственно*[20]. Ему было дано право распоряжаться многими делами, например *...сообщать о заслугах многих хутугтов и монахов за получение награды у Богд хана и у управителей монастырей через Эрдэнэ шанзудба как министра-помощника религии и государстве в столице Хурээ*.[21] Наряду с выполнением указов Богд хана, он решал вопросы религии вместе с министерствами внутренних дел и общих дел и в конце брал утверждение своего решения у Богда. Однако эта организация была упразднена в 1915 г. и религиозные вопросы стали решать в министерстве внутренних дел. Деятельность монастырей и храмов проводилась по монгольскому закону, разработанному по указу.

В то время Богд хан непосредственно не решал вопросы религии, они решались в рамках деятельности монастырей и храмов.

Хотя глава монгольского буддизма Богд Жибзундамба хутугт полностью не решал вопросы религии в Монголии, Их Хүрээ, который был под его непосредственным руководством, был центром школы буддийского учения и обучения Монголии.

Аймаки (общины)**, дацаны и монастыри**

Аймак является первичной административной организацией в Халхе, где проводится литургия и управляет делами монахов в монастыре Гандан в Их Хүрээ. Впервые организовал аймаги (общины) ... *Ундур гэгээн Занабазар в 1651 г., создавая первые 7 аймаков Амдуцев, Жаса, Сангай, Зоогоо, нойона Хуухэн, доктора Дархан, Орлудцев по примеру организации тибетских монастырей, как организация монастыря Брайбүн тибетским цоржом Жамъяан*.[22] С этого времени начали организовываться общины, и в 1903 г. в Урге было уже 30 общин. Например, монахи из Бишрэлтгунского хошуна Тушээтханского аймака учились и служили в общине Бизъяа. Монахи, которые получали начальное образование в монастыре их хошунов в течение 10 лет, приезжали в Ургу и углубляли свои знания по соответствующим квалификациям, занимаясь в общинах, имеющих отношения к их хошунам.

Дацан был и религиозной школой, и административной единицей иногда. Монахи с 15 до 20 лет получали образование в 10 дацанах в Урге, хутугтских хурэнах и местных дацанах.

Кроме того, некоторые ученики хутугтов с печатями, например ученики хутугта Эрдэнэ бандида, использовали свои дацаны и монастыри как администравные единицы для светских и религиозных людей, например, ученики из дацанов Нувлэн и Мамба.

В Бурятии общины делились по месту нахождения. Религиозная община Селенге находилась на западе от р. Селенги, община Цох была в дацанах на востоке от р. Селенги, а общине Хотон принадлежали все дацаны хорийских родов.

Общине Селенге Бурятии принадлежали 13 дацанов, общине Цох – 11, общине Хотон – 34 дацана. Большой монастырь называли дацаном. Вокруг этих дацанов находились малые храмы. Например, *дацану Хулун нура рода Селенге религиозной общины Селенге принадлежали 17 малых храмов*.[23] В резолюции собрания Бурятии было написано, что в 136 монастырях и 34 дацанах служат 2000 монахов. В 1831 г. в Бурятии было 4637 монахов и 34 монастыря.[24]

В резолюции собрания о правах и обязанностях дацанов говорилось:

- Дацаном управляет Ширээт лама. *Ширээт лама должен отчитываться о делах своего дацана*.[25]
- Журганом общины называется разрешение вопросов в дацане Даржаалин, дацане Балдан брайбүн общины Цох и дацане Дашлхумблин общины Хотон, кроме Хөлөн нура Селенге. Участники собрания в этих местах принимают решения по религиозным делам бандида хамба. Ширээт ламы давали указания их монахам с титулами и степенями по правилам ритуала обета монахам, их учебе и организации экзаменов.

Таким образом, дацаны у халхасцев и бурят имели немало различий.

Степени, титулы, способности и должности монахов и лам

В процессе распространения буддизма среди монголов появился социальный слой монахов и хуврагов. В начале XX в. в Халхасской Монголии занимались 110 000 монахов[26] в 740 монастырях, в Бурятии 10 000 монахов[27] и хуврагов в 40 монастырях. В Монголии монахи имели такие степени, как гэлэн, гэцэл и банди. Монахи делились по должностям, обетам и ученым степенями.

В Бурятии монахов разделяли по родам – из Селенге, Тунх, Алайр, Хамниган, Баргужин, Хори и делили по штатам. Правительство России разрешило иметь до 600 штатов. Так как число монахов было больше, их делили по дополнительным штатам. Те монахи, которые вошли в состав какого-то штата, не платили налог, а те, которые вошли в состав дополнительных штатов, платили государственный налог. Например, *дацану Ероо рода Селенге принадлежали 10 малых монастырей и в них насчитывалось 12 монахов из рода, 10 – из хасагов, всего 22 монаха, а в дополнительных штатах 43 монаха из рода и 20 – из хасагов, всего 85 монахов*.[28] Кроме 600 штатов были около 1000 дополнитеьных с 2000 монахами. Как видно из политики налога, правительство Российской империи вело политику по уменьшению числа монахов. .... *официально можно было иметь не более 285 монахов в 34* монастырях[29], однако *на практике продолжают строится монастыри, в которых занимаются много тысяч монахов*.[30]

О преимуществе монахов того времени писал Ш. Нацагдорж в книге «Основной путь Монгольского феодализма»: «*... становясь монахом, юноша освобождается от крепостничества. Монахов не мобилизуют в армию, для них налоги мизерные, при совершении преступления их наказывали после аннулирования обета, их уважают как учеников бога, они собирают подношения за чтения молитв, гадают, дают людям лекарства.*[31] Кроме того, зачисление в состав Их шавь и учеников других хутугтов дает возможность полностью освобождаться от государственных налогов и

службы и монах служит только хутугту. Возможно, вышеупомянутые возможности стали причиной появления дополнительных штатов.

Обеты и занятия монахов

По обетам делят монахов на банди, гэцэл и гэлэн. По правилу буддизма банди имеет 9 обетов, гэцэл – 36 обетов и гэлэн – 253 обета с клятвой. Учеными степенями монахов являются аграмба, гаарамба, гавж, гэвш, лхаарамба, лхаржи, равжамба, дооромбо, зээрэмбэ, бандида[32] и так далее.

В Монголии родители одного из сыновей отдавали учителю-ламе для воспитания банди. Этот мальчик учит тибетский язык, ритуалы литургии в течение 3-4 лет и получает начальное образование буддийстской религии, сдает экзамен на получение обета банди.[33] Ритуал получения обета банди или убаш можно совершить в монастыре или дома. В резолюции бурятских монахов об обете было написано: *....Ширээт лама и монахи с учеными степенями имеют право выбрать убашев в своем дацане и давать им обет банди, а банди – обет гэцэл, а гэцэлу – обет гэлэн. Они выбирают три человека для присвоения обета и степени и на всеобщем собрании их проверяют. Убаши, котрые собираются иметь обет банди, должны читать наизусть Итгэл, Равжил, Доначид, граммотно писать на монгольском и тибетском языках. После этого банди должен углубленно изучать или астрологию, или медицину, или рисование, или резьбу*.[34]

Тот, кто получил обет банди, официально принадлежал к слою монахов. При Цинской власти монахи обращались к хошунной администрации с просьбой, потом засак-нойон передавал просьбу ... *давать монахам из многих внешних и внутренних засаков и хошунов знаки, удостоверения*[35] аймачному сейму, отсюда дальше идет вверх и официально регистрируется у монаха по закону Министерства управления Внешней Монголией. Например, в одном документе 1923 г. было сообщено, что в 8 дацанах Эрдэнэ бандида хутугта, Сайнноёнханского аймака в Халхе как Чогчин, Лавиранчиму, Нүвлэн, Шарлин, Гүшиг, Диваажин, Мамба, Чойрпроводят литургию Дээд служат хутагт – 1, шанзудба – 1, да лам дэмч – 1, шунал лам – 1, гэсгүй лам – 1, цорж – 6, гэлэн – 761, банди – 1094[36], итого 1866 монахов. Банди-юноши 15-20 лет приезжают, например, в Гандантэгчинлэн монастырь в дацан Дэчингалав, дацан Дашчоймбол гомана игчаана буддийской философии, дацан доктора и дацан астрологии, дацан Жүд для повышения квалификации. О поэтапном обучении монгольскому буддизму Ж. Болдбаатар написал в книге «Лама и хувраги монгольского буддизма»: *... для учебы делятся на три класса, которые называются начальный, средний и старший зиндааны в дацане философии Дашчойлин, Гунгаачойлин, Идгаачойлини Жүд и заканчивают среднюю школу буддизма в возрасте 25-30 лет.*[37] Во время учебы здесь, как только становятся взрослыми, получают обеты гэцэла и гэлэна. Монахов с обетом банди или гэцэл называют банди. Когда получают обет гэлэна, то их записывают как гэлэн лама. В Их шаве хутугта Жибзундамба лам с обетом банди и гэцэл называют хуврага. Людей с обетом гэцэл называют гэлэн.

Монахи, которые собираются овладевать высшим образованием буддизма, *занимаются в основном самостоятельно, пересматривают изученное в течение 10-20 лет, дают углубленное объяснение и пишут новые произведения. Они начинают углубленно изучать буддийский винай, философию, историю буддизма и получают ученую степень гавж в 50 лет. ... Очень немногие из гавжов вступают в дацан Жуд науки мантр или аги, изучают теорию становления Бурхана, мидитируют и учатся 10-15 лет, в возрасте 60 лет получают мяндаг Аграмба*.[38]

Значит монаху приходится учится всю жизнь, чтобы стать бурханом и познать шуньяту.

В резолюции собрания бурят было написано о монахах-ученых *... бывают авторитетные, вольные ламы, тойны, астрологи, доктора и художники*[39] и были определены их права и обязанности. *... Улзийт, Эрхт (авторитетные) и Дарханы (вольные) – лам обучают увшей правильно читать книги или грамотно писать на тибетском и монгольском языках. Тойн лам обучают резьбе. Художник-лам обучают рисованию.*[40] Знание здесь не означает размер изучения буддийской философии, умение обучать.

Должности монахов

Документов, определяющиех должности глав монастырей, немало. Среди них Резолюция собрания монгольских, бурятских лам[41], Монгольский закон, созданный по указу[42], Обязанности должностных лиц монастыря Гандандашгэмпэллин учеников Эрдэнэ бандида хутугта[43], Правило внутренного распорядка монастыря Буурал Мэргэнванского хошуна Тушээтханского аймака[44], которые были рассмотрены для сравнения[45]. В Монгольском законе, созданном по указу, значилось *...хутагт, номун хан, бандида, хамба, цорж являются степенью должностей.*[46]

В книге 34, содержащей законы о ламах Монгольского закона, созданного по указу, было определено число должностных лиц – 50 ордов, хуралов, монастырей и дацанов.[47] Из них монастырь

Амарбаясгалант[48], монастырь Хотол барилдлагат[49] и монастырь Гунгаачойлин[50] из десяти дацанов в Урге были рассмотрены как примеры.

В состав монастыря Амарбаясгалан входят 3 места для литургии Дүнлха, Дүйнхэр, Загдсамбаи 8 дацанов Зодва, Цанид, Эмч, Бадамёго, Майдар, Зурхай, Ламиран, Гүнрэг проводят свои деятельности в составе монастыря Амарбаясгалан. Следующие должностныелица работали: монастыре Амарбаясгалант работалиглава-цорж, второй хамба, сойвон и донир, а в помещении для литургии Загдсамбар работали ловон лама и унзад, помещении литургии Дуйнхора – Доржловон лама, гэсгуй и умзад. А для 8 дацанов, в дацане Зодва работают гэсгүй и умзад, в дацане Цанид – шунлайба, гэсгүй и умзад, в дацанахЭмч, Бадамёго, Майдар, Зурхай, Ламиран, Гүнрэг– главный лама, гэсгүй и умзад. Цорж лама является ответственным за помещениями для литургии, деятельностью дацанов в общем. В монастыре Хотол барилдлагат работали главный лама, гэсгуй и унзад, в дацане Гунгаачойлин работали шунлайба, гэсгуй и умзад. Так проводили их деятельность монастыри и храмы в Их шавь. Все эти монастыри, храмы, дацаны подчиняются к Хамба номун хану в Урге.

В монастыре Гандандашгэмпэллин учеников Эрдэнэ бандида хутугта Сайнноёнханского аймака, который имеет свой печать работают хамба, ловон,гэсгуй, умзад, чомбомво, преподноситель, комендант жаса, учитель или слуга блага и трубач.

Из местных монастырей в правиле внутренного распорядка монастыря Буурал хошуна Мэргэн вана Тушэтханского аймака, как было отмечено, служат большой лама, малый лама, да лама, гэсгуй, зайсан, умзад, жасын нярав, тахилч, гэёг.

Следовательно, от размера монастырей зависели и некоторые места работы, например, монастырь Амарбаясгалант возглавлял цорж лама, а монастырь Гандандашгэмпэллин – хамба лама. Хотя эти два монастыря похожи друг на друг (они были созданы намного раньше и были больше, чем другие монастыри), монастырь Амарбаясгалант подчиняется Их шавь. Все вопросы, связанные с монахами-хуврагами монастырей разрешались Хамба номун ханом. Однако в монастыре Гандандашгэмпэллин, созданном в 1662 г. ламын гэгэном Лувсанданзанжанцан как один из первых монастырей, был хамба лама как показатель того, что ученики хутугта с печатью имели самостоятельную деятельность. А деятельностью малых монастырей и храмов управляют их ламы или главный лама, деятельностью небольших литургии – ловон ламы. Дацаны, где проходило обучение, были разными. Дацанами буддийской философии управляли шунлайбы, а дацанами доктора и астролога – главный лама. Кроме того, ловоны, которые регулируют работу литургии, назывались по-разному в зависимости от учения. Например, литургиями дацанов Дуйнхор и Жуд, где учат на мантрах, управляли Доржловон.

Должностные лица ниже гэсгуй были одинаковы по статусу во всех монастырях. Например, помощник гэсгуя гэёг в резолюции бурятского собрания и в монастыре Буурал и учитель или слуга блага в монастыре Гандандашгэмпиллэн были одинаковыми по статусу. В Монгольском законе, установленном по указу, официально установлены высшие должности монастырей в Их шавь. Хотя не включили названия должностей ниже умзада были и коменданты, подносители чомвомбо и другие в монастырях Гандандашгэмпиллэн и Буурал.

Монахов в бурятских монастырях делили на 8 уровней: Бандида хамба, помощник Бандида хамбы, Ширээт лама, Ямбат ламы, Сопровождающий лама, Ламы-ученые и Банди.[51] Из этих лам 50 должностных лиц были указаны в резолюции собрания: главой всех монастырей является Бандида хамба, под ним работают помощники бандида хамбы, дониры и сойвоны. Дацаны возглавляют Ширээт ламы и ему подчиняются цорж, шанзудба, дэд лам, нэнсүү. Кроме того, в дацане работают лажав, гэсхүй, умзад, ноён лам, нярав, бичээч, мэдээч, чомбомво, тахилч и дуганч, которые занимаюся другими делами. Хотя малыми монастырями и местами для литургии при монастырях управляет Жидба и Хүргэв (главный лама) и под ними работают гэсхүй, жигег и преподноситель. Другими должностями в монастырях являются мудрый лама, өлзийт лама, авторитетный лама, свободный лама, тойн, астролог, врач и художник.

При сравнении статусов должностей в монастырях Халхи и бурят они оказались схожи:

- Бандида хамба, Хамба и Хамба Номун хан, которые являются главой многих монастырей и дацанов одновременно.
- Ширээт и Цорж (оба главы больших монастырей и дацанов).
- Главный лама, Большой лама литургии, Жидба и Хүргэв (главы небольших монастырей).
- Ламы-ученые (если в Монголии называют гавж, аграмба и др., учеными, то в Бурятии учеными называют художников и астрологов). Однако в резолюции от собрания бурятских лам не было упомянуто о процессе получения ученой степени и подразделениях буддизма.

• Должности ниже гэвхуй не имели определенных различий.

Хотя должности в Халхасских и Бурятских монастырях были общими, наблюдаются и различия:

В Халхе звание Бандида дали хутугтам и хувилгаанам. Например, Заяа бандида хутугт и Эрдэнэ бандида хутугт. В 1659 г. Богд Жабзундамба гэгэн присвоил *звание Эрдэнэ бандида*[52] Ламыну гэгэну Лувсанданзанжанцану, *когда он посетил Ургу*. Звание Бандида дали человеку, квалифицированному по пяти наукам как по науке причины, науке перевода, медицине, искусству и философии, в Халхе и Бурятии дали как должностное звание. Должность Ширээт лама была в Бурятии, а Халхе было звание, которое дается хутугтам и хувилганам. Например, в Монгольском законе, созданном по указу, было написано, что должности Ширээт лама нет среди должностей в Эрдэнэ зуу. Однако были Ширээт лама, хувилган Очирдара Гончогжалцан и Шива ширээт хутугт в Эрдэнэ зуу. Если в Халхе понятия хутугт и хувилгаан были общими, то в Бурятии нет понятия хувилгана и хутугта. Однако нельзя считать, что вообще не было хутугты и хувилганы. Это надо тщательно рассмотреть.

Назначения должностных лиц в Халхасских и Бурятских монастырях были разными в соответствии с размерам монастыря.

Заключение

Буддизм среди халхасцев и бурят, которые являются частью всех монголов, восходит к Тибетскому буддизму. Хотя в начале его распространения буддизм был везде одним. Однако в процессе развития это изменилось, ибо буряты вошли в состав Российской империи, а Халхасцы вошли под власть Цинской династии. Буддизмом стали управлять ханы и главы государства со своими законами и правами. Следовательно, существуют некоторые различия в управлении делами религии, монастырей, дацанов и монахов, хуврагов.

Хотя в источнике Резолюция собрания бурятских монахов была рассмотрена деятельность бурятских монахов и их норм поведения в целом, нами рассмотрены только вышеупомянутые вопросы. Несмотря на то, что буддизм в Бурятии и буддизм в Монголии развивались параллельно и в одно время, они стали различными под влиянием вмешательства со стороны государств. В Халхе монастыри и деятельность их монахов организовались под управлением Жибзундамбы и многих хутугтов. А в Бурятии не было понятие хутугт, а был только глава со званием Бандида хамба, который управлял делами всех монастырей и монахов. Следовательно, все монастыри и храмы бурят организовали их деятельность строго по одной установленной резолюции. Однако в Халхе каждый монастырь или храм имели свое правило внутреннего распорядка. Несмотря на рассмотрение вопросов монахов в законах государства, не охватывают все вопросы, связанные с монахами, как в вышеупомянутой резолюции.

Сноски

1. Валпола Рахула. Будда чухам юу сургасан нь. УБ.,2007:7. (Walpole Rahul. What Budda had taught? Ulaanbaatar, 2007: 7).

2. XIV Далай лам Төвдийн бүддийн ертөнц. УБ.,2000:19. (Tibetan Buddha world. Ulaanbaatar, 2000:19).

3. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 8813-15/96 (Resolution for Mongolian buriat lama, fund of handwritings 8813-15/96, National Public Library).

4. Император России.

5. Социализмын дараах Монголчууд:улс төр,эдийн засаг, шашин. УБ., 2012: 250(Post-socialist mongols: their politics, economy and religion, Ulaanbaatar, 2012: 250).

6. Л. Санжаажамц, Б. Дэлгэрмаа. Буриадын түүх. УБ.,2004:45 (Sanjaajamts L., Delgermaa B., History of Buryat, Ulaanbaatar, 2004: 205).

7. Буриадын түүх. 13 тал УННС гар бичмэлийн фонд 49/96(History of Buryatia, Ulaanbaatar, 2004:45).

8. Там же. – С. 13.

9. Монгол улсын түүх. IVботь УБ., 2004: 205(History of Mongolia, v.IY, U;aanbaatar, 2004: 205).

10. Буриадын түүх. 13 тал УННС гар бичмэлийн фонд 49/96. (History of Buryatia. P. 13, manuscript fund, State Public Library).

11. Там же. – С. 14.

12. Там же. – С. 14.

13. Там же. – С. 14.

14. Там же. – С. 14.

15. Там же. – С. 27.

16. Там же. – С. 33.

* Тремя главными дацанами являются дацаны в Цонголе, Хөлөн нууре и Дашлхүнбэлин.

17. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 5а-7а (Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 5a-7a, National Public Library).

18. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 15а (Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 15a, National Public Library).

19. В Цинском периоде в Монголии кроме Жибзундамбы были Зая Пандида хутугт,Чин сүжигт номун хан, Эрдэнэ мэргэн хутагт, Ширваа ширээт хутагт, Хамба хутагт, Наран хутагт в Сайнноёнханском аймаке, Жалханз хутагт, Ялгуусан хутаг, Бэгэр номун хан Засагтханском аймаке и Егүзэр хутагт Сэцэнханском аймаке. В 1911 году после провозглашения его ханом VIII Богд дал печати хутугту Нарбанчинув Сайнноёнханском аймаке и Ялгуугсан хутугт в из Сэцэнханском аймаке. В итоге получились 13 хутугтов с печатами.

20. МУҮТА. А-3 Д-1 ХН-324 нугалбар 33 (Holden document A-3, D-1, KhN-324, Central National Archive of Mongolia).

21. МУҮТА. А-3 Д-1 ХН-832 нугалбар 33 (Holden document 1, A-3, D-1, KhN-324, Central National Archive of Mongolia).

22. “Их Хүрээ гучин аймаг” Баримтын эмхтгэл.УБ.,2015:5 (Thirty aimags, IkhKhuree, document compilation, Ulaanbaatar, 2015: 249).

23. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 2а. (Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 2a, National Public Library).

24. Социализмын дараах Монголчууд: улс төр,эдийн засаг, шашин УБ.,2012: 249 (Post-socialist mongols: their politics, economy and religion, Ulaanbaatar, 2012: 249).

25. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 5а-7а. (Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 5a-7a, National Public Library).

26. Ж. Болдбаатар. Монголын бурханы шашны лам хуврага УБ:.2010:65 (J.Boldbaatar. Lama and huvrags of Mongolia, Ulaanbaatar 2010:65).

27. Социализмын дараах Монголчууд: улс төр,эдийн засаг, шашин УБ., 2012: 253 (Post-socialist mongols: their politics, economy and religion, Ulaanbaatar, 2012: 253).

28. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 4а(Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 4a, National Public Library).

29. Социализмын дараах Монголчууд: улс төр,эдийн засаг, шашин УБ., 2012: 250(Post-socialist mongols: their politics, economy and religion, Ulaanbaatar, 2012: 250).

30. Там же. – 250.

31. Ш. Нацагдорж. Монголын феодализмийн үндсэн замнал. УБ.,1978:196 (Sh.Natsagdorj. The main route of the Mongolian feudalism, Ulaanbaatar, 1978:196).

32. **Аграмба** – Высшая ученая степень того, кто квалифицировался в учении общины мантры после 10-15-летней учебы в дацане жуд.

Гаарамба – звание того, кто закончил пяти видов буддийской науки. Можно его звать и аграмба.

Гавж – Ученая степень того, который знает десять трудностей и обладает наукой проверки, мудростью, серединностью, ясностью, пятью книгами виная, знание сутары с их объяснениями, а также квалифицированный и защитил ученую степень после учебы в дацане Цанид.

Гэвш – Уважительное название того, кто учился в школе Цанид больше десяти лет, пока не защитил ученую степень, уже квалифицировался пяти наукам. В переводе на монгольский язык обозначает благодатель.

Лхаарамба – Гавж, который закончил учебу в тибетской монастыре Лхас.

Лхаржи – почетное звание того, который учился тибетском Лхас и Дашлхүмбэд 22 года и написал несколько учебников по медицине.

Равжамба – Ученая степень того, кто закончил 13 курсов Чойра, квалифицированный буддийсской теоретической философии.

Доороmбо – Ученая степень того, кто поехал в Лавран, сидел на каменном сидении, участвовал в дискурсии за получение ученой степени.

Зээрэмбэ – Ученое звание того, кто обладает глубоким знанием математики. Есть и звание Дүйрэмбэ, так зовут того, кто глубоко знает астрологию.

Бандида – Ученая степень того, кто квалифицировался по пяти наукам, таким как наука причины, наука перевода, медицина, искусство и философия.

33. Тот, кто принял обет «банди» не убивает живого, не ворует, не развратничает, не лжет, не употребляет алкоголь, соблюдает пост в определенные дни, не гуляет и не бегает за забавой.

34. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 14а(Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 14a, National Public Library).

35. Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл. Іботь. УБ.,2010:487(Historical compilation of Mongolian law and orders, V. I).

36. МУҮТА.Х-137 Д-1 ХН-15(Kh-137 D-1 KhN-15Central National Archive of Mongolia).

37. Ж. Болдбаатар. Монголын бурханы шашны лам хуврага УБ:.2010:70 (J. Boldbaatar. Lama and khuvrags of Mongolian buddism, Ulaanbaatar: 2010:70).

38. Ж. Болдбаатар. Монголын бурханы шашны лам хуврага УБ:.2010:75-76 (J. Boldbaatar. Lama and khuvrags of Mongolian buddism, Ulaanbaatar: 2010:70).

39. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 1а(Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 1a, National Public Library).

40. Там же. – 6 а.

41. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 3а(Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 3a, National Public Library).

42. Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл. IIботь. УБ.,2010:274-275(Historical compilation of Mongolian law and orders, V.II, 2010:274-275).

43. Б. Цэвээндорж. Монголын бурханы шашны сүм хийдийн эрх зүйн зарим асуудалд (Ламын гэгээн Лувсанданзанжанцаны үүсгэн байгуулсан Гандандашгэмпэллин хийдийн жишээн дээр) УБ.,2011:44-49, магистрын ажил, МУИС-ийн эрдэм шинжилгээний номын сан (B.Tseveendorj. Some jurisprudence issues of the Mongolian Buddhism monastery: Gandandashgempellin monastery established by lamyngegeen Luvsandanzanjantsan as examples, Ulaambaatar, 2011: 44-49, Master degree work, Research library, National university of Mongolia).

44. Монголын сүм хийдийн түүхээс...УБ., 2014:16-17(From the history of Mongolian monasteries…Ulaanbaatar, 2014:16-17).

45. Большой и малый монастыри хутугта Жибзундамба, монастырь хутугтов с печатью, монастырь хошуна были рассмотрены как примеры.

46. Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл. I боть. УБ.,2010:476 (Historical compilation of Mongolian law and orders, V. I, 2010:476).

47. Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл. II боть. УБ.,2010:273-275 (Historical compilation of Mongolian law and orders, V. II, 2010:273-275).

48. Был создан в 1727 г. Цинским императором Найралт тув в пямать Ундур гэгээна Занабазара. Он находится в долине р. Ивэн, у подножия горы Бурэн хаан, в сомоне Баруунбурэн, Селенгинского аймака.

49. Монастырь Хотол барилдлагат был создан в местности Онгийн голын хавцгай, хошуне Чагдаржава Түшэтханского аймака.

50. Название монастыря Гунгаачойлин, созданного в 1809 г., означает монастырь учения, которое радует всех. Один из основных дацанов Буддийской философии.

51. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 3а (Resolution on the buryat-mongol monks and khuvrags, manuscript fund 3a, National Public Library).

52. Сайн ноён хан аймгийн Эрдэнэ бандида хутагтын сүм хийдийн уг эх. УННС гар бичмэлийн фонд 2б тал(Source of Monastery of ErdeneBandidahutugt, Sainnoyon khan aimag. P. 2b, manuscript fund, State Public Library).

Библиография

1. Болдбаатар Ж. Монголын бурханы шашны лам хуврага. – УБ., 2010.
2. Буриадын түүх. УННС гар бичмэлийн фонд 49/96.
3. Валпола Рахула. Будда чухам юу сургасан нь. – УБ., 2007.
4. “Их Хүрээ гучин аймаг” Баримтын эмхтгэл. – УБ., 2015.
5. Монгол буриад лам хуврагуудын тогтоол. УННС гар бичмэлийн фонд 8813-15/96.
6. Монголын сүм хийдийн түүхээс... УБ.,2014.
7. Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл. I боть. – УБ., 2010.
8. МУҮТА. А-3 Д-1 ХН-324 нугалбар 33.
9. МУҮТА. А-3 Д-1 ХН-832 нугалбар 33.
10. МУҮТА. Х-137 Д-1 ХН-15.
11. Нацагдорж Ш. Монголын феодализмийн үндсэн замнал. – УБ., 1978.
12. Сайн ноён хан аймгийн Эрдэнэ бандида хутагтын сүм хийдийн уг эх. УННС гар бичмэлийн фонд.
13. Санжаажамц Л, Дэлгэрмаа Д. Буриадынтүүх. – УБ., 2004.
14. Социализмын дараах Монголчууд: улс төр, эдийн засаг, шашин. – УБ., 2012.
15. Цэвээндорж Б. Монголын бурханы шашны сүм хийдийн эрх зүйн зарим асуудалд (Ламын гэгээн Лувсанданзанжанцаны үүсгэн байгуулсан Гандандашгэмпэллин хийдийн жишээн дээр). – УБ., 2011. Магистрын ажил, МУИС-ийн эрдэм шинжилгээний номын сан.
16. XIV Далай лам Төвдийн бүддийн ертөнц. – УБ., 2000.

Bibliography

1. J. Boldbaatar. Lama and huvrags of Mongolia, Ulaanbaatar, 2010.
2. History of Buryatia, Fund of Hand Writings 8813-15/96, National Public Library.
3. Walpole Rahul. What Budda had taught? Ulaanbaatar, 2007.
4. Thirty aimags, IkhKhuree, Document Compilation, Ulaanbaatar, 2015.
5. Resolution for Mongolian Buryat Lama, Fund of Hand Writings 8813-15/96, National Public Library.
6. From the History of Mongolian monasteries…Ulaanbaatar, 2014.
7. Historical Compilation of Mongolian Laws and Orders, V.I.
8. Central National Archive of Mongolia, Holden document A-3, D-1, KhN-324.
9. Central National Archive of Mongolia Holden document 1, A-3, D-1, KhN-324.
10. 15Central National Archive of Mongolia, Kh -137 D-1 KhN.

11. Natsagdorj Sh. The main route of the Mongolian feudalism, Ulaanbaatar, 1978.
12. Source of Monastery of Erdene Bandidahutugt, Sainnoyon khan aimag. Manuscript fund, State Public Library.
13. Sanjaajamts L., Delgermaa B., History of Buryat, Ulaanbaatar, 2004.
14. Post-socialist Mongols: Their Politics, Economy and Religion, Ulaanbaatar, 2012.
15. Tseveendorj B., Some jurisprudence issues of the Mongolian Buddhism monastery: Gandandashgempellin monastery established by lamyn gegeen Luvsandanzanjantsan as examples, Ulaambaatar, 2011. Master degree work, Research library, National University of Mongolia.
16. Tibetan Buddha World. Ulaanbaatar, 2000.

О.А. Бесфамильная, соискатель, e-mail: kontakt-oc@yandex.ru

УДК 069.01(571.54)

ПЕРВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ И БИБЛИОТЕКА БУРЯТИИ

Статья посвящена организации первого Центрального педагогического музея и библиотеки в Бурятии после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Автор приводит данные о деятельности музея и библиотеки в первые годы Советской власти по ликвидации безграмотности населения республики.

Ключевые слова: *центральный педагогический музей, педагогическая библиотека, ликвидация безграмотности.*

O.A. Besfamilnaya, the doctoral candidate

THE FIRST PEDAGOGICAL MUSEUM AND THE LIBRARY OF BURYATIA

The article is devoted to the organization of the first Central Pedagogical Museum and the library of Buryatia after the victory of the Great October socialist revolution. The author gives information about the activities of the museum and the library in the first years of Soviet authority to liquidate the illiteracy of the population in the republic.

Key words*: central pedagogical museum, pedagogical library, elimination of illiteracy.*

Победа Великой Октябрьской социалистической революции обеспечила всем трудящимся свободный доступ к знаниям, к величайшим ценностям духовной культуры. Переход страны к строительству нового общества позволил обратить серьезное внимание на работу библиотек как учреждений по ликвидации безграмотности и своего рода трибуны для политического просвещения масс. Это время становится одним из плодотворных периодов в развитии советского библиотековедения. Библиотечное дело, как и всенародное просвещение, имело тогда значение государственной важности. В ноябре 1917 г. в составе Советского правительства образуется Наркомпрос (народный комиссариат просвещения), на который возлагается общее руководство народным образованием и обеспечение всесторонней государственной помощи развитию учебных и просветительных учреждений. Для руководства реорганизацией системы библиотечного обслуживания населения в Наркомпросе создаются государственные органы управления библиотеками.

С проведением социалистических преобразований в Бурятии началась работа по созданию новой модели образования – советской школы на основе положения «О единой трудовой школе РСФСР» от 30 сентября 1918 г. В начале 1920-х гг. советской власть установилась в Бурятии. Территория к востоку от р. Селенги и оз. Байкал вошла в состав Дальне-Восточной Республики, образовавшейся в первой половине 1920 г., во главе которой был Народно-революционный комитет (Бурнарревком).

С 15 марта 1920 г. отдел Народного образования определил общую схему работы новых трудовых школ во главе с «Центральным педагогическим музеем», который был призван обеспечивать школы учебными пособиями. Необходимость в музее связана с отдаленностью от крупных центров, где имелись склады учебных пособий. Отдел народного образования поставил вопрос о создании мастерской, склада, музея наглядных и учебных пособий. Была разработана общая схема организации музея, намечен план работы, который был утвержден отделом Наркомпроса. Центральный педагогический музей (ЦПМ) осуществил план по обеспечению трудовой школы всем необходимым для успешного ее функционирования. Помощь заключалась не только в обеспечении школ наглядными пособиями, но и в практической подготовке учителей, которые были живыми проводниками и первыми работниками в деле реформирования школы. Перед музеем ставили две задачи, первая из которых заключалась в сборе учебных, лабораторных пособий, вторая – в организации отдела по экспериментальной педагогике, проведении всесторонних курсов для учителей. Было разработано «Временное положение о музее народного образования БМАССР».

Музей стал вспомогательным учреждением Наркомпроса и базой научно-методической работы по составлению основных программно-методических материалов, издаваемых Наркомпроссом РСФСР и приспособлением их к культурно-экономическим и национально-бытовым условиям БМАССР. Сотрудники музея принимали участие в организации научно-методической работы в просветительных учреждениях республики в центре и на местах, занимались пропагандой вопросов народного просвещения среди учащихся, разрабатывали отдельные педагогические и методические вопросы, выдвигаемые просветительными учреждениями [6].

Деятельность музея заключалась также в ознакомлении работников просвещения и широких масс трудящихся с достижениями научной педагогической мысли на основе всестороннего изучения состояния дел народного просвещения в БМАССР.

В соответствии со своими задачами музей осуществлял сбор и систематизацию материалов (рукописей, методической литературы, фотографий, моделей, диаграмм и т.д.), занимался разработкой проблем, которые имели практическое значение в работе органов образования, пополнял свои коллекции путем приобретения материалов [5].

В музее были организованы кабинеты: физический, ботанический, геологический, этнографический, экспериментальной педагогики и др. Сотрудники музея собирали различные виды ученических работ, что составило в дальнейшем самостоятельный отдел трудов учащихся всех ступеней школы. Был организован кабинет, лаборатория и аудитория для занятий учащихся, а также для демонстрации перед ними тех приборов и опытов, которые по своей сложности и дороговизне, или другим причинам, не могли быть доступны каждой школе. Аудитория служила для проведения публичных лекций. В музее работало экскурсионное бюро. В дальнейшем при музее были организованы курсы для учителей, во всех отделах проводились практические занятия. Центральный педагогический музей ставил своей задачей обслуживание школьного, дошкольного и внешкольного образования, но ввиду тяжелого положения школ, главное внимание было обращено на школьное дело. В первую очередь удовлетворялись запросы начальной и высшей начальной школы. Музей создавал наборы необходимых пособий для всех типов школ (примерные школьные музеи), должен был иметь образцы всех пособий и наглядных материалов, которые изготавливались в мастерской, организованной при музее.

Отсутствие доступной библиотеки стало причиной организации Педагогической библиотеки на базе Центрального педагогического музея. Таким образом, при музее была создана первая педагогическая библиотека книг, диапозитивов, кинематографических фильмов, таблиц, что явилось основанием современного ее аналога при институте ГАО ДПО РБ БРИОП. Собранный фонд библиотеки был предназначен для временного пользования всеми просветительными учреждениями.

Библиотека Педагогического музея стала центром приобретения новых знаний для ученых, педагогов, которые могли получать необходимые им учебные пособия. Перед библиотекой стояла задача рекомендации педагогической литературы, знакомства с ней учителей Бурятии. Организатором библиотеки стал инструктор по библиотечному делу Л.К. Залесский [2] в служебной записке от 15 июля 1920 г. обратившийся к министру народного просвещения с просьбой о содействии по сохранности фонда библиотеки [3].

Сохранился документ «Правила Центральной педагогической библиотеки», заверенный подписью заведующего библиотекой Л.К. Залесского, в котором указано время работы библиотеки и правила выдачи книг. Книги были доступны читателям при предъявлении ордера, который выдавался в Министерстве народного просвещения, но разрешалось получить не более 2-х книг [3].

Усилиями сотрудников библиотеки была собрана по-своему уникальная коллекция литературы по педагогике. Педагогическая библиотека унаследовала книжный фонд реального училища и женской гимназии, который впоследствии пополнился изданиями, переданными из библиотеки Наркомпроса республики.

В 1933 г. Музей народного образования был реорганизован в Программно-методический институт Наркомпроса БМАССР. Уникальный фонд библиотеки частично сохранился до настоящего времени. Традиции музея продолжаются в деятельности ГАО ДПО РБ Бурятского республиканского института образовательной политики и Библитечно-ресурсного центра института.

Таким образом, победа Великой Октябрьской социалистической революции обеспечила всем трудящимся свободный доступ к знаниям посредством организации сети библиотек как учреждений по ликвидации безграмотности населения, его политического просвещения с целью воспитания строителей нового общества социальной справедливости.

Библиография

1. Материалы «Педагогического музея и трудовой школы». А. Половинкин 26.03.1920; Гос. архив РБ Ф. Р-61, оп. 1, д. 85; приказ № 66 по Министерству народного просвещения ДВР от 2 июля 1920 г.;
2. Гос. Архив РБ Ф. Р. 61, оп. 1, д. 3.
3. Гос. Архив РБ Ф. Р-61, оп. 1, 9, 37.
4. Гос. Архив РБ Ф. Р-61, оп. 1, 19.
5. Гос. Архив РБ Ф. Р-61, оп. 1, д. 85.
6. Гос. Архив РБ Ф.Р-60, оп. 1, д. 348.
7. Интернет-ресурс http://briop.ru/index.php/institute/osnovnye-svedeniya

Bibliography

1. Polovinkin A. Pedagogical Museum and Labor School Documents 26/03/1920; the State Archive of the Buryatia Republic Col. R-61, Inv. 1, F. 85, The FER Ministry of People's Education Decree № 66, 02.07.1920
2. State Archive of Buryatia Republic (SABR). Col. R-61, Inv.1, F 3
3. SABR Col. R-61, Inv.1,, 9, 37
4. SABR Col. R-61, Inv.1, 19
5. SABR Col. R-61, Inv.1, F 85
6. SABR Col. R-61, Inv.1, 1 F 348
7. http://briop.ru/index.php/institute/osnovnye-svedeniya

Д.Н. Дамбаев, аспирант, e-mail: dima.dambaev92@mail.ru
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова

УДК 947:377:63

М.Н. БАЛКОВ, Я.Т. ПОХОСОЕВ, П.Н. ДАМБИНОВ – ВЫПУСКНИКИ ИРКУТСКОГО НИЗШЕГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО УЧИЛИЩА

В статье приведены краткие биографические данные из жизни трех выпускников Иркутского низшего сельскохозяйственного училища, предпринята попытка раскрыть влияние Октября 1917 года на становление М.Н. Балкова, Я.Т. Похосоева, П.Н. Дамбинова как видных государственных и общественных деятелей Бурят-Монголии.

Ключевые слова: *Иркутское низшее сельскохозяйственное училище, Бурят-Монголия, Наркомат земледелия, Бурят-Монгольский зооветинститут, бурятская литература.*

D.N. Dambaev, P.G.

M.N. Balkov, Ya. T. Pokhosoev, P.N. Dambinov – graduates for the Irkutsk agricultural training school

The article deals with some information from the biographies of three graduates for the Irkutsk agricultural training school. There was made an attempt to show the influence of October 1917 on becoming of M.N. Balkov, Ya.T. Pokhosoev and P.N. Dambinov outstanding statesmen of Buryat-Mongolia.

Key words: *Irkutsk lower agricultural school, Buryat-Mongolia, People's Commissariat of Agriculture, Buryat-Mongolian veterinary institute, Buryat literature.*

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на ход исторического развития в мире, но не меньшее влияние было оказано и на судьбы людей. Многие, благодаря преобразованиям советской власти, получили возможность добиться успехов в различных сферах деятельности. Приведу пример судеб трех выпускников Иркутского сельскохозяйственного училища – М.Н. Балкова, Я.Т. Похосоева, П.Н. Дамбинова.

Иркутское низшее сельскохозяйственное училище открылось в 1898 г.в с. Жердовка Иркутского уезда и представляло собой низшее сельскохозяйственное училище с педагогическим и одним подго-

товительным классами [1, л. 17]. В первые годы училище не пользовалось авторитетом среди населения. Но постановка учебного процесса и результаты практической деятельности училища понемногу меняли сложившееся мнение в положительную сторону. Вот как об этом писала газета «Иркутские губернские ведомости»: «Иркутская сельскохозяйственная школа постепенно завоевывает себе популярность среди окрестного населения, часто приходится слышать отзывы, высказываемые тоном похвалы в том, что ученики школы много работают, «учатся и от работы не отвыкают, не то что в наших деревенских училищах». <…> сельские обыватели уже с меньшим недоверием относятся к результатам ее деятельности. Бывали случаи, что даже буряты обращались в школу за руководством в незнакомом им деле устройства парников. Огородничество среди бурят – это что-то неслыханное» [2, с. 92]. Училищеготовило учащихся к практической сельскохозяйственной деятельности, а также к педагогической деятельности в народных школах. Курс обучения составлял 5-летний срок: 1 год – подготовительный, 3 – основных и 1 – педагогический. В училище принимались ученики не моложе 15-летнего возраста, окончившие 2-классные сельские училища или 2-классные церковно-приходские школы. Занятия проводились как теоретические, так и практические. В учебный план входили следующие предметы: Закон Божий, русский язык, арифметика, основы геометрии, черчение, землемерие, география, история России, основные сведения из естественных наук, земледелие, животноводство, садоводство, огородничество и пчеловодство. Кроме того, преподавалось законоведение, где ученикам сообщались сведения о наиболее значимых законопроектах в области сельского хозяйства. На прохождение теоретического курса выделялось от 22 до 26 недель в году. Значительное внимание уделялось практическим занятиям, с целью закрепления теоретического материала, им отводилось в одном учебном году от 16 до 20 недель [1, л. 18]. При училище находились учебно-вспомогательные учреждения: библиотека, кабинеты-лаборатории, метеорологическая станция, скотный двор, опытно-показательные поля, сады, огороды, пасека. Так же имелись столярно-плотничная и слесарно-кузнечная мастерские.

Особое место уделялось воспитательной деятельности. В уставе училища сказано, что ученикам должны прививаться те качества, которые будут необходимы им в их дальнейшей деятельности на сельскохозяйственном поприще, такие как: любовь к природе, привязанность к сельской жизни и обстановке, уважение к сельскохозяйственному труду во всех его видах и стремление использовать приобретенные в училище знания в целях улучшения жизни земледельческого населения [1, л. 18 об.]. Нет сомнений, что эти качества были усвоены учениками, среди которых были, впоследствии, видные государственные и общественные деятели, внесшие значительный вклад в развитие сельского хозяйства Сибири, среди них М.Н. Балков и Я.Т. Похосоев.

У истоков развития научно-исследовательской работы и образования в области скотоводства в Восточной Сибири стоял видный ученый-педагог, общественный и государственный деятель Михаил Николаевич Балков (1902-1956).

М.Н. Балков родился 4 апреля 1902 г. в ул. Бохан, Боханского аймака, Иркутской губернии в семье крестьянина-бедняка. После окончания 2-классной сельской школы он поступает в Иркутское низшее сельскохозяйственное училище. В марте 1920 г. вступил в комсомол и в этом же году – в партию большевиков [3, с. 4]. Начав общественную деятельность 20-летним юношей в 1922 г. в качестве инструктора Боханского райкома комсомола, Михаил Николаевич более 30 лет находился на комсомольской, партийной, советской и научно-педагогической работе. В 1921 г. поступил в Иркутский педагогический техникум, ставший впоследствии педагогическим институтом, но уже через год был отозван на комсомольскую работу. Работал инструктором, заведующим политотделом, секретарем айкомов комсомола, пришлось даже потрудиться инструктором в Монголии. В 1927 г. Михаила Николаевича переводят на партийную работу, назначив секретарем Баргузинского райкома партии. Проработав два года в этой должности, благодаря трудолюбию и тяге к образованию, он поступает на учебу в Московский институт мясомолочного скотоводства, который окончил в 1932 г. Будучи студентом, он принимает участие в научной экспедиции по изучению сельского хозяйства Агинского аймака. В результате этой экспедиции им, в соавторстве с В.С. Петровым и Л.И. Дракиным, в 1931 г. в Трудах Агинской экспедиции написан раздел «Животноводство» [4, с. 164]. В этой работе впервые на большом материале дана характеристика одной из популяций бурятского крупного рогатого скота.

После окончания института М.Н. Балков работает заместителем директора Восточно-Сибирской краевой опытной станции мясного скотоводства. Работал в Наркомате земледелия БМАССР зоотехником-экономистом и старшим зоотехником управления животноводства. С января 1935 г. по август 1939 г. Михаил Николаевич трудился на Бурят-Монгольской опытной станции по животноводству заведующим отделом крупного рогатого скота [5, л. 14]. Около года, проработав в Наркомате земледелия в должности заведующего отделом по племенному делу, он перешел в Бурят-Монгольский зооветеринарный институт на должность ассистента кафедры кормления сельскохозяйственных животных. В эти

годы он продолжает изучение бурятского крупного рогатого скота, пути его улучшения, принимает активное участие в разработке плана породного районирования скота и основных направлений племенной работы в животноводстве республики. Результаты научной деятельности в этот период М.Н. Балков изложил в работах «Предварительные результаты метизации крупного рогатого скота симменталом» и «Крупный рогатый скот Бурят-Монгольской АССР» [4, с. 4]. Основные положения племенной работы, выдвинутые М.Н. Балковым, и сейчас сохранили свою значимость и лежат в основе племенной работы в скотоводстве республики.

После закрытия института в октябре 1941 г. М.Н. Балков назначается главным зоотехником Наркомзема республики, а в январе 1943 г. он выдвинут на работу Наркомом земледелия БМАССР [5, л. 19]. Опыт работы в сельском хозяйстве позволил ему в полной мере раскрыть свои организаторские способности. На этой должности он проработал год и в январе 1945 г. был избран председателем исполкома Баргузинского аймачного Совета [5, л. 22]. С 1945 по 1947 г. Михаил Николаевич работает директором опытной станции животноводства, а после этого – в Бурят-Монгольском зооветеринарном институте исполняющим обязанности доцента кафедры частной зоотехнии [6, с. 65].

19 марта 1949 г. Высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшего образования СССР присуждает М.Н. Балкову ученое звание доцента, он назначается исполняющим обязанности заведующего кафедрой частной зоотехнии и по совместительству деканом зоотехнического факультета. В августе 1951 г. М.Н. Балков назначается заместителем директора института по учебной и научной части и одновременно заведует кафедрой частной зоотехнии. В этой должности он проработал до конца своей жизни [4, с. 4].

Большую педагогическую, административную и научную работу М.Н. Балков сочетал с подготовкой диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Им был обработан огромный материал, накопленный за многие годы. Подготовленный им труд «Бурятский крупный рогатый скот, его происхождение и пути улучшения» по своей значимости и фундаментальности вышел за рамки кандидатской диссертации. В 1956 г. Высшая аттестационная комиссия разрешила М.Н. Балкову защиту диссертации на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук без наличия кандидатской степени. Но воспользоваться таким случаем Михаил Николаевич не смог. 21 июля 1956 г. после продолжительной болезни он скончался. Материалы докторской диссертации были изданы посмертно в 1962 г. в виде монографии «Бурятский крупный рогатый скот» [7, с. 16].

М.Н. Балков неоднократно избирался членом обкома ВЛКСМ, членом райкома, горкома и обкома КПСС, членом ЦИК БМАССР и депутатом Верховного Совета Бурятской АССР. Он награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Бурятской АССР [5, л. 26-28].

В личности Н.М. Балкова воплотились черты, свойственные лучшим представителям ученой интеллигенции – образованность, бескорыстная преданность науке, всесторонняя общественная активность, патриотизм и служение Родине.

Яков Трофимович Похосоев (1900-1938) также родился улусе Бохан Иркутской губернии. После окончания местной двухлетней школы поступил в Иркутское низшее сельскохозяйственное училище, в котором обучался за счет материальной поддержки существовавшего тогда бурятского общества вспомоществования учившимся бурятам. В 1919 г. учащиеся училища организовали комсомольскую ячейку, в которую вступил юный Яков. В апреле 1920 г. он был участником I Иркутской комсомольской конференции, после которой становится руководителем комсомольского комитета в Бохане. В сентябре 1920 г. Яков Похосоев принят в партию большевиков. Вскоре, как человека обладающего хорошими организаторскими способностями, Я.Т. Похосоева избрали председателем хошунного (волостного) исполкома [8, л. 7]. В тяжелых условиях Гражданской войны Я.Т. Похосоев оперативно проводил все хозяйственные и политические кампании, под его руководством проводилась заготовка зерна для рабочих городов, также он возглавлял комиссию по оказанию помощи Красной армии [3, с. 157]. В этой сложной политической обстановке по всей стране шла работа по ликвидации неграмотности среди широких слоев населения. Я.Т. Похосоев большое внимание уделял культурно-просветительской деятельности, обеспечивая работу школ, изб-читален и литературных кружков.

В конце ноября 1921 г. Яков Похосоев был вызван Иркутским губернским комитетом для работы инструктором в Бурятской секции [8, л. 18]. На новом месте он занимался организацией работы Советов, разъяснением населению политики проводимой Советской властью. В 1922 г. Якова Трофимовича командируют в Ленинградский коммунистический университет на восьмимесячные курсы [8, л. 22].

В 1923 г. образование Бурят-Монгольской АССР открыло перед молодым Яковом Похосоевым, как и его сверстниками, широкое поле деятельности. Работая с декабря 1923 г. до апреля 1926 г. председателем Боханского аймисполкома, а с 1927 г. – председателем Аларского аймисполкома, а также

заведующим орготделом и членом Президиума ЦИК БМАССР, Яков Трофимович показал себя умелым, инициативным организатором [3, с. 157]. Он уже пользовался авторитетом руководителя, хорошо знающего свое дело. Именно благодаря таким качествам областная партийная организация в 1929 г. выдвинула Я.Т. Похосоева на должность наркома земледелия БМАССР [8, л. 30]. Ему было тогда всего 29 лет. Этот ответственный пост он занял в тот момент, когда в стране шла подготовка к коллективизации сельского хозяйства.

Не сложно представить в каких трудных условиях пришлось вести работу Якову Трофимовичу. Тем не менее, благодаря своим качествам организатора, он всегда был в центре событий, находясь в постоянном движении, выезжал в аймаки, помогал организовывать колхозы республики. За то время, которое провел в должности наркома земледелия, Я.Т. Похосоев внес значительный вклад в дело восстановления и реконструкции сельского хозяйства БМАССР.

Летом 1931 г. Яков Трофимович был командирован на учебу в Москву в Академию социалистического земледелия [8, л. 34]. После двух лет учебы был направлен в Иркутск на должность заместителя заведующего Восточно-Сибирским краевым земуправлением. В 1934 г. Я.Т. Похосоев назначен заведующим сельскохозяйственным отделом Бурят – Монгольского обкома ВКП(б). В августе 1937 г. Якова Трофимовича Похосоева вновь назначают народным комиссаром земледелия БМАССР [8, л. 40].

Всю свою жизнь он активно боролся за подъем сельскохозяйственного производства в республике, заботился об улучшении материального благосостояния колхозников и повышения их культурного уровня. Якова Трофимовича часто видели на слетах стахановцев и ударников [3, с. 157].

Заслуги перед республикой были по достоинству оценены правительством – он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Своей самоотверженной и плодотворной деятельности он по праву заслужил уважение общественности. Но в ноябре 1937 года он был снят с должности главы ведомства и необоснованно обвинен в срыве и в провале подготовки к зимовке скота. В феврале 1938 г. Яков Трофимович был исключен из состава Бурят – Монгольского обкома ВКП(б) и репрессирован [3, с. 158]. Я.Т. Похосоев полностью реабилитирован в 1957 г.

Как и Я.Т. Похосоев в 1938 г. был репрессирован Петр Никифорович Дамбинов (Солбонэ Туя) – один их первых бурятских писателей, общественно-политический деятель. В течение многих лет он работал руководителем Художественной секции Бурятского ученого комитета, много сделал для создания национального театра, для подготовки кадров в области литературы, живописи, музыки.

Родился П.Н. Дамбинов 20 февраля 1892 г. в улусе Заглик Боханского аймака Иркутской губернии [9]. Семья была многодетная – 7 братьев и сестер. Особенно тяжело было после смерти матери (Петру было 8 лет), вскоре умер и отец [10].

Окончив Идинское 2-классное училище в 1907 г., он поступает в Иркутское сельскохозяйственное училище. Во время учебы в училище был членом кружка «Солбон», созданного в Эхирит-Булагатском аймаке совместно с Т. Зандановым и А. Халмашкеевым. С этого кружка, по свидетельству поэта, берет начало литературный псевдоним Петра Дамбинова «Солбонэ Туя». К этому периоду относятся и первые пробы пера. Его стихи появлялись на стенгазетах училища, на страницах рукописных журналов «Очин» («Искра»), «Товарищ» и других, выпускаемых бурятским землячеством иркутских студентов [11]. Эти стихи, к сожалению, не сохранились.

После окончания училища в 1913 г., Петр Никифорович работает учителем в с. Укыр Боханского аймака. В 1917 г. он переезжает в Иркутск и вступает в партию эсеров. Петр Дамбинов был представителем той части бурятской интеллигенции, которая не сразу приняла Октябрьскую революцию и прошла сложный жизненный и творческий путь.

С октября 1920 г. П.Н. Дамбинов работает председателем Бурят-Монгольского народно-революционного комитета, председателем Бурят-Монгольского автономного управления в г. Чите, в редакции газеты «Голос бурят-монгола», публикует брошюру «О бурятском самоуправлении (что такое аймаки и почему они нужны)», работает над созданием базы для издания учебников на бурятском языке [10].

В 1922 г. переезжает в Москву, где работает в Торгово-промышленном банке СССР, занимает различные должности при бурятском представительстве в Москве. Официально свой выход из партии эсеров он оформил в Москве письмом в «Правде» от 5 апреля 1923 г.

В 1923 г. Солбонэ Туя становится членом знаменитой литературной группы всероссийских писателей «Кузница». Публикует стихотворения, заметки и статьи в журналах «Красная новь», «Рабочий журнал», «Крестьянка», газетах «Правда», «Известия». А раннее, в 1922 г., выходит первый сборник его стихов «Цветостепь» – первый сборник бурятской поэзии [11].

В 1924 г. Дамбинов получает приглашение вернуться на родину, он приезжает в Верхнеудинск, где возглавляет Театральное бюро, позднее переименованное в Художественную секцию. Систематически читает лекции по литературе и искусству, проводит теоретические семинары, печатает статьи.

В 1934 г. Солбонэ Туя избирается делегатом на I Всесоюзный съезд советских писателей. В составе делегации писателей Сибири встречается с Максимом Горьким. Летом вместе с Д. Дашинимаевым, Б. Базароном и Х. Намсараевым совершает трехмесячную творческую поездку по городам и новостройкам союзных и автономных республик СССР.

В 1930-е гг. изданы поэма П.Н. Дамбинова «Доисторический мальчик Балта Мэргэн», повесть «Цырен». В 1935 г. он начинает работу над романом, завершить который так и не смог. В 1937 г. Солбонэ Туя был арестован, рукопись романа была изъята при обыске. После ареста он полтора года провел в иркутской тюрьме как буржуазный националист, бывший эсер и агент нескольких национальных разведок. Расстрелян он был в 1938 г., в 1957 г. посмертно реабилитирован.

Рассматривая биографии М.Н. Балкова и Я.Т. Похосоева, видим, что на протяжении всей жизни их судьба была связана с сельским хозяйством. М.Н. Балков стал одним из крупнейших специалистов в области зоотехнии, написал научные труды по бурятскому крупному рогатому скоту, не потерявшие своего значения и сегодня. М.Н. Балков, Я.Т. Похосоев в разное время были наркомами земледелия Бурят-Монгольской АССР. Судьба П.Н. Дамбинова не была связана с работой на сельскохозяйственном поприще. Он видный деятель культуры, занимал общественные и государственные посты, один из основоположников бурятской литературы. И у всех троих общим является та огромная роль, какую сыграла Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в их жизни, дав возможность выходцам из бедняков получить образование, достойную работу.

Библиография

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 176, оп. 1, д. 2433, л. 41.
2. К истории Иркутской сельскохозяйственной школы // Иркутские губернские ведомости. – 1905. – № 4, 23 апр.
3. Ильина Н.А. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия: люди, годы, жизнь (1923-2013). – Иркутск: Оттиск, 2013. – 208 с.
4. Хазагаев И. Жизнь и деятельность М.Н. Балкова // Балков М.Н. Бурятский крупный рогатый скот, его происхождение и пути улучшения. – Улан-Удэ, 1962.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФП. 1, оп. 2, д. 512, л. 1-30.
6. Зайцева Л.А. Ровесник академии // История факультетов и кафедр. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. – С. 13-77.
7. Сидинкин Г.А. Ученые БМЗВИ – фронту // Тыл фронту. – Улан-Удэ, 2005. – С. 15-17.
8. ГАРБ. ФП. 1, оп. 2, д. 491, л. 1-42.
9. Календарь знаменательных, памятных дат и событий по Бурятии на 2012 год. – Улан-Удэ, 2011.
10. Дамбинов Петр Никифорович [Электронный ресурс] // Справочник по истории КПСС 1898-1991: сайт. – URL: http: www.knowbysight.info/DDD/09443.asp (дата обращения: 6.04.17).
11. Поэты и писатели. Солбонэ Туя [Электронный ресурс] // Soyol.ru: сайт. – URL: http://soyol.ru/personas/poets-and-writers/433

Bibliography

1. State Archive of the Irkutsk Region. – Col 176. – Inv. 1. – F. 2433. P.41
2. To the History of the Irkutsk Agricultural School // The Irkutsk Province Gazette. 1905 №4. April, 23.
3. Ilina N.A. The Ministry of Agriculture and Food of the Buryatia Republic: Personalities, Years and Life (1923-2013). Irkutsk: “Ottisk”. – 2013. – 208p.
4. Khazagaev I. M.N. Balkov’s Life and Professional Activity // Balkov M.N. The Buryat Cattle, its Origins and Breeding Ways. – Ulan-Ude. – 1962
5. State Archive of the Buryatia Republic. – Col. 1. – Inv. 2. – File 512. – L. 1-30
6. Zaitseva L.A. A Contemporary of the Academy // History of Faculties and Departments. – Ulan-Ude: Philippov V.R. BSAA Publ. – 2001. – P. 13-77
7. Sidinkin G.A. The Scientists of Buryat-Mongolian Zooveterinarian Institute to the Front Line // Backland to the Front Line. – Ulan-Ude. – 2005. – 15-17p.
8. State Archive of the Buryatia Republic. – Col. № 1. – Inv. 2. – File 491. – P. 1-42
9. The Calendar of the Remarkable Dates and Events in Buryatia of 2012. Ulan-Ude. – 2011.
10. Dambinov P.N. [Electronic resource] // CPSU History Handbook 1898-1991: Available at http: www.knowbysight.info/DDD/09443.asp (Accessed 06.04.17)
11. Poets and Writers. SolboneTuya [Electronic resource] // Soyol.ru: Available at http://soyol.ru/personas/poets-and-writers/433

С.Е. Тудупдоржиева, студентка, e-mail: klio1976@mail.ru
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ
(науч. руководитель: д-р ист. наук, проф. **Л.А. Зайцева)**

УДК 947.084.2

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШАТИЛОВ – УЧАСТНИК ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ

Статья посвящена Василию Ивановичу Шатилову – педагогу, участнику Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны. Приведены сведения о его жизненном пути, трудовой деятельности.
Ключевые слова: *В.И. Шатилов, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война, Бурят-Монгольский зооветинститут, Восточно-Сибирский технологический институт.*

S.E. Tudupdorzhieva, Student

VASILY IVANOVICH SHATILOV – THEPPARTICIPANT OF THE FEBRUARY AND OCTOBER REVOLUTIONS

The article is devoted to the life of VasilyIvanovichShatilov, a professor, the participant of February and October Revolutions, and Civil War. Some information about his life and professional activity are provided in the article.
Key words*: V.I. Shatilov, February and October Revolutions, Civil War, Buryat-Mongolian zooveterinarian institute, East-Siberian institute of technology.*

Василий Иванович Шатилов родился 1898 г. в деревне Козюлино Великолужского уезда Псковской губернии в большой крестьянской семье. Из десяти детей Василий Иванович был пятым ребенком. После окончания трехклассной сельской школы до 1913 г. работал чернорабочим на железной дороге ст. Новосокольники. Летом 1913 г. он уезжает в Петербург, где работает на деревянных складах. В мае 1914 г. поступил учеником в чугунолитейную мастерскую завода «Лангензипен» [1, с. 277]. С 1916 г. все более заметным фактором жизни России становится хозяйственная разруха. Росло недовольство народных масс, чаще всего которое переходило к открытым формам протеста. В 1916 г. количество участников забастовок, по сравнению с 1915 г. выросло более чем в 2 раза [2]. Василий Иванович участвует в одной из таких забастовок, за что его увольняют с завода. С августа 1916 г. до февраля 1917 г. он работал литейщиком на заводе Александрова. В феврале 1917 г. принимает активное участие в революционных событиях в Петрограде. После Февральской революции миллионы рабочих страны вышли на первомайские демонстрации, на одной из таких демонстраций в Петрограде Василий Иванович впервые увидел В.И. Ленина. В это же время В.И. Шатилов вступил в партию большевиков, но из-за июльских событий 1917 г., когда руководство организации было арестовано, партийный билет не получил, осталась справка – талон квитанционной книжки кандидата на получение партийного билета. Только в марте 1919 г. билет был получен [3].

В.И. Шатилов – активный участник Гражданской войны. Участвовал в борьбе против генералов Белого движения А.М. Каледина, Л.Г. Корнилова, воевал под Полтавой. В мае 1918 г. был демобилизован, жил у родителей в деревне, где был избран членом Загорского волостного комитета бедноты [4]. В октябре 1918 г. добровольцем ушел в Петроградскую рабочую дивизию. В 1919 г. Василий Ивановича назначают комиссаром полка, он воюет на Западном фронте против генерала Юденича, где его ранят.

В феврале 1920 г. В.И. Шатилова отправляют учиться на курсы военных политработников при Коммунистическом университете им. Свердлова. В этом же году он трижды слушает выступления В.И. Ленина: в марте на заседании Московского Совета, в мае – при закладке памятника Карлу Марксу и 5 мая на митинге при отправлении добровольцев на польский фронт. Василий Иванович до конца жизни сохранил неизгладимое впечатление от этих встреч [5, с. 304]. После окончания Коммунистического университета В.И. Шатилова отправили на Южный фронт, где впоследствии он был назначен комиссаром 464-го стрелкового полка 52-й дивизии. Участвовал в наступлении на Перекопский перешеек, наступал через Сиваш. Военные действия для Василия Ивановича закончились 11 ноября 1920 г., когда он был ранен в обе ноги, был комиссован, лечился в госпиталях.

В сентябре 1922 г. В.И. Шатилов учится в Ленинградском комвузе, затем был направлен в Псковскую губернию на партийную работу. В 1930 г. из Академии коммунистического воспитания был переведен в Историко-партийный институт красной профессуры.

В начале 1930-х гг. широкое распространение в стране получили партийно-государственные органы в виде политотделов. Политотделы создавались в тех отраслях, которые приобретали особо важное значение для всего народного хозяйства. Прежде всего, по решению январского (1930) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) было решено организовать их в машинно-тракторных станциях (МТС) и совхозах [6]. Кадровый состав политотделов был достаточно подготовлен, что положительно сказалось на укреплении всего управленческого аппарата на местах. Одним из начальников такого политотдела был В.И. Шатилов, направленный в 1933 г. в Качугскую МТС [1, с. 278].

В 1935 г. Василий Иванович приезжает в Бурят-Монголию, где начинает преподавательскую деятельность: работает в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе, в сентябре 1939 г. назначается заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма в Бурят-Монгольском зооветинституте. Он был первым заведующим этой кафедры.

С началом Великой Отечественной войны В.И. Шатилов в августе 1941 г. был призван в армию. В 1942 г. он был назначен комиссаром военно-почтовой базы 17-й армии в МНР, с февраля 1942 по 1946 год – старшим преподавателем истории ВКП (б) стрелково-минометного училища Забайкальского фронта.

После демобилизации в марте 1946 г. В.И. Шатилов продолжает преподавательскую деятельность в вузе, восстановливается в должности заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма. Через год защищает кандидатскую диссертацию на тему «Разработка первой программы РСДРП» в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Работал в Бурятском государственном сельскохозяйственном институте в должности заведующего кафедрой более 20 лет. 1 июня 1960 г. В.И. Шатилов писал в своем заявлении на имя ректора: «…Проработав заведующим кафедрой марксизма-ленинизма более 20 лет, достигнув пенсионного возраста (62 года), считаю, что должен уступить место более энергичному молодому товарищу, поэтому в конкурсе на замещение должности заведующего кафедрой я не буду участвовать <…> прошу оставить меня в должности доцента кафедры «История КПСС» [7, с. 230].

В 1962 г. из состава сельхозинститута был выделен технологический факультет в самостоятельный технологический вуз, В.И. Шатилов в 1963 г. перешел на кафедру истории КПСС Восточно-.Сибирского технологического института [1, с. 278].

Василий Иванович Шатилов награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской революции, медалями «За победу над фашистской Германией», «За победу над Японией», юбилейными медалями, медалью «За трудовую доблесть», в 1963 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники Бурятской АССР». Его трудовой и ратный путь отмечен Почетными грамотами областного комитета и Президиума Верховного Совета Бурятской АССР [7, с. 229-231].

В.И. Шатилов умер в 1980 г. Я горжусь тем, что учусь в академии, где когда-то работал Василий Иванович.

Библиография

1. Зайцева Л.А., Тумурхонова Н.В., Зангеева Л.Р. Первые (краткая история БГСХА им. В.Р. Филиппова в лицах): монография. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2011. – 468 с.

2. Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке. [Электронный ресурс] // Русская старина: сайт. – URL: http://oldhat.ru/20vek/menu.htm (дата обращения: 7.04.17)

3. Там же.

4. Декрет ВЦИК об организации и снабжении деревенской бедноты (комбеды) [Электронный ресурс] // Wikipedia: сайт. – URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Комбед (дата обращения: 7.04.17).

5. Зайцева Л.А. История гуманитарных кафедр // История факультетов и кафедр. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. – С. 254-323.

6. Политотделы МТС и совхозов // Историческая энциклопедия Сибири (2009) [Электронный ресурс] // Иркипедия: сайт. – URL: https://irkipedia.ru/content/politotdely_mts_sovhozov_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 8.04.17).

7. Зайцева Л.А., Лесков С.А., Тумурхонова Н.В. Поколение победителей. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2010. – 320 с.

Bibliography

1. Zaitseva L.A. The Firsts (the Brief History of V.R. Philippov BSAA in Personalities):/ L.A. Zaitseva, N.V. Tumurhonova, L.R. Zangeeva. Ulan-Ude: BSAA Press, 2011. – 468 p.

2. Levandovski A.A., SchetinovYu.A. Russia in the XX Century. [Electronic resource] // Russkaya Starina: Available at: http://oldhat.ru/20vek/menu.htm (accessed: 7.04.17)

3. Ibid.

4. Decree of VTsIK concerning arranging and supply of rural poor [Electronic resource] // Wikipedia: Available at: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Комбед (accessed: 7.04.17)

5. Zaitseva L.A. History of Humanitarian Chairs // History of faculties and chairs. – Ulan-Ude: BSAA Press. – 2001. – P. 254 – 323.

6. Political Department of MTS and Sovkhoses // Historical Encyclopedia of Siberia (2009) [Electronic resource] // Irkipedia: Available at: https://irkipedia.ru/content/politotdely_mts_sovhozov_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (accessed: 8.04.17).

7. Zaitseva L.A. The Generation of Winners / L.A. Zaiceva, S.A. Leskov, N. V. Tumurhonova. Ulan-Ude: BSAA Press, 2010. – 320 p.

Секция 5. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА И СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В.И. Антонов, д-р филос. наук, проф., e-mail: wlanto@rambler.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 321.01

БЕРТРАН РАССЕЛ О ПОСТОКТЯБРЬСКОЙ (БОЛЬШЕВИСТСКОЙ) РОССИИ И ЕЕ ВОЖДЯХ

В статье автором анализируется: как, какой увидел, как воспринял постреволюционную (большевистскую) Россию во время посещения ее в 1920 г. выдающийся британский философ, логик, математик, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе Бертран Рассел. Это дается через призму его книги «Практика и теория большевизма». В статье показаны некоторые живые впечатления философа, рассматривается ряд его критических и позитивных суждений, оценок и выводов о феномене большевизма, о его вождях, о судьбах революции в России и ее связи с мировой цивилизацией. Авторская работа обоснованно предварена краткой интродукцией. В ней в сжатой форме представлены основные этапы, наиболее значимые результаты, интересные моменты из жизни ученого.

Ключевые слова: *Рассел, британский философ, Октябрьская революция, большевизм, Россия.*

V.I. Antonov, Dr. Sc. Philosophy, Prof.

BERTRAND RUSSELL ON POSTOCTORAL (BOLSHEVIK) OF RUSSIA AND ITS LEADERS

In the article the author examines views and impressions of a prominent British philosopher, logician, mathematician, public figure, winner of the Nobel prize for literature Bertrand Russell when he visited post-revolutionary (Bolshevik) Russia in 1920. It is analyzed through the prism of his book "the Practice and theory of Bolshevism". The article shows some live impressions of the philosopher, discusses a number of his critical and positive opinions, assessments and conclusions about the phenomenon of Bolshevism, its leaders, the fate of the revolution in Russia and its relation to the world civilization. The author's work rightly prefaced by a brief introduction. It concisely presents the main stages, the most relevant results, interesting moments in the life of a scientist.

Key words: *Russell, British philosopher of the October revolution, Bolshevism, Russia.*

Краткая интродукция*

Имя Бертрана Рассела крепко вошло в мой научно-познавательный мир еще со студенческих лет в МГУ, точнее говоря, со второго курса (1970), когда проходил семестровое изучение математической логики. Причем в том году Рассел скончался, прожив 98 лет (он родился в 1872 г.). Это имя впервые прозвучало из уст одного из ведущих логиков страны, профессора кафедры логики Е.К. Войшвиллло, когда он нам, второкурсникам, подробно, с присущей ему щепетильностью, разъяснял знаменитую логическую антиномию (парадокс) Рассела. И еще, помнится, Евгений Казимирович тогда назвал британского ученого безо всякой опаски идеологического порядка великим логиком и математиком XX столетия. Тогда мы для себя раз и навсегда уяснили, что эта антиномия Расселом была предложена еще в 1903 г. в его раннем труде «Принципы математики», получившем впоследствии международное признание.

Антиномия (парадокс) Рассела включалась специальным вопросом в экзаменационные вопросы по математической логике. В ней, по сути, ставилась неразрешимая проблема соотношения так называемых нормальных и ненормальных множеств (классов). Расселовская антиномия в итоге сложного логико-математического расклада получала следующую формулу: $R \in R \equiv \sim(R \in R)$. И она была, если мягко выразиться, не очень-то легка и проста для усвоения студентами. Нередко поэтому оказывалась камнем преткновения на экзаменах.

Данная антиномия была открыта Расселом в теории множеств уже при ее создании. Она вместе с некоторыми другими логико-математическими парадоксами достаточно серьезно поколебала сами основания математики, обусловив в них закономерный кризис. Это привело Рассела к построению оригинального варианта аксиоматической теории множеств, а в последующем – к серьезной попытке (в некоторых случаях успешно реализованной) сведения математики к логике.

Кстати, Рассел в целях разъяснения своей антиномии, чтобы она стала более доступной для понимания широкой публикой, предложил также популярный ее вариант, получивший название «парадокс парикмахера». Так, парикмахер, живущий в некоторой деревне, бреет всех тех и только тех жителей этой деревни, которые не бреются сами. При этом изначально предполагается, что он единственный парикмахер в данной деревне. Возникают естественные вопросы: бреет ли он самого себя? Должен ли парикмахер брить самого себя?

Рассел, ставший хорошо знакомым нам по курсу математической логики как крупнейший логик и математик XX столетия, уже через год (1971) предстал в новом свете в одной из лекций известного профессора кафедры истории зарубежной философии И.С. Нарского по курсу «Западноевропейская философия XVII- XVIII вв.». В завершение лекции, посвященной философии Д. Юма, он упомянул Б. Рассела не только как выдающегося представителя современной западной философии, имея в виду, разумеется, XX в., но и как яркого последователя, одновременно основательного критика и «реформатора» юмизма.

Имя Б. Рассела вновь всплыло во время чтения лекций еще одним именитым профессором кафедры истории зарубежной философии А.С. Богомоловым (1973), посвященных критическому анализу современной (для того времени) западной философии. Алексей Сергеевич, освещая тему «Становление и развитие неопозитивизма», назвал его крупнейшим английским буржуазным философом. Из лекции мы узнали, что Рассел был создателем концепции логического атомизма и основоположником философии логического анализа (аналитической философии).

Поэтому устойчивый образ многогранного ученого-мыслителя, философа, логика, математика, маститого и масштабного исследователя, основателя различных теорий и концепций в лице Бертрана Рассела сложился у автора настоящих строк уже в студенческие годы. Хотя Рассел в моем сознании тогда больше представал как человек, стоявший всегда по ту сторону нашей социальной системы, и в этом смысле, т.е. идеологически, не совсем приемлемым, но в то же время я невольно испытывал чувство профессиональной гордости (больше – в скрытой форме) за него, говоря конкретнее, за то, что он именно как философ в 1950 г. удостоился Нобелевской премии в области литературы.

Рассел удостоился этой премии за книгу «Брак и мораль», хотя присуждение ее состоялось по прошествии 21 года после ее выхода в свет (1929). Работа, вне сомнения, явилась высококлассным трудом, причем не только для своего времени.

В книге всемирно известный философ и гуманист затронул вечные и животрепещущие проблемы человеческой жизни. Потому они остаются актуальными и поныне. История становления и развития институтов брака и семьи, изложенная им в книге через призму волнующих каждого человека вопросов – брак и развод, верность и измена, секс и любовь и т.д., делает эту книгу действительно востребованной на все времена.

Но признание Рассела как ученого с мировым именем, разумеется, началось значительно раньше. Это стало происходить уже на стыке двух первых десятилетий XX в.

«Новый век» для молодого Рассела, т.е. XX столетие, начало которого совпало со вторым периодом его творчества (а первый взял старт с 1890 г.), действительно приносит свои феноменальные плоды, которые непосредственно были связаны с исследованиями логических оснований математики. В 1903 г. выходят в свет его «Принципы математики», через два года – труд «Об обозначении». В 1908 г. им издается и такая значимая работа как «Математическая логика, основанная на теории типов». Этот период завершается настоящим триумфом. В 1910-1913 гг. Расселом был издан монументальный трехтомный труд «Principia Mathematica» в соавторстве с А. Уайтхедом, принесший авторам мировое признание и славу. Название вышедшего в свет труда невольно ассоциировалось с классическим произведением И. Ньютона «Principia Mathematica Philosophiae Naturalis» (1687). Но претенциозность такого наименования была вполне оправданной. Фундаментальное исследование именно логических оснований математики, данное в совместном труде, по существу создало новую философию не только математики, но и в целом науки.

Еще одним фактом обретения Расселом статуса ученого с мировым именем стало избрание его в 1911 г. президентом Аристотелевского общества в Англии. В это же время он активно вовлекается в общественно-политическую деятельность. Открыто выступает поборником женского равноправия. Как член так называемого Фабианского общества и сообразно политическим целям этой организации, Рассел со всей ответственностью занимается пропагандой социалистических идей в их «мягком», реформистском варианте.

Третий период его творческой и общественной деятельности, начавшийся примерно со второго десятилетия XX в., считается более длительным и тянется вплоть до 1950-х гг. Указанный период ока-

зался чрезвычайно насыщенным самой многообразной тематикой исследований, самыми разноплановыми трудами, которые сделали Рассела по-настоящему универсальным ученым. Основным содержанием этого весьма продолжительного этапа, начавшегося с вышеназванных фундаментальных трудов по математике, стали разработка им «более легких» (по самокритичному утверждению самого Рассела) социологических, политических, философских, религиозных, педагогических тем и написание популярных работ, которые он считал более нужными для широкой публики и поэтому ценил их даже больше, чем глубокие изыски для узкого круга научной элиты. Им было написано множество трудов, относящихся к вопросам социологии и политики, образования и педагогики, религии и морали, философии науки и логики, теории познания и истории философии и т.д.

Главным делом четвертого периода деятельности Рассела, охватившего последнее двадцатилетие его жизни (1950-1970), наряду с массой разно-тематических, но очень серьезных исследований становится активная борьба за мир. Он выступает как инициатор, координатор, деятельный участник целого ряда антивоенных кампаний, организаций. Его голос авторитетно и мощно звучит как рупор защиты мира. Рассел становится крупным и признанным деятелем мирового демократического движения за ядерное разоружение, за отказ от решения спорных вопросов в международной политике военными средствами. В этот период, по мнению многих биографов-расселоведов, он был как никогда близок к получению второй Нобелевской премии, на этот раз – в области мира. Но реальное ожидание не оправдалось. Тут, по всей вероятности, не обошлось без тотального давления и бойкота со стороны США. Ведь Рассел в течение многих лет подвергал жесткой и нелицеприятной критике разнузданную милитаристскую политику этой страны, особенно ее военную авантюру во Вьетнаме.

В контексте нашего исследования целесообразно вкратце затронуть первое десятилетие главного – третьего – периода жизнедеятельности Б. Рассела (1911-1950). Речь идет о 1911-1920 гг. Это десятилетие, кроме выхода феноменального трехтомного труда по математике, было ознаменовано написанием им интересных социально-политических работ, также отмечено его активной общественной и политической деятельностью.

В годы Первой мировой войны Рассел, которому глубоко претила военно-шовинистическая пропаганда в Англии, начинает активно заниматься пацифистской деятельностью, став членом организации «Противодействие призыву на военную службу», что требовало от него немалого гражданского мужества и смелости. От него отворачиваются многие друзья, его изгоняют из Тринити-колледжа. Свои антивоенные и социальные взгляды он представляет в трудах «Принципы социального переустройства», «Война и справедливость» (1916). В следующем году в США была выпущена его небольшая работа «Мои политические идеалы», где ставится ключевой философский вопрос: реализация политических идеалов при разумном устройстве мира (социализма или капитализма) возможна только при условии самого полного развития творческого потенциала человека как свободной личности.

Агитация против участия англичан в Второй мировой войне не проходит даром. Рассела ненадолго заключают в тюрьму. Правительство запрещает ему выезд в США для чтения лекций в Гарвардском университете. В 1918 г. по просьбе американского издателя Рассел пишет и выпускает книгу «Путь к свободе». За этот и другие политические «грехи» он вторично попадает в тюрьму. В период шестимесячного заключения им был создан очередной труд «Введение в математическую философию» (1919).

Советская Россия и ее вожди глазами британского философа

Рассел проявлял живой и неподдельный интерес к Октябрьской революции, произошедшей в России. Горел большим желанием вживую ознакомиться с жизнью постреволюционной страны. И это ему удается. В 1920 г. Расселом в составе делегации лейбористской партии была осуществлена заветная поездка в Советскую Россию. Итогом 37-дневного пребывания (11 мая – 16 июня) в стране стала его книга «Практика и теория большевизма». Более или менее конкретное рассмотрение данной работы в фокусе вышеобозначенной темы как раз входит в предмет нашего исследования.

Уже в самом предисловии книги Расселом подчеркнуто: «Российская революция – одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества: она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей. Разница между этими двумя революциями иллюстрируется отличием Маркса от Руссо: последний – сентиментальный и кроткий, взывающий к чувствам, сглаживающий острые углы; первый – по-гегелевски систематичен, исполнен весомого интеллектуализма, апеллирует к исторической необходимости и техническому развитию промышленности, человеческое существо склонен рассматривать как марионетку, подвластную всемогущим материальным силам. В большевизме сочетаются черты Французской революции и черты

ислама времен его расцвета; результатом явилось нечто радикально новое, что можно постичь лишь с помощью упорной и страстной силы воображения» [1, с. 5].

При этом Рассел ключевым моментом в российской революции считает большевистскую попытку осуществить коммунизм. И эта попытка, основанная на героизме, порождает человеческие надежды. Поэтому за такую, по сути, дерзновенную попытку, без которой невозможно рассчитывать на конечный успех, как полагает Рассел, большевизм достоин благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества.

Рассел считает, что большевизм, если даже ожидает падение, останется легендой в истории, предстанет перед человеческим взором, в его восприятии незабываемой героической попыткой. Но его пугает метод, с помощью которого большевики хотят установить в России коммунизм. Этот метод суров и опасен. Но беда (еще одна) в том, что героическая попытка установить коммунизм полностью затмевает страшные издержки в процессе ее осуществления.

Он на стороне большевистской практики в той ее части, когда «фундаментальная экономическая реконструкция, чреватая весьма глубокими изменениями в образе мыслей и чувств, в философии и искусстве, личных отношениях, представляется абсолютно необходимой для того, чтобы материальное производство стало слугой человека, а не его господином» [1, с. 6].

Но Рассел вполне определенно отмежевывается от такого теоретического аспекта, заложенного в большевизме, когда это учение «не просто политическая доктрина, но еще и религия с своими догмами и священными писаниями. Когда Ленин хочет доказать какое-либо положение, он по мере возможности цитирует Маркса и Энгельса. Подлинный коммунист не просто человек, убежденный, что землей и капиталом необходимо владеть сообща, а их продукцию распределять, насколько возможно, поровну. Этот человек, который разделяет целую систему определенных догматических верований, вроде философского материализма, которые, может быть истинны, но не носят научного характера (нет таких способов, которые позволили бы установить их истинность с определенностью). Эта привычка абсолютной уверенности по поводу объективно сомнительных вещей – из тех, от которых мир постепенно избавляется… в пользу конструктивного и плодотворного скептицизма, характеризующего научное мировоззрение» [1, с. 7].

Интересны рассуждения Рассела о таких сущностных понятиях, характеризующих новую, большевистскую власть России, как «диктатура» и «пролетариат». Здесь он обращает особое внимание на чисто национальную (русскую) трактовку и понимание данных понятий.

«Когда русский коммунист говорит о «диктатуре», он понимает это слово буквально, но когда он говорит о «пролетариате», то он использует это слово в некоем пиквикском (т.е. в каком-то необычном, отличном от общепринятого – *В.А.*) смысле. Он при этом имеет в виду «классово сознательную» часть пролетариата, т.е. коммунистическую партию. Он включает в пролетариат людей, которые никоим образом не являются пролетариями (таких, как Ленин, Чичерин), но имеют «правильные» взгляды, и он исключает тех наемных работников, которые таких взглядов не имеют; последних он называет лакеями буржуазии. Коммунист, искренне разделяющий взгляды партии, убежден, что корень всех зол – частная собственность; он настолько убежден в этом, что не останавливается ни перед какими, даже самыми жестокими мерами, если они кажутся необходимыми для построения и сохранения коммунистического государства» [1, с. 16].

Рассела поражает то обстоятельство, что русский коммунист, или большевик (что одно и то же), одинаково не щадит себя и других. Обладание властью, контрольными функциями за снабжением жизненно необходимых продуктов не приводит его к зажиточности. Он ведет в абсолютном большинстве случаев аскетический образ жизни, который делает его еще более безжалостным. Рассел не без основания склоняется к мысли, что русский коммунист, беззаветно следуя учению Маркса о том, что коммунизм наступит по формационным законам истории с фатальной неизбежностью, свой (русский) характер и умонастроение невольно дополняет восточными (мусульманскими) чертами. Более того, он этим очень напоминает убежденность ранних последователей Магомета.

Выделяя в русском большевизме внутренний аристократизм и внешнюю воинственность, в его представителях Рассел отмечает мужественность, энергичность, способность властвовать, готовность служить новому государству. Но с другой стороны, его настораживают ничем не прикрытая наклонность в них к безудержному диктаторству, отсутствие снисходительности и терпимости к простому, лишенному элементарных условий жизни люду, т.е. к плебсу.

Как пишет Рассел, «практически они одни (т.е. русские коммунисты – *В.А.*) обладают властью, вследствие чего могут иметь бесчисленные преимущества. Большинство из них – далеко не впадая в роскошь – питаются все же лучше, чем весь народ. Только люди с определенным политическим весом могут иметь телефон или автомобиль. Возможностей поехать куда-либо поездом, сделать покупки в

советских магазинах (где цена примерно в пятьдесят раз ниже, чем на рынке), пойти в театр и так далее, конечно же, больше у тех, кто близок к власти, чем у простых смертных. И тысячами способов коммунисты могут достичь более благополучной, чем у остальных, жизни. К тому же они меньше обременены навязчивым вниманием со стороны полиции и Чрезвычайной Комиссии» [1, с. 18].

Как известно, эти – власть держащие – коммунисты (большевики) в период сталинизма эволюционировали в мощную партийную номенклатуру с особыми привилегиями во всем. Причем подобные привилегии в дальнейшем обретали все более изощренные и многообразные формы и оставались в законной силе вплоть до кончины СССР в 1991 г.

Но вернемся к сказанному ранее. В то время, т.е. после посещения Советской России, больше всего Рассел опасался того, как большевики понимают и хотят реализовать идею мировой революции. Главное они, в соответствии с марксовым предсказанием, видят здесь необходимость покончить с мировым капитализмом. Это возможно только вооружением пролетариата и одновременно разоружением буржуазии.

В то же время Рассел здесь не приемлет того, что капитализм менее плох, чем полагают большевики, а считает, что социализм на русской почве недостаточно исторически и экономически подготовлен предшествующим строем. Имея не лучшее состояние, он может осуществиться только через войну. А зло большой войны, основанное на гражданском противостоянии и последующем за ним неоправданном кровопролитии, по убеждению Рассела, может привести вообще к утрате наследия всей человеческой цивилизации. При этом взаимная ненависть, подозрительность и жестокость, порожденные такой войной, еще больше усугубят критическую ситуацию и сделаются повседневной нормой взаимоотношений людей.

Дабы одержать победу «в войне, необходима концентрация власти, а из концентрации власти вытекают те же самые бедствия, что из капиталистической концентрации богатства. Именно вследствие этих причин не могу поддерживать любое движение, целью которого является мировая революция. Ущерб, нанесенный цивилизации революцией в одной стране, можно возместить при помощи других стран, в которых революции не было, но от последствий мирового катаклизма цивилизация не оправится в течение тысячи лет» [1, с. 19].

В этом смысле, как считает Рассел, большевики, как сторонники мировой революции, являются абсолютными интернационалистами. На его взгляд, даже Ленин живет революционными интересами России ничуть не больше, чем подобными же интересами других стран. Поэтому Россия со своим примером и опытом главного в тот момент носителя социальной революции представляется наиболее ценной не только и не столько для себя, сколько для всего остального мира. Следовательно, по мнению Рассела, Ленин мог бы пожертвовать скорее Россией, нежели революцией (особенно мировой), в случае возникновения такой альтернативы. И это, безусловно, являлось ортодоксальной позицией, которую искренне в то время разделяли многие из большевистских лидеров. Более того, на почве национальной гордости за Октябрьскую революцию, как не один раз замечал Рассел, буйно начинал цвести настоящий национализм в сердцах русских коммунистов (большевиков). Его заметный подъем ощущался среди них, например, в ходе польской войны.

В целом Рассел российский вариант коммунизма считает провальным. Один из завершающих разделов его книги так и называется: «Почему российский коммунизм потерпел неудачу». Здесь в трех ключевых тезисах по существу перекликаются (где-то повторяются) основные причины этого поражения: 1. «Самым ярким проявлением общего развала России является продовольственный вопрос». 2. «Крах промышленности стал главной причиной трудностей с продовольствием и был, в свою очередь, усугублен им». 3. «Развал всей промышленной части национальной экономики, включая и транспорт, является основой остальных неудач Советского правительства» [1, с. 94, 95].

Далее Рассел пишет: «Вследствие своей непопулярности большевикам пришлось опереться на армию и Всероссийскую чрезвычайную комиссию, они были вынуждены также свести систему Советов к пустой формальности. Их претензии быть представителями рабочих становятся все более несостоятельными. Тяжелый труд, длинный рабочий день, запрещение забастовок, тюрьма для уклоняющихся от трудовой деятельности, уменьшение и без того недостаточных пайков на предприятиях, где выпуск продукции упал ниже, чем ожидали власти, армия шпионов, готовая донести о любой тенденции к политическому недовольству и посадить в тюрьму его подстрекателей, – такова реальность системы, все еще открыто заявляющей, что она правит от имени пролетариата

В то же время внутренняя и внешняя (т.е. интервенция – *В.А.*) опасность вызвали необходимость создания громадной армии (трехмиллионной – *В.А.*)… Милитаризм породил суровый диктаторский дух...» [1, с. 96].

Все это верно подмечено Расселом. Все эти суждения и выводы вполне оправданы. Ведь Рассел посетил Россию в труднейшее для нее время, в тяжелейшую пору разрухи и интервенции.

Безусловно, лицо революции, новой России лучше высвечивается (если прибегнуть к тавтологии) в лицах ее вождей. Поэтому в книге «Практика и теория большевизма» достаточно подробно описаны встречи Рассела с двумя лидерами русской революции – Лениным и Троцким.

Интересны характеристики, данные им этим деятелям. Они, между тем, местами разнятся, даже противоположны друг к другу. Это, прежде всего, касается таких черт как высокомерие, тщеславие.

Рассел отмечает прекрасное владение Лениным английским (кстати, он свободно владел десятью европейскими языками) во время часовой беседы с ним. Так что присутствие переводчика оказалось чисто символическим явлением. Вот что он пишет об этом вожде: «Обстановка кабинета Ленина очень проста… Очевидно, что он не испытывает любви к роскоши и даже к комфорту. Он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. При встрече с ним, не зная кто он, трудно догадаться, что он наделен огромной властью и вообще в каком-нибудь смысле является знаменитым. Мне никогда не приходилось встречать выдающейся личности, столь лишенной чувства собственной значимости» [1, с. 20].

Рассел замечает одну особенность Ленина, когда тот пристально вглядывается в своих посетителей. Он обычно прищуривает один глаз, словно желая усилить проницательную силу второго глаза. Ленин всегда поначалу сопровождает разговор со своим собеседником дружелюбным и веселым смехом. Затем он становится саркастическим. От того собеседнику становится как-то не по себе.

И еще в глаза бросаются его спокойствие и властность. Чувствуется, что это «рыцарь без страха». Предстает перед собеседником совершенно свободным от всякого своекорыстия. Ленин кажется плоть от плоти абсолютным олицетворением высокой теории. Потому что в нем глубоко сидит материалистическое понимание истории как краеугольный камень этой теории.

Ленин больше похож не на предводителя, не на вождя, а на профессора, одержимого желанием сделать свою теорию понятной и доступной для всех, потому склонного к подробным разъяснениям, но готового обрушить всю свою ярость, кто не может понять ее или не согласен с ней.

«Я думаю, – признается Рассел, – что если бы встретил его, не зная, кто он такой, не догадался бы, что он великий человек; он произвел на меня впечатление крайне самоуверенного, несгибаемого ортодокса. Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере – религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царствие небесное, но отличается меньшим эгоцентризмом. …Я приехал в Россию коммунистом, но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения – не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету» [1, с. 24].

Но автору данных строк думается, что Ленин не был до конца ортодоксом, не был и догматиком в строгом смысле этого слова. «Логика его мыслей и действий, особенно в последний период деятельности, ясно свидетельствует о том, что Ленин окончательно созревает для нового видения и понимания природы социализма. И это в концентрированном виде, как итог, выражено в следующей знаменательной фразе: «Вместе с тем мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [2, с. 97].

Но, увы, Ленину и по судьбе, и самой историей был предоставлен слишком мизерный срок для строительства нового, доселе в практическом плане не осуществленного строя. Причем, надо сказать, в мирных условиях.

Поэтому автором недвусмысленно подчеркивалось: «Учитывая конструктивный характер ленинского мышления, его высокую адаптивность и гибкость в самых различных исторических реалиях, европейскую культуру и образованность Ленина, глубоко сомнительно, чтобы он, поживи, допустим, десяток лет, трансформировался в заклятого коммуниста, т.е. в коммуниста сталинского, догматического образца. Ведь Ленин в сущности был западником: по духу, по стилю мышления, по воспитанию, по образу жизни, по блестящему знанию и владению всеми основными западноевропейскими языками, по опыту многолетнего пребывания в Западной Европе. Но Маркс и марксизм – тоже западное явление. Поэтому, на мой взгляд, очень трудно представить в потенции органичную смычку Ленина с такой постленинской деформацией как Сталин, сталинизм» [2, с. 97].

Говоря же о Троцком, Рассел утверждает, что большевики ставят его вровень с Лениным. Он выделяет в нем следующие моменты: горящие глаза, военную выправку, искрящийся ум и магнетиче-

ское обаяние. Расселу Троцкий представляется очень симпатичным, с прекрасными вьющимися волосами, неотразимым для женщин. Он отличается жизнерадостностью и добрым юмором. Но этот юмор, правда, у него продолжается до тех пор, пока не начинают ему противоречить.

Но далее у Рассела читаем нечто противоположное (по сравнению с Лениным) о Троцком: «Мне показалось – возможно, я и неправ, – что его тщеславие даже больше, чем его любовь к власти, – это тот сорт тщеславия, который скорее можно встретить у художника или актера. Подчас приходит в голову сравнение с Наполеоном» [1, с. 24-25].

Но что их объединяет, так это – интеллектуальные качества. Рассел отмечает, что Троцкий произвел на него большее впечатление своими интеллектуальными качествами, а о Ленине пишет, что «он… в интеллектуальном отношении является аристократом» [1, с. 21, 24]. Но полное идейное единение этих вождей основано на их непоколебимой вере в правоту марксистского учения, на их искренней и глубокой коммунистической убежденности.

Абсолютно контрастным обоим вождям Октябрьской революции Расселу представляется основоположник пролетарской литературы Горький. У него с писателем состоялась краткая беседа в Санкт-Петербурге. Рассел навестил Горького, больного, лежащего в постели.

Вот что он пишет: «В нем чувствуется любовь к русским людям, которая делает их сегодняшние страдания невыносимыми для него самого и которая ослабляет фанатизм веры, характерный для ортодоксальных марксистов. Мне он показался более других достойным уважения и, на мой взгляд, наиболее симпатичным из всех русских, которых я видел. Мне хотелось получше выяснить его взгляды, но он говорил с трудом, и его речь постоянно прерывалась ужасными приступами кашля, поэтому я не мог остаться дольше. Все представители интеллигенции, которых я встречал, – класс, весьма сильно пострадавший, – выражали ему благодарность за то, что он для них сделал» [1, с. 26].

Рассел покинул Россию с вполне осознанным мнением, что Октябрьская революция по значимости сопоставима и в некоторых аспектах даже выше, чем Великая Французская революция. Разумеется, он как истинный демократ, либерал, поборник свободы, сторонник реформ и парламентской системы не мог согласиться с методами большевиков, для него были глубоко чужды революционное насилие и жертвы, в равной степени и догматизм большевиков, их нетерпимость к любому инакомыслию, подавление ими свободы личности. В этом контексте он вынужден был заключить: «Основной источник всей цепи зол лежит в большевистском мировоззрении: в его догматизме ненависти и его вере, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия» [1, с. 100]. И Рассел был во многом прав.

Если же говорить о самой книге «Практика и теория большевизма», то она, несомненно, является важным историко-мемуарным документом. Книга остается актуальной и поныне как живой авторский источник о том сложном, неоднозначном периоде отечественной истории. Личные – весьма интересные, острые и критические – суждения и оценки автора вполне могут быть востребованы реалиями нашего времени, для обсуждения и рассмотрения их в современных общественных (исторических, политических, теоретических_ дискуссиях о судьбе и последствиях Октябрьской революции.

Книга Б. Рассела, безусловно, серьезно расширяет и обогащает наши представления о Советской России первых постоктябрьских лет и наши знания о том, как, насколько верно или неверно воспринимались на Западе Октябрьская революция и перспективы строительства нового общества, большевизм и Советская власть.

* Более подробно см.: Антонов В.И. Бертран Рассел как явление в науке и обществеXX века // Вестник БГУ. Вып. Философия, социология, политология, культурология. – 2014. – № 14 (2). – С. 115-122.

Библиография

1. Рассел Бертран. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991.
2. Антонов В.И. От Ленина-идола к Ленину реальному // Вестник ВСГУТУ. – 2009. – № 2.

Bibliography

1. Russell Bertrand. Practice and Theory of Bolshevism. - M.: Nauka, 1991.
2. Antonov V. I. From the Lenin-idol to Lenin real // ESSUTM Bulletin. - 2009. - No. 2.

Н.И. Суханова, д-р ист. наук, доц., проф., e-mail: Sukhanovani@rambler.ru
Московский государственный областной университет, г. Москва

УДК 94(470.6) «19»

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ В РОССИИ, КАК ПРЕДПОСЫЛКА РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (на материалах Северного Кавказа)

В статье анализируется процесс усиления межэтнических противоречий на Северном Кавказе в условиях модернизационных процессов рубежа XIX-XX вв.

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, революция, рыночная модернизация, славяне, горцы, инородцы.*

N.I. Sukhanova, Dr. Sc. History, Prof.

INTERETHNIC CONFLICT, AS A PREREQUISITE FOR THE 1917 REVOLUTION

The article analyzes the process of strengthening interethnic contradictions in the North Caucasus under the conditions of modernization processes of the turn of the XIX-XX centuries.

Key words: *Russia, North Caucasus, revolution, market modernization, Slavs, mountaineers, aliens.*

Одной из особенностей цивилизационной эволюции России является полиэтничность. Эта особенность влечет за собой массу сложностей и проблем, которые всегда сопровождали российский исторический процесс. При этом данная особенность содействовала нелинейному и неклассическому развитию российского государства и общества. Каждый регион и населяющий его народ, являясь частью общероссийского пространства, испытывал на себе прямое и косвенное влияние последнего, воздействуя в свою очередь, на формирование общероссийской идентичности. Этносы, населявшие окраины России, становились не только объектами, но и субъектами серьезных внутри- и внешнеполитических процессов, которые формировали многомерные направления внутренней и внешней политики России. Одним из таких регионов был Северный Кавказ.

На протяжении тысячелетий на его территории зарождались и эволюционировали своеобразные нормы внутри- и межэтнических отношений. Здесь никогда не существовало единого этноса с единственной в регионе культурой, языком, верованиями. С древности регион был полиэтничен. Сосредоточение на относительно небольшой территории народов с разными социокультурными особенностями формировало особые пути их взаимодействия, но и взаимоотталкивания. Стремление малочисленных народов к сохранению и усилению собственной идентичности, борьба за влияние на территории региона усиливали тенденции к самоизоляции и сохранению уникальности. Вместе с тем, невозможность полной изоляции, необходимость восприятия нового, нередко, лучшего опыта, формировали алгоритм взаимодействия и контактов между этносами. В результате происходил процесс формирования схожих, но подчеркнуто различаемых элементов культуры, быта, психотипа, верований. Поэтому нормой для населения Северного Кавказа является феномен постоянной полиэтничности и культурно-бытового симбиоза.

Местное население всегда было носителем интересов главных мировых религий: христианства, ислама, буддизма и иудаизма. Это говорит о геополитической значимости региона, которая также воздействовала на процесс формирования особого типа отношений внутри региона и его отношений с соседними государствами.

Достаточно рано северокавказский социум начал формироваться из автохтонного населения и народов, осваивающих регион с его северных территорий. Среди них ведущую роль играли славяне. Они были представлены, главным образом, казачеством, функции которого состояли в удержании позиций России, постепенно проникающей вглубь Северного Кавказа, и в поддержании повиновения горских народов. Благодаря этому казачество стало доминирующим социумом в общественной и социальной жизни региона. Помимо казаков славянское население было представлено немалым количеством переселенцев, бежавших на Северный Кавказ на протяжении столетий от помещичьей кабалы, ехавших сюда вследствие реформ XIX – начала XX в. Элементы промышленной модернизации, развития курортного дела привели в регион специалистов разных отраслей, интеллигенцию, военных. Славянское население составляло 36% жителей Северного Кавказа [1].

Хозяйственная, торговая, природно-климатическая притягательность Северного Кавказа привлекала сюда и неславянские этнические группы. Во второй половине XVIII – начале XX в. их называли инородцами. В XVIII в. здесь расселились свыше 30 тыс. ногайцев, 18 тыс. греков, 12 тыс. армян, 10 тыс. калмыков, примерно 1 тыс. татар [2]. В процессе расселения все они наделялись землей. Инородцы считались гражданами империи, но по отношению к ним применялись некоторые дискриминационные меры, что содействовало постепенному утверждению общероссийского порядка и кризису их традиционных общественных институтов.

В XIX в. в регионе доминировало горское население. Адыгейцы составляли 40% всех жителей региона, даргинцы – 9,5%, чеченцы – 9,3%, аварцы – 11,1% и т.д. [3]. Особенностью психотипа горских народов было ярко выраженное чувство национальной исключительности, которое сложилось за долгое время изолированной, замкнутой жизни. Оно способствовало выживанию этноса, вырабатывало собственные этические нормы и стереотип поведения. Усиливала данную характеристику маскулинность, т.е. привычка решать все вопросы силовым путем. Указанные черты поддерживались политической и религиозной элитой, эпосом, старейшинами.

Наряду с особенностями этносов формировались и общие черты северокавказского общества. Представляется, что такой процесс формирования этнокультурной и хозяйственной картины региона, был залогом, базисом органичного, устойчивого функционирования северокавказского общества. Исторические вызовы оптимальнее разрешались именно при таком органично функционирующем общественном организме. Сохранение в структуре региона только автохтонных народов не создало бы столь мощных предпосылок для проникновения сюда иных, нередко более высоких по уровню развития цивилизационных основ, что могло содействовать долгой консервации традиционных форм жизни этносов.

Известно, что процессы, происходившие в сердце Российского государства, всегда влияли на положение в регионе. Северный Кавказ постепенно становился не только географической частью России, повторял за ее центральными районами все политические, социальные и хозяйственные процессы. При этом общественное устройство большинства народов региона всегда характеризовалось ярко выраженными тенденциями к сохранению традиционных, полупатриархальных форм. Это содействовало развитию в общественном сознании горцев двуединого процесса взаимодействия центробежных и центростремительных сил в отношении России.

В конце XIX – начале XX в. картина миграций несколько изменилась. Северный Кавказ пополнился славянским и инородческим населением. Автохтонные жители активно эмигрировали, как правило, по экономическим соображениям в условиях развивающихся модернизационных процессов.

В это время преобладающим на Северном Кавказе стало русское (41,7%) и украинское (29,8%) население. Их представители расселялись на Ставрополье, в Терской, Черноморской, Кубанской областях [4]. При этом продолжался процесс снижения удельного веса коренных этносов региона при некотором росте их абсолютной численности, лишь в Дагестане сохранялось преобладание коренного населения.

В конце XIX в. славянское население было представлено тремя главными сословиями: казачеством, коренным крестьянством и иногородними. Это были крестьяне, прибывшие в казачьи области после реформ 60-70 гг. XIX в. в процессе стихийного переселения, а потому не имевшие никаких прав на получение земли.

С Северо-Кавказским регионом связана деятельность Кубанского и Терского казачьих войск. Исторически их пути постоянно пересекались с Донским казачьим войском. При этом казачество составляло не более 1/5 всего населения Северного Кавказа [5]. Оно представляло собой сложное саморазвивающееся этносоциальное явление, оформившееся на протяжении нескольких веков в закрытое специфическое сословие. Выработавшаяся со времен Петра I привычка верности режиму и присяге, сделало казачество неколебимой опорой власти. Эта кастовость создавала предпосылки высокой организованности, дисциплинированности, устойчивости к различным внешним потрясениям, что содействовало формированию государственного самосознания казачества, бывшего когда-то «вольницей». Если учесть то, что казачество несло в себе русскую психологию колонизации, то все его перечисленные качества являлись весьма важным фактором сохранения порядка в приграничных районах страны.

Находясь на южных рубежах государства, казаки сочетали воинскую службу с самостоятельным ведением хозяйства, как правило, земледелием. Количество казаков-воинов, занимавшихся земледелием в России, составляло 94% [6]. На Северном Кавказе казачество играло значительную роль в системе экономических отношений, ведя наиболее продуктивную систему земледелия.

В казачьих областях юридически оформилась система надельного землевладения, существовавшая в виде общинной собственности. Исполнение государственной службы давало ряд привилегий.

Юридически привилегии распространялись на всех казаков, но реальное исполнение их находилось в зависимости от места казака на социальной лестнице. Свой «пай» земли получал бесплатно каждый казак 17-летнего возраста. Кроме того, они не платили прямых налогов, имели льготы при получении медицинской помощи и лекарств, при обучении детей в школах, играли определяющую роль в общественно-политической жизни войсковой области. Все это формировало определенную поведенческую модель сословия. Она проявлялась в том, что казаки чувствовали себя хозяевами в регионе не только как проводники интересов государства, но и на бытовом, и на общественном уровнях. В окружении горских народов казаки ревностно сохраняли общинные казачьи традиции, свою обособленность и традиционные формы жизни и хозяйствования. Но модернизация конца XIX – начала XX в. постепенно проникала и в казачью жизнь.

Дробление наделов, заработки на стороне, отхожий промысел, постоянное отвлечение мужского населения от хозяйства усиливали процесс дифференциации в казачьей среде. Это наносило ущерб ее монолитности, рождало разные политические интересы и настроения. Значительное развитие получили промышленность и торговля в станичных некрупных предприятиях. Капиталистические тенденции проявлялись и в развитии экономических связей, росте экспорта и импорта товаров. В Терской области до 1914 г. свыше 50% вывозимых товаров (хлеб, шерсть, лес, рыба, вино, нефтепродукты) приходилось на казачьи станицы [7].

В Терской области уровень зажиточных и средних хозяйств был заметно ниже, чем в Кубанской области. Анализ военно-конских переписей позволяет сделать вывод о состоянии дифференциации терского казачества. Средних хозяйств среди них было 36,7%, зажиточных – 31,8%, беднейших – 29,7% [8]. Кроме того, среди терских казаков был распространен отхожий промысел, неизвестный в степных районах Кубани.

В исследуемых областях землей владели не только казачьи, но и крестьянские общины. Размеры их наделов значительно отличались друг от друга. Коренным и иногородним крестьянам принадлежало 2,8% в Кубанской области и 37,5% земли в предгорной полосе Терской области [9].

Процесс разрушения общины коренных крестьян, поселившихся здесь до реформ 60-70 гг. XIX в., также усилил середняцкую прослойку в ней. Коренные крестьяне Дона и Северного Кавказа в 1917 г. были дифференцированы следующим образом: бедняки составляли 29,9%, середняки – 53,8%, зажиточные и кулаки – 16,3% [10]. Преобладающее большинство были собственниками буржуазного типа. Середняцкие хозяйства региона отличались более высокой зажиточностью, чем в среднем по России.

Основная часть коренных крестьян Северного Кавказа расселялась на неказачьих территориях из-за остро стоящего вопроса о земле. Он решался практически всегда в пользу казачества. Поэтому значительная часть коренного крестьянства проживала в Ставропольской губернии и Кубано-Черноморском районе. Уровень хозяйствования был высоким, велико было влияние рыночной модернизации. В начале XX в. более половины крестьянских хозяйств были многолошадными. Элементами новизны был активный наем рабочей силы, распространялась аренда земли для массового производства сельскохозяйственной продукции, в которой был заинтересован рынок. Обеспеченность инвентарем в таких хозяйствах была высокой. Количество таких хозяйств достигало 65%, и хотя это было несколько ниже, чем в казачьей общине, очевидно, что зажиточные хозяйства коренных крестьян успешно перестраивались в ходе буржуазных реформ [11]. Однако при растущих признаках нового хозяйствования, количество земли у коренного крестьянства не позволяло им стать абсолютными поставщиками продукции на рынок. Существовавшие диспропорции в земельном обеспечении казаков и крестьян служили источником постоянного недовольства последних и усиливали межсословную и межэтническую напряженность в регионе. Можно предположить, что меняющаяся хозяйственная обстановка создавала более благоприятные условия для коренного крестьянства, нежели для казачества. Последнее, достаточно крепко связанное традиционностью жизненного уклада, землепользования, иерархическими жесткими отношениями, входило в капитализацию медленно и сложно. Смена лидеров вносила новые противоречия в жизнь славянского населения Северного Кавказа.

Усиление дифференциации всех сословий региона осложняло и без того яркие классовые противоречия. Особенно усилились они в начале XX в., когда здесь увеличилось количество иногородних, имеющих, как правило, бедняцкое хозяйство. 90 % иногородних региона не имели собственной земли, в то время как представители коренного крестьянства, не имеющие собственной земли, составляли 5 % [12]. Среди них преобладали представители славянских этносов. Они работали по найму, как пришлые рабочие-батраки, крайне редко имели собственное жилье. Казаки рассматривали их как дешевую рабочую силу.

На Кубани проживало 1,1 млн. чел. иногородних, на Тереке – 326 тысяч, на Ставрополье 143 тыс. [13]. Наибольшей остроты внутри славянского этноса достигали отношения между казачеством и иногородними. Эти противоречия формировали в начале XX в. облик общественных отношений на Северном Кавказе, влияя на хозяйственные, этнокультурные, правовые, политические процессы. Казачество отличалось наличием чувства собственной исключительности, поэтому дистанцировалось от иного населения и, чувствуя себя хозяевами региона, вводило немало ограничительных мер против его представителей. Так, иногородние не могли являться членами станичных обществ, в силу разобщенности и постоянных передвижений не имели никакой общественной организованности. Система взаимоотношений казачества и иногородних, изобилующая конфликтами и попытками компромиссов, в итоге вылилась в мощные столкновения в годы революций и Гражданской войны.

Многонациональный состав населения Северного Кавказа включал и инородцев; так с давних времен называли ногайцев, калмыков и трухмен (туркмен). Это были кочевые народы, численность которых в начале XX в. составляла 36%. В силу занятости кочевым скотоводством инородцы имели значительные земельные наделы – от 26 до 100 десятин земли на мужскую душу населения. В значительной степени количество земли, которой наделяли животноводов, зависело от несения военной службы в царской армии. Поскольку калмыки призывались в армию, их наделы были более значительными по сравнению с наделами ногайцев и трухменов [14]. Социальная структура инородческого населения тоже была неоднородной. Преобладающей частью были бедняки, середняков было немного, владельцы значительного количества скота были крайне немногочисленны.

В отношении животноводов-инородцев царская власть пыталась предпринимать введение оседлого образа жизни, переведя их в категорию земледельцев, но традиционные формы хозяйствования были генетически закрепленными в сознании местного крестьянства. Кроме того, имея немалые наделы земли для скотоводства, туркмены и ногайцы сдавали ее часть в аренду крестьянам, проживающим вблизи, и получая дополнительные деньги. Как правило, арендовали землю представители славянского крестьянства. Любое усложнение норм аренды, повышение цены за нее порождало столкновения и вражду, которая нередко принимала межэтнический характер. Так в 1917 г. была поднята цена за аренду до 30 руб. за десятину, что спровоцировало череду самовольных захватов и запашек земли [15].

Начало XX в. принесло активизацию процесса вовлечения горцев в хозяйственную систему России. Капитализация производства сказывалась и на Северном Кавказе. Горское хозяйство переставало быть натуральным и замкнутым. Дифференциация хозяйств региона в пропорциональном отношении была близка к показателям общероссийским. В начале XX в. количество бедных хозяйств составляло здесь 70%, средних – 20%, зажиточных – 10%. Интересными для сравнения являются примерно те же средние показатели по России в целом: беднейших хозяйств – 60%, средних – 20%, кулацких – 20% [16]. Но горцы постепенно вовлекались в систему подчинения русской власти и теряли свою хозяйственную самостоятельность. К тому же терские казаки осуществляли политику экономического покорения Северного Кавказа, скупая частновладельческие земли.

Горцы, проживая в основном в горной местности, не имели удобной и в достаточном количестве земли. Тормозящими факторами в развитии товарного производства у горских крестьян были малоземелье, всевозможные платежи и повинности, патриархальные родовые традиции, произвол администрации. В основном, хозяйства горцев сохраняли натуральный характер. Предгорья и равнины были землями казаков. Так, если на душу ингушского населения приходилось 0,2 десятины, то казачьи дворы могли иметь более 80-ти десятин [17]. Казачество, являясь доминирующей силой на Северном Кавказе, формировало хозяйственную политику сообразно собственным интересам. Казачье управление распространялось на все народы Терской области. Как горцы, как и инородцы должны были подчиняться приказам атаманов. Этот факт законодательно утверждал неравенство казаков и горцев, что порождало негативные стереотипы в общественном сознании одних и других. Так формировалась еще одна составляющая межэтнической конфликтности в регионе.

В конце XIX – начале XX в. происходил процесс снижения удельного веса почти всех коренных этносов региона при некотором росте их абсолютной численности и сохранении существующих ареалов расселения. Из Осетии основной поток отходников направлялся в промышленные центры Кавказа и Центральной России. Немало их уезжало на заработки в Америку, Канаду, Австралию и другие страны. Организованным набором дешевой рабочей силы из горцев занималось, в частности, Либавское агентство Русско-Американского океанского пароходства, которое находилось во Владикавказе [18]. Указанные процессы приводили к уменьшению численности местного населения и их доли в общем количестве северокавказских жителей. Уменьшение возможностей горских этносов вызвало ответную реакцию самоутверждения. Накануне и в годы Первой мировой войны проблема национальной

исключительности разрослась до масштабов сепаратистских настроений, национальный вопрос стал грозить целостности Российского государства. Его острота, активный рост межэтнической и социальной вражды в меняющейся России стали важными предпосылками революции 1917 г.

Библиография

1. Кабузан В. Население Северного Кавказа в XIX-XX вв. – СПб., 1996. – С. 56.
2. Дон и степное Предкавказье XVIII – первая половина XIX веков. – Ростов-н/Д., 1977. – С. 32, 37.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 573, оп. 1905, д. 1129, л. 5.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 102, оп. 1, д. 534, л. 7.
5. Трут В.П. Казачий излом. – Ростов-н/Д.: «Гефест», 1997. – С. 27.
6. Футорянский Л.И. Казачество в период Гражданской войны // Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне. – Черкесск, 1984. – С. 62.
7. Терский календарь на 1910 год. – Владикавказ, 1910. – С. 476.
8. Трут В.П. Указ. соч. – С. 37.
9. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. – Екатеринодар, 1916. – С. 25.
10. Цаголов Т. Край беспросветной нужды. (Заметки о нагорной полосе Терской области). – Владикавказ, 1912. – С. 254.
11. ГАСК. Ф.р. 65, оп. 1, д. 10, л. 54.
12. Трехбратов Б.А., Шебзухова Т.А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России // Северный Кавказ: Геополитика, история, культура: материалы всерос. конф. – Ставрополь. 11-14 сент. 2001 г. – Москва; Ставрополь, 2001. – С. 46.
13. Северокавказский край. – 1914. – № 915, 917, 921, 926.
14. Терский сборник. Вып. 5. – Владикавказ, 1903. – С. 105.
15. ГАСК. Ф. 102, оп. 1, д. 812, л. 157.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788, оп. 2, д. 143, л. 52.
17. ГАРФ. Ф. 1788, оп. 2, д. 143, л. 141.
18. Гиоев М.Н. Казаки и горцы Северного Кавказа в 1917 г. // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. – Ростов-н/Д., 1995. – С. 111.

Bibliography

1. Kabuzan V. The Population of the North Caucasus in the XIX-XX Centuries. SPb., 1996. P. 56.
2. Don and steppe Ciscaucasia XVIII - first half of XIX centuries. - Rostov-on-Don, 1977. P. 32, 37.
3. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Col. 573. Inv. 1905. F. 1129. L. 5.
4. State Archives of the Stavropol Territory (GASK). Col. 102. Inv. 1. F. 534. L. 7;
5. Trut V.P. Cossack Fracture. Rostov-on-Don, Gefest, 1997. P. 27.
6. Futoryansky L.I. Cossacks During the Civil War // Cossacks in the October Revolution and the Civil War. Cherkessk, 1984. P. 62.
7. Tersky Calendar for the Year 1910. Vladikavkaz, 1910. P. 476.
8. Trut V.P. Ibid. P. 37.
9. Report of the Head of the Kuban Region and the Ataman of the Kuban Cossack Army on the State of the Region in 1915. Ekaterinodar, 1916. P. 25.
10. Tsagolov T. The Edge of Hopeless Need. (Notes on the upland strip of the Terek region). Vladikavkaz, 1912. P. 254.
11. GASK. Col.R. 65. Inv. 1. F. 10. L. 54.
12. Trebratov BA, Shebzukhova TA The Peasantry of the North Caucasus in the Conditions of Market Modernization of Russia // Northern Caucasus: Geopolitics, History, Culture. Materials of the All-Russian Conference. Stavropol. September 11-14, 2001 Moscow-Stavropol, 2001. P. 46.
13. The North Caucasus Region. 1914. № 915, 917, 921, 926.
14. Tersky Collection. Issue. 5. Vladikavkaz, 1903. P. 105.
15. GASK. Col. 102. Inv. 1. F. 812. L. 157.
16. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Col. 1788. Inv. 2. F. 143. L. 52.
17. GARF. Col. 1788. Inv. 2. F. 143. L. 141.
18. Gioev M.N. Cossacks and Highlanders of the North Caucasus in 1917. / / Problems of the history of the Cossacks XVI-XX centuries. Rostov-on-Don, 1995. P. 111.

В.Д. Дугаров, д-р ист. наук, проф.
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

УДК 341.3(470/517) ”19/20”

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БОЕВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ (МОНГОЛИИ) С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧ. XX в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена проблемным вопросам взаимоотношений двух стран в области военного дела. Дается краткий анализ дискуссионной литературы в современном монголоведении.

Ключевые слова: *Российская империя, Монголия, геополитика, военное дело, историография, монголоведение.*

V.D. Dugarov, Dr. Sc. History, Prof.

PROBLEMATIC ISSUES OF MILITARY COOPERATION AND OPPOSITION RELATIONS BETWEEN THE QING EMPIRE (MONGOLIA) AND THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF XIX – EARLY XX CENTURIES IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the problematic issues of the mutual relations of the two countries in the field of military affairs. A brief analysis of the discussion literature in contemporary Mongolology is given.

Key words*: Russian Empire, Mongolia, geopolitics, military science, historiography, Mongolology.*

Геополитические изменения на рубеже XX-XXI вв. в Азиатско-Тихоокеанском регионе актуализировали историю международных отношений в межгосударственном треугольнике «Россия – Монголия – Китай» в начале XX в. в Восточной Сибири и приграничных аймаках Монголии. Это, в свою очередь, поставило на повестку дня одну из важнейших проблем изучаемого региона – историю военного противостояния и сотрудничества воинских формирований государств региона в первой половине XX в. Этот период для региональной политики характеризуется непростым переходом к новым формам государственного устройства, Гражданской войной в России, боевыми действиям в Монголии 1921 г., сражениями на КВЖД, войной с японскими милитаристами на Халхин-Голе, драматическими событиями Второй мировой войной, получением государственного суверенитета азиатских стран на международной арене.

Актуализация вопросов военного сотрудничества армий Российской империи / РСФСР / СССР и Монголии / МНР, прошедших непростую историю на протяжении XX в., вызывается тем, что взаимоотношения российского и монгольского правительств в военном деле характеризовались на разных этапах истории международных отношений принципиально качественными изменениями. Эти изменения были напрямую связаны с трансформацией политической власти в двух странах: «Монголия в XX в. явила миру три революции, смену трех типов общественного строя, пяти форм государственного устройства, во многом модернизировал свою экономику» [8, с. 8].

Изменение политических векторов руководителей двух стран при решении вопросов военного сотрудничества армий двух стран традиционно вызывает не только научный, но и военно-политический интерес.

Историю военного сотрудничества двух стран в первой половине XX в. необходимо соотносить с существованием на территории России трех типов государств: царская Россия, РСФСР / СССР. Историография взаимоотношений армий РСФСР / СССР и Республика Монголия / МНР в первой половине XX в. значительна и разнопланова. В современном мировом монголоведении необходимо выделять три основных направления изучаемой проблемы – историография отечественная (дореволюционная / советская / российская), монгольская и западная. Отдельной строкой в современной отечественной историографии выделяется, замалчиваемая, называемая в советской литературе «белогвардейская или эмигрантская литература».

В советской историографии, исходя из классового принципа (офицеры – дворяне, казаки – оплот царизма и пр.), недостаточное внимание уделялось исследованиям военных специалистов в изучении Монголии. Российский монголовед Ю.В. Кузьмин в своей работе «Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX в. – 1930-е гг.), одним из первых в современной

отечественной монголоведной историографии в параграфе «Военные деятели России о состоянии и перспективах русско – монголо – китайских отношений» (с. 100-124), выделяет проблему, анализируемую в нашем исследовании. По мнению монголоведа: «Излишне прямолинейные и категоричные выводы и рекомендации военных деятелей, экспансионистская направленность их сочинений стали позднее, возможно, причиной замалчивания подобных работ. Сказались и небольшие тиражи этих публикаций» [12, с. 101]. Этот период отмечен тем, что «за весь 200-летний период изучения Монголии в России никогда не было такого глубокого интереса к соседней стране как в начале XX в. и после 1911 г. Это был «бум», «всплеск» интереса и печатных откликов, посвященных Монголии, русско-монгольским отношениям, период интенсивных контактов и обсуждений» [там же, с. 13].

На современном этапе эволюции военно-политической отечественной историографии, насущной задачей является пересмотр многих методологических позиций о роли российского офицерства в исследованиях Монголии, становлении в аратской стране военного дела, участие их в событиях Гражданской войны в России, становлении суверенитета Монголии.

Пионерской работой в этих исследованиях выступает квалифицированная работа «Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиографический словарь». В работе обобщены и систематизированы более 400 биографий русских военных востоковедов, вводится в научный оборот широкий круг архивных источников и редких изданий военного ведомства, называются имена офицеров, внесших значительный вклад в русскую востоковедную, монголоведную науку, в развитие взаимоотношений России и Монголии [1, 295 с.].

Существенный вклад в изучение Монголии начала XX в., его стратегического и экономического положения в регионе, внесли и практические работники: переводчики, дипломаты (Я.П. Шишмарев, В.Ф. Люба, И.Я. Коростовец, А.Я. Миллер), военные (В.Л. Попов, А.А. Баранов, С.Д. Харламов, Ю. Кушелев, А.Н. Куропаткин, А.А. Баторский, В.Ф. Новицкий), купцы (А.Д. Васенев, А.В. Бурдуков, С.Ф. Степанов, А Балобан), торговые представители и миссионеры (И.А. Подгорбунский, К.К. Стуков, Н.Ф. Исакович, А. Орлов). Их труды, отчеты и записки становились объектом анализа офицеров Генерального штаба Российской армии.

Большой исследовательский, экономический, военный интерес представляли экспедиции под руководством Б.М. Гурьева, М.И. Боголепова, М.Н. Соболева, Ю. Кушелева, А.В. Баранова, А.П. Болобана и др. В монголоведной экономической, военной историографии наиболее известны труды экспедиции под руководством М.И. Боголепова и Л.Н. Соболева [2].

В результате двадцатимесячной экспедиции (с апреля 1909 г. по февраль 1911 г.) А.П. Бенигсен написал работу «Несколько данных о современной Монголии». Большой исследовательской интерес по формированию научных знаний о Монголии на рубеже XIX-XX вв., представляет работа А.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма» [3, 418 с.].

Глубокий разведывательный материал представляли отчеты видного дипломатического деятеля России в Монголии, просветителя, консула России в Монголии в течение 50 лет (1861-1911) Я.П. Шишмарева [6, 120 с.]. Я.П. Шишмарев, без сомнения, был главным координатором всех поездок россиян в Монголию и Китай, многие из которых носили разведывательный характер. Российским дипломатом были описаны многие области Монголии, особенно Северной, которые были неизвестны российским ученым и путешественникам. В его отчетах наиболее полные и точные для того времени данные о экономическом, политико-религиозном, этническом и других сферах жизнедеятельности Монголии второй половины XIX – нач. XX в.

Монголию Я.П. Шишмарев знал, по выражению Д.А. Клеменца, «как улицы своего города». По примеру консула, изучением Монголии занимались и сотрудники консульства А.Д. Кармазов, И.В. Падерин, В.О. Липинский, В.Ф. Люба и др. [6, с. 99-100].

В этот период большой военно-стратегический интерес представляла собой все увеличивающаяся, не до конца обработанная, переписка ургинских правителей с администрацией Восточно-Сибирского края, кяхтинским пограничным комиссаром, отчеты русских консулов в Урге и пр. [4, 396 с.]. Историко-политическими, военными и научными результатами деятельности этих людей было решение стратегических задач, стоящих перед российским государством в Азиатско-Тихоокеанском регионе, конкурентная борьба с Японией, европейскими государствами за обладание российскими Дальневосточными землями, Китаем и Монголией.

На исследования выдающихся российских ученых-путешественников, дипломатов, предпринимателей и купцов, на путевых отчетах и научных донесениях офицеров царской России, представленных в Генеральный штаб российской армии, опиралась зарождающаяся советская монголоведная наука.

Классической научно-разведывательной деятельностью Российского Генштаба под флагом Русского географического общества (РГО) была командировка бурята-востоковеда Г.Ц. Цыбикова в Тибет,

ставшего ареной противоборства между Россией и Англией. Поэтому, переходной работой от дореволюционного российского востоковедения к советскому явилась знаменитая работа «Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899-1902 гг.». Из-за многочисленных филологических, теологических поправок и другого, войн, которые вела Россия в начале XX в. с иностранными государствами, начавшейся Гражданской войны в стране, печатание научной работы Г. Цыбикова затянулось, и труд увидел свет только в 1919 г. в издательстве Русского географического общества. Редакторами ее значились академики С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатский (и, как стало известно из архива, в редактировании принимал активное участие третий академик – Ю.М. Шокальский), а также покойные А.В. Григорьев и К.И. Григорьева.

В 1919 г. Г.Ц. Цыбикову были отправлены оттиски монографии, а свой монументальный труд в «готовом» виде автор увидел только в 1928 г., т.е. почти тридцать лет спустя после путешествия в Тибет [5, с. 183]. Намечаемый исследователем маршрут и в наши дни вызывает уважение и опасение. Впервые были опубликованы фотографические снимки природы, монастырей, быта жителей Тибета. Фотографирование в «закрытой» стране, караемое смертной казнью, явилось проявлением величайшего человеческого мужества, продемонстрированного Г.Ц. Цыбиковым.

Необходимо отметить, что это были уникальные для того времени фотографические снимки (сделанные им в Лхасе, крупнейших монастырях и на обратном пути), а также впервые собранные на месте сведения и книги по истории, географии и этнографии Тибета. Одиннадцать снимков о далекой и недоступной священной Лхасе, резиденции «живого» бога, Мекке ламаистов были отпечатаны в журнале Национального географического общества США «Нэшнл Джиографик», значительно увеличив тираж и предотвратив его от банкротства.

Ленинское положение о некапиталистическом пути развития Монголии, ныне являющееся дискуссионным, нашло воплощение в советско-монгольском военно-политическом сотрудничестве, совместной борьбе КПСС и МНРП, Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) / Советской армии (СА) и Монгольской Народной армии (МНА) за свободу и независимость своих стран.

На переходном этапе от феодальных и формирующихся капиталистических отношений к социалистическим преобразованиям в номадной стране, кардинально меняются методологические принципы формирования советской монголоведной науки, которая переживая сходную с формирующейся советской востоковедной наукой трансформацию, имела свои характерные особенности. Анализ и этапы формирования военно-политического союза армий РСФСР и МНР, имеющих свои принципиальные отличия, являются основной сферой научного внимания диссертанта.

Проблемы формирования военно-политического союза РСФСР и МНР в начале 1920-х годов нашли свое оперативное отражение в периодической печати того времени. Первый номер революционной газеты «Монголын унэн» («Монгольская правда») вышел в Иркутске 10 ноября 1920 г. «Монголын унэн» была первой марксистской газетой, первым светским органом новой Монголии, которая сыграла важную роль в создании МНП/МНРП, в подготовке и проведении Народной революции, сыграла важнейшую роль в формировании Монгольской Народно-революционной армии, советско-монгольского боевого содружества. Нельзя отрицать тот факт, что у истоков формирующейся монгольской периодической печати были представители Коминтерна в лице Я. Гашека (см. Б.С. Санжиев), Ц. Жамцарано, Э-Д. Ринчино и других советников. Пропагандистская деятельность формирующейся монгольской периодической печати: газет «Уриа», («Призыв» – с июля 1921 по декабрь 1922 г.), «Нислэлийншинэсонин», «Ардынэрх» («Народное право» – с февраля 1924 по апрель 1925 г.), была отражением формирующихся новых преобразований в отсталой в военном отношении номадной стране. Но уже с 1924 г. начинает выходить специальный орган Министерства обороны «Улаан од» («Красная звезда»), с периодичностью 2 раза в неделю, являвшаяся основным органом строительства аратской армии, главным пропагандистом советско-монгольского военно-политического содружества. Вопросы военно-политического содружества анализировались в общественно-политических журналах: «Намын амьдрал» («Партийная жизнь») – теоретический и политический орган ЦК МНРП, выходивший с 1922 г. один раз в месяц, «Эдийн засгий насуудал» («Вопросы экономики и права»), «Монголын хувьсгалт залуу чуудын эвлэл» («Союз революционной молодежи Монголии»), основанный в 1925 г. и др. Основной пропагандистский заряд, по проблеме, разрабатываемой в исследовании, несли советские газеты и журналы: «Правда», «Бурят-Монгольская правда», «Красная звезда», «Революция на Дальнем Востоке», «Народы Дальнего Востока», «Бурятиеведение», а также «Бюллетени ТАСС», Монгольского информационного агентства «Монта» и др.

Новый, советский, этап в развитии монголоведения был положен публикацией в 1921 г. в Иркутске, фундаментального исследования И.М. Майского (1884-1975) «Современная Монголия».

И.М. Майский являлся руководителем экспедиции по Монголии, снаряженной Всероссийским центральным Советом потребительских обществ, работавшей на протяжении полутора лет (1919-1920 гг.), прошедшей более трех тысяч километров по стране. В итоговом труде по результатам экспедиционных и статистических исследований, И.М. Майский с большим эмоциональным восприятием охарактеризовал экономическое и социальное положение Монголии периода «автономии» [7].

Воспоминания очевидцев революционных событий, опубликованные в 1920-х гг., имели ряд характерных особенностей. Как правило, это были небольшие по объему сочинения, описывающие отдельные фрагменты боевых действий в Забайкалье [13].

В 1920-1930-е гг. в советской историографии выходят работы А.Д. Каллиникова, посвященные истории монгольского общества периода эпохальных перемен. [Каллиников Анатолий Дмитриевич (псевд. – Антов, Эрдени) (1899/1900-1937-?) – монголовед, участник экспедиции Центросоюза по экономическому обследованию Монголии, руководимой И.М. Майским в 1919-1920 гг. В 1920 г. участвовал в Гражданской войне. С 1922 г. – в НКИД РСФСР/СССР (в отделе печати и информации). В 1926-1930 гг. – зав. бюро информации в полпредстве СССР в Монголии. В 1930 г. рекомендован на работу в СССР. В 1930-1937 гг. – преподаватель МИВ и ЛВИ. Кандидат экономических наук (1935), переводчик, репрессирован]. Работы А.Д. Каллиникова «Революционная Монголия» (М., 1925) и «Национальное революционное движение в Монголии» (М.-Л., 1926), написанные участником экспедиции И.М. Майского, были созданы буквально «по пятам» происходивших событий.

Классической и одной из первых послевоенных работ, посвященных революции 1921 г., является книга Г.Ф. Кунгурова и И.А. Сороковикова «Аратская революция», изданная в Иркутске в 1946 и 1957 гг. Данный труд является одним из немногих отечественных исследований, специально изучающих революцию в Монголии. Как свидетельствует Г.Ф. Кунгуров, эта книга была написана по личной просьбе Х. Чойбалсана. В ее основу легли труды И.М. Майского, А.Д. Каллиникова и, кроме того, И.А. Сороковиков был сам непосредственным участником событий 1921 г. в Монголии, как представитель Коминтерна и член ургинского революционного кружка [12, с. 11]. К сожалению, в данном исследовании сравнительно мало внимания уделяется миссии Д. Сухэ-Батора в Советскую Россию и его переговорам с деятелями Коминтерна. Рассматривая развитие национально-освободительного движения в Монголии, авторы отмечают, что оно делилось на два направления, которые они характеризуют как революционное и националистическое [там же, с. 87, 91].

В числе существенных недостатков работы «Аратская революция» нужно отметить то, что основное внимание в событиях 1921 г. в Монголии уделяется всего лишь двум личностям: Х. Чойбалсану и П.Е. Щетинкину. Это можно объяснить политической конъюнктурой, так как данная книга была написана по личной просьбе маршала Х.Чойбалсана. Говоря о данной монографии, необходимо отметить, что она является одним из немногих обобщающих трудов по истории монгольской революции, написанной советскими исследователями, и содержит весьма ценный материал по истории формирования национально-освободительного движения в Монголии, по истории МНРП и первых лет существования МНР.

Трансформация отечественной монголоведной науки во второй половине XX в. по истории Монголии методологически четко просматривается в выпущенном в 1953, 1967, 1983 гг. совместном фундаментальном труде советско-монгольских ученых «История Монгольской Народной Республики». Последний в советской историографической хронологии переработанный третий выпуск «История Монгольской Народной Республики», охватывает историю Монголии с древнейших времен до нач. 1980-х гг. Изучаемый нами материал составляет большую часть Раздела второго «Антиимпериалистические и антифеодальные революционно-демократические преобразования (1912-1940)» (с. 328-424) и разд. III «Социалистические преобразования (1941-1960)», где в гл. 1 «МНР в годы второй мировой войны (1940-1945)» (с. 425-445) подробно рассматривается всемерная, посильная помощь и поддержка монгольского аратства советскому народу в борьбе с фашизмом, участие воинов РККА и МНА в боевых действиях против японских милитаристов. Представленная методологическая градация являлась основополагающей для советских монголоведов. В работе был дан обстоятельный, отвечающий методологическим тенденциям того времени, обзор по русской и советской историографии монголов [9, с. 56-68].

Кроме того, Г.Ф. Кунгуров и И.А. Сороковиков подчеркивают тот факт, что МНП была принята в Коминтерн лишь как сочувствующая партия, так как она не была признана коммунистической. В результате революции, по мнению исследователей, в Монголии установилась народно-демократиче-

ская власть. Эти дискуссионные вопросы представлены во многих современных исследованиях: «История Монголии XX век. – М., 2007, в работах М.И. Гольмана, В.В. Грайворонского, С.К. Рощина, Е.А. Белова, Б.В. Базарова, В.Д. Дугарова, Л.Б. Жабаевой, Л.В. Кураса, С.Л. Кузьмина и др.

Библиография

1. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиографический словарь. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2005.

2. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли, с приложением 22 фотографий и торговой карты Монголии. (Экспедиция в Монголию). – Томск, 1911.

3. Бурдуков А. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. – М., 1969.

4. Даревская Е.М. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. – Иркутск, 1994.

5. Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожап Цыбиков. – Иркутск, 1990.

6. Единархова Н.Е. Русский консул в Монголии: отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. – Иркутск, 2001.

7. Майский И.М. Современная Монголия. – Иркутск, 1921.

8. История Монголии XX в. – М.: ИВРАН, 2007.

9. История Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1983.

10. Кислов А.Н. Разгром Унгерна. – М., 1964.

11. Колесников М. Сухэ-Батор. – М., 1959.

12. Кузьмин Ю.В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997.

13. Строд И. Унгерновщина и семеновщина (1920-1921 гг.) // Пролет. революция. – 1926. – № 9 и др.

11. Цибиков Б.Д. Разгром унгерновщины. – Улан-Удэ, 1947.

12. Кунгуров Г.Ф., Сороковиков И.А. Аратская революция. Исторический очерк. – 2-е изд. – Иркутск, 1957.

Bibliography

1. Bazhanov.M.K. Russian military Orientalists to 1917: bio-bibliographic dictionary. M., Eastern literature Publ. Russian Academy of Sciences, 2005.

2. Bogolepov M.I., Sobolev M.N. Essays on Russian-Mongolian trade, with 22 photos and a map of Mongolia. (Expedition to Mongolia). Tomsk, 1911.

3. Burdukov A. In old and new Mongolia. Memories. Letters. M., 1969.

4. Darevskaya E.M. Essays on Russian-Mongolian Relations in the Late 19th - Early 20th Centuries, Irkutsk, 1994.

5. Dorji Dorzhiev Zh.D., Kondratov A.M. Gombozhap Tsybikov. Irkutsk, 1990.

6. Edinarkhova N.E. Russian Consul in Mongolia: Report Ya.P. Shishmarev on the 25-year activity of the Urgin Consulate. Irkutsk, 2001.

7. Maisky I. M. Modern Mongolia. Irkutsk, 1921.

8. History of Mongolia XX century. M., OIRAS, 2007.

9. History of the Mongolian People's Republic M., Nauka, 1983

10. Kislov A.N. The defeat of Ungern. M., 1964.

11. Kolesnikov M. Sukhe-Bator. M., 1959.

12. Kuzmin. Yu.V. Mongolia and the "Mongolian question" in the social and political thought of Russia (late XIX - 30th of the XX century) Irkutsk, ISU Press, 1997.

13. Strode I. Ungernovshchina and semenovshchina (1920-1921). The proletarian revolution, 1926. № 9, and others.

11. Tsibikov B.D. The defeat of the ungerness. Ulan-Ude, 1947.

12. Kungurov GF, Sorokovikov IA Arat Revolution. Historical essay. Ed. The 2 nd. Irkutsk, 1957.

В.И. Антонов, д-р филос. наук, проф., e-mail: wlanto@rambler.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 321.01

СОЦИАЛИЗМ И ПРОИЗВОДСТВО: ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДА ЭЛИАСА КАНЕТТИ В ФОКУСЕ РАБОТЫ «МАССА И ВЛАСТЬ»

В статье проводится авторский анализ оригинальной интерпретации взаимосвязи понятий «социализм» и «производство», данной выдающимся австрийским социальным философом, писателем и драматургом XX столетия, лауреатом Нобелевской премии по литературе Элиасом Канетти. И это рассмотрено на основе

аналогии с так называемой приумножающей стаей (массой в живой природе), в неразрывной связи с ключевыми категориями его социальной философии: масса и власть. Авторская статья предварена кратким вступлением, отражающем некоторые штрихи из жизненной и творческой биографии Канетти, где особое место занимает его основной труд «Масса и власть».

Ключевые слова. *Канетти, масса, власть, социализм, производство, приумножающая стая.*

V.I. Antonov, Dr. Sc. Philosophy, Prof.

SOCIALISM AND PRODUCTION: FEATURES THE VIEW OF ELIAS CANETTI, THE FOCUS OF THE WORK OF THE "MASS AND POWER"

The article presents the author's analysis of the original interpretation of the interrelationship of the concepts "socialism" and "production", given by the famous Austrian social philosopher, writer and playwright of the twentieth century, the Nobel prize in literature Elias Canetti. And it's considered on the basis of analogy with the so-called multiplying flock (mass wildlife), in close connection with key categories of its social philosophy: mass and power. The author's article is preceded with a short introduction, reflects some touches of biography, Canetti, where his main work "Weight and power".

Key words. *Canetti, mass, power, socialism, production, multiplying the flock.*

Несколько штрихов из жизненной и творческой биографии

Элиас Канетти – выдающийся австрийский социальный философ, писатель, драматург XX столетия. Он родился в 1905 г. в болгарском городке Рущук, входившем тогда в состав Австро-Венгрии. Умер в 1994 г. в Цюрихе (Швейцария). Являлся лауреатом многих национальных и международных литературных премий. В их ряду Нобелевская премия по литературе, присужденная в 1981 г.

Канетти родился в семье испанских евреев. Его далекие предки переселились на берега Дуная, вместе с тысячами евреев, изгнанных из Испании еще в XV в. В 1911 г. вместе с семьей он переезжает в Лондон, но через два года после смерти отца, ушедшего из жизни молодым, вместе с матерью отправляется в Вену. С 1916 по 1924 г. Элиас ходил в школу в Цюрихе и Франкфурте-на-Майне, а далее стал изучать естественные науки в университете в Вене, где защитил диссертацию и получил степень доктора философии. Но в 1938 г. в результате гитлеровского аншлюса Австрии, т.е. присоединения ее к нацистскому рейху, Канетти вынужден был покинуть не только свою родину, но и сам континент и поселиться в Англии, где он жил и работал до конца своих дней. При этом писал на немецком. Его творческое перо было плодовитым. Он после себя оставил довольно-таки большой набор оригинальных романов, пьес, мемуарных и публицистических книг, сборников афоризмов. В художественном творчестве Канетти больше тяготел к К. Краусу, Г. Броху, Ф. Кафке.

Главный социально-философский труд Канетти составляет трактат «Масса и власть» (Masse und Macht, 1960), где дано новое и оригинальное освещение темы, ранее так или иначе поднимавшейся Ницше, Лебоном, Ортегой-и-Гассетом, Фрейдом. Кстати, первое сведение о данной работе и соответственно о таком имени как «Канетти» автор этих строк получил в 1973 г. из уст профессора кафедры исторического материализма МГУ Д.Ф. Козлова во время его лекции по теме «Личность и общество». Помнится, Дмитрий Федорович в духе и стиле того времени, строго следуя канонам марксистской парадигмы, назвал основной труд Канетти образцом буржуазного пессимизма и безысходности, а самого автора – проповедником всесилия власти и бессилия масс.

По Канетти, исходный феномен массы непосредственно связан с процессом преодоления человеком страха перед прикосновением. Он всегда страшится прикосновений других людей. Поэтому человек стремится избегать их, старается держаться от них на определенном отдалении. Это фиксируется с помощью социальных дистанций, системы различных статусов, являющейся одной из форм подобного дистанцирования. В массе страх человека перед прикосновением фактически исчезает, все дистанции снимаются. Благодаря происходящей психологической разрядке человек нивелируется. В массе один человек равен другому. Масса возможна и реализует себя только как целостное существо, а это существо живет своей особой жизнью, подчиненной собственным закономерностям возникновения, существования и распада.

Изначальный феномен власти состоит в выживании. Властитель как персонифицированная власть – это тот, кто не только способен выжить, но и реально выживает, тогда как другие массово гибнут. В собственно феноменологическом смысле властитель олицетворяет того, кто выстоял вопреки всему и всем, когда остальные вокруг пали. Поэтому архетипом властителя выступает герой, идущий через трупы и гордо стоящий над ними, причем не важно, кто они, кем являлись павшие – своими, т.е.

друзьями, союзниками, или чужими, т.е. врагами, уничтоженными им же. В счет берется только само выживание. Чем больше число тех, кто не выжил, тех, кого пережил выживший, тем выше величие, тем более богоподобен властитель. Настоящие властители всегда знают, чтут и следуют этой закономерности выживания и возвышения. А власть истинная всегда пробивается и восходит через горы трупов на их вершины. Потому масса всегда служит предтечей и фундаментом власти как таковой. Ей (власти) абсолютно без разницы, что здесь имеется в виду: масса мертвых или масса живых, которых ожидает неминуемая смерть.

Власть в управлении массой в качестве основного орудия использует угрозу смерти. И это достигается с помощью приказа. Любой приказ – отложенная процедура исполнения смертного приговора. Отсюда страх смерти оказывается конечной и определяющей мотивацией исполнения любого приказа. По образному сравнению Канетти, голос власти подобен рыку льва, от которого в диком ужасе, в животном страхе разбегаются стада антилоп, т.е. масса.

Надо сказать, что первоначальный импульс к разработке идей, связанных с проблемой взаимоотношений массы и власти, был наглядно и убедительно дан ему, Канетти, еще во время наблюдения им массового экстаза на улицах Вены в связи с началом Первой мировой войны. С этим явлением в самой воинственной форме он «впервые столкнулся 1 августа 1914 г. В курортном парке Вены дирижер вдруг прервал музыку, и нарядные, безработные люди услышали, что Германия объявила войну России. Гулящие запели австрийский, а потом немецкий гимны. Тут-то на фоне «великого события» произошло и другое, маленькое. По старой привычке, а может, из чувства противоречия мальчик Канетти запел гимн английский. Лица вдруг исказились ненавистью. Мальчика и его брата принялись нещадно избивать. Занятые до этого люди внезапно превратились в единый кулак – это была микромодель агрессивной толпы, массы» [1, с. 7-8].

Необходимо отметить еще один характерный момент из книги «Масса и власть». Канетти в некоторых ее главах подобно хирургу со скальпелем, а может с ножом, вскрывает изначальную, единоприродную связь структур мышления параноика и властителя. Паранойя – не просто какая-то болезнь власти, это, по сути, генетически заложенная в ней, скрытая извне ее диагностическая характеристика. Поэтому паранойя и власть между собой неразрывны, будучи двумя способами реализации одной и той же практической цели, подобной же тенденции, что как раз имеет место в любом человеческом обществе. Тем самым, что очень важно подчеркнуть, Канетти придает открытым им закономерностям отношений массы и власти универсальный характер. Обосновывает их всеобщее и фундаментальное значение.

Распределение и приумножение. Социализм и производство

Эти вопросы обозначены в такой последовательности и специально затронуты Канетти в соответствующей главе основного труда. Она называется «Масса и история».

Проблему распределения Канетти считает такой же древней для человечества, как проблему справедливости. Как он пишет, «когда бы люди ни выходили вместе на охоту, потом вставал вопрос о разделе добычи. В стае они были вместе, при разделе выступали по отдельности. …Отдельность при поглощении пищи лежит в корне ужасающего возрастания власти. Тот, кто ест один и для себя, должен один и для себя убивать. Кто убивает вместе с другими, должен делиться добычей.

С признания необходимости дележа начинается справедливость. Правило справедливости – это первый закон. Он и поныне остается важнейшим законом и в этом своем качестве – подлинным основанием всех движений, ориентирующихся на совместность человеческой деятельности и человеческого существования» [2, с. 239].

По Канетти, при всей разности и многообразии толкований способов распределения благ в современном мире все же отсутствует какое-либо разногласие или расхождение по поводу предпосылки данной проблемы у сторонников и противников социализма. Эта предпосылка заключается в производстве. Последнее в любой форме и проявлении всячески поддерживается и расширяется в обеих идеологически противоборствующих системах, т.е. как в капитализме, так и в социализме. Тут совершенно излишен вопрос по ту и другую сторону: для чего производят товары, чтобы продавать или чтобы распределять? Главное – производство необходимо и там, и здесь. Потому оно почитается в обеих системах почти как «священная корова».

Истоки такого отношения к производству глубоки. И это изначально было продиктовано необходимостью элементарного (биологического, социального, индивидуального) существования, т.е. все того же выживания.

«Гордыня производства объясняется его происхождением от *приумножающей стаи* (курсив Э. Канетти – *В.А.*). Эту связь легко проглядеть, поскольку сейчас нет стай, которые на практике заняты

приумножением. Появились гигантские массы, растущие буквально с каждым днем во всех центрах цивилизации. Но если учитывать, что конца этому росту не предвидится, что все большее число людей изготовляют все большее количество товаров, что к числу этих товаров относятся также живые звери и растения, что методы производства живых и безжизненных товаров почти ничем друг от друга не отличаются, то надо признать, что приумножающая стая оказалась самой богатой последствиями и последовательно реализовавшейся формой из всех, когда-либо выработанных человечеством» [2, с. 239-240].

Другими словами, былые ритуалы стай, имевшие цель приумножения, трансформировались в машины и технические процессы. Любое предприятие, будь то завод или фабрика, стало функциональной единицей, обеспечивающей как раз культ производства. Поэтому новое рождается лишь в ускорении этих процессов. «Нажимается пара кнопок, передвигается несколько рычагов, и то, что нужно, в любом виде выходит готовым через несколько часов или еще быстрее» [2, с. 240].

Канетти считает, древнее, примитивное представление, лежащее в основе приумножающей стаи, нашло воспроизведение в чистейшем виде в тесной и строго определенной связи пролетариата и производства, которая стала общепризнанным явлением более столетия назад. Сравнивая пролетарии с быстро приумножающей стаей, он видит это в двояком способе приумножения. «Во-первых, они рождают больше детей, чем другие люди, и уже благодаря многочисленности потомства в них проявляется нечто массовидное. Их количество растет еще и другим способом: все больше людей стекается из сельских районов в места производства. Но точно такой же двойственный род прирастания был свойствен, как вспоминается, и примитивной приумножающей стае» [2, с. 240].

В результате в обществе было выработано и приведено в действие понятие бесправного (неимущего) класса под названием «пролетариат». Осуществление такого действия на практике предполагало пролетарскую революцию и путь в новый строй по имени «социализм». При этом все исходили из радужной, оптимистической перспективы возрастания. И здесь главная ставка опять-таки делалась на производство. Его рост должен был быть прямо пропорциональным увеличению числа пролетариев. Отсюда полагалось, что пролетариат и производство должны расти в неразрывной связке. Здесь Канетти вновь усматривает общее, что имело место в действиях примитивных приумножающих стай.

«Точно таково же и отношение современного человека к производству. Машины могут произвести больше, чем кто-либо раньше мог себе представить. Возможности приумножения благодаря им возросло до невероятных масштабов. Поскольку речь идет скорее о предметах, чем о живых существах, число их увеличивается по мере роста потребностей человека. Становится все больше вещей, которым он находит применение, в ходе их применения возникают новые потребности. Этот аспект производства – неостановимое размножение как таковое во всех возможных направлениях – больше всего бросается в глаза в «капиталистических» странах. В странах, где на первое место выставляется «пролетариат» и где не разрешается большое скопление капиталов в руках отдельных лиц, проблемы всеобщего *распределения* теоретически столь же значимы, сколь и проблемы *приумножения* (курсивы Э. Канетти – *В.А*)» [2, с. 241-242].

Таким образом, Канетти, рассмотрев эти аспекты - распределение и приумножение; социализм и производство – в рамках основной проблематики (т.е. «Масса и власть»), неизбежно приходит к выводу, что проблемы всеобщего распределения в условиях социализма, где главенствует пролетариат, становятся повседневной актуальностью. Более того, хронический дефицит товаров даже первой необходимости в таком обществе выступает в некотором роде его визитной карточкой. Тем самым это напоминает те же проблемы приумножения стай, что было непосредственно связано с необходимостью выживания в жестоких природных условиях.

Библиография

1. Элиас Канетти. Человек нашего столетия. Воспоминания. Масса и власть. Совесть литературы. – М.: Прогресс, 1990.

2. Элиас Канетти. Масса и власть. – М.: АСТ, 2015.

Bibliography

1. Elias Canetti. People of Our Century. Memories. Mass and power. The conscience of literature. – M.: Progress, 1990.

2. Elias Canetti. Mass and power. – M.: AST, 2015.

Д.К. Чимитова, д-р ист. наук
ГБУ «РЦОИ и ОКО», г. Улан-Удэ
УДК 930:329.78(470+571) ”1920-1930”

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ 1920-1930-х гг. В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассмотрены основные проблемы изучения истории формирования, деятельности и развития молодежных общественных объединений в России в 1920-1930-х гг., дана периодизация историографии проблемы, выявлены характерные особенности каждого этапа.
***Ключевые слова**: молодежные объединения, политическая система, общественные организации, историография.*

D.K. Chimitova, Dr. Sc. History

YOUTH ASSOCIATIONS OF 1920-1930 THE POLITICAL SYSTEM OF SOVIET RUSSIA: THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

.

The main problems of studying the history of formation, activity and development of youth public associations in Russia in the 1920-1930 are considered, the periodization of the historiography of the problem is given, characteristic features of each stage are revealed.
***Key words:** youth associations, political system, public organizations, historiography.*

Столетие Октябрьской революции, коренным образом изменившей парадигму развития России, актуализирует многие вопросы произошедших в 1920-1930-х гг. социально-политических и экономических преобразований. Важной проблемой, требующей историографического осмысления, является характеристика политической системы Советской России, история ее становления и развития. Понимание логики, последовательности и направленности ее изменений имеет значение как для фундаментальной истории, так и в качестве политического опыта.

Само понятие «политической системы» в советской историографии возникло в 1970-е гг., в связи с подготовкой новой Конституции, где впервые вводился термин «политическая система развитого социализма».[1] В обществоведении существует множество подходов к характеристике политической системы. Не вдаваясь в анализ политологической составляющей данного термина, укажем, что в историческом научном дискурсе под политической системой понимается совокупность государственных и общественных организаций, объединений, правовых и политических норм, принципов организации и осуществления политической власти в обществе.

Одним из основных элементов политической системы являются общественные организации. «Формируемые национальными интересами, социальными проблемами или потребностями отдельных граждан, они аккумулируют в себе инициативу, опыт людей, соединение которых способно стать значительной коллективной силой, привести к эффективным общественным действиям»[2] и являются «институционной сердцевиной гражданского общества».[3]

Первые работы об обществах и союзах, появившиеся еще в 1920-е гг., представляли собой небольшие брошюры и носили в основном инструктивный характер. В этот период шли активные терминологические поиски, осуществлялась отработка смысловой нагрузки вводимых понятий. Фактически складывалась концепция новой общественности и соответствующий ей категориальный аппарат. Соглашаясь с тем, что сам термин «общественные организации» является безусловным «советизмом» надо иметь в виду и его различное толкование по мере развития государства и общества.

В партийно-государственных документах 1920-х гг. встречаются различные термины, обозначающие гражданские объединения. В самых первых декретах ВЦИК и СНК РСФСР речь шла об «обществах» и «союзах». Наряду с ними одновременно использовались названия «вольные кружки», «массовые организации», «добровольные общества трудящихся», «общества и союзы, не преследующие целей извлечения прибыли» и др. Эти понятия часто смешивались, четкое представление о сути общественных организаций отсутствовало, что нередко приводило к смысловой неразберихе. Официально термин «общественные организации» принят был лишь в 1936 г. Конституцией СССР.

Смысл же новой общественности был определен властью гораздо раньше. Еще в конце 1920-х гг. нарком внутренних дел В.Н. Толмачев предложил подумать над названием для различных объединений граждан – «общества содействия социалистическому строительству». С небольшими дополнениями это объяснение сути общественной деятельности было закреплено в «Положении о добровольных обществах и союзах». В дальнейшем вопрос о понятии «общественные организации» в литературе не дискутировался, хотя очевидная его неразработанность осталась заметной в исследованиях историков и юристов. И лишь в 1970-1980-е гг. в трудах С.А. Солдатова, А.Д. Степанского, А.И. Щиглика, Ц.А. Ямпольской были предприняты попытки дать научное определение общественным организациям. Наиболее верно отражало сущность явления определение, данное в докторской диссертации Т.П. Коржихиной: «Общественные организации 1920-1930-х гг. – это организации общественной самодеятельности граждан, созданные в соответствии с их интересами, по их воле, на началах самоуправления, оформленные в соответствии с законодательством страны, участвующие в строительстве социализма, являющиеся составной частью политической системы общества переходного периода». К современным общественным организациям этот термин применим весьма условно, но вполне подходит по отношению к союзам и обществам 1920-1930-х гг.

Вопросы классификации общественных организаций также были предметом интереса, однако главной задачей было продемонстрировать богатство и разнообразие интересов, устремлений и увлечений граждан в социалистическом обществе. Конституция СССР 1936 г. давала следующую классификацию: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические, научные общества.[4] Несмотря на различные направления своей деятельности, эти союзы были объединены одной целью – строительство коммунизма.

Поэтому не удивительно, что история формирования молодежного движения излагалась в неразрывной связи с социально-политическими процессами в России, развитием рабочего и крестьянского движений. Обсуждались вопросы периодизации истории комсомола, отдельные проблемы истории некоммунистических объединений и организаций молодежи. Особое внимание уделялось деятельности комсомола по решению насущных политических, экономических и культурных задач.

Безусловно, литература 1920-х гг. имела определенные недостатки: иллюстративность, недостаточное осмысление используемых данных в связи с тем, что зачастую работы готовились к юбилейным датам, содержали элементы отчетности и не преследовали научные исследовательские цели. Однако это не снижает их значимости, поскольку в них закладывались оценочные сюжеты истории общественных организаций, а также ориентиры в формировании элементов системного исторического подхода.

К началу 1930-х гг. упрочилась однопартийная система с одновременным процессом огосударствления общественных, в том числе и молодежных, организаций. Как отмечают сегодня исследователи, тотальная идеократия представляла заданное видение событий, порождая искажения в их объяснении.[5] Для работ 1930 – начала 1950 гг. характерна категоричность оценок, восхваление «генеральной линии ВКП(б)». Это повлияло на освещение проблем, касающихся места и роли общественных организаций, так как в историографии окончательно утвердились концепции, связанные с абсолютизацией прогрессивности и закономерности огосударствления общественных организаций в целом.

Применительно к развитию историко-комсомольской литературы 1930-х – второй половины 1950-х гг. это вылилось в окончательное складывание комсомолоцентрической концепции развития молодежного движения, базирующейся, по существу, на установке, что молодежное движение в Советском Союзе в его современном виде является наиболее оптимальным вариантом реализации социальной активности молодых людей. Все некоммунистические сегменты движения лишались права на существование сначала на практике, а впоследствии и в литературе. История ВЛКСМ была сведена к своеобразному аналогу истории ВКП(б). Таким образом был создан весьма эффективный пропагандистский инструмент для воспитания молодежи СССР в духе полного и абсолютного единомыслия.

В целом за этот период не было издано сколько-нибудь значительных работ по проблеме. Деятельность комсомола рассматривалась лишь в контексте решения общегосударственных задач; различные аспекты проблемы «государственного руководства» молодежными общественными организациями в историографии были сведены к принятию директив, регулирующих социальную направленность их деятельности. Много внимания уделялось идейному воспитанию молодежи, так как это было, по сути, главной задачей этой организации. Деятельность других общественных организаций, в том числе и молодежных, рассматривалась эпизодически.

В целом, изучение истории молодежного движения выглядело как аналогия освоения советскими учеными «ленинской концепции партии нового типа». В многочисленных публикациях, так или иначе

касавшихся истории молодежного движения, неявно воспроизводился механизм изучения истории партии большевиков, каждый из элементов которого становился важным направлением исследовательской деятельности историков. Рассмотрению и изучению подлежали борьба партии большевиков за организацию молодежи, противодействие «ложным друзьям», III съезд комсомола как важная веха в его развитии, вклад В.И. Ленина в определение стратегических перспектив деятельности комсомола и т.д.

После XX съезда КПСС были сделаны первые шаги в преодолении откровенных искажений истории общественных организаций. Но отказ от сталинской по сути своей интерпретационной схемы не привел к качественным изменениям историографического процесса, поскольку по-прежнему сохранились и догматизм в теории, и одномерно-прямолинейный подход к восприятию исторического процесса, и жесткие рамки партийных директив, и идеологический контроль над исследовательской деятельностью.

Вместе с тем происходит существенная интенсификация историографического процесса, что выразилось в увеличении количества выпускаемой литературы, начавшейся разработке таких направлений как методология, историография, источниковедение, в открытии новых исследовательских центров; в подключении к освоению данной проблематики гражданских историков и других специалистов гуманитарного профиля.

Применительно к истории молодежных общественных организаций все эти новации вели к постепенным изменениям теоретико-методологических ориентиров в исторической литературе, хотя формально концептуальные подходы и оставались неизменными. При этом происходило обогащение исследователей новым фактическим и документальным материалом, получало распространение комплексное рассмотрение проблем истории общественного движения и отдельных его направлений, хотя пока еще под сугубо партийным углом зрения. Стала изучаться история отдельных организаций, ранее не входивших в круг обязательно исследуемых, а также национальные, социально-психологические, организационно-правовые, международные и иные аспекты данной проблематики. Результатом накопления новых историографических фактов стало постепенное приближение к более объективным представлениям об истории общественного движения в 1920-1930-х гг.

Так, например, появились оригинальные труды И.М. Ильинского, А.М. Королева, В.К. Криворученко, А.Я. Лейкина, М.М. Мухамеджанова, В.К. Перевалова, Б.А. Ручкина и других, где было продемонстрировано стремление к более глубокому и объективному анализу истории молодежных организаций. Стала прослеживаться тенденция к преодолению стереотипов анализа деятельности комсомола только как «резерва партии», рассмотрению процесса возникновения и последующего развития российского молодежного движения в контексте международного молодежного движения. Деятельность комсомола стала рассматриваться в неразрывной связи с социально-экономическим, культурным, общественно-политическим развитием всего российского общества; были предприняты попытки анализа общих тенденций и особенностей возникновения отдельных молодежных союзов и молодежных общественных организаций.

В этот период началось активное вовлечение в оборот местных документов. Достаточно обширный материал содержался в юбилейных сборниках, очерках, посвященных различным датам и событиям.

Появились работы сибирских исследователей А.В Александрова, О.Г. Байхаловой, Д.С. Башинова, Н.А. Ганзбург, К.В. Герман, Ц.М. Гэндэновой, Ю.Г. Дылыкова, Г.А. Дуриновой, В.А. Золотарева, М.Ф. Маханова, Л.Г. Олтаржевской, В.Г. Томилова, В.Г. Тюкавкина, Ю.В Шереметьевой, Д.А. Шикуло и других, посвященные изучаемой проблеме. Наиболее изученными являлись вопросы создания и укрепления молодежных общественных организаций, их деятельность по социально-экономическому и культурному преобразованию жизни. Рассматриваемые как помощники партии в деле строительства социализма, молодежные общественные организации, безусловно, анализировались через призму деятельности Коммунистической партии. Именно партийное руководство трактовалось как одно из непременных условий развития общественных организаций. Поэтому неудивительно, что периодизация развития молодежных общественных организаций определялась именно партийными решениями. В работах был сохранен формализованный узкоклассовый подход к изучаемым вопросам, что значительно повлияло на выводы исследователей.

Перелом в изучении истории общественных организаций наступил в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В этот период наблюдается процесс теоретического переосмысления вопросов зарождения и развития общественных организаций в СССР в целом и молодежных организаций в частности. В рамках этой проблематики определенный интерес возник и в целом к молодежной политике. Предметом самостоятельного изучения стали отдельные политизированные формирования молодежи.

В это же время появились и публикации, в которых подвергались критике старые концептуальные подходы. Впервые были выделены типичные недостатки прежней историографии истории молодежного движения: догматизм в восприятии ленинских идей относительно молодежного движения, неисторический подход к его произведениям, изображение В.И. Ленина как истины в последней инстанции, и, наконец, подвергся критике собственно «комсомолоцентризм» как результат подобного подхода. Вследствие отказа от «большевизации» истории А.А. Галаган, Р.Г. Гостев, В.В. Долгов, В.К. Криворученко, М.Ю. Крапивин и многие другие авторы указывали на необходимость изучения российского молодежного движения в единстве всех его составляющих и одновременно с этим как сложный, специфический и динамично развивающийся социальный институт. Совершенно верно было замечено, что комсомолоцентризм как признание исторической правоты лишь одного из направлений молодежного движения играет в исследовательской практике негативную роль и что история каждого из направлений движения может быть адекватно отражена лишь с позиций одинакового отношения к каждому из них.

Перестроечные изменения в политике потребовали пересмотра и переосмысления теоретических и методологических принципов исторических исследований, расширения источниковой базы, изменения научного инструментария.

В региональных исследованиях это проявилось в меньшей степени, но тем не менее наметился интерес к истории организаций, ранее не изучаемых, к пересмотру некоторых количественных характеристик. Наряду со старыми штампами и шаблонными формулировками в этих работах содержались уточненные данные, в меньшей степени анализировалась деятельность партии и, соответственно, больше внимания уделялось собственным проблемам развития общественных организаций, в том числе и молодежных.

Качественные изменения в историографическом процессе дали возможность исследователям сосредоточить свое внимание не только на организационной структуре различных союзов и объединений, но и на психологических, социокультурных, этических характеристиках их членов, различных политических ориентациях, принципиально изменив, таким образом, подход к проблематике.[6]

Однако ввиду сложности предмета исследования, прежде всего большого количества существовавших в 1920-1930-е гг. обществ и союзов, широты и многоплановости проблематики, тему нельзя считать исчерпанной. В литературе до сих пор нет общепринятой точки зрения на многие ключевые понятия, периодизацию истории молодежных общественных организаций, их классификацию и типологию.

В современных условиях, когда формирование гражданского общества является важным вектором развития России, роль молодежного и детского движения в механизмах реализации общественной активности молодежи трудно переоценить. В этой связи изучение опыта предыдущих поколений представляется особенно интересным.

Сноски

1. Конституция основной закон СССР. – М., 1977.

2. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е гг. – М., 2001. – С. 3.

3. Брэдли Дж. Добровольные общества в Советской России // Вестник МГУ. Сер. 8. История. – 1994. – № 4. – С. 34.

4. Советские Конституции: справочник. – М., 1963. – С. 266.

5. Павлова И.В. Интерпретация источников по истории Советской России 1930-х гг. (Постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 2.

6. Морозов Н.И. Историография молодежного движения в России, февраль 1917 г. – начало 1930-х гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2002.

Bibliography

1. The Constitution (the Basic Law) of the USSR. - M., 1977.

2. Ilina I.N. Public organizations of Russia in the 1920s. - M., 2001. - P.3.

3. Bradley J. Voluntary societies in Soviet Russia // MSU Vestnik.- Ser.8. - History. - 1994. - № - P. 34.

4. The Soviet Constitution. Directory. - M., 1963. - P.266.

5. Pavlova I.V. Interpretation of sources on the history of Soviet Russia in the 1930s. (Statement of the problem) // Humanitarian Sciences in Siberia. - 1999. - №2.

6. Morozov N.I. Historiography of the youth movement in Russia, February 1917 - the beginning of the 1930s. - Diss. Doct. Of Hist.Sciences, - M., 2002.

С.Б. Раднаева, канд. ист. наук, доц., e-mail: kadyaka@gmail.com
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 94(571.54)+342.26

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ: МИНИСТЕРСТВО ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЕЛАМ

В статье освещены основные направления деятельности министерства по национальным делам Дальневосточной республики в отношении национальных меньшинств.
***Ключевые слова**: национальная политика, Дальневосточная республика, национальные меньшинства.*

S.B. Radnaeva, Cand. Sc. History

GOVERNMENT DEPARTMENTS OF THE FAR EASTERN REPUBLIC: THE ETHNIC MINORITIES MINISTRY

The article highlights the main activities of the Ethnic Minorities Ministry of the Far Eastern Republic towards ethnic minorities.
***Key words:** ethnic policy, the Far Eastern Republic, ethnic minorities.*

Начало XX в. – сложный период в истории России: смена государственного строя, войны, социальные потрясения. На территории современной Восточной Сибири и Дальнего Востока было создано буферное государство – Дальневосточная Республика (ДВР), существовавшая в 1920-1922 гг. – невероятно короткий по историческим меркам период времени для целой страны. Но, тем не менее, сам феномен образования такого государства – суверенного, демократического с капиталистическим укладом – заслуживает особого внимания.

ДВР являлась многонациональным государством. Основная масса населения состояла из представителей титульной нации – русских. Остальные – автохтонное население (буряты, якуты, эвенки и другие малочисленные этнические группы (эвенки, тунгусы, самогиры и пр.)) и пришлое нерусское население (украинцы, татары, белорусы, евреи, поляки, корейцы, японцы, китайцы и пр.). Перед новой властью стояли жизненно важные цели – упрочнение своих позиций и обеспечение лояльности населения. Национальная политика могла стать одним из эффективных инструментов достижения этих целей.

На заседании правительства 27 декабря 1920 г. было принято решение о создании Министерства национальных меньшинств и туземных дел, которое должно было решать вопросы как собственно национальных меньшинств республики, так и малочисленных этнических групп.

27 апреля 1921 г. была принята Конституция Дальневосточной Республики, в которой национальным меньшинствам предоставлялись широкие права на автономию: в разделе IV «О национальных самоуправлениях» говорилось о том, что «всем туземным народностям и национальным меньшинствам на территории республики предоставляется право на широкое самоопределение, органы национального самоуправления в своей деятельности руководствуются законами республики, для контроля и руководства деятельностью органов национального самоуправления учреждается Министерство по национальным делам с соответствующими национальными отделами» [15. с. 26-27, с. 37].

Конституция ДВР гарантировала бурятам, как самому многочисленному коренному населению республики, право на территориальную автономию с правом местного самоуправления и законодательства, не противоречащего Основному закону.

Все остальные национальные меньшинства обретали культурно-национальную автономию, для реализации которой должны были быть созданы публично-правовые органы национального самоуправления, избираемыми всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием с применением пропорционального представительства. Такая автономия охватывала сугубо только культурную жизнь национальных меньшинств. Языком национально-культурных автономных объединений были признаны языки украинский, еврейский (идиш), корейский, татарский и т.д. Все мероприятия по реализации национальной-культурной автономии должны были финансироваться из государственного бюджета.

Малочисленным этническим группам никакой автономией не предоставлялось по причине их низкого уровня развития.

29 апреля 1921 г. законом Правительства ДВР было учреждено Министерство по национальным делам [3, с. 4]. Министром по национальным делам был назначен К.Я. Лукс, меньшевик, член Учредительного собрания, командующий войсками Читинского района (приказ Правительства № 77 от 4 мая 1921 г. [4, с. 4]). Заместителем министра стал Я.Я. Петрович, меньшевик, редактор ежедневной газеты «Наш голос» (газета временного центра Дальнего Востока и Читинской организации РСДРП).

К.Я. Лукс вступил в должность 8 июня 1921 г. Новое министерство начинало работу в крайне стесненных условиях. Не было ни помещения, ни квалифицированных сотрудников. Вот что писала по этому поводу газета «Наш голос»: «по разным причинам… по организации министерства ничего не сделано – нет ни помещения, ни одного сотрудника, ни, даже стола в чьем-либо чужом помещении» [10, с. 4]. К началу августа 1921 г. весь штат насчитывал 17 чел. [6].

Приступив к своим обязанностям 20 июня 1921 г., министр обратился ко всем гражданам нерусской национальности Дальневосточной Республики: «Учредительное собрание русского Дальнего Востока предоставило всем народностям Дальневосточной республики право на самостоятельную культурно-национальную жизнь. Каждая народность или племя имеет право самостоятельно решать все вопросы своей культурно-национальной жизни безо всякого давления со стороны государственной власти. Трудящиеся массы русского народа, взяв власть в свои руки, торжественно отказались от политики подавления и травли мелких национальностей, практиковавшейся во времена царизма и семеновщины. Отныне государственная власть сохраняет за собой лишь право общего руководства и контроля над своеобразием быта каждой народности, без которых немыслимо существование единого сильного государства, и право помощи и удовлетворения культурно-национальных нужд каждой из них…» [7].

У всех национальных и этнических групп республики министр запросил сведения (наименование организации, адрес, уставные документы, списки членов и должностных лиц пр.), а также пожелания и видения реализации национально-культурной автономии. К сожалению, большей частью обратной связи в оперативном порядке получить министерству в силу разных причин не удавалось.

К августу 1921 г. был подготовлен проект положения о министерстве, были созданы отделы: бурят-монгольский, мелких туземных народностей, украинский, тюрко-татарский, корейский, еврейский, разных народностей, были установлены связи с украинскими организациями Забайкалья, Амура (Благовещенск и Свободный) и Приамурья (Хабаровск), тюрко-татарскими организациями Читы, Верхнеудинска и др.

Одной из главных задач министерства была разработка органического закона о культурно-национальной автономии, гарантированной Конституцией для национальных меньшинств. Проект закона был разработан к декабрю 1921 г. Министерство также разрабатывало типовые временные положения о местных органах национального самоуправления украинцев, корейцев, евреев и тюрко-татар, которые должны были заниматься решением проблем культурно-национальной жизни и подготовить созыв учредительных национальных собраний.

Были образованы временные органы представительства тюрко-татар в Верхнеудинске и Чите и предоставлены права органов культурно-национальной автономии Благовещенскому и Хабаровскому тюрко-татарским обществам, украинским радам в Хабаровске, Свободном и Благовещенске, еврейским общинным советам в Благовещенске и Хабаровске, корейским советам в Приамурье и на Амуре, учреждены местные органы министерства – Амурский и Приамурский областные национальные отделы [8].

Значительный вклад министерство национальных дел ДВР внесло в решение проблемы возвращения бурят на родину с территории Монголии. Была создана особая межведомственная комиссия для организации содействия и ускорения возвращения в пределы ДВР бурят, живущих в Монголии (Монгольская комиссия) [2]. В ее задачи входило следующее: широкое оповещение всех живущих в Монголии бурят о предоставлении им возможности беспрепятственно и безопасно возвратиться на родину; всяческое содействие к их продвижению в пределы ДВР и ускорению этого процесса; оказание необходимой помощи возвращающимся как на территории ДВР, так и за границей; согласование мероприятий всех ведомств, прямо или косвенно касающихся переселенцев, и наблюдение за точным исполнением постановлений междуведомственного совещания Совета министров или Правительства о возвращении бурят.

Известный общественный деятель Г.Ц. Цибиков был уполномочен министерством национальных дел содействовать иммиграции бурят-монголов в пределах ДВР из внешней Халхаской Монголии, а также защищать интересы бурят-монгол Заононского района ДВР [9].

Комиссия выехала в Монголию 6 августа 1921 г., проводила там собрания и агитационную работу с бурятами, составляла списки бурят, согласившихся вернуться обратно, а также маршруты их возвращения.

Министерство по национальным делам принимало активное участие в урегулировании земельных споров между русским и бурятским населением. При непосредственном участии министерства по национальным делам 18 августа 1921 г. был издан закон «Об учреждении центральной правительственной комиссии по урегулированию земельных отношений между русским и бурятским населением» [5, с. 6]. Были созданы специальные межведомственные комиссии, которые на местах улаживали конфликтные земельные отношения.

Туземный отдел занимался вопросами малочисленного коренного населения республики. Были выделены четыре наиболее крупных района проживания автохтонов, в каждом из которых предполагалось создание представительств министерства по национальным делам. Так, представительства появились в г. Хабаровске, г. Благовещенске, на ст. Могочи и в Баунтовском ороченском районе в Прибайкалье.

После проведения районирования в соответствии с приказом министерства от 29 октября 1921 г. [16. с. 49] началось обследование районов проживания коренных народностей с целью установления численности малочисленного населения, проведения мониторинга и анализа социально-экономического положения аборигенов, а также выявления их нужд. Работа филиалов была затруднена условиями Гражданской войны, они не имели четких указаний и инструкций из центра, поэтому действовали несогласованно, а порой даже и вовсе утрачивали связь с министерством.

31 октября 1922 г. Министерством по национальным делам было издано «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории ДВР» [1, с. 70-73]. В положении декларировалось, что аборигены республики составляют особую группу народонаселения, равную в правах со всеми остальными гражданами ДВР, но отличную от них в образе управления. Согласно Временному положению все этнические группы, ведущие кочевой образ жизни, попадали в ведение Министерства по национальным делам, которое осуществляло надзор и руководство деятельностью органов самоуправлений коренного малочисленного населения. Положение освобождало аборигенов от несения воинской повинности как лично, так и виде особого налога, а также от обложения налогами общегосударственного значения, предоставляло им право самоуправления, согласно существующих у них обычаев, но при соблюдении правил Временного положения.

В целом, за период 1921-1922 гг. в отношении малочисленных коренных этнических групп была проделана следующая работа:

1) были разработаны научно-обоснованные точные маршруты по обследованию районов проживания малочисленных этнических групп. Научные экспедиции, запланированные на весну 1922 г., не состоялись из-за отсутствия средств;

2) проведено полное административное переустройство орочен Баунтовского района, других этносов (частично) в Приамурской и Амурской областях;

3) оздано новое представительство министерства по национальным делам в Зюльзе [18. с. 291];

4) началось информирование малочисленных этнических групп ДВР о задачах министерства и о необходимости созыва съездов для выбора органов местного самоуправления;

5) Министерство по национальным делам заключило договоры с Министерством внутренних дел о поставке оружия и боеприпасов Баунтовским ороченам;

6) организованы медико-санитарные пункты на Баунте, в Приамурье и на ст. Могочи, которые снабдили необходимыми медикаментами;

7) проводились мероприятия по открытию школ на средства местного населения;

8) разработано Положение о туземцах ДВР, что открыло новый период в гражданской жизни коренных малочисленных этнических групп, так как до этого времени политика в их отношении проводилась в соответствии с законом, принятым в 1822 г., и решениями ясачных комиссий 1925-1935 гг.

К концу 1921 г. в ДВР большевики решили пойти на разрыв коалиции с буржуазными партиями в правительстве. Появилась информация о возможных сокращениях, упразднениях и слияниях министерств. Встал вопрос о дальнейшей судьбе министерства по национальным делам.

С 12 октября по 3 ноября 1921 г. в Чите проходило первое национальное бурят-монгольское собрание. В выбранном вновь руководстве большинство заняли бурятские большевики, а председателем Президиума Бурмонавтоупра стал коммунист М.И. Амагаев, который вскоре занял пост и министра по национальным делам ДВР.

Бурят-монгольское собрание дало высокую оценку работе министерства и признало, во-первых, что, несмотря на то, что министерство создано поздно, тем не менее, оно выполнило огромную работу

в отношении бурят-монгольской народности; во-вторых, помогло Бурмонавтоупру успешно осуществить задачи, возложенные на него последним съездом представителей хошунов и аймаков; в-третьих, за все время своей работы министерство показало себя «как орган не только руководящий и контролирующий бурят-монгольские органы управления, но и как орган, понимающий все нужды и интересы бурят-монгольского народа и искренне их защищающий» [17. с. 4].

Собрание постановило, что деятельность Министерства национальных дел признается правильной и направлена «к искренней защите интересов и нужд бурят-монголов ДВР», Министерство национальных дел было признано одним из лучших завоеваний русской революции, отмечена необходимость, чтобы этот правительственный орган, специально предусмотренный Конституцией ДВР и работающий по улучшению жизни и защиты интересов и нужд малых угнетенных народностей, оставался и в дальнейшем, необходимость «поручить Центральному автономному управлению от имени бурят-монгольского народа всемерно защищать Министерство национальных дел от всякой попытки к его упразднению или к слиянию с другими министерствами» [17. с. 4].

Заместитель министра национальных дел Я.Я. Петрович заявил в своем интервью газете «Наш голос» следующее: «… мне достаточно хорошо известно беспокойство, охватившее малые народности при появлении слухов об упразднении миннацдела, чтобы заявить, что согласия национальных меньшинств на упразднение министерства, конечно, нет» [11. с. 3].

Я.Я. Петрович признавал, что нет необходимости в Министерстве по национальным делам в условиях установившейся демократии и окрепших органах национального самоуправления. Но в период становления государства такой правительственный орган просто необходим, так как «…тут и общие затруднения, тут и пережитки прошлых отношений к «инородцам», тут и совершенная новизна вдела, ибо в этой области мы не имеем испытанного опыта других стран. Поэтому эта работа на ближайший период времени несомненно требует существования самостоятельного, независимого от какого-бы то ни было другого ведомства, министерства».

Далее заместитель министра национальных дел обратил внимание на тяжелые условия работы. По его мнению, Министерство национальных дел – «пасынок среди других министерств». Также отмечал он положительные результаты работы: возвращение бурят из Монголии, увеличивающий значительно скотоводческие богатства республики. Деятельность министерства определила наметившийся процесс активного тяготения бурят, корейцев, украинцев к ДВР и это, по мнению Я.Я. Петровича, есть «в значительной степени результат политики Дальневосточной Республики по насущному вопросу, до сих пор практически связанной и осуществляемой самостоятельным министерством по национальным делам» [11. с. 3].

Газета «Наш голос» сообщает, что Министерство по национальным делами, состоящее из 23 чел. (министр, два его заместителя, канцелярия из 11 чел., 3 заведующих национальными отделами, 6 работников среди туземцев), полежит сокращению до трех человек. «Как три человека сумеют вести работу бурятскую, корейскую, еврейскую, украинскую, тюрко-татарскую, туземную? Как провести на местах организацию органов национально-культурного самоуправления?.. Совершенно очевидно, что такая реорганизация не только не создаст выхода их критического положения, а только усугубит его…» [19. с. 1].

19 декабря 1921 г. председатель Совета Министров ДВР П.Н. Никифоров (большевик) направил в адрес Дальцентра РСДРП(б) письмо, в котором говорилось о том, что политическая коалиция вредно отражается на хозяйственном строительстве страны, является причиной хронических политических конфликтов в Совете Министров. П.Н. Никифоров заявил, что не видит необходимости сохранять коалицию и считает, что «дальнейшее сотрудничество в правительстве может строиться только на деловом принципе с персональным, с моей стороны, приглашением» [12, с. 3]. После такого заявления министры-социалисты подали в отставку, среди них были министр финансов Б.М. Берлацкий, министр промышленности В.А. Анисимов, заместитель министра по национальным делам Я.Я. Петрович [12, с. 3]. Позже в отставку также подали министр земледелия Б.Ф. Тарасов (с.-р.), министр просвещения К.С. Штрейберг (н.-с.), министр национальных дел К.Я. Лукс, министр юстиции Е.А. Трупп и заместитель министра юстиции А.А. Виноградов (последние три находились в отъезде и заявления подали заочно) [13, с. 2].

Перемены в правительстве коснулись всех тех министерств, ключевые посты в которых занимали представители оппозиционных партий. Вакантные должности заняли коммунисты. Газета «Наш голос» в своей передовице замечает, что «опубликованный на днях примерный состав нового кабинета трудно подвести под персонально-деловой признак. Четко видна его политическая однородность, но насчет деловитости его как будто нарочно оставлено место для сомнений» [14. с. 1]. Таким образом,

меньшевики К.Я. Лукс и Я.Я. Петрович были уволены со своих постов (формально, согласно прошениям об отставке). Вместо них во главе министерства были поставлены коммунисты М.И. Амагаев и Н.А. Мер (в прошлом бундовец), вторым заместителем министра вскоре был назначен коммунист Н.А. Резников.

В дальнейшем, по мере большевизации ДВР национальное строительство приводилось во все большее соответствие с большевистской теорией и практикой решения национального вопроса в Советской России.

14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР приняло решение о самороспуске и воссоединении с Советской Россией. Постановлением ВЦИК от 16 ноября 1922 г. территория Дальневосточной Республики была объявлена составной частью РСФСР. Позже Западная и Восточная Бурят-Монгольские автономные области были объединены в единую Бурят-Монгольскую Советскую Социалистическую Республику. Демократическая Конституция Дальневосточной Республики была отменена, Министерство по национальным делам расформировано, его функции переданы Отделу туземных дел управления Дальревкома, отдел национальных меньшинств был ликвидирован.

Таким образом, Министерство по национальным делам ДВР осуществляло свою деятельность на протяжении 1921-1922 гг. Главной целью министерства была реализация конституционных прав национальных меньшинств на территориальную (для бурят) и национально-персональной (культурной) автономии (для евреев, украинцев, татар и корейцев).

Деятельность министерства можно разделить на два периода: первый – под руководством меньшевика К.Я. Лукса, который внес существенный вклад в работу министерства по его организации и налаживанию контактов с национальными общинами. В этот период закладывается фундамент реализации конституционных прав национальных меньшинств. Второй период – с декабря 1921 г. – большевистский. Новым министром по национальным делам был назначен коммунист М.И. Амагаев. Основной задачей министерства стало приведение национальной политики в соответствие с практикой национального строительства в Советской России, а также борьба с оппозицией – удаление нелояльных представителей национальных меньшинств из национальных общин и замена их на коммунистов. На наш взгляд, наиболее последовательной деятельность министерства была в отношении малочисленных коренных этнических групп, так как мероприятия, проводимые министерством, способствовали в первую очередь их социально-экономическому развитию и прогрессу.

Библиография

1. Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории ДВР // Вестник Д.В.Р. – 1922. – № 5-6.
2. ГАЗК. Ф. 16, оп. 1, д. 6, л. 14.
3. Дальневосточная республика. – 1921. – 6 мая, № 83 (271).
4. Дальневосточная республика. – 1921. – 6 мая, № 84 (272).
5. Дальневосточный телеграф. – 1921. – 25 авг., № 19.
6. Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России: документальная антология. Т. II. Дальний Восток. 1921-1922. Предисловие. – URL: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/24917
7. Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России: документальная антология. Том II. Дальний Восток. 1921-1922 – URL: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/24929
8. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны (1917-1922): автореф. дис. на соиск. уч. степени д-р ист. наук. – Томск, 2008. – 51 с.
9. НАРБ. Ф. 483, оп. 1, д. 14, л. 82.
10. Наш голос. – 1921. – 9 июн., № 47.
11. Наш голос. – 1921. – 1 дек., № 82.
12. Наш голос. – 1921. – 22 дек., № 90.
13. Наш голос. – 1921. – 24 дек. № 91.
14. Наш голос. – 1921. – 27 дек. № 92.
15. Основной Закон (Конституция) Дальневосточной Республики. – Чита, 1921.
16. Плотников М. Туземный вопрос // Вестник Д.В.Р. – 1922.
17. Труд. –1921. – 8 нояб., № 38.
18. Шулунов Н.Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919-1923 гг.) / Н.Д. Шулунов; под ред. П.Т. Хаптаева– Улан-Удэ, 1972. – 493 с.
19. Юстов Ф. Реорганизация или бюрократизация? // Наш голос. – 1921. – 10 дек., № 86.

Bibliography

1. Native Tribes Indwelling the Territory of the Far Eastern Republic Management Temporary Act. The FER Herald. - 1922. - № 5-6.
2. SAZR. Col. 15. Inv. 1. F. 6. P. 14.
3. The Far Eastern Republic. 1921. May, 6, № 83 (271)).
4. The Far Eastern Republic. 1921. May, 6, № 84 (272)).
5. The Far Eastern Telegraph. 1921 г. August, 25.
6. Nam I.V. Cultural-National Autonomy in the Russian History: Documentary Anthology. Vol. II. The Far East. 1921-1922. Preface. Available at: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/24917.
7. Nam I.V. Cultural-National Autonomy in the Russian History: Documentary Anthology. Vol. II. The Far East. 1921-1922. Available at: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/24929.
8. Nam I.V. Ethnic Minorities of Siberia and the Far East in the Revolution and the Civil War (1917-1922), 51 p. Diss. Doct. of Hist.Scien. Tomsk. 2008. – 51 p.
9. SABR. Col. 483. Inv. 1. F. 14. P. 82.
10. Our voice. – 1921. –June, 9. - № 47.
11. Our voice. – 1921. – December, 1, №82.
12. Our voice. – 1921. – December, 22, № 90.
13. Our voice. – 1921. – December, 22, № 91.
14. Our voice. – 1921. – December, 22, № 92.
15. The Organic Law (Constitution) of the Far Eastern Republic. Chita. 1921.
16. Plotnikov M, Native Tribes Issue. The FER Herald, 1922. H.49
17. Labour. – 1921. –November, 8. №38.
18. Shulunov, N.D. Formation of the Soviet National Statehood in Buryatia (1919-1923)/N.D.Shulunov; ed. P.T. Khaptaev. – Ulan-Ude. – 1972. – 493 p.
19. Yustov F. Reorganization or Bureaucratization? Our Voice. 1921. December, 10, № 86.

Д.Ц. Будаева, канд. полит. наук, доц., e-mail: darb@rambler.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
Н.Ц. Хантургаева, канд. социол. наук, доц., e-mail: vsgtu.hnc@yandex.ru
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УДК 908

ТРАДИЦИИ ТОЛЕРАНТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ БУРЯТИИ

В статье рассмотрены факторы, повлиявшие на формирование традиций толерантного взаимодействия народов Бурятии. К числу основных факторов отнесены: адаптация к суровым природно-климатическим условиям, взаимообмен хозяйственно-бытовыми навыками и ценностными ориентациями, социальная структура переселенцев, политика государства. Авторами сделан вывод о необходимости сохранения традиций в современных условиях.

Ключевые слова: *межэтнические отношения, Бурятия, толерантное взаимодействие, заимствование, сотрудничество.*

D.Ts. Budaeva, Cand. Sc. Political, Assoc. Prof.
N.Ts. Khanturgaeva, Cand. Sc. Sociology, Assoc. Prof.

TRADITIONS OF TOLERANT INTERACTION BETWEEN THE BURYAT PEOPLE

The article considers the factors that influenced the traditions formation of the tolerant interaction between the peoples of Buryatia. Among the main factors are: adaptation to severe natural and climatic conditions, interchange of economic and household skills and value orientations, social structure of immigrants, the state policy. The authors concluded that it was necessary to preserve traditions in modern conditions.

Key words: *interethnic relations, Buryatia, tolerant interaction, adoption, cooperation.*

Бурятия относится к числу тех регионов, где, несмотря на актуальность почти всех социально-экономических проблем (депрессивность экономики, резкая имущественная дифференциация семей, усиливающийся отток населения, рост безработицы, ухудшение социального самочувствия людей, распространение девиантного поведения и т.д.), сохраняются и развиваются традиции толерантного

взаимодействия народов. На наш взгляд, важной причиной сохранения и развития межэтнической толерантности служит жизнеспособность традиций взаимоуважения, основы которых были заложены столетия назад.

Первоначальным толчком формирования межэтнической толерантности послужили активное обоюдовыгодное межэтническое сотрудничество, широкий взаимообмен хозяйственно-бытовыми навыками и ценностными ориентациями, играющими позитивную роль в формировании основ межэтнической толерантности. Так, русские первопроходцы, прибывшие в Байкальский регион, столкнулись с экстремальными природно-климатическими условиями, создавшими серьезные препятствия на пути простого переноса сложившихся традиций земледелия, присущих северным провинциям европейской части России. Доминирование среди первопроходцев выходцев из поморских областей европейской части России во многом обусловлено тем, что из-за неприсоединения Казанского ханства путь в Сибирь шел через Северную Двину и Печору.

Трудности адаптации к суровым природно-климатическим условиям создали угрозу самой жизни не только незащищенным слоям первопроходцев (стихийным мигрантам, ссыльным и другим категориям граждан, не имевшим продовольственную поддержку со стороны государства), но и военно-служилым людям, получавшим хлебное довольствие. Однако большая удаленность от метрополии, недостаточное внимание со стороны правящего руководства, занятого организацией более важных дел (в том числе и военных), зачастую приводили к большим перебоям продовольственного снабжения. Об этом говорят донесения военно-служилых людей: «…государеву службу служили и ясак собирали, но и рыбу ловили, и сосну, и корень, и траву ели» [6, с. 57].

Данная проблема вынудила первопроходцев к заимствованию у аборигенного населения навыков жизнеобеспечения. Так, П.С. Паллас писал, что «русские разводят овец и коз местной породы» [11, с. 227]. Н.М. Ядринцев указывал, что русские в целях собственного выживания много позаимствовали у местного населения Сибири [13, с. 183]. По мнению А.А. Макаренко, русские, чтобы физически выжить, заимствовали у аборигенов Сибири испытанные задолго до их прихода методы охотничье-промысловой деятельности [8, с.16]. Сведения об адаптации мигрантов к экстремальной природно-климатической и к иной социокультурной среде путем заимствования у аборигенного населения навыков жизнеобеспечения встречаются в работах Ф.А. Кудрявцева, О.В. Бураевой и многих других ученых.

Заимствование русскими первопроходцами жизнеобеспечивающих видов деятельности местного населения способствовало формированию устойчивой продовольственной базы и, соответственно, сыграло неоценимую роль в их выживании в экстремальных природно-климатических условиях. Именно этот фактор сыграл огромную роль в снижении травматического стресса, связанного с изменением среды обитания и социального окружения. Эти процессы заложили основы толерантного отношения русских к бурятам и сыграли большую роль в закреплении русских на восточных рубежах страны. На этапе первоначального заселения русскими территории Байкальского региона задача закрепления первопроходцев на восточных границах России относилась к числу важных государственных задач, направленных на отстаивание геополитических интересов страны. Данная задача продолжает находиться в эпицентре государственной политики современной России, поэтому вопросы, относящиеся к различным аспектам этой многогранной проблематики, безусловно, являются актуальными.

В формировании и развитии межэтнической толерантности большую роль сыграла значительность удельного веса пашенного крестьянства, ссыльных, беглых, которые состояли из бедняков и мечтали улучшить свое материальное положение на новых землях. В значительной мере именно эти группы населения, будучи обездоленными и гонимыми, не выказывали чувства превосходства над местным населением. Они понимали, что во многом благодаря заимствованию у местного населения навыков жизнеобеспечения сумели сохранить свою жизнь. Заимствование первопроходцами жизнеобеспечивающих видов деятельности местного населения привело к ослаблению среди них действия закона первичности, в соответствие с которым то, что хорошо усвоено, привычнее и лучше, чем новое и неизведанное, и к формированию позитивной установки по отношению к аборигенному населению [5, с. 85].

А.О. Бороноев, характеризуя эту особенность освоения Сибири, пишет: «с самого начала колонизации была определяющей земельно-областническая идеология, что определялось вольным характером освоения без поддержки властей, без государственных услуг. Государственно-политическая система отстала от процесса вольного заселения и для нее почти до начала XX в. она оставалась далекой окраиной. Колонизация Сибири осуществлялась людьми, которые бежали от государственной власти, преследований, и это определило во многом идеологию ее развития… Сложившийся демократизм социальных отношений в Сибири определил черты характера населения, а также систему уровней и характера взаимоотношений людей» [2, с. 28].

Позитивная установка русских первопроходцев, направленная на заимствование жизнеобеспечивающих видов деятельности, привела к заимствованию у аборигенного населения ценностей их духовного мира. А.П. Щапов, собрав большой фактический материал о жизни людей, проживающих в Байкальском регионе, сделал ряд серьезных выводов: русские стали больше животноводами, нежели пашенными крестьянами; русские и в умонастроении стали походить на бурят [12, с. 119]. Эти выводы А.П. Щапова говорят о том, что в результате взаимодействия изменилась совокупность норм и ценностей русского населения и среди них стала доминировать региональная ментальность. А.А. Макаренко, описывая формирование у русских местной (региональной) ментальности писал, что они заимствовали много суеверий, соблюдали местные традиции [8, с. 17].

Говоря о взаимовыгодном сотрудничестве, особое внимание необходимо уделить вопросам заимствования бурятами культурных ценностей и хозяйственно-бытовых традиций русского населения. Так, буряты до прихода русских сеяли только крупяные культуры (в основном просо). Этим видом деятельности преимущественно занимались малообеспеченные слои бурятского общества, проживающие в Прибайкалье и Предбайкалье, в частности на реке Оке [9, с. 290].

С приходом русских бурятское хлебопашенное земледелие, по мнению Е.М. Залкинда, «реальным фактом становится уже в первой половине XVIII в.» [7, с. 28]. Развитие хлебопашенного земледелия среди бурят было вызвано рядом причин, к числу которых относится необходимость обеспечения жителей Восточной Сибири хлебом. Поэтому правительство России стало инициировать развитие хлебопашенного земледелия среди бурят. Так, в 1792 г., по настоянию императрицы Екатерины II, к хоринским бурятам для обучения ведению хозяйства прибыли наставники земледельческих видов деятельности [4, с. 83]. В первой половине XVIII в. «некоторые Селенгинские буряты уже начали пахать пашни» [7, с. 32]. В конце XVIII – начале XIX в. была заложена основа для развития хлебопашенного земледелия в большинстве бурятских ведомств [7, с. 35]. Этому способствовало освоение бурятами земледельческих знаний и навыков русских. Например, усвоение бурятами народного агротехнического календаря и примет русских [10, с. 88]. Буряты постепенно освоили весь производственный цикл хлебопашенного земледелия, а также стали активно использовать земледельческие орудия труда (сохи, серпы и т.д.).

Определенную роль в развитии земледелия среди бурят сыграло принятие ими православной религии. Семьи крещеных бурят, пусть даже мононациональные, оседали в русских селениях, особенно в монастырских вотчинах, и там занимались земледельческим трудом. Например, в 50-70-х гг. XVIII в. в вотчинах трех монастырей (Хилокского, Тимлюйского, Кударинского) насчитывалось 529 душ крестьян, среди которых 22 чел. относились к категории крещеных бурят [3, с. 58]. Они занимались земледелием, монастырские вотчины играли ведущую роль в хлебопашестве. В первой воловине XIX в. завершается процесс окрестьянирования оседлых бурят [7, с. 41].

Бурятское население, перенимая навыки хлебопашенства, заимствовало у русских и соответствующую терминологию. В разговорную речь бурят прочно вошли русские слова, связанные с производством и потреблением продуктов земледелия. Несомненно, крещенные окрестьяненные оседлые буряты были основными проводниками хлебопашенного земледелия. Развитие среди бурят хлебопашенного земледелия привело к заимствованию у русских методов строительства мельниц. По мнению Е.М Залкинда, «буряты содержали немалое количество мельниц, в основном водяных» [7, с. 82]. Заимствование бурятами земледелия привело к изменению типа жилья, которое называют «второй природой». Тип жилья влияет на хозяйственный уклад жизни и в то же время зависит от него. В быт бурятских семей начали входить многие инструменты (тесло русского образца, рубанки, топор) [1, с. 7], а также разная продукция мануфактуры (зеркальца, нитки, украшения, мужская одежда русского фасона и т.д.) [3, с. 67]. Прочно вошли в обиходную речь бурят термины, относящиеся к одежде европейского фасона. Большую роль в изменении уклада жизни бурят сыграло заимствование бурятами транспортных средств – более усовершенствованных саней, колесных повозок (двуколок, обычных крестьянских четырехколесных телег и т.д.). Эти и другие процессы, происходящие в бурятском обществе, привели к формированию и развитию у бурят позитивной установки к вновь прибывшим соседям, а также обеспечило переход бурят к новому способу жизнеобеспечения, основанному на земледелии.

Следует отметить, что двусторонний и взаимовыгодный обмен русских и бурят основными навыками жизнеобеспечения и ценностными ориентациями привел к снятию межэтнического напряжения. Это, на наш взгляд, обусловлено общими человеческими потребностями, независимо от этнической принадлежности. Поэтому люди, оказавшиеся в одинаковых природно-экономических условиях, в целях выживания вынуждены опираться на все разумные способы ведения хозяйства, присущие именно данной экологической зоне, независимо от того, каким народом эти способы ведения хозяйства открыты и практикуются.

Революционные события XX в. изменили социальную структуру общества, но традиции толерантности в межэтнических отношениях были сохранены. Кроме того, советская идеология, опиравшаяся на пропаганду дружбы народов с целью формирования единой общности «советский народ», способствовала сглаживанию напряженности между народами. Политика продвижения национальных кадров также способствовала сохранению стабильности в регионе. Несомненно, традиции толерантного взаимодействия следует сохранять и развивать в сегодняшней России.

Библиография

1. Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят. – Новосибирск, 1997.
2. Бороноев А.О. Сибирский менталитет: содержание и актуальность исследования // Проблемы сибирской ментальности. – СПб., 2004.
3. Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII в. – середине XIX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
4. Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1995.
5. Гатанов Ю. Цивилизационный выбор. Группообразование: свои и чужие. Позитивное пограничье культур // DEBATY IBI AL – Цивилизационный выбор и пограничье. – Warszaba, 2011. – T. IV.
6. Евдокимова С.В. Из истории заселения русскими Прибайкалья и Забайкалья // Русские в Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002.
7. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII в. – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1970.
8. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск, 1993.
9. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. – М.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1937.
10. Островский И.В. Сельскохозяйственные навыки сибирского крестьянства в период империализма. – Новосибирск: Наука, 1985.
11. Паллас П.С. Путешествие по Сибири к востоку лежащей даже и до самой Даурии // Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1788. – Ч. III, пол. I.
12. Щапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Собр. соч., доп. т. – Иркутск, 1937.
13. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1891.

Bibliography

1. Badmaev AA Handicrafts of the Agin Buryats / AADadmaev. Novosibirsk, 1997.
2. Boronoyev A.O. Siberian mentality: the content and relevance of the study / AO Boronoyev / / Problems of the Siberian mentality. SPb., 2004.
3. Buraeva O.V. Economic and ethnocultural ties of Russians, Buryats and Evenks in the 17th century. - the mid-nineteenth century. / O.V. Buraev. - Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS. 2000.
4. Buryat Chronicles, - Ulan-Ude, 1995.
5. Gatanov Yu. Civilization choice. Group formation: their own and others'. Positive borderlands of cultures / Yu. Gatanov // DEBATY IBI AL - Civilization choice and borderland. Warszaba. 2011. T. IV.
6. Evdokimova S.V. From the history of settling by the Russians of Pribaikalye and Transbaikalia / S.V. Evdokimova // Russian in Buryatia. - Ulan-Ude: Buryat Publishing House. State. University, 2002.
7. Zalkind E.M. The social structure of the Buryats in the XVIII century. - the first half of the XIX century. / E.M. Zalkind.M .: Science, 1970.
8. Makarenko A.A. Siberian folk calendar / AA Makarenko. - Novosibirsk, 1993.
9. Okladnikov A.P. Essays from the history of the western Buryat-Mongols / A.P. Okladnikov. - Moscow: OGIZ Sotsakgiz, 1937.
10. Ostrovsky I.V. Agricultural skills of the Siberian peasantry in the period of imperialism / I.V. Ostrovsky. - Novosibirsk: Science, 1985.
11. Pallas P.S. Journey through Siberia to the east lying even to the very Dauria / PS Pallas // Travel to different provinces of the Russian state. St. Petersburg, 1788.C.III, floor.I.
12. Shchapov A.P. Historical and geographical and ethnological notes on the Siberian population. / AP Shchapov // Collected Works. Op., Ext. T. - Irkutsk, 1937.
13. NM Yadrintsev Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical relation / N.M. Yadrintsev. St. Petersburg., 1891.

Нямдагийн Ганбат, канд. ист. наук
Институт истории МАН
Б.Д. Цыбенов, канд. ист. наук, доц., e-mail: bazar75@mail.ru
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
г. Улан-Удэ

УДК 94 (571.1/5) + (517.3)

СИБИРЬ И МОНГОЛИЯ: ПОЗИЦИЯ КИТАЯ

Статья посвящена краткому освещению трех вопросов: российской колонизации Сибири, активизации политики Цинской империи в отношении Монголии в начале XX в. и рабочей китайской эмиграции в Сибирь и Монголию.

Ключевые слова: *Сибирь, Монголия, Россия, Китай, отношения, политика.*

Nambahin Ganbat, Cand. Sc. History
B.D. Tzybenov, Cand. Sc. History, Assoc. Prof.

SIBERIA AND MONGOLIA: CHINA'S POSITION

The article is devoted to three issues: the Russian colonization of Siberia, the activation policy of the Qing Empire against Mongolia in the early twentieth century and the working of the Chinese emigration to Siberia and Mongolia.

Key words: *Siberia, Mongolia, Russia, China, relations, politic.*

С древних времен кочевники, проживавшие на территории современной Монголии, были знакомы с Сибирью и населяющими ее народами. Мир-системные связи монгольского мира не обходили стороной и сибирские земли. Как отмечает Б.В. Базаров, «значительная часть земель, ныне входящих в Восточно-Сибирскую окраину Российской Федерации в тот период считалась периферией политического мира Восточной Азии, придатком настолько естественным, что никто не считал необходимым прислушиваться к развитию политического и социального процесса в этих «диких» лесостепных зонах, пребывая в полной уверенности их зависимого положения» [1, с. 42]. В новое время Русское государство, расширяя свои восточные рубежи, начинает осваивать сибирские территории. Какими были представления о Сибири в Русском государстве конца XVI – начала XVII в.? К тому времени оно сосредоточило военно-политические усилия только на Западном направлении. Сибирь, Дальний Восток и тем более Китай не рассматривались в Русском государстве как источники возможной опасности. Эти земли слыли бескрайними, безлюдными, но чрезвычайно богатыми. У Русского государства в XVII в. не было ни сил, ни средств, ни даже политической воли и решимости заниматься Востоком. Поэтому процесс освоения и колонизации Сибири и Дальнего Востока шел крайне медленно и во многом неэффективно. И лишь с начала XVIII в. Российская империя стала вести активную политику освоения и колонизации южных и восточных земель. Туда стали снаряжать научно-исследовательские экспедиции, как с разведовательными, так и с другими целями. До этого времени в освоении Сибири первопроходцами были отшельники из числа старообрядцев, а следом за ними появляются политические ссыльные и особо опасные уголовные преступники. Старообрядцы, или как еще их называют «староверы», были гонимы правительством и церковью. Большое количество приверженцев старой веры свело счеты с жизнью путем самосожжения. Исследователи до сих пор выясняют причинно-следственные связи «самоубийственных смертей» с идеологическими, эсхатологическими взглядами старообрядцев [7, с. 405-410]. Некоторые старообрядцы предпочитали углубиться в тайгу, периферию, и там они вели уединенный и обособленный образ жизни. И чем больше расширялись владения России, тем дальше уходили старообрядцы, стараясь быть вдали от всего. Таким образом, они невольно становились первопроходцами и колонизаторами Сибири. Основными же первопроходцами Сибири были казаки, чье продвижение в начальный период носило спонтанный и стихийный характер. За короткий период времени оно приобрело характер продуманной политики освоения Российским государством огромной территории [1, с. 44].

По мнению ряда российских и зарубежных исследователей, вторая половина XIX в. в России явилась завершающим этапом колонизации южных и юго-восточных земель. Поскольку раньше бытовало мнение, что «только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря», заселенные старообрядцами и первопроходцами земли автоматически становились владениями России. С этого периода Российское правительство начинает проводить новую политику

по отношению к Сибири. В связи с присоединением южной части Казахстана и Средней Азии, закреплением за Россией Забайкалья, Приамурья и Приморья положение на южной и восточной границах стабилизируется.

Российская и Цинская империи обоюдно стремились к расширению своих территорий и укреплению позиций в Азии. В связи с ослаблением Цинской империи все яснее обозначилась роль Внешней Монголии как буферной зоны. В начале XX в. развернулась борьба за контроль над этой важной, с точки зрения геополитики, территорией. Эта борьба привела к установлению российского протектората над Урянхайским краем (Тувой) в 1914 г. Этот протекторат не был оформлен каким-либо международным актом и стал специфичным явлением. Он способствовал фактической централизации местной власти, повышению роли Амбын-нойона [6, с. 183].

В этот период на востоке несколько столетий «спавшая» Поднебесная была объектом экспансий и геополитических игр: от завоевания монголами до японской экспансии в 1930-х–1940-х гг. «Проснувшийся» Китай быстрыми темпами стал подниматься до статуса мировой державы, что наиболее отчетливо можно было наблюдать в последнее десятилетие XX в. Выход Китая на современную политическую арену изменил всю геометрию международных отношений. Поднебесная превратилась в важнейший фактор, способный влиять как на геополитическое положение сопредельных стран, так и на их внутреннее положение.

После русско-японской войны и заключения Портсмутского мира, Цинская империя открыто вступила в политическую борьбу с Россией, ей был предъявлен ультиматум. Чтобы лишить Россию особого положения в Монголии, Цинская империя ужесточает приграничный режим, поскольку к этому времени Монголия считалась периферией Цинской империи. Китайские власти принимают следующие меры:

1. Монголов, живущих в приграничной полосе, оттеснить и заменить китайским населением (эта мера не могла не повлечь наплыв колонистов из внутренних районов Китая. В 1911 г. в Урге и в Маньчжурии открывается колонизационное бюро – *авт.*).

2. Открытие торгово-промышленного банка в Монголии. Целью этого банка являлось заполнение Монголии китайским товаром, а также развитие промышленности, торговли и земледелия. Считалось, что данная мера будет способствовать скорейшему поселению китайских колонистов и заселению монгольских земель. В 1909 г. в Монголии насчитывалось 20 тыс. китайцев, в 1910 г. их численность достигла 100 тыс. чел. только в одной Урге [5, с. 360; 2, с. 47].

3. Передислокация воинских частей из внутренних районов Китая в северную часть Монголии (порядка десяти батальонов, укомплектованных из мобилизованного населения провинции Цзилинь и Маньчжурии). Китайское военное министерство по этому поводу писало: «...для обеспечения охраны границы правительство признало необходимость монгольской армии. Для исполнения этого в княжество Чжеримского сейма вскоре прибудут офицеры, получившие новейшее образование. С их помощью будут сформированы штабы и кадры новых войсковых частей, а в каждом княжестве будут открыты военные школы...» Имелся также проект о реорганизации Чжеримского сейма в провинцию, для оживления промышленности и ограждения его от иностранцев. Согласно вышеуказанному проекту, предполагалось построить железную дорогу Таонаньфу-Жэхэ, однако средств на строительство не было.

4. Был составлен проект строительства железной дороги из Китая в Монголию. Он имел два пункта: а) Калган –Урга (протяженностью 1.463 верст); б) Лянь Шаньван – Айгун (другое название: американский проект железной дороги Циньжоу – фу – Айгунь).

5. Требования Ургинского амбаня: увеличение таможенных пошлин; увеличение войсковой охраны против шпионов и внешних врагов (здесь имеется ввиду от российских – *авт.*); почет (условный) и ухаживание Богдо-гэгээна (и хутагт); добыча горнорудных богатств силами китайских рабочих (с 1912 г. начинает работать шахта в Налайхе, где в основном были китайские рабочие – *авт.*); твердый пограничный режим, устраняющий любые попытки захвата со стороны России.

6. Был принят ряд мер по ограничению российского влияния на монгольское население в таких округах как в Кобдосский и Алтайский, также был введен запрет на перекочевки монголов в российские пределы.

7. Усиленное вытеснение русских и русской торговли из Монголии.

Помимо этого, в Восточной Монголии был введен также запрет на торговлю с русскими купцами и торговцами. Монгольское население не имело права вступать в торговые отношения с русскими, продавать им скот и продукты скотоводства. Ургинский амбань прямо запрещал князьям заключать с русскими как торговые сделки, так и отношения по любым другим вопросам. Нарушение данного

запрета строго каралось, однако местные жители и аристократическая верхушка Монголии тайно продолжали торговые отношения. Это касалось не только сенокоса, перекочевок на сопредельную территорию, имеющих большое значение для приграничного населения. В архивных материалах Центрального государственного архива Монголии содержится интересный документ, свидетельствующий о нарушении вышеупомянутого запрета. Согласно ему, один из крупных чиновников, ведавших делами Урги – Санзайдорж, был обвинен и отстранен от должности за тайную торговлю с русскими торговцами. Он был наказан ссылкой в Пекин, и некоторое время жил при дворе цинского императора, поскольку приходился ему родственником.

Таким образом, Китай в начале XIX в., активно развивая антироссийскую политику, начинает оказывать ощутимое давление на Монголию. Она как нельзя лучше подходила для претворения в жизнь этой цели, в качестве своеобразного плацдарма. С этого времени начинается явное соперничество между Россией и Монголией за овладение этим стратегически важным плацдармом. В ходе длительного соперничества, которое велось как открыто, так и тайно, две великие державы как бы разделили между собой право владения данным плацдармом: если Россия больше имела влияние на политику, то Китай влиял на экономику Монголии (и в настоящее время он сконцентрирован на монгольской экономике – *авт.*). По мнению современных китайских специалистов, Монголия старается избегать излишнего влияния России и Китая в политике, однако в сфере экономики по-прежнему много значат для Монголии отношения с южным и северным соседями [4, с. 13].

Таковы наши наблюдения, касающиеся Сибири, положения Монголии в начале XX в. и позиции Китая по отношению к Сибири и Монголии.

Обратимся теперь к вопросу: какова современная позиция Китая? Для этого проведем в самых общих чертах краткий обзор особенностей современной политики и экономики Китая.

В связи с высокими темпами экономического развития (около 10% прироста ВВП в год, начиная с 1980-х гг.) КНР все острее ощущает дефицит ряда важнейших природных ископаемых: угля, железной и медной руды, сырья для получения алюминия, удобрений и т.д. Китай вынужден импортировать железную руду, лом черных и цветных металлов, удобрения и т.п. Особенности экономического роста Китая: ограниченность природных ресурсов, огромный людской потенциал и низкая стоимость рабочей силы; планомерное государственное регулирование инвестиций и развития экономической сферы жизни общества; освоение высоких технологий, динамично растущего экспортного потенциала; самый крупный в Евразии рынок; ускоренное наращивание военной мощи; негативное воздействие на глобальную экологическую обстановку.

Помимо высокого темпа экономического развития, современный Китай столкнулся со множеством проблем. Одной из них является безработица. Авторы тезиса «демографического империализма» У. Гуогуан и Ван Чжаоцзюнь в книге «Китай после Дэн Сяопина: десять сущностных проблем» выделяют следующее: «... любой стране мира будет угрожать крах, если хотя бы 10% китайцев устремятся за пределы своей страны...» [3]. Монголия для китайских безработных была и будет выглядеть райским уголком, где можно хорошо подзаработать. В СМИ России и Монголии, а также в других зарубежных изданиях отмечают неприхотливость китайцев в еде и условиях жизни, то же касается и зарплаты. На самом деле, заработная плата китайских рабочих не такая низкая, как пишут в различных источниках. Согласно проведенному опросу, если простой каменщик за один рабочий день получает 100 юаней (1 юань равняется около 280 монгольским тугрикам), то мастер или специалист не возьмется за работу ниже планки в 200 юаней. Для большинства китайских гастарбайтеров в суточную зарплату не входят питание и оплата жилого помещения. Зададимся теперь вопросом: «сколько получает монгольский рабочий, исполняющий такую работу?» Монгольский строитель за один рабочий день получает от 16 до 20 тыс. тугриков. Если рабочий-китаец получает трехразовое питание за счет работодателя, монгольский рабочий – только сумму на одноразовое питание и проезд на общественном транспорте.

Заглянем в глубь истории. Еще с хунского времени внимание простых земледельцев Китая влекло государство, находившееся на территориии нынешней Монголии. Здесь жизнь была тихой и привольной, с населения, можно сказать, почти не взымался налог. Если оседлое население без каких-либо затяжек сдавало налог, то хунны оставляли их в покое. Конечно хунны, как пишут китайские летописцы, были настоящей «головной болью», их набеги и своеволие в приграничных зонах влекли за собой опустошение и разгром. Но это уже другой вопрос.

Теперь зададимся вопросом: в каком положении находятся современные китайские рабочие эмигранты в Сибири и на Дальнем Востоке? Как и в других странах, китайские гастарбайтеры в Сибири стремятся не привлекать к себе внимания местной администрации и других властных структур,

держатся тихо и обособленно. Если китайцы, работающие в Монголии, в основном заняты в строительстве, то китайцы, едущие на работу в Сибирь, в большинстве своем трудятся в лесдобывающей отрасли, на лесопилках, располагающихся в глухой тайге, и на разных строительных объектах.

Российско-китайские отношения были объектом исследования многих ученых разных стран, по всем аспектам двустороннего взаимодействия написаны серьезные научные работы. Так, в своем труде, посвященном российско-китайским отношениям, исследователь Би Аонань отмечает, что «российско-китайские отношения нестабильны и курс внешней политики обеих стран ошибочен, что в конечном счете приводит к причинной зависимости. Помимо этого, указанные факторы влияют на международную ситуацию и взаимоотношения между великими державами. Эта нестабильность обусловлена и находит свое отражение в изменениях, происходящих во внутренней политике наших стран ...» На этот счет имеется и другое мнение о постепенном выравнивании дисинхронизации российско-китайских взаимосвязей. Развитие Монголии, в свою очередь, зависит от взаимоотношений между двумя соседними государствами, но это не мешает ей продолжить формирование долгосрочной и устойчивой модели развития.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ – Министерства образования и науки Монголии (МОНМ) в рамках научно-исследовательских проектов № 15-21-03006 «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX-XXI вв.».

Библиография

1. Базаров Б.В. Монгольские народы: исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII-XXI вв. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2014. – № 4 (16) – С. 40-53.
2. Дэмбрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX века. – Иркутск: Оттиск, 2002.
3. Кумарбекова Э. Геополитические доктрины Китая [электронный ресурс] // http://www.enu.kz (дата обращения: 03.03.2017).
4. Ли Цзяньмин. О состоянии трехстороннего сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность / под науч. ред. А.П. Суходолова, Т.Г. Озерниковой. – М., 2016. – С. 11-18.
5. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ / отв. ред. Б.В. Базаров, науч. ред. Л.В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 624 с.
6. Монгуш С.-А. Д. Урянхайский край – административно-территориальная единица с особым статусом // Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летнему юбилею Тувинского гос. ун-та. – 2015. – С. 183.
7. Шумилов А.В. Самосожжения старообрядцев Урала и Сибири в XVII-XVIII вв. как форма социального протеста // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. – Иркутск, 2014. – С. 405-410.

Bibliography

1. Bazarov B.V. Mongol'skienarody: istoricheskiiopytvzaimodeistviianarodov i tsivilizatsii XVII-XXI vv. // VestnikBuriatskogonauchnogotsentra SO RAN. 2014. № 4 (16) – P. 40-53.
2. Dembrel K. VliianiemezhdunarodnoisredynarazvitieMongolii: sravnitel'nyianaliz v istoricheskomkontekste XX veka. Irkutsk, 2002.
3. Kumarbekova E. GeopoliticheskiedoktrinyKitaia [elektronnyiresurs] // http://www.enu.kz. Data obrashcheniia: 03.03.2017.
4. Li Tszian'min. O sostoianiitrekhstoronnegosotrudnichestvamezhduKitaem, Rossiei i Mongoliei // Razvitierossiisko-kitaiskikhotnoshenii: novaiamezhdunarodnaiareal'nost' / pod nauch. red. A.P. Sukhodolova, T.G. Ozernikovoi. 2016. - P. 11-18.
5. Mongol'skienarody: istoricheskiiopyttransformatsiikochevykhsoobshchestv / otv. red. B.V. Bazarov, nauch. red. L.V. Kuras. Irkutsk, 2016.624 p.
6. Mongush S-A. D. Uriankhaiskiikrai – administrativno-territorial'naiaedinitsa s osobymstatusom // Sbornikmaterialovmezhdunarodnoinauchno-prakticheskoikonferentsii, posviashchennoi 20-letnemu iubileiuTuvinskogogosudarstvennogouniversiteta. 2015. - P. 183.
7. Shumilov A.V. Samosozhzheniiastaroobriadtsev Urala i Sibiri v XVII-XVIII vv. kak forma sotsial'nogoprotesta // Irkutskiiistoriko-ekonomicheskiiezhegodnik: 2014. Irkutsk, 2014. - P. 405-410.

Н.-Ж.Б. Доржиев, студент, e-mail: g1997gle@mail.ru
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
(науч. руководитель: **Т.Е. Санжиева)**

КАЗАЧЬЕ СОСЛОВИЕ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В ГОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

УДК 94 (571.54)

Казачье войско – особое сословие в социальной структуре Российского государства, призванное выполнять оборонительные функции. Казаки обособленная организация, а время в нем протекает своим чередом и, все же, объективные процессы, трансформировавшие общественные отношения в начале XX в., были и в казачьей среде. Забайкальское казачье войско не стало исключением, а также имело ряд, соответствующих забайкальскому положению дел в начале XX в., отличительных признаков. В данной статье рассмотрен процесс приспособления казачьего сословия Забайкалья к экономическим, политическим и социальным реалиям, на фоне прихода к власти Советов, т.е. с февральской буржуазной революции 1917 г. до 1920 г., знаменующийся ликвидацией казачьего сословия в Забайкалье.

Ключевые слова: *казачье сословие, капитализм, Забайкалье, имущественное расслоение, Гражданская война.*

N.-Zh.B. Dorzhiev Student
Scientific adviser – **T.E. Sanzhieva**

THE COSSACK CLASS IN ZABAIKALIE IN THE YEARS OF THE SOVIET POWER

Cossacks is a special class in the social structure of the Russian state, designed to serve defensive functions. The Cossacks are a separate organization, but social changes in the beginning of the XX century influenced the Cossacks. The Zabaikalie Cossack army was no exception and had its own a distinctive characteristics. This article describes the process of Zabaikalie Cossack class adaptation to the economic, political and social realities when the Soviets came to the power (from the February revolution of 1917 until 1920 when the Cossack class in Zabaikalie was liquidated.

Key words: *Cossack class, capitalism, Zabaikalie, stratification, civil war.*

3 марта во фронтовые казачьи части пришла телеграмма об отречении Николая II от престола. Данные вести серьезно всколыхнули казаков, сказывались вековые традиции и верность присяге. Новое правительство подождав, когда головы казаков остынут, 12 марта дало распоряжение казакам присягнуть Временному правительству, что и произошло. На момент присяги большая часть забайкальских казаков сосредоточилась в г. Збараж и образовала 1-ю Забайкальскую казачью дивизию. Были и казаки, которые встретили февральскую революцию в родных станицах.

23 марта 1917 г. состоялся общеказачий съезд, на котором была выражена поддержка Временному правительству и создан Союз казачьих войск, куда входило и Забайкальское казачество. На данном съезде произошел раскол, и часть делегатов, тяготеющая к социалистам, покинула съезд попутно образовав Центральный совет казаков.

В Забайкалье сложилась крайне неопределенная политическая обстановка, отразившаяся установлением троевластия. В этой ситуации 27 марта 1917 г., в Верхнеудиске председатель станичного сбора объявляет об образовании комитета общественной безопасности для охраны порядка и самоуправления до учреждения окончательной формы правления. Инициативу верхнеудинцев подхватили местные аймаки, где образуются подобные комитеты управления. Следует сказать, что в комитеты входили в основном верхушки казачества, которые стояли на позициях поддержки проводимых в стране буржуазно-демократических преобразований.

Низшие слои казачьего сословия Забайкалья находились в очень затруднительном положении. Обусловлено это было тем, что помимо выполнения своих прямых обязанностей – выполнением воинской повинности, т.е. ведением боевых действий, а также участие на различных казачьих смотрах и учениях, – они были должны полностью содержать свою военную амуницию, коня и оружие, выплачивать целый ряд повинностей государству, а также поддерживать свое хозяйство. Все это ложилось тяжким бременем на плечи казаков и следующие цифры наглядно показывают положение дел: в начале XX в. средний годовой доход на душу мужского населения в казачьих хозяйствах составлял 33 руб. 58 коп. Это было очень скромной суммой – годовой доход прислуги на Дальнем Востоке в начале XX века составлял 50-100 руб., годовое содержание арестанта обходилось в 113 руб., а необеспеченными считали людей, имевших годовой доход менее 36 руб. [1, с. 97]. Данные обстоятельства вызвали

в казачьей среде глубокое имущественное расслоение, обнищание большей части забайкальского казачества. Государство, пытаясь поддержать забайкальское казачество, выделяло денежные средства на частичное покрытие бюджетного дефицита, начиная с 1904 г. по 1913 г. сумма инвестиций составляла несколько десятков тысяч рублей, например в 1913 г. она равнялась 35 тыс. руб., а в 1910 г. – 67 тыс. руб. [2. С. 204]. Была оказана и непосредственная помощь самим казакам, так после начала войны 1904-1905 гг. им выдали единовременную денежную сумму в размере 100 руб. Был бюрократический казус, приведший к тому, что Забайкальское казачье войско, единственное из всех остальных, выплачивало с 1875-1905 гг. подушную подать из-за ошибки в делопроизводстве.

Но затруднительное положение казаков Забайкалья обусловливалась не только фискальным гнетом со стороны государства и тяжелым военным бременем казаков, большую роль в существующей тяжелой обстановке играл и земельный вопрос. Существующие земельные отношения устарели и не отвечали требованиям начала XX в. Основной деятельностью казаков было хлебопашество и скотоводство, а их хозяйства были разбросаны по всей территории Забайкалья, из-за чего территориально казаки делились на отделы, которых к началу XX в. существовало 4. 3-й и 4-й отделы занимались хлебопашеством, а 1-й и 2-й – скотоводством, в соответствии с этим происходило преобладание русского или бурятского населения. Естественно, больше котировался хлеб и был более потребляемым продуктом, поэтому ощущался острый дефицит хлеба у казаков. Хоть и уровень урожайности у третьего и четвертого отделов был сравнительно высок, первый и второй не могли похвастаться подобной статистикой. Хлеб поставлялся всем отделам равномерно и в итоге общая обеспеченность запасами, исходя из расчета всего войска, была ниже нормы, необходимой для потребления [3, с. 28]. В помощь казакам в тяжелые периоды, в станицах работали экономические магазины, являвшимся своеобразным общественным натуральным капиталом. Провиант там копился за счет резервов, предусмотрительно оставленных, если наступит засушливая пора. При решении станичного или поселкового схода, нуждающиеся в помощи казаки получали ссуду зерном. Этот долг зачислялся в недоимку, погашение которой предполагалось при урожайном сезоне. Запасы экономического магазина с 1900 по 1916 г. таяли, а рост задолженности казаков рос, платежеспособность падала, росло имущественное расслоение в сословии, шло обнищание большей части казаков.

Рентабельность хозяйств сводилась к отрицательному значению. Требовалось хозяйственное реформирование со стороны государства, но никаких мер не предпринималось. В этих условиях казачество приняло участие в аграрном движении [4, с. 31], что подогревалось пропагандой большевиков в казачьих станицах. Идеи пропаганды были радикальными и сводились к тому, чтобы ликвидировать казачье сословие. На I съезде Забайкальского казачьего войска, проходившего в Чите 16 апреля 1917 г., на повестке дня ставится вопрос о ликвидации казачьего сословия, который большинство поддержали. Но в съезде не приняли участие делегаты от казаков-фронтовиков, участвовавших в войне. Данная группа в целом стояла на консервативных позициях, сказывался многовековой уклад жизни, помимо этого пропаганда большевиков здесь была слабой. 19 апреля штаб дивизии направил письмо фронтовым казакам с требованием дать ответ: быть или не быть Забайкальскому казачеству. Полки единодушно изъявили желание остаться казаками. Это было закреплено 7 июня 1917 г., когда в Петрограде состоялся II Всероссийский казачий съезд. Если простые казаки в силу менталитета и привычки ратовали за сохранение сословия, то зажиточные казаки и верхушка преследовали, в первую очередь, экономические цели. Их пугала перспектива захвата власти большевиками, вследствие чего казачьи земли национализировались бы, а казачья верхушка утратила бы свой статус и привилегии. Поэтому на вышеупомянутом съезде вновь поддерживается Временное правительство, а также идея усиления сословной обособленности казаков. В августе прошел II съезд уже Забайкальского казачества, где поддержи-вались решения съезда в Петрограде [5, с. 114]. Была предложена любопытная резолюция о самоопре-делении бурятских казаков и их интеграции к остальному населению, но поддержки, конечно, не по-лучила.

К осени осложняются отношения между забайкальскими казаками и органами Временного правительства. Усиливается пропагандистская работа большевиков среди тыловых и фронтовых частей, они подстрекают не выполнять указы правительства, связанные с продолжением военных действий, а также полицейских функций.

В октябре к власти приходят большевики, в Забайкалье их власть сначала не признается Бурнацкомом, но постепенно, с учреждением Центросибири, большевики становятся у руля в регионе и 23 января 1918 г. в Верхнеудинске власть переходит к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и ка-

зачьих депутатов. Наряду с этим, в декабре, после подписания Брест-Литовского договора, домой отправляется Первая Забайкальская казачья дивизия, действия которой во многом отсрочили установление советской власти в данном регионе до 1920 г.

На II казачьем съезде принял участие, тогда еще есаул, Г.М. Семёнов. После которого, он начинает формирование Монголо-Бурятского полка, позже преобразованного в Особый Маньчжурский отряд. Тем временем, после установления власти Советов в Чите, с помощью 2-го Читинского полка, к ним переходит номинальная власть над всем регионом. За довольно короткий промежуток времени, большевикам удалось созвать в марте III казачий съезд, на котором казачье сословие вновь ликвидируется. Начинается процесс национализации их земель, будучи не готовыми к такому, казаки начинают сопротивляться. Центросибирь четко понимала, что от Семёнова исходит угроза, и против него организуется Забайкальский фронт под командованием Лазо. Благодаря успешным тактическим действиям удается вытеснить Семёнова в Маньчжурию. Но тут свое слово сказали недовольные отчуждением земель, казаки. В августе они начинают активные военные действия и захватывают два крупнейших города в регионе – Читу и Верхнеудинск, 24 и 26 августа соответственно. Решение о ликвидации Забайкальского войска отменяется генерал-лейтенантом Средне-Сибирского корпуса А.Н. Пепеляевым, войско вновь восстановлено. В регионе закрепляются белые.

Затем в Читу 14 сентября 1918 г. вступает отряд Г.М. Семёнова. Проводится тайное голосование, в ходе которого его назначают войсковым атаманом. Популярность Григория Михайловича растет и в начале января 1920 г. он становится во главе не только военной, но и гражданской власти на территории Прибайкалья и Забайкалья. Авторитет Семёнова как у населения так и среди казаков был велик, особенно у последних. Тем временем, между Верховным правителем России Колчаком и его подданным атаманом Семёновым разгорается конфликт, приведший к торможению решительных действий белых. Набирает обороты партизанское движение красных, которые успешно переманивают жителей Забайкалья, в частности и казаков, на свою сторону. Переходу на сторону красных населения Забайкалья способствовала политика самого Г.М. Семёнова. Устроив на вверенных ему территориях подобие диктаторского режима с сильным аппаратом принуждения, для начала он отменил все декреты, принятые Советами, интегрирует к режиму органы национального движения, возвращает земли дацанам и станицам, за что и получает временную поддержку. Но взамен население облагается внушительными налогами, понижением заработной платы, железные дороги переходят на военный режим, закрываются рабочие организации. Регион, только встав на капиталистические рельсы, рисковал вновь вернуться в эру феодализма. Население жило в страхе от репрессивного аппарата режима. Неудивительно, что своими мероприятиями Семёнов создал оппозицию своей власти.

Г.М. Семёнов принудительно возвращал часть населения к казачьему сословию. В некоторых регионах Забайкалья и Прибайкалья существовали станицы, которые были насильно присоединены к Забайкальскому казачьему войску в годы его формирования в середине XIX в. В этих самых станицах всегда существовали центробежные тенденции, которые дали результат в период установления власти Советов. Они безболезненно вышли из сословия и интегрировались к остальному населению. В казаках Семёнов видел опору своей власти, поэтому мобилизовал все казачье население, причем многие станицы принудительно.

Большевики предприняли активные действия в Забайкальском регионе в конце 1919 г. и на фоне диктатуры Семёнова получили поддержку у населения Забайкалья. В конце февраля 1920 г. забайкальская группа войск Красной армии при поддержке партизан начала наступление на Верхнеудинск и 2 марта город был освобожден. Через два дня был освобожден Троицкосавск.

Как известно, наступление Красной армии в Забайкалье и все глубже на Восток создавало угрозу войны с Японией. Поэтому было создано буферное государство ДВР, полностью зависимое от решений ЦК. По принятой Конституции, все сословия упраздняются, в том числе казачье. Были казаки, которые не приняли новый режим и сохранили верность укладу, они были вынуждены эмигрировать в ближайшие страны. Забайкальское казачье войско не могло ликвидироваться в одночасье, расформирование проводилось планомерно и осуществлялось с 1921 по 1922 г. в рамках ДВР.

Таким образом, Забайкальское казачье войско в первой четверти XX в. испытывало ряд трудностей, причиной которых были объективные процессы, осложненные особенностями региона. Внутренние противоречия осложнялись политической нестабильностью и неопределенностью. Но даже в таких условиях казаки внесли большой вклад в жизнь Забайкалья, став некоторым катализатором для политических процессов, протекавших в данном регионе.

Библиография

1. Голик А.А. Государственная политика России в отношении дальневосточного казачества в 1851-1917 гг. – СПб., 2015. – 209 с.

2. Голик А.А. Государственная политика российского государства и экономическое положение дальневосточного казачества во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 3. – С. 198-209.

3. Ландарь И.А. Состояние хлебопашества в начале XX века в Забайкальском казачьем войске // Гуманитарный вектор. Серия: педагогика, психология. – 2010. – № 3. – С. 26-29.

4. История Бурятии. Том III / отв. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ, 2011. – 461 с.

5. Высотина Е.А. Казачество в Бурятии в прошлом и настоящем. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – 224 с.

Bibliography

1. Golik A. The State policy of Russia towards Far Eastern Cossacks in 1851-1917. StPet 2015. 209 p.

2. Golik A. A. State policy of the Russian state and economic situation of the Far East Cossacks in the second half of the XIX - the beginning of the XX century // Pushkin Vestnik of Leningrad State University.2014. No. 3. P. 198 - 209.

3. Landar A. I. Arable farming in the early 20th century in the Zabaikal Cossack army // Humanitarian vector. Series: pedagogics, psychology. 2010. No. 3. P. 26-29.

4. History of Buryatia. Vol. III / ed. B. V. Bazarov.Ulan-Ude, 2011.461 p.

5. Vysotina E. A. Cossacks in Buryatia in the past and present. Ulan-Ude, BSU Press., 2007. 224 p.

Содержание

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в. 3
Кургузов В.Л. 1917 – 2017: Революционное наследие и современность 3
Василенко В.А., Кузьмин Ю.В., Куфтарева В.В. Монголия и русско-монгольские отношения, характер правительственной политики Российской империи в оценках российских социал-демократов в начале XX в. 9
Хишигт Н. Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов 14
Мантурова С.Ч. Социальная помощь и поддержка беженцев в Забайкалье в годы Первой мировой войны 23
Санжиева Т.Е. Народное движение и мероприятия правительства в области винокурения и пивоварения в годы Первой мировой войны 28
Очирова О.А., Петрова А.А. Роль промышленной революции в создании социально-исторических предпосылок для событий 1917 г. в России 33
Зайцева Л.А. Из истории первых совхозов Бурятии 37
Тыхеева Ю.Ц. Женщины Бурятии в Великой Октябрьской социалистической революции 40
Маншеев Д.М. Земледелие бурят Предбайкалья в период либерализации экономики России 42
Мартынова Н.А., Мантурова С.Ч. Региональные особенности управления социальным обеспечением в Бурятии (1923-1940 гг.) 45
Цыжипов Э.Б. Экономические методы принуждения в СССР в конце 1920-х гг. (на примере Бурятии) 49
Балданов С.С. Общественно-политические процессы перестройки общества Забайкалья в начале XX в. 52
Романов Ю.А. Политические партии России и их роль в революционных событиях 1917 г. 55
Соколов С.М. Евразийская оценка Октябрьской революции 62
Тыхеева Ю.Ц., Ишеева Т. Орден «Октябрьская революция» 66
Михеев Б.В. Хозяйственная деятельность коренного населения в Забайкальской области в начале XX в. 69
Евтехов Р.А. Деятельность Верхнеудинской полиции в начале XX в. по сохранению стабильности в городе 72
Семушев И.Н. Период двоевластия: Верхнеудинск и революция 75
Очирова В.Н. Особенности сельской повседневности в 1920-1930-х гг. в Сибири в работах отечественных исследователей 78
Карпова И.Г. Отечественная историография о доколхозном состоянии сельского хозяйства Бурятии 82
Даваажав Баяртогтох. Сотрудничество СССР и МНР в области сельского хозяйства: исторический аспект 84
Сандый К.А. Военная подготовка в 1930-е гг. в Бурят-Монгольском зооветеринарном институте (на материалах Музея истории академии) 88
Кургузов В.Л. 1917–2017: эхо революционных бурь и мифы современной идеологии 91
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАЯ РОССИИ: ОПЯТ ОСМЫСЛЕНИЯ 95
Курас Л.В. 1917 год и судьбы российской эмиграции в Маньчжурии 95
Гельман В.А. Японская интервенция в Забайкалье 103
Батунаев Э.В. Г.М. Семёнов в революции и Гражданской войне в Забайкалье 110
Соколов С.М. Общественно-политическая мысль русской эмиграции первой волны 113
Цыбенов Б.Д. Вопросы истории даурского народа первой четверти XX в. 118
Карначёв А.Е. Гражданская война в памятниках города Улан-Удэ 126
Минаева В.Ю. Действия японских войск на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (по материалам периодической печати) 128
Кубрикова Ю.А. К вопросу об информационной войне в ходе иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востокев годы гражданской войны 132
Семушев И.Н. Белое движение в Западном Забайкалье. Причины поражения 135
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в. 141
Жабаева Л.Б. Из истории становления бурятской автономии (1917 г.) 141
Розанов П.А. Российская империя и Советское государство: достижения и проблемы национальной политики 147

Жалсанова Б.Ц. Из истории органов местного самоуправления бурят, созданных после Февральской революции 1917 г. (на примере деятельности Селенгинского аймачного и Оронгойского хошунного комитетов общественной безопасности по материалам Государственного архива Республики Бурятия) 150
Боронова М.М. Революция, интеллигенция и «бурят-монгольский вопрос» 156
Очирова О.А., Петрова А.А., Бадмацыренова О.Б. Роль национального большинства в истории кадровой политики советской Бурятии 158
Батуева И.Б. Борьба бурят-селенгинцев за создание административных автономий ДРВ и РСФСР (1919-1922 гг.) 162
Протасов Е.Т. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1920-1930-е гг.: к постановке проблемы 166
Балданов С.С. Борьба за местное самоуправление в Бурятии в начале XX в. 173
Жукова Н.Е. Общественные организации и национальная государственность Бурятии в первой половине 1920-х гг.: эпоха постреволюционных преобразований 176
Эрденебилэг Б. Миграция бурят в Монголию и так называемое «Дело Лхумба» 180
Спиридонова А.А. Формирование и основные направления деятельности Верхнеудинского городского Народно-революционного комитета в 1920 г. 187
Цыжипов Э.Б., Мангутова М. М.Н. Ербанов и Бурятия в 1920-1930-е гг. 190
Спиридонова А.А. Деятельность моветскихз органов городского управления в г. Верхнеудинске в 1920-е гг. 192
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ 198
Урангуа Ж., Сайнтуяа Ц. Первые монгольские ученики, обучавшиеся в Сибири (1913-1916) 198
Поляков А.Ф. Итоги Великой российской революции в культурологической рефлексии 205
Жамбалова С.Г. Андрей Дмитриевич Симуков: биография ученого в контексте времени 208
Паликова Т.В. Законодательная база городского управления и ее реализация в Верхнеудинске в первые советские годы 215
Батуева И.Б. Первые образовательные учреждения в Селенгинском ведомстве 218
Энхбаяр Бямбаноров, Мэнд Зориг. Вклад бурятских деятелей в просвещение Монголии в 1920-1930-х гг.: на примере Базара Ишдоржа 224
Санжиева Е.Г. Социалистическая революция и судьбы культуры Бурятии 229
Цыпышева Н.В., **Голубев Е.А.** Политические процессы на страницах официальных периодических изданий Западного Забайкалья февраля – октября 1917 г. 233
Зангеева Л.Р. Становление сельскохозяйственной науки в Бурят-Монгольской АССР в первой трети XX в. 241
Одбаяр Оргодол. Заметки к биографии полковника милиции Д. Лувсандоржа (1912-1958) 246
Баярмаа Гангаа. Рассмотрение одного источника о бурятских ламах и храмах 250
Бесфамильная О.А. Первый педагогический музей и библиотека Бурятии 259
Дамбаев Д.Н. М.Н. Балков, Я.Т. Похосоев, П.Н. Дамбинов – выпускники Иркутского низшего сельскохозяйственного училища 261
Тудупдоржиева С.Е. Василий Иванович – участник Февральской и Октябрьской революций 266
ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА И СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ 268
Антонов В.И. Бертран Рассел о постоктябрьской (большевистской) России и ее вождях 269
Суханова Н.И. Межэтническая конфликтность в России, как предпосылка революции 1917 г. (на материалах Северного Кавказа) 276
Дугаров В.Д. Проблемные вопросы взаимоотношений боевого сотрудничества и противостояния Цинской империи (Монголии) с Российской империей на рубеже XIX – нач. XX в. в отечественной историографии 281
Антонов В.И. Социализм и производство: особенности взгляда Элиаса Канетти в фокусе работы «Масса и власть» 285
Чимитова Д.К. Молодежные объединения 1920-1930-х гг. в политической системе Советской России: историография проблемы 289
Раднаева С.Б. Органы государственной власти Дальневосточной Республики: Министерство по национальным делам 293
Будаева Д.Ц., Хантургаева Н.Ц. Традиции толерантного взаимодействия народов Бурятии 298
Нямдагийн Ганбат, Цыбенов Б.Д. Сибирь и Монголия: позиция Китая 302
Доржиев Н.-Ж.Б. Казачье сословие в Забайкалье в годы установления советской власти 306

СИБИРЬ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(к 100-летию революционных событий в России
и периоду гражданской войны и иностранной интервенции)

Материалы всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Редактор *Е.В. Белоплотова*

Подписано в печать 07.06.2017. Формат 60х84 1/8.
Усл. печ. л. 36,27. Тираж 100 экз. Заказ № 154.
Издательство ВСГУТУ
670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40 в.